

Технічний
мастер
Л. В. В. В. В. В.

СО Ч И Н Е Н І Я

Н. К. МИХАЙЛОВСЬКАГО.

СОЧИНЕНІЯ

Н. К. МИХАЙЛОВСКАГО.

Томъ третій.

Записки Профана.

INSTYTUT
BADAŃ LITERACKICH PAN
BIBLIOTEKA
00-330 Warszawa, ul. Nowy Świat 72
Tel. 26-68-63

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФИИ Ф. С. СУЩИНСКАГО
Екатерининский каналъ, 168.

1881.

24.150/3

О Г Л А В Л Е Н І Е.

Записки профана 1875 г.

	Стр.
I. О демократизмѣ естественныхъ наукъ	1
II. Буря въ стаканѣ педагогической воды	23
III. О жаждѣ познанія	66
IV. Объ изученіи соціологіи	96
V. Объ истинѣ, совершенствѣ и другихъ скучныхъ вещахъ	129
VI. Борьба за индивидуальность	159
VII. Десница и шуйца Льва Толстого	179
VIII. Нѣсколько мелочей	221
IX. Нѣчто о г. Марковѣ	237
X. Десница и шуйца гр. Толстого (продолженіе)	252
XI. Десница и шуйца гр. Толстого (окончаніе)	282
XII. Арагчеевъ	333
XIII. Мордвивовъ	348
XIV. Обратная сторона медали	367
XV. Похороны В. С. Курочкина	384
XVI. Мифія одного Леонарда и грехъ ученыхъ о женскомъ вопросѣ.	392
XVII. Прудонъ и Бѣлинскій	439

1848

London, Thursday, 18th 4

My dear Mother
I received your kind letter of the 14th and was
glad to hear from you and to hear that you
were all well. I am well at present and
hope these few lines will find you all the
same. I have not much news to write at
present. I am still in London and hope
to be home again in a few days. I shall
write again soon. Give my love to all the
family. I am, dear Mother, ever your
affectionate son,
John Smith

Записки профана.

I *)

О демократизмѣ естественныхъ наукъ.

Вѣда коль пироги начнетъ печи сапожникъ!—такъ заключилъ 19 октября прошлаго года г. Евтушевскій свой докладъ педагогическому обществу объ «Азбукѣ» и статьѣ «О народномъ образованіи» гр. Толстаго. Сапожникъ, на бѣду взявшійся печи пироги, есть гр. Л. Н. Толстой, человекъ, двадцать лѣтъ теоретически и практически занимавшійся педагогическимъ дѣломъ. Кто же послѣ этого не сапожникъ? И гдѣ основанія для того, чтобы признать самого г. Евтушевскаго пирожникомъ? Мнѣ было бы очень важно получить отвѣтъ на эти вопросы, потому что если гр. Толстой есть,—продолжая метафору г. Евтушевскаго,—дѣйствительно сапожникъ, то что же такое я, собирающійся бесѣдовать съ читателями «Отечественныхъ Записокъ» о произведенной статьѣ г. Толстаго бурѣ? Т. е. я пожауй знаю, что такое я: профанъ, съ педагогикой совершенно незнакомый и даже только статьѣ гр. Толстаго натоленутый на нѣкоторый интересъ къ педагогическимъ вопросамъ. Но въ этомъ-то и дѣло.

*) 1875, Январь.

Какое право имѣю я, профанъ, судить объ этихъ вещахъ, когда даже сужденія человѣка, много лѣтъ занимавшагося дѣломъ обученія и воспитанія, оказываются пирогомъ, испеченнымъ руками къ совѣмъ иному ремеслу привычнаго сапожника? Смотри на свою писательскую дѣятельность совершенно серьезно, я бы счелъ своею обязанностью отказаться отъ своего намѣренія, если бы мнѣ кто-нибудь доказалъ, что въ качествѣ профана я не имѣю права вмѣшиваться въ «споръ славянъ между собою». Но, прочтавъ все написанное и сказанное въ послѣдней педагогической распрѣ, я убѣдился, что это мнѣ не можетъ быть доказано. Мало того. Возьмемъ хоть цитату г. Евтушевскаго изъ басни Крылова. Еслибы мы, профаны, не могли смѣть свое сужденіе имѣть и должны были совершенно полагаться на мнѣнія спеціалстовъ, то мы должны положить и на мнѣнія гр. Толстаго. Опъ спеціалстъ, онъ двадцать лѣтъ педагогіей занимается. Для профана, не смѣющаго имѣть свое сужденіе, это вѣдь единственный объективный признакъ спеціалста, человѣка, которому надо вѣрить. Если этого признака недостаточно по отношенію къ гр. Толстому, то его недостаточно и по отношенію къ г.Евтушевскому. Поэтому, провозглашая гр.Толстаго сапожникомъ, г. Евтушевскій тѣмъ самымъ говоритъ намъ, профанамъ: господа! не вѣрьте педагогамъ спеціалистамъ на слово; не смотря на многолѣтнія занятія своимъ дѣломъ, они могутъ оказаться въ немъ совершенными невѣждами; приглашаю васъ собственными силами убѣдиться въ справедливости моихъ возраженій гр. Толстому. Г. Евтушевскій отворяетъ профанамъ дверь настежь, и я въ нее вхожу.

Да и еще бы меня въ нее не пустили! Вѣдь *нашихъ* дѣтей, дѣтей профановъ обучаютъ и воспитываютъ господа педагоги, и еслибы не было на свѣтѣ профановъ, то господамъ педагогамъ пришлось бы закрыть лавочку, потому что каждый спдѣль бы подъ смоковницею своею и самъ обучалъ бы своихъ дѣтей. Имѣемъ же мы значить право требовать у нихъ отчета, обязаны они выслушать нашъ голосъ, хотя бы потому только, что мы живемъ и хотимъ жить. Въ концѣ концовъ вѣдь они *намъ* взя-

лись служить, наши нужды удовлетворять. Изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, что мы тунеядцы, а господа педагоги наши благодѣтели. Мы благодарны имъ, но и они должны быть намъ благодарны, потому что между нами происходитъ извѣстный обмѣнъ услугъ. Трудомъ профановъ складываются всевозможныя удобства жизни педагоговъ и даже самое ихъ знаніе и искусство. Безъ сомнѣнія между профанами въ педагогіи, т. е. людьми, непосвященными въ ея тайны, есть и тунеядцы; но, хотя это можетъ быть и лучшіе кліенты педагоговъ (едвали впрочемъ: сотни тысячъ экземпляровъ всякихъ задачниковъ и руководство обученія грамотѣ не по тунеядцамъ разошлись), мнѣ нѣтъ дѣла до ихъ взаимныхъ отношеній, — пускай вѣдаются какъ знаютъ. Я имѣю въ виду профановъ, трудомъ оплачивающихъ услуги педагоговъ, т. е. народъ, не простонародье только и не націю, а именно народъ. Съ этой точки зрѣнія я всѣ свои записки буду вести, съ нея же и педагогическую распрю трактовать. Поэтому ее надо нѣсколько пояснить. Недавно я видѣлъ одного народолюбца, который хвастался своей близостью съ мужикомъ—конокрадомъ по профессіи, т. е. едвали не самымъ ненавистнымъ врагомъ мужика-работника, мужика-народа. Довольно часто было писано и говорено, что г. Губонинъ, въ качествѣ бывшаго крѣпостнаго крестьянина, есть народъ. О совершенной нелѣпости подобныхъ возрѣній я говорилъ неоднократно и теперь позволяю себѣ просто сослаться на «Литературныя и журнальныя замѣтки» конца 1872 и начала 1873 года. Тамъ было выражено, что народъ есть совокупность трудящихся классовъ общества. Потому педагоги, въ качествѣ работниковъ, суть также народъ, какъ и плотники, химики, литераторы, пастухи. Всѣ эти люди трудомъ зарабатываютъ хлѣбъ свой, слѣдовательно что-нибудь знаютъ, иначе они сидѣли бы безъ работы. Но въ то же время они профаны относительно извѣстныхъ областей знанія. И педагогъ есть въ свою очередь профанъ по отношенію къ сферѣ дѣятельности плотника, химика, литератора, пастуха. Формальнаго договора о взаимности услугъ между всѣми этими людьми не было и быть не могло. Но тѣмъ не менѣе

само собой, въ силу такъ называемаго за копа раздѣленія труда вышло, что они взаимно оплачиваютъ трудъ трудомъ и знаніе знаніемъ. Это незамѣтно, объ этомъ нужно говорить только въ силу крайней сложности всей организаціи. Прямой, непосредственный обмѣнъ услугъ между представителями различныхъ профессій составляетъ исключеніе, но вѣдь все-таки педагогъ употребляетъ молоко, масло, творогъ, мясо, шерсть, кожу тѣхъ самыхъ стадъ, которыя пасетъ пастухъ. Я говорю пока вещи совершенно избытныя, даже слишкомъ избытныя, фигурирующія на первыхъ страницахъ любого курса полтической экономіи. Поправки, требуемыя этими слишкомъ избытными положеніями, будутъ въ свое время представлены. А теперь мнѣ нужно выяснить только свою точку зрѣнія, отнюдь, какъ я думаю, не избыточную, и притомъ пока именно только выяснить, — оправданіе ея тоже впоследствии. И такъ каждый членъ данной совокупности трудящихся классовъ общества или давняго народа есть въ одно и то же время и свѣдущій работникъ и профанъ во всѣхъ сферахъ дѣятельности, кромѣ собственной. При существующемъ порядкѣ вещей, онъ, какъ свѣдущій работникъ, только въ исключительныхъ случаяхъ работаетъ на самого себя, т. е. учитъ своихъ дѣтей самъ, пасетъ своихъ коровъ самъ, шьетъ себѣ сапоги самъ и т. д.; въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ онъ исполняетъ заказы профановъ. А въ качествѣ профана онъ наоборотъ самъ даетъ заказы свѣдущимъ работникамъ. Нѣтъ никакой надобности, чтобы эти заказы были выражены въ той совершенно опредѣленной формѣ, въ какой вы заказываете портному платье и сапожнику сапоги. При сложности общественной организаціи заказъ большею частью подразумевается и не имѣетъ опредѣленнаго характера прямо личныхъ отношеній. По разнымъ обстоятельствамъ я не имѣю ни времени, ни способности, ни охоты воспитывать своихъ дѣтей. Съ другой стороны я, какъ одинъ изъ числа оплачивающихъ своимъ трудомъ существованіе спеціалистовъ педагоговъ, имѣю право требовать, чтобы они занялись несподручнымъ мнѣ дѣломъ воспитанія. Но мнѣ этого и требовать не нужно, потому что пе-

дагоги, самымъ своимъ существованіемъ, какъ свѣдущихъ работниковъ, исполняютъ мой невыраженный заказъ; не мой лично разумѣтся и не того или другого профана въ частности (частныя *сдѣлки* родителей съ учителями, гувернерами и пр.— совсѣмъ другое дѣло), а невыраженный заказъ профановъ вообще. А если такъ, то право контроля профановъ надъ трудами специалистовъ сомнѣнію подлежать не можетъ. Вопросъ только въ возможности контроля. Какъ можетъ профанъ, съ позволенія читателя, лѣзть съ сукопнымъ рыломъ въ калачный рядъ? Какъ можетъ онъ, чѣловѣкъ несвѣдущій, требовать отчета у людей свѣдущихъ, какъ можетъ онъ ихъ учеть? Но чортъ вообще вовсе не такъ страшенъ, какъ его малюють. Когда вы примѣриваете сапоги, то не сапожника, а ваше дѣло рѣшать жмутъ ли вамъ сапоги ноги или нѣтъ. Сапожникъ можетъ, руководствуясь извѣстными объективными признаками, расположеніемъ морщинъ кожи и т. п., приблизиться къ пониманію испытываемой вами боли, но рѣшающій голосъ принадлежитъ все-таки вамъ, а не ему. И конечно вы не повѣрите виртуозу сапожнику, который даже совершенно искренно и вполнѣ ученымъ образомъ сталъ бы вамъ доказывать, что сапогъ, причиняющій вамъ боль, превосходитъ. Это разъ. Во вторыхъ профанъ вовсе не значитъ невѣжда. Всѣ человѣческія знанія извѣстнымъ образомъ соприкасаются, переплетаются и разница только въ *степени* замѣнутости извѣстной области труда и знанія. Это особенно очевидно во всѣхъ прикладныхъ отрасляхъ науки. Такіе профаны, скажемъ, въ агрономіи, какъ химикъ или ботаникъ, безъ сомнѣнія имѣють право быть выслушанными и въ сельско-хозяйственныхъ вопросахъ. Но не говоря уже объ этомъ, всѣ профаны, будучи въ тоже время работниками (повторяю, я только такихъ профановъ и имѣю въ виду), должны выработать извѣстные общіе всякому знанію и труду приемы мысли. Надъ какимъ бы матеріаломъ ни работалъ чловѣкъ, хоть бы онъ доски строгаль, самый процессъ труда не можетъ не отзываться на выработкѣ привычекъ къ логическому мышленію. И если есть такіе виды труда, которые *даже* извращаютъ логическую способность (объ

этомъ потомъ), то есть и такіе, которые доводятъ ее до болѣе или менѣе высокой степени развитія. Поэтому, если я, профанъ, не могу оцѣнить матеріальную сторону изслѣдованія какого-нибудь специалиста, если я даже, положимъ, и приступиться къ ней не могу, то это не мѣшаетъ мнѣ успѣшно контролировать его формальную, чисто логическую сторону. Если специалистъ говоритъ: $a + b = c$, а потому $a - b = d$, то мнѣ даже нѣтъ надобности знать, что именно разумѣется подъ буквами a , b , c и d — я и безъ того вижу, что специалистъ сдѣлалъ совершенно произвольный, ни на чемъ не основанный выводъ. Наконецъ есть и еще одинъ, едва-ли не самый важный путь для контролированія профанами работы специалистовъ. По крайней мѣрѣ онъ наиболѣе ясно устанавливаетъ ту точку зрѣнія профана, съ которой я буду судить о разныхъ явленіяхъ нашей умственной жизни. Возьмемъ какую-нибудь довольно замкнутую область знанія, только въ малой степени допускающую всѣ вышеупомянутые пути контроля надъ ней со стороны профановъ. Возьмемъ напримѣръ чистую химію. Рядомъ съ химикомъ существуютъ математикъ, плотникъ, педагогъ, пастухъ, полицейскій чиновникъ, фізіологъ, земледѣлецъ, солдатъ, политико-экономъ и т. д. Прошу читателя отвлечь, снять, такъ сказать, со всѣхъ этихъ людей ихъ неподходящіе конкретные признаки и видѣть въ нихъ народъ въ смыслѣ совокупности свѣдущихъ работниковъ съ одной стороны и профановъ съ другой. Я не предлагаю читателю видѣть въ трудѣ ихъ метафизическую сущность, я прошу только смотрѣть на нихъ съ извѣстной стороны. Безъ сомнѣнія многіе изъ нихъ совершенно не могутъ прозвести учетъ дѣятельности химика. При такомъ учетѣ фізіологъ скажетъ быть можетъ довольно вѣское слово по соприкосновенности его специальности съ химіей; математикъ и политико-экономъ оцѣнятъ болѣе или менѣе правильно логическую сторону работъ химика; наконецъ полицейскій чиновникъ, солдатъ, плотникъ должны повидимому оставаться совершенно безгласными. Однако это только повидимому. Они имѣютъ полное право сказать химику: я, полицейскій чиновникъ, охраняю своимъ трудомъ твою личность и собственность отъ

внутренних враговъ, я, солдатъ,—отъ враговъ внѣшнихъ, я, плотникъ, построилъ твой домъ и т. д. Всѣ мы исполняли твои невыраженные заказы; исполняли ли ты наши? Если ты извѣстнымъ образомъ обставленъ, то только потому, что существуемъ на свѣтѣ мы, профаны, подѣлившіе между собою заботы о твоёмъ существованіи. И химикъ обязанъ дать требуемый у него отчетъ. Понятное дѣло, что въ сложной сѣти общественныхъ отношеній плотникъ, полицейскій чиновникъ, математикъ не могутъ требовать, чтобы химикъ послужилъ именно имъ, какъ полицейскому чиновнику, математику и плотнику; какъ таковыя, они по всей вѣроятности и заказовъ никакихъ, даже невыраженныхъ, химикъ не дѣлали. Но, какъ профаны, они вправдѣ требуютъ, чтобы химикъ служилъ профанамъ. Въ свою очередь и химикъ можетъ потребовать такого же отчета у полицейскаго чиновника, плотника и математика. Затѣмъ надо сводить счеты..

Теперь я сдѣлаю большое отступление отъ педагоговъ вообще и настоящей педагогической распри въ особенности. Отступление это однако только облегчитъ намъ съ читателемъ дальнѣйшее соглашеніе, а мнѣ лично позволитъ отчасти исполнить давнишнее желаніе и даже обѣщаніе. Да и то сказать, — на педагогич. свѣтѣ не клиномъ сошелся, и бесѣдовать съ читателемъ я предпочитаю о самыхъ разнообразныхъ вещахъ. Кто интересуется собственно педагогіей, можетъ перевернуть нѣсколько страницъ.

Ни малѣйше не заблуждаясь относительно степени интереса, удѣляемаго читающею публикой отвлеченнымъ вопросамъ общей социологіи, а тѣмъ паче трудамъ въ этой области того или другого писателя, я думаю однако, что кое-кто изъ читателей не забылъ моего обѣщанія представить нѣкоторые возраженія г. Южакову. Во всякомъ случаѣ неисполненіе даннаго обѣщанія требуетъ объясненія. Я уже очень давно познакомилъ читателей «Отечественныхъ Записокъ» съ двумя первыми «Социологическими этюдами» г. Южакова (Отеч. Зап. 1873. № 4 *). Я спльно радовался выступленію г. Южакова на литературное поприще, какъ

*) Статья эта не войдетъ цѣликомъ въ настоящее изданіе.

радуюсь всякому появленію свѣжей мысли и новаго таланта. А тутъ были и особенныя поводы радоваться. Среди одинаково ненавистныхъ мнѣ, грубыхъ, неуклюжихъ поштокъ перенесенія истинъ низшихъ наукъ въ социологію съ одной стороны, и нелѣпыхъ стремленій якобы спасти человѣческое достоинство отрицаніемъ несомнѣнныхъ научныхъ истинъ съ другой, — изслѣдованія г. Южакова представляютъ очень замѣтное явленіе. Общество не есть организмъ, а пѣчто ему совершенно противоположное; прогрессъ социальный діаметрально противоположенъ прогрессу органическому; половой подборъ, одинъ изъ самыхъ могучихъ факторовъ органическаго прогресса, совершенно утрачиваетъ свою силу въ обществѣ;—вотъ голые результаты двухъ первыхъ этюдовъ г. Южакова. Въ виду этихъ-то результатовъ, весьма цѣнныхъ и важныхъ, я не считалъ нужнымъ выяснить нѣкоторыя мои сомнѣнія, возбужденныя еще первымъ этюдомъ. Каюсь, Римъ для меня дороже, чѣмъ тѣ дороги, которыя ведутъ къ нему. Если человѣкъ стоитъ на дорогѣ, то не все ли мнѣ равно, что онъ придетъ въ Римъ нѣсколько иначе, чѣмъ я пришелъ? не все ли это равно и для дѣла? Пусть г. Южаковъ по своему расшатываетъ нелѣпости социологовъ-дарвинистовъ и органистовъ, я буду дѣлать то же дѣло по своему: важно только, чтобы люди убѣдились, что это нелѣпости. Кто не убѣдится моими логическими приемами и доводами, того убѣдять можетъ быть доводы и приемы г. Южакова и наоборотъ. Такъ думалъ я, рекомендуя вниманію читателей два первые этюда г. Южакова. Поэтому я сдѣлалъ тогда всего собственно говоря одно бѣглое замѣчаніе,—нѣтъ надобности говорить какое. Г. Южаковъ отвѣтилъ коротенькой «замѣткой на замѣтку г. Михайловскаго» («Знаніе» 1873, № 5), въ которой выразилъ, что между мной и нимъ существуетъ повидимому, кромѣ недоразумѣній, весьма важное разногласіе, и тутъ же общалъ изслѣдованіе о значеніи субъективнаго метода въ социологіи. Дѣйствительно въ № 10 «Знанія» за 1873 г. появилась его статья «Субъективный методъ въ социологіи», въ которой подвергались критикѣ нѣкоторыя мнѣнія мои и еще одного писателя. А еще передъ тѣмъ (№№ 3

и 5) напечатанъ былъ третій этюдъ г. Южакова, — «Уловія проявленія естественнаго подбора въ обществѣ», — въ которомъ, при помощи тѣхъ же приемовъ и доводовъ, какіе были употреблены въ двухъ первыхъ этюдахъ, доказывается, что естественный подборъ, преломляясь въ соціальной средѣ, утрачиваетъ свое значеніе. Прочитавъ эти двѣ статьи, я нѣсколько измѣнилъ свое мнѣніе о дорогахъ, ведущихъ въ Римъ. Притомъ же г. Южаковъ посвятилъ особую статью полемикѣ. Свое намѣреніе отвѣчать ему я однако откладывалъ отчасти потому, что былъ отвлекаемъ другими занятіями, отчасти потому, что ждалъ дальнѣйшихъ этюдовъ г. Южакова, изъ которыхъ мнѣ особенно важно было дожидаться спеціального изслѣдованія соціальной среды. Его до сихъ поръ нѣтъ и быть можетъ я не будетъ. Поэтому я рѣшился включить отвѣтъ г. Южакову въ отчетъ о журналѣ «Знаніе», въ которомъ были помѣщены «соціологическіе этюды» и который, существуя уже пятый годъ, пользуется весьма малымъ вниманіемъ нашей журналистики. Съ одной стороны я надѣялся, что въ такой работѣ позволительна будетъ нѣкоторая незакругленность, незаконченность полемики, которая была бы необходима, еслибы я посвятилъ статью только этой полемикѣ, и возможна, еслибы мнѣ были извѣстны нѣкоторыя изъ неопубликованныхъ еще возрѣній г. Южакова, сопредѣльныхъ съ предметомъ спора. Съ другой стороны предметъ спора такъ широкъ, что слишкомъ соблазнительна была мысль поискать себѣ опоры въ матеріалахъ, заключенныхъ въ научно-популярномъ журналѣ, издающемся уже нѣсколько лѣтъ. Къ сожалѣнію мнѣ пришлось отказаться по разнымъ причинамъ отъ мысли представить читателю послѣдній отчетъ о «Знаніи». Слѣды первоначальнаго плана читатель найдетъ однако и въ предлагаемой части моихъ возраженій г. Южакову. Да простятся мнѣ всѣ эти объясненія.

Въ статьѣ г. Южакова «Субъективный методъ въ соціологіи», говорится между прочимъ: «Плохи шансы той партіи, которая отдѣляетъ истинное отъ желательнаго и заявляетъ, что оцѣнка на основаніи ея доктрины можетъ и не совпасть съ оцѣнкою

на основаніи категорій истиннаго и ложнаго. Въ апрѣльской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» за истекшій годъ, г. Михайловскій разсматриваетъ насколько демократичны естественныя науки и при этомъ приходитъ къ заключенію, что въ настоящее время онѣ неблагопріятны демократическимъ идеямъ и что защитникамъ и противникамъ демократизма придется вѣроятно помѣняться отношеніями къ естествознанію. Еслибъ это было такъ, то конечно это была бы весьма печальная исторія для демократизма и равнялась бы собственному сознанію демократовъ въ томъ, что идеи, проповѣдуемыя ими, находятся въ противорѣчій съ несомнѣнными истинами, установленными естествознаніемъ. Если г. Михайловскій признаетъ свои идеи не только желательными, но и истинными, то какъ можетъ онъ находить другія истины имъ враждебными? Если демократизмъ истина, то естественныя науки должны быть демократичны или на худой конецъ безразличны для демократической доктрины. Если же г. Михайловскій правъ, то демократизмъ—ложная доктрина, но г. Михайловскій демократъ; вотъ каковы бывають послѣдствія субъективизма!»

Побѣдоносный восклицательный знакъ, закапчивающій эту тираду, какъ нельзя болѣе умѣстенъ. Я говорилъ вздоръ и вполнѣ уличенъ г. Южаковымъ! Послѣдствія субъективизма ужасны! До такой степени ужасны, что; при всемъ моемъ уваженіи къ г. Южакову, мнѣ какъ-то не вѣрится, чтобы я написалъ что-либо подобное. Безъ сомнѣнія г. Южаковъ правъ. Не самъ же онъ выдумалъ тѣ пустяки и ту логическую путаницу, которые мнѣ приписываетъ. Однако съ моей стороны всетаки весьма простибельно стремленіе ухватиться хоть за какую-нибудь соломинку, оправдаться хоть немного. Заглянуть въ апрѣльскую книжку «Отечественныхъ Записокъ». Еслибы не тяжесть обвиненія, я бы разумѣется никогда не осмѣлился прибѣгнуть къ фактической проверкѣ утвержденій г. Южакова. Въ спѣшной журнальной работѣ всегда могутъ встрѣтиться неточныя выраженія, обмолвки, недомолвки, логическія ошибки второстепеннаго свойства и т. п. И еслибы г. Южаковъ указалъ мнѣ на что-ни-

будь въ этомъ родѣ, я бы просто повинился: виновать-моль, ошлбся, обмолвился. Но тутъ дѣло идетъ не объ мелочи.

Въ «литературныхъ и журнальныхъ замѣткахъ» апрѣльской книжки «Отечественныхъ Записокъ» говорится вотъ что. Бокль въ своей знаменитой «Исторіи цивилизаціи» выставилъ тезисъ: «естественныя науки по существу своему демократичны» — и очень плохо защитилъ его. Самое большое, что можно выжать изъ общихъ мѣстъ, которыя наговорилъ по этому случаю Бокль, состоитъ въ томъ, что наканунѣ первой французской революціи въ обществѣ обнаружился значительный интересъ къ естествознанію. Дѣйствительной связи, существовавшей наканунѣ первой революціи между демократическими началами и естествознаніемъ, Бокль не только не доказалъ, а даже не указалъ. А между тѣмъ эта связь существовала несомнѣнно. Подрывая авторитетъ католической доктрины, изученіе природы уже тѣмъ самымъ способствовало разшатыванію всей плотно спаянной феодальной системы, а слѣдовательно косвенно служило демократическимъ идеямъ равенства и свободы. Феодальный строй имѣлъ свою верховную санкцію въ католицизмѣ, шатаніе котораго неизбѣжно должно было отозваться и на всемъ зданіи. Во вторыхъ болѣе или менѣе пристальное изученіе природы наводило на мысль о несостоятельности общественныхъ неравенствъ, санкционированныхъ феодальнымъ правомъ, неравенствъ, основанныхъ не на естественныхъ достоинствахъ и недостаткахъ различныхъ классовъ людей, а на историческихъ предавіяхъ и военномъ бытѣ. Въ третьихъ наконецъ изученіе природы, давая толчокъ техникѣ, способствовало усиленію класса людей промышленныхъ, т. е. тѣхъ именно, которые добивались осуществленія идей равенства и свободы. Вотъ три пути, которыми наканунѣ первой революціи естественныя науки служили демократическимъ началамъ въ теоретической мысли и практической жизни. Это обстоятельства чрезвычайной важности, но отъ нихъ однако еще очень далеко до тезиса Бокля: естественныя науки по существу своему демократичны. Тѣмъ не менѣе убѣжденіе это, хотя и рѣдко высказываемое въ такой рѣзкой формѣ, принадлежитъ къ

числу весьма распространенных. Естественный и демократический как-то сплелись для нас в одно нераздельное целое, несмотря на множество примеров, вполне способных разбить это создание нашей фантазии. А между тем все вышесказанное показывает только, что естественные науки в общем всегда будут служить демократическим началам постольку, поскольку последним приходится бороться с началами феодализма и католицизма. Бороться имъ съ этими началами приходится и до сих поръ — князь Бисмаркъ и папа имъ одинаково противны. Но со времени первой революціи прошло безъ малого столѣть, въ которыя народились кое-какія новыя общественныя комбинаціи, недопускающія такого простаго отвѣта на вопросъ объ отношеніяхъ естественныхъ наукъ къ демократическимъ началамъ. Не говоря о массѣ естественно-научныхъ фактовъ и выводовъ, совершенно въ этомъ отношеніи *безразличныхъ*, не служащихъ ни нашимъ, ни вашимъ, отмѣтимъ слѣдующее. Во первыхъ въ своихъ техническихъ приложеніяхъ естественныя науки являются практическими служителями любой формы коопераціи. Какова бы ни была данная комбинація политическихъ и общественныхъ силъ,—болѣзнь изучаются, различные способы леченія практикуются, лекарства изготовляются, каменноугольныя копи развѣдываются и разрабатываются, новыя питательныя вещества открываются, силы электричества, пара и т. п. приспособляются къ требованіямъ этой комбинаціи и проч., и проч., и проч. Все это невозможно безъ изученія природы, безъ естественныхъ наукъ, результаты которыхъ могутъ слѣдовательно идти на потребу и демократическихъ и всякихъ другихъ началъ. Въ настоящую историческую минуту, постольку, давая среднему сословію могучія орудія развитія, техника ослабляетъ силу и значеніе феодальныхъ началъ, она вездѣ оказывается союзницей демократическихъ идей. Но не болѣе, какъ постольку. Не говоря о той *доли* техники, которая въ видѣ стратегическихъ линій желѣзныхъ дорогъ, казенныхъ заводовъ и лабораторій и т. п. служатъ потребностямъ государства, каковы бы ни были его основы, есть у великолѣпнаго развитія техники и

другая сторона, не мпрящаяся съ демократическими началами равенства и свободы. Тѣ же самыя приложенія естественныхъ наукъ къ практическимъ нуждамъ, которыя распатываютъ феодализмъ, вмѣстѣ съ тѣмъ концентрируютъ общественную силу въ рукахъ буржуазіи и усиливаютъ гнетъ труда капиталомъ, усиливаютъ имущественное неравенство и приковываютъ рабочаго къ совершенно не свободной дѣятельности. Процессъ этотъ не разъ описанъ и здѣсь онъ отмѣчается только, какъ одинъ изъ пунктовъ враждебнаго столкновенія естественныхъ наукъ съ демократическими началами. *«Причинъ этого враждебнаго столкновенія слдуетъ искать разумѣется не въ самыхъ естественныхъ наукахъ, даже не въ прикладныхъ ихъ отрасляхъ, а только въ формѣ коопераціи. Сами по себѣ, естественныя науки даютъ только свѣдѣнія, а социальныя результаты практическаго приложенія этихъ свѣдѣній зависятъ уже отъ свойствъ данной комбинаціи общественныхъ силъ.»* Переходя къ естественнымъ наукамъ по существу, къ теоретическому ихъ значенію, къ тому содержанію, которое они вносятъ въ жизнь помимо практическихъ приложеній, мы видимъ то же самое. *«И здѣсь опять-таки естественныя науки даютъ только свѣдѣнія, а группировка этихъ свѣдѣній обуславливается данною формою коопераціи.»* Дарвинизмъ напримѣръ демократиченъ ровно постольку, поскольку онъ прямо или косвенно подтачиваетъ еще живыя начала феодализма. Но онъ не только не «демократиченъ по существу», а самымъ рѣзкимъ и опредѣленнымъ образомъ ставитъ неравенство и борьбу за лучшее положеніе въ обществѣ краеугольными камнями своей нравственно-политической доктрины. Таковы и нѣкоторыя другія біолого-соціологическія теоріи, напримѣръ теорія социальнаго организма. *«Здѣсь мы не имѣемъ въ виду вопроса объ томъ, нисколько вѣтъ эти доктрины удовлетворяютъ требованіямъ логики и научности. Мы разбирали только, справедливо ли приписывать имъ демократическій характеръ. Наше мнѣніе о нихъ, какъ о научныхъ и философскихъ теоріяхъ, читателю извѣстно.»*

Вотъ что говорилось въ апрѣльской книжкѣ «Отечествен-

ныхъ Записокъ». Я кажется могу вздохнуть свободно. Мое разсужденіе очень кратко, очень неполно. Я бы охотно согласился даже, что оно совсѣмъ невѣрно, еслибы г. Южаковъ потрудился доказать это. Но тѣхъ пустяковъ и той логической путаницы, которые онъ мнѣ навязываетъ, въ статьѣ нѣтъ. Не смѣя останавливаться на предположеніи, что г. Южаковъ намѣренно извращаетъ мою мысль, я долженъ думать, что онъ самъ статьи не читалъ, а имѣлъ неосторожность положиться на слова какого нибудь неосновательнаго человѣка. Конечно и то прискорбно, пбо всякому слуху вѣрить не слѣдуетъ. Во всякомъ случаѣ яспо, что мой субъективизмъ не помѣшалъ мнѣ отличить разныя стороны отношеній естественныхъ наукъ къ демократическимъ началамъ. Ясно также, что объективизмъ (безирристрагіе?) г. Южакова не помогъ ему прочитать написанное мною въ апрѣльской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ». Такая случайная и притомъ только отрицательная проба субъективизма и объективизма конечно еще ровно ничего не доказываетъ и я далеку отъ мысли основывать на ней что бы то ни было. Я не говорю: вотъ каковы послѣдствія объективизма! Я заявляю только, что говорилъ не совсѣмъ то и даже совсѣмъ не то, что мнѣ приписывается почтеннымъ авторомъ «Соціологическихъ этюдовъ». Да послужитъ это возстановленіе частной, мелкой, неважной, но все таки *истины* (а съ объективной точки зрѣнія всѣ истины равны, т. е. всѣ одинаково важны) нѣкоторымъ вступленіемъ къ моей бесѣдѣ съ г. Южаковымъ о субъективномъ методѣ въ соціологіи.

Считаю полезнымъ нѣсколько подольше остановиться на только что высказанныхъ мысляхъ.

Просматривая любую книжку «Знанія», мы найдемъ обильныя подтвержденія справедливости всего вышесказаннаго, т. е. невѣрности никѣмъ не доказаннаго, рѣдко кѣмъ опредѣленно высказываемаго, но все таки огромнымъ большинствомъ нашего общества безмолвно признаваемаго тезиса Бюлля. Возьмемъ на примѣръ № 3 за прошлый годъ. Въ статьѣ знаменитаго англійскаго психолога Бэна «Духъ и тѣло», напечатанной въ этой

книжкѣ, есть слѣдующія, въ высшей степени характеристическія строки: «Есть два способа физическаго наказанія: тяжелая мускульная работа (тяжелая работа вообще, работа машинная) и сѣченіе. Одинъ изъ нихъ дѣйствуетъ на нервы черезъ мышечную ткань, другой черезъ кожу. При этомъ нѣтъ намѣренія причинять боль самимъ мускуламъ или кожѣ; единственная цѣль наказанія—вызвать страданіе нервовъ. Но такъ какъ при сильныхъ наказаніяхъ едва ли возможно избѣгнуть постояннаго вреда для промежуточныхъ тканей, мускуловъ или кожи, то (если отъ такихъ наказаній не хотять отказаться) вообще слѣдовало бы придумать какой нибудь способъ дѣйствовать только на самые нервы. Для этого можно бы было употреблять электричество. Электрическіе удары и токн, особенно на электромагнитной машинѣ Фарадея, въ которой токи постоянно разряжаются и возобновляются, могли бы давать желаемое количество страданія и градаціи его могли бы быть измѣрены съ научною точностью. Насколько нервы могутъ выдерживать постоянную боль при сильномъ примѣненіи электричества, это остается еще изслѣдовать; вѣроятно не больше, чѣмъ при равномъ количествѣ боли при наказаніяхъ чрезъ мускулы или кожу; но по крайней мѣрѣ вредъ ограничивался бы одною нервной тканью. Если еще необходимо оставлять въ силѣ наказаніе смертною казнью, то многое можно бы было сказать противъ наказанія повѣшеніемъ и за замѣну его электрическимъ ударомъ. Но такъ какъ теперь начинаетъ преобладать мнѣніе, неблагопріятное лишенію жизни въ смыслѣ наказанія, то заключеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ наказаніе электрическими ударами могли бы примѣняться съ должною соразмѣрностью къ строгости наказанія и удовлетворяло бы всѣмъ требованіямъ отищенія преступникамъ» (стр. 23).

Это разсужденіе очень типично. Бэнъ, одинъ изъ самыхъ видныхъ представителей современной науки, человекъ, не даромъ стяжавшій европейскую извѣстность, живетъ въ данномъ обществѣ, въ данной формѣ коопераціи, въ числѣ учреждений которой фигурируютъ тѣлесное наказаніе, каторжныя работы и

смертная казнь для внутренних врагов этой общественной формы. Эта общественная форма могла бы, въ лицѣ своихъ официальныхъ представителей, предложить конкурсъ на составленіе проекта замѣны означенныхъ учреждений, существующихъ уже очень давно и нѣсколько обвѣтшавшихъ, болѣе цѣлесообразными. Но Бэнъ, не дожидаясь объявленія о такомъ конкурсѣ, безкорыстно сѣбѣ предлагаетъ услуги науки. Правда, онъ нѣсколько пересаливаетъ въ своемъ усердіи, потому что нѣтъ никакого основанія утверждать, что каторжница работы и тѣлесное наказаніе практикуются съ спеціальною цѣлью вызвать страданіе нервовъ, оберегая при этомъ мускулы и кожу. Сѣкутъ людей и ссылаютъ на каторгу, не помня въ мысляхъ подобныхъ тонкостей. А существовавшія не Богъ знаетъ какъ давно, въ видѣ наказаній, урѣзаніе языка, отсѣченіе одной или обѣихъ рукъ, вырваніе ноздрей и т. п. говорятъ прямо противъ предположенія знаменитаго психолога. Нѣтъ впрочемъ надобности восходить къ этому времени. Казни и наказанія совершаются въ большей части государствъ публично, причемъ прямо рассчитывается на поврежденіе мускуловъ и кож—раны, царапины—въ видахъ произведенія извѣстнаго впечатлѣнія на зрителей. Кромѣ того Бэнъ упускаетъ изъ виду нѣкоторыя потребности той самой общественной формы, которой безкорыстно предлагаетъ услуги науки. Общественная форма, пользующаяся трудомъ каторжниковъ, далеко не всегда можетъ согласиться на замѣну каторжной работы тюремнымъ заключеніемъ, хотя бы и сопровождаемымъ извѣстнымъ количествомъ электрическихъ ударовъ въ день. Однако все это только неловкости и недосмотры со стороны знаменитаго психолога. Не они важны. Важенъ общій характеръ проекта Бэна, важны намѣренія человѣка науки. А они очевидны: они цѣлкомъ направлены къ тому, чтобы самымъ скрупулезнымъ образомъ, «съ научною точностью», удовлетворить потребностямъ данной общественной комбинаціи, какова бы ни была эта комбинація и каковы бы ни были ея потребности. Обращаясь къ официальнымъ представителямъ даннаго общества, Бэнъ говоритъ: еслибы *вы хотѣли* удержать

смертную казнь, я бы сообщилъ вамъ почему повѣшеніе слѣдуетъ замѣнить электрическимъ ударомъ. Но вы кажется *не хотите* смертной казни, и я молчу. Однако вотъ чего умолчать не могу: *вы хотите* заставить страдать нервы и *не хотите* портить кожу и мускулы, — это достигается электрическими ударами вѣрнѣе, чѣмъ каторжной работой и плетьюми. *Вы хотите* произвести извѣстную степень страданія, ни большую, ни меньшую, чѣмъ какая соотвѣтствуетъ, *по вашему мнѣнію*, извѣстному дѣянію, которое *вы считаете* преступленіемъ,—вотъ вамъ электро-магнитная машина Фарадея, она исполнитъ *ваши желанія* съ научною точностью.

Въ pendant къ проекту Бэна стоитъ привести другой, подобный-же. Въ № 8 «Знанія» за 1873 г., въ отдѣлѣ «разныхъ извѣстій» находимъ краткія свѣдѣнія о сочиненіи Гаутона «Principles of Animal Mechanics» (London 1873). Въ свѣдѣніяхъ этихъ, заимствованныхъ изъ англійскихъ журналовъ, говорится между прочимъ, что Гаутонъ есть «Ньютонъ мускульной системы» и что ни одинъ анатомъ настоящаго и будущаго времени не можетъ обойти его книгу. Не могу разумѣется судить на сколько основательны эти похвалы, но во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что Гаутонъ пролагаетъ новые пути наукѣ. Онъ пытается приложить математику къ анатоміи, изслѣдуя напримѣръ «задачи равновѣсія эллиптическаго мускульнаго свода», «теорему Птоломея и нѣкоторыя кривыя третьяго порядка въ приложеніи къ анатоміи» и т. п. Въ замѣткѣ приведены результаты нѣкоторыхъ вычисленій Гаутона и я выпишу изъ нихъ два-три, чтобы читатель могъ судить объ интересѣ книги. Оказывается напримѣръ, что высшая энергія, когда либо достигаемая паровозомъ, равняется $\frac{1}{8}$ энергіи человѣческаго сердца. Есть любопытныя вычисленія силы, дѣйствующихъ при актѣ дѣторожденія. На основаніи подобныхъ же вычисленій доказывается, что различіе между человѣкомъ и гориллой гораздо больше, чѣмъ между гориллой и другими обезьянами, причемъ авторъ возстаетъ противъ поспѣшности, съ которою иногда дѣлаются заключенія о

сходствѣ различныхъ животныхъ на основаніи анатомическихъ данныхъ. Но для насъ здѣсь важно слѣдующее. Ученый авторъ находить, что смертная казнь повѣшеніемъ «недостойна современнаго состоянія науки» и рекомендуетъ сбрасываніе съ известной высоты преступника, на шею котораго надѣта петля и который при этомъ мгновенно умираетъ вслѣдствіе разрыва позвоночнаго столба. Высота, съ которой слѣдуетъ сбрасывать преступника, получается по слѣдующему правилу, основанному на точномъ вычисленіи: раздѣлить число 2240 на вѣсъ «паціента», выраженный въ фунтахъ, — частное будетъ искомая высота въ футахъ.

Вотъ два проэкта двухъ свѣтлыа науки. Они очень ярко и наглядно обрисовываютъ роль техническихъ приложеній естественныхъ наукъ. Спрашиваю г. Южакова: имѣя передъ глазами эти два проэкта, повторить-ли онъ тезисъ Воля: естественныя науки по существу своему демократичны? Конечно нѣтъ. Въ этихъ двухъ проэктахъ естествознаніе играетъ роль совѣтника и исполнителя велѣній оффиціальныхъ представителей данной общественной комбинаціи. Ювеналъ говорилъ о грѣхахъ ученыхъ и художниковъ, наводнявшихъ въ его время Римъ: засмѣйся— онъ разразится ужаснымъ хохотомъ; заплачь— у него такъ и польются слезы; скажешь: холодно— онъ ужъ дрожить и кутается въ теплое платье; скажешь: жарко— онъ ужъ потѣетъ. Такъ именно ведетъ себя въ приведенныхъ примѣрахъ наука. Въ этой роли конечно нѣтъ ничего демократическаго по существу, хотя въ томъ или другомъ частномъ случаѣ она и можетъ оказаться какъ нибудь дружественною началомъ равенства и свободы. Такой частный случай былъ и есть на лицо. Когда центральная власть во всѣхъ европейскихъ государствахъ, будучи отвлечена политическими, династическими и военными задачами, допустила частныхъ людей овладѣть техническими приложеніями естествознанія, послѣднія оказались въ самой тѣсной связи съ развитіемъ демократическихъ началъ. И здѣсь собственно оправдательное правило, что техника служитъ тому, кто желаетъ и *можетъ* взять ее къ себѣ въ услуженіе. Частная предприимчивость, воору-

женная знаніемъ и богатствомъ, произвела чудеса, передъ которыми померкла сила феодально-католической организаціи. Трудно даже обнять мыслию все значеніе техническихъ приложений естествознанія въ этомъ великомъ переворотѣ, такъ сильно измѣнившемъ комбинацію общественныхъ силъ. И поскольку техника враждебно сталкивается съ все еще крѣпкими (и даже очень крѣпкими) остатками феодализма и католицизма, она и до сихъ поръ служитъ демократическимъ началамъ. Но, какъ уже сказано, у этой медали есть обратная сторона. Мы найдемъ ее, не выходя изъ того же № 3 «Знанія» за прошлый годъ. Въ отдѣлѣ «разныхъ извѣстій» этого нумера напечатана небольшая замѣтка подъ заглавіемъ: «Возрастаніе богатства и заработной платы въ Великобританіи». Это краткое извлеченіе изъ статьи извѣстнаго англійскаго экономиста Фоусета. По мнѣнію Фоусета народное богатство Великобританіи за послѣдніе двадцать пять лѣтъ возрасло въ огромной пропорціи. Торговля страны увеличилась въ этотъ періодъ вѣроятно болѣе, чѣмъ вчетверо; сумма вывоза поднялась съ 50,000,000 фунтовъ стерлин. до 250,000,000; сумма ввоза возрасла еще сильнѣе; Англія до такой степени переполнена капиталами, что они у нея черезъ край льются; такъ 90,000,000 фунт. стерл. ушло на постройку желѣзныхъ дорогъ въ Индіи; Египту съ 1862 по 1870 дано въ видѣ четырехъ займовъ 36,880,000 фунт. стерл.; громадныя капиталы ушли въ Соединенные Штаты во время гражданской войны, въ Турцію, въ Италію и проч. Естественно предположить, что и заработная плата возрасла за это время значительно. На дѣлѣ оказывается не то. Такъ напримѣръ изъ 13 категорій рабочихъ на Canada Engineerings Works въ Биркенгедѣ *шесть* получали въ 1869 г. меньшую плату, чѣмъ въ 1855, *три* категоріи такую-же и *четыре*—высшую. Разсматривая вознагражденіе рабочихъ морскаго арсенала въ Ширнессѣ, плотниковъ, конопатчиковъ, кузнецовъ и др., мы увидимъ, что въ періодъ 1849—1859 г. только для трехъ категорій эти рабочихъ плата увеличилась, да и то на 6 пенсовъ (16 $\frac{1}{2}$ коп.) въ день. Возьмемъ ли мы въ примѣръ 20 различныхъ категорій рабочихъ частныхъ верфей по

берегамъ Темзы, мы опять придемъ къ тому же заключенію. Правда, эти рабочіе получали въ 1865 г. большую плату, чѣмъ въ 1851 г., но черезъ четыре года, т. е. въ 1869 г. эта плата возвратилась къ своей первоначальной высотѣ; увеличеніе платы въ 1865 г. было чисто временнымъ слѣдствіемъ спекулятивной горячки, которая предшествовала паникѣ 1867 г. Конечно плата нѣкоторыхъ классовъ рабочихъ, преимущественно занимавшихся большими постройками въ Лондонѣ и Манчестерѣ, а въ послѣднее время и рудокоповъ, возрасла и даже значительно. Но дѣло въ томъ, что цѣны на помещеніе, пищу, топливо и другія различныя потребности въ тоже время возрасли не менѣе значительно. Въ концѣ концовъ, не смотря на увеличеніе промышленности и торговли въ четыре раза, положеніе нѣкоторыхъ классовъ рабочихъ осталось такимъ же, какимъ было лѣтъ двадцать тому назадъ, а положеніе другихъ даже ухудшилось. И техническія приложенія естествознанія тутъ ровно ничего не могутъ сдѣлать. Они не восстанавливаютъ равновѣсія, а напротивъ всею своею тяжестью ложатся на ту чашку вѣсовъ, которая уже и безъ того перевѣшиваетъ. «Успѣхи промышленной механики за послѣдніе 20 лѣтъ были многочисленны и разнообразны, — не будь ихъ, громадное увеличеніе народнаго богатства Великобританіи въ этотъ періодъ времени было бы невозможно. Но также несомнѣнно, что изобрѣтеніе новыхъ машинъ и приспособленій оставляло безъ дѣла, по крайней мѣрѣ временно, известное число людей. Такъ г. Нэсмитъ сообщилъ въ коммисіи рабочихъ союзовъ, что введеніе въ его мастерскихъ самодѣйствующихъ машинъ позволило ему сократить на половину рабочихъ, которые прежде у него занимались». Стоитъ вдуматься только въ эту коротенькую замѣтку и принять въ соображеніе различныя побочныя стороны указываемыхъ въ ней явленій, чтобы убѣдиться, что прогрессъ техническихъ приложеній естествознанія не есть прогрессъ равенства и свободы. Неизвѣстный авторъ переводной статьи «О національномъ значеніи научныхъ изслѣдованій» («Знаніе» 1873 г. № 7) горько жалуется на положеніе людей, занимающихся чистымъ естествознаніемъ. Открытія этихъ труженниковъ

чистой науки, говоритъ онъ, утилизируются въ видѣ техническихъ приложений государствомъ и промышленными дѣятелями, но представители науки остаются не причѣмъ. Только на долю изобрѣтателей, т. е. не самостоятельныхъ дѣятелей отвлеченной науки, а людей, пользующихся чужими, чисто научными изслѣдованіями, приходится часть золотого дождя, падающаго на фабрикантовъ, заводчиковъ и землевладѣльцевъ. По этому, намекая на возможность «министерства науки», авторъ требуетъ отъ правительства и университетовъ матеріальной поддержки людямъ науки въ видѣ учрежденія государственныхъ лабораторій, оплачиваемыхъ каедръ оригинальныхъ изслѣдованій и т. п. Но съ особенною настойчивостью и съ большимъ запасомъ фактического матеріала авторъ доказываетъ, что «величайшія денежные выгоды отъ открытій получаютъ крупные фабриканты, заводчики, капиталисты и землевладѣльцы, слѣдовательно они и должны въ наибольшей степени, прямо или косвенно, вознаградить дѣлающихъ открытія» Это сама истина и сама справедливость. Дѣйствительно, не только изобрѣтатели и усовершенствователи паровой машины сослужили службу капиталистамъ, фабрикантамъ и заводчикамъ, давъ имъ возможность нажить громадныя деньги на желѣзно-дорожныхъ предпріятіяхъ и приложения силы пара къ производству, — эту службу сослужили и труженики чистой физики и механики. Уаттъ говоритъ, что онъ не могъ бы усовершенствовать своей машины, если бы предварительныя, чисто научныя изслѣдованія не опредѣлили, сколько теплоты переходитъ въ скрытое состояніе при превращеніи воды въ паръ. Шееле, отыскавшему хлоръ и вѣроятно при этомъ ни объ чемъ, кромѣ истины и познанія природы, недумавшему, фабриканты обязаны способомъ бѣленія хлопчато-бумажныхъ тканей, хотя и не онъ приложилъ свое открытіе къ этому практическому дѣлу. Крившtedтъ только открылъ никкель, но безъ этого открытія не было бы нейзильбера, и проч., и проч., и проч. Какъ организмъ человѣка, принимая самую разнообразную пищу, ассимилируетъ изъ нея только то, что можетъ идти на потребу именно той формы жизни, которая называется человѣческимъ организмомъ,

такъ и всякая данная форма общественныхъ отношеній стремится вытянуть все *ей* подходящее изъ любой умственной пищи, претворить эту пищу въ *свою* плоть и кровь, выбрасывая *ею* непереваримое. Значить съ этой стороны нечего и разсуждать о демократичности естествознанія. Можетъ быть блистательныя научныя открытія и изслѣдованія XIX вѣка, размѣнявшись на звонкую монету техническихъ приложений, и будутъ служить укрѣпленію демократическихъ началъ, но это будетъ зависѣть не отъ нихъ, а отъ формы общественныхъ отношеній, въ которой произойдетъ размѣнъ. Она наложитъ на нихъ свое клеймо и перечеканитъ старую монету.

Едва ли впрочемъ есть какая нибудь надобность настаивать на этомъ пунктѣ. Общественная роль техническихъ приложений естествознанія слишкомъ извѣстна. Гораздо интереснѣе значеніе теоретическихъ изслѣдованій, независимо отъ техники. Пусть Бэнъ и Гаутоны желаютъ съ научною точностью угодить потребностямъ общества казнить и наказывать; пусть открытіе хлора, преобразуясь въ открытіе бѣлильнаго вещества, даетъ лишнее орудіе капиталистической эксплуатаціи; пусть вообще естествознаніе, въ видѣ техническихъ приложений, напоминаетъ тѣхъ льстивыхъ грековъ, о которыхъ говоритъ Ювеналь. Пусть такъ. Но быть можетъ теоретическія изслѣдованія Бэна о границахъ духа и тѣла, работы Гаутона объ отношеніяхъ математики къ анатоміи, открытіе хлора, и т. п., открывая человѣчеству новыя перспективы познанія, расширяя его умственный кругозоръ, вмѣстѣ съ тѣмъ не претворяются въ плоть и кровь непрѣменно данной формы общества, а толкаютъ его въ совершенно опредѣленномъ направленіи, и именно въ демократическомъ. Въ свое время я буду имѣть случай поставить этотъ вопросъ въ самомъ общемъ его видѣ. Теперь это выходитъ изъ предѣловъ моей задачи. Миѣ достаточно привести слѣдующія слова изъ третьяго этюда г. Южакова: «... вопросъ, который стчаси будетъ трактоваться въ предлагаемомъ этюдѣ, изучался своей существенной частью не со вчерашняго дня, и біологія здѣсь мало новаго повѣдала социологамъ. Новую постановку вопроса, новые тер-

мины, новые аргументы — вот что она дала въ руки трезвымъ философамъ; формулы же рѣшенія и шансы pro et contra въ этой тяжбѣ направленной остались тѣ же. Самый важный аргументъ, которымъ снабдила біологія соціальныя теоріи о необходимости нищеты, — полезность такой необходимости, усовершенствованіе породы, вытекающее изъ нея чрезъ гибель индивидуумовъ. До вмѣшательства біологіи трезвые философы говорили: бѣдность, несчастіе, голодъ царствуютъ повсюду въ обществахъ человѣческихъ, — *это прискорбно*, но таковъ законъ природы; теперь же они измѣнили тонъ: въ нашихъ обществахъ, говорятъ они, масса людей гибнетъ отъ голода, изнуренія, нищеты, но вслѣдствіе этой гибели остаются живы и оставляютъ потомство только наиболѣе совершенныя личности, и гибелью однихъ людей покупается прогрессъ; только такимъ путемъ можетъ осуществляться прогрессъ, и кто скорбитъ о падшихъ жертвахъ, тотъ врагъ прогресса, самъ того не понимая. Таковы выводы социологовъ трезвой школы изъ біологическихъ обобщеній Дарвина».

Я ничего иного и не говорилъ, когда доказывалъ, что естественныя науки, въ противность мнѣнію Бокля, вовсе не необходимо исполняютъ невыраженные заказы профановъ. Во всемъ этомъ небольшомъ разсужденіи я стоялъ на точкѣ зрѣнія профана, которая, надѣюсь, теперь читателю совершенно понятна. Въ качествѣ профана, я только выслушивалъ рѣчи ученыхъ людей, сопоставлялъ ихъ и подводилъ итоги.

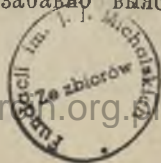
II.

Буря въ стаканѣ педагогической воды.

То же самое предстоитъ мнѣ теперь сдѣлать по отношенію къ педагогіи. Я буду выслушивать мнѣнія педагоговъ, сопоставлять ихъ, повѣрять и затѣмъ подводить итоги. Я знаю, что до сихъ поръ профаны вели себя въ педагогической распрѣ изъ за статьи гр. Толстаго легкомысленно. Я это знаю, потому что читалъ газетныя статьи и слышалъ устные толки объ этомъ

предметѣ. Но это ровно ничего не значитъ. Быть можетъ, при искреннемъ желаніи быть добросовѣстнымъ и не легкомысленнымъ, мнѣ удастся сказать добросовѣстное и не легкомысленное слово. Каковы бы ни были попытки профановъ оцѣнить значеніе нашихъ педагоговъ, но первые несомнѣнно имѣютъ право требовать у послѣднихъ отчета. И не только въ силу общихъ соображеній объ отношеніяхъ между специалистами и профанами, но и въ силу особеннаго положенія, занимаемаго педагогами: они нашихъ дѣтей въ жизни готовятъ, этого достаточно. Притомъ же педагогика, какъ и всякая прикладная наука, соприкасается со множествомъ предметовъ, быть можетъ болѣе или менѣе извѣстныхъ тому или другому профану. Я впрочемъ охотно признаю, что, несмотря на относительно большую доступность педагогическихъ вопросовъ контролю профановъ, послѣдніе до сихъ поръ принесли мало пользы. Я даже готовъ привести два-три примѣра ихъ легкомыслія. Прежде всѣхъ, если не ошибаюсь, на статью гр. Толстаго откликнулись «С. Петербургскія Вѣдомости». Въ № 274, въ фельетонѣ, посвященномъ текущей журналистикѣ, помѣщена была рецензія, крайне благоприятная взглядамъ гр. Толстаго, даже нѣсколько восторженная. Рецензія эта вызвала возраженіе г. Евтушевскаго, которое и было напечатано въ № 278 «С. Петербургскихъ Вѣдомостей». То была первая проба того прянаго и не совсѣмъ чистаго остроумія, которымъ впоследствии г. Евтушевскій совершенно себя перепачкалъ. Редакція «С. Петербургскихъ Вѣдомостей» съ своей стороны сопровождала возраженіе г. Евтушевскаго такимъ примѣчаніемъ: «Повидимому фельетонъ нашего сотрудника въ № 274 «С.-Пб. Вѣдомостей» раздражилъ нѣкоторые педагогическіе кружки и далъ поводъ къ недоразумѣніямъ, которыя мы считаемъ долгомъ разсѣять. Выписки изъ оригинальной и остроумной статьи гр. Толстаго приведены авторомъ съ очевидною цѣлью указать отрицательныя, слабыя стороны въ дѣятельности нашихъ современныхъ педагоговъ; но это отнюдь не умаляетъ ихъ положительныхъ заслугъ. До сихъ поръ наши педагоги встрѣчали въ печати одни только безусловныя похвалы, и гр.

Толстому безусловно принадлежит починъ критическаго къ нимъ отношенія. Критика его можетъ быть болѣе или менѣе односторонняя, исключительная, даже пристрастная; но автору ея никакъ нельзя отказать ни въ близкомъ знакомствѣ съ педагогическимъ дѣломъ, ни въ талантѣ, ни въ горячей преданности дѣлу народнаго образованія. Обличая крайности и слабыя стороны современной педагогическаго, онъ въ то же время оказываетъ послѣдней несомнѣнную услугу. Мы будемъ ожидать возраженій г. Евтушевскаго гр. Толстому тѣмъ съ большимъ интересомъ, что вполне признаемъ за нимъ, какъ и за нѣкоторыми другими нашими педагогами, знаніе, опытность и извѣстныя заслуги въ томъ важномъ дѣлѣ, которому они себя посвятили.—«С. Петербургскія Вѣдомости» (старой редакціи) полагаютъ, что говорить подобныя вещи значитъ «разсѣивать недоразумѣнія», тогда какъ это только одна изъ варьяцій на тему: можно не соглашаться, но должно признаться. Мы вѣ очень хотѣлось бы помянуть чѣмъ нибудь лучшимъ старую редакцію «С. Петербургскихъ Вѣдомостей», объ участи которой всякій писатель, безъ различія партій, долженъ искренно сожалѣть. Но очевидно, что здѣсь ничего нельзя выудить. Перехожу къ «Биржевымъ Вѣдомостямъ» (тоже старой редакціи: подобныя оговорки приходится нынѣ дѣлать на каждомъ шагѣ). Эта газета приняла статью гр. Толстого не менѣе восторженно, но въ какой мѣрѣ она ее поняла, видно изъ того, что въ № 282 она поставила ее безъ малѣйшей оговорки рядомъ со статьей г. Цвѣткова «Новыя идеи въ нашей народной школѣ» («Русскій Вѣстникъ», № 9; что это за статья мы можетъ быть увидимъ впоследствии). Въ какой мѣрѣ сознательны и серьезны были восторги «Биржевыхъ Вѣдомостей» видно также изъ фельетона № 293. Тамъ говорится слѣдующее: «авторъ «Войны и мира» весьма мѣтко и живо характеризовалъ наше педагогическое доктринерство... Но, отстаивая вѣрный принципъ безхитростности, удобопонятности и содержательности начальнаго обученія, гр. Толстой пожелалъ и на практикѣ рекомендовать свое собственное противоядіе противъ заноснаго подражанія. И здѣсь только очень забавно выяснилось, что талант-

ливый беллетристъ на дѣлѣ весьма неудачный Ланкастеръ (?). Выдуманная имъ начальная математика успѣла заручиться въ послѣднемъ засѣданіи педагогическаго общества лишь общимъ... смѣхомъ. Трудно вообразить, но, сдѣлавъ напряженіе, вообразите себѣ *патріотическую ариметику* съ церковно славянскими цѣрами: мыслете-есть плюсъ земля-иже равняется пси-вѣди! И т. д., и т. д., прямо по остромамъ г. Евтушевскаго, только что выслушаннымъ авторомъ фельетона въ засѣданіи педагогическаго общества. Если бы авторъ фельетона побывалъ на слѣдующемъ засѣданіи педагогическаго общества, то услышалъ бы отъ г. Страннолюбскаго, что вся эта «патріотическая ариметика» со включеніемъ «мыслете есть» и проч. есть изобрѣтеніе не г. Толстаго, а г. Евтушевскаго.

Да, профаны вели себя не хорошо, а между тѣмъ дѣло имъ предстояло вовсе ужъ не особенно трудное, если поставить его въ должныя границы. Конечно я не рѣшусь толковать напримѣръ о техническихъ подробностяхъ обученія грамотѣ: я въ жизнь свою никого не училъ ни по буквослагательному, ни по звуковому методу. Но не на подобнаго рода вещахъ сосредоточивается интересъ затѣянной гр. Толстимъ распри. Вопросъ поставленъ имъ такъ широко, что и профану найдется что сказать. Передо мной на столѣ лежатъ цѣлыя кучи самыхъ разнообразныхъ педагогическихъ сочиненій. Вотъ брошюра г. Мѣдникова (редактора спеціальнаго журнала «Народная школа»), разбирающая статью гр. Толстаго. Г. Мѣдниковъ человекъ сердитый, за правду стоитъ горой, острить на пропалую и таѣе и сыплеть словами: клевета, полужнаство, морочить, отсталые взгляды. Я былъ бы вполне готовъ съ священнымъ трепетомъ внимать глаголамъ этого спеціалиста. Но что же мнѣ дѣлать, когда я ясно вижу, что логика его далеко не соответствуетъ ни степени его остроумія, ни силѣ выраженій. Напримѣръ онъ дѣлаетъ слѣдующую выписку изъ статьи гр. Толстаго: «всѣ педагоги этой школы, въ особенности иѣмцы, основатели ея, исходятъ изъ той ложной мысли, что тѣ самые философскіе вопросы, которые оставались вопросами для всѣхъ философовъ отъ Пла-

тона до Канта, разрѣшены ими окончательно. Разрѣшены такъ окончательно, что процессъ приобрѣтенія человѣкомъ впечатлѣній, ощущеній, представленій, понятій, умозаключеній разобранъ ими до мельчайшихъ подробностей; что составныя части того, что мы называемъ душою или сущностью человѣка, анализированы имп, подраздѣлены на части, и такъ основательно, что уже на этомъ твердомъ знаніи безошибочно можетъ строиться наука педагогич... Но тѣ философскія разсужденія, которыя педагоги этой школы кладутъ въ основу своей теоріи, не только не абсолютно вѣрны, не только не имѣютъ ничего общаго съ дѣйствительною философіей, но даже и не имѣютъ никакого яснаго, опредѣленнаго выраженія, съ которымъ большинство педагоговъ было бы единомысленно».—Противъ этого можно бы было возразить многое, но уже никакъ не то, что возражаетъ г. Мѣдниковъ. Всѣхъ его возраженій приводить не стоитъ. Достаточно сказать, что изъ приведенныхъ словъ онъ выводитъ съ побѣдоносно насмѣшливымъ видомъ слѣдующее: «оказывается, говоритъ онъ, что существуютъ двѣ философіи: одна съ Платономъ и Кантомъ, которой такъ слѣпо и фальшиво слѣдуютъ педагоги, и другая, *дѣйствительная*, безъ Платона и Канта, которую невѣдаютъ педагоги.» Какимъ образомъ это оказывается изъ приведенныхъ словъ гр. Толстого,—это извѣстно одному г. Мѣдникову. Логически и грамматически изъ нихъ слѣдуетъ сдѣлать выводъ діаметрально противоположный, ибо если вопросы, оставшіеся вопросамъ для Платона и Канта, порѣшены педагогами, то значить Платонъ и Кантъ сами по себѣ, а педагоги сами по себѣ. А между тѣмъ г. Мѣдниковъ и еще разъ шалитъ на ту же тему. Гр. Толстой говоритъ: «Народъ допускаетъ двѣ области знанія, самыя точныя и неподверженныя колебаніямъ отъ различныхъ взглядовъ,—языки и математику, а все остальное считаетъ пустяками». По этому поводу г. Мѣдниковъ шалитъ слѣдующимъ образомъ: «Любопытно однако знать, откуда нашъ народъ могъ убѣдиться, что только *языки и математика* (замѣьте не счетъ, не арифметика, а математика!) дѣйствительно самыя точныя *области знанія и неподверженныя*

никакимъ колебаніямъ?» Какъ будто гр. Толстой отъ имени народа называетъ языки и математику областями знанія самыми точными и проч.! Я не знаю стоить ли приводить еще образцы критики этого шалуна, очевидно непонимающаго того, что ему говорятъ, и храбро махающаго картоннымъ мечемъ въ пустомъ пространствѣ; впрочемъ сдѣлаю еще одну выписку. Г. Мѣдниковъ такъ передаетъ и комментируетъ рассказъ гр. Толстого объ одной изъ ошибокъ, допущенныхъ на педагогическомъ опытѣ испытательной комиссіи московскаго комитета грамотности: «Третья ошибка состояла въ томъ, что г. Протопоповъ, руководитель въ звуковой школѣ, отступалъ (ну не злодѣй ли?) отъ приѣмовъ, которые гр. Толстой считаетъ вредными, но которые считаются необходимымъ условіемъ обученія при звуковой методѣ. Отступленіе это заключалось во первыхъ въ томъ, что г. Протопоповъ (сущій врагъ гр. Толстого!) не преподавалъ нагляднаго обученія (ну скажите пожалуйста!), а во вторыхъ онъ давалъ своимъ ученикамъ книги читать и на домъ (вѣдь не уголовное ли преступленіе!) и въ третьихъ, что онъ давалъ не исключительно руководства педагоговъ звуковой методы, а «азбуку» и «Ясную Поляну» самаго графа (за это подъ судъ его, подъ судъ!). Такъ шалить издатель спеціально педагогическаго журнала... Идите съ миромъ, шалунъ! Впрочемъ нѣтъ, подождите еще, не уходите.

Habent sua fata libelli. Пятнадцать лѣтъ тому назадъ графъ Л. Н. Толстой издавалъ спеціально-педагогическій журналъ. Этого журнала, и въ обществѣ и въ литературѣ, не замѣчали или трунили надъ нимъ. Были (помнится, въ журналѣ «Время», а можетъ и еще гдѣ-нибудь) отзывы, сочувственные какъ положительной, такъ и отрицательной сторонѣ педагогической дѣятельности гр. Толстаго. Но въ концѣ-концовъ его педагогическія воззрѣнія оказались все-таки «явленіемъ, пропущеннымъ нашей критикой». Вліянія, я полагаю, они не имѣли никакого и ни въ какомъ смыслѣ. И во всякомъ случаѣ это вліяніе не можетъ идти ни въ какое сравненіе съ впечатлѣніемъ, произведеннымъ статьей гр. Толстаго «О народномъ образованіи», напечатанной

въ № 9 «Отечественныхъ Записокъ» за прошлый годъ. Въ этой статьѣ, какъ говоритъ самъ авторъ, какъ говорятъ всѣ его противники (его сторонники этого не говорятъ), какъ оно въ дѣйствительности и есть, выражаются въ сущности тѣ же мысли, что выражались пятнадцать лѣтъ тому назадъ въ журналѣ «Ясная Поляна». Но «Ясная Поляна», выражаясь языкомъ школьника, «провалилась», а на долю статьи «Отечественныхъ Записокъ» выпалъ такой громадный успѣхъ, каковымъ едва ли можетъ похвалиться какое бы то ни было литературное явленіе прошлаго года: силы нашихъ извѣстнѣйшихъ педагоговъ напряженнѣйшимъ образомъ сосредоточились на опроверженіи или защитѣ положеній и отрпцаній гр. Толстаго; засѣданія педагогическаго общества никогда не привлекали такого огромнаго числа посѣтителей, какъ въ дни пререканій гр. Странволюбскаго и Евтушевскаго объ «Азбукѣ» гр. Толстаго и статьѣ «Отечественныхъ Записокъ»; въ обществѣ подъ вліяніемъ этой статьи появилось, по свидѣтельству г. Евтушевскаго, «рѣзкое порпцаніе всего новаго направленія педагогики»; наконецъ газеты всѣхъ партій, всѣхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ съ небывалымъ единодушіемъ стали на сторону педагогической ереси гр. Толстаго. И надо еще замѣтить, что гр. Толстой отнюдь не принадлежитъ къ числу баловней нашей критики. Правда, ни въ обществѣ, ни въ литературѣ нѣтъ разногласій въ оцѣнкѣ его выходящаго изъ ряда вонъ беллетристическаго таланта, но почти столь же единогласно рѣшена и подписана его несостоятельность, какъ мыслителя. Особенно для насъ замѣчательна эта двойственность репутаціи гр. Толстаго. Правильна она или нѣтъ, но она свидѣтельствуешь по крайней мѣрѣ о совершенномъ безпристрастіи критики. Я разумѣю критику болѣе или менѣе популярную, вліятельную. Есть у гр. Толстаго поклонники безусловные, но всѣ, даже самые эти поклонники согласятся, я думаю, что не они создали ходячее представленіе о гр. Толстомъ, какъ писателѣ. Гр. Толстой стоялъ всегда внѣ нашихъ литературныхъ партій, къ нему относились безъ всякихъ заднихъ мыслей, одобряя по крайнему своему разумѣнію все достойное одобренія въ его про-

изведеніяхъ и порицаая достойное порицапія. Этимъ совершенно чистымъ отъ журнальнаго сора путемъ установилась двойственная репутація гр. Толстаго. При такихъ обстоятельствахъ пезвольво рождается вопросъ: почему же мысли, отчасти незамѣченныя, отчасти даже осмѣяанныя двадцать лѣтъ тому назадъ, сдѣлались вдругъ такъ популярны? Вопросъ, мнѣ кажется, высокой важности. Я не смѣю отвѣта, я пишу его. Я думалъ найти его въ многочисленныхъ возраженіяхъ на статью гр. Толстаго, но не встрѣтилъ ничего подходящаго. Я началъ наконецъ сомнѣваться—дѣйствительно ли важенъ поставленный мною вопросъ? Можетъ быть въ качествѣ журналиста, необходимо жертвующаго значеніемъ произведенія an und für sich тому впечатлѣнію, которое оно производитъ на общество, я задумался надъ дѣломъ, совершенно второстепеннымъ, пустяшнымъ. Но чѣмъ больше я объ этомъ думалъ, тѣмъ больше убѣждался, что я правъ, что поставленный мною вопросъ очень интересенъ, очень важенъ, важенъ даже для поднятаго гр. Толстымъ спеціально педагогическаго вопроса. Я ошибся впрочемъ, говоря, что ничего подходящаго не нашелъ. Попытку объясненія впечатлѣнія статьи «Отечественныхъ Записокъ» я встрѣтилъ и въ упомянутой брошюрѣ г. Мѣдника, представляющей повидному отдѣльный оттискъ статьи журнала «Народная школа». Вотъ какъ разъясняетъ дѣло г. Мѣдниковъ: «Появилась статья не за подписью гр. Толстаго, какъ всѣмъ извѣстнаго писателя, и притомъ не въ «Отечественныхъ Запискахъ», журналъ весьма извѣстномъ и распространенномъ, а въ какомъ нибудь болѣе скромномъ органѣ печати — она не только не обратила бы никакого вниманія, а была бы еще отнесена къ числу непослѣдовательныхъ, лишенныхъ логическихъ основаній, странныхъ, эксцентричныхъ, бьющихъ на искусственную оригинальность; скажемъ болѣе, такихъ, подъ которою (такихъ, подъ которою?) не подписался бы ни одинъ изъ постоянныхъ сотрудниковъ «Отечественныхъ Записокъ». А между тѣмъ статья эта удостоилась единодушныхъ похвалъ почти всѣхъ газетъ». Я потому останавливаюсь на этомъ намекѣ на объясненіе, что онъ принадлежитъ не одному г. Мѣд-

никову. Почти также смотритъ на дѣло редакція журнала «Семья и Школа» (№ 10, примѣчаніе къ письму г. Бунакова). Тоже самое я слыхалъ и въ обществѣ. Мысль г. Мѣдникова, повидному столь лестная, а въ сущности очень нелестная для постоянныхъ сотрудниковъ «Отеч. Записокъ», есть мысль совершенно вздорная. Приложение къ «Войнѣ и миру» подписано тѣмъ же г. Толстымъ, и однако оно ни чьихъ похвалъ не удостоилось. Въ свою очередь и «Отеч. Записки» отнюдь не пользуются тою благосклонностью газетной критики, которая подразумѣвается г. Мѣдниковымъ. Весьма многія статьи нашихъ постоянныхъ сотрудниковъ отнесены этою критикою «къ числу непослѣдовательныхъ, лишенныхъ логическихъ основаній, странныхъ, эксцентричныхъ, бьющихъ на искусственную оригинальность». Положимъ, что въ этомъ обстоятельствѣ виноваты разныя закулисныя стороны литературы, тѣ самыя закулисныя стороны, которыя почти никогда не имѣли мѣста въ офѣнкѣ произведеній г. Толстаго. Но все-таки въ основаніе объясненій г. Мѣдникова положенъ фактъ несуществующій. Что же касается до утвержденія его, что ни одинъ изъ постоянныхъ сотрудниковъ «Отечественныхъ Записокъ» не подписался бы подъ статьей г. Толстаго, то оно рѣшительно неосновательно. И съ чего г. Мѣдниковъ вздумалъ, что редакція «Отечественныхъ Записокъ» напечатала бы статью г. Толстаго, еслибы она въ общемъ не была согласна съ ея собственными взглядами? Объ этомъ стоитъ сказать два, три слова. «Отечественныя Записки», какъ и всякій другой журналъ, не могутъ разумѣется брать на себя полную отвѣтственность за все въ нихъ печатаемое. Условія нашей печати для этого слишкомъ неблагоприятны. Я разумѣю не одни цензурныя условія, а и количество и качество наличныхъ литературныхъ силъ. Достойный вниманія фактический матеріалъ, талантливость его обработки и извѣстная точка зрѣнія на вещи, — вотъ три фактора всякой журнальной статьи. Къ сожалѣнію гармоническое сочетаніе этихъ трехъ факторовъ не составляетъ зауряднаго явленія. Всякому журналу приходится печатать вещи или только ради ихъ богатаго фактическаго содержанія, или

только ради таланта автора. Последнее обстоятельство обуславливает чаще всего разумеется беллетристическій отдѣлъ журнала. Но и тутъ матеріалъ и точка зрѣнія автора все-таки не могутъ упускаться изъ виду. Напримѣръ съ этой же книжки «Отечественныхъ Записокъ» начинается печатаніе романа г. Достоевскаго «Подростокъ». Въ немъ читатель найдетъ (т. е. уже нашелъ, потому что безъ сомнѣнія прочиталъ романъ г. Достоевскаго раньше моихъ замѣтокъ) сцену у Дергачева, гдѣ молодые люди ведутъ какой-то странный политическій разговоръ. Въ сценѣ есть нѣкоторыя подробности, весьма напоминающія недавнее дѣло (напримѣръ присутствіе въ обществѣ молодаго крестьянина, слова: «надо жить по закону природы и правды» и т. п.). Я уже говорилъ однажды, именно по поводу «Бѣсовъ», о странной и прискорбной манерѣ г. Достоевскаго дѣлать изъ преступныхъ дѣяній молодыхъ людей, немедленно послѣ ихъ раскрытія, изслѣдованія и наказанія, тему для своихъ романовъ. Повторять все это тяжело, да и не нужно. Скажу только, что редакція «Отечественныхъ Записокъ» въ общемъ раздѣляетъ мой взглядъ на манеру г. Достоевскаго. И тѣмъ не менѣе «Подростокъ» печатается въ «Отечественныхъ Запискахъ». Почему? Вопервыхъ потому, что г. Достоевскій есть одинъ изъ нашихъ талантливѣйшихъ беллетристовъ, вторыхъ потому, что сцена у Дергачева со всѣми ея подробностями имѣетъ чисто эпизодическій характеръ. Будь романъ на этомъ именно мотивѣ построенъ, «Отечественныя Записки» принуждены были бы отказаться отъ чести видѣть на своихъ страницахъ произведеніе г. Достоевскаго, даже еслибъ онъ былъ гениальный писатель. Но это только къ слову. Немогу однако удержаться отъ одного замѣчанія, совершенно посторонняго и къ дѣлу не идущаго, но меня толкаетъ случайное сопоставленіе именъ гр. Л. Толстаго и г. Достоевскаго. Я не помню, чтобы кому либо изъ нашихъ критиковъ приходило на мысль изучать ихъ вмѣстѣ, параллельно, а это было бы весьма плодотворно. Оба они заняты въ своихъ произведеніяхъ психологическимъ анализомъ, но свѣтлый, ровный, жизнерадостный міръ одного и

мрачный, исключительный, напряженный, мистический мирь другого, могли бы очень рельефно взаимно оттънниться. Прошу у читателя прощенья за это замѣчаніе и возвращаюсь къ статьѣ гр. Толстаго. Статья эта отнюдь не можетъ быть причислена къ журнальному матеріалу, за который редакція не отвѣтственна. Для этого она слишкомъ рѣзка, слишкомъ опредѣленна и затрогиваетъ слишкомъ общіе и вмѣстѣ съ тѣмъ живые, насущные вопросы. Поэтому г. Мѣдниковъ можетъ смѣло взять назадъ свой якобы комплиментъ постояннымъ сотрудникамъ «Отеч. Записокъ».

И такъ единственное найденное мною объясненіе неожиданнаго успѣха статьи гр. Толстаго никуда не годится. Можетъ быть этотъ любопытный фактъ разъяснится самъ собой, попутно, при разсмотрѣніи возраженій на статью гр. Толстаго.

Позиція профана въ педагогикѣ имѣетъ двѣ несомнѣнныя и очень важныя выгоды. Впервыхъ педагогъ учитъ и воспитываетъ чужихъ дѣтей, а профанъ отдаетъ ему своихъ, слѣдовательно, собственно говоря, гораздо болѣе педагога заинтересованъ въ дѣлѣ. Вовторыхъ, не имѣя никакой теоріи воспитанія и обученія, профанъ тѣмъ паче не имѣетъ теоріи особливо излюбленной. Я не говорю, чтобы это были выгоды безусловныя, особенно вторая: для этого я самъ слишкомъ теоретикъ. Нѣтъ, невыгоды отсутствія теоріи очень велики, но я имѣю въ виду только выгодную сторону этого отсутствія. А эта выгодная сторона несомнѣнно существуетъ. Дѣло извѣстное, что всякій специалистъ склоненъ къ виртуозности, къ оторванности отъ своихъ собственныхъ основныхъ, жизненныхъ задачъ, къ тому, что у насъ называется искусствомъ для искусства. Извѣстенъ даже процессъ, который приводитъ къ этой метаморфозѣ. Процессъ этотъ бываетъ или историческій, совершающійся въ цѣломъ ряду поколѣній, или чисто личный. Дѣло происходитъ обыкновенно такъ. Въ извѣстномъ племени, народѣ, обществѣ, изъ его ли собственной среды или изъ пришельцевъ слагается маленькая кучка счастливо одаренныхъ людей, подслушавшихъ и подсмотрѣвшихъ нѣсколько секретовъ природы. Секреты неважны: какаянибудь лекарственная трава, совпаденіе какагонибудь метеорологиче-

скаго явленія съ появленіемъ или исчезновеніемъ какого нибудь питательнаго вещества и т. п. Но обладатели ихъ все-таки могутъ дѣлать нѣкоторыя предсказанія, нѣчто предвидѣть и тѣмъ улучшать свое матеріальное положеніе. Затѣмъ они дѣлаютъ предсказанія и другимъ, и не даромъ, а за извѣстныя услуги; ихъ знаніе оплачивается профанами, сами они исполняютъ выраженные или невыраженные заказы профановъ. На этой второй ступени развитія спеціальности, кругъ знаній все разширяется, формируется, подводится подъ извѣстныя рубрики и т. д. Наступаетъ третья ступень: знаніе получаетъ цѣнность само по себѣ: безъ отношенія къ тѣмъ матеріальнымъ выгодамъ, которыя оно даетъ, и даже къ тѣмъ практическимъ вопросамъ, которые оно способно и призвано разрѣшать. Скоро конечно сказка сказывается и не скоро дѣло дѣлается,—многіе и многіе вѣка на это уходятъ,—но въ концѣ концовъ получается иногда удивительное явленіе: знаніе, совершенно оторванное отъ жизни и неимѣющее ровно никакой цѣны; знаніе самому себѣ довлѣющее, знаніе, такъ сказать, въ себя влюбленное, знаніе—Нарписъ. Не трудно видѣть, что, каково ни было это довлѣющее себѣ знаніе въ чисто теоретической области (намъ до этого здѣсь нѣтъ дѣла), въ примѣненіи къ практикѣ оно необходимо должно оказаться незнаніемъ. Самъ спеціалистъ, увлеченный потокомъ прогрессивнаго развитія жажды знанія, можетъ и не замѣтить, что онъ

Mit gier'ger Hand nach Schätzen gräbt
Und froh ist, wenn er Regenwürmer findet!

Но профану, какъ человѣку жизни, какъ заказчику, этого нельзя не замѣтить. Приходитъ профанъ къ гетевскому Вагнеру и говоритъ: я охранялъ тебя отъ враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ, я строилъ твой домъ, одѣвалъ, обувалъ и кормилъ тебя. Смотри—хорошо ли я исполнялъ свои обязанности относительно тебя, но, ученый мужъ, отдай мнѣ свой долгъ, расплатись со мной: просвѣти меня, удѣли мнѣ частичку того священнаго огня, который ты, благодаря мнѣ, охраняешь и поддерживаешь. Ученый мужъ отвѣчаетъ: перво на перво брось вульгарный, чисто

животный способ дѣланія дѣтей; я теперь занятъ проектомъ искусственного, химическаго, чисто научнаго способа фабрикаціи людей; когда я добьюсь окончательнаго результата, я сообщу тебѣ свой секретъ. Что тутъ дѣлать профану? Положимъ, онъ до такой степени профанъ, что не можетъ оцѣнить по достоинству теоретическую сторону задачи Вагнера. Но онъ не можетъ не понимать, что ея практическая сторона есть порожденіе полного незнанія человѣческой природы. Что же ему остается дѣлать, какъ не оттолкнуть Вагнера, какъ не выкинуть его изъ счета свѣдущихъ работниковъ, солидарныхъ между собою... Длинный историческій процессъ, породившій Вагнера, можетъ иногда уложиться въ предѣлы жизни одной личности. Мы сплошь и рядомъ видимъ ученыхъ и художниковъ, выступающихъ съ жаждою не только знанія и красоты, а и блага профановъ, но въ концу своего поприща запутывающихся въ пенужныхъ и бессмысленныхъ завитушкахъ своей спеціальности.

Нѣтъ необходимости, чтобы въ историческомъ процессѣ развитія какой нибудь отрасли человѣческаго вѣдѣнія имѣли мѣсто все бѣгло мною намѣченные моменты развитія жажды знанія. Весьма часто все средніе моменты пропускаются, и извѣстная отрасль знанія переходитъ, такъ сказать, отъ молочныхъ зубовъ непосредственно къ гнилымъ, утѣшая себя мыслью, что послѣдніе суть зубы мудрости. Говоря безъ метафоръ, бываетъ такъ, что извѣстный кругъ знаній, еще несложившись въ науку, еще не отрывъ и не объяснивъ законовъ подлежащихъ его вѣдѣнію явленій, имѣя въ своемъ распоряженіи всего, собственно говоря, нѣсколько примѣтъ, нѣсколько чисто эмпирическихъ свѣдѣній,—уже обращается въ науку Вагнера. Такая наука придаетъ важное значеніе вещамъ, не имѣющимъ ровно никакой важности, и знать не хочетъ вещей первостепенной важности. Такъ именно смотритъ на педагогику гр. Толстой. Справедливъ ли его приговоръ?

Надо замѣтить, что возражатели на статью гр. Толстого готовы признать за ней извѣстную долю справедливости. Напримѣръ въ брошюрѣ г. Евтушевскаго «Отвѣтъ на статью графа

Л. Толстого» говорится: «Что касается отрицательной части статьи, нельзя во многом не согласиться съ авторомъ. Онъ дѣйствительно хорошо подмѣтилъ и остроумно, хотя нѣсколько преувеличенно, указаль злоупотребленія новѣйшими способами обученія дѣтей» (стр. 4). Авторъ признаетъ также, что «за всякимъ новымъ дѣломъ по пятамъ идетъ спекуляторское отношеніе къ нему людей, во всемъ видящихъ наживу. Результатомъ такого отношенія къ новому педагогическому дѣлу было появленіе многихъ учебниковъ и компляцій, якобы педагогическихъ, которые не выясняютъ новаго дѣла, а только извращаютъ его» (5). Въ другомъ мѣстѣ, возражая на замѣчаніе гр. Толстаго о разногласіи самихъ педагоговъ по вопросамъ: чему учить? и какъ учить? г. Евтушевскій говоритъ: «согласіе встречаемъ мы между педагогами и образованными людьми въ Германіи, гдѣ начальная школа однообразна для всѣхъ сословій. Такое согласіе встречаемъ во многихъ нашихъ молодыхъ школахъ, гдѣ дѣло ведется людьми, подготовленными къ своему дѣлу. Что же касается дѣйствительно существующаго разногласія между русскими педагогами, то оно объясняется тѣмъ, что въ послѣднее время у насъ развилось великое множество педагоговъ самоучекъ, такъ-называемыхъ автодидактовъ (подобно доморощеннымъ аблакатамъ), эксплуатирующихъ и извращающихъ новое дѣло. Но такое явленіе неизбежно, особенно въ Россіи, гдѣ всякій считаетъ себя способнымъ взяться за всякое дѣло и дѣйствуетъ по наптію врожденныхъ способностей» (18). Последнія слова представляютъ повидимому шпильку гр. Толстому, но, оставляя этотъ шпильчатый смыслъ въ сторонѣ, мы видимъ, что г. Евтушевскій охотно выдаетъ головой кое-кого изъ своихъ собратьевъ. Онъ требуетъ только, чтобы не по этимъ плевеламъ судили о самомъ методѣ новѣйшей педагогіи. Это требованіе конечно резонное, хотя г. Евтушевскій къ сожалѣнію не сообщаетъ никакихъ признаковъ, по которымъ можно бы было отличить плевелы отъ пшеницы. Впрочемъ въ данномъ случаѣ это пожалуй и не нужно, потому что гр. Толстой цитируетъ не мелкоту бакую нибудь, а исключительно звѣздъ первой вели-

чины, — самого г. Евтушевскаго и г. Бунакова. И вообще упрекъ г. Евтушевскаго, что гр. Толстой не касается самаго метода обученія, вовсе не справедливъ. Прежде всего гр. Толстой даже указываетъ нѣкоторые достоинства новаго метода. Такъ онъ говоритъ: «Въ общемъ новая школа отстранила нѣкоторые недостатки, пзъ которыхъ главные—лишній прибавокъ къ согласной и заучиваніе наизусть опредѣленій, и въ этомъ имѣетъ преимущество передъ старымъ способомъ и даетъ въ чтеніи и письмѣ иногда лучшіе результаты; по за то внесла новые недостатки, состоящіе въ томъ, что содержаніе чтенія есть самое бессмысленное, и въ томъ, что ариеметика, какъ ученіе, уже совершенно не преподается» («О. З.» 1874 г., № 9, 172). Любопытно, что возражатели съ особенною силою напираютъ на слова гр. Толстого: ни у русскихъ, ни у иностранныхъ педагоговъ я не нашелъ отвѣта на вопросы: чему учить? и какъ учить? я убѣдился даже, что вопросы эти для педагоговъ, какъ науки, не существуютъ. Это-то уже кажется критика не той или другой частности, не того или другаго злоупотребленія новѣйшими способами обученія дѣтей. Господамъ возражателямъ надлежало парировать эту критику, а не «кивать на Петра». Но парировать господа возражатели не могли, потому что они даже не поняли замѣчанія гр. Толстого. Напримѣръ г. Евтушевскій, приведя упомянутыя слова гр. Толстого, съ чрезвычайно хитрымъ и вмѣстѣ побѣдоноснымъ видомъ преподноситъ ему списокъ русскихъ и иностранныхъ педагогическихъ сочиненій, въ которыхъ—десять—вопросы: какъ учить? и чему учить? разрѣшаются. Очевидно гр. Толстой потому не нашелъ отвѣтовъ на эти вопросы, что и не искалъ ихъ, пбо русскіе и иностранные педагоги толкуютъ объ нихъ много и дѣльно. Я думаю однако, что гр. Толстой не сказалъ бы, что читалъ педагогическія книжки, еслибы онъ ихъ не читалъ, да вѣдь и не Богъ знаетъ какаѧ это мудрость. Я думаю, что г. Евтушевскій просто не понялъ словъ гр. Толстого. Убѣждаетъ меня въ этомъ слѣдующее. Поразивъ своего противника спискомъ сочиненій, въ которыхъ вопросы чему и какъ учить разрѣшаются, г. Евтушевскій, для вящаго

подтвержденія своей мысли и опроверженія мысли гр. Толстого, дѣлаетъ краткій очеркъ исторіи педагогики. Онъ дѣлитъ ее на три періода, причѣмъ третій характеризруется такъ: «Придавая равное значеніе какъ формальной, такъ и матеріальной цѣли обученія, педагоги этого періода (послѣдней формациі, какъ ихъ насмѣшливо называетъ наша печать) развитіе умственныхъ способностей учащагося ставятъ въ зависимость отъ содержанія науки и отъ процесса познанія учащимися законовъ науки въ стройной педагогической системѣ. Содержаніе учебнаго предмета и методъ его сообщенія учащимся зависятъ отъ соответствія учебнаго матеріала съ возрастомъ и развитіемъ учащагося. Обученіе начпнается съ укрѣпленія, поясненія и обобщенія тѣхъ знаній, которыя дѣти привносятъ въ школу. Ученикъ сознательно воспринимаетъ содержаніе предмета, а не на вѣру — одною памятью; самъ доработывается» и т. д., и т. д. Что это такое? Зачѣмъ г. Евтушевскій говоритъ все это? Неужели въ поученіе гр. Толстому? Послѣдній вѣдь очень хорошо понимаетъ и неоднократно говоритъ, что «каждый педагогъ извѣстной школы твердо вѣритъ, что тѣ приемы, которые онъ употребляетъ, суть наилучшіе». Зачѣмъ же г. Евтушевскій печатаетъ свою рекламу новой педагогики? Это именно только реклама, говорящая, что въ новой школѣ все идетъ прекрасно. Но вѣдь въ этомъ-то и вопросъ. Не рекламировать надо, а *показать научныя основы* извѣстныхъ педагогическихъ приѣмовъ. Фабриканы Ждановы, рекламируя свою воздухоочистительную жидкость, говорятъ, что она превосходно очищаетъ зараженный воздухъ. Съ своей стороны фабриканты барболовыхъ препаратовъ утверждаютъ, что ихъ фабрикаты дѣйствуютъ несравненно лучше. Но и тѣ и другіе только рекламируютъ. Доказать же свои объявленія они могутъ не голымъ описаніемъ превосходныхъ свойствъ своихъ продуктовъ, а опытомъ и рациональнымъ объясненіемъ дѣйствія фабрикатовъ. Приведите мнѣ полное и добросовѣстное описаніе опытовъ и въ особенности покажите мнѣ результаты химическаго анализа, который показалъ, что дезинфекція происходитъ на основаніи такихъ-то и такихъ дознанныхъ за-

коновъ химпческаго сродства. Отъ фабрикантовъ воздухоочи- стительныхъ жидкостей подобныхъ доказательствъ требовать нельзя, но отъ педагоговъ можно и должно. Пусть они назо- вутъ тѣ законы психологическихъ и физиологическихъ явленій, которые они примѣняютъ къ обученію дѣтей. Притомъ же г. Евтушевскій въ своей рекламѣ совершенно невѣрно изобража- етъ дѣло. У него выходитъ такъ, какъ будто педагоги «новѣй- шей формациі» составляютъ нѣчто единое и цѣлое, какъ будто между ними нѣтъ никакихъ или по крайней мѣрѣ рѣзкихъ разногласій. Но положеніе вещей вовсе не таково. Въ этомъ легко убѣдиться при чтеніи любого педагогическаго сочиненія, не чисто догматическаго, а удѣляющаго часть своего внима- нія критикѣ и полемикѣ.

Возьмемъ статью «Обученіе русской грамотѣ», напечатанную въ октябрьской и ноябрьской книжкахъ «Семьи и Школы» за прошлый годъ. Статья эта составлена редакціей «по Мирополь- скому». Редакцію «Семьи и Школы» и г. Миропольскаго г. Ев- тушевскій не назоветъ ни автодидактами, ни людьми гоняю- щимися за наживой, ни злоупотребителями новѣйшихъ способовъ обученія. Это люди авторитетныя. Послушаемъ же ихъ. Статья начинается прямо съ такихъ репримандовъ: «Мы далеки отъ того положенія, когда понятія о методахъ обученія разработа- ны съ достаточною ясностью и, принятыя въ теоріи и на практикѣ, не возбуждаютъ противорѣчивыхъ толковъ, взаимно другъ друга отрицающихъ. Мы страдаемъ теперь не недостаткомъ методовъ, а ихъ обиліемъ. Пересматривая массу нашихъ азбукъ, легко убѣдиться, что имѣя великое множество «методъ», мы не выработали еще *одного* правильнаго, разумнаго метода, который бы удовлетворялъ *вполнѣ* всѣмъ требованіямъ современной ди- дактики. Не говоря уже о «столпянцахъ» (находящихся внѣ вмѣ- няемости), готовыхъ каждую манипуляцію, каждое движеніе воз- вести въ «методъ» и носиться съ нимъ, какъ съ писаною тор- бой, по пословицѣ; даже въ средѣ педагоговъ понятія о раціо- нальномъ способѣ обученія грамотѣ весьма сбивчивы и неопре- дѣленны... Взять хоть «методъ» (яко бы) Золотова: каковъ онъ

по существу—звуковой или буквепный? Баронъ Корфъ многими считается за знатока методовъ обученія грамотѣ; по вотъ что онъ отвѣчаетъ намъ: «метода Золотова *стоитъ между* звуко-слагательною и звуковою». «Стоитъ между»—это очень хорошо; это все равно, что сидѣть между двухъ стульевъ — положеніе, говорить, не вполнѣ спокойное. Однако же въ этомъ «стоитъ между» сказывается совершенное непониманіе почтеннымъ авторомъ «Нач. Школы» существа «методы» Золотовской» (№ 10, 117). Вотъ какъ описываютъ положеніе вещей специалисты. Я не знаю кому собственно принадлежатъ приведенныя слова — редакціи «Семьи и Школы» или г. Миропольскому, но для удобства разговора буду считать всю статью принадлежащею перу г. Миропольскаго; кстати редакція заявляетъ, что статья проредактирована г. Миропольскимъ особо для «Семьи и Школы». Очевидно картина, нарисованная г. Миропольскимъ, весьма мало соотвѣтствуетъ рекламѣ г. Евтушевскаго. А ужъ г. Миропольскаго онъ автодидактомъ не назоветъ. Это человѣкъ, проглотившій многое множество педагогической премудрости. Для характеристики его, какъ ученаго, можетъ на первый разъ служить слѣдующее ничтожное, но все-таки очень любопытное обстоятельство. Въ статьѣ его *два раза* (№ 10, 120 и № 11, 167) повторяется такая цитата: «Въ школьной жизни, говоритъ Дистервегъ, нѣтъ ничего хуже затишья. Движеніе—признакъ жизни. Кто принимаетъ участіе въ изслѣдованіяхъ и преніяхъ, кто принадлежитъ къ испытывающимъ и все провѣряющимъ, тотъ очевидно стремится овладѣть истиной». Изрѣченіе, собственно говоря, совершенно вѣрное, но развѣ не могъ г. Миропольскій выразить заключенную въ немъ мысль отъ себя? Когда писатель въ подтвержденіе своихъ словъ цитируетъ другого писателя, то это дѣлается по одному изъ двухъображеній: либо цитата представляетъ вѣское слово специалиста *въ его специальности*, либо извѣстная мысль выражена въ ней особенно удачно, ярко, сильно. Въ настоящемъ случаѣ оба резона не имѣютъ мѣста: мысль выражена Дистервегомъ крайне тяжело и неудобоваримо, что можетъ быть зависѣть отъ перевода; слова

его имѣютъ къ его спеціальности столько же отношенія, какъ и ко всякой другой, ихъ могъ бы сказать и Кузьма Прутковъ, и Ньютонъ, и Наполеонъ, и Платонъ, и любой нѣмецкій колбасникъ, и любой англійскій лордъ. Какое же такое особенное значеніе могутъ они имѣть для г. Миропольскаго, который на пространствѣ нѣсколькихъ листовъ съ такимъ апломбомъ приводитъ ихъ два раза? *Magister dixit!* вотъ и все. Совершенно незначительныя слова Дистервега, представляющія общее мѣсто, достойное прописей, цитируются г. Миропольскимъ два раза единственно потому, что это слова Дистервега. Повторяю, это обстоятельство ничтожное, мелочь, во все таки эта мелочь даетъ нѣкоторое понятіе о г. Миропольскомъ, какъ ученомъ. Можно думать, что онъ бываетъ froh, wenn er Regengwürmer findet и что его отношенія къ наукѣ при всей почтительности не особенно правильны. Но, скажетъ читатель, г. Миропольскій довольно грозную атаку новель противъ нашихъ педагогическихъ авторитетовъ, вонъ какъ знаменитаго барона Корфа отдѣлалъ. Да, это правда. Но подождите конца похода. Въ той педагогической неурядицѣ, которую описалъ г. Миропольскій, его больше всего возмущаетъ не отсутствіе *одною* правнльнаго, разумнаго метода, удовлетворяющаго и т. д., а такія обстоятельства, какъ приписываніе золотовской методы Золотову, тогда какъ она изобрѣтена Жакото, приписываніе какого-то третьестепеннаго приема обученія грамотѣ барону Корфу, тогда какъ онъ изобрѣтенъ Стефани и Зельтзамомъ, и т. п. Вообще г. Миропольскій повидмому только потому сердить на своихъ собратьевъ, что они сидятъ не въ должномъ порядкѣ. Ему отнюдь не приходитъ въ голову извѣстный крыловскій стихъ о пересаживающихся музыкантахъ («а вы, друзья, какъ ни садитесь, все въ музыканты не годитесь»). Нѣтъ, ему кажется, что онъ сдѣлаетъ большую услугу наукѣ, если дастъ каждому педагогу возможность правильно называть тотъ методъ обученія, который имъ употребляется. Подобно тому мольеровскому герою, который довольно поздно узналъ, что онъ всю жизнь говорилъ прозой, наши педагоги должны получить отъ г. Миропольскаго этикетки съ точ-

нымъ обозначеніемъ ихъ собственныхъ методовъ. Начинается классификація методовъ, конкъ оказывается семь: буквосочетательный, букворазлагательный, слогосоставительный, слогоразлагательный, звуковой синтетическій, звуковой аналитическій, звуковой синкретическій. Такимъ образомъ всѣ методы уставлены въ ранжиръ и изъ рядовъ выскакиваетъ, какъ беззаконная комета среди расчисленныхъ свѣтилъ, только какой-то странный методъ «буквосочетанія звуковъ или звукосочетанія». (№ 10, 123). Куда вы лѣзете, баронъ! покрикиваетъ г. Миропольскій, важно прохаживаясь передъ фронтомъ, у васъ своего метода вовсе нѣтъ, вы синтетическій звуковикъ! Г. Золотовъ, равняйтесь! сюда пожалуйста, въ звуковой аналитическій! вотъ тамъ, гдѣ Зельтзамъ, Вейнгардъ, Шольцъ, Фибль, Прейсъ стоятъ... Естественное дѣло, что такого знатока методовъ стоитъ спросить, какого метода онъ держится самъ. Г. Миропольскій предвидитъ этотъ вопросъ и обязательно отвѣчаетъ: «пусть будетъ полная свобода въ выборѣ метода обученія грамотѣ, но пусть выборъ дѣлается *сознательно*, на вѣрныхъ и серьезно обдуманнхъ *основаніяхъ*, а не «по прихоти случайной», не на вѣру и авторитетъ, не на (по?) преданіе и рутинное желаніе охранять *statu quo* во имя собственнаго спокойствія, лѣни, инерціи» (№ 10, 120). Замѣтте сколько фальши и педантства въ этихъ красивыхъ, хоть и не совсѣмъ грамматически расположенныхъ словахъ. Ученый мужъ классифицировалъ всѣ методы обученія грамотѣ. Я спрашиваю его, который же мнѣ выбрать? Онъ отвѣчаетъ: выберите любой, вы совершенно свободны, но выберите *на вѣрныхъ основаніяхъ*. Сказалъ ли онъ мнѣ что нибудь? Нѣтъ, ровно ничего не сказалъ. Онъ только замазалъ мой вопросъ красивымъ негодованіемъ противъ лѣни и инерціи, бессознательности и необдуманности. Что методъ, выбранный на *вѣрныхъ основаніяхъ*, *вѣренъ*, это я и безъ него зналъ; мнѣ нужны были указанія его, ученаго мужа, въ чемъ именно состоятъ вѣрныя основанія выбора. Какъ же не сказать вмѣстѣ съ г. Толстымъ, что у педагоговъ просятъ хлѣба, а они даютъ камень? Впрочемъ вслѣдъ затѣмъ уче-

ный мужъ снисходительно замѣчаетъ, что «здѣсь не лишне (еще бы лишне!) сказать о критеріѣ для выбора метода обученія грамотѣ, о чемъ высказываются различныя мнѣнія и существуютъ заблужденія». Ну вотъ, слава Богу! Сейчасъ различіе мнѣній, а тѣмъ паче заблужденія будутъ устранимы и вопросъ о методѣ прояснится. Но увы! читатель опять получаетъ камень вмѣсто куска хлѣба! Поговоривъ о томъ, что природа «идетъ медленно спѣша» и что природа «творитъ свое дѣло, по выраженію поэта, безъ спѣха, безъ отдыха», г. Миропольскій заключаетъ: «Методъ обученія долженъ быть *развивающимъ*, а все обученіе *воспитывающимъ*, оба же *согласны съ природой* и ходомъ *естественнаго* развитія дитяти; вотъ *критерій* для оцѣнки правильнаго метода обученія грамотѣ». Достоинно замѣчанія, что именно подчеркнутыя г. Миропольскимъ слова, т. е. тѣ, которымъ онъ придаетъ особенное значеніе, лишены всякаго опредѣленнаго содержанія. Читатель, привыкшій къ сакраментальнымъ словечкамъ, въ родѣ *естественный* ходъ развитія дитяти, *согласное съ природой* обученіе и т. п. можетъ сердиться сколько угодно; г. Миропольскій тоже, но я утверждаю, что и читатель, и г. Миропольскій не понимаютъ приведеннаго опредѣленія критерія.

Я позволю себѣ уклониться на одну минуту отъ бесѣды съ г. Миропольскимъ и сказать два слова съ другими педагогами, именно съ гг. А и Я. Симонвичъ. Эти педагоги, если не ошибаюсь, издатели «Дѣтскаго Сада», люди, мимоходомъ сказать, относящіеся къ своему дѣлу крайне серьезно и добросовѣстно, издали въ прошломъ году сборникъ статей изъ «Дѣтскаго Сада» подъ заглавіемъ «Практическія замѣтки объ индивидуальномъ и общественномъ воспитаніи малолѣтнихъ дѣтей». Въ предисловіи къ первому тому сборника читаемъ: «Изъ нѣкоторыхъ статей мы выпустили то, что не соотвѣтствуетъ болѣе научнымъ взглядамъ. Такъ напримѣръ вопросъ о наслѣдственности съ того времени пріобрѣлъ силу, а въ первомъ изданіи мы полагаемъ, что ребенокъ это *tabula rasa*, что изъ него можетъ выдти что угодно воспитателю или окружающей средѣ. Въ этомъ изданіи взглядъ этотъ измѣненъ: ребенокъ уже при рожденіи имѣ-

еть извѣстную индивидуальность» (XI). На оберткѣ сборника значится, что въ него вошли статьи изъ «Дѣтскаго Сада» за 1866, 1867 и 1868 г. Слѣдовательно весьма существенные изъ взглядовъ гг. Симоновичъ на *естественный* ходъ развитія дѣтей радикально измѣнились въ нѣсколько лѣтъ. И они объ этомъ прямо заявляютъ и дѣлаютъ нужныя по ихъ мнѣнію поправки въ своихъ теоріяхъ. Такая прямота, такая откровенность и готовность поступаться своими взглядами, разъ они оказываются невѣрными, весьма рѣдко встрѣчаются между педагогами. Большею частію они издають свои учебники, трактаты и руководства вторымъ, третьимъ изданіемъ, вовсе не справляясь съ движеніемъ настоящей, признанной науки, открывающей и объясняющей законы явленій. Благодаря гг. Толстому, я перечиталъ много русскихъ педагогическихъ сочиненій, и, за исключеніемъ Ушинскаго, не встрѣтилъ смылокъ напримѣръ на новѣйшую англійскую психологію или на теорію Дарвина (за то же Ушинскій и считается между педагогами восьмымъ чудомъ свѣта). Попадаются въ литературѣ указанія на этнологію, какъ на подспорье педагогики, но этихъ указаній слѣдуетъ искать не въ педагогической литературѣ. Говоря это, я разумѣю преимущественно нашихъ наиболѣе выдающихся, «знаменитыхъ» педагоговъ. Чѣмъ болѣе педагогъ «знаменитъ», тѣмъ рѣже встрѣчаются у него свидѣтельства его знакомства съ движеніемъ науки. Это не оттого происходитъ, что педагоги подобно Эпикуру не любятъ цитировать. Совсѣмъ напротивъ. Мы видѣли при какихъ обстоятельствахъ г. Миропольскій цитируетъ Дистервега. Г. Евтушевскій въ своемъ отвѣтѣ гг. Толстому даже совсѣмъ ни къ селу, ни къ городу *instauratio magna* Бэкона упомянулъ. Нѣтъ, педагоги напротивъ очень любятъ ссылаться на авторитеты, но это авторитеты или спеціально педагогическіе (тутъ ужъ всякое льмо, всякій Фибль, Шольцъ идетъ въ строку), или очень стары психологическіе (позже Гербарта рѣдко, а большею частію дѣло не идетъ дальше Локка). Изъ новыхъ поминается иногда Спенсеръ, но нѣтъ смылокъ на его «Основанія психологін», а только на статьи о воспитаніи. Изъ этого слѣдуетъ кажется заключить,

что педагоги наши съ настоящей собственно наукой вовсе незнакомы и не желаютъ знакомиться. Г. Миропольскій напрямѣръ до такой степени мало знакомъ съ исторіей мысли, что однажды въ педагогическомъ обществѣ во всеуслышаніе заявилъ: «я нѣкогда не встрѣчалъ другого такого геніальнаго мыслителя, какъ Коменскій» (педагогъ XVI вѣка). Вотъ Моисей и пророки! Педагоги вполне полагаются на тѣ посредствующіе, большею частью нѣмецкіе, чисто педагогическіе авторитеты, которые вѣроятно по ихъ мнѣнію извлекли уже все нужное изъ біологій и психологій. Они до такой степени вѣлись съ одной стороны въ бессодержательныя фразы, а съ другой въ мелкія педагогическія примѣты и ошупью находимые рецепты, что не считаютъ нужнымъ хоть время отъ времени освѣжать свои познанія тѣми изслѣдованіями, на которыхъ по ихъ собственнымъ словамъ строится все зданіе педагогики. Они очень много толкуютъ о естествѣ и о психологій, но полагаютъ, что, осѣдлавъ Локка, можно на немъ ѣздить до скончанія вѣка. Вотъ почему я и указываю на серьезное и добросовѣстное отношеніе къ дѣлу гг. Симоновичъ. Теперь посмотримъ, что извлекли гг. Симоновичъ изъ Дарвина. На стр. III того же предисловія напечатано: «Дарвинъ доказалъ, что особенности организма передаются по наслѣдству потомству, и не только особенности физическія, но и нравственныя. Дарвинъ, цитируя всевозможныхъ авторовъ, писавшихъ о наслѣдственности, приводитъ поразительные случаи передачи потомству рѣдкихъ и оригинальныхъ физическихъ особенностей. Нравственныя качества, лежація въ основѣ общественности, какъ-то дружелюбіе, любовь къ ближнему, вѣрность и т. п. тоже передаются по наслѣдству. *По теоріи естественнаго подбора люди рождаются съ склонностью къ хорошей нравственности, ибо они унаследываютъ тѣ качества, которыми владѣютъ потомки, живущіе въ обществѣ; всѣ люди, не обладающіе элементарными нравственными качествами, необходимыми для жизни въ общественной средѣ, гибнутъ, не дають отъ себя потомства (тутъ разумѣется не одно поколѣніе, а нѣсколько). Поэтому мы должны разсматривать каждаго рождающагося ребенка не какъ*

tabulam rasam, индифферентное существо; нѣтъ, ребенокъ уже обладаетъ извѣстною индивидуальностью, обусловленною качествами родителей, прародителей, и расположеннаго уже къ извѣстнымъ хорошимъ нравственнымъ качествамъ». Все это очень паивно (вся книга проникнута наивностью), а подчеркнутая мною фраза даже лишена смысла. Но я вижу тутъ по крайней мѣрѣ искреннее желаніе наполнить то пустое пространство, даже плохо огороженное, надъ которымъ высится красивая вывѣска: естественное развитіе дитяти. Ничего подобнаго у г. Миропольскаго нѣтъ. Онъ говоритъ: развитіе, естественный ходъ, согласный съ природой,—даже повидимому не подозревая, что это слова, слова, слова, пустыя формы, получающія значеніе только по тому опредѣленному содержанію, которое въ нихъ вкладывается Петромъ, Иваномъ, Сидоромъ. Петръ, Иванъ, Сидоръ обязаны сказать, что именно разумѣютъ они подъ этими словами, иначе они ровно ничего не сказали и никакой разговоръ съ ними невозможенъ. Я очень радъ, что могу сослаться на жемчужину русскихъ педагоговъ, Ушинскаго, который дѣйствительно понималъ свое дѣло несравненно шире всѣхъ гг. Миропольскихъ, Евтушевскихъ и Бушаковыхъ. На стр. VII предисловія къ первому тому его «Педагогической антропологіи» говорится: «Мы имѣемъ полное право спросить воспитателя, какую цѣль онъ будетъ преслѣдовать въ своей дѣятельности, и потребовать на этотъ вопросъ яснаго и категорическаго отвѣта; мы не можемъ въ этомъ случаѣ удовольствоваться общими фразами, въ родѣ тѣхъ, какими начинаютъ большую часть нѣмецкія педагоги. Если намъ говорятъ, что цѣлью воспитанія будетъ сдѣлать человека *счастливымъ*, то мы вправѣ спросить, что такое разумѣетъ воспитатель подъ именемъ *счастья*... Та же самая неопредѣленность будетъ и тогда, если на вопросъ о цѣли воспитанія отвѣчаютъ, что оно хочетъ сдѣлать человека *лучше, совершеннѣе*... Изъ этой неопредѣленности не выходитъ воспитаніе и тогда, когда говорятъ, что хочетъ воспитывать человека *сообразно его природѣ*. Гдѣ же мы найдемъ эту нормальную человѣческую природу, сообразно которой хотимъ воспитывать дитя? Руссо, опредѣлившій воспитаніе имен-

по такимъ образомъ, видѣлъ эту природу въ дикаряхъ и притомъ въ дикаряхъ, созданныхъ его фантазіей». — Не странно ли, что многоученный г. Евтушевскій считаетъ теоріи Руссо пройденною ступеню въ педагогикѣ, а многоученный г. Мировольскій выражаетъ критерій воспитанія тѣми же буквально словами, которыми выражалъ его Руссо? Вся разница въ томъ, что Руссо вкладывалъ въ слова «согласно съ природой» вѣрное или невѣрное, но совершенно опредѣленное содержаніе, а г. Мировольскій не вкладываетъ никакого. Это ли прогрессъ педагогики?

Покончивъ съ критеріемъ, г. Мировольскій переходитъ къ изложенію звуковыхъ методовъ. Здѣсь читатель найдетъ удивительно полный ассортиментъ курьезовъ, монстровъ и раритетовъ, цѣлый маленькій музей. Не все въ немъ принадлежитъ самому г. Мировольскому, но все изобрѣтено и изготовлено тѣмъ или другимъ, болѣе или менѣе авторитетнымъ педагогомъ. Я заставляю читателя скучать, мнѣ и самому скучно возиться со всей этой педагогической дребеденю. Поэтому я приведу изъ музея г. Мировольскаго возможно малое количество монстровъ и раритетовъ. Я затрудняюсь только въ выборѣ, все хорошо, все одинаково оправдываетъ жесткій приговоръ гр. Толстого: вопросы — какъ учить? и чему учить? для педагогикъ, какъ науки, не существуютъ. Благодаря статьѣ г. Мировольскаго, мы имѣемъ цѣлую галерею портретовъ людей, умственно и нравственно изломанныхъ и точно старающихся перещеголять другъ друга въ изломанности. Вотъ люди, и между ними есть крупные авторитеты, чуть ли даже не Дистервегъ и Любень, совѣтующіе «для болѣе отчетливаго усвоенія звуковаго матеріала грамоты» рассказывать дѣтямъ, что происходитъ съ языкомъ, глоткой, дыханіемъ при произношеніи буквъ. Нѣкоторые даже изобрѣтаютъ особенную терминологию и вмѣсто *a* говорятъ: «ротъ широко!», вмѣсто *e*: «подними языкъ!», вмѣсто *i*: «языкъ вверхъ!», вмѣсто *o*: «ротъ кругло!» вмѣсто *y*: «ротъ просто вперед!» Ряди Вольфганга Ратихія и Амоса Коменскаго, зачѣмъ это? почему это? — Вотъ педагогъ Гразеръ, очень хорошій, очень знаменитый педа-

гогъ. Опъ придумадъ, что «нписьмо есть не что иное, какъ изображеніе различныхъ положеній нашего рта» при произношеніи звуковъ; что напримѣръ буква *o* есть изображеніе круглаго положенія рта при произношеніи звука, что *r* есть такое же изображеніе прикасающагося къ верхней части неба языка при произношеніи этого звука и т. п. Это конечно штука очень забавная и даже не лишенная остроумія, но все-таки только штука, каковою ея признаеть и г. Миропольскій.—Вотъ самъ Миропольскій, совѣтующій «при изученіи» двугласныхъ (*ай*, *ой*) «заставлять ученика произнести одинъ за другимъ звуки напримѣръ *a* и *и*; потомъ—заставлять повторять ихъ произношеніе, постепенно *ускоряя*, пока они сами собой не перейдутъ въ звукъ *ай*. Или можно получить тотъ же результатъ такимъ путемъ: протягиваютъ гласную, положимъ *a* и затѣмъ *вдругъ* коротенько прибавляютъ *и*, которое неизбежно при такомъ звукосочетаніи обращается въ *краткое ѣ (ай)*». Какая въ самомъ дѣлѣ отличная штука! (она мнѣ почему-то гармонику напоминаетъ) и какую возвышенную радость долженъ былъ испытывать многоученный Вагнеръ-Миропольскій, «изобрѣтя этотъ «пріемъ» (можетъ быть даже «методъ») изученія двугласныхъ! — Вотъ очень ученый и недавно умершій педагогъ Фогель. Объ этомъ удивительномъ человѣкѣ стоитъ поговорить нѣсколько дольше. «Въ своемъ методѣ обученія чтенію, говоритъ г. Миропольскій, онъ выходитъ изъ общезвѣстнаго факта, что дѣти ничего не пишутъ съ такою охотою, ничѣмъ такъ не восхищаются, какъ умѣвемъ писать *свое имя*» («С. п. Ш.» № 11, 157). Я прошу читателя запомнить эту исходную точку Фогеля. Взамѣнъ обещаю, что это уже будетъ послѣдняя экскурсія въ кунтскамеру г. Миропольскаго. И такъ дѣти любятъ писать свое имя. Поэтому Фогель составилъ особенный букварь съ картинками, извѣстный подъ названіемъ «Fischbuch'a», потому что первая картинка въ немъ изображаетъ рыбу (Fisch). Съ этой рыбой идутъ такого рода упражненія:

«Учитель спрашиваетъ: «Что это такое?» Ученики конечно отвѣчаютъ— «это рыба». Учитель нѣсколько разъ громко и раздѣльно заставляеть произ-

пести данное слово. Фогель обращает внимание на произношение учащихся, что при звуковом обучении имеет несомненно важное значение. Произношение должно быть: а) чистое и членораздельное, б) медленное и ясное, в) громкое и выразительное, так чтобы произносимые учениками слова соответствовали свойству выражаемой им мысли. Общее правило: «хорошо отвечать всегда тихо и в такт; одиночно—громко, для всего класса, а не подносить себя».—*Отвѣты учениковъ должны быть даваемы всегда въ видѣ дѣлныхъ предложений.* Увлѣвшись, что слово *рыба* все ученики произносятъ ясно и отчетливо, учитель переходитъ къ предметной бесѣдѣ о рыбѣ. «*Гдѣ живетъ рыба?*» — (Рыба живетъ въ водѣ). «*Какъ рыба попала на класную доску?*» — (На доскѣ рыба нарисована). «*Поэтому, какая эта рыба?*» — (Это нарисованная рыба). «*Какъ называется (указывая на голову) эта часть рыбы?*» — (Это голова рыбы). «*Сколько глазъ у рыбы?*» — «*Сколько глазъ у каждого изъ насъ?*» — «*Покажите правый глазъ!*» — «*Лѣвый!*» — «*Для чего служатъ глаза?*» — «*Слѣдовательно, что могутъ рыбы дѣлать глазами?*» *Рыбы могутъ видѣть.* — «*Повторите хорошо все этотъ отвѣтъ!*» — «*Слышать ли рыбы?*» (Молчаніе). «*Чѣмъ мы слышимъ?*» — «*Посмотрите, есть ли у рыбы уши?*» — «*Ахъ, бѣдная рыба вѣрно не слышитъ, потому что наружныхъ ушей у рыбы не видно.* Говорите все: у рыбы наружныхъ ушей нѣтъ!» (въ тактъ). — «*Не жалѣйте впрочемъ о рыбѣ, можетъ быть, она и слышитъ. Есть маленькая рыбка, которая подплываетъ къ намъ, когда мы позвонимъ въ колокольчикъ.* Замѣчено также, что всякій шумъ рыбу пугаетъ и она уходитъ отъ шума въ глубь воды. Что изъ этого можно заключить?» — *Рыбы слышатъ.* «*Повторите хорошо отвѣтъ!* Говорите: «рыбы могутъ видѣть, могутъ слышать». «*А нюхаетъ-ли рыба?*» — (Молчаніе). «*Чѣмъ мы нюхаемъ (обоняемъ)?*» — «*Поищите носъ у рыбы.*» — «*Ахъ, мы не находимъ у рыбы носа!* Говорите: *у рыбы нѣтъ носа!* (хорошо подѣ тактъ). «*Значитъ рыба не обоняетъ? Подождите.* Рыбаками замѣчено, что если опустить въ темнотѣ въ рѣку или въ озеро сѣтку съ испорченнымъ мясомъ, то рыба почуветъ запахъ мяса и тотчасъ подплываетъ къ нему. Что изъ этого видно?» — *Рыбы могутъ нюхать.* Повторите: «рыбы могутъ видѣть, рыбы могутъ слышать, рыбы могутъ нюхать». «*Чѣмъ мы узнаемъ вкусъ?*» Языкомъ. — «*И у рыбы есть языкъ, только овъ не видѣнъ на рисункѣ, слѣдовательно рыбы могутъ узнавать и вкусъ.* Повторите: «рыбы могутъ» и пр. «*Чѣмъ ловятъ рыбу?*» — «*Что дѣлаетъ рыба, когда попадется на удочку?*» — «*Что мы можемъ видѣть изъ того, что рыба мечется на крючкѣ?*» — «*Рыбѣ больно, рыба чувствуетъ.* Повторите: «рыбы могутъ видѣть» и пр. *Зрѣніе слухъ, обоняніе, вкусъ и осязаніе суть пять чувствъ.* «*Назовите еще разъ все пять чувствъ!* «*Кто намъ и рыбамъ далъ чувства?*» — *Дѣти!* Будемъ благодарить Создателя за дарованіе намъ чувствъ! Безъ нихъ мы не знали бы, что дѣлается вокругъ насъ и съ нами. «*Для чего служатъ зрѣніе?* — «*Для чего слухъ?*» и пр.

Если бы я не боялся падо́сть читателю хуже горькой рѣд-ки, я бы привелъ еще изъ одной старой статьи гр. Толстого указаніе, что нѣмецкіе педагоги ухитряются еще и не такія мученія продѣлывать надъ дѣтьми при помощи «фишъ-буха». То, что приводитъ (и одобряетъ) г. Миропольскій, несмотря на всю свою бессмысленность, не можетъ даже и въ сравненіе идти съ рассказомъ графа Толстаго. Надо видѣть, чтобы вѣрить. (См. сочиненія Толстаго, т. IV, стр. 54 и слѣд.). Съ меня довольно. Я напомиу только, что исходная точка всего метода Фогеля есть тотъ «общезвѣстный фактъ, что дѣти ничѣмъ такъ не восхищаются, какъ умѣнъемъ писать *свои имена*» Какъ эта совершенно опредѣленная исходная точка выжется съ пыткой надъ фишъ-бухомъ—г. Миропольскій не объясняетъ...

Статья г. Миропольскаго въ качествѣ кунтскамеры представляетъ особенныя удобства для ознакомленія съ той безпорядочной кучей общихъ мѣстъ, лишенныхъ всякаго содержанія, и мелкихъ рецептовъ въ родѣ метода изученія двугласныхъ (а — и а—и, ай), съ той безпорядочной кучей, которая называется педагогикой. Но въ томъ, что современная педагогика дѣйствительно не наука и не искусство, а какой-то игрушечная лавка (впрочемъ игрушки въ ней достаются кошкѣмъ-педагогамъ, а на долю мышекъ-ребятъ выпадаютъ слезки), читатель можетъ убѣдиться и изъ весьма многихъ другихъ педагогическихъ сочиненій. А между тѣмъ какимъ апломбомъ, какимъ невѣроятнымъ чувствомъ собственного достоинства проникнуты эти фабриканты игрушекъ для собственного развлеченія! Напримѣръ тотъ самый г. Миропольскій, который такъ либерально предоставлялъ учителю полную свободу выбора метода обученія, пишетъ: «Нечего и прибавлять, что при соединеніи гласныхъ и согласныхъ—учитель всего болѣе долженъ беречься *звукосочетанія*,—эта зараза вкрадывается незамѣтно, а устраняется съ большими затрудненіями». Почему звукосочетаніе зараза, а фишъ-бухъ—не зараза? Въ другомъ мѣстѣ, приведя какую-то бесѣду г. Паульсона, далеко лучшую фишъ-буха и ничѣмъ не худшую всякихъ другихъ педагогическихъ рецептовъ, г. Миропольскій воскли-

дасть: «Неудачнѣйшій изъ неудачныхъ пріемовъ!» Наконецъ тотъ же г. Мировольскій заявилъ однажды въ педагогическомъ обществѣ: «Въ то время, какъ мы здѣсь обсуждаемъ этотъ вопросъ (рѣчь шла о баллахъ), рѣшенія его нетерпѣливо ожидаютъ въ отдаленныхъ мѣстностяхъ нашего обширнаго отечества». И вотъ среди этихъ-то людей, самодовольныхъ до безобразія, вполнѣ увѣренныхъ, что они призваны вязать и рѣшпть, кокетничающихъ другъ передъ другомъ и передъ зеркаломъ, копающихся въ мелочныхъ и ни на чемъ не основанныхъ, совершенно произвольныхъ положеніяхъ и отрицаніяхъ,—является графъ Толстой съ очень простымъ и яснымъ вопросомъ: каковы научныя основанія вашей дѣятельности? Понятно, что уже одинъ этотъ вопросъ, произнесенный властно и возвышеннымъ голосомъ (будь онъ заданъ мирно и тихо, на него не обратили бы вниманія) долженъ былъ взбудоражить муравейникъ. Однако до сихъ поръ изъ муравейника не раздалось еще ни одного настоящаго, т. е. прямого отвѣта. Возраженія направлены главнымъ образомъ или на замазываніе заданнаго вопроса, или на огражденіе собственной личности (г. Евтушевскаго, г. Бунакова), или на другія стороны статьи графа Толстого, стороны также высокой важности. Графъ Толстой говоритъ педагогамъ: ваши дѣйствія, ваши руководства, ваши методы и пріемы не имѣютъ за себя никакого научнаго оправданія. Но если бы даже они были дѣйствительно вполнѣ научны и вы могли бы подвести подъ каждое свое предписаніе извѣстные, наукой дознанные, законы явленій,—васъ не хотеть знать народъ; я, съ своей стороны не зная иного критерія педагогики, признаю въ этомъ дѣлѣ верховнымъ авторитетомъ волю народа.

Педагоги были возмущены и оскорблены до глубины души. И я это понимаю. Какъ! Ихъ рѣшеній «нетерпѣливо ждутъ въ различныхъ мѣстностяхъ нашего обширнаго отечества»; они изучили не только такого гениальнаго мыслителя, какъ Амосъ Коменскій, но и Шольца и Шмальца, и Фибля и Крпбля,—и ихъ зовутъ на судъ профановъ! Они, уже открывшіе секретъ искусственнаго приготовленія дѣтей по самому естественному

методу, должны прислушиваться къ голосу невѣжественныхъ людей, не имѣющихъ ни малѣйшаго понятія не только объ Амосѣ Коменскомъ, но и о Шольдѣ и Шмальцѣ! Конечно такой возмутительной вещи можетъ потребовать только обскурантъ, ретроградъ, поборникъ тьмы, невѣжества и попятнаго движенія! Я понимаю это настроеніе многоученныхъ педагоговъ. Я понимаю, что буквоѣду Вагнеру, увѣровавшему à force de forger, что изъ его реторты вотъ-вотъ выскочитъ гомункулъ, тяжело и даже невозможно признать, что 1) всѣ его приемы совершенно не научны и что 2) если бы они и были научны, то люди, профаны не желаютъ имѣть сношенія съ его гомункуломъ. Пусть приходитъ человѣкъ семи пядей во лбу, пусть онъ цѣлый годъ сряду, не переставая, убѣждаетъ Вагнера краснорѣчивѣйшими доводами, Вагнеръ останется непоколебимъ. Онъ будетъ барахтаться и отбрыкиваться до изнеможенія, потому что сдайся онъ—и ему жить нечѣмъ, не только въ переносномъ смыслѣ, духовномъ, но и прямо въ матеріальномъ: если все общество, всѣ профаны убѣдятся, что гомункулъ есть вздоръ, профаны откажутся содержать его, ему придется искать другого поприща дѣятельности а онъ ничего кромѣ своего приготовленія гомункула не знаетъ. Можетъ быть, даже очень вѣроятно, что яснаго сознанія этихъ опасностей у Вагнера нѣтъ, но тѣмъ не менѣе они такъ близки, что онъ ихъ инстинктивно чувствуетъ. Поэтому, говоря въ своихъ запискахъ о педагогахъ, я отнюдь не имѣю въ виду убѣдить самихъ этихъ ученыхъ мужей,—это былъ бы совершенно напрасный трудъ; я имѣю въ виду только тѣхъ читателей, которые по старой памяти о нихъ уже, увы! поблекшемъ ореолѣ, окружающемъ нашихъ педагоговъ, не вынкая въ дѣло сами, повѣрили бы господамъ педагогамъ на слово.

Прежде всего укажу на практическую сторону требованія графа Толстого. Недавно одинъ пріѣзжій изъ провинціи, человѣкъ совершенно чуждый педагогическимъ вопросамъ, но народъ знающій, рассказывалъ мнѣ слѣдующее. Въ деревнѣ открылась школа, была приглашена учительница, кажется воспитанница семинаріи. Желавшихъ учиться набралось съ разу столько, что шко-

ла оказалась полными полна. Въ торжественный день открытія школы, послѣ разныхъ церемоній, происходилъ первый, пробный урокъ, при которомъ, кромѣ почетныхъ посѣтителей, присутствовали и родители учениковъ, преимущественно бабы. Бабы эти осадили прежде всего учительницу, молоденькую барышню, просьбами приглядѣть «за моимъ-то», «моего-то, вотъ что въ углу сидитъ» хорошенько обучить. Барышня, видимо тяготясь этими докуками, отвѣчала однако любезно. Наконецъ бабъ успокоили. Начинается урокъ. Учительница сирашиваетъ: «ну, дѣти, куда вы пришли?»—Нѣкоторые молчатъ, нѣкоторые говорятъ: учиться, въ училищу, въ школу.—«Нѣтъ, нѣтъ, не такъ. Поднимите лѣвыя руки и всѣ вмѣстѣ за разъ говорите: мы пришли въ школу».—Послѣ длинной возни съ лѣвой рукой и «хоровымъ отвѣтомъ», учительница спросила гдѣ полъ, гдѣ потолокъ и т. д., не упуская изъ виду ни лѣвыхъ рукъ, ни хоровыхъ отвѣтовъ. Тянулася эта исторія очень долго. Мой знакомый, чуждый, какъ я сказалъ, педагогикѣ, былъ въ большомъ недоумѣніи и наконецъ ушелъ. Слѣдомъ за нимъ ушло нѣсколько бабъ, которыя были еще въ большемъ недоумѣніи. Они обратились къ нему съ вопросами: какое же это ученіе, на ученіе будто не похожее? Дальнѣйшей исторіи школы я не знаю, но мой знакомый полагаетъ, что мужики и бабы скоро разберутъ своихъ дѣтей и школа опустѣетъ. Конечно мужики и бабы невѣжественны, но что же прикажете дѣлать, если учить крестьянскихъ ребятшекъ по превосходнѣйшимъ и вполне естественнымъ методамъ, приближающимся къ фишъ-буху, значить разогнать учениковъ? Очевидно, что если и допустить, что знаніе педагоговъ есть дѣйствительно знаніе въ теоретическомъ смыслѣ (чего однако допустить нельзя), то въ примѣненіи къ практикѣ оно обращается въ совершенное незнаніе, ибо приводитъ къ совершенно непредвидѣннымъ результатамъ. Знать что нибудь,—вѣдь это почти тоже, что предвидѣть результаты этого чего нибудь. Наши педагоги очень часто толкуютъ объ исторіи педагогики, т. е. объ томъ, какъ Шмальцъ улучшилъ методъ Шольца, но они никогда не говорятъ объ исторіи народнаго образованія. А

между тѣмъ это предметъ по малой мѣрѣ не менѣе интересный и въ добавокъ соприкасающійся прямо съ жизнью тѣхъ профановъ, для которыхъ собственно Шмальцъ и улучшилъ методъ Шольца. Я посовѣтовалъ бы педагогамъ не побрезгать хоть недавно вышедшей книгой г. Владимірскаго-Буданова «Государство и народное образованіе въ Россіи XVIII вѣка». Изъ нея они увидѣли бы какъ трудно быть насильно милымъ народу. Изъ всѣхъ педагоговъ практическую сторону поднятаго графомъ Толстымъ вопроса принялъ во вниманіе только г. Страннолюбскій, пользующійся въ Петербургѣ, какъ преподаватель математики, большою извѣстностью, хотя и не сочинившій никакой методки. 2-го ноября прошлаго года г. Страннолюбскій читалъ въ педагогическомъ обществѣ отчетъ о «Счетѣ», части «Азбуки» графа Толстого. Онъ высказалъ при этомъ о педагогическихъ приемахъ графа Толстого весьма лестное мнѣніе. Хотя особенно цѣнны взгляды г. Страннолюбскаго, какъ специалиста, на арметтику графа Толстого, но весь его отчетъ долженъ быть признанъ образцовымъ по ясности, доказательности и логичности. Между прочимъ въ отчетѣ говорится: «Мнѣ случилось лично присутствовать при обученіи грамотѣ и счету въ школахъ устроенныхъ для рабочихъ, и притомъ городскихъ, слѣдовательно настроенныхъ по отношенію къ школѣ болѣе благопріятно сравнительно съ сельскимъ населеніемъ. Я замѣтилъ слѣдующій фактъ. При открытіи школы, она сразу наводнилась массою учениковъ. На первыхъ урокахъ обнаруживалось самое напряженное и усиленное вниманіе къ дѣлу. Видно было, что народъ дѣйствительно желаетъ учиться; но мало по малу вниманіе и усердіе ослабѣвали, зачастую слышались даже жалобы, что учать не тому, чему нужно. Классы рѣдѣли, и школа должна была дѣлать уступки или плестись черезъ пень въ колоду, а иногда приходилось даже закрывать нѣкоторые классы, потому что они умирали, такъ сказать, естественною смертію. Родители, а черезъ нихъ и ученики, приступая къ изученію грамоты, ожидаютъ, что ихъ начнутъ учить читать, покажутъ имъ буквы, научатъ ихъ соединять эти буквы въ слоги, затѣмъ въ слова

и т. д., и сдѣлаютъ это приблизительно какъ нибудь въ томъ родѣ, какъ они объ этомъ слышали отъ своихъ грамотныхъ собратьевъ. А вмѣсто того они видятъ, что ихъ начинаютъ учить шикать, шипѣть, жужжать, мычать, словомъ воспроизводить множество звуковъ, можетъ быть и совершенно необходимыхъ при обученіи чтенію по звуковому методу, но тѣмъ не менѣе представляющихся ученикамъ занятіемъ, чуждымъ той дѣли, для которой они пожертвовали своимъ отдыхомъ, а иногда и заработкомъ».

Я былъ на томъ зѣсѣданіи педагогическаго общества, когда г. Страннолюбскій говорилъ свою любопытную рѣчь. Въ противоположность большинству произведеній нашихъ педагоговъ, въ рѣчи этой совсѣмъ не было ни общихъ мѣстъ, ни ссылокъ на сомнительные педагогическіе авторитеты. Г. Страннолюбскій говорилъ просто и дѣльно въ настоящемъ смыслѣ этого слова, — ничего ненужнаго и неумѣстнаго. Не всѣ однако такъ смотрѣли. За мной сидѣли какія-то двѣ барыни, которыя, когда дѣло дошло до выписаннаго мною изъ отчета г. Страннолюбскаго мѣста, не безъ ехидства шептали: «уклоняется, уклоняется!» Это было бы конечно очень смѣшно, когда бы не было такъ грустно. Послѣ уже я узналъ, что около пменъ гг. Евтушевскаго и Страннолюбскаго, какъ наиболѣе видныхъ петербургскихъ преподавателей математики, группируются какія-то партіи, — сидѣвшія за мной барыни были вѣроятно «евтушистки» и можетъ быть принадлежать къ числу готовящихся на роли учительницъ. Но какъ же у нихъ, значить, выворочены головы, если они самую суть дѣла могли принять за уклоненіе отъ него! Вотъ истинная зараза, а не какое-то тамъ звукоочетаніе. Существованіе маленькой группы влюбленныхъ въ себя педагоговъ-Нарцисовъ само по себѣ еще не составляетъ большой бѣды. Зрѣлище это даже не лишено нѣкотораго увеселительнаго характера. Но эти Нарцисы размножаются въ ужасающей прогрессіи. Каждый Нарцисъ даетъ толчокъ нѣсколькимъ Нарцисикамъ, а тѣ въ свою очередь плодятся и множатся. Вмѣстѣ съ тѣмъ научное и практическое значеніе педагогики убываетъ въ прогрессіи не менѣе

ужасающей. Наглядно этотъ рядокъ вещей можетъ быть представленъ такъ:

Ушинскій смотрѣлъ на свое дѣло широко, по крайней мѣрѣ въ теоретическомъ отношеніи (я знаю только его «Антропологию»); обладалъ большою эрудиціей, серьезно и добросовѣстно старался подыскать научныя основанія педагогикѣ, изучалъ подлинныхъ психологовъ, біологовъ и философовъ и кажется не особенно высоко цѣнилъ педагогическіе рецепты и примѣты.

Отъ Ушинскаго пошли гг. Евтушевскіе, Мпропольскіе, Бунаковы и проч. Они тоже обладаютъ большою эрудиціей, которая однако уже сортомъ пониже. Мы видѣли, что Коменскій есть для г. Мпропольскаго самый геніальный мыслитель, какого онъ когда нибудь «встрѣчалъ». Платонъ и Аристотель, Бантъ и Контъ, Спиноза и Юмъ,—все это идетъ уже за Коменскимъ и даже вѣроятно за Дистервегомъ, а можетъ быть и за Шольцемъ и Шмальцемъ. Г. Евтушевскій въ своей «Методицѣ арифметики» (стр. 4) цитируетъ педагога Диттеса для подтвержденія, что «субстанція души такъ сокрыта отъ насъ, какъ сущность свѣта, теплоты, электричества». Но кому какое дѣло до того, что это сказалъ Диттесъ? Эту совѣтъ не спеціально педагогическую мысль высказывали люди не Диттесу чета, люди, обозначившіе собою извѣстныя ступени развитія философской мысли. Ихъ-то и слѣдовало цитировать, если уже тутъ нужна была цитата. Но этихъ людей г. Евтушевскій не знаетъ, а Диттеса, ученика учителей и даже можетъ быть ученика учениковъ — знаетъ. Поэтому г. Евтушевскій весьма почтительно относится даже къ ничтожнѣйшимъ изъ спеціально педагогическихъ авторитетовъ и въ тоже время необыкновенно развязно высказываетъ совершенно вздорныя или по крайней мѣрѣ несовмѣстныя мысли изъ области философіи и психологіи. Такъ въ своемъ отвѣтѣ графу Толстому и въ «Методицѣ арифметики» онъ очень развязно утверждаетъ, что «со времени Локка и Гербарта психологія выбилась изъ оковъ схоластики и метафизики»; что душа ребенка представляетъ «чистую таблицу» (*tabula rasa*); что «математическія аксіомы можно считать врожденными человѣку» и

еще многое въ этомъ родѣ или вѣрнѣе въ этихъ весьма несходныхъ родахъ.

Отъ г. Евтушевскаго идутъ «евтушисты». Эти люди вѣроятно признають г. Евтушевскаго (а можетъ быть г. Миропольскаго) самымъ геніальнымъ мыслителемъ, какого они только встрѣчали, хотя впрочемъ другихъ встрѣчь они не искали; превосходно знаютъ новѣйшихъ русскихъ педагоговъ и цитируютъ ихъ съ тою же почительностью, съ какою тѣ въ свою очередь цитируютъ Дпстервега и Дптеса; но уже не обезпokoиваютъ себя изученіемъ не только тѣхъ мыслителей первой величины, которыхъ изучалъ Ушинскій, а даже излюбленныхъ ихъ учителями нѣмецкихъ педагоговъ. Это впрочемъ не помѣшаетъ представителямъ третьяго періода развитія на Руси педагогическаго говорить о нѣмецкихъ педагогахъ съ такою же развязностью, съ какою г. Евтушевскій говоритъ о врожденности математическихъ аксіомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ о дѣтской душѣ какъ о «чистой таблицѣ». Въ № 229 «Виржевыхъ Вѣдомостей» за прошлый годъ приведены образцы сочиненій народныхъ учителей, писанныхъ ими на рязанскихъ лѣтнихъ учительскихъ съѣздахъ. Одинъ писалъ (ореографія подлинника): «Перейдя лужокъ и нашедъ, множество, насѣкомыхъ, показываемая дѣти, всмотрѣвшись и объяснивъ происхожденіе, пользу или вредъ и части, какъ то учить знаменитый Песталоціи и Урсть»...

Можетъ быть это писалъ не прямо «евтушистъ», а ученикъ евтушиста, значить представитель еще четвертаго поколѣнія. Возможна наконецъ и такая ступень паденія, на которой педагоги будутъ весьма хорошо знать и помнить ничтожнѣйшія изрѣченія какого-нибудь Иванова или Петрова изъ «евтушистовъ», но вмѣстѣ съ тѣмъ не сумѣютъ грамотно написать даже фамилію г. Евтушевскаго, не говоря ужъ о Дпстервегѣ и Шольцѣ, а тѣмъ паче о Локкѣ или Гербартѣ. Въ такомъ случаѣ получается извѣстная градація спеціального образованія «привидѣннаго и мечтательнаго, отъ котораго вкусивши челоуѣцы глупѣйшія бываютъ неученыхъ, нбо весьма темны суще мнать себя быти совершенны» (слова Θεοφана Прокоповича; приведены

у Владимірскаго-Буданова, 1. с., 5). Градаціи умаленія научно-сти дѣйствительно вполнѣ соотвѣтствуетъ градація самоуниженія и презрѣнія къ профанамъ. Г. Евтушевскій еще удостоиваетъ нѣсколькихъ словъ замѣчаніе г. Толстого, что народъ не хочетъ учиться по новѣйшимъ и вполнѣ естественнымъ и превосходнѣйшимъ методамъ, «евтушестки» уже полагаютъ, что самое упоминаніе о требованіяхъ народа есть уклоненіе отъ настоящаго дѣла. Что же касается до того педагога, который разсматриваетъ «пользу или вредъ и частн, какъ то учитъ знаменитый Песталоцій и Урстъ»,—то даже и подумать страшно о степени его презрѣнія къ профанамъ.

Но какъ бы ни было велико презрѣніе педагоговъ къ требованіямъ профановъ, какъ бы оно ни было даже законно (если законность его возможна),—въ окончательномъ результатѣ практической вопросъ о методахъ обученія рѣшается все-таки профанамъ. (Я не имѣю пока въ виду проектовъ обязательнаго обученія, это вопросъ особый и при томъ очень сложный). Въ этомъ я вижу фактическое, осязательное оправданіе той точки зрѣнія, съ которой будутъ вестись предлагаемыя читателю записки и на которой по отношенію къ народному образованію стоитъ и гр. Толстой. Фактически очевидно, что профаны суть дѣйствительныя, а не гипотетическія заказчики спеціалистовъ, и что спеціалисты по необходимости суть только исполнители выраженныхъ или невыраженныхъ заказовъ профановъ. Народъ не хочетъ учиться по вашему: необыкновенная простота и ясность уже одного этого указанія (я въ настоящую минуту только его и имѣю въ виду) гр. Толстаго естественно должны были смутить душевный миръ педагоговъ. Тутъ вышло нѣчто въ родѣ разсказа о капитанѣ Копѣйкинѣ: разсказчикъ, увлеченный полетомъ своей фантазіи и разработкой частныхъ исторій капитана Копѣйкина, забываетъ свою собственную цѣль — доказать тождество капитана Копѣйкина съ Чичиковымъ. И вдругъ ему напоминаютъ, что у Чичикова обѣ ноги цѣлы, а капитанъ Копѣйкинъ ходитъ на костыляхъ! Совершенно такая же исторія могла бы случиться съ знаменитымъ докторомъ Фогелемъ, если

только его педагогическая теорія вѣрно разсказана г. Мпропольскимъ (въ дѣйствительности ова устроена, я думаю, немножко поакуратнѣе). Докторъ Фогель говоритъ: дѣти очень любятъ писать свое имя, и на этомъ фактѣ я основываю свой методъ обученія; вотъ рыба, у нея есть голова, у нея нѣтъ наружныхъ ушей, возблагодаримъ Создателя, который намъ далъ наружнія уши и т. д. и т. д. Докторъ Фогель мчится все дальше въ лѣсъ, рубить все больше дровъ и вполне доволенъ собственной персоной. Вдругъ ему кто-нибудь напоминаетъ: а гдѣ же собственное имя ребенка? Замѣчаніе до послѣдней степени простое, но отнимающее весь смыслъ у фшшъ-буха, то-есть тотъ смыслъ, который авторъ («по Мпропольскому») намѣревался вложить въ свою теорію. Съ нашими педагогами случился подобный же, но гораздо болѣе важный казусъ. Они сказали: цѣль нашей жизни или по крайней мѣрѣ дѣятельности есть образованіе народа; будемъ же изучать существующіе методы обученія; вотъ Дистервегъ, вотъ Диттесъ, вотъ Шольцъ, Шульце, и т. д. и т. д. Педагоги втягиваются въ сравненіе, обсужденіе, классифицированіе различныхъ превосходныхъ методовъ, бранятъ другъ друга за незнаніе того метода, котораго они сами придерживаются, препираются о томъ, какой приѣмъ для изученія двугласныхъ лучше: сближать ли, постепенно ускоряя, звуки *a* и *и*, или послѣ *a* коротенько обрывать, уличаютъ и хвалятъ другъ друга и въ жару всѣхъ этихъ разговоровъ не замѣчаютъ, что совершенно отошли отъ своихъ цѣлей. Вдругъ имъ говорятъ, что народъ не хочетъ у нихъ учиться. Положимъ, что заявленіе гр. Толстого, что народъ хочетъ учиться арметикѣ, русскому и славянскому языку, невѣрно (я думаю, что оно совершенно вѣрно, но не въ этомъ пока дѣло). Остается все таки нѣкъмъ неопровергнутый фактъ отвращенія народа отъ жужжанія, шипѣнія, вопросовъ о количествѣ ногъ у человѣка и собаки, о полетѣ лошади и т. п. Напомнаніе объ этомъ фактѣ для людей, окончательно вѣвшихся въ рецепты и прпмѣты, ужасно, ибо лишаетъ смысла всю ихъ дѣятельность. Этотъ смыслъ летитъ, какъ ключъ ко дну и въ наличности оказываются только ни на

что непригодныя, хотя и замысловатыя подробности; все равно, какъ послѣ утопленника, можетъ быть красиваго, умнаго, гениальнаго, великаго, на поверхности воды остается безсмысленно плавающая шапка. Является группа людей, воображавшихъ себя свѣдущими работниками, тогда какъ они просто люди, неспособные и нежелающіе исполнять данные имъ заказы. Направленіемъ самаго своего труда они исключаютъ себя изъ общества взаимно оплачивающихся тружениковъ. Имъ не остается даже возможности злораднаго упрека, что безъ насъ, дескать, дикой безграмотности не предвидится конца. Гр. Толстой поставилъ вопросъ очень широко и очень ясно. Онъ говоритъ: если вы не примете во вниманіе требованій народа, онъ съ оипка уйдетъ отъ васъ, значитъ вы-то по крайней мѣрѣ ему ничего не дадите; если же вы покоритесь волѣ народа и дадите ему то немногое, чего онъ проситъ, его требованія расширятся. Далѣе гр. Толстой считаетъ необходимымъ «равномѣрное, по всеѣмъ одинаковое разлитіе образованія, хотя въ самой нисшей степени, а потомъ уже предполагаетъ дальнѣйшее, опять же равномѣрное поднятіе образованія» («О. З.», 196). «Земско-же мнистерское вѣдомство, продолжаетъ гр. Толстой:—какъ будто считаетъ нужнымъ дать нѣкоторымъ счастливымъ избраннымъ, $\frac{1}{20}$ всѣхъ, образованіе, какъ образчикъ того, какъ оно хорошо». Изъ всего этого видно, что программа гр. Толстого отнюдь не страдаетъ тою узкостью, какаѣ ей приписывается его оппонентами.

Гр. Толстому было сдѣлано много возраженій, есть между ними даже и резонныя, но ни одно изъ нихъ не касается основныхъ его положеній. Напримѣръ г. Бунаковъ доказалъ гр. Толстому при помощи «Толковаго словаря» Даля, что слова «косарь», «липка», «пекарка», «истопка» употреблены имъ, г. Бунаковымъ правильно. Можно бы было указать и еще нѣсколько подобныхъ возраженій. Но всѣ они клонятся главнымъ образомъ къ тому, чтобы оправдать въ какой нибудь мелочи того или другого педагога,—вопросъ, кромѣ самого этого педагога, мало для кого интересны. Затѣмъ представлено еще много возраженій свойства весьма либеральнаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно не

идущихъ къ дѣлу. Представлять либеральныя, но не идущія къ дѣлу возраженія весьма легко,—самая благодарная работа, именно потому, что и легко и либерально. Въ особенности легка эта работа по отношенію къ людямъ, уже переступившимъ ступень ходячаго либерализма, уваженія къ наукѣ и другимъ хорошимъ вещамъ, оставившимъ эту ступень позади себя и смотрящимъ на дѣло шире и свободнѣе, чѣмъ это допускается тою пройденною ступенью. Къ числу такихъ людей принадлежатъ и графъ Толстой, а потому либеральныхъ, но неидущихъ къ дѣлу возраженій онъ получилъ цѣлую кучу. Напримѣръ въ статьѣ «Отечественныхъ Записокъ» гр. Толстой говоритъ между прочимъ, что, посвятивъ себя педагогической дѣятельности въ деревнѣ, онъ съ разу *почувствовалъ* непригодность стариннаго, церковнаго способа обученія. По этому поводу г. Евтушевскій, съ свойственною полуученымъ спеціалистамъ надменностью, заявляетъ, что личное чувство не можетъ имѣть никакого значенія въ рѣшеніи научныхъ вопросовъ. Отрицаніе церковнаго способа обученія для гр. Толстаго есть уже давно пройденная ступень; по этому онъ не считаетъ нужнымъ подробно рассказывать весь процессъ наблюденій и умозаключеній, приведшіи его къ убѣжденію въ негодности этого способа; весь этотъ рассказъ онъ замѣняетъ словомъ *почувствовалъ*, справедливо полагая, что никто и не сомнѣвается въ неудобствахъ церковнаго способа обученія, что это вовсе не составляетъ «научнаго вопроса». Считаетъ ли его таковымъ г. Евтушевскій съ своимъ легкимъ, либеральнымъ, но отнюдь не рыцарскимъ нападеніемъ на невинное слово *почувствовалъ*? Другой примѣръ. Гр. Толстой упоминаетъ раза два въ своей статьѣ, что наши земства слишкомъ разборчивы, имѣютъ свои особенно любимые и особенно нелюбимые типы неудобныхъ учителей и въ частности говоритъ, что излюбленный типъ нѣкоторыхъ земствъ есть учительница. Гр. Толстой полагаетъ, что такая разборчивость намъ вовсе не къ лицу. Г. Мѣдниковъ, не желая упустить удобнаго случая для обнаруженія своихъ высшихъ чувствъ, раздражается по этому поводу слѣдующей истинно комической тирадой: «Но что же намъ сказать о другомъ, любя-

момъ уже типъ земства — учительницахъ въ *шиньонахъ*? какъ провнчески добавляетъ г. Толстой. Съ грустью можемъ мы сказать, что русской женщиной выпала дѣйствительно горькая доля! Гдѣ же ей и быть, какъ не въ народной школѣ? Кто же, какъ не она, можетъ смягчить груше, закоснѣлые въ невѣжествѣ нравы? Не сама ли природа дала ей для того всѣ ея неотъемлемыя качества? А тутъ, по слову гр. Толстаго, ей нѣтъ мѣста даже (!) въ области воспитанія, въ народной школѣ... Пьяный солдатъ, отставной писарь, дьячекъ, прохожій — и тѣ имѣютъ право учить и находятъ себѣ покровителей, въ родѣ гр. Толстаго, а ей, одной ей, нѣтъ и здѣсь мѣста»... (20). Богъ мой, какъ любезно! совершенно какъ въ салонѣ! но вмѣстѣ съ тѣмъ какъ либерально! Одно могу сказать. Возмутившіе галантнаго и либеральнаго г. Мѣдникова *шиньоны* помянуты гр. Толстымъ въ такомъ видѣ: «учитель въ сюртукѣ и учительница въ шиньонѣ». Но г. Мѣдниковъ, какъ истый рыцарь, за сюртукъ не вступается, а только за шиньонъ... Кстати о либерализмѣ, уваженіи къ женщинамъ и педагогахъ. 3 ноября 1873 г. въ педагогическомъ собраніи происходила слѣдующая возмутительная сцена: г. Евтушевскій грубо, дерзко, оскорбительно уличалъ г-жу Андреевскую въ двукратной лжи, именно въ приписываніи ему словъ, которыхъ онъ будто бы не говорилъ. Стенографическій отчетъ показываетъ однако, что г. Евтушевскій дѣйствительно говорилъ слова, приписываемыя ему г-жею Андреевскою. (См. стенографическія записки педагогическаго общества № 5 «Семьи и Школы» за 1874 г.). И никто изъ господъ педагоговъ, г. Мѣдниковъ у compris, не сказалъ г. Евтушевскому того, что слѣдовало ему въ этомъ случаѣ сказать. А нацарапать ни къ селу, ни къ городу либеральныхъ и галантныхъ словъ о «горькой долѣ русской женщины»,—это мы можемъ.

Но вернемся къ гр. Толстому. Изъ всѣхъ либеральныхъ, но не идущихъ къ дѣлу возраженій на статью «Отечественныхъ Записокъ» едва ли не самое важное основывается на слѣдующихъ словахъ гр. Толстаго: «Можетъ быть дѣти готентотовъ, негровъ, можетъ быть индѣя нѣмцевія дѣти не знаютъ того, что

имъ сообщаютъ въ такихъ бесѣдахъ; но русскія дѣти, кромѣ блаженныхъ, всѣ, приходи въ школу, знаютъ не только, что внизъ, что вверхъ, что лавка, что столъ, что два, что одинъ и т. п., но по моему опыту крестьянскія дѣти, посылаемыя родителями въ школу, всѣ умѣютъ хорошо и правильно выразить мысли, умѣютъ понимать чужую мысль (если она выражена по русски) и знаютъ считать до 20 и болѣе». Это мѣсто статьи въ связи съ довольно частымъ и не совсѣмъ лестнымъ упоминаніемъ о нѣмцахъ, привлекло успѣшныя нападенія возражателей. Оно дало имъ поводъ распространиться о вредѣ ложнаго патріотизма, фальшивой идеализаціи народа, національнаго самоопытія и проч. Между тѣмъ въ сущности это все выстрѣлы, бьющіе мимо цѣли. Такъ какъ всѣ излюбленные нашими педагогами Шольцы, Шульце, Круги, Тюрки, Фибли, Прейсы, Зельтзамы и проч. и проч., и проч. суть нѣмцы и такъ какъ они сочинили не мало смѣхотворныхъ вещей, то какъ же было обойти нѣмцевъ и смѣхотворность? Но главное всѣ эти дѣти гогентотовъ и нѣмецкія дѣти, противопоставляемыя русскимъ ребятамъ, представляютъ очевидно просто *manière de parler*. Кто знаетъ прежнія статьи гр. Толстого, тотъ знаетъ, что гр. Толстой считаетъ и нѣмецкихъ дѣтей мучениками школы, очень хорошо безъ всякаго нагляднаго обученія понимающими, что у собаки четыре ноги, что птица летаетъ, а лошадь не летаетъ, что потолокъ сверху, а полъ внизу и проч. Наконецъ тутъ даже не въ возрѣніяхъ гр. Толстого дѣло. Пусть онъ идеализируетъ народъ, пусть онъ преисполненъ національнаго самоопытія, но онъ указываетъ факты, надо ихъ провѣрять и опровергать, что впрочемъ нѣкоторые возражатели по силѣ-возможности и дѣлаютъ. Такъ г. Бунаковъ ссылается на свой личный опытъ, не приводя впрочемъ конкретныхъ примѣровъ, на доклады костромской губернской управы, на показанія барона Корфа. Дѣйствительно, эти доклады и показанія рисуютъ крестьянскихъ дѣтей весьма похожими на блаженныхъ. Баронъ Корфъ приводитъ факты даже болѣе паразительные, чѣмъ тѣ, которые у него заимствовалъ г. Бунаковъ. Въ «Русской начальной школѣ» барона Корфа разсказывается

между прочимъ, что «изъ сорока учениковъ школы казеннаго селенія, расположеннаго въ одной верстѣ отъ бывшаго помѣщичьяго имѣнія, *ни одинъ* не далъ отвѣта на мой (бар. Корфа) вопросъ: были ли когданибудь крѣпостные люди въ Россіи? Тотъ же вопросъ предложенъ мною и въ такой школѣ, гдѣ я видѣлъ дѣтей, отцы которыхъ до 1861 г. принадлежали помѣщику и только *одинъ* ученикъ сказалъ, что когда-то люди были крѣпостными, но не могъ даже приблизительно объяснить, было ли это сто лѣтъ тому назадъ или когда?» (53). Бар. Корфъ утверждаетъ, что не только десяти, а и четырнадцати-лѣтнія дѣти, «очень часто» не могутъ сказать какъ ихъ фамилія, который имъ годъ, гдѣ у нихъ правая и гдѣ лѣвая рука, что больше — аршинъ или сажень, какъ называются различныя части тѣла и т. п. Костромскіе учителя въ свою очередь показываютъ, что дѣти часто не знаютъ сколько у собаки ногъ и т. п. Нѣкоторыя изъ этихъ явленій я понимаю. Понимаю напримѣръ, что крестьянскій мальчикъ не знаетъ своей фамилія, потому что вѣдь у него ея часто просто нѣтъ: отецъ прозывается такъ, сынъ иначе, а слово «фамилія» совсѣмъ часто неизвѣстно. Понимаю тоже рассказъ бар. Корфа о нелѣпыхъ словахъ мальчика при объясненіи ему бар. Корфомъ слова «безсмертный». Но за всѣмъ тѣмъ остаются все таки удивительныя вещи. Правда, бар. Корфъ оговаривается, что онъ «говоритъ о безлюдной, степной мѣстности». Но даже всѣ его объясненія все таки не объясняютъ дѣла. Онъ говоритъ: «такова ихъ домашняя обстановка, но и можетъ ли она быть такою? о чемъ бесѣдуетъ крестьянинъ съ сыномъ?» Какъ бы ни была однако скудна эта бесѣда и всѣ другія бесѣды мальчика съ роднымъ, чужими взрослыми и ровесниками, но по крайней мѣрѣ хоть названія «различныхъ частей тѣла» изъ нихъ могутъ же быть почерпнуты. Извѣстно, что во многихъ губерніяхъ 8 — 10 лѣтнія дѣвочки такъ прямо и называются «няньками», потому что на нихъ лежитъ обязанность нянчить младшихъ ребятъ, смотрѣть за ними и даже таскать ихъ. Неужто же такая нянька не можетъ назвать различныхъ частей тѣла? Я не сомнѣваюсь въ вѣрности показаній бар. Корфа, онъ

несомнѣнно получалъ тѣ отвѣты, о которыхъ говорить, но не могу не искать объясненія имъ гдѣ нибудь на сторонѣ. И мнѣ кажется, что гр. Толстой представилъ такое объясненіе. Онъ вѣдь не отрицаетъ, что дѣти часто даютъ нп съ чѣмъ несообразные отвѣты. Онъ только говоритъ, что это часто зависитъ отъ несообразности вопросовъ, несообразности, возведенной въ систему. Разказавъ какъ одинъ уже довольно большой мальчикъ, обученный по новѣйшимъ способамъ, положилъ на экзаменѣ руку на книгу, когда ему сказали: положи *подъ* книгу, гр. Толстой прибавляетъ, что онъ видѣлъ много такихъ примѣровъ. И зависятъ они, по его мнѣнію, оттого, что ребенокъ «не можетъ и не хочетъ вѣрить, чтобы его серьезно спрашивали потолка внизу или на верху или сколько у него ногъ». Я вѣрю этому объясненію, во первыхъ потому, что, какъ справедливо замѣтилъ въ своемъ рефератѣ г. Страннолюбскій, гр. Толстой обнаружилъ въ «Дѣтствѣ и отрочествѣ» глубокое пониманіе дѣтской души, придающее его мнѣніямъ извѣстную авторитетность, а во вторыхъ потому, что оно и вполнѣ естественно. Представьте себѣ только мальчика, приведеннаго учиться и вдругъ огорошеннаго распросами о количествѣ его ногъ. Что мудренаго, что мальчикъ сбить съ толку именно неожиданною для него легкостью вопроса и подозрѣваетъ, что вопросъ имѣетъ какой то особенный, неизвѣстный для него смыслъ: онъ вѣдь учиться приведенъ, т. е. узнавать неизвѣстное. А и то сказать: какъ еще задавалъ напримѣръ баронъ Корфъ свой вопросъ о различныхъ частяхъ тѣла? Онъ можетъ быть спрашивалъ: гдѣ у тебя позвоночный столбъ? или что нибудь въ этомъ родѣ, можетъ быть даже гораздо хуже. Есть же въ его «Нашемъ Другѣ» вопросъ: «назови душевныя качества нявки» (213). На этотъ вопросъ конечно и самъ бар. Корфъ не отвѣтитъ или отвѣтитъ несообразностью.

Какъ бы то ни было, но, насколько я могу судить по разнымъ разговорамъ, изъ всѣхъ нападеній на гр. Толстого наибольшее впечатлѣніе произведено упреками въ фальшивой идеализаціи русскаго народа, въ ложномъ патріотизмѣ. На это есть особен-

ние резоны. Для подобныхъ упрековъ была уже подготовлена почва прежними сужденіями критики о гр. Толстомъ. Недаромъ г. Мѣдниковъ ссылается на статьи журналовъ шестидесятихъ годовъ. Не смотря на довольно единодушное мнѣніе, существующее въ нашемъ обществѣ о гр. Толстомъ, именно какъ о блестящемъ беллетристикѣ и плохомъ мыслителѣ, онъ у насъ совершенно не оцѣненъ, мало того, — просто неизвѣстенъ. По странному смѣшенію понятій этотъ глубоко оригинальный и яркій писатель причисляется у насъ обыкновенно, или по крайней мѣрѣ считается очень близкимъ къ бездвѣтнѣйшему отрогу славянофильства, къ такъ называемымъ «почвенникамъ» (Время», «Эпоха», отчасти «Заря», преданія которыхъ, замаранныя разными посторонними припѣсами, кое-какъ хранятся нынѣ въ «Гражданинѣ»). Посильную оцѣнку возрѣній гр. Толстого я постараюсь представить въ слѣдующій разъ. Эта общая оцѣнка дастъ намъ возможность вполне оцѣнить въ частности и его педагогическія возрѣнія. Можетъ быть тогда намъ уяснятся и причины неожиданнаго успѣха статьи «Отечественныхъ Записокъ». Успѣхъ этотъ для меня пока все таки неожиданъ и необъяснимъ.

III *).

О жаждѣ познанія.

Я хотѣлъ начать сегодняшнюю свою бесѣду съ читателемъ прямо съ гр. Л. Н. Толстого. Но объ немъ, чего добраго, заболтаешься, а на моемъ письменномъ столѣ, съ котораго я только что успѣлъ снять коллекцію произведеній нашихъ педагоговъ, накопилось уже оиать нѣсколько сочиненій, требующихъ отзыва. Не легка, читатель, обязанность ежемѣсячно бесѣдовать съ тобой о явленіяхъ умственной жизни русскаго обще-

*) 1875, Февраль.

ства. Первое дѣло, я обо многомъ говорить не смѣю — не вѣлѣно, а все объ чемъ говорить можно, въ общемъ до такой степени ординарно, вяло, мелко, узко, представляетъ такъ мало выдающагося, что иногда просто руки опускаются. Съ чего я, спрашивается, стану занимать ваше вниманіе новымъ произведеніемъ г. А, когда рѣшительно столько же правъ на него (т. е. ваше вниманіе) имѣютъ новыя произведенія гг. Б. В. Г. Д. и т. д. вплоть до оиты и ижпцы? Или какія основанія имѣю я бесѣдовать о благородствѣ чувствъ гг. А и Б., когда ихъ ученость, логическая способность и стиль столь же возвышенны? Вообще почему я долженъ остановиться именно на такомъ-то писателѣ, а не на другомъ и именно на такой-то сторонѣ его дѣятельности, а не на иной? Нужна же какая нибудь руководящая нить, даже въ томъ случаѣ, когда въ данный моментъ литература представляетъ нѣчто выдающееся. Если бы я совершенно отказался отъ всякой активной роли въ своихъ бесѣдахъ и желалъ бы только угодить читателю, такъ и то: какъ я угадаю что именно его интересуетъ? а можетъ какъ разъ о томъ, что его интересуетъ, я не могу сказать ни одного путнаго слова. Можно говорить о литературныхъ талантахъ. Разговоръ очень пріятный, но о наличныхъ талантахъ кажется ужъ столько переговорено, что едвали я сумѣю прибавить что нибудь отъ себя, а будутъ новые таланты, объ нихъ и рѣчь новая будетъ. Можно говорить о фактическомъ содержаніи собственно научныхъ произведеній. Но это мнѣ не по плечу. Я—профанъ. Да и то сказать: знай я превосходно полицейское право или астрономію и упорно ведеи вопль научную бесѣду объ этихъ предметахъ, у меня въ скоромъ времени оказалось бы вѣроятно два съ половиной читателя. Остается значить бесѣдовать о точкѣ зрѣнія того или другого писателя. Именно этотъ характеръ бесѣды и усвоены мною, какъ наиболѣе соотвѣтствующій моимъ силамъ. Какъ Чичковъ путешествовалъ для познанія всякаго рода мѣстъ, такъ я занимаюсь русской литературой для познанія всякаго рода точекъ зрѣнія. Что жъ,—вѣдь и это можетъ пригодиться. Если же мнѣ напомнятъ, что

Чичиковъ только на словахъ познавалъ всякаго рода мѣста, а въ тайнѣ скупаль мертвыя души, я скажу: можетъ быть и я скупаю мертвыя души, но какое вамъ дѣло? Все это я къ тому говорю, чтобы читатель не требоваль отъ меня того, чего я ему дать не могу, во избѣжаніе недоразумѣній. Найдется много очень замѣчательныхъ литературныхъ явленій, объ которыхъ я не скажу ни слова, а иногда можетъ быть распространюсь о сочиненіи плохомъ, сухомъ или по общему приговору неинтересномъ, ради особенностей точки зрѣнія автора.

У древнихъ римлянъ существовалъ законъ, по которому кредиторы могли разрѣзать на части тѣло несостоятельнаго должника, причемъ каждому кредитору предоставлялось право на извѣстную, соотвѣтственную размѣру долга часть должническаго мяса. Этотъ удивительный законъ припоминается мнѣ очень часто и по очень разнообразнымъ поводамъ, между прочимъ и всякій разъ, когда мнѣ въ качествѣ профана приходится имѣть дѣло съ болѣе или менѣе непреклоннымъ спеціалистомъ. Какъ бы ни мотивировали приведенный законъ римскіе законодатели, тѣмъ ли, что занятая сумма пошла на потребу должника и превратилась въ его плоть и кровь, или чѣмъ другимъ, но они во всякомъ случаѣ были спеціалистами какого-то права (затрудняюсь сказать какого) заимодавцевъ. Я полагаю даже, что они сами были заимодавцами или по крайней мѣрѣ состояли въ очень близкихъ отношеніяхъ къ этому ночтенному и полезному люду. Съ своей спеціально заимодавческой точки зрѣнія они весьма послѣдовательно видѣли въ кредиторѣ только кредитора и въ должникѣ только должника. Между тѣмъ кредиторъ и должникъ не только берутъ и даютъ займы, а вмѣстѣ съ тѣмъ любятъ и ненавидятъ, пьютъ и ѣдятъ, рождаются и умираютъ, смѣются и плачутъ, имѣютъ женъ, дѣтей, друзей, родину, вообще живутъ. Положимъ кредиторы могутъ все это замять въ себѣ и, явившись къ несостоятельному должнику, разрѣзать его на части во славу идеи заимодавческаго права, но должникъ конечно не посмотритъ на себя съ спеціально заимодавческой точки зрѣнія. Онъ можетъ быть покорится необходимости, но въ

качествѣ профана въ законодательскомъ правѣ даже не признаетъ его правомъ. И это довольно извинительно, потому что вѣдь его рѣжутъ на части, у него жизнь отнимаютъ и онъ естественно не можетъ признать правильность уравненія: жизнь должника = суммѣ его долговъ. Съ точки зрѣнія профана, это такая же бессмыслица, какъ напримѣръ: 5 фунтовъ = 3 арпинамъ, ибо жизнь представляется профану суммою многихъ жизненныхъ процессовъ, съ долгами несоизмѣримыхъ. Хотя въ случаѣ проникновенія специальной точки зрѣнія въ область законодательства профанъ и вынужденъ покоряться силѣ вещей, но это обстоятельство всетаки не разрѣшаетъ противорѣчій: точки зрѣнія профана и специалиста остаются враждебными или по крайней мѣрѣ чуждыми до полноты обоюднаго непониманія. Однако профанъ долженъ молчать. Но онъ можетъ наконецъ и заговорить, если человѣкъ, воспитанный на формулѣ: жизнь человѣка равна суммѣ его долговъ, начинаетъ объяснять съ ея помощью различныя явленія жизни. Представимъ себѣ, что такой человѣкъ отрицаетъ напримѣръ жизнь животныхъ, не признаетъ ее жизнью, потому что—дескать—животныя займы не берутъ, или какъ нибудь переноситъ свою точку зрѣнія въ область медицины или исторіи человѣчества и т. п. Тутъ профанъ имѣетъ полную возможность сказать специалисту: нѣтъ, многоуважаемый, это ужъ ты шалишь; рѣзать меня за долги на части ты можешь, но кверкать мои понятія тебѣ вѣто не давалъ права!

Повторяю, древній римскій законъ мнѣ часто вспоминается. Вспомнился и при чтеніи книги г. Риттиха: «Племенной составъ контингентовъ русской арміи и мужскаго населенія Европейской Россіи» Я долженъ предупредить читателя, что г. Риттихъ, при сильной склонности къ литературному образу выраженія, иногда не совсѣмъ хорошо владѣетъ русскимъ языкомъ. Это конечно дѣло второстепенное и даже вовсе не стоящее вниманія. Главное дѣло въ томъ, что г. Риттихъ поставилъ себѣ задачу: опредѣлить какія изъ населяющихъ Россію племенъ наиболѣе пригодны для различныхъ родовъ военной службы. Оказывается изъ его изслѣдованія, что чуваша годятся въ дра-

гуны, вотяки въ линейныя войска, караимы въ гвардію, нѣмцы въ каптенармусы, нѣкоторые бѣлоруссы никуда не годятся и проч., и проч. Да не подумаетъ читатель, что я припомнилъ варварскій римскій законъ съ цѣлю приготовить его къ какимъ нибудь стольже варварскимъ предложеніямъ г. Риттиха. Совсѣмъ напротивъ. Книга г. Риттиха вся проникнута гуманностью, на сколько это возможно для спеціалиста военнаго дѣла, которое само по себѣ конечно не есть дѣло гуманное. Не говоря о частностяхъ, въ родѣ совѣтовъ щадить релігіозныя убѣжденія солдатъ изъ раскольниковъ, сама основная задача автора не лишена нѣкотораго гуманнаго характера. Въ самомъ дѣлѣ, если напримѣръ чувашъ, по своимъ физическимъ и нравственнымъ качествамъ, будетъ себя наилучше чувствовать въ драгунахъ, то было бы очень не гуманно помѣщать его въ какую либо другую часть войскъ, въ артиллерію что ли. Въ добавокъ онъ въ артиллеріи и пользы такой не принесетъ, какъ въ драгунахъ. Тутъ значить даже имѣется въ виду нѣчто въ родѣ фурьеровскаго *travail attrayant*. Авторъ говоритъ: «Цѣхота, кавалерія, артиллерія, флотъ, техническія и нестроевыя части имѣютъ свои особыя и имъ однимъ принадлежащія требованія по тѣлосложенію, развитію и унаслѣдованнымъ занятіямъ народовъ, причемъ будущая солдатская выправка зависить отъ обработки природныхъ качествъ рекрута военною школою и отъ соотвѣтственнаго распредѣленія людей по ихъ наклонностямъ и способностямъ». Съ этимъ кажется нельзя не согласиться, такъ что произведеніе г. Риттиха должно быть признано полезной книгой. И тѣмъ не менѣе профанъ никогда не примирится съ этою ученою, гуманною и полезною книгою, единственно ради непреклонной спеціальности ея точки зрѣнія. Прежде всего профанъ постарается умалить значеніе нѣкоторыхъ ея выводовъ и положеній, могущихъ представляться важными и вѣрными только непреклонному спеціалисту. Распредѣляя національности по различнымъ родамъ оружія, г. Риттихъ высказываетъ нѣсколько положеній совершенно вѣрныхъ и очевидныхъ и для профана. Такова напримѣръ мысль о пополненіи флота жителями бере-

говъ морей, рѣкъ и озеръ. Но уже и тутъ попадаются вещи по малой мѣрѣ странныя. Напримѣръ г. Риттихъ говоритъ: «равнодушiе луговаго черемиса къ жизни и опасностямъ лѣсной и бродячей жизни, вѣчно-угрюмый нравъ, особенно привычка къ лишенiямъ въ пищѣ, теплотѣ, *эта вѣчная трубка и склонность къ горячимъ напиткамъ суть задатки для жизни моряка*» (220). Всѣмъ извѣстна склонность моряковъ къ спиртнымъ напиткамъ, но все таки почему «вѣчная трубка и склонность къ горячимъ напиткамъ» фигурируютъ въ числѣ признаковъ людей, *зодныхъ* во флотъ? Безъ сомнѣнiя у г. Риттиха есть свои резоны, но профанъ ихъ никогда не пойметъ, не по недостатку свѣдѣнiй, а по невозможности для него стать на точку зрѣнiя непреклоннаго спеціалиста. И если его потянуть во флотъ на томъ основанiи, что онъ куритъ трубку и пьетъ водку, онъ можетъ быть будетъ очень сильно барахтаться. Въ концѣ концовъ онъ будетъ однако, если идеи г. Риттиха восторжествуютъ, водруженъ во флотъ. Описавъ на двухъ страницахъ экономическiй бытъ, нравственный и умственный характеръ чувашъ, рассказавъ, что «шанка у нихъ русская, поарковая», что они народъ «необыкновенно трудолюбивый», прекрасно обращаются съ женами, хорошо ѣздятъ верхомъ, чрезвычайно строго исполняютъ всякiе договоры и обязательства, очень добродушны и проч.; рассказавъ все это, г. Риттихъ совершенно неожиданно заключаетъ: «На основанiи всего вышележащаго и принимая во вниманiе, что служба въ драгунахъ требуетъ съ одной стороны хорошаго кавалериста, а съ другой стрѣлка и что при исполненiи такой двойной-службы необходимы тѣ качества, которыми обладаютъ чуваши, полагалось бы цѣлесообразнымъ пополнять ими ряды драгунъ» (218). Далѣе г. Риттихъ положительно утверждаетъ существованiе «унтеръ-офицеровъ отъ природы». Именно сообщивъ, что населенiе средней Россiи состоитъ изъ 96% великоруссовъ и 4% разныхъ мелкихъ племенъ, авторъ говоритъ: «Къ этой полосѣ относятся кромѣ того два весьма замѣчательные контингента: ремесленники и люди способные отъ природы быть унтеръ-офицерами» (283). Столь же непре-

влопно вѣрять авторъ въ зависимость «совѣстливости» отъ умѣнья ѣздить верхомъ. Киргизы, говоритъ онъ, «дѣлають безостановочно по 8—10 верстъ въ часъ, вплоть до исполненія своего совѣстливаго порученія, которое является именно потому такимъ, что оно исполняется человѣкомъ со врожденными способностями къ верховой ѣздѣ» (222). Это не совсѣмъ по русски сказано, но понять все таки можно. Весьма близко къ объясненію «совѣстливости» киргизовъ въ исполненіи порученій стоитъ объясненіе характера малороссовъ. Авторъ полагаетъ, что малороссы не годятся въ кавалерію, ибо у нихъ мало лошадей и пахутъ они волами. «Это неуклюжее животное, продолжаетъ онъ, двпгаясь тихо и мѣрно, подъ управленіемъ шеста и словъ «цопъ, цобе» (вправо, влево), своею медленностью вырабатываетъ въ жокаѣ или хозяинѣ такую же медленность въ движеніяхъ и характерѣ» (77). Этихъ выписокъ, число которыхъ я могъ бы значительно увеличить, кажется совершенно достаточно, чтобы видѣть, что г. Риттихъ имѣетъ свою спеціальную, такъ сказать, военно-этнографическую логику, психологію и исторію. Боюсь, что читатель найдетъ эти продукты спеціальной военно-этнографической точки зрѣнія достойными нѣкотораго вниманія только въ качествѣ курьезовъ. Они несомнѣнно курьезны; но дѣло въ томъ, что многіе совершенно аналогичные продукты непреклонно спеціальныхъ точекъ зрѣнія представляютъ ходячія монеты въ обществѣ; на нихъ покупають; за нихъ продають и не замѣчаютъ ихъ курьезности только потому, что привыкли къ нимъ. Лежачаго не бьютъ, говоритъ пословица. Логика, психологія и исторія г. Риттиха до такой степени очевидно несостоятельны, что у меня не хватитъ духа не только опровергать ихъ, но даже посмѣяться надъ ними. Не мало можно бы было исписать веселыхъ и остроумныхъ страницъ по поводу зависимости совѣсти отъ привычки къ верховой ѣздѣ или существованія унтеръ-офицеровъ отъ природы. Но право у меня рука не поднимается, когда я вижу, что насмѣяться надъ г. Риттихомъ такъ легко, а въ тоже время всѣ съ почтеніемъ слушають экономиста или моралиста, высказывающихъ вещи, ничѣмъ не луч-

шія. Г. Риттихъ говоритъ профану: ты — унтеръ-офицеръ отъ природы,—выходи на линію; плі: ты хорошо обходишься съ женой и свято исполняешь договоры, надѣвай драгунскій мундиръ; римскій юристъ говоритъ: ты только должникъ,—подавай сюда свое тѣло, мы его разрѣжемъ; экономистъ говоритъ: ты только рабочій,—значитъ имѣть дѣтей не твое дѣло; историкъ-провиденціалистъ говоритъ: ты пѣшка, которая будетъ въ свое время поставлена куда слѣдуетъ для того, чтобы кому слѣдуетъ было сказано шахъ и матъ,—поэтому не дыши; моралистъ говоритъ: ты духъ,—умерщви свою плоть, эту брентную оболочку духа, и проч. Всѣ эти опредѣленія и предписанія, всѣ эти пзъявительныя и повелительныя наклоненія суть ягоды одного и того же поля. Нѣкоторыя пзъ нихъ пользуются большимъ кредитомъ, другіе меньшимъ, но всѣ они подлежатъ однимъ и тѣмъ же критическимъ приемамъ. Профанъ долженъ отвѣтитъ людямъ науки: если я отъ природы—*только* унтеръ-офицеръ, то конечно мнѣ дѣлать больше нечего, какъ выбѣгать на линію; если рѣшено, что я—только драгунъ, то безъ сомнѣнія и мое хорошее обхожденіе съ женой и добросовѣстное исполненіе договоровъ сами по себѣ цѣны не имѣютъ и представляютъ лишь элементы моей драгуноспособности; если я—только должникъ, то тѣло мое должно быть отдано въ распоряженіе кредиторовъ: если я—только рабочій инструментъ, то дѣтей имѣть мнѣ дѣйствительно не полагается, какъ не полагается ихъ имѣть рычагу, блоку, зубчатому колесу и проч. Но именно всѣхъ этихъ «только» я допустить не могу. Во-первыхъ потому, что непреклонные спеціалисты тянутъ меня въ разныя и часто противоположныя стороны, а не разорваться же мнѣ *pour les beaux yeux* всѣхъ посягающихъ на меня якобы наукъ. Во-вторыхъ всѣ эти непреклонные спеціалисты, смотря на меня съ одной какой нибудь стороны, видятъ во мнѣ составную часть то того, то другаго механизма, или пожалуй организма. Фактически я дѣйствительно составляю часть, смотря по обстоятельствамъ, то военнаго, то промышленнаго и т. п. механизма, и когда тиски этого механизма сжимаютъ меня съ достаточною силою, я покоряюсь; на-примѣръ въ случаѣ признанія меня драгуноспособнымъ, я остав-

ляю жену, съ которою обращался такъ хорошо, и людей, въ сношеніяхъ съ которыми былъ такъ добросовѣстенъ, и надѣваю драгунскій мундиръ. Но покориться не значитъ примириться. Пусть кто хочетъ смотритъ на меня какъ на часть чего-то надо мной стоящаго и на меня посягающаго, я не пересталъ видѣть въ себѣ полнаго человѣка, цѣльную и нераздѣльную личность. Я хочу жить всею доступной для человѣка жизнью, значитъ не стану ни плоть умерщвлять въ угоду моралисту, ни отъ любви отказываться въ угоду экономисту, ни работать не перестану, ни отъ духовныхъ наслажденій не откажусь. И только въ такое, надо мной стоящее цѣлое войду, какъ часть, сознательно и добровольно, которое гарантируетъ мнѣ цѣльность, нераздѣльность, полноту моей жизни. И только ту науку признаю я достойною священнаго имени науки, которая расчищаетъ мнѣ жизненный путь, а не загромождаетъ его укрѣпленіемъ и безъ того крѣпкой практики. Наука римскаго юриста, отдававшая мясо должника на удовлетвореніе мести заимодавцевъ, мести, прикрывавшейся вѣроятно мантией справедливости, есть въ моихъ глазахъ не наука, а пособница, попустительница и даже подстрекательница заимодавцевъ: она меня ничему не учитъ, она учитъ заимодавца какъ ему держать въ страхѣ должниковъ и какъ удовлетворять свою месть, онъ ее поэтому и признаетъ наукой, а я нѣтъ. Точно также не признаю я наукой науку г. Риттиха, потому что она не меня учитъ, а другихъ, и именно учитъ ихъ какъ со мной поступать. Не наука съ моей точки зрѣнія и наука Мальтуса, и наука ходячей морали, потому что если они меня повидимому и учатъ, то такимъ вещамъ, которыхъ я выполнить не могу, не вывернувъ предварительно своей природы наизнанку; значитъ въ концѣ концовъ все-таки ничему не учатъ, ибо добровольно вывернуться наизнанку нельзя. И пусть не говорятъ, что наукѣ нѣтъ до насъ никакого дѣла, что она имѣетъ болѣе возвышенныя цѣли, чѣмъ исполненіе нашихъ желаній, что она двигаетъ цивилизацію, служитъ истинѣ и проч. Мы требуемъ отъ науки служенія намъ, не военному дѣлу, не промышленной организаціи, не цивилизаціи, даже

не истинѣ, а именно намъ, профанамъ. Я вижу негодование спеціалста познания, я слышу его грозный протестъ: какъ! наука должна погнуться передъ требованіями толпы невѣжественныхъ и неумѣющихъ цѣнить знаніе людей! наука, жрица Истины, должна отвернуться отъ своего божества, съзуть свои задачи и угрождать и кадить профанамъ! она должна обманываться и обманывать!—Я предполагаю, что специалистъ познания, а можетъ быть и большинство читателей скажетъ или подумаетъ что нибудь въ этомъ родѣ, потому что подобныя возраженія я уже получалъ. Но подождите негодовать, у насъ есть свои резоны.

Прежде всего что возмутило васъ? Развѣ мы одни такъ смотримъ на дѣло? Русскіе заводчики не признаютъ научнаго достоинства за ученіемъ свободной торговли,—почему? Потому что ученіе это враждебно сталкивается съ ихъ интересамъ. Англійскіе заводчики напротивъ считаютъ протекціонизмъ явленіемъ, совершенно несоотвѣтствующимъ требованіямъ науки политической экономіи,—почему? Потому что доктрина свободной торговли соотвѣтствуетъ ихъ выгодамъ, служитъ имъ. Правда и тѣ и другіе не говорятъ этого прямо, а утверждаютъ, что они собственно очень беспокоятся объ отечественной промышленности и распространеніи цивилизаціи, но имя вещи не мѣняетъ. Мы только проще и откровеннѣе. Мы прямо говоримъ: наука должна служить намъ. Я заявляю фактъ. Профаны смотрятъ на дѣло именно такимъ образомъ. Допустимъ, что это грубо, эгоистично, дерзко, невѣжественно, все что хотите, но эта грубость, этотъ эгоизмъ, эта дерзость на лицо. Надо значить съ нами считаться. Надо же вамъ, все познающимъ, знать, что мы считаемъ себя вашими заказчиками и требуемъ исполненія нашихъ заказовъ. Вы скажете: а намъ какое дѣло по вашихъ требованій? мы свое дѣло дѣлаемъ нелицеприятно и конецъ. Положимъ, вольному конечно воля. Бываютъ однако такіе мрачные моменты въ исторіи, когда свѣточъ науки грозятъ задуть враждебные вѣтры и когда сочувствіе профановъ было бы ей очень полезно, но до сихъ поръ наука этого сочувствія не заработала. Вы скажете, что это все-таки не резонъ, чтобы кривить душой и фальсифициро-

вать истину въ угоду кому бы то ни было, а слѣдовательно и профанамъ. О, да, конечно! Но если вы потрудитесь пристальнѣе взглянуть и въ свои собственные задачи и въ наши требованія, то увидите, что мы отиудь не приглашаемъ науку ни отворачиваться отъ истины, ни кадить намъ, ни съуживать свои задачи, ни обманывать, ни обманываться. Напротивъ мы рекомендуемъ ей единственный путь къ истинѣ, расширлемъ ея задачи и вполне готовы выслушать отъ нея самыя горькія истины.

Вы говорите, что мы не умѣемъ цѣнить знанія. Кто вамъ сказалъ? Мы давнымъ давно выставили рядъ вопросовъ:

Отчего у насъ начался бѣлый вольный свѣтъ?

Отчего у насъ солнце красное?

Отчего у насъ млада свѣтель мѣсяць?

Отчего у насъ звѣзды частыя?

Отчего у насъ ночи темныя?

Отчего у насъ зори утреннія?

Отчего у насъ вѣтры буйные?

Отчего у насъ дробевъ дождей?

Отчего у насъ умъ-разумъ?

Отчего наши помыслы?

Отчего у насъ мѣръ народъ?

Вы видите, что насъ интересуютъ тѣ же вещи, что и васъ. И намъ знакома одолбѣвающая людей жажда познанія. И тамъ, гдѣ рѣчь можетъ идти только о познаніи, какъ на примѣръ въ вопросахъ о томъ, отчего у насъ начался бѣлый вольный свѣтъ и отчего у насъ солнце красное, мы безконечно благодарны людямъ науки: они поняли насъ, алчущихъ, кормятъ насъ, жаждущихъ познанія, удовлетворяютъ насъ. Не совсѣмъ таковы послѣдніе три вопроса нашей, можетъ быть не совсѣмъ ладно скроенной программы:

Отчего у насъ умъ-разумъ?

Отчего наши помыслы?

Отчего у насъ мѣръ-народъ?

Мы не можемъ ставить эти вопросы такъ просто и сухо, какъ готовы ставить вопросы о вишней, виѣ человѣка лежащей природѣ. Тутъ въ насъ говоритъ не одна жажда познанія, она со-

плетается съ жаждой блага и справедливости. Не только умственного, а и нравственного удовлетворенія требуемъ мы отъ науки общественной. Въ этой области наши «отчего?» звучать часто грустью, укоромъ, протестомъ, негодованіемъ. О, люди науки! ваши задачи не съюзятся, увѣряю васъ, если вы дадите намъ подходящіе, удовлетворяющіе отвѣты, если вы поймете наши вопросы такъ, какъ мы ихъ понимаемъ. И будьте увѣрены, ваши отвѣты будутъ оцѣнены по достоинству.

Вы говорите, что мы невѣжественны. Это не правда. Мы — работники, какъ и вы, а работать нельзя безъ знаній. Но пусть такъ, пусть мы невѣжественны. Въ сравненіи съ вами мы конечно невѣжественны. Но вѣдь потому-то мы къ вамъ и обращаемся, потому-то вы и должны удовлетворить насъ. Кого же просвѣщать, какъ не темныхъ, кого учить, какъ не неучей? Но у насъ съ вами и особенные счеты есть. Мы отчасти потому невѣжественны, что вы очень учены. Мы подѣлили между собой заботы о вашемъ благосостояніи, благодаря чему у васъ оказался досугъ, который вы посвятили исканію истины, а мы остались въ темнотѣ. Мы служимъ вамъ, послужите и вы намъ. Если вамъ все-таки кажется, что такое служеніе университетъ и извратить науку, то это простое недоразумѣніе.

Что́ есть истина? спрашивалъ Пилать и не получилъ отвѣта. Что́ есть истина? гдѣ критерій истинности нашихъ понятій? спрашиваю я людей науки. Совокупность отвѣтовъ на этотъ вопросъ обнимаетъ, собственно говоря, всю исторію человѣческой мысли, и я конечно далеко отъ намѣренія представить здѣсь весь ходъ развитія понятій о критеріѣ истины. Да это намъ вовсе не нужно. Я утверждаю, что наука должна служить намъ, профанамъ. Я основываю это требованіе прежде всего на взаимности услугъ между людьми науки и профанами. Ученый, отказывающійся исполнять невыраженные заказы профановъ и оплачивать своимъ трудомъ ихъ безчисленныя услуги, тѣмъ самымъ обращается въ тунейдда. Но я иду дальше. Я говорю, что, только служа намъ, наука можетъ рассчитывать достигнуть истины, такъ что интересы самой науки, если она только дѣй-

ствительно хочет истины, заставляют ее служить намъ. Само собою разумѣется, что въ качествѣ профана я не могу рассчитывать подтвердить это свое положеніе такими доказательствами, которыя вполне соответствовали бы установившемуся типу научныхъ доказательствъ. Отъ меня этого конечно никто и не потребуетъ. Но съ моей стороны все таки весьма естественно желаніе поискать себѣ опоры въ наукѣ, именно въ современной, положительной, признанной наукѣ, а не въ пройденныхъ уже ступеняхъ развитія мысли. По этому метафизическіе и еще болѣе ранніе отвѣты на вопросъ о критеріи истинности нашихъ понятій важны здѣсь для насъ развѣ только въ отрицательномъ смыслѣ. Намъ интересны главнымъ образомъ отношенія науки къ вопросу объ истинѣ и о критеріѣ истинности.

Жажда познанія, жажда истины есть закончѣйшая потребность человѣка. Но, наблюдая эту жажду въ другихъ и въ самихъ себѣ, мы видимъ, что она способна принимать весьма различныя направленія и удовлетворяться на разнообразныя манеры. Элементарнѣйшая форма жажды познанія состоитъ въ томъ, что человѣкъ интересуется только тѣми истинами, которыя ему нужны для ближайшихъ практическихъ цѣлей. Напримѣръ человѣкъ задумалъ постройть какую нибудь фабрику и, желая вести дѣло самъ, познакомился съ соответствующей частью механики и технологіи, и затѣмъ пошелъ на лаврахъ или вѣрнѣе на тѣхъ продуктахъ, которые производятся на его фабрикѣ. Такого рода жажда познанія, удовлетворяясь извѣстнымъ кругомъ уже добытыхъ другими истинъ, для насъ неинтересна. Обращаясь къ менѣе легко удовлетворяемой потребности истины, мы встрѣчаемъ во первыхъ метафизику. Здѣсь жажда познанія получаетъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ сильнѣйшее или по крайней мѣрѣ напряженнѣйшее развитіе. Во всякомъ случаѣ она въ этой формѣ представляетъ крайнюю противоположность потребности, удовлетворяющейся малевкой группой истинъ, необходимыхъ для злобы дня въ буквальномъ смыслѣ слова. Вполнѣ презирая практику и даже не умѣя къ ней приступить, метафизика жаждетъ познанія для познанія, ищетъ истины для исти-

ны. Метафизики папримѣръ спорили очень много объ томъ, существуетъ ли реальный міръ, т. е. этотъ столъ, это перо, эта свѣчка, этотъ пишущій человѣкъ и т. д., существуютъ ли они въ дѣйствительности или это только призракъ, обманъ, а настоящая дѣйствительность лежитъ гдѣ-то за реальнымъ міромъ, въ качествѣ его субстрата. Много остроумія, силы и тонкости мысли, всѣхъ лучшихъ даровъ человѣческой природы потрачено было на этого рода споры, причемъ субстратомъ всего реального міра, единосущимъ, дѣйствительнымъ бытіемъ поочередно признавались вода, число, духъ, матерія, воли, опять духъ, опять матерія и т. д. Профаны никогда не могли примириться съ этими измышлениями. Практическую сторону этой невозможности Прудонъ, съ свойственною ему сплю и яркостью выражений, описалъ такъ: *Le peuple, éminemment pratique, demandait à quoi servirait toute cette philosophie, et la manière d'en faire usage: et comme on lui répondait, avec Schelling, que la philosophie existe par elle même et pour elle même; que ce serait faire injure à sa dignité que de lui chercher un emploi, le peuple s'est moqué des philosophes, et tout le monde a fait comme le peuple.* Т. е. народъ, практикъ по преимуществу, спрашивалъ, на что годится вся эта философія и какъ слѣдуетъ ее прилагать къ жизни; ему отвѣтили, устами Шеллинга, что философія существуетъ въ себѣ и для себя, что было бы оскорбительно для ея достоинства искать ей какого нибудь примѣненія; тогда народъ отвергъ философовъ и весь міръ послѣдовалъ его примѣру. Это—только практическая сторона дѣла, ясно обрисовывающая неизбежную противоположность точекъ зрѣнія профана и специалиста познания. Но и наука, въ силу теоретическихъ соображеній, тоже отвергла съ своей стороны метафизику, такъ что, ссылаясь не только на свою собственную практику, а и на науку, мы имѣемъ полное право сказать: пусть мертвые хоронятъ мертвыхъ. Остается та форма жажды познания, которая создала науку. Въ этой области открываются законы явленій, т. е. нѣчто подлежащее повѣркѣ чуть не каждую минуту, въ этой области нѣтъ толченія на мѣстѣ, въ ней есть

свои преданія, преемственный, такъ сказать, рядъ истинъ, изъ поколѣнія въ поколѣнїе очищающихся отъ постороннихъ примѣсей. Послушаемъ же, что скажетъ намъ наука объ истинѣ и о критеріѣ истинности. Я замѣчаю однако, что и въ самой наукѣ есть по крайней мѣрѣ два теченія, двѣ формы жажды познанія, очень хорошо различимыя. Я вижу во первыхъ множество людей науки, занятыхъ напримѣръ перечисленіемъ видовъ и разновидностей животныхъ, растений, минераловъ и подробнѣйшимъ описаніемъ ихъ свойствъ. Такой-то видъ такого-то рода такого-то семейства жесткокрылыхъ отличается такими-то пропорціями головы и туловища, такою-то окраскою концовъ надкрылій и такимъ то числомъ полосокъ вдоль спины; существуетъ однако тамъ-то, тамъ-то и тамъ-то разновидность этого вида, отличающаяся двойнымъ числомъ полосокъ на спинѣ и удлинненнымъ туловищемъ; открытіе этой замѣчательной разновидности посчастливилось сдѣлать мнѣ, и я позволилъ себѣ прибавить къ ея родовому названію, въ честь нашего знаменитаго ученаго Буввоѣдуса, прилагательное *Bukwojedii*. Вотъ приблизительное содержаніе весьма многихъ ученыхъ изслѣдованій, на которыя тратятся годы и годы; вотъ какими абридами и дикимъ медомъ можетъ иногда удовлетворяться человѣкъ, алчущій познанія. Этого рода ученые едвали когда набудь думаютъ объ истинѣ, но она по всей вѣроятности смутно представляется имъ чѣмъ-то въ родѣ точной копіи съ маленькаго уголка дѣйствительности, причемъ ученому нѣтъ никакого дѣла до остальнаго міра, а слѣдовательно и до мѣста, который занимаетъ въ немъ изученный имъ уголокъ: онъ изучаетъ его радъ него самаго, хоть бы онъ мѣднаго гроша не стоилъ. Замѣчательно, что такія изслѣдованія существуютъ и возможны почти исключительно въ такъ называемыхъ конкретныхъ наукахъ (зоологія, ботаника, минералогія, исторія, какъ ее долбить въ училищахъ), которыя представляютъ низшій типъ науки и до сихъ поръ открыли собственными силами только развѣ очень малое число законовъ явленій.

Если мы наконецъ обратимся къ высшему типу научныхъ

пслѣдованій, къ сферамъ знанія, наиболѣе по общему приговору разработаннымъ, то встрѣтимся съ совсѣмъ иными понятіями объ истинѣ и о задачѣ науки. Мы увидимъ напримѣръ математика, который оперируетъ надъ понятіями, не имѣющими себѣ никакого подобія въ дѣйствительности, и который слѣдовательно ни коимъ образомъ не можетъ видѣть въ истинѣ копию съ дѣйствительности. Мы увидимъ физика, говорящаго о свойствахъ матеріи, химика, рассуждающаго о сродствѣ, астронома, изучающаго законы тяготѣнія, и т. п., и однако всѣ эти понятія матеріи, сродства, тяготѣнія, возбужденія, сознанія, по выраженію одного нѣмецкаго писателя, «могутъ быть сравнены съ кредитнымъ билетомъ, который находится въ обращеніи, но котораго никто не выкупаетъ» и который слѣдовательно имѣетъ чисто условную цѣнность. Наука не приписываетъ имъ характера истинъ, соответствующихъ метафизическимъ сущностямъ, якобы познаннымъ и познаваемымъ; нѣтъ, наука вводитъ въ свое построеніе эти понятія чисто условно, охотно сознаваясь, что слова матерія, сродство, тяготѣніе выражаютъ нѣчто въ сущности неизвѣстное. Мы увидимъ рядъ чрезвычайно смѣлыхъ гипотезъ, которыя можетъ быть никогда не подтвердятся, которыя составляютъ сознательный, условленный самообманъ. Принимая напримѣръ гипотезу свѣтоноснаго эфира, разныхъ другихъ гипотетическихъ дѣятелей, рассуждая объ ихъ свойствахъ съ такою увѣренностью, какъ еслибы они были ею смѣряны и взвѣшаны, наука говоритъ: это — только гипотеза, а не истина, это—собственно говоря обманъ, но я опираюсь на него, какъ на истину, потому что это удобно, потому что этотъ обманъ даетъ мнѣ возможность часто съ большою точностью предвидѣть измѣненія въ томъ или другомъ явленіи. Что же это значитъ? Что можетъ быть путнаго изъ Вполеема? Куда заведетъ насъ это повидимому ослабленіе стремленія къ истинѣ?

Для отвѣта на эти вопросы я позволю себѣ рекомендовать вниманію читателя небольшую и очень популярно изложенную статью г. Добровольскаго «Видимъ ли мы предметы такими, какими они существуютъ въ природѣ». («Знаніе» 1873, № 1).

Это—вступительная лекція курса фізіологій зрѣнія, читанная въ медико-хирургической академіи. Авторъ держится возрѣній Гельмгольца и статья представляетъ слѣдовательно вѣрное отраженіе взглядовъ современной положительной науки.

Вѣрны ли наши зрительныя впечатлѣнія? Видимъ ли мы предметы такими, какими они существуютъ въ дѣйствительности? спрашиваетъ г. Добровольскій. Повидному отвѣчать на этотъ вопросъ очень легко. Вамъ нужно перескочить черезъ оврагъ. Вы измѣряете глазомъ разстояніе, напрягаете въ соотвѣтственной степени мускулы ногъ и прыгаете: вы перепрыгнули, значитъ глазъ не обманулъ васъ. Вы говорите: вотъ квадратная доска, и прямое измѣреніе сторонъ ея подтверждаетъ, что вы не ошиблись,—это дѣйствительно квадратная доска. Подобныя безчисленныя повѣрки зрительныхъ впечатлѣній, при помощи другихъ органовъ чувствъ, доказываютъ полное соотвѣтствіе этихъ впечатлѣній и видимыхъ предметовъ. Однако есть факты, противорѣчащіе такому убѣжденію. Сплошь и рядомъ намъ приходится, опредѣливъ глазомѣромъ напримѣръ извѣстное разстояніе, убѣдиться вслѣдъ затѣмъ, что мы ошиблись. Да и тѣ случаи, въ которыхъ мы завѣдомо безошибочно опредѣляемъ на глазъ извѣстное разстояніе или извѣстную форму предмета, совсѣмъ не такъ просты, какъ оно кажется съ перваго раза. Я вижу шаръ и не ошибаюсь, это—дѣйствительно шаръ. Но дѣло въ томъ, что я съ ранняго дѣтства имѣлъ въ рукахъ разнаго рода шары, ощупывалъ ихъ, бралъ ихъ въ ротъ и т. д. Такъ что теперь, когда я безошибочно опредѣляю глазомъ шарообразную форму, я не могу сказать, что именно принадлежитъ чистому зрительному впечатлѣнію и что—позабытому мной, но долговому и сложному навыку, въ которомъ участвовало не одно чувство зрѣнія. Далѣе, мы знаемъ о существованіи иллюзій и галлюцинацій, т. е. зрительныхъ впечатлѣній, несоотвѣтствующихъ видимымъ предметамъ или же являющихся безъ вызова какимъ нибудь внѣшнимъ предметомъ. Еще важнѣе слѣдующее обстоятельство. Специальное отправленіе глаза состоитъ въ воспріятіи евѣтовыхъ лучей, идущихъ къ нему отъ

предметовъ. Но будемъ ли мы раздражать зрительный нервъ электричествомъ, вполотой, будемъ ли мы его давить, рвать, рѣзать, на всѣ эти раздраженія онъ отвѣтитъ свѣтовыми явленіями. Если мы будемъ просто давить на свой собственный глазъ, то тоже получимъ, кромѣ ощущенія боли, ощущеніе свѣта. Такимъ образомъ органъ зрѣнія отвѣчаетъ свѣтовыми явленіями на такія раздраженія, которыя не имѣютъ ничего общаго со свѣтомъ. Какъ же можно въ виду этого допустить вѣрность нашихъ зрительныхъ впечатлѣній? Возьмите листъ красной бумаги, сдѣлайте въ немъ маленькую вырѣзку, подложите подъ него листъ черной бумаги и покройте бѣлой папирсной бумагой: черный цвѣтъ подкладки будетъ казаться зеленымъ, а если замѣнить красную бумагу зеленой, то подкладка покажется красного цвѣта. Хотя мы очень хорошо знаемъ условія этого зрительнаго обмана, но тѣмъ не менѣе это—все таки обманъ: зрительное впечатлѣніе не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Есть люди, слѣпые на нѣкоторые цвѣта, преимущественно на красный. Киноварь для всѣхъ красного цвѣта, а для человѣка, страдающаго такимъ недостаткомъ зрѣнія, она будетъ черного цвѣта. Это случай ненормальный, но онъ все-таки показываетъ, что свойства предметовъ зависятъ не только отъ ихъ природы, но и отъ природы тѣхъ органовъ, на которые они дѣйствуютъ. Къ тому же заключенію приводятъ насъ и всѣ вышеприведенные примѣры обмановъ зрѣнія. Всѣ они свидѣтельствуютъ, что въ актѣ зрѣнія становятся далеко не тождественные моменты субъективный и объективный; что мы всегда видимъ предметы сообразно устройству нашего органа зрѣнія, но далеко не всегда сообразно свойствамъ самихъ предметовъ, словомъ, что предполагаемая гармонія между наблюдающимъ субъектомъ и наблюдаемымъ объектомъ не существуетъ.

Мы получимъ совершенно удовлетворительное понятіе объ общемъ значеніи этихъ отклоненій наблюденія отъ дѣйствительности, если нѣсколько пристальнѣе рассмотримъ одно явленіе, уже отмѣченное выше. Чтобы видѣть предметъ, надо чтобы лучи отъ него попали въ глазъ и, пройдя

глазныя среды, дали обратное изображеніе предмета на сѣтчаткѣ, чтобы въ сѣтчаткѣ было вызвано ощущеніе и чтобы это ощущеніе передалось при помощи волоконъ зрительнаго нерва мозгу, гдѣ уже изъ него образуется представленіе о предметѣ. Только зрительный аппаратъ, состоящій изъ сѣтчатки, зрительнаго нерва и извѣстной части мозга, способенъ производить свѣтотыя ощущенія и соотвѣтственныя представленія. Солнечныя лучи воспринимаются и нервами осязанія, но здѣсь происходитъ ощущеніе теплоты, свѣтотыхъ же ощущеній не можетъ дать ни одинъ нервъ, кромѣ зрительнаго. Тоже самое повторяется и съ другими нервами: на языкѣ укусъ даетъ ощущеніе кислого вкуса, а на соединительной оболочкѣ вѣкъ—осязательное ощущеніе болѣзненнаго жженія. Слѣдовательно *одинъ и тотъ же предметъ* производитъ въ насъ *различныя* ощущенія не потому, что въ немъ самомъ произошли какія нибудь измѣненія, а потому, что онъ дѣйствуетъ на *различныя* органы чувствъ. Съ другой стороны мы видѣли, что зрительный аппаратъ отвѣчаетъ свѣтотыми явленіями на всякія раздраженія. *Что бы ни дѣйствовало* на органъ зрѣнія, свѣтъ ли, электричество ли, механическое ли давленіе и проч. онъ дѣлаетъ только свое специальное дѣло. Слѣдовательно объектъ, дѣйствительность играетъ здѣсь совершенно подчиненную роль; не объектъ опредѣляетъ характеръ впечатлѣнія, а извѣстный нервный аппаратъ воспринимающаго субъекта. Отсюда слѣдуетъ выводъ:

«Качество нашихъ ощущеній главнымъ образомъ зависитъ отъ особенностей нервнаго аппарата и потому уже—слѣдовательно только въ вторыхъ—отъ особенностей тѣхъ раздражителей или предметовъ, которые дѣйствуютъ на нервы. Къ сферѣ какого чувства принадлежитъ данное ощущеніе, это вовсе не зависитъ отъ наружныхъ предметовъ, а исключительно только отъ рода возбуждаемыхъ ими нервовъ. Какое особенное ощущеніе произойдетъ въ сферѣ какого либо опредѣленнаго чувства—это прежде всего зависитъ отъ природы вѣшняго предмета, который вызоветъ ощущеніе. Вызвать ли во мнѣ солнечныя лучи свѣтотое ощущеніе или ощущеніе теплоты—это зависитъ только отъ того, буду ли я ихъ воспринимать чрезъ посредство зрительнаго нерва или же чрезъ посредство нервовъ кожи. Получу ли я при

этомъ ощущеніе краснаго или спяга цвѣта, слабого или сильнаго свѣта, ощущеніе жгучей или только слабой теплоты—это будетъ зависѣть, какъ отъ рода дѣйствующихъ лучей, такъ и отъ состоянія первнаго аппарата (115).

«Теперь уже ясно, продолжаетъ г. Добровольскій (117), что о равенствѣ зрительныхъ представленій съ объектами не можетъ быть рѣчи. Есть ли какойнибудь смыслъ искать сходства, а тѣмъ болѣе равенства между этимъ столомъ и представленіемъ о немъ—продуктомъ психической дѣятельности? Представленіе о какомъ либо предметѣ и самый предметъ принадлежать двумъ совершенно различнымъ мірамъ, которые также мало допускаютъ между собою какое либо сравненіе, какъ луна и уксусъ, какъ цвѣта и тоны или, еще лучше, какъ буквы какойнибудь книги со звукомъ того слова которое они изображаютъ. Наши зрительныя впечатлѣнія суть *дѣйствія*, которыя видимые предметы оказываютъ на нашу нервную систему, на наше сознаніе. А всякое дѣйствіе зависитъ какъ отъ природы дѣйствующаго предмета, такъ и отъ природы того объекта, на который производится дѣйствіе. Ожидать и требовать представленія, которое бы пунктуально и неизмѣнно передавало намъ природу представляемаго предмета, слѣдовательно было бы истинно въ абсолютномъ смыслѣ, значило бы ожидать дѣйствія, которое было бы совершенно независимо отъ природы того предмета, на который произведено дѣйствіе, что составляетъ уже осязательное противорѣчіе и безсмыслицу. Всѣ наши представленія, въ томъ числѣ и зрительныя, носятъ на себѣ субъективный характеръ: мы можемъ назвать ихъ образами предметовъ, но характеръ ихъ существенно зависитъ отъ нашего сознанія и его особенностей».

Свойство, качество предмета есть только *дѣйствіе* предмета или, вѣрнѣе, постоянная способность предмета дѣйствовать, при благоприятныхъ условіяхъ, извѣстнымъ образомъ на другіе предметы или на наши чувства. Поэтому несправедливо видѣть въ свойствахъ предметовъ ихъ неотъемлемую принадлежность внѣ всякаго отношенія къ другимъ предметамъ. Изъ этого видно, что нельзя и спрашивать напримѣръ краснаго ли цвѣта киноваръ или это — оптической обманъ. Краснота совсѣмъ не есть неизбѣжное свойство киновари самой по себѣ или отражаемаго ею свѣта. «Ощущеніе краснаго цвѣта есть нормальная реакція нормально устроенныхъ глазъ на свѣтъ, отраженный киноварью. Слепой на красный цвѣтъ видитъ киноваръ черною, потому что у него въ нервномъ аппаратѣ недостаетъ элементовъ, на которые могли бы дѣйствовать лучи свѣта, отраженные киноварью; и это есть нормальная реакція киновари на его осо-

бымъ образомъ устроенные глаза; онъ долженъ только знать, что его глаза иначе устроены, чѣмъ глаза другихъ людей. И одно ощущеніе есть не болѣе истинно и не болѣе ложно, чѣмъ другое, хотя людей, воспринимающихъ красный цвѣтъ, гораздо больше, чѣмъ лишенныхъ этой способности. Вообще красный цвѣтъ киновари существуетъ только по столько, по сколько существуютъ глаза, могущіе ощущать его». Такимъ образомъ вельзя даже спрашивать: видимъ ли мы предметы такими, каковы они въ дѣйствительности?—потому что объ этой дѣйствительности мы, вѣ условій нашей природы вообще и природы нашего органа зрѣнія въ частности, не можемъ имѣть никакого понятія. Тѣмъ не менѣе повѣрка нашихъ зрительныхъ впечатлѣній другими органами чувствъ остается на лицо. Мы устроиваемъ на нихъ значительную часть своей практической жизни, пользуемся ими, и съ успѣхомъ, на каждомъ шагѣ. Въ чемъ же дѣло? Недоразумѣніе разрѣшается очень просто, если мы примемъ, что наши ощущенія, изъ которыхъ путемъ психической дѣятельности слагаются представленія о предметахъ, суть извѣстные символы, извѣстные знаки, не произвольно нами выбранные, а навязанные намъ самою природою, самими условіями нашего существованія. Знаки эти нами заучиваются съ ранняго дѣтства путемъ сложнаго, отчасти произвольнаго опыта. Какъ ребенокъ постепенно заучиваетъ буквы, не имѣющія никакого сходства съ выражаемыми ими звуками, потомъ слоги, слова, съ которыми связываются опредѣленные понятія; такъ тотъ же ребенокъ долгимъ опытомъ знакомится съ зрительными ощущеніями, пока наконецъ научится вырабатывать изъ нихъ правильныя, т. е. пригодныя для жизни представленія о предметахъ. Разъ отъ однихъ и тѣхъ же предметовъ получаютъ всегда одни и тѣ же знаки, т. е. ощущенія, а отъ разныхъ всегда разные,—такой системы знаковъ для насъ совершенно достаточно, тѣмъ болѣе, что иной и взять не откуда. Нечего спрашивать, вѣрно ли само по себѣ мое зрительное представленіе о столѣ, на которомъ я пишу, и о различныхъ его качествахъ. «Представленіе о столѣ, которое я имѣю, есть истинно и вѣрно, если я

могу взъ него напередъ вѣрно и точно опредѣлить, какое ощущеніе я буду имѣть, если я приведу мой глазъ и мою руку въ то или другое положеніе относительно стола. Другаго какогонибудь сходства между представленіемъ и представляемымъ предметомъ ни вообразить себѣ, ни понять нельзя» (123).

Я полагаю, что этотъ маленькій частный трактатъ даетъ очень отчетливое понятіе о современныхъ отношеніяхъ положительной науки вообще къ истинѣ. Она, эта наука, вовсе не расположена видѣть въ истинахъ вѣрную копію съ дѣйствительности; для нея истина есть только, если можно такъ выразиться, извѣстный, специальный случай равновѣсія между субъектомъ и объектомъ, между человѣкомъ и природою и другими людьми. Наука не боится обмана даже въ такой мѣрѣ, въ какой его боялась и боится метафизика, хотя въ концѣ концовъ истина достается положительной наукѣ, а не метафизикѣ. Положительной наукѣ нѣтъ никакого дѣла до всѣхъ субстанцій и соответствующихъ имъ критеріевъ истинности нашихъ понятій. Она прямо говоритъ, что для нея даже безразлично — истинно или призрачно наше познаніе природы само по себѣ, т. е. воплѣ ли оно соответствуетъ дѣйствительности, истинной природѣ вещей. Важно только, чтобы это познаніе удовлетворяло требованіямъ человеческой природы, и критерія истинности слѣдуетъ искать уже въ томъ удовлетвореніи. Такимъ образомъ надъ вопросомъ объ истинѣ, выше его наука ставитъ вопросъ объ условіяхъ человеческой природы. Прежде всякаго другаго познанія человѣкъ долженъ познать свою природу, свои границы. Человѣку свойственно стремиться къ истинѣ, познавать. И это требованіе его природы подлежитъ удовлетворенію. Но человѣкъ не Богъ, находящійся внѣ всякихъ условій и опредѣленій. Онъ занимаетъ въ іерархіи существъ, населяющихъ міръ, высокое, но совершенно опредѣленное мѣсто, обусловленное его организаціей. Существа высшія его, существа низшія его имѣютъ понятія о мірѣ, весьма отличныя отъ его понятій, и однако они не болѣе и не менѣе истинны, чѣмъ его собственныя. По моему столу ползаетъ ранняя муха, отогрѣтая высокой температурой

комнаты. Безъ сомнѣнія она имѣеть о столѣ представленіе, совершенно отличное отъ моего, но, разъ природа ея удовлетворяется этимъ представленіемъ, оно для нея истинно. И если есть мухи-метафизики, то онѣ будутъ совершенно тщетно выбиваться изъ силъ, стараясь усвоить себѣ какія-нибудь высшія или вообще нвыя, напримѣръ человѣческія понятія о вещахъ. Совершенно также и человѣку надлежитъ, по совѣту Фейербаха, «довольствоваться даннымъ міромъ», т. е. такимъ, какимъ онъ данъ для него, человѣка. Я не знаю, что имѣлъ въ виду авторъ извѣстной картины, изображающей истину обнаженной женщиной съ факеломъ въ рукѣ. Но я знаю, что факель истины, обнаженной отъ условностей человѣческой природы, неспособенъ освѣтить даже малѣйшаго пространства, и не ему бороться съ окружающимъ человѣчествомъ мракомъ. Можетъ показаться, что все это праздный разговоръ, потому что не все ли равно сказать: истина, или: удовлетвореніе познавательной потребности человѣческой природы? Повидимому тутъ дѣло просто въ словахъ. Оно пожалуй и такъ, но исторія оболочиваетъ часто слова такими оболочками, которыя необходимо время отъ времени ликвидировать, устранять, чтобы вывести на бѣлый свѣтъ настоящій смыслъ слова. Не помня старыхъ и новыхъ грѣховъ теософіи и метафизики, можно подыскать любопытные примѣры неосновательныхъ понятій объ истинѣ въ средѣ людей, претендующихъ на положительное мышленіе. Недалеко ходить, — русскій переводчикъ послѣдняго сочиненія Герберта Спенсера «Изученіе социологіи» говоритъ въ предисловіи: «Совершенно послѣдовательно и строго логически авторъ, шагъ за шагомъ, пробиваетъ дорогу объективной истинѣ тамъ, гдѣ *цѣлый рядъ условий, связанныхъ съ природою челоѣка и съ внѣшними условіями, стоитъ препятствіемъ къ правильному пониманію общественныхъ фактовъ*» (VIII). Переводчикъ утверждаетъ также, что Спенсеръ въ этомъ сочиненіи «самымъ рѣшительнымъ образомъ разрушаетъ заблужденія, господствующія среди большинства по отношенію къ критикѣ социальныхъ явленій». Сейчас мы увидимъ, какъ и что разрушаетъ Спенсеръ. Но, спра-

шпвается, какое заблужденіе можетъ быть горше и опаснѣе мнѣнія, что можно *правильно* понять общественные факты, если тому препятствуетъ «цѣлый рядъ условій, связанныхъ съ природой человѣка?» Одно изъ двухъ: или надо признать правильнымъ пониманіе, соответствующее условіямъ человѣческой природы, или надо вовсе отказаться отъ правильнаго пониманія. Иной исходъ возможенъ только для человѣка, *впрысываю*, что правильное пониманіе сообщено ему супранатуральнымъ путемъ, и выдающаго въ этомъ высшемъ происхожденіи своего пониманія гарантію его правильности; да еще для метафизика, убѣжденнаго въ возможности познанія нумена, вещи въ себѣ, субстрата, сущности явленій. Человѣку науки не приходится такъ презирать свою собственную природу. Природа человѣка—не заборъ, черезъ который можно перелѣзть и благополучно очутиться на чужомъ дворѣ, это—самъ человѣкъ. Пусть г. Гольдсмитъ (переводчикъ Спенсера) попробуетъ перепрыгнуть черезъ самаго себя. Если это ему удастся, я повѣрю, что Спенсеръ пробилъ объективной истинѣ дорогу даже тамъ, гдѣ этого сдѣлать *физически* невозможно. До тѣхъ же поръ, пока г. Гольдсмитъ предлагаемаго мною фокуса не исполнитъ, я, примѣняясь къ научнымъ соображеніямъ, изложеннымъ г. Добровольскимъ, держусь того мнѣнія, что мнѣ рѣшительно все равно правильно или неправильно понялъ Спенсеръ изучаемыя имъ факты; вѣришь сказать не все равно, но этотъ вопросъ о «правильности» понятій Спенсера стоитъ для меня на второмъ планѣ; прежде всего я желаю знать, удовлетворяютъ ли они требованіямъ человѣческой природы: коли удовлетворяютъ, значитъ правильны

Гоббсъ очень справедливо говорилъ, что слова суть счеты умныхъ людей, которые пользуются ими для вычисленій, а для глупцовъ они деньги. Неисчислимы выгоды, которыя могли бы происходить отъ сознательной замѣны износившихся словъ другими, что къ сожалѣнію крайне трудно. Но люди могутъ по крайней мѣрѣ отъ времени до времени ревизовать свой политическій, философскій, научный жаргонъ съ цѣлью увидать не произошло ли какого нибудь важнаго измѣненія въ смыслѣ обще-

употребительныхъ словъ, соотвѣтствуютъ ли они тѣмъ понятіямъ, которыя должны ими выражаться. Посмотримъ, какія выгоды можетъ дать замѣна слова: истина словами: удовлетвореніе познавательной потребности человѣка. Прежде всего такое опредѣленіе уже заключаетъ въ себѣ критерій истинности нашихъ понятій, критерій, который, собственно говоря, руководилъ человѣкомъ испоконъ вѣку и который можно найти на днѣ всѣхъ философскихъ системъ и всѣхъ научныхъ изслѣдованій. Что бы ни признавалъ мыслитель гарантіей вѣрности своихъ понятій, какими бы сочетаніями словъ онъ ни описывалъ свой критерій истины, но въ концѣ концовъ онъ признавалъ какое либо положеніе истиннымъ только потому, что оно удовлетворяло его жаднѣ познанія. Я не сытъ, говоритъ человѣкъ съ неудовлетвореннымъ аппетитомъ; я не знаю, говоритъ человѣкъ съ неудовлетворенною жаждою познанія. Когда вы накормите голоднаго и сообщите истину незнающему, они скажутъ: я сытъ, я знаю. И всегда такъ было, есть и будетъ, всегда люди признавали, признаютъ и будутъ признавать истиннымъ то, что насыщаетъ ихъ потребность знанія. Правда, предлагаемый критерій не высказывался, онъ выходилъ наружу въ болѣе или менѣе извращенномъ видѣ, но это зависитъ уже не отъ самаго критерія, а отъ личныхъ свойствъ изслѣдователей и мыслителей. Но кромѣ этого объединенія значительной части исторіи мысли, нашъ критерій имѣетъ еще ту неощимую выгоду, что онъ объединяетъ области теоретическую и практическую, всѣ изъявительныя и повелительныя наклоненія всѣхъ человѣческихъ глаголовъ и всю дѣятельность человѣка. Не трудно видѣть, что красота, польза, справедливость въ отдѣльности представляютъ такіе же частные случаи равновѣсія между субъектомъ и объектомъ, между человѣкомъ и природою и другими людьми, какъ и истина; все это — различные способы удовлетворенія различныхъ требованій человеческой природы. И такъ выраженіе: цѣль науки есть изисканіе истины, служеніе истинѣ — не то что неправильно, а даетъ поводъ къ неправильнымъ толкованіямъ и должно **быть** замѣнено положеніемъ: цѣль науки состоитъ въ удовлетвореніи извѣ-

стной потребности человѣческой природы, или, что тоже, въ служеніи человѣку, или, что опять таки тоже самое, въ исполненіи заказовъ человѣка. Такимъ образомъ понятая цѣль науки конечно не обязываетъ ее ни гнутья передъ толпой невѣжественныхъ людей, ни отворачиваться отъ истины, ни кадить людямъ, ни обманывать, ни обманываться. Напротивъ цѣль эта, указывая предѣлы, ея же наука по природѣ человѣка прейти не можетъ, тѣмъ самымъ *расчищаетъ* путь къ доступной человѣку истинѣ. Притомъ цѣль состоитъ въ удовлетвореніи именно потребности познанія и слѣдовательно отнюдь не требуетъ какихъ нибудь усюкокованныхъ, льстящихъ, но ложныхъ свѣдѣній или обобщеній.

Читатель можетъ остановить меня такими замѣчаніями. Допустимъ, скажетъ онъ, что все это вѣрно, но вѣдь требовалось доказать, что наука должна служить профанамъ, а до сихъ поръ доказывалось только, что она должна служить человѣку. Развѣ профанъ есть человѣкъ по преимуществу? И не правильнѣе ли сказать, что наука удовлетворяетъ познавательной потребности самаго изслѣдователя? Но и тутъ не впадемъ ли мы въ полный хаосъ, такъ какъ должны будемъ признать истинами всѣ нелѣпости, которымъ нѣкогда люди вѣрили и которыя въ свое время удовлетворяли ихъ познавательной потребности. Напримеръ какіе нибудь дикари вѣрятъ, что громъ есть сердитая рѣчь разгнѣваннаго божества, и ихъ познавательная потребность вполне удовлетворяется такимъ объясненіемъ: чтожь,—и это тоже истина? Да и въ средѣ современныхъ мыслящихъ людей существуетъ много разногласій, свѣдѣтельствующихъ объ томъ, что познавательная потребность можетъ удовлетворяться различными вещами.

Что касается до вѣрованій въ родѣ того, что громъ есть сердитый говоръ разгнѣваннаго Юпитера, Тора, Перуна, то всѣ они относятся къ такому періоду развитія народа или личности, когда потребность познанія находится въ зачаточномъ состояніи. Это—продукты не познавательной потребности, а нѣкоторой другой, которую я назову потребностью творчества, ко-

торая тоже подлежит удовлетворенію и въ процессѣ исторіи удовлетворяется различно. Однако и въ этомъ періодѣ развитія потребность познанія существуетъ и даетъ себя знать. И въ этомъ періодѣ развитія человѣкъ работаетъ, слѣдовательно нѣчто знаетъ и знаетъ такъ, что элементарнѣйшія изъ добытыхъ имъ истинъ удовлетворяютъ насъ и по нынѣ. Контъ приводитъ не знаю откуда взятое имъ замѣчаніе Адама Смиа, что никогда ни въ какой мѣологіи не существовало бога тяжести. Работая, напримѣръ влѣзая на дерево за птичьими яйцами или за плодами, пуская камнемъ или дубяной въ преслѣдуемую имъ дичь и т. п., самый отдаленный нашъ предокъ, очень хорошо *зналъ* нѣкоторые законы тяжести, которые удовлетворяютъ потребности познанія и людей XIX вѣка, признаются ими истинными. Вообще трудъ и положительное знаніе связаны самыми неразрывными узами. Для поддержанія существованія нуженъ трудъ, для успѣшнаго труда нужно знаніе. Поэтому, переходя отъ кочеваго быта къ осѣдлому, отъ звѣроловства къ скотоводству, отъ скотоводства къ земледѣлю, люди самымъ процессомъ труда выработали длинный рядъ истинъ, необходимо остающихся истинными и для насъ. Разница въ томъ только, что потребность познанія съ теченіемъ времени расширилась и уже не удовлетворяется истинными элементарными, жаждетъ истинъ высшихъ, сложнѣйшихъ и ихъ систематизаціи. Такимъ образомъ хаосъ, долженствующій повидному произойти отъ принятія нашего критерія истинности понятій, нѣсколько разсѣвается: есть множество истинъ, удовлетворяющихъ человѣческую природу вообще, всякаго человѣка—новозеландца и Ньютона, князя Мещерскаго и Аристотеля. Безъ сомнѣнія однако, по мѣрѣ измѣненія физическаго и психическаго природы человѣка, весьма часто представляется не только расширение познавательной потребности; бывають и многочисленные случаи отрицанія предшествовавшихъ понятій, признанія ихъ ложными. Одинъ писатель съ большою ученостью и остроуміемъ доказывалъ, что общій процессъ исторіи ведетъ къ ослабленію зрѣнія относительно способности охватывать глазомъ извѣстное пространство и вмѣстѣ съ тѣмъ къ

изошренію его въ дѣлѣ различія цвѣтовъ и ихъ оттѣнковъ. Известно, что дикари видятъ гораздо дальше и лучше людей цивилизованныхъ. Съ другой стороны изъ сопоставленія нѣкоторыхъ мѣстъ Илиады и Одиссеи слѣдуетъ заключить, что во времена Гомера греки не умѣли различать такихъ цвѣтовъ, какъ голубой и зеленый. Если это справедливо *), то передъ нами чрезвычайно любопытный случай весьма важнаго измѣненія организаціи зрительнаго аппарата; измѣненія, совершившагося въ относительно короткій исторической промежутокъ и, очень можетъ быть, имѣвшаго результатомъ или спутникомъ нѣкоторое измѣненіе психической природы человѣка. Это измѣненіе могло повести къ тому, что многія изъ понятій, удовлетворявшихъ познавательную потребность древнихъ грековъ, насъ уже удовлетворяютъ неспособны. Ближайшій примѣръ—цвѣта напримѣръ хорошей бирюзы и ярко зеленой травы. Грекъ полагалъ, что эти предметы одного и того же цвѣта, мы знаемъ, что они различнаго цвѣта, и потому утверждаемъ, что грекъ заблуждался, что его понятія были не истинны. А между тѣмъ они удовлетворяли его потребности познанія, слѣдовательно были истинны. Ну да, были истинны, потому что удовлетворяли, а теперь ложны, потому что не удовлетворяютъ. Хаоса тутъ все-таки нѣтъ никакого. Съ нашими понятіями можетъ случиться тоже самое. Въ нашей оптикѣ принято, что впечатлѣнія различныхъ цвѣтовъ зависятъ отъ разницы въ длинѣ волнъ свѣтоваго эфира; самыя напримѣръ длинныя волны даютъ впечатлѣніе краснаго цвѣта. Но есть волны слишкомъ длинныя для нашего глаза, есть и слишкомъ короткія, ихъ мы воспринимать не можемъ; нельзя однако поручиться, чтобы глазъ нашъ не получилъ съ теченіемъ времени способности воспринимать и нѣкоторыя изъ нихъ. Во всякомъ случаѣ теперь мы всѣ, за вычетомъ ничтожнаго процента людей съ исключительно устроенными глазами, различаемъ цвѣта одинаково и никакого спора о цвѣтѣ

*) Теорію эту слѣдуетъ вѣжета теперь считать опровергнутою.

бирюзы и травы между нами быть не можетъ. Если мы теперь обратимся къ разногласіямъ, существующимъ въ наукѣ, то увидимъ, что они вертятся главнымъ образомъ около одного и того же центра. Возьмемъ хоть вопросъ о происхожденіи видовъ. Есть люди, принимавшіе участіе въ его обсужденіи, но стоящіе однако внѣ науки, примѣшивающіе къ дѣлу посторонніе, преимущественно религіозные элементы. До нихъ намъ нѣтъ дѣла. Научный же споръ ведется изъ-за того, какая теорія наиболѣе удовлетворяетъ нашей потребности познанія. Нѣтъ разговора о томъ истинны ли какъ нибудь сами по себѣ понятія неизмѣняемости видовъ, ихъ измѣняемости подъ вліяніемъ борьбы за существованіе, ихъ измѣняемости подъ вліяніемъ особаго закона развитія. Все дѣло въ томъ, которая изъ этихъ теорій можетъ насытить данную потребность познанія, которая изъ нихъ можетъ наилучше объяснить известную группу явленій и уничтожить наибольшее количество сомнѣній и недоразумѣній. Проидуть года, вѣка и нынѣ торжествующая теорія уступитъ мѣсто другой. Это однако отнюдь не ведетъ къ индифферентизму по отношенію къ истинѣ. Какъ бы тамъ ни было въ прошедшемъ и будущемъ, но въ данную минуту сознаваемое мною, какъ истина, удовлетворяетъ меня; я не могу думать, что не обладаю истинной, какъ не могу думать послѣ сытнаго обѣда, что я голоденъ. Практически для насъ безразлична не истина, а напротивъ судьба нашихъ истинъ въ тѣ времена, когда природа чловѣка измѣнится достаточно сильно для того, чтобы имъ не удовлетворяются. Точно какъ же не ведетъ къ индифферентизму и то обстоятельство, что и во всякую данную минуту существуетъ разногласіе, различное пониманіе однихъ и тѣхъ же вещей. Я все-таки признаю и не могу не признавать истиной то, что удовлетворяетъ меня, хотя очень хорошо знаю, что природа Петра и Ивана удовлетворяется понятіями, отличными отъ моихъ. Это обстоятельство ведетъ только къ установленію весьма важнаго практическаго правила для всякаго пропагандиста истины. Если вы, удовлетворяя новой потребности своей природы, желаете распространить какую-нибудь истину, то не рассчитывайте внушить

ее Ивану или Петру, не возбуждвъ въ немъ предварительно со-
ответственной потребности познанія, т. е. той жажды истинны
и тѣхъ сомнѣній и недоразумѣній, которыя въ васъ самихъ по-
гашены вашей истиной.

Но такимъ образомъ мы все-таки приходимъ къ тому, что
истина есть удовлетвореніе познавательной потребности того или
другого ислѣдователя. При чемъ же тутъ природа человѣка во-
обще, а тѣмъ паче при чемъ тутъ профанъ? Но вѣдь ислѣдо-
ватель есть все-таки человѣкъ и слѣдовательно на его способ-
ности и силы наложены природою тѣ же границы, въ которыхъ
долженъ существовать человѣкъ вообще. И хотя природа чело-
вѣка намъ не вполне извѣстна, но мы имѣемъ относительно ея
столько свѣдѣній, что можемъ не безъ успѣха контролировать
ими заблужденія отдѣльныхъ личностей, при чемъ подъ заблуж-
деніями слѣдуетъ разумѣть уклоненія отъ извѣстнаго намъ ти-
па. Люди вообще видятъ красный цвѣтъ, но есть отдѣльныя
личности, неспособныя его различать, и мы признаемъ ихъ суж-
денія о красныхъ предметахъ заблужденіями, единственно по-
тому, что организація ихъ зрительнаго аппарата представляетъ
нѣкоторое уклоненіе отъ организаціи, общей подавляющему
большинству людей. Съ нимъ самымъ, со слѣпымъ на красный
цвѣтъ конечно ничего не подѣлаешь, если онъ будетъ упорно
вѣрить только самому себѣ, хотя и его могутъ убѣдить логи-
ческія доказательства и путь косвеннаго опыта. Онъ можетъ на-
примѣръ много разъ выходить на встрѣчу быку въ красномъ
плащѣ, не сознавая, что онъ красный, и много разъ быкъ, по
природѣ своей приходящій отъ краснаго цвѣта въ раздраженіе,
будетъ его бодать. Эта осязательная повѣрка можетъ его убѣ-
дить въ томъ, что онъ человѣкъ особенный, ненормальный; мы
же, посторонніе зрители, знаемъ это и безъ несчастныхъ опы-
товъ съ быкомъ. Точно также мы очень хорошо знаемъ, что
между сознаніемъ человѣка и внѣшнимъ міромъ находится какъ
бы полупрозрачный занавѣсъ, недопускающій насъ познать объ-
ективную истину, сущность вещей. Мы знаемъ, что самыя от-
влеченныя наша идеи въ концѣ концовъ коренятся въ мірѣ

чувственного опыта, что такова уже природа человека. Поэтому, если какой-нибудь изследователь будет упорно стоять на намѣреніи приобрести внѣ-чувственныя познанія и проникнуть въ невѣдомую сущность вещей, мы можемъ съ увѣренностью сказать, что либо онъ не получитъ удовлетворенія потребности познанія, либо удовлетворится не по человѣчески, т. е. окажется особеннымъ, ненормальнымъ, т. е. съ общечеловѣческой точки зрѣнія заблуждающимся человекомъ, которому грозятъ какіе-нибудь своего рода рога раздраженнаго быка. Мы не только знаемъ, что такого рода попыткамъ познать непознаваемое грозитъ фіаско, но можемъ догадываться, въ чемъ состоитъ историческій процессъ, приводящій къ этимъ уклоненіямъ отъ нормы человѣческой природы. Этотъ-то процессъ и убѣждаетъ меня въ томъ, что профанъ есть дѣйствительно человекъ по преимуществу, что именно ему должна служить наука, если хочеть быть достойною своего имени и познавать только то, что доступно познанію, но за то все, что доступно. Я сейчасъ объясню свою мысль. Но сначала обратимся къ «Изученію социологій» Спенсера.

IV.

Объ изученіи социологій.

Признаюсь, я съ нѣкоторымъ страхомъ приступаю къ бесѣдѣ о книгѣ Спенсера. Не въ томъ дѣло, что она блещетъ ученостью, остроуміемъ, умомъ, мастерствомъ изложенія. Все это обычныя качества произведеній Спенсера. Но никогда еще не выказывалъ онъ такого подавляющаго презрѣнія къ намъ, профанамъ, никогда не говорилъ такихъ, для насъ обидныхъ и вмѣстѣ горькихъ словъ. Вся книга собственно говоря направлена къ тому, чтобы показать намъ наше ничтожество и недѣльную суетливость, чтобы доказать намъ, что каждый нашъ жизненный шагъ, не соотвѣтствуя требованіямъ науки, вздоренъ и даже губеленъ.

Мы, несчастные, стараемся устроить свою жизнь какъ-нибудь получше, рассчитываемъ, какъ намъ поступить въ томъ или другомъ случаѣ, но Спенсеръ доказываетъ намъ, что всѣ наши расчеты и старанія рѣшительно никуда не годятся! Впрочемъ съ этимъ бы еще можно примириться. Не въ первый и не въ послѣдній разъ приходится намъ выносить презрительное отношеніе къ намъ людей науки. Да и сами мы очень хорошо знаемъ, что мы люди темные, профаны, обязанные почтительно выслушивать попреки людей науки, потому что вѣдь они не только попрекаютъ насъ, а и учатъ, они ниспровергаютъ наши неосновательныя сужденія и замѣняютъ ихъ основательными, критикуютъ наши дѣйствія и даютъ ясныя указанія, какъ слѣдуетъ дѣйствовать. Только въ благодарность за эти драгоценныя указанія мы и разрѣшаемъ имъ говорить намъ обидныя слова, а не давай они намъ этихъ указаній и только глумись надъ нашей темнотой, мы ихъ высокомерія не стерпѣли бы, да и оно было бы совершенно незаконно. Что же—каковы совѣты и указанія умнаго, ученаго и остроумнаго Спенсера? Не знаю какъ кому покажется, но мнѣ его книга очень напомнила одинъ эпизодъ изъ моего дѣтства. Мнѣ случайно попала въ руку очень странно подобранная груда книгъ: тутъ были сочиненія Пушкина, Монте-Кристо, Вѣчный жидъ, Сказанія Курбскаго, Котляревскаго малороссійскій переводъ Энеиды (изъ котораго я и до сихъ поръ помню, что «Эней бувъ паробокъ моторный», и что «зла Юнона, суча дочка, раскудакдакталась якъ квочка»), Карамзина исторія государства російскаго, Три мушкетера, какой-то учебникъ ботаники, Кандидъ Вольтера въ переводѣ прошлаго столѣтія и проч. Все это я глоталъ съ невообразимою жадностью, по нѣскольку разъ каждую книгу, и ужъ конечно безъ малѣйшей системы. Нѣкто, имѣвшій надо мной власть, полагая, что такое жадное чтеніе должно мѣшать моимъ учебнымъ занятіямъ, и что многія изъ глотаемыхъ мною книгъ не соотвѣтствуютъ моему возрасту, уговаривалъ меня, урезонивалъ, наконецъ просто отнималъ книги. Но ничто не помогало, я таскалъ книги тайкомъ, таскалъ огарки свѣчей и читалъ цѣлыя

ночи напролетъ. Припоминая теперь все это, я ясно вижу, что многіе совѣты моего руководителя были прекрасны, но онъ не умѣлъ или не догадывался сдѣлать то, что было дѣйствительно нужно. Ему стоило только, признавъ мою жажду чтенія неистребимою, какою она и была, дать ей надлежащее удовлетвореніе, то-есть вынуть изъ бібліотеки книги неподходящія и замѣнить ихъ подходящими. Онъ мнѣ и рекомендовалъ нѣсколько книгъ, но это были все сочиненія, невозбуждавшія во мнѣ ни малѣйшаго интереса и весьма мало понятныя. Такъ что въ концѣ-концовъ, несмотря на всѣ прекрасныя совѣты и указанія, я былъ вполнѣ предоставленъ самому себѣ, какъ будто никакихъ совѣтовъ и указаній мнѣ никогда никто не давалъ. Книга Спенсера очень напомнила мнѣ образъ дѣйствія моего руководителя. Разница только въ томъ, что вмѣсто того расположенія ко мнѣ, которымъ былъ проникнутъ мой яко бы руководитель, Спенсеръ обдастъ меня глубочайшимъ презрѣніемъ. Читатель, надѣюсь, согласится со мной, прочитавъ тѣ нѣсколько комментариевъ къ книгѣ Спенсера, которые я намѣренъ сдѣлать.

«Сидя въ деревенской нивной, съ трубкой въ зубахъ, рабочий съ полною опредѣленностью высказывается о томъ, что слѣдовало бы предпринять парламенту относительно *foot and mouth disease*» (особая болѣзнь рогатаго скота, недавно появившаяся въ Англіи). Такъ начинается первая глава книги Спенсера: «Почему оно (изученіе социологіи) намъ нужно». Затѣмъ идетъ, какъ это всегда бываетъ у Спенсера, рядъ подобныхъ же примѣровъ опредѣленности, но вмѣстѣ съ тѣмъ и полнѣйшаго легкомыслія сужденій профановъ о явленіяхъ общественной жизни. Этого рода примѣры разсыпаны и по всей книгѣ. Многіе изъ нихъ чрезвычайно удачно выбраны; но, какъ это опять-таки всегда случается съ Спенсеромъ, они подъ конецъ рѣшительно утомляютъ читателя внимательнаго и отвлекаютъ мысль читателя невнимательнаго въ разныя стороны не только безъ нужды, а даже во вредъ дѣлу. Дѣйствительно, въ той массѣ самыхъ разнообразныхъ примѣровъ, какую Спенсеръ всегда выставляетъ въ защиту каждаго изъ своихъ положеній, не мудрено затерять

нитку основной мысли. Многочисленные примѣры, которые должны бы были собственно быть только пояснительными иллюстраціями, получают непропорціональное значеніе, поглощаютъ собою текстъ, мысль. Но хуже всего то, что самъ Спенсеръ, переходя отъ иллюстраціи къ иллюстраціи, часто увлекается за предѣлы собственной задачи и доказываетъ совсѣмъ не то, что желалъ бы доказать, а нѣчто гораздо болѣе общее и проблематичное. Это— тоже старыи грѣхъ Спенсера, но онъ никогда до сихъ поръ не обнаруживался съ такой рѣзкостью какъ въ «Изученіи соціологін».

Профаны произносятъ обыкновенно весьма самоувѣренно совершенно неосновательныя сужденія о ходѣ общественныхъ дѣлъ. Вотъ первая тема Спенсера. Подъ профанами онъ разумѣетъ не только рабочихъ, толкующихъ объ томъ, какъ въ томъ или другомъ случаѣ долженъ поступить парламентъ. Нѣтъ, онъ караетъ и тѣхъ людей науки, которые полагаютъ, что о соціальныхъ явленіяхъ можно трактовать безъ всякой подготовки, и которые однако очень хорошо знаютъ, что въ несравненно болѣе простыхъ областяхъ знанія подготовка требуется и громадная. Если бы, говоритъ Спенсеръ, мы обратились къ членамъ математическаго общества, которые, посвятивъ себя изученію законовъ количественныхъ отношеній, знаютъ, что, какъ ни просты эти законы по существу, но требуютъ цѣлой жизни для полного ихъ пониманія; если бы мы попросили любого изъ нихъ высказать свое мнѣніе по какому нибудь вопросу общественной политики, то готовность, съ которой онъ сталъ бы отвѣчать, должна бы повидимому привести къ заключенію, что въ тѣхъ случаяхъ, когда факторы явленія такъ многочисленны и такъ перепутаны, самое поверхностное пониманіе людей и вещей можетъ представить достаточныя данныя для правильнаго сужденія. Слѣдуетъ рядъ примѣровъ той осторожности, съ которою люди приступаютъ къ рѣшенію вопросовъ изъ наукъ естественныхъ, и той распушенности, съ которою тѣми же людьми рѣшаются вопросы политическіе. Подобной же критикѣ подвергаются и различныя мѣры, предпринимаемыя государственными людьми безъ всеосто-

ропняго изученія той среды и тѣхъ орудій, которыя затрогиваются и выдвигаются мѣропріятіемъ. Все это намъ, профанамъ, какъ нельзя болѣе на руку. Намъ только и нужно, чтобы люди науки и люди государственные попристальнѣ занялись общественными дѣлами. Если мы и рѣшаемся смѣть свое сужденіе имѣть, то вѣдь пока не существовали, какъ науки, физика, химія, физиологія, мы и въ этихъ сферахъ рѣшались выражать свои мнѣнія и конечно часто совершенно неосновательныя, но какъ только наука явилась, мы умоляли и стали прислушиваться къ ея голосу: пусть явится социологія, со всѣми импозантными признаками науки, и мы замолчимъ. Такъ что намъ пока не приходится претендовать на Спенсера. Но къ сожалѣнію увлеченный рядомъ своихъ иллюстрацій, онъ заходитъ уже слишкомъ далеко. Желая показать, что изученіе фактовъ социальныхъ сопряжено даже съ гораздо большими трудностями, чѣмъ какія представляются въ области математики и естествознанія, желая дать понятіе о трудности задачи социолога, онъ готовъ отчасти даже самую задачу похерить. Онъ удивляется «какимъ образомъ кто нибудь, а тѣмъ болѣе человѣкъ научно образованный, можетъ думать, что спеціальныя результаты спеціальныхъ политическихъ дѣйствій могутъ быть вычислены, когда онъ видитъ необычайную сложность вліяній, отъ которыхъ зависитъ развитіе, жизнь и смерть каждаго человѣка, а тѣмъ болѣе каждаго общества» (21). Еще рѣзче говорить онъ о «крайней сложности социальныхъ явленій и простирающейся отсюда трудности положиться на *какіе либо* заранѣе вычисленные результаты» (24). Одна группа его примѣровъ завершается такимъ выводомъ: «какъ бы мы ни рассматривали происхожденіе общественныхъ явленій, мы всегда увидимъ, что спеціальныя цѣли, которыхъ ожидали и къ которымъ приготовлялись, были достигнуты только временно или совсѣмъ не были достигнуты, между тѣмъ какъ измѣненія, происшедшія въ дѣйствительности, возникли изъ причинъ, самое существованіе которыхъ было неизвѣстно» (21). Надо замѣтить, что примѣры, изъ которыхъ слѣдуетъ этотъ выводъ, подобраны не совсѣмъ хорошо. Я приведу только одинъ.

Въ домахъ умалишенныхъ принято замѣнять слабый внутренній контроль паціентовъ успленнымъ наружнымъ, и однако, говорить Спенсеръ, «система нестѣсненія» имѣла гораздо большій успѣхъ, чѣмъ система сумашедшихъ рубахъ. Одинъ врачъ, «обладающій большою опытностью въ леченіи умалишенныхъ, недавно засвидѣтельствовалъ, что у помѣшанныхъ желаніе бѣжать бываетъ очень сильно, когда употребляютъ замки и ключи, но почти исчезаетъ, когда ихъ не употребляютъ, и мѣра, состоящая въ уничтоженіи замковъ и ключей, въ 95 случаяхъ изъ 100 имѣла полный успѣхъ». Это одно изъ доказательствъ «вреда, часто причиняемаго мѣрами, которыя считаются полезными». Что мѣры, признаваемые полезными, часто оказываются вредными, это конечно очень справедливо, но нельзя изъ этого выводить заключеніе, что всякая мѣра *всегда* (мы всегда увидимъ, говорить Спенсеръ) нецѣлесообразна и что результаты ея не подлежатъ никакому вычисленію. Достаточно указать на мѣру, принятую психіатромъ, о которомъ упоминаетъ Спенсеръ. Наблюденіе этого врача конечно подлежитъ провѣркѣ, но если оно подтвердится, то вотъ и цѣлесообразная мѣра съ напередъ вычисленными результатами: не употребляйте ключей и замковъ въ домахъ умалишенныхъ и изъ 100 паціентовъ только 5 сдѣлаютъ попытку бѣжать. Положимъ, что это—только отрицательное указаніе, но не трудно видѣть, что выводъ Спенсера все таки слишкомъ рѣзокъ и огуленъ. Въдѣ много можно найти и въ исторіи признанной науки примѣровъ понятій, которыя нѣкогда считались истинными, и затѣмъ оказались ложными. Изъ этого не слѣдуетъ однако, что надо отказаться отъ истины, да отказаться и невозможно. Такъ то и тутъ: люди совершаютъ очень много дѣйствій, въ расчетѣ на ихъ полезные результаты, и ошибаются, получаютъ результаты вредные, но перестать дѣйствовать все таки нельзя, это значитъ перестать жить. Ес-либы Спенсеръ ограничился только нападками на скороспѣлыя рѣшенія, завѣдомо необдуманная дѣйствія и излишнее регламентаторство въ области политики, то онъ былъ бы тысячу разъ правъ. Но онъ дѣлаетъ больше, онъ подрываетъ всякую

возможность введенія науки въ область практики, потому что наука значитъ предвидѣніе, и тамъ, гдѣ предвидѣніе невозможно, невозможна и наука. Правда, въ двухъ слѣдующихъ главахъ («Существуетъ ли социальная наука?» и «Характеръ социальной науки») Спенсеръ утверждаетъ, что хотя социальная наука и не существуетъ, но вполнѣ возможна, и что вышесприведенныя его замѣчанія относятся именно только къ специальнымъ дѣйствіямъ специальныхъ политическихъ причинъ, которыя предвидѣть дѣйствительно невозможно. Онъ полагаетъ, что случайности исторіи не могутъ составить предмета науки, но существуетъ классъ явленій болѣе общихъ, послѣдованіе которыхъ можетъ дать вполнѣ опредѣленную группу научныхъ истинъ. Во всякомъ случаѣ руководить практикой, указывать намъ, профанамъ, способы достиженія различныхъ жизненныхъ цѣлей, наука, въ лицѣ Спенсера, отказывается и признаетъ подобнаго рода указанія даже невозможными. Спенсеръ почти готовъ допустить, какъ принципъ, что, какъ человекъ ни умудряйся, какъ ни расчитывай, а результаты его дѣйствій неперемѣнно будутъ представлять нѣчто совершенно противоположное его намѣреніямъ. Такое безусловное недовѣріе къ силамъ человеческого разума Спенсеръ обнаруживаетъ не въ первый разъ. Въ «Соціальной статикѣ» онъ указывалъ на запрещенія браковъ между бѣдными, результаты которыхъ выразились множествомъ незаконныхъ рожденій, на мѣры противъ торговли неграми, которыя повели къ разнымъ варварскимъ ухищреніямъ торговцевъ и проч. Онъ приводилъ цѣлый рядъ примѣровъ въ подтвержденіе той же мысли, что развивается въ «Изученіи социологін», а самую мысль въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ выражалъ даже рѣзче. Тамъ Спенсеръ изъ всѣхъ сплъ громилъ людей, имѣющихъ дерзость «критиковать божій міръ съ точки зрѣнія своего кусочка мозга», стремящихся «поправлять ошибки Всевѣдущаго» и вмѣшивающихся въ «гигантскій планъ», которымъ Богъ ведетъ насъ къ счастью. Презрѣніе къ суетливости и самоувѣренности профановъ заставило его въ «Соціальной статикѣ» сдѣлать такое напруженіе ума, что ему удалось даже отчасти предвосхитить те-

орію Дарвина («Статика» вышла въ 1850 г.). Именно онъ говорилъ, что «во всей природѣ дѣйствуетъ строгая дисциплина, которая, хотя нѣсколько жестока, но за то весьма благотѣльна». Онъ указывалъ на беспощадную борьбу за существованіе («всеобщее взаимное преслѣдованіе»), царящую въ природѣ, и уничтожающую слабыхъ, старыхъ, неловкихъ и тѣмъ самымъ предохраняющую расу отъ ухудшенія. Онъ указывалъ отчасти и на половой подборъ, приводящій столь же жестокимъ путемъ къ столь же благотѣльнымъ послѣдствіямъ. Исходя отсюда, онъ требовалъ уничтоженія всякой опеки надъ слабыми членами общества и доходилъ даже до отрицанія всѣхъ санитарныхъ мѣръ. Онъ желалъ, чтобы мы, профаны, были вполне предоставлены своему невѣжеству и выкарабкивались изъ него, какъ сами знаемъ, ибо, дескать, неисчислимы пагубныя послѣдствія той рьяной заботливости о грубыхъ, невѣжественныхъ профанахъ, которую будто бы преисполнено современное общество. «Становится между невѣжествомъ и его естественными послѣдствіями, говорилъ Спенсеръ,—значить изъявлять слишкомъ большія претензіи и мечтать превзойти благостью самаго Бога».

Въ «Изученіи соціологіи» отношеніе его къ практикѣ осталось тоже самое. Онъ все-такъ же не вѣрять въ возможность предвидѣть послѣдствія даже самыхъ маловажныхъ практическихъ шаговъ. Но чѣмъ же мотивируется это невѣріе, если отброшена мысль, что самимъ Богомъ, ради счастья человѣчества, предписаны извѣстныя страданія, которыя поэтому не должно пытаться устранить? Въ наиболѣе определенной формѣ отвѣтъ на этотъ вопросъ данъ Спенсеромъ на стр. 29 перваго тома: «Вѣроятно, говоритъ онъ,—что въ соціологіи, какъ и въ біологіи, накопленіе фактовъ, болѣе критическое ихъ сопоставленіе и выводы, сдѣланные при помощи научныхъ методовъ, будутъ сопровождаться возрастающимъ сомнѣніемъ въ выгодахъ, которыхъ можно достигнуть той или другой мѣрой, и возрастающимъ опасеніемъ за неблагопріятныя послѣдствія, которыя могутъ быть вызваны этими мѣрами. Вѣроятно, что названное для индивидуальнаго организма не совсѣмъ точно, хотя и довольно

удачно *vis medicatrix naturae* (цѣлебная сила природы), будетъ найдено въ аналогичной формѣ и въ общественномъ организмѣ». Вотъ, значитъ, на что надо возложить всѣ надежды. Но, сколько мнѣ извѣстно, *vis medicatrix naturae* никогда не играла сколько нибудь существенной роли въ наукѣ объ индивидуальномъ организмѣ, хотя безъ сомнѣнія очень часто повторялись и повторяются слова: надо предоставить организмъ самому себѣ. На дѣлѣ даже люди, совершенно отрицающіе медицину, требуютъ не того, чтобы больной организмъ былъ предоставленъ собственнымъ силамъ, а того, чтобы онъ былъ перенесенъ въ другую среду или чтобы окружающія его условія были измѣнены. Какъ бы однако тамъ ни было съ *vis medicatrix naturae* въ ученіи объ индивидуальномъ организмѣ, ея значеніе въ социологій осложняется тѣмъ, что проявляется она можетъ только при посредствѣ личностей, личности же дѣйствуютъ по извѣстному плану, цѣлесообразно и такимъ образомъ мы отброшены все-таки къ первоначальной задачѣ, къ вопросу о томъ: могутъ ли быть предвидимы результаты нашихъ дѣйствій. Значитъ *vis medicatrix naturae* намъ ни на волосъ не помогла. Это намъ совершенно уяснится, если мы ближе взглянемъ въ какой нибудь изъ многочисленныхъ примѣровъ, приводимыхъ Спенсеромъ въ доказательство несостоятельности челоѳвческаго разума въ практикѣ. «Желаніе уничтожить или уменьшить какое нибудь зло, говоритъ Спенсеръ,—часто ведетъ къ необдуманнмъ поступкамъ, что видно напримѣръ изъ послѣдствій, съ какою стараніемъ поднять упавшаго челоѳвѣка: какъ будто очень опасно оставить его лежащимъ и нисколько не опасно неосторожно поднять его» (I, 28). И такъ люди до такой степени неспособны предвидѣть послѣдствія своихъ поступковъ, что даже въ такихъ простыхъ случаяхъ, какъ паденіе челоѳвѣка, не смотря на всѣ благія намѣренія, только пакостятъ своему ближнему. Хорошо. Но передъ нами стоитъ все-таки указанный и разъясненный фактъ нашего неблагоприятнаго поведенія. Нельзя ли утилизировать его разъясненіе? Нельзя ли воспитывать людей такимъ образомъ, чтобы они не спѣшили поднимать упавшаго

человѣка? Можетъ быть и можно, но послѣдовательный скептикъ не имѣетъ права остаиваться на этомъ положительномъ рѣшеніи. И, надо правду сказать, скептицизмъ его въ этомъ отношеніи можетъ имѣть весьма серъезныя основанія. Еслибы я обладалъ терпѣніемъ въ подборѣ доказательствъ, талантомъ и эрудиціей Спенсера, я безъ особеннаго труда доказалъ бы, что устраненіе поспѣшности, съ которою люди бросаются поднять упавшаго человѣка, можетъ имѣть самыя гибельныя послѣдствія. Я бы закончилъ свое разсужденіе слѣдующей проницательской фразой: какъ будто очень опасно неосторожно поднять человѣка и какъ будто нисколько не опасно заглушить въ людяхъ, систематическимъ воспитаніемъ, драгоценнѣйшій изъ ихъ инстинктовъ, — инстинктъ сочувствія къ несчастію бляжняго! Дѣйствительно, послѣдовательному скептику, знающему, что самыя повидимому ничтожныя причины производятъ иногда прямые или косвенныя слѣдствія громадной важности, такому скептику очевидно не приходится пропускать безъ протеста предложенный проектъ воспитанія. Это вѣдь—тоже *мѣра* и можетъ быть похуже многихъ. Теперь введемъ въ наше разсужденіе спасительную *vis medicatrix naturae*. Очевидно она можетъ на занимающемъ насъ пунктѣ дѣйствовать только двоякимъ образомъ: либо оставляя поспѣшность, съ которою люди бросаются и проч., на мѣстѣ, либо устраняя ее. Иного исхода нѣтъ, а оба эти исхода нами забракованы. Что же такое эта *vis medicatrix naturae*, какъ не совсѣмъ ненужная, ничего не объясняющая, никому не помогающая съ боку припека?

Одно дѣло говорить намъ, профанамъ, что всѣ мѣры, направленныя къ хорошему, ведутъ собственно къ худу, и другое дѣло самому послѣдовательно держаться вѣры во всемогущую *vis medicatrix naturae*. Отрицать, отрицать и только отрицать возможность предвидѣнія результатовъ нашихъ дѣйствій, на словахъ конечно можно, но очень трудно устроить всѣ свои отрицанія такъ, чтобы пзъ-за нихъ не выглядывало никакое положеніе. Спенсеръ написалъ книгу, т. е. совершилъ нѣкоторое положительное дѣйствіе. Зачѣмъ онъ его совершилъ, когда подобно

всѣмъ другимъ людямъ онъ не въ состояніи предвидѣть какія послѣдствія могутъ пропстечь изъ изданія его книги? Этотъ наиболѣе общій упрекъ въ непослѣдовательности, какой только можетъ быть сдѣланъ Спенсеру, я пока только ставлю, отлагая его разсмотрѣніе до конца главы. Теперь отмѣчу кое-какія частности.

Въ главѣ «Біологическая подготовка» читатель найдетъ громы, во многихъ отношеніяхъ справедливыя, противъ филантропіи, которую впрочемъ Спенсеръ понимаетъ черезъ - чуръ широко. Между прочимъ онъ ратуетъ противъ невниманія къ тѣмъ фактамъ, что «физическія качества общества понижаются отъ искусственнаго предохраненія слабѣйшихъ членовъ его» и что и «нравственныя и умственныя качества общества понижаются вслѣдствіе искусственнаго сохраненія индивидуумовъ, менѣе другихъ способныхъ заботиться о самихъ себѣ. Спенсеръ утверждаетъ, что устраненіе извѣстныхъ затрудненій и опасностей, съ которыми нужно бороться посредствомъ ума и дѣятельности, имѣетъ самыя гибельныя послѣдствія. Во-первыхъ такое устраненіе ведетъ къ пониженію способности бороться съ затрудненіями вообще, какое пониженіе закрѣпляется путемъ наслѣдственной передачи. Но этимъ еще не исчерпывается все зло. «Эти члены населенія, не заботящіеся о самихъ себѣ, неизбежно налагаютъ на другихъ лишній трудъ доставленія имъ необходимыхъ средствъ къ жизни или трудъ надлежащаго наблюденія надъ ними, или и того и другаго вмѣстѣ. Такимъ образомъ лучшіе члены населенія принуждены работать сверхъ своихъ силъ, потому что на нихъ лежить, кромѣ заботы о самихъ себѣ и своихъ дѣлахъ, еще и забота о сохраненіи худшихъ членовъ общества и ихъ потомства» (II, 518). Это хорошо сказано, — умно и справедливо. Мы, профаны, давно ужъ замѣчаемъ, что многое въ жизни оттого не ладно идетъ, что на долю нѣкоторыхъ выпадаетъ ужъ слишкомъ много затрудненій и опасностей, а на долю другихъ слишкомъ ужъ мало, такъ что они совершенно не способны заботиться сами о себѣ. Вотъ только любопытно бы было узнать кого именно Спенсеръ разумѣетъ подъ «слабѣйшими», «негодными», «неспособными»? Собственно говоря въ этомъ все дѣло.

Обратитесь теперь, читатель, къ стр. 455 книги Спенсера. Желая доказать лишній разъ свою завѣтную мысль о неспособности людей къ предвидѣнію политическихъ фактовъ, Спенсеръ утверждаетъ, что даже въ обыденной жизни на каждомъ шагѣ вы чувствуете какъ мало работаютъ люди головой. Доказательства свои онъ представляетъ въ видѣ разсказа о примѣрномъ времяпровожденіи цивилизованнаго человѣка въ теченіи дня. Мистеръ Спенсеръ просыпается и, одѣваясь, беретъ стѣлянку съ укрѣпляющимъ лекарствомъ, которое ему предписано въ маленькихъ дозахъ. Но только что онъ отсчиталъ нѣсколько капель, какъ слѣдующія начинаютъ течь по бокамъ стѣлянки, вслѣдствіе дурнаго устройства горлышка. Кое-какъ справившись съ этимъ неудобствомъ, мистеръ Спенсеръ беретъ въ руки зеркало, желая придать своей фзіономіи вполне приличный джентельмену видъ. Оказывается, что зеркало никакъ нельзя удержать въ томъ положеніи, какое нужно мистеру Спенсеру! Онъ беретъ другое зеркало, изъ своего несессера, и удовлетворяется, хотя все-таки замѣчаетъ, что и это зеркало недостаточно цѣлесообразно устроено. Идетъ мистеръ Спенсеръ завтракать, спрашиваетъ себѣ рыбы и къ ней сои, — съ бутылкой сои повторяется та же непріятная исторія, — сконапель истоаръ, — что съ аптекарской стѣлянкой: соя прилипаетъ къ рукамъ и пачкаетъ скатерть! Чортъ знаетъ что такое! Но это еще не конецъ. Мистеръ Спенсеръ позавтракалъ, беретъ газету и садится къ камину. Въ каминѣ мало угля. Мистеръ Спенсеръ хочетъ прибавить нѣсколько кусковъ угля, но съ ними ему «приходится бороться довольно долго», потому что каминныя щипцы дурно дѣлаютъ свое дѣло. Наконецъ каминъ готовъ и мистеръ Спенсеръ начинаетъ читать. Но не успѣлъ онъ еще докончить даже перваго столбца газеты, какъ ему пришлось нѣсколько разъ мѣнять положеніе своего тѣла и онъ «невольно приходитъ къ мысли, что люди до сихъ поръ еще не умѣютъ дѣлать удобныхъ креселъ»!

Разсказавъ эту печальную повѣсть, Спенсеръ меланхолически заключаетъ: «Таковы впечатлѣнія, доставляемыя первымъ часомъ вашего дня; но и во все продолженіе его повторяется то же».

Ужасно! Какъ только еще живы люди, вынужденные выносить изъ-за людской глупости цѣлый день столь невѣроятныя безпокойства и мученія! А какъ подумаешь о времяпровожденіи тоже очень цивилизованныхъ джентльменовъ въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ російской имперіи, какъ подумаешь въ какомъ видѣ имъ подають рыбу и сою... Да что! Я навѣрно знаю, что даже не во всѣхъ петербургскихъ ресторанахъ подають грѣттыя тарелки: жиръ стыпетъ, осѣдаетъ на губахъ... брр!... Но вполне понимая, что мистеръ Спенсеръ и всякій другой цивилизованный человѣкъ очень много страдаетъ отъ того, что люди глупы и невѣжественны, я не могу однако заглушить нѣкоторыя недоумѣнія, возбуждаемыя во мнѣ его рассказомъ о ежедневныхъ мукахъ цивилизованнаго человѣка. Вся эта бутада мистера Спенсера представляетъ не простое отрпцаніе способности людей къ цѣлесообразной дѣятельности; она содержитъ въ себѣ нѣчто положительное, именно требованіе хорошаго устройства аптекарскихъ стѣлянокъ, ручныхъ зеркалъ, каминныхъ щипцовъ и кресель. Спенсеръ даетъ даже нѣкоторыя указанія, что именно надо сдѣлать со щипцами, зеркалами и креслами, чтобы сдѣлать ихъ удобными. Со стороны всякаго другого человѣка заявленіе подобныхъ требованій не представляло бы ничего незаконнаго. Въ самомъ дѣлѣ, отчего же не пожелать хорошей обстановки и множества мелкихъ житейскихъ удобствъ. Но можетъ ли Спенсеръ поручиться за благопріятность всѣхъ послѣдствій улучшенія аптекарскихъ стѣлянокъ, зеркалъ, щипцовъ, кресель и проч.? Я думаю, что нѣтъ. Во-первыхъ по тому общему соображенію, положенному въ основаніе всей книги Спенсера, что «спеціальныя цѣли, которыхъ ожидали и къ которымъ приготавлиались, достигаются только временно или совсѣмъ не достигаются, между тѣмъ какъ измѣненія, происходящія въ дѣйствительности, возникаютъ изъ причинъ, самое существованіе которыхъ было неизвѣстно». Значитъ негодованіе Спенсера на людскую глупость и его проекты превосходнаго устройства щипцовъ и кресель по малой мѣрѣ столь же нецѣлесообразны, какъ и крѣпимыя имъ дѣйствія грубыхъ, невѣжественныхъ профановъ. Но положимъ,

что, благодаря крайней простотѣ и ясности критическихъ замѣчаній Спенсера, голосъ его не будетъ гласомъ вопіющаго въ пустынь, профаны его послушаются и станутъ дѣлать внутреннюю поверхность щипцовъ шероховатую, ручныя зеркала устроить такъ, чтобы центръ тяжести приходился по срединѣ днѣи, соединяющей точки опоры и проч. Положимъ, что цивилизованный человѣкъ вслѣдствіе подобныхъ реформъ избавится отъ множества мелкихъ непріятностей обыденной жизни. Но каковы будутъ болѣе отдаленныя послѣдствія этого улучшенія? Они могутъ оказаться, смѣю думать на основаніи соображеній самаго Спенсера, весьма губительными для человѣчества. Изъ описанія неудачнаго дня цивилизованнаго человѣка можно усмотрѣть только одну черту его организаціи: онъ принимаетъ утромъ укрѣпляющее лекарство, онъ значитъ слабъ, онъ одинъ изъ тѣхъ слабѣйшихъ членовъ общества, искусственное поддержаніе существованія которыхъ тѣмъ губительнѣе, что они могутъ передать дурныя качества своей организаціи дѣлому ряду потомковъ. А между тѣмъ проектированными реформами этому слабому, «негодному» человѣку гарантируются мельчайшія подробности безпечальнаго существованія; у него отнимаются даже такіе новоды къ борьбѣ съ препятствіями, какъ неудобно захватываемые щипцами куски угля. Во что же съ теченіемъ времени обратится въ немъ самомъ и его потомкахъ способность самостоятельности, способность заботиться о себѣ? Какимъ бременемъ ляжетъ онъ съ своимъ потомствомъ на «лучшихъ членовъ общества»? Хорошо еще если-бы такой человѣкъ былъ единственнымъ въ своемъ родѣ экземпляромъ. Хорошо еще если-бы имъ былъ именно самъ мистеръ Спенсеръ.—Онъ двигаетъ впередъ науку, удѣляетъ намъ, хотя и съ презрительной миной, кое-какія крохи отъ своей роскошной умственной трапезы, такъ что мы готовы ему сказать: живи! живи, хотя бы съ помощью укрѣпляющаго лекарства, потому что если ты и произведешь не совсѣмъ здоровое потомство и примешь такимъ образомъ дѣятельное участіе въ пониженіи расы, то отплатишь намъ съ лихвой разливаемымъ тобой умственнымъ свѣтомъ; живи! мы тебѣ и щипцы и кресла и зеркало по твоимъ

желаніямъ устроимъ. Но вѣдь улучшенными щипцами, креслами и аптекарскими стеклянками будутъ пользоваться не только Спенсеры, а и всякая, съ позволенія сказать, сволочь, которая станетъ, благодаря такой заботливости объ ея удобствахъ, еще болѣе негодною...

Читатель, надѣюсь, понимаетъ, что несмотря на шуточный тонъ мой замѣчанія совершенно серьезны. Поговорите съ любымъ русскимъ заводчикомъ. Онъ вамъ навѣрное скажетъ, что всякія правительственныя мѣры, направленныя къ благу фабричныхъ рабочихъ, каковы напримѣръ установленіе нормальнаго рабочаго дня, запрещеніе малолѣтнимъ работать и т. п., ведутъ вовсе не къ благу, а къ худу. Онъ вамъ наговоритъ весьма много хорошихъ словъ о вредѣ правительственной опеки, о необходимости предоставить рабочаго, ради его собственныхъ интересовъ, самому себѣ, а чего добраго, скажетъ нѣчто и объ ухудшеніи расы путемъ поддержки людей непредусмотрительныхъ и неспособныхъ къ самодѣятельности. Если же вы заговорите съ нимъ о русской торговой политикѣ, онъ почти навѣрное скажетъ вамъ, что хотя дескать жить теперь можно, но все таки надо бы повисить пошлины на заграничныя товары. Другими словами онъ потребуетъ себѣ того же покровительства, той же опеки, которыя отрицаются имъ по отношенію къ рабочимъ. Это специальный случай. Но возьмите разсужденія болѣе общаго характера. Спенсеръ не первый и не послѣдній конечно говоритъ о вредѣ филантропіи, причемъ не первый и не послѣдній разумѣетъ подъ филантропіей кучу весьма несходныхъ между собою вещей. Тутъ есть и милостыня, подаваемая ради спасенія души на томъ свѣтѣ, и филантропія въ узкомъ смыслѣ слова, благотворительность, *bienfaisnce*, и наконецъ всякія мѣры, направленныя къ нѣкоторому огражденію варасей отъ аппетита шукъ. Все это объединяется въ понятіи вредной, искусственной поддержки слабыхъ и негодныхъ. Между тѣмъ эти люди, такъ заботящіеся о высокому уровнѣ челоуѣческой породы, подъ часъ сами только въ томъ и сильны, на то только и годны, чтобы толковать о вредѣ огражденія слабыхъ и негодныхъ отъ естественной гибели. Это однако не мѣшаетъ

имъ, слабѣйшимъ и негоднѣйшимъ (я не объ Спенсерѣ лично говорю) требовать такого порядка вещей, который посылалъ бы имъ жареныхъ рябчиковъ въ ротъ. Они говорятъ: не становитесь между невѣжествомъ и его естественнымъ наказаніемъ—страданіемъ, пусть гибнуть невѣжды, пусть гибнуть всѣ слабые, потому что какъ же они, черти, даже не могутъ намъ порядочныхъ стѣлянокъ, зеркалъ, щипцовъ, кресель и жареныхъ рябчиковъ подать! Имъ повидному и въ голову не приходитъ, что если бы имъ, защитникамъ человѣческаго достоинства, сами валился въ ротъ жареные рябчики, то для нихъ не оставалось бы инаго занятія, какъ рожать дѣтей, наследственно неспособныхъ бороться даже съ ничтожнѣйшими препятствіями. А за этимъ слѣдовало бы ужъ разумѣться не повышение уровня физическихъ, умственныхъ и нравственныхъ силъ человѣческой породы.

Въ сущности скептицизмъ Спенсера относительно возможности какихъ бы то ни было цѣлесообразныхъ политическихъ мѣръ имѣеть крайне смутный характеръ. Какъ и слѣдовало ожидать, онъ очень часто разсуждаетъ о практическихъ дѣлахъ совершенно также, какъ и всѣ мы грѣшныя, т. е. предлагаетъ отмѣнить то-то и то-то и ввести то-то и то-то, мотивируя свои предложенія требованіями справедливости и возможностью осуществленія. Въ одномъ мѣстѣ онъ даже прямо говоритъ: «Когда недостойные, тѣмъ или другимъ способомъ, прямо или косвенно, лишаютъ достойныхъ принадлежащаго имъ по праву или мѣшаютъ имъ спокойно преслѣдовать свои цѣли, тогда естественно можетъ явиться требованіе: вмѣшайтесь поскорѣе и будьте на дѣлѣ защитниками, которыми считаетесь по имени» (528). Зачѣмъ же было столь много и рѣзко говорить о неспособности людей предвидѣть результаты вмѣшательства въ ходъ политическихъ дѣлъ? Значитъ бывають же такіе случаи, когда можно и должно дѣйствовать политически, не полагаясь на таинственную *vis medicatrix naturae*. Надо только знать, кто именно недостойные и достойные, въ чемъ состоитъ право, по которому нѣчто кому-нибудь принадлежитъ, въ чемъ состоятъ прямыя и косвенныя способы лишенія достойныхъ чего нибудь, принадлежащаго имъ по

праву, какъ номѣшать недостойнымъ посягать на права достойныхъ. Къ сожалѣнію Спенсеръ самъ для себя закрылъ пути, ведущіе къ разрѣшенію значительной части этихъ вопросовъ, потому что въ концѣ концовъ онъ все таки отрицаетъ возможность предвидѣть послѣдствія той или другой политической мѣры; скептицизмъ этотъ безъ сомнѣнія повелъ и къ тому, что онъ оставилъ безъ рассмотрѣнія и всѣ сопредѣльные вопросы. Это конечно резонно. Если я вполне увѣренъ, что нѣтъ никакой возможности ни при какихъ обстоятельствахъ придумать и провести мѣру, которая укротила бы недостойныхъ, то какая мнѣ надобность разсуждать объ томъ, кто именно эти недостойные? Но можетъ быть матеріаловъ для отвѣта на всѣ эти вопросы слѣдуетъ искать тамъ, гдѣ Спенсеръ толкуетъ объ общихъ соціологическихъ истинахъ, въ частяхъ его сочиненія, трактующихъ о теоретической сторонѣ науки, которая одна, какъ Спенсеръ и предупреждалъ, только и заслуживаетъ названія науки. Обратимся туда.

Тамъ насъ ждетъ однако не меньшее число двусмысленностей и противорѣчій. По истинѣ удивленія достойно, какъ такой крупный умъ, обладающій громадной эрудиціей, навывшій къ умственнымъ операціямъ въ самыхъ разнообразныхъ областяхъ знанія, можетъ оказаться до такой степени безсильнымъ, лишь только рѣчь зайдетъ о явленіяхъ общественной жизни. Спенсеръ писалъ довольно много по соціологіи, но, за исключеніемъ небольшого, но въ высшей степени замѣчательнаго очерка теоріи народонаселенія въ «Основаніяхъ біологіи», все имъ въ этой области написанное полно самыхъ грубыхъ, азбучныхъ, для любого профана очевидныхъ ошибокъ. Я лично впрочемъ чрезвычайно многимъ обязанъ Спенсеру. Я прочиталъ его «Опыты», когда мои взгляды на задачи, предѣлы и методъ соціологіи еще не вполне опредѣлились, лучше сказать не сложились въ такой рядъ, который представлялъ бы перспективу, заканчивающуюся истиной. Тутъ-то мнѣ и помогъ Спенсеръ. По прочтеніи его опытовъ мнѣ стало ясно: вотъ какъ *не слѣдуетъ* обращаться съ соціологическимъ матеріаломъ. Это былъ не просто отрицательный выводъ, еще не дающій ничего положительнаго. Нѣтъ,

Спенсеръ стоялъ возлѣ самой истины, такъ сказать, уперся въ нее, но уперся... затылкомъ. Мнѣ кажется, что въ такомъ же положеніи по отношенію въ истинѣ Спенсеръ находится и въ «Изученіи социологіи» и, надо думать, останется и въ «Основаніяхъ социологіи», надъ которыми онъ теперь работаетъ.

«Едва ли, говорятъ Спенсеръ, ктонибудь можетъ изучать социологическіе предметы съ тѣмъ же чувствомъ, какъ предметы другого рода. Для точнаго наблюденія и правильныхъ выводовъ необходимо спокойное состояніе духа, которое готово признавать или выводить одну какуюнибудь истину совершенно также, какъ и другую. Но къ истинамъ социологіи почти невозможно относиться такимъ образомъ. Въ изслѣдованіе ихъ каждый вноситъ болѣе или менѣе сильныя чувства, которыя заставляютъ его ревностно искать одного заключенія, забывая о другомъ, съ нимъ несходномъ, заставляютъ уклоняться отъ какогонибудь иного заключенія, кромѣ того, которое уже извѣстно. И хотя можетъ быть изъ десяти мыслящихъ людей только одинъ сознаетъ, что его сужденіе искажено предубѣжденіемъ, но даже и этотъ одинъ не призываетъ предубѣжденія въ полной мѣрѣ. Правда, что личныя чувства мѣшаютъ дѣлу вѣсти во всякой области изслѣдованія; является болѣею частію какоенибудь предвзятое понятіе и извѣстная доля самолюбія, которая мѣшаетъ отказаться отъ него. Но особенность социологіи состоитъ въ томъ, что, при изученіи ея фактовъ и выводовъ, личное чувство дѣйствуетъ необыкновенно сильно. Здѣсь непосредственно затрогиваются личные интересы; удовлетворяется или оскорбляется чувство, возникшее изъ этихъ интересовъ; пріятно или непріятно возбуждается другое чувство, которое имѣетъ отношеніе къ существующей формѣ общества... Ни въ какомъ другомъ случаѣ наблюдателю не приходится дѣлать изслѣдованія свойствъ такого агрегата, къ которому онъ самъ принадлежитъ. Его отношеніе къ изучаемымъ фактамъ можно себѣ представить, если сравнить отношеніе одной клѣточки, составляющей часть живаго тѣла, къ тѣмъ фактамъ, которые представляютъ тѣло, какъ члѣно. Говоря вообще, жизнь гражданина возможна только при правильномъ исполненіи тѣхъ функций, которыя выпали на его долю, и онъ не можетъ совершенно избавиться отъ понятій и чувствъ, которыя внушаетъ ему эта жизненная связь съ обществомъ. Здѣсь слѣдовательно является трудность, какой не представляетъ никакая другая наука. Мысленно оторваться отъ всѣхъ родственныхъ, національныхъ и гражданскихъ привязанностей; забыть всѣ интересы, предубѣжденія, наклонности, предразсудки, которые порождены въ немъ жизнью его общества и его времени; смотрѣть на всѣ перемѣны, которыя совершались и совершаются въ обществѣ, безъ малѣйшаго отношенія къ національности, вѣрѣ и къ личному благосостоянію,— все это такія вещи, на которыя обыкновенный человекъ

не способенъ вовсе, а человекъ исключительный способенъ только въ очень несовершенной степени». (Объ изученіи социологій, I, 109).

Совершенно подобныя мысли читатель найдетъ на стр. 124, 127, 175, 255, а также во многихъ мѣстахъ втораго тома, выраженными въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ еще рѣзче. Эти-то, часто повторяемыя Спенсеромъ слова безъ сомнѣнія привели г. Гольдсмита на мысль, что Спенсеръ пробиваетъ объективной истинѣ дорогу даже туда, куда доступъ ей загражденъ условіями чело-вѣческой природы. Но вѣдь это легко сказать: пробиваетъ!

Представляю на усмотрѣніе читателя слѣдующее краткое разсужденіе: желудокъ чело-вѣческой неспособенъ переваривать камни; хотя и существуетъ кажется въ Африкѣ племя, питающееся отчасти комочками глины, но даже и оно не можетъ ими питаться исключительно. Спрашивается, въ виду этого разсужденія, имѣлъ ли бы я право убѣждать когонибудь: а вы все таки постарайтесь питаться камнями! Казалось бы нѣтъ. А между тѣмъ Спенсеръ дѣлаетъ нѣчто именно въ этомъ родѣ. Онъ многократно увѣряетъ читателя, что даже исключительный чело-вѣкъ не можетъ, разсуждая о явленіяхъ социологическихъ, оторваться отъ симпатій и антипатій, отъ всѣхъ почемунибудь близкихъ ему интересовъ и только *познавать*, что онъ не можетъ этого сдѣлать не по какойнибудь частной, второстепенной, устранимой причинѣ, а по самой природѣ своихъ отношеній къ общественнымъ явленіямъ. И столь же многократно тотъ же самый Спенсеръ совѣтуетъ остерегаться вліянія симпатій и антипатій, устранять ихъ, забывать всяческіе общественные и личные интересы и только познавать. Да какъ же это сдѣлать, если оно невозможно? Когда Спенсеръ указываетъ, какъ на причину заблужденій, на бессознательное смѣшеніе наблюденія съ выводомъ (139) или совѣтуетъ, при изученіи историческихъ фактовъ, обращаться къ подлиннымъ источникамъ (166) и т. п., онъ даетъ очень дѣльные совѣты и пишетъ прекрасныя страницы (каковыхъ въ отдѣльности въ книгѣ не мало). Но только развѣ г. Гольдсмиту, да еще какой-то весьма гордый (ужь не знаю чѣмъ) г. А. С. въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» могутъ

повѣрять, что онъ пробиваетъ дорогу объективной истинѣ въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ предлагаетъ бороться съ тѣмъ, что по его собственному сознанию неопреоборимо. Онъ спрашиваетъ читателя: ты можешь ли левіаѳана на удѣ вытащить на берегъ? и самъ отвѣчаетъ: не можешь, потому то, потому то и потому то, удочка твоя тонкая, достаточно толстой тебѣ взять не откуда, силы у тебя мало, левіаѳанъ очень тяжелъ и проч. И тутъ же совѣтуетъ: смотри же какъ закинешь удочку, хорошенько наблюдай за поплавкомъ, да не сразу тащи, какъ клонеть и проч. Развѣ это серьезный разговоръ? развѣ это наука? Но наука Спенсера имѣетъ еще одну удивительную особенность. Этого мало, что онъ до послѣдней степени перяшливо, даже не пытаясь свести концы съ концами, относится къ возможности для социологiи преодолѣть субъективныя затрудненія. Положимъ, что онъ, именно онъ, Гербертъ Спенсеръ, есть избранный изъ избранныхъ, исключительный изъ исключительныхъ, сосудъ божественной, сверхъ-человѣческой мудрости, единственный на земномъ шарѣ экземпляръ, способный открыть объективную истину тамъ, гдѣ къ ней не могутъ приблизиться даже величайшіе, послѣ него разумѣется, люди. Положимъ, что онъ отерылъ какимъ-то невѣдомымъ, таинственнымъ путемъ рядъ истинъ, могущихъ составить науку. Остается повидимому желать, чтобы эти истины, если ужъ онѣ не могутъ быть простыми смертными открыты, получили возможно большее распространеніе и вліяніе, тотчасъ вслѣдъ за ихъ открытіемъ. Конечно и это довольно хитро, но разъ мы очутились въ области таинственнаго, со стороны творца науки естественно по крайней мѣрѣ желаніе, чтобы его дѣтище пользовалось почетомъ и вліяніемъ, соответственными его высокому происхожденію и значенію. Жрецъ, вѣрующій или увѣряющій, что онъ получил истину непосредственно отъ какого нибудь Юпитера, можетъ скрывать ее ради интересовъ своей касты, ради того, чтобы держать въ своихъ рукахъ невѣжественную толпу. Турецкій султанъ можетъ не желать распространенія истины, если она подрываетъ окружающій его ореолъ. Но человѣкъ науки только объ томъ и думаетъ, чтобы

разлить истину по всему бѣлому свѣту, ему нечего бояться, нечего прятать. И дѣйствительно, въ великихъ двигателяхъ пауки всегда почти замѣчается страстное желаніе распространить добытыя ими истины, сдѣлать ихъ по возможности общимъ достояніемъ. Да и что можетъ быть естественнѣе такого отношенія къ дѣлу? Не такова наука Спенсера. Онъ прямо заявляетъ, что ея распространеніе не только невозможно,—это само собой,—а и нежелательно! Невозможная и нежелательная, такъ сказать, непотребная наука! Профанамъ остается только обратиться въ ряды восклицательныхъ и вопросительныхъ знаковъ передъ такимъ изумительнымъ, небывалымъ явленіемъ.

Спенсеръ исходитъ изъ того положенія, что «характеръ агрегата опредѣляется характеромъ составляющихъ его единицъ» (72), каковое положеніе подтверждается имъ по обыкновенію утомительнымъ множествомъ примѣровъ. Надо замѣтить, что Спенсеръ иногда придаетъ этому положенію такое значеніе, что въ агрегатъ, скопленіи какихъ-нибудь единицъ не можетъ обнаружиться новыхъ свойствъ и силъ, т. е. такихъ, которыми не обладали бы составляющія единицы. Это конечно совѣмъ не вѣрно. Но для насъ важенъ тотъ смыслъ, который Спенсеръ навѣще придаетъ приведенному положенію и на которомъ онъ строитъ сильнѣйшіе бастионы своей социологической крѣпости. Если даны свойства единицъ, то свойства ихъ агрегата тѣмъ самымъ уже заранѣе опредѣлены; изъ извѣстныхъ единицъ могутъ получиться только извѣстнаго рода агрегаты; отношенія между агрегатомъ и составляющими его единицами постоянны. Вотъ мысль Спенсера. Въ приложеніи къ социологій она получаетъ такой видъ. Общество есть агрегатъ людей, поэтому должно существовать такое же соотвѣтствіе между обществомъ и его членами, какое вездѣ въ природѣ существуетъ между агрегатомъ и составляющими его единицами. Если даны извѣстныя физическія, умственные и нравственные качества какой-нибудь группы людей, то люди эти могутъ образовать изъ себя далеко не всякую форму общества, а только такую, которая соотвѣтствуетъ ихъ личнымъ свойствамъ. Отсюда слѣдуетъ, что учрежденія, существующія въ

какомъ-нибудь обществѣ, непременно соотвѣтствуютъ характеру членовъ общества, степени ихъ совершенства; и было бы напрасною мечтой замѣнить эти учрежденія учрежденіями высшаго типа: несовершенные люди не вынесутъ такого бремени благополучія. Все и всегда находится на томъ мѣстѣ и является въ то время, гдѣ и когда ему надлежитъ явиться. Все въ свое время полезно и необходимо, все въ свое время исчезаетъ какъ негодное и невозможное. Это относится не только къ учрежденіямъ, а и къ понятіямъ. Извѣстныя понятія, будучи сами по себѣ весьма не правильны, тѣмъ не менѣе вполне соотвѣтствуютъ данному состоянію общества и дѣлаютъ полезное и необходимое дѣло.

«Для радикала, говоритъ Спенсеръ, очевидно, что предразсудки торія не позволяютъ ему видѣть много зла въ настоящемъ и добра въ будущемъ. Для торія не подлежатъ сомнѣнію, что радикаль не сознаетъ добра, скрытаго въ учрежденіи, которое онъ хочетъ уничтожить, и не умѣетъ понять зла, которое должно произойти отъ переменъ, предлагаемой имъ. Ни тому, ни другому не приходитъ въ голову, что ея противникъ играетъ не менѣе полезную роль, чѣмъ онъ самъ. Радикаль, который носится съ своимъ недостижимымъ идеаломъ, не замѣчаетъ, что энтузіазмъ его способенъ лишь нѣсколько подвинуть вещи впередъ, да и то совсѣмъ не въ томъ направленіи, какъ онъ ожидалъ, онъ никакъ не согласится, что тормозящій консерватизмъ торія можетъ имѣть полезное вліяніе. Торій, упрямо отстаивающій старый порядокъ, не въ состоявіи видѣть, что *последній хорошъ только относительно, и что приверженность къ нему служитъ только охраной противъ преждевременныхъ нововведеній*; въ то же время онъ не въ состояніи видѣть *въ яростъ антагонизмъ и радужныхъ надеждахъ радикала тѣ силы, безъ которыхъ прогрессъ невозможенъ*. Такимъ образомъ ни тотъ, ни другой неспособенъ оцѣнить должнымъ образомъ свою роль или роль противника и въ той мѣрѣ, въ какой онъ не понимаетъ ея, онъ теряетъ способность вѣрной оцѣнки социологическихъ явленій» (433).

Но такая способность вѣрной оцѣнки очевидно и не желательна, потому что, оцѣнивъ необходимость торія, радикаль конечно утратитъ часть своего энтузіазма и радужныхъ надеждъ, а это силы, безъ которыхъ прогрессъ невозможенъ. Обратное если торій признаетъ необходимость энтузіазма и радужныхъ надеждъ радикала, онъ перестанетъ быть надежной охраной противъ

преждевременныхъ нововведеній, преждевременныхъ, значить вредныхъ, нежелательныхъ. Всѣ заблужденія необходимы и полезны, только истина не нужна и вредна! Это—прямой выводъ изъ разсужденій Спенсера. Но мы имѣемъ и непосредственное его заявленіе въ этомъ смыслѣ:

Я не имѣю намѣренія сказать, что эта господствующая 'неспособность къ научному пониманію социальныхъ явленій заслуживаетъ сожалѣнія. Какъ замѣчено выше, это явленіе составляетъ часть того необходимаго равновѣсія, какое должно быть между существующими мнѣніями и требуемыми въ настоящее время формами социальной жизни. Для сохраненія равновѣсія въ давней фазѣ человѣческаго характера должны существовать извѣстныя, приспособленныя къ этой фазѣ учрежденія и такой строй мысли и чувствованій, который находился бы въ достаточной гармоніи съ этими учрежденіями. *Слѣдовательно, нѣтъ необходимости желать, чтобы при нынѣшнемъ среднемъ уровнѣ человѣческой природы распространялись въ массахъ идеи, которыя естественны только при болѣе высокомъ развитіи общества и при болѣе высокомъ типѣ гражданъ, сопровождающемъ такое состояніе общества...* Мнѣ кажется, что если въ наше время человѣкъ, находящійся въ положеніи Гладстона, думаетъ такъ, какъ думаетъ Гладстонъ, то это—фактъ очень желательный. Еслибы у насъ во главѣ управленія государствомъ стоялъ человѣкъ, у котораго преобладало бы чисто научное пониманіе вещей и который слѣдовательно расходился бы съ нашимъ настоящимъ общественнымъ состояніемъ, послѣдствія, по всей вѣроятности, были бы вредны и быть можетъ даже гибельны для общества» (593). А Гладстонъ, надо замѣтить, уличался, за страницу передъ этимъ, въ томъ, «что онъ чувствуетъ отвращеніе не только къ научному объясненію жизненныхъ и общественныхъ явленій, какъ явленій, подчиненныхъ опредѣленнымъ законамъ, но и къ научному объясненію явленій неорганическаго міра» (592).

До мистера Спенсера очевидно такъ же высоко, какъ до всевѣдушаго и всеблагаго Бога, передъ которымъ все одинаково ничтожно. При томъ же мистеръ Спенсеръ въ Англии живетъ. Научите же меня, темнаго профана, г. Гольдсмитъ или вы, гордый г. А. С., отвѣтите мнѣ на нѣсколько вопросовъ: чему учить, чему научила васъ наука Спенсера? Почему его книга называется «Изученіе социологій» и почему въ ней совѣтуется принимать при изученіи социологій такія-то и такія-то предосторожности, когда изученіе социологій во-первыхъ невозможно, а во-

вторыхъ вредно? Вотъ вы, г. Гольдсмитъ, объясняете въ предисловіи, что Спенсеръ самымъ рѣшительнымъ образомъ разрушаетъ заблужденія, господствующія среди большинства по отношенію къ критикѣ соціальныхъ явленій. Дѣйствительно Спенсеръ съ первой же строки обрушивается на какого-то несчастнаго рабочаго, который сидя въ пивной самоувѣренно критикуетъ соціальныя явленія, тогда какъ не имѣетъ никакой подготовки. Это такъ. Но, ради таинственнаго покрывала Изиды, расскажите мнѣ, зачѣмъ станеть этотъ рабочій учиться, исправлять свои заблужденія, готовиться къ изученію соціальныхъ явленій; зачѣмъ всѣ разсужденія Спенсера объ «умственной дисциплинѣ», о «біологической подготовкѣ», о «психологической подготовкѣ», когда 1) даже исключительный человѣкъ не способенъ къ правильному пониманію социологии, и когда 2) Гладстонъ, не въ пивной сидящій, а стоящій во главѣ государства, весьма полезенъ именно потому, что не имѣетъ никакой научной подготовки? Даже и вообще научная несостоятельность оказывается полезною и необходимою, а о заблужденіяхъ политическихъ и говорить нечего. Необходимы и полезны заблужденія радикала, необходимы и полезны заблужденія торія; полезны были и русскіе аболіціонисты и русскіе крѣпостники; необходима и полезна книга Спенсера, необходимъ и полезенъ г. Гольдсмитъ, превозносящій эту книгу, необходимъ и полезенъ я, находящій, что книга эта, несмотря на умъ, ученость и остроуміе автора, не стоитъ мѣднаго гроша. Я потому только и осмѣливаюсь выражаться такъ рѣзко, что вполне убѣжденъ въ необходимости и полезности всего, что бы я ни сказалъ. Полезенъ и необходимъ даже тотъ рабочій, который сидя въ пивной высказываетъ возмутительно неосновательные взгляды. Другое дѣло еслибы онъ проповѣдывалъ истину: ну, тогда можетъ быть онъ оказался бы вреднымъ, ибо общество не дожило еще до возможности внимать гласу истины. Истина, наука могутъ оказаться вредными! Вотъ заключеніе, къ которому приходятъ спеціалисты познаванія и къ которому никогда не придемъ мы, профаны, съ своей наивною вѣрой въ науку...

Объясните мнѣ еще, господа, что значитъ этотъ фатальный refrain, которымъ Спенсеръ закапчиваетъ многія главы своего сочиненія: «Очпщая свои заключенія, сколько возможно, отъ ошибокъ, въ которыя впадаемъ такимъ образомъ, мы должны предоставить окончательное устраненіе этихъ ошибокъ будущему, когда ослабленіе антагопизма между обществами будетъ сопро-вождаться ослабленіемъ интенсивности этихъ чувствъ» (359). «Отсюда мы должны придти къ заключенію, что препятствіе къ безпристрастнымъ сужденіямъ можетъ уменьшиться лишь по мѣрѣ увеличенія соціального развитія» 362). «Степень предразсудка находится въ извѣстномъ необходимомъ отношеніи къ фазѣ развитія даннаго времени. Онъ можетъ ослабѣвать лишь по мѣрѣ прогрессивнаго движенія общества» (435). Я вамъ скажу, что значитъ этотъ припѣвъ. Мистеръ Спенсеръ «находится на вершинѣ пирамиды, въ числѣ избранныхъ міровой интеллигенціи, а все остальное тамъ, внизу, расы, племена, общественные слои и пласты, смуты и катастрофы, вѣковая эксплуатація и кровавые взрывы народныхъ массъ, голодь и морь, ужасы пролетаріата, ненависть и ярость нищеты, рабства и отчаянія,—все это представляется ему въ видѣ правильнаго чертежа съ клѣточками различныхъ цвѣтовъ: спянькыми, красненькими, зелененькими.. Каждая клѣточка является въ свое время и занимаетъ свое мѣсто, а за ней другая, третья. Мудрецъ (т. е. все онъ же, мистеръ Спенсеръ) отмѣчаетъ ихъ съ джентльменскимъ спокойствіемъ, а когда кто нибудь попробуетъ нарушить его позитивный міръ, онъ сейчасъ же ошеломитъ его возгласомъ: «Sommes nous positivistes, oui ou non?». Эта характеристика принадлежит не мнѣ, а г. Бобарыкину и относится собственно не къ мистеру Спенсеру, а къ иѣкому Оресту Федоровичу ванъ-дербъ-Гильзену, одному изъ дѣйствующихъ лицъ повѣсти «Въ усадьбѣ и на порядкѣ» («Вѣстникъ Европы» № 1-й). Но это—только одна половина морали приведеннаго припѣва. Есть и другая. Пока мистеръ Спенсеръ, сидя на вершинѣ пирамиды, презрительно объясняетъ намъ, профанамъ, что нашъ радикализмъ и нашъ консерватизмъ сами по себѣ одина-

ково пелѣны, но все-таки одинаково необходимы и полезны; пока онъ, въ своемъ стремленіи къ чистой, объективной истинѣ приходитъ къ заключенію, что истина ненужна, бесполезна и даже вредна, а заблужденіе напротивъ нужно и полезно,—мы, «чернь непросвѣщенная и презираемая пмъ», на своихъ плечахъ выносимъ дѣло исторіи, прогресса и—истины. замѣтите этотъ удивительный результатъ, г. Гольдсмитъ. Пусть самъ Спенсеръ держитъ истину въ рукахъ; это конечно вздоръ, но я готовъ ему повѣрить, во избѣжаніе лишнихъ препирательствъ. Однако вѣдь одна ласточка все-таки весны не дѣлаетъ. Вы, я, Иванъ, Демьянъ, Кузьма, Ерема,—всѣ мы, какъ доказываетъ Спенсеръ, изъ его книжки мало чему научимся (я говорю—ровно ничему, если не считать кое какихъ частныхъ), *не отъ него* значитъ получить мѣръ истину. Она явится какъ результатъ соціального развитія, каковое развитіе совершается *нами*, нашимъ радикализмомъ и консерватизмомъ, нашими надеждами и страхами, тою нелѣпою торопливостью, съ которою мы бросаемся поднимать упавшаго человѣка; тѣми несообразными политическими планами, обсужденіемъ которыхъ мы промежъ себя занимаемся, словомъ всею тою вѣковой работой жизни, работою профановъ, которую Спенсеръ съ высоты яко бы науки оплевываетъ. Зачѣмъ же плевать въ колодезь, на днѣ котораго завѣдомо находится истина? Тоже вѣдь и напиться когда нибудь захочется...

Несмотря на крайне суровое отношеніе Спенсера къ профанамъ, онъ имъ милостиво разрѣшаетъ заблуждаться сколько ихъ душѣ угодно. Будемъ же заблуждаться, т. е. заблуждаться съ точки зрѣнія Спенсера, а по нашему, по человѣчески, я готовъ сказать по гуманному,—искать удовлетворенія своей познавательной потребности, какова она въ данную минуту.

Соціологія, по Спенсеру, должна заниматься отношеніями, существующими между членами общества и ихъ агрегатомъ, т. е. обществомъ.

«Начиная съ типовъ людей, образующихъ несвязные и небольшіе общественные агрегаты, такая наука должна показать, какимъ образомъ личныя качества, качества ума и чувства, препятствуютъ прогрессу агрегации.

Она должна объяснить, какимъ образомъ незначительныя измѣненія въ личной природѣ, происходящія отъ измѣненія условій жизни, дѣлають возможными большіе агрегаты. Она должна прослѣдить на нѣсколько значительныхъ агрегатахъ, регулирующихъ и дѣйствующихъ, возникновеніе общественныхъ отношеній, въ которыя вступаютъ ихъ члены. Она должна указать тѣ болѣе сильныя и продолжительныя общественныя вліянія, которыя, видоизмѣняя характеръ единицъ, облегчаютъ дальнѣйшую агрегацію и дальнѣйшую соответственную сложность общественнаго строя. Соціальная наука должна указать, какія общія черты, опредѣляемыя общими чертами людей, существуютъ въ обществахъ всевозможныхъ порядковъ и величинъ, начиная отъ самыхъ незначительныхъ и простыхъ и до самыхъ большихъ и цивилизованныхъ; какія менѣе общія черты, отличающія извѣстныя группы обществъ, происходятъ отъ особенностей, отличающихъ извѣстныя расы людей, и какія особенности каждаго общества можно прослѣдить до особенностей отдѣльныхъ членовъ его. Въ каждомъ изъ этихъ случаевъ главными предметами ея изученія должны быть ростъ, развитіе, строеніе и функціи общественнаго агрегата, какъ происшедшія вслѣдствіе взаимодействия отдѣльныхъ личностей, природа которыхъ отчасти похожа на природу людей вообще, отчасти на природу родственныхъ расъ, отчасти же имѣетъ совершенно исключительный характеръ» (77).

Вотъ программа, отчетливая и достаточно полная, которую мы готовы признать, но съ однимъ маленькимъ измѣненіемъ. Пусть всѣ пункты ея останутся на мѣстѣ, но пусть центр тяжести всей программы нѣсколько передвинется. Мы желали бы, чтобы наука занималась не столько тѣмъ, что способствуетъ росту и усложненію общественныхъ агрегатовъ и что препятствуетъ ихъ прогрессу, сколько тѣмъ, какія формы этихъ агрегатовъ болѣе и какія менѣе удовлетворяють требованіямъ челоувѣческой природы или пожалуй какія изъ нихъ способствуютъ матеріальному благосостоянію и духовному росту и развитію составляющихъ агрегатъ единицъ. Пусть Спенсеръ или кто другой изучаетъ всѣ вопросы, которые выставлены въ его программѣ. Но профаны попросили бы людей науки отвѣтить на ихъ вопросы, научить ихъ тому, чему они хотятъ учиться, удовлетворить ихъ жаждѣ познанія. Кажется въ этомъ желаніи нѣтъ ничего дерзкаго или чрезвычайнаго. Напротивъ мы обращаемся къ людямъ науки съ полнымъ довѣріемъ къ ихъ силамъ и съ полнымъ уваженіемъ къ ихъ учоности. На первый взглядъ

предлагаемое нами измѣненіе программы соціологіи совершенно ничтожно. Въ самомъ дѣлѣ не все ли равно спросить: какія измѣненія въ характерѣ единицъ облегчаютъ дальнѣйшую агрегацию и дальнѣйшую соотвѣтственную сложность общественнаго строя? или: какими измѣненіями отзывается на характерѣ единицъ ростъ и усложненіе общественнаго строя? Повидимому эти два вопроса представляютъ только разныя стороны одной и той же задачи. Ихъ можно пожалуй сравнить съ сложеніемъ и вычитаніемъ, которыя взаимно повѣряютъ другъ друга. Здѣсь даже нѣтъ перемѣщенія центра тяжести всей программы, а есть только легкое измѣненіе тона предполагаемаго изслѣдованія. Но вѣдь тонъ дѣлаетъ музыку.

Характеръ предлагаемаго измѣненія тона соціологическихъ изслѣдованій читатель лучше всего можетъ усвоить на какомънибудь примѣрѣ столкновенія обѣихъ точекъ зрѣнія на задачи соціологіи. У меня есть въ запасѣ примѣръ по истинѣ блестящій. Я почерпнулъ его изъ перваго тома новаго неперіодическаго изданія, редактируемаго В. П. Безобразовымъ—изъ «Сборника государственныхъ знаній». Весь сборникъ, какъ блистающій несомнѣнною академическою ученостью, моему скромному сужденію не подлежитъ. Профессоръ петербургскаго университета, профессоръ кіевскаго университета, дѣйствительный членъ академіи наукъ, профессоръ академіи генеральнаго штаба и проч.,— вотъ кто вноситъ свои лепты (и конечно не лепты вдовицы) въ «Сборникъ государственныхъ знаній»! Имъ и книги въ руки. Въ сборникѣ есть впрочемъ одна статья князя А. И. Васильчикова, который, сколько мнѣ извѣстно, не профессоръ ни университета, ни академіи генеральнаго штаба и не членъ академіи наукъ. Это не мѣшаетъ однако его статьѣ быть интересной и поучительной. Дѣло идетъ объ эмиграціи (такъ статья и озаглавлена: «Эмиграція»). Авторъ ставитъ положеніе: «однимъ изъ вѣрнѣйшихъ признаковъ степени благосостоянія народа можетъ служить большее или меньшее стремленіе жителей къ водворенію въ данной странѣ и наоборотъ признакомъ недовольства своимъ бытомъ—стремленіе къ переходу, выходу изъ своего

отечества въ чужіе края». Кажется это положеніе сомнѣнію подлежать не можетъ, оно имѣетъ даже нѣсколько тавтологическій характеръ. Затѣмъ кн. Васильчиковъ слѣдитъ за судьбами эмиграціи преимущественно въ Англіи и Германіи. Изъ его изслѣдованія оказывается, что эмигранты отнюдь не представляютъ такого отребья общества, которое отваливается, такъ сказать, въ силу своей гнилости и испорченности. Нѣтъ, главная масса эмигрантовъ состоитъ изъ людей трудолюбивыхъ, успѣвшихъ, какъ выражается авторъ, «въ азартной игрѣ наемнаго труда» сдѣлать нѣкоторыя сбереженія; за ними остается еще масса бѣднѣйшихъ, которые не переселяются только за неимѣніемъ средствъ оплатить самый переѣздъ и заведеніе новаго хозяйства въ дали отъ родины. Видѣть причины эмиграціоннаго движенія въ густотѣ населенія тоже нельзя, потому что Ирландія населена менѣе Англіи, а эмиграція изъ нея сильнѣе, какойнибудь Мекленбургъ населенъ менѣе средней Германіи, а эмиграція изъ него сильнѣе. Главнѣйшихъ причинъ эмиграціи кн. Васильчиковъ указываетъ двѣ. Одна изъ нихъ относится спеціально къ Германіи, въ которой за послѣднее время эмиграціонное движеніе усилилось, благодаря распространенію на всю Германію прусскихъ военныхъ порядковъ: бѣгутъ отъ военной службы. Затѣмъ, какъ въ Германіи, такъ и въ Англіи эмиграціонное движеніе коренится въ аграрномъ строѣ, въ крайне неравномѣрномъ распредѣленіи поземельной собственности, въ поглощеніи крестьянскихъ земель дворянскими помѣстьями, словомъ въ «господствѣ сословно-помѣстнаго элемента». Надо замѣтить, что статья кн. Васильчикова составляетъ отрывокъ изъ большаго сочиненія о землевладѣніи и, какъ всякій отрывокъ, содержитъ много недомолвокъ. Однако факты сгруппированы авторомъ все-таки такъ отчетливо, что выводъ его представляется вполне правильнымъ. Не такого впрочемъ мнѣнія держится редакция «Сборника государственныхъ знаній». Она снабдила статью своими примѣчаніями и возраженіями, изъ которыхъ любопытнѣе другихъ заключительное. «Переселеніе, говоритъ редакция сборника, есть всемірно-историческій фактъ, который сопут-

ствуешь, въ той или другой степени, въ томъ или другомъ видѣ, всѣ періоды исторіи, и безъ котораго были бы даже немислимы развитіе и распространеніе человѣческой культуры. Поэтому нельзя смотрѣть на эмиграцію въ общей ея совокупности, какъ на болѣзненное или аномальное явленіе, хотя въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ оно и вызывается недугами и неустройствами общества. И такъ почтенный авторъ совершенно правъ, рассматривая движеніе западно-европейской эмиграціи какъ послѣдствіе болѣе или менѣе неудовлетворительныхъ социальныхъ и политическихъ условій каждой страны; но тѣмъ не менѣе она исторически необходима и благодѣтельна для распространенія европейской цивилизаціи въ другихъ частяхъ свѣта».

Не смотря на краткость этого примѣчанія ученой редакціи, въ немъ формулированъ очень опредѣленный взглядъ на эмиграцію. Это, можно сказать, цѣлое изслѣдованіе, освобожденное отъ чисто фактической части, такъ что мы имѣемъ полное право ставить его рядомъ и сравнивать съ изслѣдованіемъ кн. Васильчикова. А такое сравненіе весьма любопытно и для насъ въ эту минуту какъ нельзя болѣе подходяще. Редакція «Сборника государственныхъ знаній» не отрицаетъ собственно говоря выводовъ кн. Васильчикова, она ихъ только, такъ сказать, поглощаетъ соображеніями о распространеніи европейской цивилизаціи. Съ другой стороны и кн. Васильчикову безъ сомнѣнія очень хорошо извѣстно вліяніе эмиграціи на распространеніе цивилизаціи, — объ этомъ, хотя мелькомъ, упоминается и въ статьѣ, — но для него это вліяніе поглощается соображеніями о судьбѣ отдѣльныхъ представителей цивилизаціи. Изслѣдованіе редакціи «Сборника государственныхъ знаній» отвѣчаетъ на вопросъ: какія измѣненія должны претерпѣть въ своемъ экономическомъ положеніи единицы агрегата для «развитія и распространенія» (редакція даже и въ выборѣ терминовъ сошлась со Спенсеромъ) всего агрегата? Изслѣдованіе кн. Васильчикова отвѣчаетъ на вопросъ: какія формы общественной агрегаціи стѣсняють положеніе единицъ агрегата? Очевидно, что второй типъ социологическаго изслѣдованія, представителемъ котораго намъ служить

статья кн. Васильчкова, по малой мѣрѣ столь же законенъ, какъ и первый, преимущественно рекомендуемый Спенсеромъ и практикуемый редакціей «Сборника государственныхъ знаній». Въ самомъ дѣлѣ есть люди, которымъ любопытно знать до какой степени долженъ обнищать крестьянинъ (единица) Мекленбурга (аггрегатъ), чтобы мекленбургская цивилизація разрослась и дала нѣкоторые ростки даже въ Америкѣ; а есть и такіе, которые желаютъ знать какія измѣненія необходимы въ мекленбургской цивилизаціи для того, чтобы крестьянинъ не нищаль и не бѣжалъ съ родины. Наука имѣетъ полную возможность отвѣчать и на тотъ и на другой вопросы, которые повидному опять-таки суть только разныя стороны одной и той же задачи. И безъ сомнѣнія въ математикѣ или въ естествознаніи два вопроса, находящіеся въ подобныхъ взаимныхъ отношеніяхъ, не могутъ вызвать никакого разногласія между изслѣдователями. Я говорю: $2+2=4$, вы говорите: $4-2=2$. Вы мнѣ не дѣлаете никакого возраженія; производа надъ тѣми же числами дѣйствіе обратное тому, которое совершаю я, вы только провѣряете и дополняете меня. Вы не скажете тономъ возраженія: конечно этотъ человѣкъ правъ, $2+2$ дѣйствительно равняется 4, но все-таки $4-2$ равняется 2. Это было бы празднословіе. Тоже и въ естествознаніи. Я говорю: соединеніе въ извѣстной пропорціи кислорода и водорода даетъ воду; вы говорите: разлагая воду, я получаю кислородъ и водородъ,—мы не споримъ, мы говоримъ одно и то же. Или, положимъ, дарвинистъ говоритъ: если въ данной мѣстности значительному числу видовъ насѣкомыхъ удастся выработать зеленую окраску покрововъ, дающую имъ возможность скрываться въ зелени деревьевъ, то насѣкомояднымъ птицамъ придется положить зубы на полку (ученый конечно такъ вульгарно и не научно не выразится, но это все равно). Другой говоритъ: если въ данной мѣстности появляются насѣкомоядныя птицы, ихъ жертвамъ будутъ преимущественно насѣкомыя не зеленого цвѣта. Оба эти человѣка безъ малѣйшаго разногласія описываютъ отношенія между птицами и зелеными насѣкомыми, хотя одинъ имѣетъ въ виду участь птицъ, а другой судьбу насѣкомыхъ. Наши два

типа соціологічнихъ вѣдѣній представляютъ нѣчто по-видимому совершенно аналогичное, и однако редакція «Сборника государственныхъ знаній» испещрила статью кн. Васильчикова примѣчаніями, возражаетъ ему. Я полагаю, что въ свою очередь и кн. Васильчиковъ могъ бы снабдить примѣчаніями примѣчанія редакціи. Я думаю, что онъ написалъ бы приблизительно слѣдующее: Я рѣшительно не понимаю, какимъ образомъ изъ «недуговъ и неустройствъ» обществъ можетъ произойти нѣчто благодѣтельное, кромѣ развѣ стремленія излечить недуги и прекратить неустройства. Признать эмиграцію исторически необходимою я пожалуй могу, но въ такой же мѣрѣ исторически необходимы мысли и усилія, мои и другихъ людей, направленные къ устраненію причинъ, порождающихъ эмиграцію. Сокращая обѣ половины уравненія на историческую необходимость, выводя ее изъ круга нашихъ разсужденій, какъ служащую и нашимъ и вашимъ, и слѣдовательно никому не служащую, я получаю два явленія: причины эмиграціи и стремленіе устранить ихъ, — съ ними я и буду имѣть дѣло. Что касается до благодѣтельнаго значенія эмиграціи въ дѣлѣ распространенія европейской цивилизаціи, то это возраженіе меня крайне удивляетъ. Я вамъ указываю, что европейская цивилизація заражена страшною язвой, вы со мной по крайней мѣрѣ отчасти соглашаетесь и вы же требуете, чтобы я радовался распространенію этой больной цивилизаціи и не пытался ее лечить. Но еслибы она переносила за океанъ даже только лучшіе свои соки, а весь негодный прахъ отрясала бы отъ ногъ своихъ на порогъ Европы, такъ вѣдь этотъ-то прахъ и претитъ мнѣ, и нѣтъ мнѣ никакого дѣла до распространенія цивилизаціи за океаномъ, когда кругомъ меня все тотъ же прахъ, прахъ и прахъ. Вотъ что приблизительно возразилъ бы ученой редакціи кн. Васильчиковъ. Очевидно, что такого разговора между двумя серьезными математиками или естествоиспытателями быть не можетъ. Разногласіе между кн. Васильчиковымъ и редакціей «Сборника государственныхъ знаній» выходитъ казалось бы изъ предѣловъ той потребности познанія, которая одна царитъ въ наукѣ о природѣ.

Потребасть познанія въ авторѣ статьи объ эмиграціи и въ ученой редакціи насыщена одинаково и однимъ п тѣмъ же. И той и другой сторонѣ одинаково извѣстно, что эмиграція порождается главнымъ образомъ преобладаніемъ сословно-помѣстного элемента и имѣеть послѣдствіемъ распространеніе и развитіе цивилизаціи. Повидному весь кругъ явленій, относящихся къ эмиграціи, объясненъ, связанъ цѣлю причинъ и слѣдствій, и остается только радоваться торжеству истины. Явленіе это намъ особенно дорого по своей крайней наглядности. Тутъ конечно не можетъ быть и рѣчи объ извращеніи фактовъ въ угоду какому-нибудь интересамъ, объ которомъ такъ много говоритъ Спенсеръ: фактическая сторона дѣла разработана обширными изслѣдованіями одинаково. И тѣмъ не менѣе есть все-таки какой-то остатокъ, не поддающійся повидному изслѣдованію, такъ какъ редакція «Сборника» и кн Васильчиковъ и по установленіи истины все-таки объ чемъ-то препираются и въ сущности расходятся самымъ кореннымъ образомъ. Существованіе этого остатка обусловливается тѣмъ, что рядомъ съ категоріями истиннаго и ложнаго, господствующими въ наукѣ о природѣ,— въ изслѣдованіи объ эмиграціи, какъ и во всякомъ социологическомъ изслѣдованіи, являются категоріи полезнаго и вреднаго, справедливаго и несправедливаго, нравственнаго и безнравственнаго. И здѣсь мы подходимъ къ едва ли не самому страшному изъ современныхъ теоретическихъ вопросовъ. Можетъ ли быть подчиненъ научной дисциплинѣ означенный социологическій остатокъ? Вопросъ это дѣйствительно страшный. Дѣло въ томъ, что разногласія, подобныя тѣмъ, которыя раздѣляютъ кн. Васильчикова и редакцію «Сборника государственныхъ знаній»,— а подобныхъ разногласій нѣсть числа,—настоятельно требуютъ скорого разрѣшенія. Они соприкасаются съ нашей обыденной практической жизнью, они, можно сказать, составляютъ ее; и что бы ни говорилъ Спенсеръ о неспособности людей предвидѣть послѣдствія своихъ дѣйствій, но люди, гонимые съ родины мекленбургскою цивилизаціей, не могутъ не дѣйствовать, не могутъ и желать укрѣпленія и развитія этой цивилизаціи. Наука

Спенсера очевидно бесплѣна передъ тѣмъ соціологическимъ остаткомъ, который не поддается прямому познаванію. А наука Спенсера къ сожалѣнію не есть только его наука, она, если не по содержанию своему, то по приѣмамъ есть типическая представительница современныхъ соціологическихъ изслѣдованій вообще. Если же наука Спенсера не заблуждается относительно границъ, задачъ и метода соціологіи, то соціологическій остатокъ долженъ поступить въ вѣдѣніе какихъ нибудь другихъ формъ умственной дѣятельности, — метафизики, теологіи. Это неизбежно, потому что мы ждать не можемъ. Мы даемъ наукѣ заказъ: научьте насъ отчего происходитъ эмиграція, — и получаемъ удовлетворительный отвѣтъ. Мы даемъ другой заказъ: научите насъ справедливъ ли или нравственъ ли тотъ порядокъ вещей, который гонитъ насъ съ родины, — и вмѣсто отвѣта получаемъ идущія къ дѣлу разсужденія о распространеніи цивилизаціи и о ростѣ общественныхъ агрегатовъ. Если такъ, и ничего иного отъ науки добыть нельзя, я отвернусь отъ нея. Я пойду къ метафизикѣ и попытаюсь удовлетвориться ея разсужденіями о внутренней цѣлесообразности историческаго процесса, о великомъ планѣ развитія исторіи, предназначающаго ея сущностью и потому безусловно справедливымъ; я пойду къ другимъ формамъ мысли, которыя тоже хоть съ грѣхомъ по поламъ удовлетворяютъ меня. Что станетъ тогда съ наукой? Уже г. Владиміру Соловьеву толпа апплодировала за поруганіе науки. И можетъ быть эта толпа состояла не изъ однихъ пустопорожныхъ людей. Можетъ быть въ средѣ ея были люди, измученные тѣми вопросами, которые современная наука разрѣшить не хочетъ или не можетъ и разрѣшить которые г. Владиміръ Соловьевъ выразилъ по крайней мѣрѣ желаніе и надежду.

V *).

Объ истинѣ, совершенствѣ и другихъ скучныхъ вещахъ.

— Объ чемъ у васъ нынче статья-то?

*) 1875, мартъ.

— Объ истинѣ больше...

— Экъ вы! Я думалъ о педагогахъ. Вы бы прописывали въ заголовкѣ объ чемъ пишете, чтобы знать, стоитъ ли читать...

Такой разговоръ происходилъ у меня съ однимъ джентльменомъ по выходѣ февральской книжки «Отечественныхъ Записокъ». Совѣтъ джентльмена насчетъ заголовка я принялъ къ свѣдѣнію и исполненію, потому что это совѣтъ резонный. Но гораздо большее впечатлѣніе на меня, признаюсь, произвело восклицаніе: экъ вы! я думалъ о педагогахъ... Надо было слышать это презрительно сожалительное «экъ вы!», чтобы понять произведенное на меня имъ впечатлѣніе. Я и самъ задумался: экъ я въ самомъ дѣлѣ! объ истинѣ! Кому это нужно? Какое имѣетъ отношеніе истина къ *умственной* жизни русскаго общества? Оправившись однако, я сообразилъ, что бесѣдовавшій со мной джентльменъ только потому сказалъ: экъ вы! что мало наблюдалъ и размышлялъ.

Надо замѣтить, что собесѣдникъ мой—отчасти педагогъ. Адвокатъ на его мѣстѣ сказалъ бы можетъ быть: экъ вы! объ истинѣ! я думалъ о статьѣ Маркова. Художникъ сказалъ бы: экъ вы! я думалъ о передвижной выставкѣ. Сидятъ люди въ своемъ рѣзко обрамленномъ уголѣ и считаютъ дѣла этого уголка на столько важными, что въ сравненіи съ ними не то что Наполеонъ, а и сама истина есть нѣчто въ родѣ бородавки. Отъ времени до времени кабая нибудь случайность освѣщаетъ который нибудь изъ уголковъ, поднимается скандалъ, копошатся мелкія самолюбія, выползаютъ на бѣлый свѣтъ разная нечисть, вытаскиваются разныя грязныя дѣла, и публицисты получаютъ возможность писать: въ настоящее время наше общество чрезвычайно заинтересовано тѣмъ и тѣмъ-то. Такова умственная жизнь нашего общества. Невеселая, надо правду сказать, картина. Потому невеселая картина, что краски на ней ужъ очень блѣдны и линючи, а отдѣльныя фигуры не связаны никакими общими задачами: никому, ни даже имъ самимъ неизвѣстно, зачѣмъ они тутъ торчатъ. Зачѣмъ напримѣръ, грубо расталкивая всѣхъ направо и налево, лѣзетъ на первый планъ картины этотъ

московскій громовержецъ? Онъ кривляется, ломается, визжитъ, грозитъ кулаками. Кому? за что? Картина на лицо. Ея сѣрый колоритъ, ея блѣдныя и линючія краски, ея разрозненные образы свидѣтельствуютъ, что тѣхъ опасностей, по поводу которыхъ визжитъ и кривляется громовержецъ, нѣтъ, что если какая опасность есть, такъ она только и состоитъ въ блѣдности красокъ и въ отсутствіи общей задачи композиціи. Онъ и самъ это конечно видитъ и все-таки визжитъ и грозитъ кулаками. Онъ заявляетъ, что хочетъ укрѣпленія добрыхъ нравовъ, уваженія человѣческаго достоинства, множества другихъ хорошихъ вещей. Но конечно онъ и самъ не вѣритъ своимъ увѣреніямъ. Иначе онъ не смѣлъ бы этой позы кулачнаго бойца и изъ устъ его не вылетали бы ежеминутно слова, едва-едва только терпимыя въ печати.—А этотъ зачѣмъ? вотъ этотъ, выглядывающій изъ подъ кулака громовержца благообразный, сановитой наружности человѣкъ съ томомъ Шиллера въ одной рукѣ и съ «Мариной изъ Алаго Рога» г. Маркевича въ другой? Онъ кого-то поучаетъ, онъ читаетъ лекцію прекраснодушія, безкорыстія и преданности высшимъ задачамъ духа. Кто тянетъ его за языкъ, кто велитъ ему издѣваться надъ Шиллеромъ и высшими задачами духа?— издѣваться, потому что, какъ всѣмъ извѣстно, онъ уличенъ во взяточничествѣ, которое не имѣетъ ничего общаго ни съ Шиллеромъ, ни съ высшими задачами духа, ни даже съ «Мариной изъ Алаго Рога» г. Маркевича. По его лицу видно, что онъ и не намѣренъ былъ издѣваться: онъ только не зналъ и не знаетъ зачѣмъ онъ писалъ и говорилъ то, что писалъ и говорилъ.— Вотъ группа людей, очевидно очень горячо спорящихъ, усиленно жестикующихъ. Они бодро идутъ immer vorwärts, все впередъ и впередъ, но повернувшись къ собственной задачѣ затылкомъ: это—сонмъ педагоговъ.— Вотъ кафедра и на ней высокая, изможденная фигура магистранта, защищающаго диссертацию на тему, казалось бы всѣмъ присутствующимъ антипатичную. Но ему не даютъ рта открытъ безъ аллодисментовъ. Встаетъ оппонентъ и дрожащимъ голосомъ, едва владея собою, выражаетъ свое презрѣніе доктринѣ магистранта. Ему... ему тоже

аплодируютъ.—Въ толпѣ слушателей я вижу знакомую мнѣ фигуру человѣка, добивающагося популярности. Онъ мечется, бьется какъ рыба объ ледъ, онъ льститъ, онъ лжетъ, онъ тамъ, онъ здѣсь. Между тѣмъ добейся онъ популярности и онъ не будетъ знать: съ кашей ли ее ѣсть или во щи литъ.—Вотъ художники. Всмотритесь въ ихъ лица и произведенія, и вы увидите, что большинство ихъ не знаетъ зачѣмъ они рисуютъ ту, а не другую картину, почему они выбрали тотъ, а не другой сюжетъ, придали ему такое, а не иное нравственное освѣщеніе.—Вотъ кучка людей, мечтающихъ о привилегированномъ положеніи, фрондирующихъ, толкующихъ о правахъ. Зачѣмъ, когда они любую привилегію и любое право готовы продать за чечевичную похлебку?—Немножко вправо отъ московскаго грома-вержца и позади его помѣщается князь Мещерскій. Онъ очевидно обдумываетъ номеръ «Гражданина». Но зачѣмъ онъ издаетъ газету, когда ему сказать нечего, когда онъ «своихъ словъ не имѣетъ», когда даже изъ русской грамматики онъ знаетъ только знаки препинанія, а предложенія и части предложенія, между которыми знаки препинанія размѣщаются, суть для него темна вода во облацѣхъ?—Вотъ цѣлый рядъ повѣсвившихся, застрѣлившихся, утопившихся, зарѣзавшихся, отравившихся. Ихъ сѣро-зеленые трупы такъ гармонируютъ съ мертвенно-тусклымъ фономъ всей картины, что почти не выступаютъ изъ него. Зачѣмъ они повѣсвились, зарѣзались и застрѣлились? Вѣрно вамъ говорю, что по крайней мѣрѣ половина ихъ не могла бы отвѣтить на этотъ вопросъ за минуту до самоубійства, а другая половина зарѣзалась и повѣсилась потому, что задала себѣ вопросъ: зачѣмъ я торчу на этой картинѣ? задала вопросъ и не нашла отвѣта; не нашла отвѣта и сплась съ сѣрымъ фономъ картины рядами зеленовато-сѣрыхъ труповъ...

Это не исходъ очевидно, потому что ни характеръ картины не измѣнился отъ смерти этихъ людей, ни сами они не ушли изъ нея. Напротивъ смерть пригвоздила ихъ къ картинѣ, въ качествѣ можетъ быть вапболѣе характерпстичной ея подробности. Для живыхъ остается выборъ, возможность, надежда; мертвые

ужь не сойдуть съ картины. Но эти люди по крайней мѣрѣ допрашивали себя. Все остальное движется элементарнѣйшими, только что не прямо животными побужденіями. Все остальное кричитъ: хлѣба и зрѣлищъ! Хлѣбъ дается профессіей; и вотъ почему мой собесѣдникъ-педагогъ сказалъ: экъ вы! объ истинѣ! Какъ сказалъ бы и адвокатъ, и художникъ, и писатель, и «воинъ, купецъ и пастухъ». Зрѣлища даются случайными поворотами фонаря судьбы, освѣщающими то тотъ, то другой замѣнутый уголокъ со всѣми его глупостями и мерзостями; и вотъ почему при всякомъ скандалѣ публицисты получаютъ возможность писать: въ настоящее время наше общество чрезвычайно заинтересовано и т. д. Впрочемъ къ потребностямъ хлѣба и зрѣлищъ слѣдуетъ еще прибавить потребность быть зрѣлищемъ. Дѣйствительно, никогда еще можетъ быть не было до такой степени распространено въ нашемъ обществѣ желаніе блистать, гремѣть, быть центромъ всѣхъ взглядовъ и вниманій. Но такъ какъ краски родной картины все такъ блѣдны и линючи и блистать и гремѣть собственно говоря нечѣмъ, то мы на каждомъ шагѣ видимъ либо людей, не помнящихъ ничего, кромѣ своей заслуги цѣнностью въ мѣдный грошъ, либо такихъ людей, которые всячески стараются, что называется, угодить публикѣ, льстить ея инстинктамъ, поддѣлываются подъ ея вкусъ. Въ литературѣ эта потребность быть зрѣлищемъ проявляется всего замѣтнѣе, но она существуетъ не только въ литературѣ.

Самобійцы и восклицаніе: хлѣба и зрѣлищъ! навели меня на мысль, которой я нѣсколько конфужусь и которую все-таки выскажу. Это—мысль сопоставить наше время со временемъ упадка Рима. Конечно сходства между этими временами мало. Римъ палъ подъ ударами варваровъ; намъ же не только не грозятъ какіе нибудь варвары, а напротивъ мы сами даемъ все спльнѣе чувствовать [свою мощь хивинцамъ, бухарцамъ, туркменамъ и другимъ среднеазиатскимъ варварамъ. Но я имѣю въ виду именно различія, а не сходство, и при томъ не всѣ различія, а только одну группу ихъ. Мнѣ собственно вспомнились первые христіане и тѣ изъ римлянъ, которые искренно прези-

рали и ненавидѣли христіанъ, распинали, жгли, отдавали ихъ на растерзаніе львамъ и тиграмъ. Смѣшно сопоставить это время съ нашимъ, но такъ, ради контраста только, пусть читатель припомнитъ ту яркую картину, на которой фигурируютъ въ катакомбахъ, на улицахъ и площадяхъ римскихъ ряды христіанъ и ихъ враговъ. Какая удивительная опредѣленность въ каждомъ дѣйствіи! Какъ всѣмъ этнмъ людямъ ясны ихъ задачи, какъ смѣло одни убиваютъ, другіе умираютъ, какъ понятны имъ причины и цѣли ихъ дѣятельности! Не въ томъ дѣло, что здѣсь имѣется столкновеніе двухъ религій, изъ которыхъ одна издыхаетъ, а другая нарождается, а въ томъ, что и христіане и римляне (далеко не всѣ конечно) имѣли религію. Она пменно сообщала ихъ чувствамъ, помысламъ и дѣйствіямъ ту опредѣленность, которой не хватаетъ нашимъ чувствамъ, помысламъ и дѣйствіямъ и отсутствіе которой въ мертвенно тусклой картинѣ нашей общественной жизни можетъ быть объяснено только отсутствіемъ религіи. Надо оговориться. Россія конечно—христіанское государство, и говоря объ отсутствіи въ нашемъ обществѣ религіи, я разумѣю это слово не въ богословскомъ смыслѣ. Въ области богословія я до такой степени профанъ, что даже не осмѣлюсь приступить къ ней. Подъ религіей я разумѣю такое ученіе, которое связываетъ существующія въ данное время понятія о мѣрѣ съ правилами личной жизни и общественной дѣятельности; связываетъ такъ прочно, что для исполняющаго это ученіе поступить противъ своего нравственнаго убѣжденія въ такой же мѣрѣ невозможно, какъ согласиться, что напримѣръ дважды два равняется стеариновой свѣчкѣ. Очевидно, что первые христіане обладали такимъ ученіемъ. Ихъ понятія о прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ вселенной были самымъ тѣснымъ, неразрывнымъ образомъ связаны съ понятіями о нравственной жизни, и связь эта была такого возбуждающаго свойства, что давала имъ возможность дѣйствовать съ полною опредѣленностью. Очевидно также, что мы такого ученія не имѣемъ: наши понятія о существующемъ стоятъ сами по себѣ, понятія о должествующемъ существовать—тоже сами по себѣ,

наконецъ наши дѣйствія—опять сами по себѣ. Въ этомъ все наше горе, здѣсь именно коренится причина блѣдности красокъ и разрозненности образовъ картины современной русской общественной жизни. На одномъ изъ общихъ собраній членовъ общества вспомоществованія нуждающимся литераторамъ г. Кавелинъ читалъ статью, въ которой скорбѣлъ о нравственной рыхлости русскаго человѣка, каковая рыхлость можетъ прекратиться только выработкой собственной,русской философіи. Я думаю, что это немножко мало. Философія объединяетъ, правда, представленія о сущемъ и долженствующемъ быть, но объединяетъ ихъ только въ мысли (и притомъ въ мысли нѣсколькихъ десятковъ, сотъ человѣкъ), а не въ жизни. Она не сообщаетъ той *религіозной* преданности идеѣ, которая одна способна разрушить нравственную рыхлость. Мало объединить области теоретической мысли: надо «разсыпанную хрामну» понятій сложить такъ, чтобъ она побуждала къ дѣйствию въ извѣстномъ направленіи. Понятно, что быть въ этомъ смыслѣ религіознымъ—дѣло трудное, и становится тѣмъ труднѣе, чѣмъ съ одной стороны болѣе расширяются завоеванія науки, а съ другой усложняется общественная жизнь. Возьмемъ людей, безъ всякихъ прикрасъ руководствующихся элементарнѣйшими потребностями хлѣба и зрѣлицъ или, еще лучше, потребностью, формулированной Щедринымъ однимъ словомъ: жрать! Міръ есть для нихъ какъ бы воплощеніе двухъ началъ: жрущаго и пожираемаго—представленіе совершенно ясное. Цѣли своей жизни—жранью, они преданы фанатически. И какъ однако имъ всетаки трудно жить на свѣтѣ! Жрать даромъ не даютъ. Надо изучить по крайней мѣрѣ тотъ уголокъ міра, среди котораго и насчетъ слабости и глупости котораго предполагается жрать, а такое изученіе требуетъ иногда большихъ усилій. Далѣе, какъ бы низко ни пало общество, оно не позволитъ жрать вполне откровенно, безъ всякой маски. Въ «Не все коту масляница» Островскаго, Аховъ, будучи убѣжденъ, что Ипполитъ его собственно говоря обокралъ на 15,000, требуетъ, чтобы тотъ ему по крайней мѣрѣ такъ, для виду только, въ ноги поклонился. Совершенно также общество требуетъ отъ

обжирающаго его человѣка, чтобъ онъ хоть для виду на Синай слазилъ или о Шпллерѣ и высшихъ задачахъ духа потолковалъ. И приходится лѣзть и толковать, притворяться, придавать физономіи вдохновенный видъ, голосу искренность, а не только спрягать во всѣхъ наклоненіяхъ глаголь жрать. Такимъ-то затрудненіями обставлено послѣдовательное проведеніе даже программы, укладывающейся въ одно слово: жрать! Такъ трудно быть религиозными даже этимъ людямъ. Людямъ съ болѣе широкою программою конечно еще труднѣе, потому что имъ нужно познать болѣе широкій кругъ явленій и ориентироваться въ болѣе сложной сѣти фактовъ. Однако возможно все-таки большее или меньшее приближеніе къ идеалу религіозности и большее или меньшее удаленіе отъ него. И я думаю, я не ошибусь, если скажу, что современной русской дѣйствительности до него какъ до звѣзды небесной далеко.

Позволительно, надѣюсь, желаніе, чтобы этотъ порядокъ вещей измѣнился; всякому позволительно желаніе принести свой камень на сооруженіе храма. А это сдѣлать невозможно, не сводя каждое явленіе нашей умственной жизни къ нѣкоторому общему и отвлеченному началу. Поэтому я смѣло продолжаю бесѣду объ истинѣ, совершенствѣ и другихъ скучныхъ вещахъ. Я только задаю вопросы людямъ, призваннымъ и взявшимся ихъ разрѣшать. И хоть отвѣтовъ по всей вѣроятности не получу, но самая постановка этихъ вопросовъ не лишена значенія. Они вертятся въ головахъ и мутятъ души многихъ профановъ. Я этому не только вѣрю, я это знаю. Порукой могутъ служить хотя бы тѣ самоубійцы, которые окончили жизнь изъ-за вопроса: зачѣмъ я торчу на этой картинѣ? Во многихъ эти вопросы находятъ, такъ сказать, въ скрытомъ состояніи, но они даютъ себя знать, какъ даетъ себя знать ребенокъ, скрытый въ утробѣ матери. Для многихъ было бы большимъ облегченіемъ не то, что отвѣтить, а хоть формулировать, выразить «проклятые» вопросы. Можетъ быть я облегчу имъ муки родовъ иден. Будемъ же говорить объ истинѣ, совершенствѣ и другихъ скучныхъ вещахъ.

Далеко не всѣ умные и ученые люди чувствуютъ потребность

въ религіи, въ смыслѣ ученія, обнимающаго еданнымъ принципомъ міръ физическій и нравственный и, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ почти физической силой движущаго человѣка въ извѣстномъ направленіи. Говоритъ напримѣръ о необходимости религіи и Спенсеръ (глава о догматическихъ воззрѣніяхъ въ «Изученіи социологіи»), но онъ разумѣетъ ее въ богословскомъ смыслѣ. Онъ говоритъ именно, что ничто не въ состояніи вытѣснить «того чувства, которое одно можетъ быть названо религіознымъ, чувства, возбуждаемаго чѣмъ-то лежащимъ за предѣлами человѣчества и всѣхъ другихъ явленій»; ничто не въ состояніи «исключить изъ нашего ума идею о силѣ, которой человѣчество служитъ лишь слабымъ и мимолетнымъ выраженіемъ» (466). Повторяю, я въ эту область не осмѣливаюсь вступать. Я привелъ слова Спенсера только для того, чтобы показать, что разумѣютъ онъ и многіе другіе ученые люди, когда говорятъ о религіи. Скажу только, что религія Спенсера, какъ и всякая другая религія подобной формы, не содержитъ въ себѣ существеннѣйшаго признака религіи: она неспособна управлять человѣческими дѣйствіями. Христіанскіе мученики только потому шли съ бодрымъ духомъ на растерзаніе львамъ, зарывались въ катакомбы и пр., что имъ было вполне извѣстно то нѣчто, лежащее за предѣлами человѣчества и всѣхъ другихъ явленій, которое въ религіи Спенсера неизвѣстно. Но если ученые люди такъ двусмысленно относятся къ религіи, то едва ли не всѣ они требуютъ простого объединенія представленій о физическомъ мірѣ и понятій о мірѣ нравственномъ, т. е. требуютъ религіи минусъ ея непреодолимо движущая сила. Такое объединеніе стало даже общимъ мѣстомъ, модной фразой, которую способенъ сказать всякій хлыщъ въ любой великосвѣтской гостиной и всякій буквоѣдъ, ничего дальше своего носа не видящій. Къ сожалѣнію весьма часто бываетъ, что достигнувъ состоянія общаго мѣста и модной фразы, распространяясь повидимому чуть не по всему лицу земли, идея, сама по себѣ чистая и безупречная, какъ весталка, становится, какъ весталка же, бесплодною. Такъ именно случилось съ идеей единства міра физическаго и нравственнаго. Большихъ

усплій стоило людямъ убѣдиться, что между этими двумя мірами нѣтъ той пропасти, которую вырыло невѣжество нашихъ предковъ. И хотя не мало еще есть людей, берегущихъ эту пропасть, какъ что-то священное, но паука уже засыпала ее почти до верху; проходъ отъ міра физическаго къ нравственному, отъ природы къ человѣку свободенъ и всѣмъ желающимъ идти впередъ доступенъ. Но затѣмъ является вопросъ: одни ли и тѣ же приемы изслѣдованія должны быть употребляемы въ этихъ двухъ сферахъ человѣческаго вѣдѣнія? Съ перваго раза кажется, что на этотъ вопросъ надо дать утвердительный отвѣтъ. Таковой и былъ данъ. А между тѣмъ изученіе міра нравственнаго отъ этого не подвинулось впередъ, можно сказать, ни на одинъ шагъ, а въ вѣкоторыхъ пунктахъ даже назадъ отодвинулось. Впередъ и назадъ — это конечно такія слова, которыя всякій можетъ разумѣть по своему, но которыя всякій можетъ употреблять, если при этомъ объясняетъ, что именно онъ подъ ними разумѣетъ. Я говорю, что изученіе предмета подвигается впередъ, прибываетъ, когда охватываетъ все болѣе и болѣе кругъ фактовъ; изученіе предмета отодвигается назадъ, убываетъ, когда кругъ объясняемыхъ имъ явленій суживается, потому ли, что оно само утрачиваетъ силу, или потому, что жизнь опережаетъ его, выставляя новыя, недоступныя ему явленія. Что же мы видимъ въ области нравственно-политическихъ наукъ въ связи съ идеей единства міра нравственнаго и физическаго? Мы видимъ г-жу Ройе, Спенсера, многочисленныхъ второстепенныхъ дарвинистовъ, которые провозглашаютъ борьбу за существованіе верховнымъ нравственнымъ принципомъ и совѣтуютъ отнять костыль у хромага, чтобы онъ, разбивъ лобъ объ тротуары шварныхъ лондонскихъ, парижскихъ и т. д. улицъ, избавилъ общество отъ себя, слабаго и негоднаго члена. Это называется современною моралью. Но эта мораль давнымъ давно практиковалась и практикуется у дикарей, которые избиваютъ своихъ стариковъ, тоже въ качествѣ слабыхъ и негодныхъ членовъ общества. Жизнь давно опередила эту мораль. Какъ морали, ей въ современномъ обществѣ никто не слѣдуетъ, и надо надѣяться,

не будет слѣдовать, хотя многіе слѣдуютъ ей, какъ животному инстинкту, который и волка побуждаетъ ѣсть болѣе слабого волка. Мы видимъ политическую экономію—одни изъ древнѣйшихъ отроговъ идеи единства міра физическаго и нравственнаго—которая упорно держится старыхъ формулъ, хотя онѣ совершенно неспособны объяснить напримѣръ возникновеніе рабочихъ союзовъ и другихъ явленій современной экономической жизни. Мы видимъ социологію. Впрочемъ социологій мы не видимъ, а только слышимъ объ ней, слышимъ правда очень много, а видимъ только рядъ аналогій, параллелей между обществомъ и организмомъ, какія проводились и тридцать, и сто лѣтъ тому назадъ. Мы всетаки только на порогѣ социологій и на этомъ самомъ порогѣ наталкиваемся на странность, которая именно и мѣшаетъ намъ проникнуть дальше. Дѣйствительно, «социологи» болѣе или менѣе тупоумные, слѣдуя примѣру вороны, которая никогда не сворачиваетъ въ сторону, твердо стоятъ на томъ, что въ силу единства міра слѣдуютъ понятія о мірѣ физическомъ и приемы выработки ихъ цѣлкомъ перенести въ социологію. Болѣе серьезные люди смотрятъ на дѣло иначе. Напримѣръ Спенсеръ, какъ мы видѣли въ прошлый разъ, повидимому очень хорошо понимаетъ, что наука объ обществѣ не можетъ быть построена изъ тѣхъ же матеріаловъ и тѣми же способами, изъ какихъ и какими строится наука о природѣ. По крайней мѣрѣ онъ говоритъ, что социологій приходится бороться съ трудностями, какія не встрѣчаются въ наукахъ физическихъ. Изъ этого слѣдуетъ, что несмотря на единство міра физическаго и нравственнаго, приемы изслѣдованія того и другого не могутъ быть во всякомъ случаѣ сходны. И однако Спенсеръ при изученіи социологій никакихъ особенныхъ, ей свойственныхъ приемовъ не употребляетъ Г. Южаковъ написалъ статью въ опроверженіе рекомендуемаго мною для социологій субъективнаго метода, который ему представляется въ видѣ какого-то савраса безъ узды, носящагося по полю единственно подъ вліяніемъ своихъ капризовъ. Г. Южаковъ утверждаетъ въ этой статьѣ, что собственно говоря нѣтъ ни субъективнаго, ни объективнаго метода, а есть

однимъ методъ—истинный. Это можетъ быть и остроумно, но мало подвигаетъ дѣло впередъ. Но всего любопытнѣе, что послѣ многихъ доказательствъ отсутствія разницы между приемами физическаго и социологическаго изслѣдованія г. Южаковъ пишетъ:

«Мысля социальныя явленія, мы необходимо мыслимъ пользу, вредъ, благо и прочія категоріи, окрашенные для насъ въ цвѣтъ желательности или нежелательности... Натурально, что и вся наша социальная терминологія имѣетъ такую же субъективно-телеологическую, какъ называетъ г. Михайловскій, а по просту сказать утилитарную окраску. Поэтому борьба съ этою окраской для всякаго мыслителя и невозможна, и бесполезна; всѣ слова, относящіяся къ обществу, запечатлѣны ею; всѣ отвлеченныя и почти всѣ общія конкретныя названія въ социальной терминологіи непременно или прямо означаютъ, или соозначаютъ пользу, вредъ, благо или что-либо подобное, и, употребляя эти названія, вы необходимо называете и указанные признаки. Такимъ образомъ, еслибы вы даже и не разумѣли ничего подобного, ваша фраза противорѣчила бы вашей мысли, и читатели прочли и поняли бы ее иначе; поэтому-то, сказалъ я, борьба бесполезна, но она и невозможна, потому что въ ничего другого и разумѣть не можете, если вы лишите слова всего ихъ содержанія, существенныхъ признаковъ, ими соозначаемыхъ. Но какъ же вы тогда будете мыслить? Мышленіе требуетъ различенія и сходства, но вы уничтожили въ вашихъ словахъ все, чѣмъ ихъ соозначеніе различалось, именно—игнорируете свойства означаемыхъ явленій, на сколько эти свойства отражаются на личностяхъ, точнѣе и проще, игнорируете всѣ ихъ свойства. Такимъ образомъ ищучи и мысля при помощи нашихъ языковъ, нельзя избѣять утилитарнаго элемента». («Знаніе» 1873, № 68).

Это заявленіе г. Южакова устраняетъ чуть не половину причинъ спора между нами, но зато ведетъ за собой рядъ новыхъ недоразумѣній. Если, мысля социальныя явленія, мы *неизбѣжно* мыслимъ вредъ, пользу, благо и т. п., если съ другой стороны, мысля явленія природы, мы *можемъ* и *должны* избѣгать этихъ элементовъ, то по моему мнѣнію изслѣдованія физическое и социологическое не могутъ быть сходны. Г. Южаковъ держится противнаго мнѣнія. Несмотря на вышеприведенное, онъ стоитъ на томъ, что «существованіе въ изслѣдуемомъ явленіи цѣлей, какъ категорій пріятнаго и желательнаго, не должно вводить какого-либо особаго элемента въ процессъ изслѣдованія, измѣняющаго существенно методъ» (58). «Желательно только истинное», прибавляетъ г. Южаковъ.—Я думаю, что это совсѣмъ не

вѣрно. Истинное конечно желательно, но точно также желательно полезное, пріятное, справедливое, красивое, питательное, вкусное и проч. Я желаю съѣсть кусокъ ростбифа. Мои понятія о ростбифѣ, о его удобоваримости и т. п. могутъ быть истинны или ложны, но самъ ростбифъ не есть ни истина, ни ложь: онъ не имѣетъ никакого отношенія къ категоріи истиннаго, несоизмѣримъ съ истиной; онъ желателенъ въ качествѣ питательнаго и вкуснаго, а не въ качествѣ истиннаго. Я желаю какого-нибудь потогоннаго, напримѣръ липоваго цвѣта. О значеніи липоваго цвѣта для моего организма я могу имѣть понятія истинныя или ложныя, но желательно здѣсь не истинное, а цѣлебное. Я желаю отмены вреднаго и несправедливаго учрежденія. Я могу ошибаться и не ошибаться относительно послѣдствій такой отмены, но желаю я все-таки не истиннаго, а полезнаго и справедливаго. Это не значитъ, что я отворачиваюсь отъ истины, не хочу ея. Совсѣмъ напротивъ. Я очень хорошо знаю, что въ выработкѣ понятій цѣлебнаго, питательнаго, полезнаго, справедливаго необходимо принимаетъ участіе, и весьма важное, категорія истиннаго. Но это не мѣшаетъ мнѣ различать то, что я по природѣ своей воспринимаю различно. Истина есть удовлетвореніе только познавательной потребности человѣка, и думать, что она способна удовлетворять *всю* потребности, также неосновательно, какъ думать, что мозгъ способенъ исполнять всѣ отправления животнаго организма. Мозгъ имѣетъ свои опредѣленныя функціи, весьма важныя; ему приходится работать при всѣхъ почти другихъ отправленияхъ организма, но все-таки мозгъ неспособенъ вырабатывать напримѣръ кровь или желчь, переваривать пищу и проч. Тоже самое и съ категоріей истиннаго. Для признанія ростбифа питательнымъ, липоваго цвѣта цѣлебнымъ, пзвѣстнаго порядка вещей справедливымъ необходимо обладать пзвѣстнымъ количествомъ истины, но насытить меня не истинное, а питательное, вылечить не истинное, а цѣлебное, моей потребности воздавать каждому должное удовлетворитъ не истинное, а справедливое. Но понятное дѣло, что позваніе есть необходимый посредникъ между наукой и всемп

требованіями челоуѣческой природы, потому что съ нной стороны къ наукѣ нѣтъ и доступа. Когда я говорю, что такой-то поступокъ нравственъ, такой-то порядокъ вещей справедливъ, такое-то сочетаніе цвѣтовъ и формъ красиво и т. п., я утверждаю только тотъ *фактъ*, что мои нравственныя или эстетическія требованія удовлетворены. Трѣбованія эти не имѣютъ непосредственныхъ связей съ потребностью познанія. Эта послѣдняя получаетъ правда немедленно тоже удовлетвореніе: она удовлетворяется *новымъ* явленіемъ, новымъ фактомъ,—*заявленіемъ или какимъ нидубъ выраженіемъ* перваго факта, но именно только заявленіемъ его, а не имъ самимъ. Еслибы данный фактъ и не удовлетворялъ моихъ нравственныхъ или эстетическихъ требованій; еслибы я заявилъ, что онъ безнравственъ или некрасивъ, то потребность познанія была бы удовлетворена и этимъ заявленіемъ—я нѣчто узналъ. Изъ этого однако отнюдь не слѣдуетъ, что желательно только истинное. Изъ этого слѣдуетъ только то, что мы можемъ различать два рода истинъ: однѣ свидѣтельствуютъ о существованіи извѣстныхъ явленій и отношеній между ними; другія свидѣтельствуютъ о степени удовлетворенія, которое эти явленія даютъ различнымъ требованіямъ природы наблюдателя, помимо потребности познанія. Послѣднія субъективны. Въ социологін имѣютъ мѣсто и тѣ, и другія истины. Пршлый разъ мы видѣли столкновение кн. Васильчкова съ редакціей «Сборника государственныхъ знаній», которое очень наглядно поясняетъ то, что я хочу сказать. Мы видѣли, что познавательная потребность обѣихъ спорящихъ сторонъ удовлетворяется вполне одинаковымъ описаніемъ причинъ и слѣдствій эмиграціи. Эмиграція имѣетъ причиною главнымъ образомъ преобладаніе сословно-помѣстного элемента, а слѣдствіемъ—распространеніе цивилизаціи. Вотъ истина, которую желательно было получить обомъ изслѣдователямъ, но для нихъ желательна не только истина: кромѣ нея, для кн. Васильчкова желательно уничтоженіе причинъ эмиграціи, а для редакціи «Сборника» — распространеніе цивилизаціи путемъ эмиграціи. Въ этой второй части изслѣдованія истина перваго рода, истина, утверждающая существованіе

явленій — не приче́мъ, не въ ней совсѣ́мъ дѣ́ло. Ни той, ни другой сторо́нѣ́ для соглаше́нїя строго говоря нѣ́тъ надобности въ приоб́рѣ́тенїи еще какихъ-нибудь свѣ́дѣ́нїй. Для соглаше́нїя имѣ́ нуженъ одинаковшй уровень нравственнаго развитїя. Г. Южаковъ не совсѣ́мъ вѣ́рно толкуеть мою мысль, когда говоритъ, что я «объявляю недостаточною квалификацію даннаго (соціологическаго) вывода, какъ истиннаго или ложнаго, и требую вдобавокъ квалификаціи, какъ желательнаго и нежелательнаго». И предаётся по этому поводу совсѣ́мъ неосновательнымъ восклицанїемъ ва ту тему, что—дескать—какъ! такъ по вашему истина можетъ быть нежелательна и проч.? Ничего подобнаго я никогда въ мысляхъ не имѣ́лъ. Если у меня и вырвался какїя-нибудь неточныя выраженїя, давшїя поводъ заблужденїю г. Южакова, то общїй тонъ моихъ работъ могъ бы все-таки подсказать ему иное заключенїе. Истина всегда желательна, и сомнѣваюсь, чтобы въ сотнѣ́, другой печатныхъ листовъ, которые я на своемъ вѣ́ку исписалъ, г. Южаковъ могъ найти хотя одинъ случай признанїя какой-нибудь истины нежелательною; хотя безъ сомнѣнїя мнѣ́ случалось говорить объ истинахъ не важныхъ, не стоющихъ вниманїя. Но дѣ́ло въ томъ, что не всѣ́ соціологическіе выводы подходятъ подъ компетенцію истинъ, утверждающихъ существованїе явленїе и ихъ отношенїй. Беру тотъ же примѣ́ръ. Причина эмиграціи есть преобладанїе сословно-помѣ́стнаго элемента, а результатъ ея есть распространенїе цивилизаціи. Вотъ соціологическїй выводъ, вполне объективный и цѣ́ликомъ находящїйся въ вѣ́дѣ́нїи категорїй истиннаго и ложнаго. Мы можемъ рассуждать о томъ: соотвѣ́тствуетъ ли этотъ выводъ всѣ́мъ известнымъ намъ соотносящимся фактамъ, содержитъ ли онъ въ себѣ́ полную или неполную истину и т. д. Но на этой объективной ступени соціологическое изслѣ́дованїе можетъ останавливаться только въ крайне рѣ́дкихъ случаяхъ, и въ нашемъ примѣ́рѣ́ это невозможно. Рядомъ съ потребностью познанїя становится та потребность нравственнаго суда, которая молчитъ или по крайней мѣ́рѣ́ должна молчать въ изслѣ́дованїи физическомъ. Кн. Васильчиковъ, удовлетворяя этой потребности, говоритъ или подразу-

мѣшаетъ, что преобладаніе сословно-помѣстнаго элемента несправедливо. Редакція «Сборника государственныхъ знаній» дѣлаетъ иной выводъ. Они никакой истины не отвергаютъ: одинъ изъ нихъ признаетъ нежелательнымъ, другая желательнымъ извѣстный порядокъ вещей, а не истину. И оба эти вывода подлежатъ опять-таки нравственному суду, суду чисто субъективному. Найдется конечно много людей, которые станутъ извращать добытую обоими изслѣдованіями истину, признають ее нежелательною. Это будетъ неправильное, ненаучное отношеніе къ дѣлу. Но, положимъ, является такой смѣлый и откровенный человѣкъ, въ родѣ гр. Орлова-Давыдова, который скажетъ: изслѣдованіе кн. Васильчикова фактически вѣрно, но его соціологическій выводъ: «преобладаніе сословно-помѣстнаго элемента несправедливо», этотъ соціологическій выводъ безнравственъ и слѣдовательно нежелателенъ. Какъ бы я ни симпатизировалъ кн. Васильчикову, какъ бы я ни разногласилъ съ гр. Орловымъ-Давыдовымъ въ понятіяхъ о нравственномъ и безнравственномъ, но я не могу сказать, что послѣдній не имѣетъ права судить о выводѣ кн. Васильчикова съ этой стороны. Я могу сказать, что понятія этого человѣка о нравственности весьма жалки, но не могу сказать, что самый *приемъ* его оцѣнки даннаго соціологическаго вывода неумѣстенъ. Напротивъ онъ вполне умѣстенъ. Пока рѣчь шла только о существованіи извѣстныхъ фактовъ, связанныхъ цѣпью причинъ и слѣдствій, этотъ человѣкъ держался категорій истиннаго и ложнаго. А когда потребовался судъ нравственный, онъ его далъ и не могъ не дать, потому что подлежащій суду выводъ не имѣетъ прямой связи съ категоріями истиннаго и ложнаго.

Вотъ какъ я понимаю отношенія между желательнымъ вообще и истиннымъ въ частности, и вотъ что слѣдовало опровергать г. Южакову, а не измышленную имъ самимъ фантазію о нежелательности истины—фантазію, которая по крайней своей нелѣпости и не стоила бы опроверженія. Ему надлежало прежде всего доказать, что категорія истиннаго съ одной стороны и нравственнаго, справедливаго, благаго, полезнаго, должнаго съ

другой, имѣютъ болѣе прямую, болѣе непосредственную связь, чѣмъ какая предполагается мною. Онъ именно такъ думаетъ. Онъ говоритъ: «желательно только истинное; *нравственное есть не болѣе, какъ истинныя начала общественности*, т. е. болѣе полно приспособляющія жизнь къ условіямъ соціального существованія» (I. с. 58). Къ сожалѣнію мысль эта не получаетъ удовлетворительнаго развитія не только въ полемической статьѣ г. Южакова, а и въ его этюдѣ о естественномъ подборѣ, одна глава котораго посвящена вопросу о нравственности. Тамъ доказывается, что «нравственно то, что соотвѣтствуетъ реальнымъ или идеальнымъ началамъ общественности» («Знаніе» 1873, № III, 81). Сравните это опредѣленіе съ предъидущимъ. Допустимъ, что сказать: *истинныя начала общественности* все равно, что сказать: *идеальныя или реальныя начала общественности*. Но *есть* и *соотвѣтствуетъ* во всякомъ случаѣ глаголы очень различныя. Пшпательность соотвѣтствуетъ извѣстнымъ физическимъ истинамъ, но она не есть истина.

Надѣюсь, что читатель признаетъ за мной одну заслугу: я не только не стараюсь замазать предстоящія мнѣ трудности, а напротивъ ставлю ихъ, какъ говорится, ребромъ. Спрашивается какъ же можетъ быть построена соціологія? Какъ и всякая другая наука, какъ и наука вообще, она должна удовлетворять только потребности познанія; потребность познанія удовлетворяется только истиной; а между тѣмъ соціологія имѣетъ дѣло не только съ категоріями истиннаго и ложнаго, а и съ совершенно самостоятельными категоріями нравственнаго, справедливаго, должнаго. Какъ тутъ быть? На первый взглядъ представляется неизбѣжнымъ просто выкинуть изъ соціологическаго построенія категоріи нравственнаго и справедливаго. Такъ именно и поступаютъ чистые объективисты. Они говорятъ: наука должна познавать причинную связь явленій, устанавливать законы ихъ возникновенія, развитія и прекращенія, и больше ей дѣлать нечего; иной задачи нѣтъ и у соціологіи. Разъ выясненъ какой нибудь соціологическій процессъ, желать измѣненія его было бы безумно и недостойно челоуѣка науки; онъ долженъ принимать

истину и здѣсь съ такими же распростертыми объятіями, какъ въ механикѣ или химіи; одобрять или не одобрять какой нибудь порядокъ вещей, прилагать къ нему мѣрку нравственнаго суда, по малой мѣрѣ бесполезно и во всякомъ случаѣ ненаучно, ибо объ этомъ порядкѣ вещей наука только и можетъ сказать, что онъ порожденъ извѣстными причинами и даетъ извѣстныя послѣдствія. Страннымъ образомъ однако эта программа, повидимому столь удобополнимая, столь простая, столь, такъ сказать, прямолинейная, столь наконецъ сходная съ программами наукъ естественныхъ, прочно установившихся, страннымъ образомъ эта программа хотя и многими заимляется, но рѣшительно никѣмъ послѣдовательно не выполняется. Она не выполнена и Спенсеромъ, не смотря на всѣ его величественныя аллюры. Соціологъ объективистъ разсуждаетъ очень снокойно и величественно, что политическихъ фактовъ не слѣдуетъ ни одобрять, ни порицать, а слѣдуетъ только познавать ихъ, и среди этихъ разсужденій нѣтъ-нѣтъ, да и одобрить что нибудь, и сплошь и рядомъ одобрить что нибудь очень дрянное. Я думаю, что подобныя уклоненія объективистовъ отъ собственной своей программы должны быть объясняемы не частными какими нибудь причинами, а внутреннимъ противорѣчіемъ ихъ доктрины и несостоятельностью ихъ метода.

Г. Южаковъ—тоже объективистъ, но онъ относится къ задачѣ соціологіи нѣсколько иначе. Впрочемъ не легко понять, почему онъ считаетъ себя объективистомъ и даже что именно онъ называетъ объективизмомъ. Онъ говоритъ: «собственно говоря нѣтъ ни объективнаго, ни субъективнаго метода, а есть только одинъ истинный, логическій. Если объективность заключается въ томъ, чтобы игнорировать значеніе общественныхъ событій для личностей и личности для общественныхъ событій, чтобы отмахиваться отъ соціологическихъ выводовъ, вытекающихъ изъ этическихъ теоремъ, то это вовсе не объективность и безпристрастіе, а просто опасное для науки заблужденіе, непониманіе того, что различные элементы общественнаго цѣлага находятся въ тѣсной зависимости между собой. Богъ съ ней, съ такой объек-

тивностью, я готовъ выдать ее головой. Но если съ другой стороны субъективность состоитъ въ томъ, чтобы вмѣсто признанія желательнымъ и должнымъ истиннаго объявлять истиннымъ все желательное; въ томъ, чтобы снимать съ изслѣдователя социолога узду всякихъ общеобязательныхъ логическихъ формъ мышленія; въ томъ, чтобы теоремы одной изъ областей науки, какъ бы эта область ни была важна сама по себѣ, возводить въ методологическій критерій всякаго общественно-научнаго мышленія; если *это* значитъ субъективный методъ, то да будетъ всякій социологъ подальше отъ такого орудія, и чѣмъ талантливѣе мыслитель, тѣмъ опаснѣе для науки подобное направленіе» (61). На это я замѣчу только слѣдующее: 1) сказать, что собственно говоря нѣтъ ни субъективнаго, ни объективнаго метода, а есть только истинный — значитъ ровно ничего не сказать. На этомъ основаніи (?) можно пожалуй отрицать существованіе индуктивнаго и дедуктивнаго метода. Но это никому, ни даже самому отрицателю, не помѣшаетъ, смотря по условіямъ задачи, употреблять въ одномъ случаѣ индукцію, а въ другомъ выводъ. Психологи спорятъ о томъ, какъ и когда надо примѣнять въ психологіи методъ самонаблюденія (субъективный) и физиологическій (объективный). Г. Южаковъ можетъ и смѣть сказать, что нѣтъ ни физиологическаго метода, ни метода самонаблюденія, а есть одинъ методъ—истинный, логическій. Я думаю однако, что выслушавъ это рѣшеніе, психологи спорить не перестанутъ, и не по упрямству, а потому, что рѣшеніе г. Южакова ничего не рѣшаетъ. 2) Я убѣжденъ, что исключительно объективный методъ въ социологіи невозможенъ и никогда никѣмъ не примѣняется. Я только называю объективистами людей, которые сами претендуютъ на этотъ титулъ, и не хуже г. Южакова знаю, что объективности и безпристрастія въ ихъ изслѣдованіяхъ нѣтъ. 3) Снимать съ социолога узду общеобязательныхъ логическихъ формъ мышленія я никогда не думалъ, а напротивъ всегда предлагалъ надѣть ее. 4) Почему г. Южаковъ заявляетъ себя сторонникомъ «объективной критики» и «объективнаго метода», если послѣдній по его словамъ не существуетъ, а существуетъ только методъ «истинный»?

Въ другомъ мѣстѣ г. Южаковъ говоритъ: «Михайловскій замѣчаетъ, что нравственная оцѣнка есть результатъ субъективнаго процесса мысли, но право самъ г. Михайловскій никогда не въ состояніи будетъ разъяснить, какой такой есть *объективный процессъ* мысли. Всѣ процессы мысли суть процессы мыслящаго субъекта и, какъ субъективныя, всѣ они противопологаются процессамъ *мыслимымъ*, объекту». (67). Это называется возраженіемъ. Всѣ процессы мысли *субъективны*—это правда: субъективны всѣ наши понятія, всѣ наши истины. Но вѣдь г. Южаковъ говоритъ же объ *объективной* критикѣ, объ *объективныхъ* истинахъ? Надо думать, что онъ придаетъ этимъ выраженіямъ какой нибудь особенный смыслъ, потому что критика въ качествѣ процесса мысли должна быть непременно субъективною. Пусть же онъ ужъ и мнѣ позволитъ говорить объ объективномъ и субъективномъ процессахъ мысли, придавая этимъ словамъ извѣстное, определенное значеніе. И напрасно г. Южаковъ полагаетъ, что я не сумѣю объяснить, что я разумѣю подъ тѣми или другими употребляемыми мною терминами. Отчего-же? что другое, а это я могу объяснить г. Южакову.

Мужъ убилъ жену; пуля пробита жертвѣ черепъ и засѣла въ мозгу; раненая еще жива, но приблизительно черезъ часъ, черезъ два она умретъ; она блѣдна, лицо ея покрыто холоднымъ потомъ, ноги конвульсивно содрогаются; величина и форма отверстія, пробитаго пулей, показываютъ, что убійца стрѣлялъ изъ револьвера № 3; убійца будетъ наказанъ. Вотъ заключенія, къ которымъ приводитъ наблюдателя *объективный процессъ* мысли. Заключенія о страданіи жертвы, о степени нравственнаго развитія убійцы, о его психическомъ состояніи въ моментъ убійства даются *субъективнымъ* процессомъ мысли. Мы имѣемъ здѣсь рядъ фактовъ, изъ которыхъ по крайней мѣрѣ нѣкоторые мы воспринимаемъ двоякимъ способомъ: они и выражаются двояко. Всѣ присутствующіе и даже отсутствующіе, читавшіе протоколъ судебного слѣдователя, согласны относительно подробностей объективнаго выраженія событія. Если тутъ и выйдутъ какія нибудь разногласія, то они могутъ быть немедленно уstra-

нены. Если наиримѣрь возникнуть какія нибудь сомнѣнія относительно размѣровъ орудія убійства, то стоить только позвать эксперта или взять въ оружейномъ магазинѣ образцы пуль, и споръ конченъ. Иное уяснится свидѣтелями, иное обстановкой убійства и проч. Но относительно результатовъ субъективнаго процесса мысли такого согласія по всей вѣроятности не будетъ, если только всѣ наблюдатели влѣдствіе счастливой случайности не будутъ обладать одинаковою воспримчивостью къ страданію и одинакимъ уровнемъ нравственнаго развитія. По всей же вѣроятности между наблюдателями будутъ люди очень нервные, которые найдутъ, что покойница страдала ужасно, и люди съ болѣе крѣпкими нервами, люди, стоящіе на ступени нравственнаго развитія Дюма-фиса, которые найдутъ, что по дѣломъ вору и мука, и люди съ инымъ нравственнымъ складомъ, которые осудятъ убійцу. Конечно можетъ быть съ теченіемъ времени, когда приведется въ исполненіе знаменитый кардіографъ г. Ціона и другія подспорья для объективнаго изслѣдованія субъективныхъ фактовъ (въ родѣ термометра), число разногласій относительно результатовъ субъективнаго процесса мысли сократится. Но и это возможно только въ извѣстныхъ предѣлахъ. Мы сидимъ вдвоемъ въ комнатѣ, температура которой какъ показываетъ термометръ равна 15°, но не смотря на то вамъ жарко, а мнѣ холодно. Такъ будетъ всегда, пока люди не уравняются въ степени воспримчивости къ теплу. Въ высшей степени нелѣпо поступилъ бы человѣкъ, который сталъ бы доказывать, что мнѣ не холодно, потому что термометръ показываетъ 15°. Если только я не имѣю особенныхъ причинъ притворяться, то мое заявленіе: мнѣ холодно — есть истина, но истина чисто субъективная. Заявленіе, что ртуть въ термометрѣ подвинулась вверхъ до извѣстной черточки шкалы — тоже истина, но истина объективная, которую способенъ вполне усвоить всякій зрячій человѣкъ. Въ ожиданіи кардіографа и другихъ приспособленій въ этомъ родѣ, въ ожиданіи нѣкоторыхъ теоретическихъ открытій, наиримѣрь изслѣдованія измѣненій нервной ткани, сопровождающихъ измѣненіе психическаго состоянія — мы должны

признать значительную часть нашихъ социологическихъ и даже психологическихъ понятій результатами субъективнаго процесса мысли.

Результатъ одной и той же причины выражается двояко: извѣстными жестами и извѣстными (собственно—неизвѣстными) измѣненіями нервной ткани, вообще движеніемъ съ одной стороны и извѣстнымъ психическимъ состояніемъ съ другой. Вполнѣ законно и необходимо изслѣдованіе и той и другой стороны явленія, но произвести его и въ той и другой области однимъ и тѣмъ же методомъ невозможно, такъ какъ обѣ стороны явленія воспринимаются нами различно. Для изслѣдованія движенія достаточно привести органы чувствъ, вооруженные или невооруженные, въ извѣстное отношеніе къ наблюдаемому явленію. Для изслѣдованія психическаго состоянія этого мало: тутъ нужно употребить иные приемы, нужно пережить самому это состояніе, поставить себя на мѣсто человѣка, находящагося или находившагося въ этомъ состояніи, и изслѣдователь приближается къ истинѣ настолько, насколько онъ способенъ переживать чужую жизнь. Спенсеръ совершенно справедливо говоритъ, что въ подобныхъ случаяхъ «мы встрѣчаемся съ необходимостью извѣстнаго рода и въ тоже время съ затрудненіемъ. Необходимость состоитъ въ томъ, что въ сношеніяхъ съ другими людьми и въ объясненіи ихъ дѣйствій мы должны представить себѣ ихъ мысли и чувства въ формѣ своихъ собственныхъ мыслей и чувствъ. Затрудненіе же состоитъ въ томъ, что представляя ихъ такимъ образомъ, мы всегда будемъ справедливы только отчасти и нерѣдко будемъ весьма несправедливы. Понятіе, которое одинъ составляетъ съ умѣ другого, неизбежно болѣе или менѣе соотвѣтствуетъ складу его собственнаго ума: оно бываетъ автоморфическимъ. И его автоморфическія сужденія тѣмъ дальше отстоятъ отъ истины, чѣмъ болѣе его собственный умъ отличается отъ того ума, о которомъ онъ долженъ составить себѣ понятіе». (Изученіе социологіи, 170). Результаты изслѣдованія чужихъ мыслей и чувствъ въ формѣ своихъ собственныхъ мыслей и чувствъ я называю результатами субъективнаго процесса

мысли. Тамъ, гдѣ этого условія нѣтъ, процессъ мысли объективенъ. Г. Южаковъ можетъ признавать эти термины неудачными, но разъ имъ придается опредѣленное значеніе, онъ не можетъ называть ихъ ничего не значущими.

Все это я пишу только въ объясненіе того, какъ я понимаю смутившія г. Южакова слова: объективный и субъективный процессъ мысли. И если въ вышенаписанное закралось нѣсколько словъ собственно о методѣ, то это сдѣлалось помимо моей воли. Возвращаясь къ г. Южакову, я повторяю, что его понятія о субъективномъ и объективномъ для меня не совсѣмъ ясны (я не говорю, что они неясны ему самому). Во всякомъ случаѣ онъ признаетъ себя объективистомъ, но отличается отъ другихъ объективистовъ тѣмъ, что не изгоняетъ изъ социологіи нравственного элемента. Онъ только отождествляетъ нравственный судъ съ судомъ истины, такъ какъ для него категоріи нравственного и безнравственного и вообще желательнаго и нежелательнаго не имѣютъ самостоятельнаго значенія, а суть тѣже категоріи истиннаго и ложнаго въ приложеніи къ социологической области. Сколько я понимаю, въ этомъ именно и состоитъ по г. Южакову настоящій объективизмъ.

На первый взглядъ его положеніе чрезвычайно удобно. Ему стóитъ только опредѣлить «истинныя начала общественности» и затѣмъ, когда нужно произнести нравственный судъ, предстоитъ только прикинуть къ данному явленію мѣрку найденныхъ «истинныхъ началъ»—и дѣло въ шляпѣ. Но бѣда въ томъ, что затрудненіе здѣсь не разрѣшено, а только отодвинуто, потому что истинныя начала общественности не могутъ быть опредѣлены безъ участія въ изслѣдованіи нравственной оцѣнки явленій, каковая оцѣнка, повторяю, есть результатъ субъективнаго процесса мысли. (Таково по крайней мѣрѣ мое мнѣніе, и я не могу признать его опровергнутымъ г. Южаковымъ). Такимъ образомъ объективный методъ не подвигаетъ насъ впередъ. Пора однако спросить: что такое методъ? Методомъ называется совокупность приемовъ, помощью которыхъ находится истина или, что тоже, удовлетворяется познавательная потребность человѣка. Въ одномъ случаѣ пригоденъ

одинъ методъ, въ другомъ—другой, смотря по природѣ явленій, на которыя устремлена потребность познанія. Если явленія допускаютъ опытное изслѣдованіе, то къ нимъ прилагается методъ опытный, если вѣтъ — наблюдательный или умозрительный. Если явленія очень сложны и относительно ихъ имѣется уже извѣстный кругъ свѣдѣній, то употребляется дедуктивный методъ, въ противномъ случаѣ—индуктивный. Гдѣ природа явленій допускаетъ провѣрку всего процесса изслѣдованія каждымъ человѣкомъ, имѣющимъ достаточно свѣдѣній, тамъ употребляется объективный методъ. Гдѣ для провѣрки изслѣдованія требуется, кромѣ свѣдѣній, извѣстная воспримчивость къ природѣ явленій, тамъ употребляется методъ субъективный. Последній вовсе не ведетъ, какъ думаетъ г. Южаковъ, къ полной логической разнужданности, хотя конечно можно и съ нимъ, какъ со всякимъ другимъ методомъ, обращаться неправильно; съ нимъ даже больше, чѣмъ съ другимъ, потому что онъ труднѣе. Но тамъ, гдѣ нельзя примѣнять объективнаго метода, методъ субъективный, несмотря на всѣ свои трудности, долженъ быть примѣняемъ. Онъ нисколько не обязываетъ отворачиваться отъ общеобязательныхъ формъ мышленія, потому что онъ по характеру своему противоположенъ только объективному методу, а не индукціи и дедукціи, не опыту и наблюденію. Совершенно также какъ индуктивный методъ по характеру своему противоположенъ дедуктивному, но не исключаетъ ни опыта, ни наблюденія, ни умозрѣнія. Далѣе, субъективный и объективный методы противоположны только по характеру; но ничто не мѣшаетъ имъ уживаться совершенно мирно рядомъ, даже въ примѣненіи къ одному и тому же кругу явленій. Субъективнымъ методомъ называется такой способъ удовлетворенія познавательной потребности, когда наблюдатель ставитъ себя мысленно въ положеніе наблюдаемаго. Этимъ самымъ опредѣляется и сфера дѣйствія субъективнаго метода, размѣръ законно подлежащаго ему района изслѣдованій. Наблюдатель—человѣкъ и слѣдовательно можетъ себя мысленно поставить только въ положеніе такого же, какъ и онъ, человѣка. Метафизики примѣняютъ субъективный методъ къ изученію выш-

цей природы, и это неправильно, потому что противорѣчатъ самому смыслу субъективнаго метода. Но затѣмъ, какъ удачно выразился Спенсеръ, при объясненіи дѣйствій людей мы должны представить себѣ ихъ мысли и чувства въ формѣ собственныхъ мыслей и чувствъ. И слѣдовательно въ этой области субъективный методъ законенъ и неизбѣженъ. Но рядомъ съ нимъ можетъ примѣняться и объективный методъ. Въ многократно упомянутыхъ изслѣдованіяхъ князя Васильчикова и редакціи «Сборника государственныхъ знаній» есть выводы, полученные объективнымъ методомъ, на основаніи статистическихъ данныхъ—выводы, которые можетъ проверить всякій грамотный человѣкъ, потому что для такой проверки требуются только нѣкогорыя, весьма элементарныя свѣдѣнія изъ ариметики и географіи, а ставить себя мысленно въ чужое положеніе вовсе не требуется. Но когда кн. Васильчиковъ утверждаетъ, что преобладаніе сословно-помѣстнаго элемента несправедливо, то мы имѣемъ выводъ, полученный субъективнымъ методомъ. Тутъ нужна была известная воспримчивость къ страданіямъ обитателей Мекленбурга и Ирландіи, нужно было мысленно поставить себя на ихъ мѣсто и перетерпѣть все перетерпѣваемое ими. Это можетъ сдѣлать не всякій, знающій ариметику и географію, и проверить *весь* процессъ изслѣдованія, приведшій автора къ данному выводу, можетъ только человѣкъ известнаго нравственнаго склада, способный прикинуть къ собственной персонѣ положеніе прландцевъ и мекленбургцевъ. Даже еслибы кн. Васильчиковъ сказалъ только, что мекленбургскіе порядки *вредны*, такъ и то оставался бы вопросъ: кому вредны? Люди, дорожащіе интересами мекленбургскихъ бароновъ, способны поставить себя только на ихъ мѣсто, сказали бы, что *не вредны*. И дѣйствительно, баронамъ не вредны. Въ изслѣдованіи, въ которе замѣшаны мысли и чувства людей, субъективный методъ неизбѣженъ. Его неизбѣжно употребляютъ и такъ-называемые объективисты, утверждающіе, что они безпристрастны, что они, въ своемъ стремленіи къ истинѣ, отрѣшились отъ всякихъ симпатій и антипатій. Они гонятъ пустяки. Въ ихъ нравственномъ аппаратѣ просто недо-

стаетъ нѣкоторыхъ винтовъ, вслѣдствіе чего они неспособны поставитъ себя въ положеніе мекленбургцевъ; но это нисколько не мѣшаетъ имъ симпатизировать мекленбургскимъ Rittergutsbesitzer'амъ и умѣть мысленно переноситься на ихъ мѣсто. Г. Скальковскій утверждаетъ въ своихъ «Путевыхъ впечатлѣніяхъ», что Кастеларъ только потому сталъ республиканцемъ, что въ этой партіи было вакантное мѣсто вождя, въ другихъ же партіяхъ первыя мѣста были заняты, а то Кастеларъ былъ бы монархистомъ того или другого оттѣнка. Можетъ оно и вѣрно, а можетъ быть и не вѣрно. Можетъ быть г. Скальковскій только потому пришелъ къ такому заключенію, что по нравственному своему складу онъ неспособенъ представить себя въ положеніи человѣка, который ради идеи отказывается отъ какого нибудь перваго мѣста. А можетъ быть его нравственное величіе, такъ сказать, не вмѣстилось въ особѣ Кастелара и, подмѣтивъ въ этомъ человѣкѣ нѣкоторыя слабости, онъ рѣшилъ: нѣтъ, этотъ человѣкъ только корыстолюбецъ и честолюбецъ, а не искренній республиканецъ. Неизвѣстно: признаетъ ли г. Скальковскій поведеніе Кастелара нравственнымъ или безнравственнымъ, но во всякомъ случаѣ его умозаключеніе получено субъективнымъ путемъ, съ помощью конечно объективныхъ данныхъ въ родѣ разговоровъ Кастелара, его дѣйствій и т. п. Субъективный путь изслѣдованія употребляется всемі тамъ, гдѣ дѣло идетъ о мысляхъ и чувствахъ людей. Но характеръ научнаго метода онъ получаетъ тогда, когда примѣняется сознательно и систематически. Для этого изслѣдователь долженъ не забывать свои симпатіи и антипатіи, какъ совѣтуютъ объективисты, сами не исполняя своего совѣта, а только выяснять ихъ; прямо заявить: вотъ тотъ родъ людей, которымъ я симпатизирую, въ положеніе которыхъ я мысленно переношусь, вотъ чьи чувства и мысли я способенъ представить себѣ въ формѣ своихъ собственныхъ чувствъ и мыслей; вотъ что для меня желательно и вотъ что нежелательно, кромѣ истины. Г. Южаковъ спрашиваетъ: неужели субъективисты играютъ въ руку недобросовѣстныхъ мыслителей! Нѣтъ, мы требуемъ прежде всего добросовѣстности.

Я понимаю побужденія, заставляющія г. Южакова чураться субъективизма. Ему кажется, что мы ставимъ желательное на мѣсто истиннаго и тѣмъ самымъ уничтожаемъ науку, которая имѣетъ дѣло только съ истиною. Выше я старался уже распутать это недоразумѣніе. Мнѣ остается разъяснить затрудненіе, мною самимъ постановленное въ наиболѣе рѣзкой формѣ. Какъ можетъ быть построена социологія, если она, какъ наука, должна удовлетворять только потребности познанія, а, какъ социологія, принуждена имѣть дѣло съ категоріями нравственнаго и безнравственнаго, которыя стоятъ совершенно независимо отъ категорій истиннаго и ложнаго? Въ связи съ этимъ находится другой вопросъ: какъ можетъ быть построена социологія, если огромная доля ея истинъ по своей субъективности можетъ быть правомѣрно признана однимъ пслѣдователемъ и отвергнута другимъ?—Затрудненія эти однако не такъ велики, какъ кажутся съ перваго взгляда. Они отчасти свойственны и другимъ наукамъ; но главнымъ образомъ составляютъ особенность социологіи и показываютъ, что она должна по характеру своему значительно отличаться отъ наукъ естественныхъ. Вѣдь и наши познанія о природѣ не всё одинаково всёмъ доступны. Человѣкъ, не имѣющій достаточныхъ предварительныхъ свѣдѣній, не повѣритъ, что земля ходитъ около солнца. И такихъ людей много. Что нужно сдѣлать, чтобы всё люди имѣли одинаковыя понятія объ отношеніяхъ солнца и земли? Нужно ихъ всёхъ учить. Субъективныя разногласія сообщеніемъ свѣдѣній не устраняются, потому что и порождаются они не различіемъ въ количествѣ знаній, а различіемъ симпатій и антипатій, различіемъ общественныхъ положеній, препятствующимъ людямъ представлять себѣ чужія мысли и чувства въ формѣ собственныхъ. Я ссылаюсь опять на кн. Васильчикова и редакцію «Сборника государственныхъ знаній», количество свѣдѣній которыхъ объ эмиграціи одинаково и которые однако преираются. Поэтому одна изъ задачъ социологіи состоитъ въ опредѣленіи условій, при которыхъ субъективныя разногласія исчезаютъ. Социологія должна начать съ вѣстойной утопіи. Я нарочно пишу это слово, которое могъ

бы обойти, потому что лучше же я скажу его самъ въ томъ смыслѣ, какъ я его понимаю, чѣмъ дожидаться чтобы кто нибудь наклепалъ на мою мысль этотъ ярлыкъ по своему. Всѣ утописты заблуждались, предполагая возможнымъ опредѣлить идеальное общество до мельчайшихъ подробностей, но самая задача — опредѣлить условія, при которыхъ изъ общественной жизни устраняется все, съ точки зрѣнія изслѣдователя нежелательное — самая эта задача вполне научна. Трудности ея ничуть не больше другихъ затрудненій, встрѣчаемыхъ на своемъ пути наукою.

И такъ разногласіе субъективныхъ заключеній представляетъ дѣйствительно весьма важное неудобство. Неудобство это однако для социологій непозбѣжно, борьба съ нимъ лицомъ къ лицу, въ открытомъ полѣ для науки невозможна. Не въ ея власти сообщать изслѣдователю тѣ или другія социологическія понятія, такъ какъ они образуются всею его обстановкой. Она можетъ сообщать знанія, но вліять на измѣненіе понятій можетъ только косвенно и вообще говоря въ весьма слабой степени. Роль науки слишкомъ велика и почтенна, чтобы слѣдовало бояться указывать предѣлы ея компетенціи. Наука не властна надъ моимъ желудкомъ, не властна и надъ моей совѣстью. Если совѣсть моя не возмущается порядкомъ вещей, который обезпечиваетъ мнѣ праздную жизнь и побуждаетъ вести жизнь развратную, то, что бы ни говорила наука о праздной и развратной жизни, мои социологическія понятія не измѣнятся. Пусть г. Юбаковъ сколько ему угодно доказываетъ, что они не сѣтъ истинныя начала общественности, я буду признавать истинными только существующія начала. Но изъ этого не слѣдуетъ, что наука должна сидѣть сложа руки и отложить всякія попеченія объ устраненіи или хоть облегченіи такого важнаго неудобства, какъ разногласіе понятій о нравственномъ и безнравственномъ, справедливомъ и не справедливомъ, вообще желательномъ и нежелательномъ. Она должна сдѣлать въ этомъ направленіи то, что можетъ сдѣлать. А можетъ она вотъ что: признавъ желательнымъ устраненіе субъективныхъ разногласій, опредѣлить условія, при которыхъ оно можетъ произойти. Это изслѣдованіе обниметъ ко-

нечно и исторію возникновенія и развитія субъективныхъ разногласій, причемъ будетъ опираться и на данныя объективной науки—данныя низшихъ наукъ и факты историческіе и статистическіе. Но въ основѣ изслѣдованія будетъ лежать субъективное начало желательности и нежелательности, субъективное начало потребности. Замѣтимъ, что устраненіе субъективныхъ затрудненій само по себѣ не есть что-либо истинное, но не есть и что-либо ложное. Оно желательно само по себѣ, удовлетворяя потребности, отличной отъ потребности познанія, и прямыхъ связей съ категоріями истиннаго и ложнаго не имѣетъ, хотя и находится въ соответствіи съ рядомъ извѣстныхъ истинъ. Такова одна изъ задачъ соціологіи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ это задача типическая. Таковы всѣ общія задачи соціологіи. Признавъ нѣчто желательнымъ или нежелательнымъ, соціологъ долженъ найти условія осуществленія этого желательнаго или устраненія нежелательнаго. Само собою разумѣется, что ничто кромѣ неискренности или слабости мысли не помѣшаетъ ему придти къ заключенію, что такія или такія-то желанія не могутъ осуществиться вовсе, другія могутъ осуществиться только отчасти. Задачи соціологівъ такимъ образомъ существенно отличаются отъ наукъ естественныхъ, въ которыхъ субъективное начало желательности остается на самомъ порогѣ изслѣдованія. Потребность познанія субъективна, какъ и всѣ потребности. Выборъ предмета изслѣдованія, выборъ предмета, на который устремляется жажда познанія натуралиста, всецѣло зависитъ отъ личныхъ качествъ изслѣдователя. Одинъ желаетъ изучать движеніе планетъ, другой желаетъ перечислять виды клоповъ и проч. Но когда изслѣдованіе начато, натуралистъ не вводитъ въ него, по крайней мѣрѣ не долженъ вводить элементъ субъективной. Онъ можетъ сказать: я желаю перечислять виды клоповъ, но не можетъ сказать: я желаю, чтобы видовъ клоповъ было столько-то. Соціологъ напротивъ долженъ прямо сказать: я желаю познавать отношенія, существующія между обществомъ и его членами, но кромѣ познанія я желаю еще осуществленія такихъ-то и такихъ-то моихъ идеаловъ, сильное оправданіе которыхъ при семъ

прилагаю. Собственно говоря самая природа социологических исследований такова, что они и не могут производиться отличнымъ отъ указаннаго путемъ. Дѣло только въ томъ, что въ настоящее время для большей части социологовъ неясенъ весь процессъ ихъ собственныхъ исследованийъ. Нѣкоторые моменты этого процесса остаются, такъ сказать, въ скрытомъ состояніи, что не мѣшаетъ имъ однако вліять на ходъ исследования. Все равно какъ рѣка, которая течетъ иногда на нѣкоторомъ протяженіи подъ землей: ея на этомъ пространствѣ не видно, но тамъ и рыбы плаваютъ, и берега заносятся или отмываются, вообще происходятъ тѣ же явленія, что и въ поверхностной части русла. Конечно не всегда процессъ исследования неясенъ самому социологу: иногда нѣкоторые моменты процесса имъ по недобросовѣстности мысли просто скрадываются. Тутъ ужъ ничего не подѣлаешь, тутъ наука опять безсильна для прямой борьбы; но она можетъ и должна открыть, что именно скрадено въ данномъ исследованіи, каковы желанія, которыя не посмѣлъ или не сумѣлъ выразить социологъ и которыя однако оставили свои слѣды въ его работѣ. Само собой разумѣется, что если скрадены не только нѣкоторые моменты внутреннего процесса исследования, а и факты, то они должны быть тоже восстановлены. Благодаря подобнымъ скрадиваніямъ и не систематическому, а случайному и тайному примѣненію субъективнаго метода, большинство социологовъ выражаетъ программу своей науки совсѣмъ не такъ, какъ мы сейчасъ объ ней говорили. Такова напримѣръ программа Спенсера, приведенная мною въ прошлый разъ. Существенная задача социологів, какъ мы ее опредѣлили, состоитъ въ выясненіи общественныхъ условій, при которыхъ та или другая потребность человѣческой природы получаетъ удовлетвореніе. Спенсеръ понимаетъ дѣло на оборотъ. Онъ полагаетъ, что социологія должна показать, какія измѣненія должны произойти въ людяхъ для того, чтобы общество прогрессировало. Это—совершенно обратная задача. Оно не такъ замѣтно на общей формулѣ, но мы видѣли, что въ переводѣ на конкретный примѣръ задача Спенсера выражается такъ: до какой степени

долженъ обнищать мекленбургскій крестьянинъ (т. е. до какой степени у него должна быть отнята возможность удовлетворять своимъ потребностямъ) для того, чтобы мекленбургская цивилизація процвѣтала?

Такъ ищутся «истинныя начала общественности»...

VI.

Борьба за индивидуальность.

Признаюсь, то презрительно-сожалительное «экъ вы! объ истинѣ!» съ котораго я началъ свою бесѣду, не выходитъ у меня изъ головы. Ради него именно я начинаю новую главу. Я рассчитываю на то, что иной читатель, соскучившійся на предъидущихъ страницахъ, заинтересуется перерывомъ: можетъ быть, дескать, теперь пойдетъ «повеселѣе». Да простится мнѣ эта невинная хитрость. Я не принадлежу къ числу тѣхъ величественныхъ олимпійцевъ, которые говорятъ, что имъ все равно — читають ихъ или нѣтъ; признаться, я имъ даже немпожею не вѣрю, п во всякомъ случаѣ мнѣ это не все равно: я очень хочу, чтобы меня читали, хотя и приходится иногда говорить о «скучныхъ вещахъ». Впрочемъ читатель, завлеченный моей невинной хитростью, можетъ быть и не ошибется: послѣдующее будетъ кажется «повеселѣе».

Что такое совершенствованіе? Вопросъ, не смотря на свою краткость, представляется до такой степени неопредѣленнымъ, что отвѣтить на него нѣтъ повидному никакой возможности. И ради этой-то неопредѣленности многие ученые люди боятся даже упоминанія о совершенствѣ. Боязнь эта однако совсѣмъ неосновательна. Въ поставленномъ вопросѣ недостаетъ только дополненія, и разъ вы спросите: что такое совершенствованіе биліардной игры или что такое совершенствованіе организаціи или иного какого нибудь явленія, вопросъ не представить трудностей, рѣзко отличныхъ отъ другихъ затрудненій, представляю-

щихся человѣческому уму. Во всякомъ случаѣ слова: совершенство, совершенствованіе, совершенный и проч. до такой степени укрѣпились въ обиходѣ нашей рѣчи, что необходимо придать имъ какое нибудь опредѣленное значеніе во избѣжаніе путаницы, двусмысленностей и взаимнаго непониманія. Такъ и дѣлають ученые люди, но боязнь слова все-таки мѣшаетъ имъ и заставляетъ ихъ, если позволено будетъ такъ выразиться, вилать. Напримѣръ г. Южаковъ въ своемъ третьемъ социологическомъ этюдѣ говоритъ: «Совершенствованіе — *понятіе относительное, если подъ нимъ не разумѣть приспособленія*, а если его понимать такимъ образомъ, то придется сознаться, что совершенствованіе можетъ идти не только безконечно различными, но даже и прямо противоположными путями» («Знаніе» 1873, № 3, 41). Я называю это виланіемъ (я не хочу сказать грубаго слова, но мнѣ не приходится па умъ другое). Зачѣмъ г. Южакову вдругъ понадобилось понятіе *неотнoсительное*, т. е. абсолютное? Наука покончила съ абсолютами, и г. Южаковъ вообще къ нимъ пристрастія не имѣетъ. Это видно и изъ приведенныхъ его словъ. Совершенствованіе, какъ приспособленіе, есть тоже понятіе относительное, потому что допускаетъ разницу степеней и различіе путей совершенствованія. Но виланіе на этомъ не останавливается. На стр. 71 того же этюда, приведя мнѣніе Спенсера, что промышленное усовершенствованіе требуетъ *высшей* формы человѣчества для своего приведенія въ дѣйствіе, г. Южаковъ замѣчаетъ: «Если съ одной стороны это вѣрно, то съ другой разумѣется нѣтъ. Если управляющій промышленнымъ предпріятіемъ долженъ обладать большимъ знаніемъ и умомъ (хотя быть можетъ и просто большимъ знаніемъ), то отъ большинства рабочихъ предпріятія съ усовершенствозаніемъ производства большею частью требуется даже меньше умственной самостоятельности. Автоматичность фабричной работы вошла въ поговорку». Это опять-таки виланіе. Почему бы не сказать, что степень автоматичности рабочаго и есть именно степень его совершенства? Отсутствіе умственной самостоятельности есть въ рабочемъ результатъ его приспособленія къ условіямъ усовершенствован-

наго производства, а «совершенствованіе есть понятіе относительное, если подъ нимъ не разумѣть приспособленія; если же его понимать такимъ образомъ, то придется сознаться, что совершенствованіе можетъ идти не только безконечно различными, а и прямо противоположными путями». Нѣкоторыя домашнія животныя между прочимъ тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ они жирнѣе и гуще: это—результаты приспособленія. Точно также рабочій можетъ быть признанъ тѣмъ болѣе совершеннымъ, чѣмъ онъ автоматичнѣе: это — тоже результатъ приспособленія. Весьма многіе публицисты и экономисты именно на этомъ основаніи требуютъ, чтобы рабочимъ образованіе было даваемо только въ той ограниченной степени, какая допускаетъ возможность ихъ приспособленія къ условіямъ жизни фабричнаго рабочаго или прислуги. И должно сознаться, что эти экономисты и публицисты логически совершенно правы. Дѣйствительно, высокообразованный рабочій или лакей необходимо нарушать гармонію существующихъ порядковъ: они не въ состояніи будутъ приспособиться къ условіямъ современной фабричной жизни или къ условіямъ положенія прислуги, т. е. будутъ весьма несовершенными рабочими или лакеями. Если г. Южаковъ скажетъ, что они совершенствуются въ своемъ человѣческомъ достоинствѣ, то я спрошу, гдѣ у него основаніе для такого заключенія? Эти люди не приспособились—и конецъ, потому что «совершенство—понятіе относительное, если» и т. д.

Біологи и соціологи, будучи самымъ языкомъ человѣческимъ выпуждены дать какое нибудь опредѣленное значеніе словамъ: совершенство, совершенствованіе и т. п., выработали два мѣрила, которыя однако весьма часто сталкиваются враждебно. Одно мѣрило, выработанное трудами Бэра, Мильнъ-Эдвардса и другихъ, таково: живыя существа совершенствуются, переходя отъ простаго къ сложному, дифференцируясь, раздробляясь на несходныя части. Критеріемъ совершенства живыхъ существъ признается здѣсь степень разнородности ихъ частей и степень раздѣленія между этими частями труда. Такъ взрослое животное совершеннѣе своего зародыша, потому что организація его слож-

нѣе, оно состоить изъ большаго числа и болѣе разнородныхъ частей, трудъ жизни распредѣленъ въ немъ по большому числу органовъ. По той же причинѣ млекопитающія совершеннѣе рыбъ, человѣкъ совершеннѣе собаки. Этотъ критерій стоить очень прочно въ наукѣ. Онъ признается и Дарвиномъ, который однако наиболѣе способствовалъ установленію другого мѣрила совершенства. Дарвинисты признають, что живыя существа тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ болѣе они приспособлены къ условіямъ своего существованія. Въ первомъ критеріѣ принята въ соображеніе, такъ сказать, широта жизни, количество и разнообразіе силъ и способностей организма, количество и разнообразіе тѣхъ отношеній къ окружающему міру, въ которыхъ организмъ способенъ вступать. Критерій приспособленія имѣетъ въ виду главнымъ образомъ экономію жизни. Приспосаблиясь, живое существо утрачиваетъ ненужные ему по условіямъ жизни органы и отправления и тѣмъ съ большимъ успѣхомъ сосредоточиваетъ свои силы на выработкѣ органовъ и отпавленій нужныхъ. Этимъ достигается полное равновѣсіе между организмомъ и окружающимъ міромъ. Дарвинъ выяснилъ процессъ приспособленія и выгоды, находящіяся въ борьбѣ за существованіе на сторонѣ приспособленныхъ. Онъ не отрицалъ при этомъ прямо критерія совершенства, установленнаго Бэромъ, онъ даже на него часто ссылается. Тѣмъ не менѣе однако мѣрила сложности и мѣрила приспособленія далеко не всегда совпадаютъ. Напримѣръ для нѣкоторыхъ паразитовъ органы зрѣнія и движенія составляютъ совершенно лишнее бремя. Приспосаблиясь, паразиты утрачиваютъ эти ненужные органы и соотвѣтственные отправления; въ борьбѣ за существованіе болѣе приспособленные, болѣе слѣпые и неподвижные одерживаютъ побѣду, такъ какъ силы ихъ тѣмъ удобнѣе сосредоточиваются на нужныхъ по условіямъ жизни функціяхъ. Съ точки зрѣнія приспособленія это будетъ совершенствованіе, прогрессъ; съ точки зрѣнія сложности и разнородности функцій, это будетъ напротивъ регрессъ, удаленіе отъ идеала совершенства. Подобныхъ случаевъ картина органическаго міра представляетъ много, и тѣмъ не менѣе ученые люди не особенно стараются

внести въ нихъ какой нибудь свѣтъ и почти всѣ болѣе или менѣе влиять. А между тѣмъ для насъ, профановъ, столкновеніе обояхъ критеріевъ совершенства интересно во многихъ отношеніяхъ. Мы не боимся словъ и хотя и знаемъ, что совершенство есть понятіе относительное, но все-таки желали бы имѣть для своего обхода опредѣленную путеводную нить. Пусть конецъ этой нити теряется въ дали вѣковъ и во мракѣ невѣстности, но все-таки мы желали бы знать: приспособляться намъ или усложняться нужно, чтобы стоять на *пути* къ совершенству.

Тѣмъ пріятнѣе мнѣ привести здѣсь возрѣнія на этотъ предметъ одного изъ знаменитѣйшихъ современныхъ ученыхъ—Геккеля. Этотъ ученый настаиваетъ на необходимости особаго ученія объ индивидуальности, которое называетъ тектологіей. Индивидуальность есть для него понятіе относительное, допускающее градацію. Онъ принимаетъ шесть ступеней индивидуальности, взаимныя отношенія которыхъ опредѣляетъ слѣдующими «тектологическими тезисами»:

Пластиды (елѣточки и цитоды) тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ больше число входящихъ въ ихъ составъ молекулъ, чѣмъ молекулы зависимѣ другъ отъ друга и отъ цѣлой пластиды и чѣмъ наконецъ сама пластиды централизованнѣе и независимѣе отъ высшей индивидуальности. Органъ тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ больше число составляющихъ его пластидъ, чѣмъ эти составная части зависимѣ другъ отъ друга и отъ цѣлаго органа и чѣмъ болѣе централизованъ и независимъ отъ высшей индивидуальности самъ органъ. Пропуская двѣ среднія ступени антимеры и метамеры, переходимъ къ личностямъ, организмамъ или недѣльнымъ въ тѣсномъ смыслѣ слова. Организмы тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ разнороднѣе ихъ органолическое и гистологическое строеніе, чѣмъ разнообразнѣе функціи ихъ составныхъ частей, чѣмъ эти части зависимѣ другъ отъ друга и отъ всего цѣлаго и чѣмъ самъ организмъ централизованнѣе и независимѣе отъ высшей индивидуальности — колоніи. Колоніи или общества тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ разнороднѣе составляющіе ихъ организмы, органы и ткани, чѣмъ зависимѣ пластиды, органы, антимеры,

метамеры и личности между собой и отъ всей колоніи и члѣмъ централизованнѣе сама колонія. (Generelle Morphologie der Organismen, I, 372).

Геккель къ сожалѣнію только бросилъ свою идею тектологіи, не давъ ей вадлежащаго развитія. Я попробую выяснитъ ея значеніе. Наглядно, взаимныя отношенія различныхъ ступеней индивидуальности можно бы было выразитъ системою концентрическихъ круговъ, изъ которыхъ каждый обнимаетъ, поглощаетъ собою сосѣдній кругъ съ меньшимъ радіусомъ и самъ въ свою очередь обнимается, поглощается сосѣднимъ кругомъ съ большимъ радіусомъ. Всѣ эти круговыя линіи различны, потому что описаны различными радіусами, но вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ сходны, потому что описаны изъ одного центра, и взаимныя отношенія ихъ покоятся на различіи радіусовъ при общности центра; а будемъ ли мы при этомъ сравнивать два сосѣдніе круга, дальше или ближе отстоящіе отъ центра, это само по себѣ безразлично. Эта стройная и величественная картина, обнимающая взаимныя отношенія всѣхъ живыхъ агрегатовъ отъ послѣдней цитоды до цивилизованнаго общества включительно, по своей простотѣ и логическому изяществу достойна стоять рядомъ съ обобщеніемъ Дарвина. Она его по истинѣ дополняетъ. Она представляетъ тоже своего рода беспощадную борьбу за существованіе. Вездѣ, на всемъ обширномъ полѣ жизни, рядомъ съ борьбой за обладаніе того или другого вида и того или другого организма, недѣлимаго въ тѣсномъ смыслѣ слова, идетъ борьба между различными ступенями индивидуальности. Она началась съ возникновеніемъ органическаго міра (имѣя конечно свои корни въ мирѣ неорганическомъ) и можетъ окончиться только съ прекращеніемъ жизни на землѣ.

Взглянемъ на нѣсколько эпизодовъ этой вѣковѣчной борьбы. Возьмите гидру и выверните ее, какъ перчатку, наизнанку: она будетъ жить; разрѣжьте ее на куски, каждый отрѣзокъ будетъ жить, какъ цѣлая гидра. Что это значитъ? Это значитъ, что гидра слишкомъ несовершенна, чтобы поглотить жизнь составляющихъ ее частей, подчинитъ ихъ своей зависимости. Вну-

трення и внѣшняя поверхность тѣла гидры ничѣмъ не отличаются и всегда могутъ замѣнить другъ друга. У нея есть только нервно мускульная система, но нѣтъ обособленныхъ нервовъ и мускуловъ. Если гидра когда нибудь поднимется на высшую ступень развитія, усовершенствуется, то это усовершенствованіе только въ томъ и будетъ состоять, что части гидры подчинятся цѣлому. Внѣшняя и внутренняя поверхности обособятся, приспособятся къ определеннымъ функціямъ, нераздѣльная нервно-мускульная система раздробится, все органологическое и гистологическое строеніе гидры станетъ болѣе разнороднымъ. Это усовершенствованіе цѣлой гидры можетъ быть куплено только цѣною независимости и самостоятельности ея частей. Тогда отрѣзки гидры уже не въ состояніи будутъ вести самостоятельную жизнь: они будутъ мертвыми частями. Цѣлое побѣдитъ свои составныя части въ великой борьбѣ ступеней индивидуальности. Конечно это борьба только въ метафорическомъ смыслѣ, но вѣдь и Дарвинова борьба за существованіе въ большей части случаевъ только метафора. — Существуетъ головоногое, которому удалось закрѣпить, подчинить себѣ всѣ части, за исключеніемъ одной — щупальца, которое можетъ отдѣляться отъ своего цѣлага, вести самостоятельную жизнь и даже размножаться. Централизованная сила головоногаго оказывается недостаточною въ борьбѣ съ этимъ мятежнымъ органомъ, извѣстнымъ натуралистамъ подъ своимъ собственнымъ самостоятельнымъ именемъ *Nectocotylus*. Онъ самъ способенъ занять мѣсто на той же ступени индивидуальности, на которой стоитъ все головоногое, и потому не подчиняется ему. Усовершенствованіе головоногаго будетъ состоять между прочимъ въ подчиненіи отщепенца; усовершенствованіе же *Nectocotylus* — въ дальнѣйшей независимости, для чего ему потребуется въ свою очередь подчинить себѣ всѣ свои части и распределить между ними весь трудъ, необходимый для самостоятельной жизни. Борьба можетъ имѣть и тотъ, и другой исходъ. — Въ высшихъ животныхъ эта борьба окончилась побѣдой цѣлага организма: ни ноги, ни легкія, ни голова, ни печень млекопитающаго или птицы неспособны къ самостоятель-

вой жизни; они закрѣпощены цѣлому, обречены ему на пожизненное служеніе. Тѣмъ справедливѣе это относительно низшихъ ступеней индивидуальности, входящихъ въ составъ организма. Клѣточки низшихъ формъ органической жизни всегда могутъ дать начало новой цѣльной жизни, потому что содержатъ въ себѣ всю сумму свойствъ для жизни необходимыхъ. Искусственно раздражая тѣло гидры, вы можете вызвать почкованіе и на такихъ мѣстахъ, гдѣ оно обыкновенно не происходитъ—такъ мало рознятся между собой клѣточки гидры и такъ они еще индивидуальны, что чуть не каждая можетъ развиться въ цѣлый организмъ. Въ высшихъ животныхъ это уже невозможно. Тамъ только ничтожная доля клѣточекъ способна развиться въ самостоятельнаго представителя жизни и слѣдовательно не приспособилась къ тѣмъ или другимъ специальнымъ формамъ службы цѣлому. Но и эта доля способна только повторить развитіе своего цѣлага и не можетъ, какъ *Nectocotylus*, образовать новый, совершенно не похожій на свою метрополию организмъ.—Это были эпизоды борьбы организма съ низшими ступенями индивидуальности. Но организму приходится бороться и съ вышею, надъ нимъ лежащею ступеню — съ обществомъ или колоніей, какъ говорятъ натуралисты, разумѣя подъ этимъ словомъ общества низшихъ организмовъ. Антагонизмъ цѣлага и частей даетъ себя знать и здѣсь: и между этими ступенями индивидуальности идетъ съ переменнымъ счастьемъ постоянная борьба. Вотъ странное животное, давно привлекавшее вниманіе ученыхъ людей своимъ удивительнымъ строеніемъ. Это—сифонофора,—колонія, общество медузъ и полиповъ, до такой степени дифференцированныхъ и закрѣпощенныхъ обществу, что каждый изъ нихъ превратился въ двигательный, или осязательный, или половой органъ цѣлаго, хотя эти специальные аппараты и могутъ еще иногда отдѣляться и вести самостоятельную жизнь. Эти полу-органы, полунедѣлимые образовались путемъ почкованія, но централизованная сила сифонофоры не дала имъ возможности образовать изъ себя группу вполне равныхъ и самостоятельныхъ организмовъ; она искалечила ихъ сообразно нуждамъ цѣлага, отняла у нихъ

полную жизнь и раздала ее имъ по частямъ. А вотъ рядомъ колонія сальпы, тоже продуктъ почкованія, но здѣсь борьба имѣла исходъ болѣе благопріятный для организмовъ и менѣе благопріятный для общества: организмы не изуродованы. Чѣмъ сильнѣе усиѣютъ развиваться отдѣльные полипы и медузы, тѣмъ меньше вѣроятности для существованія сифонофоры; если бы этимъ полу-органамъ удалось усовершенствоваться до ступени полного организма, сифонофора исчезла бы съ лица земли. Обратно, чѣмъ сильнѣе жизненный процессъ цѣлой сифонофоры, чѣмъ она совершеннѣе, тѣмъ несовершеннѣе ея части. — Пойдемъ въ муравейникъ. Это—весьма высоко развитое общество. Я ужъ не говорю объ томъ, что въ немъ есть истинныя политическія учрежденія, каковы республиканскій образъ правленія и рабство, что муравейникъ занмается хлѣбопашествомъ, скотоводствомъ, сооруженіемъ сложныхъ зданій, собираніемъ обширныхъ запасовъ питательнаго и строительнаго матеріаловъ и проч. Придерживаясь только тектологическихъ тезисовъ Геккеля, я убѣждаюсь, что муравейникъ есть общество, высоко стоящее на лѣстницѣ совершенства. По Геккелю отношенія между обществомъ и составляющими его организмами выражаются такъ: общество тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ 1) разнороднѣе организмы, чѣмъ 2) организмы зависимѣе между собою и отъ всего общества, и чѣмъ 3) централизованнѣе само общество. Муравейникъ въ весьма высокой степени удовлетворяетъ этимъ требованіямъ совершенства. Муравьи, изъ которыхъ сложилось общество, очень разнородны: у нѣкоторыхъ видовъ разнородность доходитъ до существованія пяти кастъ, рѣзко отличающихся и по наружности, и по занятіямъ, и по способностямъ. Зависимость между этими кастами очень велика, такъ какъ тутъ есть безплодные рабочіе, неспособные размножаться, есть плодовитые самцы и самки, иногда неспособные не только работать, а даже брать пищу въ ротъ и переходить съ мѣста на мѣсто: ихъ кормятъ и переносятъ рабы. Извѣстенъ опытъ Губера, отдѣлившаго плодовитыхъ самцовъ и самокъ одного рабовладѣльческаго вида: несмотря на обиліе пищи, они начали ужъдохнуть съ голоду, и только внушенный

къ нимъ Губеромъ рабъ помѣшалъ имъ всёмъ погибнуть. Такъ что разнородность и зависимость—на лицо. Централизація полнѣйшая, потому что отдѣльные муравьи никакихъ личныхъ желаній не имѣютъ и никакихъ личныхъ цѣлей не преслѣдуютъ. Исторія муравьиныхъ обществъ намъ невѣстна, но можетъ быть многіе и многіе вѣка прошли прежде, чѣмъ сложилось теперешнее стройное, строго прилаженное муравьиное общество. Это были вѣка борьбы двухъ ступеней индивидуальности, борьбы, окончившейся побѣдой общества надъ организмомъ.

Стоило бы сходить еще въ пчелиный улей: но мы пойдемъ лучше прямо къ людямъ. Беру мудрыя книги мудраго Платона: «Республика» и «Законы». Многое бы можно было оттуда позаимствовать пригоднаго для насъ, но я сдѣлаю только одно заимствованіе. Въ кв. III «Республики» Сократъ доказываетъ собесѣдникамъ, что есть три рода разсказовъ: одинъ спола ведется отъ лица самаго разсказчика, какъ въ днѣпрамбахъ, другой спола подражательный, какъ въ трагедіяхъ и комедіяхъ, третій—смѣшанный, какъ въ эпопеяхъ. Рѣчь собственно идетъ о воспитаніи воиновъ, и имъ рекомендуется заниматься своимъ воинскимъ дѣломъ, по возможности избѣгая подражаній кому бы то ни было изъ невоиновъ. Если ужъ они будутъ подражать, такъ пускай подражаютъ положеніямъ, соотвѣтствующимъ ихъ воинской природѣ, пусть въ разсказѣ подражаютъ храбрымъ, умѣреннымъ, великодушнымъ людямъ. Затѣмъ идетъ довольно забавный списокъ, кому и чему воинъ не долженъ подражать: женщинамъ, рабамъ, злымъ и подлымъ людямъ, сумашедшимъ, кузнецамъ, гребцамъ, вообще рабочимъ, ржанію лошадей, мычанію быковъ, шуму рѣкъ, моря, грома. Если же, продолжаетъ Сократъ, среди насъ явится человекъ «особенно искусный въ подражаніи и способный принимать множество различныхъ формъ», то мы его примемъ какъ великаго, божественнаго человека, украсимъ его вѣнками и обольемъ благовоніями, но скажемъ ему, что республика наша создана не для подобныхъ ему людей: мы удовольствуемся менѣе великимъ, но болѣе полезными поэтами и разсказчиками, которые будутъ строго слѣдовать установлен-

нымъ нами правиламъ о несомвѣстности нѣсколькихъ занятій въ одномъ лицѣ. Въ VIII книгѣ «Законовъ» Сократъ рекомендуетъ всѣмъ заниматься только своей профессіей; чтобы воинъ воевалъ, работникъ работалъ, мыслитель мыслилъ и, въ частности, чтобы сапожникъ шилъ именно сапоги и т. п. Сократъ грозитъ за нарушение этого правила очень строгими наказаніями—штрафами, тюрьмой, изгнаніемъ, дабы нарушитель зналъ, что онъ «долженъ быть однимъ человѣкомъ, а не многими».

Я не съумѣю представить читателю лучшаго, болѣе яркаго и нагляднаго изображенія фатальной, на скрижаляхъ законовъ природы записанной, вѣковѣчной борьбы общества съ личностью. Устами Платона говоритъ само общество. Оно инстинктивно чувствуетъ, что актеръ, рапсода или поэтъ, способный принимать «множество различныхъ формъ», великъ, что онъ—совершенство. Но это совершенство мѣшаетъ совершенствованію общества, потому что онъ слишкомъ широкъ, глубокъ, великъ; онъ не съумѣетъ, хотя бы и хотѣлъ, да и не захочетъ подчиниться «установленнымъ нами правиламъ». Это—своего рода *Nectocotylus*. И великаго человѣка выпроваживаютъ, обливъ его благоуханіями и увѣнчавъ цвѣтами. Последнее конечно потому только, что дѣло идетъ о поэтѣ, рапсода или актерѣ. Съ другими Платонъ поступилъ бы иначе, другимъ онъ и рекомендуетъ штрафы, тюрьму и изгнаніе,—

Die wenigen, die was davon erkannt,
Die thöricht g'nug ihr volles Herz nicht wahrten,
Dem Pöbel ihr Gefühl, ihr Schauen offenbarten,
Hat man von je gekreuzigt und verbannt...

Какъ и всякое цѣлое, общество тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ однороднѣе, проще, зависимѣе его части, его члены. Вотъ почему Платонъ, стоя на точкѣ зрѣнія всепоглощающаго греческаго государства, совершенно послѣдовательно требовалъ, подъ угрозой наказанія, чтобы мыслитель только мыслилъ, сапожникъ только шилъ сапоги, воинъ только воевалъ и т. д. Въ самомъ дѣлѣ, если бы сапожникъ, кромѣ сапоговъ, а воинъ, кромѣ оружія, стали бы еще заниматься мышленіемъ; еслибы съ другою

стороны мыслитель, не оставляя мышления, принялся шить сапоги—они стали бы совершеннѣе, т. е. каждый изъ нихъ сталъ бы разнороднѣе и независимѣе отъ другихъ членовъ и отъ цѣлаго общества. А изъ тектологическихкихъ тезисовъ Геккеля слѣдуетъ, что совершенствованіе общества можетъ быть куплено только цѣною извѣстной степени паденія его членовъ. Да и безъ тезисовъ Геккеля очевидно, что вопль, просвѣтленный мыслью, могъ иногда задуматься совѣмъ не въ интересахъ общества и отказаться воевать въ такую минуту, когда обществу это нужно. Тоже и съ сапожникомъ, и съ мыслителемъ. Въ гидрѣ нѣтъ обособленныхъ мускуловъ и нервовъ, а есть мускуло-нервы; въ высшихъ животныхъ борьба между различными ступенями индивидуальности приводитъ къ обособленію мускуловъ и нервовъ, къ раздѣльному ихъ существованію. Точно также въ низшихъ, несовершенныхъ обществахъ, централизованная сила которыхъ слаба, сапожникъ-мыслитель возможенъ. Совершенствованіе общества раздробляетъ эти функціи, ставитъ сапожника отдѣльно отъ мыслителя и въ этомъ именно раздробленіи почерпаетъ свою силу. Высадите мыслителя-сапожника на необитаемый островъ, и онъ будетъ жить, какъ живетъ отрѣзокъ гидры, потому что онъ привыкъ и къ умственному, и къ физическому труду; высшая индивидуальность, общество, не побѣдило еще его окончательно. Высадите на необитаемый островъ только мыслителя или сапожника, и имъ будетъ жить очень трудно. Можетъ быть даже они не справятся съ своимъ положеніемъ и погибнутъ, какъ погибаютъ нога или печень вышаго животного, потому что они закрѣпощены нѣкоторому высшему цѣлому и къ самостоятельной жизни неспособны.

Безъ сомнѣнія человекъ есть существо настолько сложное и разнородное или совершенное, что не можетъ уже войти въ составъ не только такихъ совершенныхъ обществъ, какъ сифонофора, но даже и такихъ, какъ муравейникъ. Онъ не можетъ быть въ такой степени поглощенъ обществомъ; борьба чаще кончается въ его пользу. Но все таки тутъ дѣло только въ градациі. Я попробую представить ее въ такомъ видѣ. Нѣко-

торые изъ составляющихъ сифонофору полиповъ и медузъ суть просто половые органы, всѣ остальные безиполы. Это—высшая изъ одержанныхъ обществомъ надъ организмомъ побѣды. Въ пчелиномъ роѣ есть трутни, которые, хотя и составляютъ собственно говоря въ совокупности половой органъ общества и ради этого отправления только и терпятся, но все таки самостоятельно ѣдятъ, летаютъ. Существуютъ и безиполья рабочія пчелы. Это—меньшая степень побѣды общества: превратить однихъ пчелъ въ простые органы труда, а другихъ въ простые органы размноженія рою не удалось, но искалеченіе все таки весьма сильно. Наконецъ въ человѣческомъ обществѣ безипольный рабочій возможенъ только въ идеѣ — въ теоріи мальтузіанцевъ. Поэтому человѣческое общество никогда не достигнетъ степени совершенства сифонофоры, но его борьба съ личностью никогда не кончатся, причемъ шансы борьбы будутъ клониться то въ ту, то въ другую сторону.

Такъ плдутъ дѣла на землѣ. Вотъ теорія, обнимающая единымъ принципомъ весь міръ и минующая даже тѣнь пристрастія къ личности человѣка: онъ только — одинъ кругъ изъ цѣлой системы концентрическихъ круговъ. Можно бы было дополнить картину размышленіями о концентричности различныхъ ступеней общественности: объ томъ, какъ семья, совершенствуясь, искажаетъ личность; какъ родъ, совершенствуясь, искажаетъ не только личность, а и семью; какъ племя, совершенствуясь, искажаетъ и личность, и семью, и родъ и т. д. и т. д. Но читатель можетъ безъ труда самъ сдѣлать эти выводы изъ моей теоріи, а мнѣ, признаюсь, она уже надоѣла и хочется сказать: nicht! Въ нѣмецкихъ книгахъ часто встрѣчаются длинные, длинные періоды, новидимому нѣчто утверждающе; и только въ концѣ періода читатель находитъ частицу nicht, которая заставляетъ все прочитанное «понимать наоборотъ», въ отрицательномъ смыслѣ. Теорія, выведенная мною изъ тектологическихъ тезисовъ Геккеля, должна быть тоже закончена частицей nicht. Впрочемъ въ общемъ я все таки считаю ее вѣрною и не могу простить ей только одного, именно того, что она признаетъ наиболѣе

совершеннымъ то общество, которое наиболѣе уродуетъ своихъ членовъ. Это можетъ показаться непослѣдовательнымъ, нелогичнымъ съ моей стороны; если во всемъ мѣрѣ царитъ формула: цѣлое тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ несовършеннѣе его части, а части тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ несовършеннѣе цѣлое; если во всемъ мѣрѣ царитъ этотъ фатальный антагонизмъ, то съ какой стати выдѣлять изъ общаго закона человѣка и человѣческое общество? Я пишу однако свои резоны, которые будутъ приведены ниже. А теперь я желаю бы знать, какъ отнесутся къ моей теоріи борьбы за индивидуальность чистокровные объективисты и какъ отнесется къ ней г. Южаковъ.

Чистокровные объективисты, каковы Спенсеръ и многочисленные органисты заграничные и нашей отечественной фабрикаціи, весьма близко подходятъ къ изложенной теоріи. Уподобляя общество организму, прогрессъ социальный прогрессу органическому, экономическое раздѣленіе труда—физиологическому, людей — органамъ, они именно говорятъ, что общество тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ несовършеннѣе составляющіе его люди. Я думаю однако, что подписать въ такой опредѣленной формѣ итогъ подъ своими якобы научными изслѣдованіями они не посмѣютъ. Постоянно играя словами, они вмѣстѣ съ тѣмъ боятся словъ. До нихъ мнѣ впрочемъ здѣсь нѣтъ дѣла. Г. Южаковъ интереснѣе. Собственно ради него я и написалъ длинный періодъ съ nicht на концѣ. Теоріи органистовъ онъ считаетъ заблужденіемъ. Я съ своей стороны считаю ихъ не только заблужденіемъ, а и позорнѣйшимъ пятномъ на умственной жизни XIX вѣка. Но это не мѣшаетъ мнѣ думать, что доводы его противъ нихъ неудовлетворительны, вѣрнѣе сказать, недостаточны, по той точкѣ зрѣнія, на которой онъ стоитъ. Посмотримъ, что можетъ возразить г. Южаковъ противъ изложенной теоріи борьбы за индивидуальность.

Г. Южаковъ разсуждаетъ въ первомъ изъ своихъ «Соціологическихъ этюдовъ» такимъ образомъ. Общество есть агрегатъ, т. е. цѣлое, состоящее изъ частей. Но это еще ничего не опредѣляетъ, потому что и небесныя тѣла, и клѣточки, и вселенная,

и организмы, — все это агрегаты. Общество есть не вообще только агрегатъ, а *живой* агрегатъ, подобно организму. Какъ и организмы, «общества постоянно поглощаютъ, ассимилируютъ особей и меньшія общества, которыя встрѣчаютъ; чрезъ посредство размноженія они ассимилируютъ неорганическое вещество и элементарныя силы природы; они этого достигаютъ непосредственно, прямо ассимилируя неорганическое вещество и силы въ видѣ средствъ и орудій; они такимъ образомъ возобновляются, растутъ, приспособляются. Общественный процессъ слѣдовательно является не только процессомъ интеграціи и дисинтеграціи, подобно всѣмъ процессамъ природы, но также процессомъ постоянного обмѣна вещества и силы и постоянного приспособленія внутреннихъ и внѣшнихъ отношеній, подобно всѣмъ *жизненнымъ* процессамъ». Кромѣ того общества, какъ и организмы, суть агрегаты сложные, т. е. слагающіеся не прямо изъ молекулъ. Простыхъ организмовъ, слагающихся непосредственно изъ гипотетическихъ «физиологическихъ единицъ» Спенсера или изъ «зачатковъ» Дарвина, въ природѣ весьма мало. Большинство организмовъ представляетъ собою результаты интеграціи, слитія другихъ организмовъ, менѣе сложныхъ. Процессъ этой интеграціи таковъ. Какіе-нибудь простые организмы размножаются, вслѣдствіе чего образуется группа ихъ, общество организмовъ, имѣющихъ между собою нѣкоторую связь. Затѣмъ, вслѣдствіе различія во вліяніи внѣшнихъ силъ на различныя части группы, одни изъ нихъ развиваютъ преимущественно такія-то отправления, другія—преимущественно такія-то. Это процессъ дифференцированія, но вмѣстѣ съ тѣмъ идетъ впередъ и интеграція: гомологическія, сходныя, однородныя части срастаются. Образовавшіяся этимъ сращеніемъ части еще болѣе специализируютъ свои отправления и т. д., пока организмы не превратятся въ органы, а общество въ недѣлимое, въ организмъ. «Этимъ путемъ интегрированія низшихъ организмовъ, при дифференцированіи ихъ отправлений, и произошли всѣ высшіе организмы. Общественность, какъ неполная интеграція, есть повсюду начало процесса, индивидуальность—его результатъ».

До сихъ поръ г. Южаковъ говоритъ тоже самое, что и Спенсеръ, и другіе органисты, и теорія борьбы за индивидуальность. Спенсеръ можетъ быть предпочелъ бы даже меньшую опредѣленность, меньшую рѣзкость постановки вопроса. Въ большей части случаевъ онъ утверждаетъ только, что процессы развитія общества и организма сходны, аналогичны и что законы того и другаго развитія суммируются въ нѣкоторомъ высшемъ законѣ перехода отъ однороднаго къ разнородному—законѣ, которому равно повинуется все сущее. Впрочемъ, сколько помнится, въ «Основаніяхъ біологіи» развивается именно мысль г. Южакова, что общественность есть начало процесса, завершающагося индивидуальностью, и что общество есть такимъ образомъ какъ бы недоразвитый организмъ. Во всякомъ случаѣ оба изслѣдователя признаютъ общество и организмъ живыми агрегатами, и до сихъ поръ теорія борьбы за индивидуальность только подтверждается. Но далѣе идетъ указаніе различій между органомъ и обществомъ, между индивидуальною и коллективною жизнью. Было бы слишкомъ долго слѣдить за всѣми указаніями г. Южакова, и я разсмотрю только нѣкоторыя, потому что задача моя состоитъ только въ томъ, чтобы показать недостаточность его доводовъ.

Г. Южаковъ говоритъ, что, «покамѣсть агрегатъ представляетъ только общественную интеграцію, всѣ главныя физиологическія функціи отправляются всѣми его составными единицами; онѣ непосредственно питаются, возобновляются, растутъ, размножаются, приспособляются, и т. д.; спеціализація дѣятельности не можетъ распространиться на эти основаніе жизненные процессы». Въ организмѣ напротивъ, его составныя части, его органы лишены всей совокупности жизненныхъ отправленій, дифференцированы физиологически и слиты въ одно механическое цѣлое. Рядъ подобныхъ афоризмовъ приводитъ автора къ заключенію, что, «если оставимъ въ сторонѣ низшія формы и остановимся только на высшихъ, на примѣръ Человѣческомъ обществѣ и Человѣческомъ организмѣ, то увидимъ бездну между этими двумя формами жизни и должны ихъ признать противоположными по самому направленію жизненнаго процесса при нормальномъ раз-

витіи агрегативъ.» Здѣсь все, отъ перваго до послѣдняго слова, неосновательно и бездоказательно. Въ этомъ заключеніи я вижу прежде всего звучный ударъ въ пустое пространство. Никто, ни самый нелѣпѣйшій изъ нелѣпологовъ, никогда не говорилъ, что человѣческое общество есть человѣческой организмъ. Эти люди утверждаютъ тезисъ гораздо болѣе общій, именно параллелизмъ общества и организма вообще; съ этой точки зрѣнія человѣческое общество есть не человѣческой, а нѣкоторый совершенно особый организмъ. И нелѣпологи имѣютъ свои резоны, которыхъ г. Южаковъ не опровергъ. Во-вторыхъ что значить «нормальное развитіе агрегативъ?» Дѣло идетъ именно объ опредѣленіи нормы развитія различныхъ агрегативъ. И если, какъ говорить г. Южаковъ, общественность есть повсюду начало процесса, завершающагося индивидуальностью, организаціей, а тѣмъ паче, если такимъ именно путемъ произошли всѣ высшіе организмы, то нормальнымъ развитіемъ общества слѣдуетъ пожалуй считать приближеніе къ организму. Что касается наконецъ до противоположности общества и организма по самому направленію жизненнаго процесса, то г. Южаковъ отнюдь не доказалъ ея. Онъ указалъ нѣкоторыя болѣе или менѣе важныя отличія той и другой формы жизни, а въ существованіи если не этихъ именно, то нѣкоторыхъ отличій вообще никто не сомнѣвался. Несомнѣнно напримѣръ, что члены общества не связаны механически въ одно конкретное цѣлое, а части организма связаны. Но отъ подобныхъ отличій еще очень далеко до противоположности по направленію жизненнаго процесса. Послѣдняя, повторяю, г. Южаковымъ вовсе не доказывается, а только утверждается, являясь заключительнымъ звѣномъ цѣпи афоризмовъ. Нѣтъ никакой надобности оставлять въ сторонѣ низшія формы, чтобъ убѣдиться, что между двумя соседними индивидуальностями существуетъ бездна и противоположность по самому направленію жизненнаго процесса. Мы видѣли, что таковъ общій законъ природы; но онъ ничего не говоритъ въ пользу г. Южакова. Далѣе даже афоризмы г. Южакова далеко не всѣ фактически вѣрны. Напримѣръ онъ говоритъ, что распаденіе связи, соединяющей въ организмъ его ча-

сти, прекращаетъ жизненный процессъ, а распаденіе общественнаго агрегата не влечетъ за собой такого прекращенія. И то, и другое фактически не вѣрно, *не истинно*. Распаденіе гидры или листа бегоніи на множество частей отнюдь не прекращаетъ жизненнаго процесса, а напротивъ имѣетъ результатомъ образованіе нѣсколькихъ жизненныхъ процессовъ. Наоборотъ распаденіе пчелинаго роя на безполыхъ рабочихъ, трутней и матокъ поведетъ къ тому, что всѣ они перемрутъ. Точно также перемрутъ и члены человѣческаго общества, если оно распадется на представителей физическаго и умственнаго труда. Г. Южаковъ утверждаетъ, что въ организмѣ его части лишены всей совокупности жизненныхъ отправленій, а составныя единицы общества *всѣ* непосредственно питаются, размножаются и проч. Это опять таки фактически не вѣрно. Пчелиный рой и муравейникъ суть общества, но безполые муравьи и пчелы не размножаются непосредственно. Г. Южаковъ даетъ далѣе болѣе опредѣленное понятіе общества: онъ называетъ его живымъ агрегатомъ, создавшимъ свою особую социальную среду, въ которой онъ разумѣетъ совокупность политическихъ учрежденій, техническихъ приспособленій, знаній и проч.—словомъ цивилизацію. Онъ полагаетъ, что эта среда, не давая членамъ общества приспособляться пассивно, измѣняться, а напротивъ позволяя измѣнять окружающій міръ и *его* приспособлять къ своимъ требованіямъ, тѣмъ самымъ не даетъ имъ возможности утратить свои главныя физиологическія функціи. Это неправда. Я опять укажу на муравейникъ и на пчелиный рой. Въ дѣлѣ активнаго приспособленія, въ дѣлѣ созиданія социальной среды это—единственные соперники человѣка на землѣ, и однако безполые муравьи и пчелы лишены одной изъ главныхъ физиологическихъ функцій. Борьба за индивидуальность, которую ведутъ человѣкъ и общество, не могутъ правда привести къ такому яркому результату, но она ведетъ къ результатамъ того же рода. Еще въ нынѣшнемъ году я доказывалъ — и потому теперь доказывать не буду—что каждая данная общественная форма стремится выжать въ свою пользу весь сокъ изъ каждаго шага цивилизаціи и ей

это слишкомъ часто удается. Г. Южаковъ утверждаетъ, что въ организмѣ отправленія частей служатъ цѣлому, а въ обществѣ напротивъ цѣлое служитъ частямъ. Это можетъ говорить метафизикъ, въ родѣ Ушинскаго, предполагающій существованіе цѣлей въ природѣ *), а человекъ науки этого сказать не можетъ, потому что онъ скажетъ неправду. Пусть г. Южаковъ мнѣ скажетъ, кто кому служитъ: безполый муравей муравейнику, или наоборотъ? Пусть онъ мнѣ, положи руку на сердце, отвѣтитъ кто кому служитъ: англійскій пролетарій англійскому обществу, или общество пролетарію? Очевидно, что не я отворачиваюсь отъ истины, а г. Южаковъ.

Я могу остановиться. Я хотѣлъ только, если позволительно такъ выразиться, раздѣть положенія г. Южакова, снять съ нихъ ту аргументацію, ту логическую одежду, въ которую облекъ ихъ г. Южаковъ, но единственно затѣмъ, чтобы вновь одѣть ихъ въ костюмъ, представляющійся мнѣ лучшимъ. Въ сущности объективный методъ далеко не всецѣло господствуетъ въ изслѣдованіи г. Южакова. Онъ несомнѣнно далъ нѣкоторыя болѣе или менѣе цѣнные указанія тамъ, гдѣ ихъ могъ дать; но г. Южаковъ, какъ всѣ смертные, не обошелъ и субъективнаго начала. Субъективизмъ, симпатіи и антипатіи г. Южакова дали это *желаніе* доказать, что общество и организмъ діаметрально противоположны. Если доказываніе это произошло отчасти въ ущербъ *истинѣ*, то только потому, что авторъ не прибѣгалъ прямо и откровенно къ субъективному *методу*, т. е. не регулировалъ и не систематизировалъ свой субъективизмъ. Зачѣмъ отворачиваться отъ несомнѣнной истины, установленной объективною наукой: цѣлое тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ несовершеннѣе его части? Отчего не посмотрѣть ей прямо въ глаза? Теорія борьбы за индивидуальность истинна, но, именно стоя на точкѣ зрѣнія этой борьбы, я

*) «Органы тѣлеснаго организма имѣютъ свою цѣль въ цѣломъ; цѣлое общественнаго организма имѣетъ свою цѣль въ органахъ» («Антропология», т. I, стр. 5).

и объявляю, что буду бороться съ грозящею поглотить меня высшею индивидуальностью. Мнѣ дѣла нѣтъ до ея совершенства, я самъ хочу совершенствоваться. Пусть она стремится побороть меня, я буду стремиться побороть ее. Чья возьметъ — увидимъ. И, какъ приступъ къ борьбѣ, я ставлю nicht къ теоріи борьбы за индивидуальность, какъ разъ на томъ мѣстѣ, гдѣ она захватываетъ меня. Я не отрицаю ни одного изъ ея положеній, не отворачиваюсь отъ истины. Я только повинуюсь закону борьбы, когда объявляю, что общество *должно* служить мнѣ, и это положеніе субъективно. Я не смѣю сказать, что оно мнѣ *служитъ*, потому что эта была бы недостойная науки неправда, а это невѣрное положеніе объективно.

Я глубоко убѣжденъ, что nicht, поставленное въ концѣ теоріи борьбы за индивидуальность — nicht, чисто субъективное, но не противорѣчащее ни одному изъ данныхъ объективной науки — вполне способно объединить всю область нашихъ знаній и идеаловъ. Мало того, оно одно способно сообщить истинно-религиозную преданность убѣжденіямъ, насколько разумѣется это доступно доктринѣ. Религиозная, беззавѣтная преданность идеаламъ создается жизнью, и наука способна дать тутъ только нѣкоторую помощь.

Соблазнительно поговорить еще и еще, но пора кончить. Я обѣщала еще доказать, что наука должна служить намъ, профанамъ. Но не знаю, стѣбитъ ли это доказывать послѣ всего высказаннаго. Достаточно припомнить, что такое профанъ. Это — свѣдущій работникъ, разсматриваемый по отношенію ко всѣмъ чуждымъ ему областямъ знанія и жизни. Каждый изъ насъ, какъ свѣдущій работникъ, приспособился къ извѣстной специальной профессіи и болѣе или менѣе сжатъ тисками всепоглощающей высшей индивидуальности — общества. Поэтому, служба какой бы то ни было специальности, наука будетъ служить высшей индивидуальности, а не человѣку. Какую бы службу наука ни сослужила цивилизаціи, просвѣщенію, техникѣ, какимъ бы то ни было отвлеченнымъ началамъ; какую бы службу она ни сослужила и намъ, какъ плотникамъ, лакеямъ, фабричнымъ рабочимъ,

литераторамъ, инженерамъ—все это забереть въ свои руки высшая индивидуальность; все́мъ этимъ она воспользуется въ безпощадной борьбѣ съ нами же и изуродуетъ самихъ людей науки. Какъ профаны, мы носимъ въ себѣ начало свободы, независимости, неприспособленности къ данной формѣ общества, задатокъ лучшаго будущаго, задатокъ успѣшной борьбы за индивидуальность. Поэтому, служа профанамъ, наука служить человечеству. Потребность познанія какого бы то ни было непреклоннаго спеціалиста, скомканнаго объятіями высшей индивидуальности, непременно болѣе или менѣе извращена. Онъ—не человѣкъ, а органъ, часть человѣка, «палецъ отъ ноги», какъ говоритъ у Шекспира Мененій Агриппа. Его заказы или не могутъ быть исполнены человѣческимъ умомъ, какъ заказы метафизика и чистокровнаго объективиста, или исполненіе ихъ поведетъ къ дальнѣйшему поглощенію человѣка исторически данной формой общества. Исполняйте наши заказы, люди науки, и вамъ дастся истина.

VII *).

Десница и шуйца Льва Толстого.

Въ послѣднемъ своемъ романѣ, «Анна Каренина», гр. Левъ Толстой мимоходомъ бросилъ нѣсколько пренебрежительныхъ словъ въ сторону «разговоровъ о социологіи и біологіи». Тѣмъ не менѣе я прервалъ свою бесѣду о гр. Толстомъ для социологіи, а теперь прерываю бесѣду о социологіи для гр. Толстого, и при этомъ дѣлаю скачки только по внѣшности. Внутренняя же связь моихъ бесѣдъ такова, что несмотря на все пренебреженіе гр. Толстого къ социологіи, я считаю себя вправѣ поставить вопросъ: который изъ типовъ социологическихъ изслѣдованій гр. Толстой считаетъ правильнымъ? Мы видѣли, что этихъ типовъ

*) 1875, май.

два, и хоть я отнюдь не могу считать различія ихъ вполне исчерпанными, но думаю, что нѣкоторые характерные признаки того и другого намѣчены. Одни изслѣдователи принимаютъ за точку отправления судьбы общества или цивилизаціи, сводятъ задачу науки къ познанію существующаго и не могутъ или не желаютъ дать руководящую нить для практики. Другіе отправляются отъ судьбъ личности, полагая, что общество и цивилизація сами по себѣ цѣны не имѣютъ, если не служатъ удовлетворенію потребности личности; далѣе эти изслѣдователи думаютъ, что наука обязана дать практикѣ нужныя указанія и изучать не только существующее, а и желательное. Который же изъ этихъ двухъ типовъ соціологическихъ изслѣдованій одобряется и который отвергается гр. Толстымъ?

Изучивъ сочиненія этого замѣчательнаго писателя со все́мъ тщаніемъ, на какое я способенъ, я отвѣчаю: не знаю. И это не потому, что онъ, должно быть изъ боязни моднаго слова, нѣсколько презираетъ «соціологію». Можно всю жизнь говорить прозой, даже не зная слова «проза». Не важно, нравится кому нибудь или нѣтъ слово соціологія. Важно то, что всякій, изучающій какое нибудь общественное явленіе, необходимо держится одного изъ двухъ поименованныхъ типовъ соціологическаго изслѣдованія. Надо держаться котораго нибудь одного, потому что они логически исключаютъ другъ друга. Логически—да, но фактически они могутъ уживаться рядомъ, и въ такомъ случаѣ шуйца не будетъ знать, что дѣлаетъ десница, и наоборотъ. Шуйца и десница гр. Толстого находятся именно въ такихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Поэтому-то я и отвѣчаю на свой вопросъ: не знаю. Не знаю, потому что изъ сочиненій гр. Толстого можно извлечь очень рѣзкія сужденія въ пользу обоихъ, логически исключających другъ друга типовъ изслѣдованія. Я представляю читателю сначала десницу гр. Толстого, потомъ шуйцу и наконецъ сведу ихъ на очную ставку въ области спора, еще и до сихъ поръ волнующаго сердца нашихъ педагоговъ.

Много лѣтъ тому назадъ гр. Толстой занялся педагогіею и занялся такъ, какъ у насъ очень рѣдко кто занимается своимъ

дѣломъ. Онъ не только не принялъ на вѣру какой бы то ни было готовой теоріи образованія и воспитанія, но, такъ сказать, изрылъ всю область педагогійи вопросами. Это зачѣмъ? какія основанія такого то явленія? какая цѣль такого-то? — вотъ съ чѣмъ подходилъ гр. Толстой и къ самой сути педагогійи, и къ разнымъ ея подробностямъ. Дѣлалъ онъ это съ истинно замѣчательною смѣлостью. Смѣлость бываетъ разнаго рода. Есть смѣлость дикарей, подбѣгающихъ къ самымъ жерламъ направленнымъ на нихъ пушекъ, чтобы заткнуть ихъ своими шляпами; это—смѣлость невѣждъ, не имѣющихъ понятія о трудностяхъ предприняемаго ими дѣла. Есть смѣлость Угрюмъ-Бурчевыхъ, смѣлость мраколюбцевъ, почерпаемая въ беззавѣтной ненависти къ свѣту. Есть смѣлость нравственно пустопорожнихъ людей, готовыхъ идти въ любой походъ безъ всякаго умственнаго и нравственнаго багажа, безъ знаній и убѣжденій и не рассчитывающихъ на побѣду, но и въ поражениіи не видящихъ чего нибудь печальнаго или позорнаго. Есть смѣлость отчаянія, когда человекъ сознаетъ, что дѣло его проиграно, и брасается въ самый пылъ битвы, чтобы погибнуть. Есть смѣлость бреттеровъ жаждущихъ борьбы для процесса борьбы. Есть наконецъ смѣлость людей, глубоко преданныхъ своему дѣлу и вѣрящихъ, что оно не сегодня завтра восторжествуетъ, что оно должно восторжествовать. Въ виду идеала, который имъ такъ ясенъ и близокъ, имъ не приходится гнущься передъ господствующими мнѣніями, не приходится въ оставленномъ ими храмѣ видѣть все таки храмъ и въ низверженномъ ими внутри себя кумирѣ все-таки бога. Педагогическія воззрѣнія гр. Толстого—на лицо (они собраны въ IV томѣ его сочиненій), и всякій непредубѣжденный человекъ долженъ признать, что смѣлость его была послѣдняго рода. Онъ напимѣръ открыто возставалъ противъ университетскаго образованія въ такое время, когда общество цѣнило его очень высоко; но возставалъ, надо замѣтить, совсѣмъ не съ точки зрѣнія Магницкаго, нынѣ у московскихъ ученыхъ опять получающей вѣсь и значеніе. Онъ отрицалъ университеты не потому, что боялся свѣта и свободы и не потому, что желалъ какой нибудь

монополіи высшаго образованія, предоставленія его исключительно какому нибудь одному классу общества. Совсѣмъ на-противъ,—онъ находилъ, что университетское образование не свободно. Далѣе онъ, напримѣръ говоря собственно о народныхъ училищахъ, самымъ серьезнымъ образомъ повторялъ вопросъ знаменитой г-жи Простаковой: зачѣмъ нужна географія? Тутъ двойная смѣлость. Смѣло задать этотъ вопросъ, по еще смѣлѣе указать, что онъ былъ уже заданъ однимъ изъ наиболѣе осмѣянныхъ литературныхъ типовъ и сталъ даже нѣкоторой притчей во языцѣхъ. Я убѣжденъ, что ни одинъ, самый завзятый мраколюбецъ, даже полумиѳическій Аскоченскій это сдѣлать не посмѣетъ, а посмѣетъ только человѣкъ свободного и пытливаго ума, вложившій свой особенный смыслъ въ вопросъ матери Митрофанушки. Только человѣкъ, поднятый знаніемъ дѣла и любовью къ нему на извѣстную высоту, осмѣлится придать нѣкоторое значеніе вопросу глупой Простаковой и тутъ же рядомъ свѣтшески взглянуть на какое нибудь изрѣченіе весьма ученаго и даже умнаго мужа. Но понятное дѣло, что такая смѣлость и свобода отношеній къ изучаемому предмету не могутъ придтись всѣмъ, по плечу. Всегда найдутся люди, которые, гоняясь за дешевыми лаврами, высыпать дѣлныхъ три короба либеральныхъ, но не идущихъ къ дѣлу возраженій въ такомъ родѣ: а! такъ значитъ вы солидарны съ г-жей Простаковой? Поздравляю! Затѣмъ начинается побѣдоносное нашествіе на г-жу Простакову, которое оканчивается разумѣется побѣдой, а побѣда надъ глупой, грубой и необразованной г-жей Простаковой убѣждаетъ возражателей и кое-кого изъ читателей, что они необыкновенно умные и высоко образованные люди. Нѣтъ поэтому ничего удивительнаго въ томъ, что воззрѣнія, высказанныя гр. Толстымъ самымъ рѣзкимъ, опредѣленнымъ образомъ, но съ подробнымъ мотивированіемъ въ журналѣ «Ясная Поляна», были встрѣчены неодобрительно. Даже г. Страховъ, котораго трудно представить рядомъ съ гр. Толстымъ иначе, какъ въ колѣнопреклоненной позѣ, даже и тотъ, хотя и погладиль его по головкѣ, но въ значительной степени противъ шерсти. Большинство ви-

дѣло въ «ясно-полянскихъ» теоріяхъ, сомнѣніяхъ и вопросахъ только мистическій ультра-патріотизмъ и славянофильство, т. е. то именно, что и нынѣ валяютъ господа педагоги на гр. Толстого, какъ шишки на бѣднаго Макара.

Изъ критическихъ статей, вызванныхъ педагогическою ересью «Ясной Поляны», для насъ особенно любопытна статья г. Маркова, появившаяся въ «Русскомъ Вѣстникѣ». Любопытна она впрочемъ только потому, что гр. Толстой отвѣтилъ на нее замѣчательной статьей «Прогрессъ и опредѣленіе образованія» (Сочиненія, т. IV, 171—215). Статья г. Маркова мнѣ только и извѣстна по отвѣту гр. Толстого, я не счелъ нужнымъ ее раз-искивать. Я уже упоминалъ о прочно установившейся двойственной репутаціи гр. Толстого: какъ изъ ряду вонъ выходящаго беллетриста и какъ плохого мыслителя. Эта репутація обратилась уже въ какую-то аксіому, не требующую никакихъ доказательствъ. Только силой непокритикованнаго преданія и можно объяснить напримѣръ такой фактъ. Въ московскомъ обществѣ любителей російской словесности кто-то читалъ отрывокъ изъ ненапечатанной еще тогда второй части «Анны Карениной». «С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ» немедленно пишутъ (телеграфовать бы надо!), что отрывокъ пзумителенъ, превосходенъ, великъ и проч. И въ подтвержденіе приводится такая черта: когда Анна Каренина, уже пораженная стрѣлой Амура, возвращается въ Петербургъ и встрѣчается съ мужемъ, то ей кажется *будто* у него выросли уши! Корреспондентъ такъ и ставитъ восклицательный знакъ, выражая тѣмъ свое изумленіе передъ психологической глубиной и эстетической сплю этой подробности. Бываютъ люди, репутація которыхъ, какъ остроумцевъ, до такой степени установилась, что имъ стоитъ только поздравить именинника, разинуть ротъ, мигнуть, попросить стаканъ чаю и т. п., чтобы всѣ присутствующіе пришли въ необычайно веселое настроеніе. Такъ то вотъ и съ гр. Толстымъ. А между тѣмъ, можетъ быть тотъ же самый корреспондентъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» считаетъ себя вправѣ смотрѣть на педагогическія теоріи гр. Толстого сверху внизъ. Это очень возможно, вопер-

выхъ потому, что этому соотвѣтствуетъ утвердившаяся репутація гр. Толстого, а вовторыхъ потому что холопское униженіе стоитъ всегда рядомъ съ холопскою заносчивостью. Я не знаю, придется ли мнѣ говорить о гр. Толстомъ какъ беллетристѣ. Вѣроятно придется. Здѣсь замѣчу только слѣдующее. Говоря объ немъ какъ о первоклассномъ художникѣ, обыкновенно подразумѣваютъ не только его творческую силу, но и языкъ, сильный, точный, сжатый, выразительный и проч. Вотъ п г. Бунаковъ, въ письмѣ въ редакцію «Семьи и Школы» (1874, № 10), пишетъ, что напечатанная въ «Отеч. Зап.» статья гр. Толстого есть сплошная нелѣпность и «ложь, написанная увлекательно, остроумно и такимъ прекраснымъ языкомъ, какимъ умѣетъ писать одинъ только авторъ «Войны и мира». Тутъ сказывается все таже двойственная репутація гр. Толстого, которая однако, какъ и большинство ходячихъ репутацій, далеко не вполне основательна. Читатель, надѣюсь, сейчасъ убѣдится, что первая же статья гр. Толстого, на которую я обращаю его вниманіе,— «Прогрессъ и опредѣленіе образованія», отличается напротивъ рѣдкою трезвостью, ясностью и силою мысли и вмѣстѣ съ тѣмъ языкомъ крайне неточнымъ, неправильнымъ, а подчасъ и совершенно неуклюжимъ.

Гр. Толстой далъ слѣдующее опредѣленіе: «Образованіе есть дѣятельность человѣка, имѣющая своимъ основаніемъ потребность къ равенству и неизмѣнный законъ движенія впередъ образованія». Это сказано до такой степени неточно, неправильно, неуклюже, до такой степени не порусски, что опредѣленіе выходитъ крайне плохое. Однако тутъ виновата не мысль гр. Толстого, заслуживающая напротивъ большого вниманія, а только его неумѣнье выразить свою мысль. Занявшись практически педагогіей, гр. Толстой пожелалъ найти такое опредѣленіе образованія, которое указывало бы его цѣль и слѣдовательно моментъ прекращенія дѣятельности образовывающаго и образовывающагося; опредѣленіе это должно было дать критерій педагогики, т. е. нѣкоторую истину, съ высоты которой можно бы было рѣшить вопросъ о томъ, чему и какъ слѣдуетъ учить. Гр. Тол-

стой разсуждаетъ такъ. Въ обществѣ дѣйствуетъ нѣсколько причинъ, побуждающихъ однихъ образовывать, а другихъ образовываться. Возьмемъ сначала дѣятельность образовывающагося, ученика. Онъ можетъ учиться для того, чтобы избѣжать наказанія,—это, по опредѣленію гр. Толстого, «ученіе на основаніи послушанія»; для полученія награды или для того, чтобы быть лучше другихъ,—«ученіе на основаніи самолюбія»; для полученія выгоднаго положенія въ свѣтѣ,—«ученіе на основаніи матеріальныхъ выгодъ и честолюбія». Гр. Толстой все тѣмъ же неточнымъ и неуклюжимъ языкомъ утверждаетъ, что «на основаніи этихъ трехъ разрядовъ строились и строятся различныя педагогическія школы: протестантскія—на послушаніи, католическія іезуитскія—на основаніи соревнованія и самолюбія, наши російскія—на основаніи матеріальныхъ выгодъ, гражданскихъ преимуществъ и честолюбія». Могутъ ли быть эти основанія введены въ науку? Нѣтъ, отвѣчаетъ гр. Толстой, главнымъ образомъ по двумъ причинамъ: 1) «при такихъ основаніяхъ нѣтъ общаго критеріума педагогики,—и богословъ, и естественникъ одновременно считаютъ свои школы непогрѣшительными, а не свои школы положительно вредными»; 2) потому, что при системѣ образованія, построенной на одномъ изъ перечисленныхъ началъ, «приобрѣтаются привычка послушанія, раздраженное самолюбіе и матеріальныя выгоды; но это конечно не суть прямыя цѣли образованія». Дѣятельность образовывающаго также управляется различными мотивами, изъ которыхъ главные: «желаніе сдѣлать людей такими, которые были бы для насъ полезны (помѣщики, отдававшіе дворовыхъ въ ученіе и въ музыканты, правительство, приготавливающее для себя офицеровъ, чиновниковъ и инженеровъ)»; послушаніе и матеріальныя выгоды; самолюбіе; «желаніе сдѣлать другихъ людей участниками въ своихъ интересахъ, передать имъ свои убѣжденія и съ этою цѣлью передать имъ свои званія». Только этотъ послѣдній мотивъ, только побужденіе учителя уравнивать съ собой знанія ученика и соотвѣтственное побужденіе ученика сравняться въ знаніи съ учителемъ—гр. Толстой признаетъ достой-

нымъ лечь во главу угла науки педагогiи. Какъ только образовывающій передалъ свои знанiя образовывающемуся, — цѣль образованiя на данномъ пунктѣ достигнута: ученiе можетъ идти дальше, искать новыхъ учителей, но учитель свое дѣло сдѣлалъ, т. е. прямое, непосредственное дѣло образованiя. Но равенство знанiй можетъ быть достигнуто не на низшей, а только на высшей ступени знанiя «по той простой причинѣ, что ребенокъ можетъ узнать то, что я знаю, а я не могу забыть того, что я знаю; и еще потому, что мнѣ можетъ быть извѣстенъ образъ мысли прошедшихъ поколѣнiй, а прошедшимъ поколѣнiямъ не можетъ быть извѣстенъ мой образъ мысли». Это и есть «неизмѣнный законъ движенiя впередъ образованiя». Вотъ что хотѣлъ сказать гр. Толстой своимъ неулыбимъ опредѣленiемъ образованiя.

Я желалъ бы выяснитъ шуйцу и десницу гр. Толстого по возможности независимо отъ педагогики и затѣмъ уже приложить найденное къ спору гр. Толстого съ педагогами. Приѣмъ этотъ кажется мнѣ потому удобнымъ, что мы сразу получимъ такимъ образомъ руководящую нить, и намъ не нужно будетъ долго засиживаться на мелочахъ и частностяхъ текущей педагогической распри, которыя выяснены уже достаточно. Тѣмъ не менѣе обойти на этотъ разъ педагогику совсѣмъ—не представляется никакой возможности. Я долженъ привести теперь же по крайней мѣрѣ одинъ выводъ, который дѣлаетъ гр. Толстой изъ своего опредѣленiя образованiя, собственно для того, чтобы показать, что опредѣленiе это есть не бесплодная экскурсiя въ область отвлеченной мысли. На основанiи своего опредѣленiя образованiя гр. Толстой считаетъ возможнымъ указать слѣдующую цѣль науки педагогики: она должна изучать условiя, благопрiятствующiя и препятствующiя совпаденiю стремленiй образовывающихся и образовывающихся въ одной общей цѣли. Этого-то совпаденiя по мнѣнiю гр. Толстого и нѣтъ въ дѣлѣ народнаго образованiя. Народъ хочетъ учиться, правительства и частныя лица хотятъ его учить, но стремленiя эти не имѣютъ до сихъ поръ общей точки, не совпадаютъ. Отсюда всѣ трагико-комическiя подробности

народнаго образованія. Для устраненія ихъ нужно одно—полная свобода для образовывающихся выбора программы ученія. Къ этому послѣднему результату приводятъ гр. Толстого и нѣкоторыя другія соображенія. Но для насъ пока достаточно и сказаннаго.

Замѣчательно, что упомянутая статья «Русск. Вѣстника» (г. Маркова) направлена, какъ можно судить по цитатамъ гр. Толстого, не столько противъ приведеннаго опредѣленія образованія и выводовъ изъ него, сколько противъ самой задачи гр. Толстого. Г. Марковъ считаетъ нелѣпыми самые вопросы о цѣли и критеріѣ педагогики. Онъ пишетъ: «Ясную Поляну» смущаетъ то обстоятельство, что въ различныя времена люди учатъ различному и различно. Схоластики одному, Лютеръ другому, Руссо по своему, Песталоцци опять по своему. Она видитъ въ этомъ невозможность установить критеріумъ педагогики и на этомъ основаніи отвергаетъ педагогику. А мнѣ кажется, она сама указала на этотъ необходимый критеріумъ, приводя упомянутые примѣры. Критеріумъ — въ томъ, чтобы учить, соображаясь съ потребностями времени. Онъ простъ и въ совершенномъ согласіи съ исторіей и логикой. Лютеръ оттого только и могъ быть учителемъ цѣлаго столѣтія, что самъ былъ созданіемъ своего вѣка, думалъ его мыслию и дѣйствовалъ по его вкусу. Иначе его огромное вліяніе было бы или невозможно, или сверхъестественно; не походи онъ на своихъ современниковъ, онъ бы исчезъ безплодно, какъ непонятное, никому не нужное явленіе, — пришлецъ среди народа, котораго даже языка онъ не понимаетъ. Тоже и съ Руссо и всякимъ другимъ. Руссо формулировалъ въ своихъ теоріяхъ накипѣвшую ненависть своего вѣка къ формализму и искусственности, его жажду простыхъ сердечныхъ отношеній. Это была неизбежная реакція противъ версальскаго склада жизни; и если бы только одинъ Руссо чувствовалъ ее, — не явился бы вѣкъ романтизма, не явились бы универсальныя массы (?) переродить человѣчество, деклараціи правъ, Карлы Мооры и все подобное... Мнѣ непонятно, чего бы хотѣлъ гр. Толстой отъ педагогики. Онъ все о крайней цѣли, о незыбле-

момъ критеріумъ хлопочеть. Нѣтъ этихъ — такъ по его мнѣнію не нужно никакихъ. Отчего же не вспомнитъ онъ о жизни отдѣльнаго человѣка, о своей собственной? Вѣдь онъ конечно не знаетъ крайней цѣли своего существованія, не знаетъ общаго философскаго критеріума для дѣятельности всѣхъ періодовъ своей жизни. А вѣдь живетъ же онъ и дѣйствуетъ; и оттого только живетъ и дѣйствуетъ, что въ дѣтствѣ имѣлъ одну цѣль и одинъ критеріумъ, въ молодости другіе, теперь опять новые и такъ далѣе».

Вотъ образецъ соціологическаго изслѣдованія перваго тина, того самаго, подъ который подходятъ и «Изученіе соціологіи» Спенсера, и изслѣдованіе эмиграціи, представленное редакціей «Сборника государственныхъ знаній». Здѣсь на лицо всѣ признаки этого рода изслѣдованій. Г. Марковъ принимаетъ за точку отправленія судьбы общества или цивилизаціи и предлагаетъ учить и учиться не тому, что тотъ или другой учитель или ученикъ считаетъ нужнымъ, полезнымъ, избраннымъ, а тому, что «соотвѣтствуетъ потребностямъ времени», т. е. потребностямъ извѣстнаго историческаго момента. вмѣстѣ съ тѣмъ г. Марковъ сводитъ задачу науки къ познанію существующаго, такъ какъ отвергаетъ надобность и возможность для педагога подняться выше существующаго порядка вещей или вообще какъ нибудь отъ него отклониться. Тѣмъ самымъ наконецъ г. Марковъ отказывается дать руководящую нить практикѣ. Сказать: учите, соображаясь съ потребностями времени, — значитъ ничего не сказать, потому что потребности времени остаются не выясненными. Я впрочемъ не намѣренъ утомлять читателя собственнымъ своимъ разборомъ мнѣній г. Маркова, во первыхъ потому, что не въ нихъ совсѣмъ дѣло, а во вторыхъ потому, что я не сумѣлъ бы сдѣлать этотъ разборъ лучше гр. Толстого. Въ своемъ отвѣтѣ г. Маркову онъ стоитъ на истинно философской высотѣ, и если бы не портили дѣла нѣкоторыя частности, почти исключительно зависящія отъ неправильности и неточности выраженій, статья «Прогрессъ и опредѣленіе образованія» была бы безукоризненна во всѣхъ отношеніяхъ.

«Со времянь Гегеля и знаменитаго афоризма: «что исторично, то разумно»—говорить гр. Толстой—въ литературныхъ и изустныхъ спорахъ, въ особенности у насъ, царствуетъ одинъ весьма странный умственный фокусъ, называющійся историческое воззрѣнiе. Вы говорите напримѣръ, что человѣкъ имѣетъ право быть свободнымъ, судиться на основанiи только тѣхъ законовъ, которые онъ самъ признаетъ справедливыми, а историческое воззрѣнiе отвѣчаетъ, что исторiя вырабатываетъ извѣстный историческiй моментъ, обуславливающiй извѣстное историческое законодательство и историческое отношенiе къ нему народа. Вы говорите, что вы вѣрите въ Бога, — историческое воззрѣнiе отвѣчаетъ, что исторiя вырабатываетъ извѣстныя религiозныя воззрѣнiя и отношенiя къ нимъ человѣчества. Вы говорите, что Иліада есть величайшее эпическое произведенiе, — историческое воззрѣнiе отвѣчаетъ, что Иліада есть только выраженiе историческаго сознанiя народа въ извѣстный историческiй моментъ. *На этомъ основанiи историческое воззрѣнiе не только не споритъ съ вами о томъ, необходима ли свобода для человека, о томъ, есть или нѣтъ Бога, о томъ, хороша или не хороша Иліада, не только ничего не дѣлаетъ для достиженiя той свободы, которой вы желаете, для убѣжденiя или разубѣжденiя васъ въ существованiи Бога или въ красоту Иліады, а только указываетъ вамъ то мѣсто, которое ваша внутренняя потребность, любовь къ правдѣ или красотѣ занимаютъ въ исторiи: оно только сознаетъ, но сознаетъ не путемъ непосредственнаго сознанiя, а путемъ историческисъ умозаклученiй.* Скажите, что вы любите или вѣрите во что-нибудь, — историческое воззрѣнiе говоритъ: любите и вѣрьте, и ваша любовь и вѣра найдутъ себѣ мѣсто въ нашемъ историческомъ воззрѣнiи. Пройдутъ вѣка, и мы найдемъ то мѣсто, которое вы будете занимать въ исторiи; но впередъ знайте, что то, что вы любите, не безусловно прекрасно, и то, во что вы вѣрите, не безусловно справедливо; но забавляйтесь, дѣти,—ваша любовь и вѣра найдутъ себѣ мѣсто и приложенiе. Къ какому хотите понятiю стбiть только приложить слово историческое,—и понятiе это теряетъ свое жизненное, дѣйствительное значенiе и получаетъ только искусственное и неплодотворное значенiе въ какомъ-то искусственно составленномъ историческомъ міросозерцанiи».

Вовсе не надо быть педантомъ, чтобы съ нѣкоторымъ недоумѣнiемъ остановиться передъ этими невозможными «не только, а только», «только сознаетъ, но сознаетъ не путемъ сознанiя» и т. п., испещряющими рѣчь знаменитаго русскаго писателя. Но Богъ съ нимъ, съ языкомъ гр. Толстого. Я упоминаю объ немъ только для того, чтобы лишній разъ обратить вниманiе читателя на неосновательность ходячихъ репутацiй. Больше я этой скучной матерiи касаться не буду. Читатель предупрежденъ и не

станеть стропть какіе-либо выводы на отдѣльныххъ выраженіяхъ гр. Толстого, которыя своею грамматическою неуклюжестью и логическою неправильностью слшшкомъ часто только затемняютъ, даже извращаютъ мысль автора. Будемъ слѣдить только за мыслью гр. Толстого. Она этого стоить, по крайней мѣрѣ съ моей точки зрѣнія, съ точки зрѣнія профана, потому что изъ приведенныхъ неуклюжихъ строкъ такъ и бьетъ тотъ духъ жизни, который намъ, профанамъ, дороже всего. Очевидно, что суть протеста гр. Толстого противъ того, что онъ называетъ историческимъ воззрѣніемъ, сосредоточивается въ подчеркнутыхъ мною словахъ. Значенія историческихъ условій, какъ факторовъ, опредѣляющихъ дѣятельность личности, гр. Толстой вовсе не отрицаетъ. Онъ очень хорошо знаетъ, что Иліада, извѣстныя понятія о божествѣ, извѣстный общественный строй суть продукты историческихъ условій. Но онъ хочетъ не только знать, какое мѣсто въ исторіи занимаютъ его идеалы: онъ хочетъ жить ими и слѣдовательно знать ихъ настоящую, теперешнюю цѣну, независимо отъ исторіи. Въ другомъ мѣстѣ гр. Толстой говоритъ весьма опредѣлительно: «Статья «Русскаго Вѣстника» думаетъ, что школы не могутъ и не должны быть изъяты изъ-подъ историческихъ условій. Мы думаемъ, что эти слова не имѣютъ смысла, во-первыхъ потому, что *изъять изъ-подъ историческихъ условій нельзя ничего ни на дѣлѣ, ни даже въ мысляхъ*. Во-вторыхъ потому, что ежели открытіе законовъ, на которыхъ строилась и должна строиться школа, есть по мнѣнію г. Маркова изъятіе изъ-подъ историческихъ условій, то мы полагаемъ, что *наша мысль, открывшая извѣстные законы, дѣйствуетъ тоже въ историческихъ условіяхъ*, но что нужно опровергнуть или признать самую мысль путемъ мысли для того, чтобы разъяснить ее, а не отвѣчать на нее тою истиною, что мы живемъ въ историческихъ условіяхъ». Изъ этого видно, что г. Марковъ совершенно понапрасну рассыпалъ цвѣты своего краснорѣчія. Гр. Толстому очень хорошо извѣстна сила историческихъ условій. Она ему извѣстна даже лучше, чѣмъ г. Маркову, или по крайней мѣрѣ соображенія о ней проводятся гр. Толстымъ дальше и послѣдо-

вательнѣе. Предполагая даже, что потребности времени суть пѣ-что для всѣхъ ясное и опредѣленное, я, съ точки зрѣнія все той же силы историческихъ условій, имѣю полное право возста-вать противъ этихъ потребностей времени, признавать ихъ лож-ными, дрянными, желать ихъ измѣненія, дѣлать соответствен-ныя усилія и проч. Потому что, если во мнѣ зародился извѣст-ныя сомнѣнія и желанія, такъ вѣдь они не съ неба свалились, они тоже опредѣлены историческими условіями. И если мои со-мнѣнія и желанія признаются гѣмъ-нибудь неосновательными, то оппонентъ мой долженъ оставить историческія условія въ по-кой и представить какіе-нибудь иные аргументы «отъ разума» или «отъ опыта». Историческими условіями можно оправдать всякую нелѣпость и всякую мерзость, для чего нѣтъ никакой надобности въ длинныхъ разсужденіяхъ, къ которымъ любятъ прибѣгать въ подобныхъ случаяхъ: довольно указать на суще-ствованіе нелѣпости или мерзости, — тѣмъ самымъ они уже оправ-давы. Но это будетъ собственно говоря не оправданіе, а праздно-словіе, очень удобно опрокидываемое нѣсколькими словами; тѣми самыми словами, которыя сказалъ гр. Толстой: человекъ, стре-мящійся стереть съ лица земли существующія нелѣпости и мер-зости, есть тоже продуктъ исторіи. Противъ этого аргумента воз-раженій нѣтъ. Въ своемъ отвѣтѣ г. Маркову гр. Толстой поста-вилъ и разрѣшилъ (я не говорю, что это не было дѣлаемо дру-гими, задолго до гр. Толстого) теоретическій вопросъ высочай-шей важности. Большихъ усилій стоило людямъ убѣдиться, что нѣтъ дѣйствія безъ причины, что и ихъ, людскія, дѣйствія, мы-сли, желанія, чувства возникаютъ въ концѣ извѣстнаго ряда яв-леній, смѣняющихъ другъ друга съ физическою необходимостью. Убѣжденіе это завоевывалось шагъ за шагомъ, пробивая себѣ дорогу сквозь цѣлый лѣсъ предрасудковъ. И только въ сравни-тельно недавнее время оно восторжествовало, благодаря соеди-неннымъ усиліямъ статистиковъ, историковъ, психологовъ, фи-зіологовъ, философовъ. Но къ сожалѣнію мысль о «законосо-образности» человѣческихъ дѣйствій, не успѣвъ даже намѣтить весь кругъ своихъ результатовъ, уже успѣла заразиться двумя

исконными наслѣдственными недугами человѣчества, — фатализмомъ и оптимизмомъ. Удивляться надо въ самомъ дѣлѣ, какія это цѣпкія и прилипчивыя болѣзни. Трудно даже найти въ исторіи мысли теорію, которая не была бы хоть на короткое время покрыта злокачественною и отвратительною сынью оптимизма и фатализма. А идея необходимости или законосообразности человѣческихъ дѣйствій находится въ условіяхъ, особенно благовѣрныхъ для зараженія. Фатализмъ есть ученіе или взглядъ, недопускающій возможности вліянія личныхъ усилій на ходъ событій. Понятное дѣло, что этому взгляду очень удобно заразить собою теорію необходимости человѣческихъ дѣйствій. Каждый изъ насъ, жалкихъ дѣтищъ вращающагося во вселенной ничтожнаго комка грязи, называемаго землею, есть нѣчто въ родѣ шашки, которую сила событій передвигаетъ съ одной клѣтки шахматной доски на другую. Шашка можетъ имѣть въ ходѣ игры важное и неважное значеніе, но она жестоко ошибается, когда думаетъ, что *сама* становится на такую-то клѣтку и могла бы, еслибы захотѣла, стать на другую. Въ такомъ родѣ разсуждаютъ многіе статистики, историки и другіе ученые люди не только въ теоретической области познанія существующаго, а и въ практической сферѣ жизни. Намъ, профанамъ, эти разсужденія глубоко противны, мы ихъ не можемъ переварить. И когда ученые люди говорятъ намъ съ презрительно снисходительнымъ видомъ: «что-жь дѣлать! наука не можетъ сказать ничего пнаго», — мы отвѣчаемъ: «что-жь дѣлать! эта наука насъ не удовлетворяетъ». Но мы замѣчаемъ, что она не удовлетворяетъ не только насъ, а и самихъ ученыхъ людей. Напримѣръ ученые люди говорятъ и пишутъ другъ другу панегирики. За что? вѣдь не пишутъ же они панегириковъ камню, падающему на землю сообразно законамъ тяжести, и травѣ, начинающей весной зеленѣть на лугахъ. Ученое открытіе есть такое же звѣно извѣстной цѣпи причинно связанныхъ явленій, какъ и ростъ травы и паденіе камня; оно не можетъ появиться раньше осуществленія извѣстныхъ историческихъ условій, и ученый, сдѣлавшій открытіе, есть опять-таки не больше, какъ шашка, поставленная ходомъ игры на опредѣленную

кльтку. Ученые люди бранятъ наше невѣжество и стараются просвѣтить насъ. За что бранятъ и зачѣмъ стараются? Одну шашку также мало резонно бранить, какъ другой шашкѣ мало резонно стараться. Очевидно, что есть сферы мысли, въ которыхъ теорія необходимости нашихъ дѣйствій, ихъ полнѣйшей зависимости отъ данныхъ историческихъ условій, удовлетворяетъ человѣческую природу, но есть и такія, гдѣ она равно неудовлетворяетъ и ученыхъ, и неученыхъ людей, гдѣ теорія историческихъ условій на каждомъ шагу путается въ противорѣчяхъ и сама себя закалываетъ. Это—сфера практической мысли. Заднимъ числомъ конечно можно доказать, что Лютеръ напимѣрь только потому и могъ быть учителемъ цѣлаго столѣтія, что «самъ былъ созданиемъ своего вѣка, думалъ его мысля и дѣйствовалъ по его вкусу». Совершенно справедливо, что не будь у него многочисленныхъ и многостороннихъ связей съ своимъ временемъ и своимъ народомъ, онъ пролетѣлъ бы какъ падучая звѣзда. Но дѣло въ томъ, что еслибы самъ Лютеръ не вѣрилъ, что думаетъ *своею собственною* мыслью и дѣйствуетъ по *своему собственному* вкусу, то реформацію поднялъ бы не онъ, а кто-нибудь другой. Пусть связанный историческими условіями по рукамъ и по ногамъ Лютеръ обманывался, думая, что онъ свободно выбралъ себѣ цѣль,—этотъ обманъ неизбѣженъ въ практической дѣятельности: онъ есть одинъ изъ необходимыхъ факторовъ тѣхъ самыхъ историческихъ условій, незблемость которыхъ провозглашаютъ фаталисты. Гордые ученые и вдвое болѣе гордые полученные люди очень любятъ восклицать: безъ обмана! Восклицаніе это конечно очень хорошее и способное собрать вокругъ восклицателя толпу людей съ разинутымъ отъ удивленія ртомъ. Но отчего же гордые ученые и вдвое болѣе гордые полученные люди не подумаютъ о томъ, что наиболѣе разработанныя отрасли физической науки допускаютъ иногда завѣдомый обманъ и не конфузятся этого? Метафизики говорятъ: реальный міръ есть обманъ. Наиболѣе разработанныя отрасли физической науки говорятъ: обманъ—такъ обманъ, намъ до этого дѣла нѣтъ, мы признаемъ данный міръ существующимъ, потому что того требуютъ условія

человѣческой природы, а можетъ это и въ самомъ дѣлѣ обманъ. Наиболѣе разработанныя отрасли физической науки вводятъ въ свои построения такихъ гипотетическихъ дѣятелей, которыхъ себѣ вполне ясно даже представить нельзя; это — обманы, но наука держится ихъ, потому что въ настоящую по крайней мѣрѣ минуту ничто, кромѣ нихъ, не даетъ возможности ориентироваться въ извѣстныхъ рядахъ фактовъ. Почему же это науки разработанныя не боятся обмана въ такой мѣрѣ, какъ науки (если только это—науки) социальныя, въ которыхъ кто во чтѣ гораздъ, въ которыхъ сколько головъ, столько умовъ, въ которыхъ нѣтъ почти ничего прочнаго, установившагося, общепринятаго? Да именно оттого, я думаю, что то—науки разработанныя, а это—такъ, что-то въ родѣ наукъ. Впрочемъ свѣтскій человѣкъ можетъ себѣ позволить нѣкоторыя уклоненія отъ установившихся въ его кругу правовъ и обычаевъ и сдѣлаетъ такъ, что уклоненія эти не только не будутъ колоть глаза, но даже уснять основной тонъ принятаго порядка. Неопитъ напротивъ, человѣкъ неопытный, не слившійся всеѣмъ своимъ существомъ съ извѣстной общественной атмосферой, будетъ держаться каждой буквы свѣтскаго кодекса, но именно эти его старанія и возбличать въ немъ человѣка неопытнаго и неопита. Такъ же и съ наукой. Давно ли у насъ напримѣръ такъ много толковали о необходимости индуктивнаго метода и крайней вредности дедуктивнаго. Между тѣмъ какъ разъ въ это время истинные ученые, хоть и не очень гордые, съ величайшимъ успѣхомъ примѣняли дедукцію и двигали ею науку исполнскими шагами впередъ. Они уже прошли ту ступень развитія, на которой индукція признавалась единственнымъ научнымъ методомъ, и предлагали къ дѣлу, смотря по условіямъ своихъ задачъ, то наведеніе, то выводъ. Эти же истинные, хоть и не очень гордые ученые рассуждаютъ такъ: обманъ—вещь нехорошая, но если ужъ въ томъ или другомъ случаѣ безъ него по условіямъ человѣческой природы обойтись нельзя, тамъ дѣлать нечего; надо только помнить, что это—обманъ, введенный въ изслѣдованіе съ опредѣленною цѣлью и что мы имѣемъ право пользоваться имъ только въ опредѣленныхъ

случаяхъ и подѣ опредѣленными условіями. Очевидно, что допущенный въ науку въ такомъ видѣ обманъ даже перестаетъ быть обманомъ и становится просто орудіемъ науки. А гордые социологи продолжаютъ восклицать: безъ обмана! Не желая уподобляться Кифѣ Мокіевичу, я не стану разсуждать о томъ, что было бы, еслибы люди дѣйствительно перестали обманываться насчетъ свободы своей дѣятельности. Но вотъ что я могу сказать, не боясь быть опровергнутымъ ученѣйшими изъ ученыхъ: въ моментъ дѣятельности я создаю, что ставлю себѣ цѣль свободно, совершенно независимо отъ вліянія историческихъ условій; пусть это — обманъ, но имъ движется исторія; я признаю, что и сосѣди мои выбираютъ себѣ цѣли жизни свободно; на этомъ только и держится возможность личной отвѣтственности и нравственного суда, которыхъ нельзя же вычеркнуть изъ чело-вѣческой души. Дѣйствительно ихъ вычеркнуть нельзя, надо признать ихъ существованіе, а между тѣмъ они находятся въ противорѣчій съ познаніемъ причинной связи явленій. Приходится осуждать то, что въ данную минуту не можетъ не существовать. Какъ тутъ быть? Это противорѣчіе извѣстно съ очень давнихъ поръ и много умныхъ и глупыхъ, ученыхъ и неученыхъ головъ билось надъ его разрѣшеніемъ. Эти головы придумали три выхода. Одни, закалая на алтарѣ познанія причинной связи явленій личную отвѣтственность, совѣсть и нравственный судъ, стоятъ на своемъ: безъ обмана! Но это не выходъ, потому что чувство отвѣтственности, совѣсть и потребность нравственного суда суть вполне реальныя явленія психической жизни, допускающія наблюденіе и вообще научные приемы изслѣдованія; они до такой степени реальны, что сами жрецы познанія не чужды имъ въ моментъ жертвоприношенія: они произносятъ нравственный судъ и сознаютъ свое жертвоприношеніе дѣйствіемъ свободнымъ. Другіе приносятъ напротивъ въ жертву причинную связь явленій, утверждая, что человекъ свободенъ. Если это и выходъ изъ затрудненія, то во всякомъ случаѣ онъ не можетъ быть принятъ наукой, потому что совершенно свободныхъ явленій познать нельзя, а наука только познаетъ. Третьи на-

конецъ, признавая противорѣчіе между свободою и необходимостью неразрѣшимымъ по существу, говорятъ, что иногда мы должны признавать человѣческія дѣйствія свободными, а иногда необходимыми. Къ числу этихъ третьихъ принадлежитъ и гр. Толстой. На первый взглядъ, это рѣшеніе самое неудовлетворительное, наименѣе научное, потому что ему недостаетъ единства и послѣдовательности. Но это только на первый взглядъ. Вы идете въ мѣсто, лежащее на западъ отъ васъ; по дорогѣ вы натываетесь на пропасть, которую обходите, уклоняясь къ сѣверу, потомъ круто сворачиваете къ югу, потому что прямо передъ вами непроходимое болото: не смотря на эти отклоненія отъ пути на западъ, вы идете единственной вѣрной дорогой, потому что, направляясь по вороньему, все прямо, вы провалитесь, утонете и вообще не дойдете до цѣли своей прогулки. Такъ и единство и послѣдовательность въ наукѣ состоятъ вовсе не въ томъ, чтобы всегда и вездѣ употреблять одни и тѣ же приемы изслѣдованія, а въ томъ, чтобы всегда и вездѣ смотрѣть на вещи такъ, какъ того требуютъ условія научной задачи. Этимъ достигается не только единство науки, но, что всего важнѣе, и примиреніе науки съ жизнью. Поставьте только себя въ положеніе гр. Толстого. Онъ поставилъ себѣ жизненную, живую цѣль, работаетъ для нея, наконецъ, какъ ему кажется, достигъ ея: узналъ, чему и какъ слѣдуетъ учить. Вдругъ является ученый человѣкъ, г. Марковъ, и говоритъ: какимъ вы однако вздоромъ занимаетесь! развѣ вы можете придумать какоенибудь свое собственное рѣшеніе этого вопроса, независимое отъ историческихъ условій, въ которыхъ вы живете? Понятно ли читателю все безобразіе этого рипоста г. Маркова, хотя въ основаніи его лежитъ несомнѣнная истина: гр. Толстой, какъ и всякій другой, не можетъ выльзти изъ историческихъ условій. Дѣло въ томъ, что въ словахъ г. Маркова есть истина, но она пристраивается имъ совсѣмъ не къ мѣсту. Это часто бываетъ, что ученые люди суютъ несомнѣнныя истины не туда, гдѣ имъ нужно быть. Очевидно превосходная вещь, но когда мартышка надѣвала ихъ себѣ на хвостъ, она дѣлала большую ошибку. Мы,

профаны, считаемъ своимъ священнымъ правомъ, котораго у насъ отнять никто не можетъ, право нравственного суда надъ собой и другими, право познанія добра и зла, право называть мерзавца мерзавцемъ. Законосообразность человѣческихъ дѣйствій есть великая истина, но она не должна посягать на это право, хотя бы уже потому, что она съ нимъ ничего не подѣляетъ. Въ этой импотенціи не къ мѣсту пристроенной истины заключается собственно комическая сторона ученыхъ набѣговъ на наше право называть мерзавца мерзавцемъ. Не будь ея, этой комической стороны, можно было бы ужаснуться тому неслыханному насилию надъ человѣческой личностью, которое позволяютъ себѣ нѣкоторые ученые люди, стараясь убѣдить насъ, что мерзавецъ есть только продуктъ исторіи и что мы не смѣемъ даже помыслить о дѣятельности по собственному вкусу, независимо отъ «историческихъ условий» и «потребностей времени». Дяба, испанскій осель, нюрнбергская желѣзная дѣвица, всѣ ужасы инквизиціи и русскихъ застѣнковъ были бы милыми игрушками въ сравненіи съ этимъ насилиемъ, если бы только оно могло когда нибудь переселиться изъ области словоизверженія въ область живой дѣятельности. Теперь духъ наслія выражается только тѣмъ, что, какъ очень неправильно по формѣ, но очень мѣтко и вѣрно говорятъ гр. Толстой, «историческое воззрѣніе не только не спорить съ вами о томъ, необходима ли свобода для человѣка, о томъ есть или нѣтъ Бога, о томъ хороша или не хороша Илиада, не только ничего не дѣлаетъ для достиженія той свободы, которой вы желаете, для убѣжденія или разубѣжденія васъ въ существованіи Бога или въ красотѣ Илиады, а только указываетъ вамъ то мѣсто, которое наша внутренняя потребность, любовь къ правдѣ или красотѣ занимаютъ въ исторіи». Это — несомнѣнное выраженіе духа наслія. Историческій воззритель, если такое существительное возможно, только потому стремится отравить вамъ извѣстное наслажденіе, что самъ онъ не способенъ его оцѣнить. Собственныя свои дѣла онъ преслѣдуетъ такъ, какъ будто бы они имѣли вѣчную, непреходящую цѣну. Вонъ напримѣръ Спенсеръ сочиняетъ социологію,

которая должна остаться истинною даже въ отдаленнѣйшемъ мракѣ будущаго, а радикалу и торію говорить: благословляю васъ на всѣ ваши глупости, потому что они свое опредѣленное мѣсто въ исторіи займутъ; вы оба врите, но ничего, продолжайте, законами исторіи предписано вамъ обомъ нѣсколько времени поврать и затѣмъ умолянуть. Ясно, что Спенсеръ потому только можетъ такъ относиться къ радикалу и торію, что ему совершенно чужды волнующіе ихъ интересы, что ему рѣшительно все равно, восторжествуетъ ли которыйнибудь изъ нихъ, и вообще все равно, какъ пойдутъ дѣла, о которыхъ спорятъ торіи и радикаль. Когда рѣчь идетъ о скверныхъ каминныхъ щипцахъ и неудобныхъ аптекарскихъ стеклянкахъ, Спенсеръ совершенно измѣняетъ тонъ: онъ не говоритъ, что скверные щипцы займутъ свое мѣсто въ исторіи, онъ просто говоритъ, что щипцы скверны, потому что относятся къ щипцамъ и стеклянкамъ, какъ живой человѣкъ. Величественныя запрещенія искать чегонибудь, не помышляя объ историческихъ условіяхъ, и столь же величественныя дозволенія врать сообразно историческимъ условіямъ, суть продукты умственной мертвечины, мертвеннаго отношенія къ явленіямъ.

Итакъ значеніе историческихъ условій, какъ факторовъ, опредѣляющихъ дѣятельность личности, несомнѣнно, но столь же несомнѣнно право и возможность для личности судить о явленіяхъ жизни безъ отношенія къ мѣсту ихъ въ исторіи, а сообразно той внутренней цѣнности, которую имъ придаетъ та или другая личность въ каждую данную минуту. Это неизбѣжно вытекаетъ изъ условій человѣческой природы. Противорѣчіе между необходимостью и свободой по существу неразрѣσιμο, и мы должны попеременно опираться то на ту, то на другую. Когда на одну, когда на другую? Гр. Толстой отвѣчаетъ на этотъ вопросъ въ статьѣ «Прогрессъ и опредѣленіе образованія». Но рѣче и рельефнѣе выходитъ отвѣтъ, данный въ много осмѣянномъ однимъ и много разхваленномъ другимъ философскомъ приложеніи къ «Войнѣ и миру». Тамъ есть рядъ опредѣленій, изъ которыхъ я приведу слѣдующія два: «Дѣйствія людей подлежатъ общимъ,

неизмѣннымъ законамъ, выражаемымъ статистикой. Въ чемъ же состоитъ отвѣтственность человѣка передъ обществомъ, понятие о которой вытекаетъ изъ сознанія свободы?—вотъ вопросъ права. Поступки человѣка вытекаютъ изъ его прирожденнаго характера и мотивовъ, дѣйствующихъ на него. Что такое есть совесть и сознаніе добра и зла поступковъ, вытекающихъ изъ сознанія свободы? — вотъ вопросъ этики». (Сочиненія, VIII, 166). Въ русской литературѣ мнѣ извѣстна только одна постановка вопроса о необходимости и свободѣ человѣческихъ дѣйствій, совпадающая съ постановкою гр. Толстаго и не уступающая ей въ ясности и категоричности. Она сдѣлана однимъ изъ сотрудниковъ «Отеч. Зап.» въ статьѣ «Г. Кавелинъ, какъ психологъ» («Отеч. Зап.», 1872, № 11): «Вопросъ о произвольности не существуетъ для науки. Психологія неизбежно разсуждаетъ, какъ бы онъ былъ рѣшенъ отрицательно. Логика и этика столь же неизбежно разсуждаютъ, какъ бы онъ былъ рѣшенъ положительно».

Я не безъ задней мысли воспользовался случаемъ сопоставить мнѣніе гр. Толстаго съ мнѣніемъ «Отечественныхъ Записокъ» и въ особенноти радъ тому, что это совпаденіе имѣетъ мѣсто на пунктѣ высокой важности, на такомъ теоретическомъ вопросѣ, который всеѣмъ вопросамъ вопросъ. Дѣло въ томъ, что многихъ и до сихъ поръ интригуетъ появленіе въ «Отечественныхъ Запискахъ» статьи г. Толстаго. Такъ увѣряетъ по крайней мѣрѣ авторъ напечатанной въ № 4 «Дѣла» статьи «Народъ учить или у народа учиться», г. «Все тотъ же», который и самъ посвящаетъ этому обстоятельству нѣсколько глубокомысленныхъ страницъ. Статья его «посвящается нашимъ профанамъ вообще и профану «Отечественныхъ Записокъ» въ частности». Такое посвященіе конечно меня до глубины души тронуло и даже очень мнѣ польстило. Когда я въ своихъ запискахъ обращаюсь къ ученымъ людямъ, я это дѣлаю собственно говоря только ради формы, потому что нужна же какая нибудь форма изложенія. Въ сущности же я вполне былъ увѣренъ, что ученые люди никогда не снизойдутъ до отвѣтовъ на мои вопросы,

до разъясненія моихъ недоумѣній, вообще никогда не обратятъ вниманія на меня, бѣднаго профана. Теперь я боюсь напротивъ какъ бы мнѣ не возгордиться, потому что мною заялся «Все тотъ же!» Понимаете? все тотъ же... знаменитый... тотъ самый, который и прежде уже много разъ... Впрочемъ я не знаю, чѣмъ именно прославился г. Все тотъ же, по вполнѣ увѣренъ, что онъ прославился чѣмъ нибудь хорошимъ. Мои собственные интересы побуждаютъ меня вѣрить этому, потому что не было бы ничего для меня лестнаго, еслибы Все тотъ же оказался какимъ нибудь Петромъ Зудотѣшнымъ, который мои записки «читалъ и Содержаніе онныхъ нѣ одобрилъ». Притомъ же онъ въ такомъ случаѣ не выбралъ бы для себя столь великолѣпнаго и многозначительнаго псевдонима. Нѣтъ, г. Все тотъ же несомнѣнно—человѣкъ ученый и даже знаменитый, хотя и путешествующій инкогнито. Но вотъ что мнѣ кажется страннымъ. Г. Все тотъ же находитъ, что безобразія нѣмецкихъ педагоговъ и ихъ русскихъ подражателей указаны гр. Толстымъ фактически вѣрно, и ту же глумится надъ темными профанами, которые по указанію гр. Толстаго начали дескать травить педагоговъ, а прежде небось ничего не замѣчали. Чтѣ же дѣлать? Я по крайней мѣрѣ откровенно покаялся: дѣйствительно не замѣчалъ и даже никогда не думалъ о педагогахъ. Но вотъ г. Все тотъ же замѣчалъ, думалъ, совершенно независимо отъ г. Толстаго понималъ, что наша педагогія представляетъ собраніе монстровъ и раритетовъ,—и все таки молчалъ. Это ужъ даже и не великодушно. Я вполнѣ увѣренъ, что г. Все тотъ же двигалъ науку впередъ и написалъ множество замѣчательнѣйшихъ произведеній, но о безобразіяхъ педагоговъ онъ ничего не сказалъ. Это я навѣрное знаю, потому что кромѣ гр. Толстаго о нихъ никто не говорилъ. Чтѣ же удивительнаго въ томъ, что мы, профаны, благодаримъ гр. Толстаго, а не г. Все того же? Еще одна странность. Поговоривъ о славянофильствѣ, почвенности, поглупившись надъ «народной душой» и мистицизмомъ, словомъ, продѣлавъ все то, чтѣ обыкновенно продѣлывается людьми, разсуждающими о г. Толстомъ, г. Все тотъ же весьма хитро спраши-

ваетъ: «не обратились ли наши «профаны» въ Ивановъ Непомнящихъ?» Затѣмъ идутъ опять разсужденія объ отсталости гр. Толстаго, о томъ, какъ относился къ ясно-полянскимъ теоріямъ «Современникъ» и о томъ, что появленіе въ «Отечественныхъ Запискахъ» статьи гр. Толстаго многихъ удивило. Вотъ удивительный полемическій приемъ. Вы высказываете извѣстныя мнѣнія, съ ними отчасти соглашаются, но главнымъ образомъ закидываютъ васъ вопросами: а почему ты не сказалъ того-то? а почему «Современникъ» смотрѣлъ на такой-то предметъ иначе? Помилуйте, ваше великолѣпіе, да какое же мнѣ дѣло до «Современника»? Въ «Современникѣ» говорилось напримѣръ, что г. Благосвѣтловъ спалъ на шубахъ въ передней гр. Кушелева-Безбородко. Я не вижу никакого резона, почему я обязанъ повторять это. И зачѣмъ упрекать челока за то, что онъ того и того-то не хотѣлъ или не успѣлъ сказать? Передъ вами то, что онъ хотѣлъ сказать и сказалъ,—за это его и судите. А въ моихъ запискахъ передъ глазами его великолѣпія, г. Все того же, было слѣдующее: профаны приносятъ свою благодарность г. Толстому за то, что онъ открылъ имъ глаза на цѣлый міръ безобразій, которыя 1) отнюдь не имѣютъ ничего общаго съ наукой и 2) топчя въ грязь требованія народа, практически беспильны привить ему просвѣщеніе. Вотъ и все, ваше великолѣпіе. На счетъ же славянофильства и другихъ грѣховъ гр. Толстаго мною обѣщана была особая бесѣда, которой его великолѣпію слѣдовало бы подождать.

И такъ «либеральныя» (еслибы вы знали, читатель, какъ мнѣ противно писать это истасканное слово) «Отечественныя Записки» напечатали, къ удивленію многихъ, статью гр. Толстаго. Этого мало. Они устами Профана заявили свою солидарность съ этой статьей. Мало и этого. Они рѣшаются заявить, что и помимо этой педагогической статьи они признаютъ многіе воззрѣнія г. Толстаго своими собственными. Я привелъ уже одинъ такой случай совпаденія, приведу и другой, болѣе осязательный. Въ томъ же № 11 «Отеч. Зап.» за 1872 годъ, есть мои скромныя литературныя замѣтки, въ которыхъ я съ величайшимъ

почтениемъ и сочувствіемъ относюсь къ статьѣ гр. Толстаго «Прогрессъ и опредѣленіе образованія» и притомъ къ той именно части статьи, которая наименѣ либерально относится къ цѣлому ряду практическихъ вопросовъ. Такъ что грѣхъ «Отеч. Зап.» есть грѣхъ старый. Будемъ ужъ грѣшить до конца.

Человѣкъ, будучи обязанъ признать всякое историческое явленіе законосообразнымъ, имѣетъ однако логическое и нравственное право бороться съ нимъ, признавая его пагубнымъ, вреднымъ, безнравственнымъ. Отсюда прямой выводъ, что историческій ходъ событій самъ по себѣ совершенно бессмысленъ и, взятый въ своей грубой, эмпирической цѣлости, можетъ оказаться такимъ смѣшеніемъ добра и зла, что послѣднее перевѣситъ первое. Гр. Толстой дѣлаетъ этотъ выводъ. Онъ не только подвергаетъ осмѣянію афоризмъ «что исторично, то разумно», но кромѣ того довольно подробно анализируя ходячее понятіе прогресса, приходитъ къ заключенію, что историческій путь, которымъ идетъ западная Европа и на который сравнительно недавно вступила Россія, отнюдь не усыпанъ розами. Гр. Толстой полагаетъ далѣе, что этотъ путь развитія не есть единственный и что онъ можетъ и долженъ быть избѣгнутъ Россіей. Извѣстно, что совершенно такъ же смотрятъ на дѣло славянофилы и ихъ выродки—«почвенники». При ближайшемъ однако разсмотрѣніи анализа прогресса гр. Толстого, оказывается, что онъ самымъ существеннымъ образомъ отличается отъ славянофильскихъ воззрѣній. Читатель въ этомъ сейчасъ убѣдится.

Покончивъ съ фатализмомъ, гр. Толстой обращается къ оптимизму. Г. Марковъ полагалъ, что искать критерія образованія нѣтъ никакой надобности, потому что дѣло и безъ него очень просто: «каждый вѣкъ кидаетъ въ общую кучу свою горсть, и чѣмъ дольше мы живемъ, тѣмъ выше поднимается эта куча, тѣмъ выше и мы съ ней поднимаемся». Такимъ образомъ все идетъ къ лучшему въ семь наилучшемъ изъ міровъ, шиповъ становится все меньше, а розы цвѣтутъ и благоухаютъ все роскошнѣе. Гр. Толстой находитъ, что этотъ образъ кучи, возрастающей и вмѣстѣ съ тѣмъ поднимающей насъ, далеко не пере-

даетъ истиннаго смысла исторіи. Движенія исторіи онъ не отрицаетъ, но онъ не согласенъ признавать верхніе, позднѣйшіе слои исторической кучи лучшими только потому, что они—верхніе, позднѣйшіе. Онъ требуетъ для оцѣнки историческихъ явленій иныхъ, болѣе сложныхъ пріемовъ, къ выработкѣ которыхъ приступаетъ весьма оригинальнымъ образомъ. Именно онъ задаетъ себѣ вопросъ: кто признаетъ ростъ исторической кучи, обыкновенно называемой прогрессомъ, кто признаетъ его благомъ? «Такъ-называемое общество, незанятые классы, по выраженію Бокля». Разсматривая нѣкоторыя, наиболѣе выдающіяся «явленія прогресса» (мы условились не придираться къ неточности и неправильности выраженій), гр. Толстой приходитъ къ заключенію, что они дѣйствительно суть благо для «незанятыхъ классовъ». Напримѣръ по телеграфнымъ проволокамъ «пролетаетъ мысль о томъ, что возвысилось требованіе на такой-то предметъ торговли и какъ потому нужно возвысить цѣну на этотъ предметъ, или мысль о томъ, что я, русская помѣщица, проживающая во Флоренціи, слава Богу, укрѣпилась нервами, обнимаю моего обожаемаго супруга и прошу прислать мнѣ въ наискорѣйшемъ времени 40,000 франковъ»; сообщаются свѣдѣнія о «дешевизнѣ или дороговизнѣ сахара или хлопчатой бумаги, о низверженіи короля Оттона, о рѣчи, произнесенной Пальмерстономъ и Наполеономъ III». Изъ всего этого незанятые классы извлекаютъ огромныя выгоды и много удовольствія. Извлекаютъ они ихъ и изъ книгопечатанія, изъ улучшенныхъ путей сообщенія. Но почему же народъ, $\frac{9}{10}$ всего населенія цивилизованныхъ странъ, «занятые классы» относятся къ благамъ цивилизаціи по малой мѣрѣ равнодушно, а то и прямо враждебно? Потому, отвѣчаетъ гр. Толстой, что блага цивилизаціи для народа — вовсе не блага, они или проходятъ совершенно мимо его, или приносятъ ему больше зла, чѣмъ пользы. Г. Марковъ ссылаясь на Маколея. Гр. Толстой утверждаетъ, что изъ знаменитой 3-й главы первой части исторіи Маколея можно выудить только слѣдующіе, наиболѣе выдающіеся факты: «1) Народонаселеніе увеличилось, — такъ, что необходима теорія Мальтуса. 2) Войска не

было, — теперь оно стало огромно; съ флотомъ—тоже самое. 3) Число мелкихъ землевладѣльцевъ уменьшилось. 4) Города стянули къ себѣ большую часть народонаселенія. 5) Земля обнажилась отъ лѣсовъ. 6) Заработная плата стала на половину больше, цѣны же на все увеличились и удобствъ въ жизни стало меньше. 7) Подать на бѣдныхъ удесатерилась. Газетъ стало больше, освѣщеніе улицъ лучше, дѣтей и женъ меньше бьютъ и англійскія дамы стали писать безъ орфографическихъ ошибокъ». Гр. Толстой убѣжденъ, что совокупность этихъ явленій, ихъ общій характеръ несомнѣнно выгоденъ для незанятыхъ классовъ, которые поэтому съ своей точки зрѣнія имѣютъ всѣ резоны признавать его благомъ, но они не имѣютъ права навязывать свое воззрѣніе народу; народъ, опять-таки съ своей точки зрѣнія, имѣетъ тоже всѣ резоны относиться къ перечисленнымъ фактамъ вполне равнодушно, а отчасти и враждебно. «Интересы общества (подъ обществомъ гр. Толстой разумѣетъ такъ-называемые образованные классы) и народа всегда бываютъ противоположны. Чѣмъ выгоднѣе одному, тѣмъ невыгоднѣе другому». Сообразно этому распредѣляются и понятія «общества» и народа о томъ или другомъ историческомъ явленіи въ отдѣльности и объ общемъ направленіи исторіи. Но, спрашивается, неужели мы можемъ положиться на мнѣнія людей грубыхъ и невѣжественныхъ, «проводящихъ жизнь на полатахъ, въ курной избѣ или за сохою, ковыряющихъ сами себѣ лапти и ткащихъ себѣ рубахи, никогда не читавшихъ ни одной книги, разъ въ двѣ недѣли снимающихъ съ насѣкомыми рубаху, по солнышку и по пѣтухамъ узнающихъ время и не имѣющихъ другихъ потребностей, какъ лошадиная работа, спанье, ѣда и пьянство?» Гр. Толстой самымъ рѣшительнымъ образомъ становится на сторону грубаго, грязнаго и невѣжественнаго народа. «Я полагаю, говоритъ онъ, что эти люди, называемые дпкими, и цѣлыя поколѣнія этихъ дивныхъ суть точно такіе же люди и точно такое же челоуѣчество, какъ Пальмерстоны, Оттоны, Бонапарты. Я полагаю, что поколѣнія работниковъ носятъ въ себѣ точно тѣ же челоуѣческія свойства и въ особенности

свойство искать гдѣ лучше, какъ рыба гдѣ глубже, какъ и поколѣнія лордовъ, бароновъ, профессоровъ, банкировъ и т. д. Въ этой мысли подтверждаетъ и мое личное, безъ сомнѣнія мало-значашее убѣжденіе, состоящее въ томъ, что въ поколѣніяхъ работниковъ лежитъ и больше силы, и больше сознанія правды и добра, чѣмъ въ поколѣніяхъ бароновъ, банкировъ и профессоровъ, и, главное, подтверждаетъ меня въ этой мысли то простое наблюденіе, что работникъ точно также саркастически и умно обсуживаетъ барина и смѣется надъ нимъ за то, что онъ не знаетъ—что соха, что сволока, что гречиха, что крупа; когда сѣять овесъ, когда гречу; какъ узнать какой слѣдъ; какъ узнать телна ли корова или нѣтъ? и за то, что баринъ живетъ, всю жизнь ничего не дѣлая и т. п. Точно также какъ обсуживаетъ баринъ работника и подтруниваетъ надъ нимъ за то, что тотъ говоритъ табѣ и сабѣ, фитанецъ, плантъ и т. п., и за то, что онъ въ праздникъ наливается какъ животное и не знаетъ какъ рассказать дорогу. То же наблюденіе поражаетъ меня, когда два человѣка, разойдясь между собою, совершенно искренно называютъ другъ друга дураками и подлецами. Еще болѣе поражаетъ меня это наблюденіе въ столкновеніяхъ восточныхъ народовъ съ европейскими. Индѣйцы считаютъ англичанъ варварами и злодѣями, англичане—индѣйцевъ; японцы—европейцевъ, европейцы—японцевъ; даже самые прогрессивные народы—французы считаютъ нѣмцевъ тупоголовыми, нѣмцы считаютъ французовъ безмозглыми. Изъ всѣхъ этихъ наблюденій я вывожу то умозаключеніе, что ежели прогрессисты считаютъ народъ не имѣющимъ права обсуждать своего благосостоянія и народъ считаетъ прогрессистовъ людьми, озабоченными корыстными личными видами, то изъ этихъ противоположныхъ воззрѣній нельзя вывести справедливости ни той, ни другой стороны. И потому я долженъ склониться на сторону народа, на томъ основаніи, что 1) народа больше, чѣмъ общества, и что потому должно предположить, что бѣльшая доля правды на сторонѣ народа; 2) и главное потому, что народъ безъ общества прогрессистовъ могъ бы жить и удовлетворять всѣмъ своимъ человѣческимъ потребностямъ,

как то: трудиться, веселиться, любить, мыслить и творить художественныя произведенія (Иліада, русскія пѣсни). Прогрессисты же не могли бы существовать безъ народа». Въ концѣ концовъ гр. Толстой объясняетъ, что «весь интересъ исторіи заключается для него не въ прогрессѣ цивилизаціи, а въ прогрессѣ общаго благосостоянія. Прогрессъ же благосостоянія, продолжаетъ онъ, по нашимъ убѣжденіямъ, не только не вытекаетъ изъ прогресса цивилизаціи, но бѣльшею частью противоположенъ ей. Ежели есть люди, которые думаютъ противное, то это должно быть доказано. Доказательствъ же этихъ мы не находимъ ни въ непосредственномъ наблюденіи явленій жизни, ни на страницахъ историковъ, философовъ и публицистовъ... Эти люди признаютъ безъ всякаго основанія вопросъ о тождествѣ общаго благосостоянія и цивилизаціи рѣшеннымъ».

Но можетъ быть прогрессъ, какъ онъ выразился въ исторіи западной Европы, есть иѣчто фатальное, иѣчто неизбѣжно обязательное какъ для самой Европы въ будущемъ, такъ и для другихъ странъ, стоящихъ на низшихъ ступеняхъ цивилизаціи? Изъ предъидущаго уже видно, что гр. Толстой долженъ былъ отвѣчать на этотъ вопросъ отрицательно. Онъ такъ и отвѣчаетъ. Онъ говоритъ, что «не считаетъ этого движенія неизбѣжнымъ». Обращаясь къ Россіи, онъ дѣлаетъ нѣсколько бѣглыхъ замѣчаній о разницѣ въ условіяхъ ея жизни и жизни западной Европы. Я приведу только одно изъ этихъ замѣчаній. Упомянувъ о мнѣніи Маколея, что благосостояніе рабочаго народа измѣряется высотой заработной платы, гр. Толстой спрашиваетъ: «Неужели мы, русскіе, до такой степени не хотимъ знать и не знаемъ положенія своего народа, что повторимъ такое бессмысленное и ложное для насъ положеніе? Неужели не очевидно для каждаго русскаго, что заработная плата для русскаго простолюдина есть случайность, роскошь, на которой ничего нельзя основывать? Весь народъ, каждый русскій человѣкъ безъ исключенія назоветъ несомнѣнно богатымъ степнаго мужика съ старыми одоньями хлѣба на гумнѣ, никогда не выдавашаго въ глаза заработной платы, и назоветъ несомнѣнно бѣднымъ подмосковнаго мужика

въ ситцевой рубашкѣ, получающаго постоянно высокую заработную плату. Не только не возможно въ Россіи опредѣлять богатство степеню заработной платы, но смѣло можно сказать, что въ Россіи появленіе заработной платы есть признакъ уменьшенія богатства и благосостоянія. Это правило мы, русскіе, изучающіе свой народъ, можемъ провѣрить во всей Россіи, и потому, не разсуждая о богатствѣ государствъ и богатствѣ всей Европы, можемъ и должны свазать, что для Россіи, то-есть для бѣльшей массы русскаго народа, высота заработной платы не только не служитъ мѣриломъ благосостоянія, по одно появленіе заработной платы показываетъ упадокъ народнаго богатства».

Этимъ исчерпываются кажется всѣ существенные пункты статьи «Прогрессъ и опредѣленіе образованія». Теперь я прошу объяснить мнѣ: что общаго между приведенными воззрѣніями и мистицизмомъ, фатализмомъ, оптимизмомъ, кваснымъ патриотизмомъ, славянофильствомъ и проч., въ которыхъ только лѣнивый не упрекаетъ гр. Толстого. Везъ сомнѣнія его анализъ понятій прогресса и цивилизаціи далеко неполонъ (авторъ впрочемъ и не ставилъ себѣ цѣлью полноту анализа), страдаетъ и другими недостатками. Но дѣло не въ этомъ. Я обращаю только вниманіе читателя на точку зрѣнія гр. Толстого. Она прежде всего не нова. Она установлена дѣтъ приблизительно за тридцать до занимающей насъ статьи, но отнюдь не славянофилами, а европейскими социалистами. Если гдѣ искать у гр. Толстого славянофильскихъ или «почвенныхъ» тенденцій, такъ именно въ указанной статьѣ, которая собственно говоря представляетъ цѣлую политическую программу въ сжатомъ, скомканномъ видѣ. Между тѣмъ здѣсь-то и выступаетъ всего рѣзче непричастность гр. Толстого къ славянофильству. Въ статьѣ нѣтъ и помину объ одной изъ любимѣйшихъ темъ славянофильства,—о великой роли, предназначенной Провидѣніемъ славянскому міру, долженствующему стереть съ лица земли или по крайней мѣрѣ совершенно посрамить міръ романо-германскій. Мало того, что тема эта не затронута въ статьѣ, — гр. Толстой и вообще не написалъ на нее ни одной строки,—статья отрицаетъ ее въ самомъ корнѣ,

ибо гр. Толстой признаетъ, что историческій ходъ событій самъ по себѣ неразуменъ, безсмысленъ, что для человѣка неустрашимо сознаніе возможности съ нимъ бороться, свободно ставя передъ собой идеалы. Гр. Толстой съ своей обычной смѣлостью бросаетъ перчатку историческимъ условіямъ, вовсе не имѣя въ виду, соотвѣтствуютъ они или не соотвѣтствуютъ началамъ русскаго, а тѣмъ паче славянскаго національнаго духа. Мистицизмъ, увѣренный, что имъ уловлены пути, которыми Провидѣніе направляетъ человѣчество къ извѣстной цѣли, и пошлая трезвость, не знающая нравственной оцѣнки историческихъ явленій, обѣ эти крайности, такъ часто совпадающія, уничтожены гр. Толстымъ однимъ ударомъ. Не отрицая законовъ исторіи, онъ провозглашаетъ право нравственнаго суда надъ исторіей, право личности судить объ историческихъ явленіяхъ не только, какъ о звѣняхъ цѣпи причинъ и слѣдствій, но и какъ о фактахъ, соотвѣтствующихъ или не соотвѣтствующихъ ея, личности, идеаламъ. Право нравственнаго суда есть вмѣстѣ съ тѣмъ и право вмѣшательства въ ходъ событій, которому соотвѣтствуетъ обязанность отвѣчать за свою дѣятельность. Живая личность со всѣми своими помыслами и чувствами становится дѣятелемъ исторіи на свой собственный страхъ. Она, а не какая нибудь мистическая сила, ставитъ цѣли въ исторіи и движетъ къ нимъ событія сквозь строй препятствій, поставляемыхъ ей стихійными силами природы и историческихъ условій. Гр. Толстой во всѣхъ своихъ доводахъ опирается единственно на разумъ и логическія доказательства, — что было бы для славянофила почти невозможнымъ подвигомъ при разсужденіяхъ о русскомъ народѣ и европейской цивилизаціи. Правда, какъ и славянофилы, гр. Толстой много говоритъ о народѣ и скептически относится къ благамъ европейской цивилизаціи. Но развѣ сочувствіе народу и критика европейской цивилизаціи составляютъ монополию славянофиловъ? Во всякомъ случаѣ гр. Толстой иначе относится къ обимъ этимъ пунктамъ славянофильской программы. Хотя славянофилы и много толковали о «народѣ», но почти всегда разумѣли подъ этимъ словомъ стихійную совокупность людей, говорящихъ рус-

скимъ языкомъ и населяющихъ Россію. Гр. Толстой не признаетъ этого единства русскихъ людей или по крайней мѣрѣ усматриваетъ въ немъ такія два крупныя обособленія, что считаетъ возможнымъ приравнивать ихъ отношенія къ отношеніямъ враждебныхъ національностей. Для него «общество» и народъ стоятъ другъ передъ другомъ въ такихъ же, если можно такъ выразиться, нравственныхъ позахъ, какъ французы и нѣмцы въ тотъ моментъ, когда они взаимно величаютъ другъ друга безмозглыми и пустоголовыми. Интересы «общества» и народа, говоритъ онъ, всегда противоположны. Правда, славянофилы также указывали на разныя идеаловъ и интересовъ высшихъ и низшихъ слоевъ совокупности русскихъ людей. Они полагали, что разныя эта порождена Петровскимъ переворотомъ и только имъ. Говорятъ, что и гр. Толстой относится къ петровскимъ реформамъ отрицательно. Я этого не знаю, потому что печатно гр. Толстой въ такомъ смыслѣ не высказывался. Во всякомъ случаѣ это весьма возможно. Но я почти увѣренъ, что печатное изложеніе мнѣній гр. Толстого о Петровской реформѣ вполне обнаружило бы его непричастность славянофильству, хотя бы ужъ потому, что Русь до-Петровскую онъ не можетъ себѣ представлять въ розовомъ свѣтѣ. И въ до-Петровской Руси существовали раздѣльно народъ, «занятые классы», и, какъ выражается гр. Толстой, «общество», правда грубое, грязное, невѣжественное, но все таки «общество». Что гр. Толстой именно такъ смотритъ на дѣло, это видно и изъ общаго характера вышеприведенныхъ его воззрѣній, и изъ нѣкоторыхъ прямыхъ указаній. Очень любопытно напримѣръ слѣдующее замѣчаніе. Въ статьѣ «Ясно-полянская школа за ноябрь и декабрь мѣсяцы» гр. Толстой разсуждаетъ между прочимъ о преподаваніи исторіи и объ томъ, слѣдуетъ ли ребятамъ только сообщать свѣдѣнія, или же давать пищу ихъ патріотическому чувству. Разсказавъ о впечатлѣніи, произведенномъ на дѣтей повѣстью о куликовской битвѣ, онъ замѣчаетъ: «Но если удовлетворять національному чувству, что же останется изъ всей исторіи? 612,812 года—и всего». Это—замѣчаніе глубоко вѣрное само по себѣ и вполне совпадающее

съ общимъ тономъ *десницы* гр. Толстого. Дѣйствительно, 1612, 1812 года и отчасти времена монгольскаго ига суть единственные моменты національной русской исторіи, въ которые не было никакой розни между цѣлями и интересами «общества» и народа. Много другихъ блестящихъ войнъ вела Россія, и для «общества», для «незанятыхъ классовъ» Суворовскій переходъ черезъ Альпы или венгерская кампанія могутъ представлять даже большій патріотическій интересъ, чѣмъ 1612 и даже чѣмъ 1812 годъ. «Общество» знаетъ цѣну тѣмъ отвлеченнымъ началамъ, ради которыхъ Суворовъ переходилъ черезъ С. Готардъ или русскія войска ходили усмирять венгровъ. Народъ — профанъ въ этихъ отвлеченныхъ началахъ: они не будятъ въ немъ никакихъ необыденныхъ чувствъ, потому что не имѣютъ съ нимъ жизненной связи. И я увѣренъ, что рассказъ о почти невѣроятномъ подвигѣ перехода черезъ Чертовъ мостъ или о томъ, что Гѣргей пожелалъ сдаться русскимъ, а не австрійцамъ,—не могутъ возбудить въ народѣ ни патріотической гордости, ни вообще какого бы то ни было живаго интереса, несмотря на то, что въ обоихъ этихъ случаяхъ русское оружіе покрылось неуязвимою славой. Худо ли это, хорошо ли, это—другой вопросъ, но это—такъ. Гр. Толстой, въ той же статьѣ о преподаваніи исторіи, неподражаемо мастерски передаетъ сцену оживленія, возбужденнаго въ Ясно-полянскои школѣ рассказомъ о войнѣ 1812 года, особенно тотъ моментъ, когда, по опредѣленію одного изъ учениковъ, Кутузовъ наконецъ «окарачилъ» Наполеона. Суворовъ, Потемкинъ, Румянцевъ и другіе славные русскіе полководцы «окарачивали» почище Кутузова, но они всегда останутся для народа блѣдными и неинтересными фигурами. Вотъ что, я думаю, хотѣлъ сказать гр. Толстой своимъ замѣчаніемъ объ исключительномъ, съ точки зрѣнія народа, характерѣ 1612 и 1812 годовъ. Глубоко патріотическая подкладка «Войны и мира» въ связи съ другими причинами утвердила во многихъ убѣжденіе, что гр. Толстой есть квасной патріотъ, славянофилъ, что онъ падаетъ ницъ передъ всѣмъ, что отзывается пресловутой и едва ли комунибудь понятной «почвой», что онъ вѣрится въ какое-то мистичес-

кое величіе Россіи и проч. Одни радовались, другіе бранились, а между тѣмъ это убѣжденіе рѣшительно ни на чемъ не основано. Оно не оправдывается даже *шуйцей* гр. Толстого, о которой—въ слѣдующій разъ. Я не отрицаю случайныхъ совпаденій воззрѣній гр. Толстого съ тѣмъ или другимъ пунктомъ славянофильскаго ученія, но это совпаденія именно только случайныя. Гр. Толстой написалъ рѣзко патріотическую хронику отечественной войны, онъ написалъ бы вѣроятно такую же хронику событій смутнаго времени. Не спорю, онъ впалъ бы можетъ быть при этомъ въ нѣкоторую односторонность и преувеличеніе въ оцѣнкѣ грѣховъ и заслугъ той или другой исторической личности, того или другого историческаго факта. Но одно вѣрно: роста и развѣтія московской, до петровской Руси онъ никогда не изобразитъ розовыми, угодными для славянофиловъ красками. Не напишетъ онъ также ничего подобнаго «Богатырямъ» г. Чаева или «Пугачевцамъ» гр. Сальяса. Сравненіе этихъ романовъ съ «Войной и миромъ» очень соблазнительно и, смѣю думать, было бы небезынтересно съ точки зрѣнія профана. Но я долженъ отказаться отъ этой соблазнительной темы. Скажу только слѣдующее. Ни отъ читателей, ни отъ критики не укрылась подражательность произведеній гг. Чаева и Сальяса; слишкомъ очевидно было, что эти писатели рабски копируютъ манеру «Войны и мира». Порѣшено было, что это плохія копіи и только, все было сведено къ степени таланта. Только нашъ уважаемый сотрудникъ, г. Скабичевскій, взглянулъ на дѣло нѣсколько иначе. Но будучи все таки увѣренъ въ славянофильствѣ гр. Толстого, онъ мнѣ кажется далеко не вполне измѣрилъ глубину различія между «Войной и миромъ» съ одной стороны, и «Пугачевцами» и «Богатырями» — съ другой. Гг. Чаевъ и Сальясъ дѣйствительно рабски копировали манеру «Войны и мира» и изъ всѣхъ силъ старались то же слово такъ же молвить. Насколько неудачны оказались ихъ старанія, это дѣло второстепенное, въ виду того, что они не сумѣли схватить главнаго и существеннѣйшаго въ воззрѣніяхъ гр. Толстого. Они гг., Чаевъ и Сальясъ, могутъ любую страницу русской исторіи не моргнувъ

глазомъ обработать на манеръ «Войны и мира», и выйдетъ ни хуже, ни лучше, чѣмъ «Богатыри» и «Пугачевщина», а гр. Толстой призадумается. А если паче чаянiя не призадумается и въ суворовскихъ напримѣръ походахъ время императора Павла увидитъ общенародное русское дѣло, то папшетъ вещь плохую, сравнительно разумѣется говоря. Вещь эта будетъ потому плоха, что гр. Толстой не вѣрнѣтъ въ единство цѣлей и интересовъ всѣхъ людей, говорящихъ русскимъ языкомъ, на протяженiи всей русской исторiи. Онъ знаетъ, что единство это есть явленiе крайне рѣдкое въ русской, какъ и въ европейской исторiи, что много нужно условiй для совпаденiя славы оружiя съ интересами и идеалами народа. Онъ лишень первобытной невинности и наивности людей, считающихъ возможнымъ и даже обязательнымъ горѣть патриотическимъ пламенемъ при всякой побѣдѣ русскаго оружiя и вообще на всякой громкой страницѣ русской исторiи. И еслибы онъ вздумалъ заставить своихъ героевъ пламенѣть по такимъ же поводамъ, по какимъ пламенѣютъ почти всѣ «герои», т. е. положительные типы гг. Чаева и Сальясa,—это было бы пламя фальшивое, блѣдное, негодное, недостойное мыслящаго и убѣжденнаго художника.

Повторяю, случайныя совпаденiя мнѣнiй гр. Толстого съ славянофильскими воззрѣнiями разныхъ оттѣнковъ возможны и существуютъ, но общiй тонъ его убѣжденiй по моему мнѣнiю самымъ рѣзкимъ образомъ противорѣчитъ какъ славянофильскимъ и почвеннымъ принципамъ, такъ и принципамъ «официальной народности». Въ этомъ меня нисколько не разубѣждаютъ и слухи объ отрицательномъ отношенiи гр. Толстого къ Петровской реформѣ. Надо впрочемъ замѣтить, что только первые, старе славянофилы ненавидѣли и презирали Петра. Теперешнiе же эпигоны славянофильства относятся къ нему совсѣмъ иначе. Когда два тому назадъ я былъ приглашенъ на вечеръ, на которомъ долженъ былъ присутствовать одинъ довольно извѣстный петербургскiй славянофилъ. «Живого славянофила увидите» заманивали меня. Я пошелъ смотрѣть на живого славянофила. Онъ оказался человѣкомъ очень говорливымъ, краснорѣчивымъ и

между прочимъ съ большимъ пафосомъ доказывалъ, что Петръ былъ «святорусскій богатырь», «чисто русская широкая натура», что въ немъ цѣликомъ отразились начала русскаго народнаго духа. Это напомнило мнѣ, что тоже прикосновенный къ славянофильству г. Страховъ одно время очень старался доказать, что гипгиллизмъ есть одно изъ самыхъ яркихъ выраженій началъ русскаго народнаго духа... Я думаю, что если гр. Толстой исполнить приписываемое ему намѣреніе написать романъ изъ временъ Петра Великаго, то оставитъ эти несчастныя начала народнаго духа, которыя каждый притягиваетъ за волосы къ чему хочетъ, совсѣмъ въ сторонѣ. Быть можетъ онъ потщится свалить Петра съ пьедестала, какъ личность, быть можетъ онъ казнитъ въ немъ челоуѣка, толкнувшаго Россію на путь *европейскихъ формъ* раздвоенности народа и «общества». Славянофильства тутъ все таки не будетъ. Критика европейской цивилизаціи, представленная въ статьѣ о прогрессѣ гр. Толстымъ, и критика славянофильская не только не имѣютъ между собою ничего общаго, но мудрено даже найти два изслѣдованія одного и того же предмета, болѣе противоположныя и по исходнымъ точкамъ, и по приѣмамъ, и по результатамъ. Прошу читателя сравнить воззрѣнія гр. Толстого съ слѣдующими напримѣръ строками, заимствованными изъ статьи «Зигзаги и арабски русскаго домосѣда», напечатанной въ № 4 «Дня» за 1865 годъ. Увѣряю васъ, что я не рылся въ выггахъ для того, чтобы выудить этотъ перлъ. Мнѣ хотѣлось найти что нибудь подходящее для сравненія. Я взялъ первое попавшееся подъ руку славянофильское изданіе и, перевернувъ нѣсколько страницъ, нашель слѣдующее:

«Всякимъ довольствомъ обильна, величавымъ покоемъ полна, протекала когда-то старинная дворянская жизнь домосѣдская; медъ, пиво варили, соленья солили и гостей угощали на славу—избыткомъ некупленныхъ, Богомъ дарованныхъ благъ. И этой спокойно-беззаботной жизни не смущала залетная мысль, а если бушевала подчасъ кровь застолая, — пиры и охота, шуты и веселье разгуломъ утоляли взволнованную буйную кровь». Затѣмъ идетъ длинное, длинное, все въ томъ же шутовскомъ стилѣ,

описаніе запустѣнія дворянской домохдской жизни. Все это просто подходъ, автору просто хочется сказать, что южной Россіи нужны желѣзныя дороги. Поговоривъ п о русскихъ красавицахъ, и объ удалыхъ тройкахъ, и еще не вѣсть объ чемъ, авторъ подступаетъ наконецъ съ божіей помощью къ Ильѣ Муромцу, ну, а ужъ извѣстное дѣло, что отъ Ильи Муромца можно прямымъ путемъ до чего угодно дойти. Авторъ и доходитъ: «Не старцевъ, каликъ переходжихъ, ждетъ томящійся избыткомъ богатствъ несбытыхъ, земель не початыхъ, южнорусскій край,— ждетъ онъ желѣзнаго пути отъ срединной Москвы къ Черному Морю. Ждетъ его могучаго соловьиного свиста древній престольный городъ Кіевъ; встрепенется, оживетъ въ немъ старый русскій духъ богатырскій; возсіяютъ яркимъ золотомъ потемнѣвшія златоглавыя церкви, и звонче раздастся колокольный тотъ звонъ, что со всѣхъ концовъ земли русской утомленные силы, нажитое, накопленное горе ко святымъ пещерамъ зоветъ, облегченье, обволенье даетъ. Торный, широкій слѣдъ проложила крѣпкая вѣра нетронутая, да тяжелая, жизнью вскормленная скорбь народная—къ городу Кіеву. Но на перепутьи другомъ создали силы народной жизни новый городъ Украины, Харьковъ торговый,—бьетъ ключемъ здѣсь торговая русская жизнь, сѣверъ съ югомъ здѣсь мѣну ведетъ и стремятѣ сюда свѣжія, ретивыя русскія рабочія силы къ непочатымъ землямъ Черноморья и Дона, къ просторнымъ новороссійскимъ степямъ, къ Крыму безлюдному, что стономъ стонетъ, рабочихъ рулъ просить. И сильный борецъ противъ Кіева древняго—этотъ юный городъ, народной жизнью вновь указанный, созданный. Томятся, ждуть города и земли—къ кому направится новый желанный путь кому дастся сила, кому безплодіе, безслие?» Редакція «Дня» съ своей стороны, т. е. г. И. Аксаковъ, не желая уступить въ паясничествѣ своему корреспонденту, дѣлаетъ такое примѣчаніе отъ себя: «Моря п Москвы хочетъ доступить Кіевъ,—пуще моря Москва нужна Харькову: Кіеву—первый почетъ, да жаль обидѣтъ и Харькова. Или Русь-богатырь такъ казной-мошной отоцала и ума-разума истеряла, что не подъ сплу ей богатырскую,

не по ея уму-разуму за единый разъ добыть обопхъ путей, обопхъ морей, желѣзомъ стянуть до Чернаго черезъ Кіевъ-градъ п Азовское на цѣпь къ Москвѣ черезъ Харьковъ взять, чтобы никому въ обиду не стало?»

Я не объ томъ говорю, что гр. Толстой унизится до такого паясничества только въ томъ случаѣ, если у него Богъ разумъ отниметь. Это само собой разумѣется. Я обращаю вниманіе читателей на внутреннюю поддѣлку фактовъ и понятій, выглядывающую изъ подъ этой нелѣпой, рѣжущей ухо поддѣлки рѣчи. Нужды «дворянъ домосѣдовъ» обставляются звономъ кіевскихъ колоколовъ, Илей Муромцемъ, калками переходимъ, п выходитъ такъ, какъ будто бы ужъ не о дворянахъ-домосѣдахъ рѣчь идетъ, а о величіи всей Россіи. Вмѣсто дворянъ-домосѣдовъ подсовывается «Русь-богатырь». Съ паясничествомъ или безъ паясничества, но славянофилы всегда очень удобно справлялись съ матеріальными благами проклятой ими европейской цивилизаціи. Они только «духа» европейскаго не любили, они предпочитали начала русскаго или славянскаго духа. Много они объ этомъ духѣ толковали, и истому выходило такъ, что они—необыкновенно возвышенные идеалисты, до которыхъ гр. Толстому какъ до звѣзды небесной далеко. Въ самомъ дѣлѣ онъ критикуетъ европейскую цивилизацію совсѣмъ не съ точки зрѣнія какого бы то ни было «духа», а съ точки зрѣнія такой прозаической и матеріальной вещи, какъ «общее благосостояніе». Съ этой точки зрѣнія онъ признаетъ телеграфы, желѣзныя дороги, книгопечатаніе, заработную плату и другія «явленія прогресса», которыхъ онъ не перечисляетъ, явленіями, выгодными для известной, малой части русскаго націи и невыгодными для другой, большей. Уличайте его въ преувеличеніи, въ парадоксахъ, доказывайте, что его точка зрѣнія не вѣрна, но не валите же на него того, въ чемъ онъ ни на волосъ не грѣшенъ. Не называйте его славянофиломъ, когда мудрено найти точку зрѣнія, болѣе противоположную славянофильской, чѣмъ та, на которой онъ стоитъ. Я далеко отъ мысли признавать славянофильство людямъ, сознательно подтасовывавшими факты и понятія — напротивъ

наиболѣе видные славянофилы были люди вполне искренніе. Но тѣмъ не менѣе, оставляя въ сторонѣ ихъ богословскія воззрѣнія и панславизмъ (объ чемъ гр. Толстой не написалъ во всю свою жизнь ни одной строчки), не трудно видѣть, что они провозили не мало контрабанды подъ флагомъ началъ русскаго народнаго духа. Въ экономическомъ отношеніи сдѣлать изъ Россіи Европу легче всего при помощи славянофильской программы, за вычетомъ изъ нея одного только пункта—поземельной общины. Какъ это на первый взглядъ ни странно, но оно такъ. Славянофилы никогда не протестовали противъ утвержденія въ Россіи европейскыхъ формъ кредита, промышленности, экономическихъ предприятий. Они требовали только, чтобы производительныя силы Россіи и ея потребители находились въ русскихъ рукахъ. Такъ напримѣръ они требовали покровительства русской промышленности, по просту говоря, высокыхъ тарифовъ. Обставляя это требованіе орнаментами въ вышеприведенномъ стилѣ, т. е. разсужденіями о величій Россіи и восклицаніями о калікахъ переходящихъ и кіевскихъ колоколахъ, славянофилы не смущались тѣмъ, что покровительственная торговая политика выгодна не Россіи, а русскимъ заводчикамъ. Подъ покровомъ кіевскихъ колоколовъ и калікъ переходящихъ они, сами того не замѣчая, стремились ускорить появленіе въ Россіи господствующихъ въ Европѣ отношеній между трудомъ и капиталомъ, т. е. того, что сами они готовы были отрицать на словахъ и что составляетъ самое больное мѣсто европейской цивилизаціи. Гарантируйте русскимъ фабрикантамъ десятокъ-другой лѣтъ отсутствія европейской конкуренціи, и вы не отличите Россіи отъ Европы въ экономическомъ отношеніи. Недаромъ весьма просвѣщенные русскіе заводчики проникаются необычайною любовью къ Россіи всякій разъ, когда заходитъ рѣчь о тарифѣ. Недаромъ одинъ изъ ораторовъ засѣдающаго въ эту минуту въ Петербургѣ «сѣзда главныхъ по машиностроительной промышленности дѣятелей», кажется извѣстный своимъ краснорѣчіемъ г. Полетика, воскликнулъ: тогда (т. е. послѣ десятка-другого лѣтъ отсутствія европейской конкуренціи) мы встрѣ-

тимъ враговъ Россіи русскою грудью и русскимъ желѣзомъ! Вотъ образчикъ чисто славянофильскаго паѳоса. Русская грудь, русское желѣзо и враги Россіи играютъ тутъ такую же роль, какъ кievскіе колокола и Илья Муромецъ въ паясничествѣ «Дня» и его корреспондента изъ дворянъ-домосѣдовъ: совсѣмъ объ нихъ рѣчь иѣтъ, совсѣмъ они ненужны, совсѣмъ они даже безмысленны, потому что врага нужно встрѣчать просто хорошимъ желѣзомъ, а будетъ ли оно русское или англійское—это не суть важно. Русская грудь, русское желѣзо и враги Россіи притянуты сюда въ качествѣ флага, прикрывающаго контрабанду, скрадывающаго разницу между Россіей и русскими заводчиками. Этимъ-то скрадываніемъ и занимались всегда славянофилы. Они знали себѣ одно: или Русь-богатырь такъ казной-мошной отошала и ума-разуму истеряла, что не подѣ силу ей богатырскую, не по ея уму-разуму имѣть своихъ собственныхъ русскихъ заводчиковъ, свои собственные акціонерныя общества, своихъ собственныхъ русскихъ концессионеровъ желѣзныхъ дорогъ, и проч. Всѣ выработанныя и освященныя европейскою цивилизаціей формы экономической жизни принимались славянофилами съ распростертыми объятіями, со звономъ кievскихъ и другихъ колоколовъ, если они обставлялись русскими и обрусѣлыми именами собственными. А тѣмъ самымъ вызывалось измѣненіе началъ русской экономической жизни въ чисто европейскомъ смыслѣ. Но измѣненіе не могло ограничиться экономической стороною общественной жизни. Допустимъ, что русскіе фабриканты обезпечены отъ европейской конкуренціи, что вслѣдствіе этого Русь-богатырь имѣетъ своихъ собственныхъ святорусскихъ пролетаріевъ и свою собственную святорусскую буржуазію; что значительная часть деревенскаго населенія, стянувшись къ городамъ, передала свои земли собственнымъ святорусскимъ лэндлордамъ и фермерамъ; что появилась болѣе или менѣе высокая заработная плата, появленіе которой гр. Толстой считаетъ для Россіи признакомъ упадка народнаго богатства и проч. Такимъ образомъ русская промышленность и русское сельское хозяйство процвѣтаютъ. Какъ отзовется это измѣненіе на другихъ сторонахъ русской жизни? Во-

все не надо быть пророкомъ, чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, потому что означенное измѣненіе уже отчасти совершается. Мы видимъ на примѣръ, что народъ забываетъ тѣ свои, чисто народныя пѣсни, которыя такъ восхищали славянофиловъ, какъ выраженіе началъ русскаго духа, и заиѣваетъ:

Мы на фабригѣ живали,
Мелки деньги получали,—
Мелки деньги пятаки
Посносили въ кабаки.

Или:

Я куплю своему милому
Тотъ ли бархатный жилетъ.

Этой перемѣнѣ должно конечно соответствовать и измѣненіе нравственнаго характера русскаго рабочаго люда. Политическія условія страны опять-таки необходимо должны измѣниться, экономическая сила буржуазіи и лэндлордовъ необходимо повлечетъ ее по пути развитія одного изъ европейскихъ политическихъ типовъ. Въ концѣ концовъ знаменитыхъ началъ русскаго духа не останется даже на сѣмена, хотя процессъ начался звономъ кievскихъ колоколовъ и вызывомъ тѣни Ильи Муромца.

Можетъ показаться, что первые славянофилы гораздо глубже и, главное, проникательнѣе ненавидѣли европейскую цивилизацію. Я объ этомъ спорить не буду. Замѣчу только, что Кирѣевскіе, Хомяковъ были поглощены преимущественно богословскими и философско-историческими, вообще отвлеченными, теоретическими интересами, что зависѣло отъ условій времени. Какъ только жизнь выдвинула на очередь вопросы практическіе, такъ немедленно обнаружилось внутреннее противорѣчіе славянофильской доктрины, ея бессознательное тяготѣніе къ провозу европейской контрабанды подъ флагомъ началъ русскаго народнаго духа. Вообще я вовсе не претендую на хотя бы даже приблизительно полный очеркъ славянофильства и связанныхъ съ нимъ ученій. Славянофильство имѣло много почтенныхъ сторонъ и оказало не мало цѣнныхъ услугъ русскому обществу, чего

впрочемъ отнюдь нельзя сказать о его преемникахъ, о тѣхъ межеумкахъ, которые получили названіе «почвенниковъ»,—умалчиваю о головоногихъ «Гражданина». Я имѣю въ виду только одинъ, но весьма существенный признакъ славянофильства: въ трогательной идилліи или съ бурнымъ паэосомъ, серьёзно или при помощи буфонады, но славянофилы упорно отождествляли интересы и цѣли «незанятыхъ классовъ» (древней или новой Россіи) съ интересами классовъ занятыхъ, вдвигая ихъ въ національное еданство. Это справедливо и относительно первыхъ славянофиловъ. Не стану этого доказывать, а просто сошлюсь на г. Страхова. Этотъ, часто очень тонкій и меткій писатель, назвалъ Ренана французскимъ славянофиломъ. А Ренанъ смотритъ на вещи такъ: «Мы уничтожили бы человѣчество, еслибы не допустили, что цѣлыя массы должны жить славою и наслажденіемъ другихъ. Демократъ называетъ глупцомъ крестьянина стараго порядка, работавшаго на своихъ господъ, любившаго ихъ и наслаждавшагося высокимъ существованіемъ, которое другіе ведутъ по милости его пота. Конечно тутъ есть безсмыслица при той узкой, запертой жизни, гдѣ все дѣлается съ закрытыми дверями, какъ въ наше время. Въ настоящемъ состояніи общества, преимущества, которыя одинъ человѣкъ имѣетъ надъ другими, стали вещами исключительными и личными: наслаждаться удовольствіемъ или благородствомъ другого кажется дикостью; но не всегда такъ было. Когда Губбіо или Ассизъ глядѣлъ на проходящую мимо свадебную кавалькаду своего молодого господина, никто не завидовалъ. Тогда всѣ участвовали въ жизни всѣхъ; бѣдный наслаждался богатствомъ богатаго, монахъ радостями мірянина, мірянинъ молитвами монаха, для всѣхъ существовало искусство, поэзія, религія». Г. Страховъ правъ: это—истинно славянофильскія возрѣнія.

Но это не суть возрѣнія гр. Толстого. Любопытно, что г. Страховъ (статья его о Ренанѣ напечатана въ сборникѣ «Гражданина»), котораго нельзя себѣ представить рядомъ съ гр. Толстымъ иначе, какъ въ колѣнопреклоненной позѣ и который впрочемъ столь же охотно преклоняетъ колѣна передъ

г. Н. Данилевскимъ п—я не знаю—можетъ быть даже передъ кня. Мещерскимъ; любопытно, что г. Страховъ вполне согласенъ съ Ренаномъ. Онъ тоже вѣритъ, что толки объ «общемъ благосостояніи» порождены постыдною завистью, смѣнившюю восторгъ крестьянина стараго порядка («молодшаго брата»?) передъ «свадебной кавалькадой молодого господина». Но, говорить г. Страховъ, Россія гарантирована отъ толковъ объ «общемъ благосостояніи» и отъ духа зависти, гарантирована глубокими началами русскаго народнаго духа, которому противенъ «житейскій матеріализмъ». Увы! на эти гарантіи положилъ руку не кто иной, какъ—horribile dictu!—гр. Левъ Толстой. Онъ, такъ много превознесенный, мѣряетъ западную цивилизацію не началами русскаго духа и не какими нибудь возвышенными мѣрками смиренномудрія и терпѣнія, а «общимъ благосостояніемъ!» Онъ только потому отрицаетъ эту цивилизацію, что она не ведетъ къ общему благосостоянію, и справся она съ этимъ пунктомъ,—гр. Толстой не будетъ ничего имѣть противъ нея. Онъ, гр. Толстой, не смущаясь соображеніями г. Страхова о зависти, утверждаетъ, что «молодшему брату» дѣйствительно нѣтъ никакой причины радоваться на «кавалькаду молодого господина». Этого мало. На гниломъ западѣ мало ли что дѣлается. Но и русскій молодой братъ по мнѣнію гр. Толстого нисколько не заинтересованъ въ томъ, что «русская помѣщица, проживающая во Флоренціи, слава Богу укрѣпилась нервами и обнимаетъ своего обожаемаго супруга»; нечего ему радоваться и тому, что русскій купецъ или фабрикантъ исправно получаетъ телеграммы о дороговизнѣ или дешевизнѣ сахара или хлопчатой бумаги. Молодой братъ «только слышитъ гудѣніе проволокъ и только стѣсненъ закономъ о поврежденіи телеграфовъ». «Мысли, съ быстротою молніи облетающія вселенную, не увеличиваютъ производительности его пашни, не ослабляютъ надзора въ помѣщичьихъ и казенныхъ лѣсахъ, не прибавляютъ силы въ работахъ ему и его семейству, не даютъ ему лишняго работника. Всѣ эти великія мысли только могутъ нарушить его благосостояніе, а не упрочить или улучшить и могутъ только въ отри-

цательномъ смыслѣ быть занимательными для него». Въмѣсто того, чтобы приглашать молодшаго брата радоваться процвѣтанію отечественной литературы, гр. Толстой увѣряетъ, что «сочиненія Пушкина, Гоголя, Тургенева, Державина, несмотря на давность существованія, неизвѣстны, не нужны для народа и не приносятъ ему никакой выгоды»; и «чтобы человѣку изъ русскаго народа полюбить чтеніе «Бориса Годунова» Пушкина или исторію Соловьева, надо этому человѣку перестать быть тѣмъ, чѣмъ онъ есть, т. е. человѣкомъ независимымъ, удовлетворяющимъ всѣмъ своимъ человѣческимъ потребностямъ».

Довольно. Прегрѣшеніе гр. Толстого очевидно. Я лично впрочемъ вижу во всемъ этомъ не прегрѣшеніе, а десницу гр. Толстого, свѣжую и здоровую часть его возрѣній. Я отнюдь не думаю утверждать, чтобы всѣ положительные и отрицательные результаты, къ которымъ пришелъ гр. Толстой, были вполне вѣрны. Главный и общій ихъ недостатокъ состоитъ въ излишней простотѣ. Въ самомъ дѣлѣ они до такой степени просты, что не могутъ вполне соответствовать дѣйствительности, всегда сложной и запутанной. Но дѣло не въ этомъ. Разъ установлена извѣстная точка зрѣнія на вещи, все остальное дѣло поправимое. Только за точку зрѣнія гр. Толстого я и стою. И я искренно говорю, что не понимаю ни того, почему гр. Толстой прослылъ мистикомъ, оптимистомъ, фаталистомъ, славянофиломъ, кваснымъ патриотомъ и проч., ни того, почему его возрѣнія прошли безслѣдно въ шестидесятыхъ годахъ, когда мы были болѣе или менѣе воспримчивы къ свѣжей, оригинальной, хотя бы и парадоксальной мысли, ни наконецъ того, почему его возрѣнія возобудили такой шумъ теперь когда...

VIII.

Нѣсколько мелочей.

Надо однако привести два три примѣра возрѣній, господствующихъ теперь. Я возьму на первый случай фактъ мелкій, нич-

тожный, но отчасти именно въ своимъ ничтожествѣ характерный. Вотъ что я прочелъ недавно въ одной петербургской либеральной газетѣ:

«Въ настоящее время по словамъ «Саратовскаго Справочнаго Листка» въ Петровскомъ уѣздѣ, въ селѣ Русская Корка, крестьяне занимаются выдѣлкою карандашей. Карандаши эти удивляютъ своею дешевизною: 12 дюжинокъ стоятъ 50 коп. Отдѣлка довольно чистая. Издѣлемъ этимъ занимаются 12 семействъ, причѣмъ работу исполняютъ всѣ члены семьи безъ исключеній. Года два или болѣе назадъ тому было извѣстно, что въ Петровскомъ уѣздѣ найдены значительныя мѣсторожденія графита, который по достоинству своему мало уступаетъ уральскому. На обстоятельство это, со стороны людей болѣе или менѣе знающихъ цѣну этому матеріалу — не было обращено ни какого вниманія: только въ послѣднее время крестьяне стали употреблять въ дѣло графитъ, приготовляя изъ него карандаши. Въ средѣ спеціалистовъ дѣло это могло бы возбудить живѣйшій интересъ, и люди, обладающіе гороздо болѣе нежели крестьяне научными свѣдѣніями, безъ особенной затраты капитала могли бы поднять фабрикацію карандашей до болѣе значительной степени и вытѣснить карандаши, приготовляемые въ прочихъ мѣстностяхъ. Кромѣ того графитъ можетъ быть употреблемъ и на другіе предметы».

Такия извѣстія и соображенія разсыпаны въ нашихъ газетахъ въ громадномъ количествѣ. Не знаю, обращаютъ ли они на себя вниманіе тѣхъ дѣльцовъ, для которыхъ они пишутся, которымъ рекомендуется поднять въ той или другой мѣстности ту или другую отрасль промышленности, но знаю, что они, капля по каплѣ, вливаютъ ядъ въ общественное сознаніе. Разберите только взятый мною на выдержку мелкій фактъ. «Люди, болѣе или менѣе знающіе цѣну» графиту, не обратили на его мѣсторожденіе въ Петровскомъ уѣздѣ никакого вниманія. Темные крестьяне устроились безъ нихъ и выдѣлываютъ карандаши хорошо и баснословно дешево. Вдругъ въ литературѣ раздается совѣтъ людямъ, обладающимъ знаніемъ и капиталами: подите, вырвите производство изъ рукъ крестьянъ и вытѣсните карандаши, приготовляемые въ прочихъ мѣстностяхъ. Мы до такой степени свыклись съ такого рода совѣтами, что даже не пытаемся спросить: зачѣмъ? А между тѣмъ вопросъ этотъ былъ бы вполне умѣстенъ, какъ и нѣкоторые другіе вопросы. Напримѣръ почему эти литературные свѣтлники вдругъ такъ прониклись любовью къ

саратовскому графиту? Завтра найдется 12 кестьянскихъ семействъ, нашедшихъ графитъ въ Ярославской губерніи и выдѣлывающихъ изъ него дешевые и хорошіе карандаши; литературные совѣтники скажутъ: вырвите этотъ кусокъ изъ крестьянской глотки и вытѣсните саратовскіе и прочіе карандаши. Но послѣ завтра откроется графитъ въ Екатеринославской губерніи, и надо будетъ опять вырывать и опять вытѣснять саратовскіе, ярославскіе и прочіе карандаши. Тамъ дойдетъ очередь до вытѣсненія екатеринославскаго графита и т. д., Гдѣ конецъ этой лавинѣ конкуренціи, въ чемъ ея цѣль? Я понимаю, что я не по ученому рассуждаю, — сказано профанъ. Но я знаю однако, что ученые люди мнѣ удовлетворительнаго отвѣта не дадутъ. Они будутъ мнѣ говорить объ увеличеніи производства и удешевленіи продукта, каковыя разговоры мнѣ, хотя и профану, довольно хорошо извѣстны. Я просто беру мой мелкій, ничтожный фактъ и, не мудрствуя лукаво, рассматриваю его съ разныхъ сторонъ, между прочимъ и съ психологической. Мнѣ любопытно знать какой интересъ движетъ литературныхъ совѣтниковъ, когда они требуютъ, чтобы производство карандашей было вырвано изъ рукъ крестьянъ и чтобы саратовскіе карандаши вытѣснили всѣ другіе. Въ прямомъ, чисто личномъ смыслѣ, литературные совѣтники въ нашемъ примѣрѣ совершенно безкорыстны. Саратовскіе карандаши и теперь стоятъ на мѣстѣ около $\frac{3}{10}$ копѣйки штука, — вѣдется не дорого. Литературныхъ совѣтниковъ карандаши, какія бы они ни были, тоже не раззоряютъ. Изъ за чего же они хлопочутъ? Почему имъ далѣе нужно, чтобы восторжествовали именно саратовскіе карандаши? Опять-таки никакпхъ осязательныхъ резоновъ тутъ нѣтъ. Особенныхъ, личныхъ симпатій къ тѣмъ дѣльцамъ, которые заберутъ въ свои руки производство, литературные совѣтники тоже имѣть не могутъ, потому что дѣльцы эти даже неизвѣстны, они еще только призываются. Словомъ, какъ ни вертите, а не отыщете смысла въ усердіи совѣтниковъ. Остается одно: бессознательное, инстинктивное стремленіе вырвать изъ мужицкой глотки кусокъ и отдать его людямъ, обладающимъ знаніемъ и капиталами, превратить самостоятельныхъ хозяевъ въ

людей, живущихъ заработной платой. Ничтожный мой примѣръ тѣмъ именно и хорошъ, что онъ ничтоженъ. Карандаши и безъ того такъ дешевы и производство ихъ такъ не хитро, что притянуть къ нимъ шаблонныя разсужденія о національномъ богатствѣ было бы просто совѣстно. Вслѣдствіе этого инстинктивное стремленіе прижать мужика выступаетъ въ оголенномъ видѣ. Еслибы не это стремленіе, литературныя совѣтники, даже отирающаяся отъ расширенія производства и удешевленія продукта, могли бы преподавать совѣмъ иные совѣты: они могли бы предложить напримѣръ петровскому или саратовскому земству оказать какое-нибудь нравственное и матеріальное пособіе несвѣдущимъ и бѣднымъ крестьянамъ, занимающимся выдѣлкой карандашей. Но они оголили свои инстинкты.

Инстинкты эти могутъ однако быть болѣе или менѣе прилично одѣты разсужденіями о національномъ богатствѣ, если взять не такую мелочь, какъ саратовскіе карандаши, а всю русскую кустарную промышленность, всю совокупность тѣхъ мелкихъ производствъ, въ которыхъ крестьяне являются и предпринимателями, и капиталистами, и рабочими вмѣстѣ. Такъ именно поступилъ г. Пудовиковъ въ рефератѣ, читанномъ имъ въ III отдѣленіи вольно-экономическаго общества и напечатанномъ въ сентябрьской книжкѣ «Трудовъ» общества за прошлый годъ. Г. Пудовикова возмущаетъ самая форма кустарнаго производства. Какъ ученый человекъ, онъ находитъ ее крайне неправильной. Кустарь, говоритъ онъ, есть «такой промышленникъ, который въ одно и то же время хочетъ соединить въ себѣ и предпринимателя, и рабочаго, и торговца, посредника съ рынкомъ и наконецъ земледѣльца. Всѣ эти различныя отрасли труда, по самому понятію о кустарѣ, должны соединяться въ немъ. Въ немъ является скученіе разнороднаго труда, тогда какъ производительность труда является слѣдствіемъ разложенія производства на элементарныя дѣйствія. Кустарный трудъ такимъ образомъ по природѣ своей противоположенъ началу раздѣленія труда, которое одно и даетъ труду способность постепенно увеличивать его производительную силу». Сообразно этому г. Пудовиковъ желаетъ

«внести въ трудъ кустарей правильное распредѣленіе, словомъ — сдѣлать изъ нихъ фабричныхъ рабочихъ». Тѣмъ самымъ г. Пудовиковъ полагаетъ помочь и отечественной промышленности, отъ которой кустари отвлекаются земледѣліемъ, и отечественному сельскому хозяйству, отъ которой они отвлекаются ремесламъ, и наконецъ самимъ кустарямъ «какъ рабочимъ». Я не знаю въ точности, что значитъ это послѣднее выраженіе, но — чтобы не далеко ходить — я прочиталъ въ августовской книжкѣ тѣхъ же «Трудовъ Вольно-экономическаго общества» за тотъ же годъ любопытную статейку священника Веселовскаго «О фабрикаціи полотень въ Вязникахъ». Въ статейкѣ этой даже довольно идилическими красками описывается состояніе вязниковскихъ придильщиковъ и ткачей до пятидесятихъ годовъ, когда появились громадныя полотняныя фабрики. Теперь же по свидѣтельству г. Веселовскаго между рабочими свирѣствуютъ развратъ и нищета. Онъ называетъ фабрикъ въ нравственномъ отношеніи «институтами пошлости и безобразій». Въ отношеніи матеріальномъ состояніе рабочихъ очень скверно. Нѣкоторые фабриканты держатъ лавки, въ которыхъ всѣ рабочіе, даже не живущіе въ зданіи фабрики, обязаны покушать все имъ нужное. Въ лавкѣ есть все, «начиная съ простаго горшка и кончая кускомъ довольно приличной шелковой матеріи». Продаются эти продукты выше рыночной цѣны, напримѣръ: пшено на базарѣ стоить 1 р. 35 к. — 1 р. 50 к., а въ фабричной лавочкѣ 2 р. 25 к. — 2 р. 50 к. За покупку въ другомъ мѣстѣ рабочій штрафуется или выгоняется совсѣмъ. Иногда лавка сдается хозяиномъ въ аренду, и тогда арендаторъ получаетъ деньги за забранный рабочимъ товаръ отъ самого хозяина. Вотъ нѣсколько сценъ съ природы.

Раздача денегъ. Хозяинъ, «какъ водится, сначала надъ кѣмъ-нибудь наругавшись до сыта, наконецъ усаживается въ кресло, — не подалеку отъ него арендаторъ лавочки.

— Степанъ Вавиловъ... тебѣ причитается за недѣлю полтора рубля... да штрафа съ тея записано три гривенника... Сколько онъ вамъ, Климъ Данилычъ, въ лавочку состоитъ?

— Рупь сорокъ пять-съ копѣекъ-съ, скороговоркой отвѣчаетъ Климъ Данилычъ.

— Экъ, работалъ, работалъ, а еще на свою шею наработалъ,— ну, считайте за нимъ четвертакъ до той педѣли. И Климъ Данилычъ, за вычетомъ 30 коп. штрафа съ Степана Вавилова, получаетъ съ него 1 р. 20 к., «снося на книжку» до слѣдующей недѣли 25 к., а самъ Степанъ Вавиловъ пошелъ домой безъ гроша.

— Антонъ Флимоновъ?

— Здѣсь-съ! Демьянъ Захарычъ,—да што меня выкликать,— все равно ни шиша не получишь... Два съ полтиной мнѣ за педѣлю... да штрафъ что ли тамъ какой записали. Вотъ ужъ примѣрно, Демьянъ Захарычъ, очень то-ись для насъ обидно... ну што штрафъ,—вѣдь я только полчаса и опоздалъ, а четвертакъ за недѣлю съ костей...

— Да ты што больно ершишься. Не любо, коли штрафуютъ,— ступай... найдемъ на твое мѣсто...

— Мнѣ по лавочкѣ оны состоятъ четыре тридцать...

— Эко! Два съ полтиной въ недѣлю, а въ лавкѣ позабралъ на четыре слишкомъ! Мотушкин! Ступай! Получите, Климъ Данилычъ, а тѣ два съ пятакомъ до слѣдующаго расчета.

Г. Веселовскій приводитъ далѣе примѣръ, какъ на одной фабрикѣ, при расплатѣ съ рабочими, «нѣсколько десятковъ разъ въ продолженіи сутокъ повторялись сцены въ родѣ слѣдующей:

— Подмастерье Данило Прохоровъ Занозинъ,—здѣсь?

— Здѣсь-съ, ваше высокостепенство.

— Тебѣ, братъ, нынче больно много причитается къ выдачѣ,— смотри-ко-съ,—вѣдь 39 руб. шутка сказать!.. Вѣдь это, братцы, вы меня въ разоръ разорите; ну ко-ся 39 руб.!

— Да! слава те Господи! Копилъ все, ваше высокостепенство,—къ празднику нужны... оброкъ... подати...

— Нѣтъ, братъ, этакъ нельзя... вотъ тебѣ тридцать, а девять съ костей долой; чай не помнишь, за тобой грѣшки были?

— Никакихъ грѣховъ супротивъ вашего высокостепенства не сознаю-съ, а что касательно скостки... прошу помиловать... За что?

— А! еще сталъ разговаривать... получи 29 рублей, а рубль еще съ тебя штрафу... не гордыбачь!»

Это не беллетристика, а фотография. Да не смущаются читатели тѣмъ, что все эти «высокостепенства», судя по говору, мелкія, дескать, пиявицы изъ своего же брата-мужичка. Оно точно, что изъ своего брата, но вовсе не мелкія пиявицы: вязниковскіе полотняные фабриканты имѣютъ миллионныя годовыя обороты и держатъ по 2, по 3,000 рабочихъ. Такъ что вязниковскіе порядки представляютъ именно то «правильное распределение труда», котораго желаетъ г. Пудовиковъ. Вязники конечно не составляютъ исключенія, хотя не вездѣ кровопитство находится въ столь грубо патріархальномъ состояніи. Петербургскіе фабриканты на примѣръ должно быть безъ сравненія гуманнѣе. Въ комиссію по техническому образованію они доставили свѣдѣнія о блистательномъ положеніи рабочихъ на ихъ фабрикахъ, до такой степени блистательномъ, что разсматривавшій эти свѣдѣнія профессоръ Инсонъ нашелъ даже ихъ «въ большинствѣ незаслуживающими довѣрія: такъ въ нихъ все гладко, стройно, положеніе рабочихъ такъ хорошо, что подозрѣніе рождается и при поверхностномъ знакомствѣ съ ними, при сопоставленіи же цифръ въ этихъ свѣдѣніяхъ ясно видно, что нѣкоторыми фабриками и заводами числовыя данныя для этихъ свѣдѣній просто сочинялись и притомъ весьма неловко, безъ всякаго соображенія о томъ, не противорѣчатъ ли данныя одни другимъ». Въ «Трудахъ комиссіи по техническому образованію» прилагательное «петербургскій» получило даже весьма своеобразное нарицательное значеніе. Тамъ говорится о свѣдѣніяхъ, доставленныхъ провинціальными фабрикантами между прочимъ слѣдующее: «Изъ нихъ есть такія, но къ счастью немногія, которыя имѣютъ, такъ сказать, характеръ петербургскій, т. е. видно, что они тоже сочинены, но вмѣстѣ съ тѣмъ есть и такія, при чтеніи которыхъ невольно думается, что тутъ говоритъ сама искренность. За эту искренность ручается то безотраднo тяжелое положеніе рабочихъ, которое рисуется при чтеніи этихъ свѣдѣній».

Все это грустная, но всеѣмъ извѣстная, старая, хоть и не устарѣвшая пѣсня. Я только хотѣлъ напомнить читателю, куда стре-

мятся водворить крестьянъ гг. Пудовиковы съ компанією. Именно потому, что положеніе фабричныхъ рабочихъ, даже изъбавленныхъ отъ грубой патріархальности «высокостепенствъ», а имѣющихъ патронами людей просвѣщенныхъ, всёми извѣстно; именно поэтому стремленія гг. Пудовиковыхъ получаютъ особенно пикантный характеръ. Казалось бы тотъ гарниръ, подъ которымъ г. Пудовиковъ подалъ вольно-экономическому обществу свой рефератъ, самъ по себѣ вовсе не необходимо ведетъ къ мысли о разселеніи кустарей по фабриккамъ. Pièce de résistance реферата составляютъ упадокъ сельскаго хозяйства и истощеніе почвы. Кустари, гласитъ онъ, втягиваясь въ подспорное ремесло, которое однако ни въ какомъ случаѣ ихъ прокормить не можетъ, ведутъ свое земледѣльческое хозяйство все небрежнѣе и небрежнѣе. Допустимъ, что это фактически вполне вѣрно. Но это только ставитъ передъ нами новую задачу: какъ устранить упадокъ сельскаго хозяйства, не нарушая экономической самостоятельности крестьянъ, не раздробляя по возможности дохода съ производства на ренту, прибыль на капиталъ, торговый процентъ и заработную плату, не превращая хозяевъ-рабочихъ въ просто рабочихъ? Эта задача сама собой, вполне естественно представляется уму изслѣдователя, если онъ разумѣется хоть сколько-нибудь дорожить экономическою самостоятельностью крестьянъ. Если скажутъ, что это задача трудная, то вѣдь легкихъ задачъ вообще не такъ чтобы ужъ очень много представлялось въ жизни; она во всякомъ случаѣ не труднѣе той, которая неизбежно возникаетъ изъ послѣднихъ строкъ реферата г. Пудовикова. Положеніе фабричныхъ рабочихъ и въ западной Европѣ, и у насъ до такой степени неудовлетворительно, что и правительста, и ученые люди, и неученые усленно занимаются вопросомъ: какъ поправить дѣло, не нарушая «правильнаго», по опредѣленію г. Пудовикова, распредѣленія труда? Смѣю думать, что это задача столь же неразрѣшимая, какъ удовлетвореніе аппетита волковъ съ сохраненіемъ жизни овецъ. Между тѣмъ въ этомъ направленіи г. Пудовиковъ допускаетъ вѣроятно всевозможныя плюзии. Во всѣхъ разсужденіяхъ объ упадкѣ русскаго сельскаго хозяй-

ства, очень ученыхъ и глубокомысленныхъ, меня, какъ профана, поражаетъ необыкновенное разнообразіе и односторонность доводовъ и исходныхъ точекъ и вмѣстѣ съ тѣмъ удивительное единство стремленій всѣхъ разсуждающихъ. Г. Пудовиковъ приписываетъ упадокъ сельскаго хозяйства кустарной промышленности, никакихъ другихъ причинъ онъ не показываетъ и не видитъ. Въ Самарской губерніи голодъ смѣняется необычайнымъ, давно небывалымъ урожаемъ, который однако оказывается въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ пагубнѣе даже голода, ибо хлѣбъ дешевѣетъ, дѣвать его некуда, платить подати и оброки нечѣмъ,—сиди, какъ собака на снѣгъ. Кажется довольно знаменательное явленіе, показывающее, что надъ русскимъ сельскимъ хозяйствомъ тяготѣетъ не только бѣда отъ кустарной промышленности? А г. Пудовиковъ только ужасается тому, что кустарная промышленность забралась даже въ Самарскую губернію! Приходитъ гр. Орловъ-Давыдовъ съ своей знаменитой мыслью о пагубномъ вліяніи на сельское хозяйство сліянія земледѣлія съ землевладѣніемъ. Приходятъ ораторы петербургскаго дворянскаго собранія и говорятъ, что сельское хозяйство падаетъ отъ пьянства, невѣжества, безнравственности мужиковъ, не имѣющихъ надъ собою высшаго нравственно-политическаго контроля. Какіе вѣдь все разнообразныя доводы, но какое вмѣстѣ съ тѣмъ единство цѣлей и стремленій. Что значить расселить кустарей по фабрикамъ? — вырвать изъ рукъ крестьянъ мелкую промышленность и установить зависимость ихъ отъ фабрикантовъ. Что значить отдѣлить земледѣліе отъ землевладѣнія? — отобрать отъ крестьянъ землю и поставить ихъ въ зависимость отъ крупныхъ землевладѣльцевъ! Что значить учредить надъ крестьянами высшій нравственно-политическій контроль? — отобрать у крестьянъ предоставленную имъ долю свободы и поставить ихъ въ зависимость отъ привилегированныхъ сословій. Вотъ центръ, въ которомъ сходятся радіусы разсужденій объ упадкѣ сельскаго хозяйства. Я могъ бы показать, что къ тому же ведутъ разсужденія и о другихъ нашихъ нуждахъ и горяхъ. Всѣ дороги ведутъ въ Римъ, и этотъ Римъ есть

политически, экономически и нравственно обобранный мужикъ, только что вылупившійся изъ крѣпостнаго права. Сюда лѣзутъ всѣ, кто съ карандашиками, кто съ чѣмъ-нибудь покрупнѣе, лѣзутъ,—я готовъ допустить,—безсознательно и безкорыстно, подъ покровомъ идеи гармоніи и единства интересовъ всѣхъ людей, живущихъ въ Россіи и говорящихъ русскимъ языкомъ. Вотъ нравственный воздухъ, которымъ дышетъ наше общество, втягивая его въ себя понемножку, незамѣтно, по ежедневно. Многие полагаютъ, что характеристическая черта современнаго настроенія нашего «общества» есть алчность, духъ наживы, презирающій всякія препоны. Это, я думаю, совершенно вѣрно, но я не могу признать удовлетворительными приемы вліянія на общество, къ которымъ часто прибѣгаютъ люди, сознающіе эту истину. Передо мной лежатъ книга фельетониста старыхъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», г. Суворина, «Очерки и картинки». Въ ней собрано нѣсколько старыхъ фельетоновъ и прибавлено нѣсколько новыхъ; между старыми цѣлая группа посвящена нашимъ плутократамъ и кандидатамъ въ плутократы. Все это очень хорошо, но немножко мало (по точкѣ зрѣнія), до такой степени мало, что даже не совѣмъ хорошо. Хорошо то, что пользующійся популярностью писатель держитъ общественное мнѣніе на сторожѣ. Не хорошо то, что этотъ писатель, разоблачая плутократическія шашни, имѣетъ въ виду почти исключительно интересы все-таки только того, что графъ Толстой называетъ «обществомъ». Напримѣръ охраненіе интересовъ акціонеровъ отъ фокусовъ и неурядицы правленія компаніи есть тема сама по себѣ почтенная, но исключительное указаніе на нее только способствуетъ сосредоточенію помысловъ и чувствъ «общества» на его интересахъ и мѣшаетъ увидѣть тотъ Римъ, о которомъ сейчасъ говорено. Разсуждая конечно только съ точки зрѣнія профана, я осмѣливаюсь думать, что никому промышленному или финансовому предпріятію можно отъ души пожелать безсовѣстныхъ и неумѣлыхъ руководителей и исполнителей. Я понимаю, что этотъ тезисъ долженъ многимъ не понравиться и, хоть въ мой планъ не входитъ нравиться кому

бы то ни было, умолкаю. Замѣчу однако, что если есть въ моихъ словахъ нѣчто догматическое, т. е. нѣчто не подлежащее доказательствамъ и обязательное только для вѣрующихъ, но есть и нѣчто такое, что можетъ быть доказано и должно быть для всѣхъ обязательно, какъ истина. Въ общество является человекъ, намѣтившій извѣстную дорогу въ Римъ, т. е. увидѣвшій возможность обогнать на тотъ или другой манеръ мужика. Положимъ, онъ, подстрекаемый литературными совѣтниками, задумалъ взять въ свои руки производство карандашей въ Петровскомъ уѣздѣ и вытѣснить всѣ карандаши, приготовляемые въ другихъ мѣстностяхъ. Онъ обращается къ публикѣ: господа, такъ и такъ, вотъ мой планъ, но денегъ у меня мало, окажите мнѣ кредитъ, разберите мои акціи, гарантіи—вотъ какія, выгоды ваши—вотъ какія. Положимъ, что все дѣло ведется честно, не муссируется, что предпріятіе—не фиктивное, что отчетность ведется правильно; положимъ, словомъ, что моралистамъ нѣтъ нищидля разоблаченій. Публика несетъ сюда свои сбереженія и капиталы, потому что предпріятіе вѣрное, солидное. При этомъ цѣль предпріятія не играетъ рѣшительно никакой роли, и болѣе вѣрный способъ обирания будетъ естественно пользоваться большимъ довѣріемъ публики, чѣмъ способъ менѣе вѣрный. Я не моралистъ. Я не говорю: не давайте своихъ денегъ на обирание мужика, не будьте пособниками въ этомъ дѣлѣ. Давайте, пособляйте, но знайте по крайней мѣрѣ, на что вы даете деньги и чему пособляете. Знайте, что честность и подлость, умъ и глупость руководителей промышленныхъ и финансовыхъ предпріятій стоятъ къ интересамъ громадной массы населенія Россіи въ гораздо болѣе сложныхъ отношеніяхъ, чѣмъ вы привыкли думать. Знайте, что на личныхъ качествахъ и продѣлкахъ людей, которымъ вы ввѣрили свои капиталы, свѣтъ не клиномъ сошелся, что есть во всякомъ предпріятіи нѣчто глубже ихъ лежащее,—цѣль предпріятія и его значеніе для народа.

Уясненіе этого пункта есть дѣло величайшей важности, но не легко рѣшиться настаивать на немъ. Я рѣшаюсь, потому что уже вмѣлъ смѣлость объявить себя профаномъ (на это нужно

гораздо больше смѣлости, чѣмъ для присвоенія себѣ великолѣпныхъ титуловъ, которыми подписываютъ свои статьи нѣкоторые мои собраты по ремеслу: «Одинъ изъ немногихъ», «Все тотъ же», «Не изъ фельетонистовъ»). Но за то я рискую быть встрѣченнымъ презрительнымъ пожатіемъ плечъ. Т. е. это ученые люди будутъ пожимать плечами, а не ученые можетъ быть кое съ чѣмъ и согласятся. Ученые люди будутъ ссылаться на европейскую цивилизацію и европейскую науку, изъ которыхъ первая установила «правильное распредѣленіе труда», ипаче говоря разрушила экономическую самостоятельность мужика, а послѣдняя дала этому порядку вещей свою санкцію. Я готовъ принять эту ссылку. Дѣйствительно, какъ справедливо говорили ораторы петербурскаго дворянскаго собранія, цивилизація обобрала европейскаго крестьянина, разрушивъ сначала поземельную общину и затѣмъ загнавъ обезземеленныхъ по мастерскимъ и фабрикамъ. Дѣйствительно, какъ справедливо полагаетъ г. Пудовиковъ, цивилизація уничтожила кустарную промышленность. Правда наконецъ и то, что наука санкціонировала эти взмѣненія, выработавъ доктрину «правильнаго распредѣленія труда» и «экономическихъ гармоній», доктрину, которая глубочайшій разладъ интересовъ прикрыла фивкціей «національнаго богатства», зависимость рабочаго—фивкціей свободы, лишеніе рабочаго собственности поземельной и орудій производства—фивкціей «священнаго права собственности». Правда, все это было, но *было* и скоро быдемъ поростеть. Я не буду ссылаться ни на настроеніе рабочихъ массъ, которыя справедливо заподозриваются въ зависти къ «свадебной кавалькадѣ молодого господина», ни на отъявленныхъ социалистовъ. Возьмите мирныхъ ученыхъ. Въ то время, какъ князь Лобановъ-Ростовскій и другіе гремятъ противъ общины, какъ противъ негоднаго тряпья, давно брошеннаго Европой и безвозвратно осужденнаго европейскою наукою, бельгійскій экономистъ Лавеле тщательно собираетъ свѣдѣнія объ общинномъ землевладѣніи и издаетъ книгу, которая надняхъ вышла въ русскомъ переводѣ подъ заглавіемъ: «Первобытная собственность». Въ книгѣ этой можно найти та-

вія слова: «Германській и славянській обичай, забезпечивавшій кождому человеку пользовапіе общимъ поземельнымъ фондомъ, котрымъ онъ могъ поддерживать свое существованіе,—одинъ только сообразенъ съ раціональнымъ понятіемъ о собственности. Исключительно счастливое положеніе нѣкоторыхъ кантоновъ Швейцаріи я приписываю тому факту, что здѣсь сохранились древнія общинныя учрежденія, въ томъ числѣ первобытная общинная собственность». И т. п. Почтенный англійскій юристъ Мэнъ издаеть книгу «Деревенскія общины на востокѣ и западѣ», проникнутую глубокою симпатіей къ этому учрежденію. А извѣстнѣйшій англійскій экономистъ Милль пишетъ по поводу книги Мэна статью, въ которой говоритъ между прочимъ: «Остается рѣшить вопросъ, старыя или новыя идеи болѣе пригодны управлять человекствомъ въ будущемъ; и если замѣна идей прошлаго времени новѣйшимъ произошла вслѣдствіе обстоятельствъ, уже пережитыхъ міромъ,—то очень можетъ быть, что по крайней мѣрѣ въ принципѣ старыя учрежденія будутъ пригоднѣе новѣйшихъ, какъ базисъ лучшаго и болѣе современнаго общественнаго строя... Сущестующее положеніе поземельной собственности вездѣ, гдѣ его не коснулось англійское законодательство, поразительно согласуется съ существовавшимъ въ древности общиннымъ строемъ, *на пути къ которому въ настоящее время стоятъ самыя передовыя общества*».

Можно было бы привести нѣлге десятки подобныхъ заявленій людей, солидность и благонамѣренность которыхъ не можетъ быть никѣмъ заподозрѣна. Всѣ эти заявленія, котрымъ есть и соответствующіе жизненные факты, клонятся къ отрицанію пути экономическаго развитія, признаваемаго (во имя европейской науки) нашими учеными единственно «правильнымъ». Всѣ они клонятся къ возстановленію самостоятельности рабочаго люда, къ слитію въ одномъ лицѣ земледѣльца и землевладѣльца, капиталиста и рабочаго, къ признанію интересовъ «общества» и народа не тождественными. Заявленія эти суть такіе же продукты европейской цивилизаціи, какъ и тѣ, котрыми по старой памяти восторгаются гг. Пудовиковы съ ком-

паніей. Спрашивається, неужели мы все-таки должны пройти весь путь европейскаго развитія, чтобы затѣмъ вновь придти къ отрицанію его? Я отвѣчу словами графа Толстого, сказанными имъ въ примѣненіи къ другой сферѣ явленій. Намъ давно уже пора къ нему вернуться. Въ статьѣ «О народномъ образованіи» (старой, напечатанной въ IV т. сочиненій), онъ говоритъ: «Мы, русскіе, живемъ въ исключительно счастливыхъ условіяхъ относительно народнаго образованія; наша школа не должна выходить, какъ въ средневѣковой Европѣ, изъ условій гражданственности, не должна служить извѣстнымъ правительственнымъ или религіознымъ цѣлямъ, не должна вырабатываться во мракѣ отсутствія контроля надъ нею общественнаго мнѣнія и отсутствія высшей степени жизненнаго образованія, не должна съ новымъ трудомъ и болями проходить и выбиваться изъ того *cercle vicieux*, который столько времени проходили европейскія школы, *cercle vicieux*, состоящій въ томъ, что школа должна была двигать бессознательное образованіе, а бессознательное образованіе двигать школу. Европейскіе народы побѣдили эту трудность, но въ борьбѣ не могли не утратить многого. Будемъ же благодарны за трудъ, которымъ мы призваны пользоваться, и потому самому не будемъ забывать, что мы призваны совершить новый трудъ на этомъ поприщѣ».

Такимъ образомъ графъ Толстой, провозглашающій право и обязанность личности бороться съ историческими условіями во имя ея идеаловъ и отрицающій прошлый ходъ европейской цивилизаціи, подаетъ руку послѣднимъ и лучшимъ плодамъ этой цивилизаціи. Эта рука есть десница графа Толстого. Ахъ, если бы у него не было шуйцы!... Если бы не имѣли повода пристегиваться къ его громкому имени всякіе проходимцы, всякіе пустопорожніе люди и межеумки, по заслугамъ не пользующіеся сочувствіемъ общества.... Какой бы вѣсь имѣло тогда каждое его слово и какое благотворное вліяніе имѣла бы эта вѣскость!..

Какова бы однако ни была шуйца гр. Толстого, по уже изъ предъидущаго видно, до какой степени недобросовѣстно относятся къ нему многіе наши критики, какъ хвалители, такъ и

хулятели. Замѣчательны въ самомъ дѣлѣ усилія, употребляемыя многими для смѣшенія гр. Толстого со всѣмъ, что только есть темного и промзглаго въ нашей литературѣ. По поводу статьи «Отеч. Зап.» и «Анны Карениной», въ мрачныхъ, поросшихъ плѣсенью, пропитанныхъ гиплостью и сыростью подвалахъ «Гражданина» и «Русскаго Мира» раздались радостныя вопли. Своды подваловъ тряслись отъ криковъ: нашъ! нашъ! онъ— пѣвецъ священныхъ радостей и забавъ «культурныхъ слоевъ общества» и изблитель «науки, имъ ослушной, суеты и пустоты!» Обитателямъ подваловъ простительно это ликованіе. Понятно, что имъ лестно пристегнуться къ свѣтлому имени. Понятно также, что имъ не ясенъ истинный характеръ возрѣвѣій гр. Толстого на радости и забавы «культурныхъ слоевъ общества». Много мерзостныхъ подробностей быта этихъ слоевъ изображено въ «Аннѣ Карениной», и обитатели подваловъ, пещерные люди, троглодиты съ гордостью указывали на эти подробности, какъ на нѣчто такое, чего неспособны продѣлать «разночницы». Еще бы! Но Богъ съ ними, съ пещерными людьми. Имъ многое простится, потому что они почти ничего не понимаютъ. Совсѣмъ иначе придется взглянуть на статью г. Евгенія Маркова: «Послѣдніе могикане русской педагогіи», напечатанную въ № 5 «Вѣстника Европы». Статья, болѣе недобросовѣстной, болѣе, скажу прямо, наглой мнѣ давно не приходилось читать. Г. Марковъ—не то, что Петръ Зудотѣшинъ «Дѣла», величающій себя «Все тѣмъ же». Тотъ простъ и стремителенъ, да и не отрицаетъ нѣкоторыхъ заслугъ гр. Толстого въ дѣлѣ разоблаченія безобразій нашихъ педагоговъ. Г-же Марковъ тщательно облачается въ полную парадную форму либерализма, ежеминутно брякаетъ шпорами либерализма и потряхиваетъ блестящими эполетами либерализма. Статья пропитана лирическимъ и патетическимъ жаромъ, и тѣмъ не менѣ каждая ея строчка, такъ сказать, точеная, дѣланная, выпяченная съ весьма непохвальной цѣлью. Звономъ и блескомъ, котораго такъ много, что даже въ глазахъ рябитъ и тошно становится, прикрывается не непониманіе, а простая передержка. Но такъ какъ статья эта трактуеть спе-

ціально о педагогії, то о ній—въ слѣдующій разъ. Надо замѣ-
тить, что авторъ есть тотъ самый г. Марковъ, который нѣ-
когда полемизировалъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» съ гр. Тол-
стымъ и которому послѣдній отвѣчалъ статьей «Прогрессъ и оп-
редѣленіе образованія». Я узналъ объ этомъ изъ слѣдующаго
величественнаго заявленія г. Маркова: «Съ гр. Л. Н. Толстымъ
мы встрѣчаемся не въ первый разъ. Въ 1862 г. мы напечатали
въ «Рус. Вѣстникѣ» статью подъ заглавіемъ «Теорія и практика
ясно-полянскои школы», въ которой сдѣлали по возможности
полный анализъ какъ теоретическихъ заблужденій, такъ и прак-
тическихъ достоинствъ ясно-полянскои школы. Педагогическій
журналъ гр. Л. Н. Толстого закончился отвѣтною статьей на
нашу статью и не возобновлялся больше. Мы не были настолько
пескромны, чтобы приписать нашему послѣднему анализу рѣ-
шеніе гр. Толстого прекратить защиту исповѣдуемой имъ теоріи
обученія, но все таки надѣялись, что и наши замѣчанія имѣли,
вмѣстѣ съ школьнымъ опытомъ гр. Толстого, нѣкоторое вліяніе
на измѣненіе его педагогическихъ убѣжденій. Поэтому теперь,
когда оказывается, что гр. Толстой вновь поднимаетъ старое
копье и выступаетъ съ проповѣдью тѣхъ самыхъ педагогичес-
кихъ началъ, которыя выставлялъ оя въ 1862 году, на насъ
даже лежитъ нѣкоторая нравственная обязанность не отказы-
ваться отъ состязанія и явиться на защиту тѣхъ обще-евро-
пейскихъ основъ народнаго обученія, которыя мы отстаивали
противъ г. Толстого 12 лѣтъ назадъ».

Право, мнѣ жаль г. Маркова. 12 лѣтъ человекъ былъ убѣж-
денъ, что онъ убѣдилъ и побѣдилъ, спокойно занимался изуче-
ніемъ итальянскои живописи, недобросовѣстностью адвокатовъ,
красотами Крыма и многими другими предметами, — и вдругъ
оказывается, что врагъ и не думалъ класть оружіе! Положеніе
истинно трагическое. Я не думаю однако, чтобы изъ него над-
лежало выходить при помощи тѣхъ пріемовъ, которые г. Мар-
ковъ почему-то называетъ исполненіемъ «нравственной обязан-
ности.»

IX. *)

Нѣчто о г. Марковѣ

Сердца русскихъ педагоговъ должны трепетать отъ радости. Статья гр. Толстого налетѣла на нихъ, какъ неожиданная туча, разразившаяся дождемъ и градомъ; цвѣты педагогiи были прибиты къ землѣ и еле еле поднимали свои растрепанные вѣнчики къ небу, прося солнца и тишины. Вся литература, точно сговорившись, дружно поддержала гр. Толстого, а волепческіе опыты гг. Евтушевскаго, Бунакова, Мѣднкова, редакціи «Семьи и Школы» и проч. были такъ слабы, такъ незамѣтны... Но мало по малу сквозь тучу стали пробиваться солнечные лучи. Первымъ лучемъ была статья г. Цвѣткова въ «Русскомъ Вѣстникѣ», появившаяся тотчасъ же вслѣдъ за статьей г. Толстого въ «Отеч. Запискахъ». Г. Цвѣтковъ есть пещерный человѣкъ, троглодитъ, и нападеніе его на новую педагогiю въ лицѣ барона Корфа должно было пріятно щекотать самолюбіе педагоговъ, какъ и всякое нападеніе, исходящее изъ среды пещерныхъ людей. Но все таки это былъ только, такъ сказать, отщепеный солнечный лучъ. Мало по малу и въ литературѣ, то тамъ, то сямъ стали проскальзывать болѣе или менѣе пріятныя для педагоговъ вещи (я думаю, тутъ много помогло педагогамъ появленіе въ «Русскомъ Вѣстникѣ» «Анны Карениной»), а наконецъ... наконецъ взошло и солнце, явилась статья г. Маркова «Послѣдніе могикане русской педагогiи» въ майской книжкѣ «Вѣстника Европы». Восемь мѣсяцевъ пребывали педагоги въ томительномъ ожиданіи, восемь мѣсяцевъ г. Евгений Марковъ работалъ, работалъ, работалъ... Результатъ на лицо. Статья г. Маркова во многихъ отношеніяхъ далеко превосходитъ полемическіе опыты гг. Мѣднкова, Евтушевскаго, Бунакова и проч.

*) 1875 іюнь.

Тѣ только старались быть развязными; по всякому было ясно, что они чего-то конфузятся. Г. Марковъ дѣйствительно развязенъ и къ конфузу не имѣетъ ни склонностей, ни способностей. Гордіевъ узелъ полемики гг. Мѣдниковъ, Евтушевскій, Бунаковъ и проч. старались распутать бойко и съ колкостью, но такъ какъ они своимъ саномъ учителей юношества болѣе приучены къ степенности, то колкость и бойкость имъ не удавались; при распутываніи узла у нихъ нервически дрожали руки, нервная дрожь слышалась и въ голосѣ. Г. Марковъ, памятуя примѣръ Александра Македонскаго, не распутываетъ узла, а разрубаетъ его. Гг. Мѣдниковъ, Евтушевскій, Бунаковъ и проч. имѣли видъ скромныхъ «штафировкъ», бьющихъ на то, чтобы дѣйствія ихъ имѣли характеръ солидности, и будучи втянуты въ полемику, наносили удары столь неграціозно и неуклюже, что напоминали собой разыгравшуюся корову, держащую хвостъ на отлетѣ вверху и нѣсколько въ бокъ. Г. Марковъ имѣетъ напротивъ видъ блестящаго военнаго офицера изъ кавалеристовъ, съ лихо закрученными усами, вполне увѣреннаго въ своей непобѣдимости и всѣ дѣла обдѣлывающаго «по-военному». Педагоги вели войну почти исключительно оборонительную и только изрѣдка дѣлали вылазки наступательнаго характера. Г. Марковъ презираетъ оборонительную войну; онъ наступаетъ, вторгается въ непріятельскую страну, жжетъ, рубитъ, разстрѣливаетъ, вѣшаетъ, налагаетъ контрбуціи. Понятно, что сердца педагоговъ должны трепетать отъ радости при видѣ такого побѣдоноснаго союзника. Онъ обладаетъ именно тѣми качествами, недостатокъ которыхъ обнаружили педагоги; онъ есть именно такой герой, какимъ бы они хотѣли быть, но по привычкѣ къ гражданской дѣятельности быть не могутъ.

По человѣчеству я радъ за господъ педагоговъ, если миръ дѣйствительно осѣнилъ ихъ взбаломученныя души. Но я долженъ все-таки сказать, что будь я педагогъ, я бы не обрадовался такому союзнику, какъ г. Марковъ. Мнѣ казалось бы, что такой союзникъ компрометируетъ меня и мое дѣло, компрометируетъ именно свою развязностью и неконфузливостью.

Главная задача г. Маркова состоятъ въ томъ, чтобы смѣшать гр. Толстого если не прямо съ грязью, то хоть съ г. Цвѣтковымъ, авторомъ статьи «Новыя идеи въ нашей народной школѣ», напечатанной въ № 9 «Русскаго Вѣстника» за прошлый годъ. Г. Цвѣтковъ есть одинъ изъ «птенцовъ гнѣзда Каткова», т. е. нѣчто вообще злобное, мрачное, воюющее съ вѣтранными мельницами, ежеминутно готовое улпить въ государственномъ преступленіи и верстовой столбъ на большой дорогѣ, и кротко блѣющего барашка, и соробку, и ворону, и я не знаю кого и что. Одного штриха будетъ достаточно для убѣжденія читателя въ томъ, что г. Цвѣтковъ есть дѣйствительно птенецъ гнѣзда Каткова. Найдя въ книгѣ барона Корфа «Нашъ другъ» нѣсколько практическихъ сельскохозяйственныхъ совѣтовъ (сдвали особенно пужныхъ и полезныхъ) и нѣсколько указаній на полезныхъ и вредныхъ животныхъ, г. Цвѣтковъ раздражается такими громами: «Безъ сомнѣнія проштудировавъ о любви ради пользы и выгоды, и о барышахъ, и о чистомъ доходѣ, ученики будутъ наведены, чтобы и безъ помощи учителя предложить себѣ вопросы въ родѣ слѣдующихъ: какую пользу приносятъ дряхлый старикъ, слабый ребенокъ, калѣка, больной? За что слѣдуетъ любить ихъ? Какой чистый барышъ могутъ принести мнѣ яблоки, что растутъ за заборомъ сосѣда?»

Узнаемъ коней ретивыхъ
Мы по выжженнымъ таврамъ,
Узнаемъ парянь кичливыхъ
По высокимъ клубкамъ...

Я впрочемъ не мастеръ узнавать ни ретивыхъ коней, ни кичливыхъ парянь, но умѣю различать ословъ по ушамъ и птенцовъ гнѣзда Каткова по виртуозности доносовъ. Казалось бы переходъ отъ вредоносности суслика или мыши къ воровству сосѣднихъ яблокъ невозможенъ, немислимъ. Но птенцы гнѣзда Каткова давно уже приучили насъ къ такого рода переходамъ, мало того, притушили въ насъ способность возмущаться этими вольтами и передержками. Было время,—оно отъ насъ очень недалеко,—когда этихъ виртуозовъ можно было даже опасаться,

по своимъ изумительнымъ усердіемъ и необычайнымъ искусствомъ, добытымъ продолжительною практикою, они достигли неожиданнаго результата: репутаціи шутовъ, подчасъ дѣйствительно смѣшавшихъ, но въ большинствѣ случаевъ слишкомъ назойливыхъ и надоѣдливыхъ. Теперь уже ихъ никто не боятся, никто ихъ клякшествомъ не возмущается, рѣдко кого они смѣшавать. Прочтуть люди, пожмутъ плечами,—и конецъ. Иначе и быть не можетъ. Фельетонисты «Русскаго Мира» и критики «Русскаго Вѣстника» все обличаютъ кого-то въ разрушеніи семьи, а увидавъ въ послѣднемъ романѣ гр. Толстого Анну Каренину, Облонскаго, Вронскаго, самымъ осязательнымъ образомъ разрушающихъ семейное начало, вдругъ восклицаютъ: «вотъ люди, сохраняющіе среди новыхъ общественныхъ наслоеній лучшія преданія культурнаго общества». Эти несчастные увѣрены, что они говорятъ комплиментъ «культурному обществу»! Такое самозаушеніе было смѣшно, пока оно было вновь, но теперь глядя на него можно только плечами пожать, потому что шутовство это уже надоѣло. Г. Катковъ изобличалъ разныя интриги и наконецъ до того изобличился, что увидѣлъ преступную пропаганду въ распространеніи похвальныхъ отзывовъ о книгахъ г. Безобразова, его, Каткова, собственнаго сотрудника, не бывшаго сотрудника, каковъ напримѣръ г. Тургеневъ, а теперешняго. Г. Цвѣтковъ очень хорошо знаетъ, что истребленіе овражковъ составляетъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ повинность; онъ вѣроятно держитъ у себя кошку, исправно истребляющую мышей, и вдругъ проникается необычайной симпатіей къ овражкамъ и мышамъ и за наименованіе ихъ барономъ Корфомъ вредными и любви недостойными обвиняетъ почтеннаго барона въ подговорѣ къ истребленію стариковъ, калѣкъ и къ воровству сосѣднихъ яблокъ... Виртуозность доноса составляетъ общую черту птенцовъ гнѣзда Каткова, но затѣмъ каждый изъ нихъ имѣетъ свою спеціальность, болѣе или менѣе ни съ чѣмъ несообразную. Имѣетъ ее и г. Цвѣтковъ. Онъ—русскій клерикалъ, т. е. нѣчто нравственно безногое, безрукое и безголовое, ибо клерикализмъ не имѣетъ у насъ на Руси ни даже подобія почвы. Духовенство

русское никогда не обнаруживало ни желанія захватить въ свои руки воспитаніе юношества, ни того умѣнья, съ которымъ ухватавались за это дѣло напримѣръ іезуиты или протестантскіе пасторы. Да и вообще прошедшее и настоящее русскаго духовенства таково, что мало мальски серьезный русскій клерикализмъ просто невозможенъ. Я полагаю, этого и доказывать нечего. Такъ вотъ съ этимъ-то невозможнымъ г. Цвѣтковымъ г. Марковъ и желаетъ смѣшать гр. Толстого. Достигаетъ онъ этого способами по истинѣ изумительными. Онъ собственно говоря очень хорошо понимаетъ, что гр. Толстой—самъ по себѣ, а г. Цвѣтковъ—самъ по себѣ. Статьи этихъ писателей появились почти одновременно. Г. Марковъ великодушно допускаетъ что это — совпаденіе случайное. Онъ даже прямо говоритъ, что «удары, направляемые на нашу зарождающуюся народную школу, идутъ изъ двухъ совершенно противоположныхъ лагерей». «И радикалъ (гр. Толстой), и клерикалъ (г. Цвѣтковъ), продолжаетъ г. Марковъ:—сошлись въ общей ненависти къ нашей народной школѣ за ея общечеловѣчскій и общеевропейскій характеръ и разными орудіями, съ разнымъ искусствомъ, изъ разныхъ побужденій, дружно добиваются одной и той же цѣли—избіенія русской народной школы. Этотъ искусственный минутный союзъ напоминаетъ такіе же искусственные минутные союзы теперешнихъ французскихъ политическихъ партій, гдѣ левитимисты идутъ то рядомъ съ бонапартистами, то рядомъ съ ультра-радикалами, чтобы обезсилить единственную пугающую ихъ партію просвѣщеннаго и сознательнаго либерализма.»

Г. Марковъ дѣлаетъ въ этихъ словахъ совершенно вѣрное и даже подходящее, но не совѣмъ полное сравненіе. Справедливо что крайнія партіи во Франціи часто вступаютъ въ минутные союзы, справедливо и то, что подобные союзы наипаче заключаются въ виду партіи, которую г. Марковъ называетъ «партіей просвѣщеннаго и сознательнаго либерализма» и которую правильнѣе было бы характеризовать русской поговоркой: ни Богу свѣчка, ни чорту кочерга. Но г. Марковъ не сказалъ какъ поступаютъ въ подобныхъ случаяхъ люди «просвѣщеннаго и со-

знательнаго либерализма»: они мѣшаютъ шашки, валяютъ съ больной головы на здоровую, валяютъ грѣхи напримѣръ бонапартистовъ на «ультра-радикаловъ» и стараются наловить въ этой мутной водѣ какъ можно больше рыбы. Такъ поступаетъ и г. Марковъ относительно г. Цвѣткова и гр. Толстого. Считая себя вѣроятно человѣкомъ просвѣщеннаго и сознательнаго либерализма, г. Марковъ не гнушается приемами смѣшенія шашекъ, выработанными людьми просвѣщеннаго и сознательнаго либерализма въ Европѣ. Онъ, открыто заявляющій, что г. Цвѣтковъ и гр. Толстой суть представители *совершенно противоположныхъ лагерей*, что они дѣйствуютъ *различными орудіями и изъ различныхъ подужденій*, онъ въ той же статьѣ, ни мало не смущаясь, кладетъ ихъ обоихъ въ ступу просвѣщеннаго и сознательнаго либерализма и съ азартомъ толчетъ ихъ вмѣстѣ пескомъ «жалкихъ словъ».

Приведа изъ статьи гр. Толстого нѣсколько фразъ, г. Марковъ замѣчаетъ: «И такъ ясно, что вина новой школы по гр. Толстому въ томъ, что она измѣнила наукѣ, недостаточно научна.» Да, гр. Толстой указываетъ и доказываетъ это. Г. Маркову по его словамъ «дорога та живая идея, которая дѣйствуетъ въ новой школѣ и которая собственно и возмущаетъ педагоговъ много пошиба». Прекрасно. Г. Маркову надлежало бы только показать публикѣ эту «живую идею», доказать всѣмъ смущеннымъ статьей гр. Толстого, что послѣдній говоритъ неправду, что наша педагогія вполне научна. Вѣдь это кажется такъ просто: покажите научныя основанія, въ силу которыхъ г. Митропольскій уличаетъ въ невѣжество барона Корфа и рекомендуетъ благодарить Создателя, который намъ далъ наружныя уши, а вотъ рыбамъ такъ не далъ; покажите научныя основанія, которыми руководствуется г. Бѣловъ, распѣвая:

Ступу нѣтъ уже нисколько,—
Все ужь скушала мой сынокъ,

или г. Бунаковъ, задавая вопросы: сколько у курицы ногъ? и летаетъ ли лошадь? Покажите эти научныя основанія—и споръ

немедленно прекратится. Если бы г. Толстой и продолжалъ изъ упрямства твердить свое, ему бы никто не вѣрнулъ и оставался бы онъ гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Но г. Марковъ болѣе склоненъ блистать эполетами и шпорами просвѣщеннаго либерализма, чѣмъ говорить дѣло. Поэтому онъ оставляетъ упрекъ г. Толстому безъ разсмотрѣнія и, только отмѣтивъ его, проиически продолжаетъ: «Новая школа готова совсѣмъ исправиться, стать вѣзмѣримо научнѣе.. но вдругъ, повернувшись, встрѣчаетъ нападеніе г. Цвѣткова. Онъ ей говоритъ: 1) Новая школа виновата въ томъ, что она стремится дать *массу научныхъ фактовъ* и свѣдѣній. 2) Новая школа, вмѣсто того, чтобы читать *божественное*», и т. д., и т. д.

Вы возмущены, читатель. И я васъ понимаю. Г. Марковъ, разсыпавшій въ своей статьѣ объ адвокатахъ сильныя выраженія въ родѣ «прелюбодѣй мысли» «и софисты XIX вѣка», брезгаетъ даже софизмомъ,—онъ просто передергиваетъ. Рѣчь идетъ о г. Толстомъ. Опровергните его и принимайтесь потомъ за г. Цвѣткова,—это вѣдь люди совершенно противоположныхъ лагерей, дѣйствующіе различными орудіями и изъ различныхъ побужденій. Какое же дѣло г. Толстому до того, въ чемъ обвиняетъ новую школу г. Цвѣтковъ, и обратно—какой резонъ г. Цвѣткову отвѣчать за г. Толстого? Но г. Марковъ идетъ и дальше на этомъ скользкомъ пути смѣшенія шашекъ. Онъ систематизируетъ пріемъ, который, я боюсь, приличествуетъ только прелюбодѣямъ мысли, возводитъ его въ критическій принципъ. Онъ говоритъ: «Мы не можемъ представить лучшаго опроверженія нашимъ оппонентамъ, какъ устроить между ними такую очную ставку; всецѣлое противорѣчіе свидѣтелей,— на основаніи котораго еще премудрый вѣтхозавѣтный судія посрамилъ двухъ старцевъ, оклеветавшихъ невинную Сусанну,—считается окончательнымъ доводомъ несправедливости на самомъ строгомъ судебномъ процессѣ. Поэтому мы не видимъ нужды приводить послѣ этого (поэтому послѣ этого?), въ разъясненіе истинныхъ цѣлей и сущности новой педагогикіи какія либо авторитетныя свидѣтельства, хотя могли бы сдѣлать это безъ малѣйшаго труда.

Что два союзника, одновременно производящие свое нападение съ двухъ различныхъ фланговъ, вдругъ стукнулись лбами, означаетъ одно: что они двигались въ темнотѣ и что они напали на пустоту». Какъ вамъ нравится, читатель, этотъ новоявленный критическій приемъ? Нѣкто утверждаетъ, что педагоги не могутъ представить въ оправданіе своей системы научныхъ основаній и что они не сообщаютъ ученикамъ новыхъ свѣдѣній. Другой говоритъ, что педагоги сообщаютъ слишкомъ много научныхъ свѣдѣній. Является г. Марковъ и, подражая премудрому вѣтхозавѣтному судіи, объявляетъ, бряцая шпорами просвѣщеннаго либерализма: вы противорѣчите другъ другу, слѣдовательно, вы оба врете, а *поэтому* я не стану *послѣ этого* доказывать, что современная педагогія хороша,—это само собой ясно. Напрасно, г. Марковъ. Это вовсе не ясно. И лучше бы вамъ «безъ труда» набрать авторитетныхъ свидѣтельствъ, чѣмъ трудиться надъ чистовой эполетъ просвѣщеннаго либерализма. Кромѣ барышень, которыя «къ военнымъ людямъ такъ и льнутъ», блескомъ эполетъ никого и ни въ чемъ убѣдить нельзя. Кто васъ знаетъ, можетъ быть вы и въ самомъ дѣлѣ можете доказать, что современная педагогія вполне научна и сообщаетъ такое именно количество свѣдѣній, какое нужно. Отзвонили бы, да и съ колокольни долой, а теперь вы можете звонить сколько вашей душѣ будетъ угодно и все-таки не вырвете у ереси гр. Толстого ни одной души, ибо слишкомъ ясно, что вы занимаетесь прелюбодѣніемъ мысли. Положимъ, что существуетъ убѣжденіе въ неподвижности земли и солнца и что вы, г. Марковъ, раздѣляете это убѣжденіе (конечно вы для этого слишкомъ просвѣщенны, но положимъ, въ примѣру). Вы присутствуете при астрономическомъ спорѣ, къ которомъ на вашихъ еднomyшленниковъ нападаютъ съ одной стороны люди, доказывающіе, что земля обращается около солнца, а съ другой люди, вѣрящіе, что солнце вертится около земли. Вы съ свойственною вамъ развязностью объясняете: и тѣ, и другіе врутъ, ибо противорѣчаютъ другъ другу, а еще премудрый вѣтхозавѣтный судія и проч.; поэтому я не стану доказывать послѣ этого, что солнце

и земля неподвижны,—это само собой ясно. Безъ сомнѣнія такой критическій пріемъ и добытый имъ результатъ весьма удобны, но могутъ ли они кого нибудь убѣдить?

Но и это только цвѣтки. На словахъ г. Марковъ предпринимаетъ уличить въ противорѣчіи двухъ людей, по его собственнымъ словамъ не имѣющихъ между собой ничего общаго. Задача по крайней мѣрѣ легкая, если не плодотворная. Но истинная дѣль г. Маркова совсѣмъ не такова: ему нужно напротивъ доказать, что гр. Толстой и г. Цвѣтковъ, эти представители совершенно противоположныхъ лагерей, дѣйствующіе разными орудіями и по разнымъ побужденіямъ, суть люди одного и того же лагеря, дѣйствующіе одними и тѣми же орудіями и по однимъ и тѣмъ же побужденіямъ. Это—уже несравненно труднѣйшая задача, и понятно, что разрѣшить ее нельзя безъ нѣкотораго прелюбодѣянія мысли, каковое г. Марковъ и совершаетъ съ удовлетворительнымъ успѣхомъ. Г. Цвѣтковъ категорически заявляетъ, что народное образованіе должно быть сдано на руки духовенства. Г. Толстой чуждъ этой исключительности. Правда, онъ неоднократно рекомендуетъ священно и церковнослужителей, какъ пригодныхъ народныхъ учителей, но пригодность ихъ онъ видитъ единственно въ томъ, что это учителя дешевые и находящіеся подъ рукой. Выражая сочувственный ему взглядъ народа, онъ говоритъ, что учителемъ можетъ быть «дворянинъ, чиновникъ, мѣщанинъ, солдатъ, дьячекъ, священникъ,—все равно, только бы былъ человекъ простой и русскій». Въ другомъ мѣстѣ гр. Толстой спрашиваетъ отъ лица своихъ оппонентовъ: «каковы же будутъ эти школы съ богомольцами, богомолками, пьяными солдатами, выгнанными писарями и дьячками?» Такія перечисленія въ статьѣ гр. Толстого встрѣчаются не разъ и не два. Ихъ категорическій, нимало не двусмысленный характеръ могъ казаться гарантировать гр. Толстого отъ сплетенія съ его именемъ имени г. Цвѣткова. Я не говорю уже объ общемъ тонѣ статьи, который настолько ясенъ, что даже г. Марковъ признаетъ гр. Толстого противникомъ не только господствующихъ въ средѣ нашихъ педагоговъ воззрѣній, а и «цер-

ковной педагогич». Тѣмъ не менѣе г. Марковъ, продолжая блистать и гремѣть, беретъ въ руки рѣшето просвѣщеннаго и сознательнаго либерализма и столь искусно просвѣщаетъ вышеозначенныя перечисленія народныхъ учителей, что изъ всѣхъ ихъ на лицо остается одинъ дьячекъ. Правда, мимоходомъ г. Марковъ глумится и надъ писарями, и надъ солдатами, но въ концѣ концовъ все-таки сводитъ дѣло къ дьячку. Г. Толстой полагаетъ, что программа народнаго училища должна ограничиваться русскимъ языкомъ, славянскимъ и арифметикою. Г. Марковъ мѣстамъ вычеркиваетъ изъ этой программы все, кромѣ «славянскои грамоты и счета», которыя ставитъ даже въ ковычкахъ, дабы показать, что это подлинное требованіе гр. Толстого. Вы спросите—зачѣмъ эти мелочныя, жалкія, дрянныя передержки, надставки и просвѣщенія? Затѣмъ, что г. Маркову нужно смѣшать гр. Толстого съ г. Цвѣтковымъ, затѣмъ, что «славянская грамота и счетъ» составляютъ, какъ выважается г. Марковъ, дьячковскую программу, которую г. Марковъ желаетъ навязать гр. Толстому. При помощи подобныхъ, крайне нечистоплотныхъ манипуляцій г. Марковъ подходит къ вождедѣльному концу и съ напряженнымъ, дѣланымъ, фальшивымъ наэосомъ громить одновременно и гр. Толстого, и г. Цвѣткова, безразлично цитируя то одного, то другого. Таковы критическіе приемы людей просвѣщеннаго и сознательнаго либерализма... Они основываются на умѣньи пропустить или вставить въ критикуемомъ произведеніи маленькое, совсѣмъ маленькое словечко, поставить ковычки не тамъ, гдѣ слѣдуетъ, и т. п. Я начинаю думать, что сознательный и просвѣщенный либерализмъ достопочтеннаго г. Маркова состоитъ въ полнѣйшей свободѣ перевирать чужія мысли и слова. Избави Богъ и насъ отъ такихъ судей.

Гадко рыться въ этомъ «гробѣ повапленномъ», въ этой спстематической, систематизированной лжи, облеченной въ полную парадную форму либерализма. Но двѣ-три блески разсмотрѣть надо, хотя бы потому, что нѣкоторыя якобы воззрѣнія г. Маркова принадлежатъ не ему лично, а такъ сказать, подслушаны имъ у гг. Евтушевскаго, Бунакова, Мѣдникова и другихъ возражателей гр. Толстого.

Гр. Толстой выразилъ мнѣніе, что критерій педагогичіи состоитъ въ свободѣ учащагося, что поэтому народъ долженъ самъ выработать программу своего образованія. Вѣрна ли эта мысль, или нѣтъ,—здѣсь для насъ безразлично. Но вотъ какъ передаетъ эту мысль г. Марковъ: «Вѣчный критерій педагогичіи въ томъ, чтобы *нашъ мужикъ* выбиралъ, какимъ предметамъ нужно учить *человѣчество* въ школѣ, и чтобы *нашъ русскій школьный учитель, нашъ русскій дьячекъ* сочинялъ каждый день экспромпты въ классѣ, какъ нужно учить этимъ предметамъ *человѣчество*». Эти Геркулесовы столбы недобросовѣстности не требуютъ комментаріевъ. Поучительнѣе слѣдующія соображенія сознательно либеральнаго автора. Онъ увѣряетъ, будто гр. Толстой такъ мотивируетъ законность предлагаемой имъ программы элементарнаго народнаго образованія: «Гр. Толстой поучаетъ насъ, что русскій мужикъ стоитъ за славянскую грамату вовсе не для того, чтобы его сыншкѣ могъ выручить полтину за чтеніе псалтыря по покойникѣ: нѣтъ, народъ вполне понимаетъ педагогическое значеніе славянскаго языка, именно какъ мертваго языка, какъ организма вполне законченнаго,—и за русскую грамату вовсе не потому, что варовитъ своего мальчишку въ писаря или въ конторщики произвести. Удивительный народъ гр. Толстого и счетъ понимаетъ не какъ механическое орудіе для нѣкоторыхъ отправленій своего хозяйства и своей торговли въ родѣ того, какъ грабли онъ признаетъ полезными для сгребанія сѣна, а соху для пахоты. О совершенно нѣтъ! Народъ гр. Толстого «допускаетъ двѣ области знанія, самыя точныя и неподверженныя колебаніямъ отъ различныхъ взглядовъ—языки и математику». Народъ этотъ, видите ли *«постигъ*, что одинъ мертвый, одинъ живой языкъ, съ ихъ этимологическими и синтаксическими формами и литературой, и математика»—основы знанія, «открывающія ему пути къ самостоятельному пріобрѣтенію всѣхъ другихъ знаній». Остальныя науки онъ «отталкиваетъ какъ ложь» и (—) говоритъ: «мнѣ одно нужно знать—церковный и свой языкъ и законы чиселъ». Именно, законы; это стремленіе къ «законамъ чиселъ» такъ естественно и поучительно во взглядахъ нашего русскаго мужичка!»

Я потому обращаю внимание читателя на эту тираду, что она фигурирует и у гг. Евтушевскаго, Мѣднкова, Бунакова и пр. Г. Марковъ только обдалъ ее сокомъ просвѣщеннаго и сознательнаго либерализма, т. е. слѣлалъ двѣ-три поддѣлки, излагая мысли гр. Толстого. Подчеркнутаго мною слова «*постижъ*» у гр. Толстого нѣтъ, а тамъ, гдѣ у меня стоить знакъ(—)слѣдовало бы вставить имѣющіяся у гр. Толстого слова «какъ будто». Признаюсь, мнѣ стыдно дѣлать эти замѣчанія, стыдно возиться съ этими безстыдными вставками и пропусками. Но что же дѣлать, если г. Маркову не стыдно? Маленькія это словечки, но малъ золотникъ да дорогъ. Слово *не* еще меньше, но если г. Марковъ вычеркнетъ его изъ предложенія «авторъ «Послѣднихъ могоканъ» не добросовѣстенъ»,—то получить о своей персонѣ совершенно превратное понятіе. Еслибы гр. Толстой увѣрялъ, что народъ постигъ педагогическое значеніе законовъ чиселъ или славянскаго языка съ его этимологическими и синтаксическими формами, то это былъ бы такой смѣшной вздоръ, изъ-за котораго Мальбругу-Маркову не стоило бы въ походъ ѣхать. Но дѣло въ томъ, что гр. Толстой ничего подобнаго не утверждаетъ. Онъ заявилъ фактъ, какъ я думаю, несомнѣнный: народъ желаетъ знать русскую и славянскую грамоту и арифметику или счетъ. Желаніе это обусловлено его обстановкой, его практической жизнью. Удовлетворяя этому желанію, вы откроете народу «пути къ самостоятельному приобрѣтенію всѣхъ другихъ знавій». Народъ безъ сомнѣнія не разумѣетъ подъ арифметикой или счетомъ—пученіе законовъ чиселъ, но вѣдь это не мѣшаетъ арифметикѣ быть именно наукою о законахъ чиселъ. А слѣдовательно ничто не мѣшаетъ сказать: народъ *какъ будто* понимаетъ великое теоретическое значеніе математики. Программа начальнаго образованія выработана или вѣрнѣе сказать выработалась изъ самой практической жизни, и теоретическими соображеніями народъ при этомъ не задавался. Гр. Толстой ее комментируетъ, вотъ и все. Ясно или нѣтъ?

Я долженъ однако съ прискорбіемъ сказать, что среди самыхъ беззастѣнчивыхъ фальсификацій и плоско-либеральной

болтовни г. Маркова есть одно очень важное указаніе, п еслибы онъ имъ только п ограниченлся, а «нравственную обязанность» перевернуть чужія слова оставплъ бы въ сторонѣ, то нельзя было бы не поблагодарить его. Г. Марковъ дѣлаеть много любопытнѣйшихъ выписокъ изъ такихъ статей «Ясной Поляны», которыя не вошли въ собраніе сочиненій гр. Толстого п потому большинству теперешней читающей публики совершенно неизвѣстны. Я приведу только одну изъ этихъ выписокъ, правда большую, съ сохраненіемъ курсивовъ г. Маркова, которые въ этомъ случаѣ являются вполне умѣстными п дѣйствительно бьющими въ цѣль.

«... Общество въ дер. Подосинкахъ нашло своего учителя п на предложеніе мое замѣстить избраннаго ими учителя другимъ объявило, что оно *не нуждается* въ новомъ учителѣ п *своимъ довольно*. Учитель эготъ былъ *отставной дячекъ*, уже 20 лѣтъ занимавшійся обученіемъ дѣтей... Онъ предложилъ *учить дешево*, чѣмъ въ другихъ школахъ... Я посѣтилъ эту школу во время *ея цвѣтенія*. Когда мы вошли, все было тихо тамъ; 24 мальчика, сидѣвшіе съ вырѣзными указками чинно вокругъ длиннаго стола, *вдругъ запыли* па разные голоса. Во главѣ всѣхъ сидѣлъ сынъ огородника, *лѣтъ 16-ти*, въ синемъ кафтанѣ. Онъ запыльвалъ: «*надъюшійся на ны*»; сосѣдь его, вода указкой по засаленной азбучкѣ, пыль: «слова подъ титлами: ангелъ, ангельскій, архангелъ, архангельскій»; п слова начиная: слова подъ титлами: ангелъ п т. д.; третій: «буки-арцы-азь-бра»; четвертый—«премудрость». Когда я вошелъ въ избу, они закричали, потому встали. *Учителя не было*. Я спросилъ, зачѣмъ они встали? Они объяснили, что меня ждали п что такъ имъ было приказано. Я попросилъ ихъ сѣсть п продолжать; всѣ начали опять съ тѣхъ же словъ: «*надъюшійся*, слова подъ титлами» п т. д. Здѣсь я въ первый разъ видѣлъ классическую старинную школу... Какъ устриваются подобныя школы гр. Толстой описываетъ па слѣдующей страницѣ: «учитель устриваетъ столъ, лавки, назначаетъ время ученія, обыкновенно съ *8-ми часовъ до сумерекъ*; отцы обязаны снабдить неграмотныхъ дѣтей азбучками, грамотныхъ часовникомъ или псалтыремъ, смотря по степени успѣха. Весьма часто родитель покушаетъ или достаетъ *Богъ знаетъ какую книжонку* вмѣсто азбучки, иногда не можетъ достать псалтыря, когда уже мальчикъ началъ учить псалтырь, п ученикъ учить не то, что слѣдовало ему учить по порядку курса. Такъ здѣсь я засталъ псалтырщика, *читающаго уже всю выученную* наизусть азбуку, потому что единственный псалтырь былъ занятъ... Родители, приводя дѣтей въ школу или на домъ къ учителю, *всегда при ученикѣ просятъ наказывать, бить* п говорить почти одну п ту же обычную фразу, пыбющую цѣлью вну-

шить мальчику страхъ и убѣдить учителя въ томъ, что родитель передаетъ ему свою власть побоевъ надъ сыномъ... Входя въ школу, всѣ молятся Богу, садятся за книги, вновь крестятся и целуютъ эти книги. *Книга для нихъ есть божество въ родѣ идоловъ у чувашей, которое они просятъ быть милостивымъ къ нимъ.* Каждому задается стихокъ, который онъ долженъ выучить (стишокъ—строка или двѣ)... Начинается то самое лѣніе, которое я засталъ. *Учитель поручаетъ старшему смотреть за порядкомъ, самъ же большую часть уходитъ.* Порядокъ состоитъ въ томъ, чтобы каждый безостановочно продолжалъ кричать свои пять или шесть словъ. Самый лучший изъ такихъ классическихъ учителей въ продолженіи дня едва ли обойдетъ всѣхъ учениковъ, спроситъ заданный урокъ и задастъ новый, т. е. часъ времени въ продолженіи дня употребить на занятіе со всѣми. Обыкновенный же пріемъ такого рода учителей состоитъ въ томъ, чтобы поручать ученье старшему ученику, самому же въ продолженіи недѣли заняться съ учениками много 3—4 часа. Всѣ такіе учителя непременно завербовываютъ къ себѣ въ школу хотя одного грамотнаго подъ предлогомъ доучивать его, а въ сущности этотъ подуграмотный и есть учитель. Настоящій же учитель занимаетъ только полицейскую должность *прикрикнуть, приударить*, собрать деньги и изрѣдка только указать и спросить урокъ. Такими учителями очень часто бываютъ люди, почти цѣлый день заняты постороннимъ дѣломъ—*причетники, писаря, и такихъ то учителей и вытекающую изъ ихъ занятій методу* предлагаютъ вышеприведенные указы консисторіи и циркуляры министерства внутреннихъ дѣлъ о волостныхъ училищахъ».

«Да, прибавляетъ г. Марковъ, и не только консисторіи, но и самъ гр. Толстой, который въ 1862 г. удивлялся, *какъ можно предлагать* въ учителя безграмотныхъ и бесполезныхъ причетниковъ, цѣлый день *занятыхъ постороннимъ дѣломъ*,—въ 1874 г. удивляется, напротивъ, какъ можно обходиться тѣхъ же самыхъ причетниковъ, оскорбляется, что этимъ «дешевымъ учителямъ» предпочитается «любимый типъ» учителей, окончившихъ курсъ учительской школы, и хлопочетъ, чтобы вмѣсто теперешнихъ школъ, съ правильно подготовленными наставникамъ, были заводимы сотви школъ, подобныхъ Подосниковской, у солдатъ, причетниковъ и дворниковъ, дешевле, чѣмъ по 2 рубля въ мѣсяцъ».

Въ другихъ мѣстахъ гр. Толстой выражается еще рѣзче. Онъ называетъ «старинныхъ учителей» палачами и жнводѣрами и говоритъ, что не видалъ еще стариннаго учителя—«кроткаго

человѣка и не пьянцу». Что касается до требованій народа, то въ той же «Ясной Полянѣ» гр. Толстой неоднократно говорилъ, что родители требовали, чтобы дѣтей ихъ были и ничему, кромѣ азбуки, не учили. «Что намъ рихметика!—говорилъ одинъ мужикъ гр. Толстому—копейка за хлѣбъ, копейка за лукъ, вотъ и вся рихметика. У насъ солдатъ рихметики не учить, потому знаетъ, что не нужно». Изъ школъ, которыя заводилъ гр. Толстой, дѣло шло успѣшно только въ такихъ, *«гдѣ учитель ни на шагъ не сдавался на требованія крестьянъ, а прямо говорилъ: «не нравится, возьми изъ школы и отдай солдатамъ»; гдѣ онъ толковалъ, что я не пойду тебя учить, какъ пахать, хоть ты и для меня бы пахалъ, тамъ и ты не учи меня, какъ учить, хотя я и учу твоего сына,—тамъ понемногу крестьяне сдавались»*. Я не имѣлъ возможности провѣрить цитаты г. Маркова, а изъ предъидущаго видно, что почтенному писателю этому вѣрить на слово нельзя. Можетъ быть онъ и тутъ нѣчто просѣялъ и нѣчто прибавилъ. Но цитаты этихъ слѣшкомъ много и есть же граница у всякой недобросовѣстности. Должно поэтому думать, что 12 лѣтъ тому назадъ гр. Толстой не возлагалъ надеждъ на солдатъ, прохожихъ, богомолковъ и причетниковъ, которыхъ нынѣ рекомендуетъ въ народные учителя, и относился къ требованіямъ народа и его свободѣ выбирать программу образованія не столь довѣрчиво, какъ теперь. Это уже не противорѣчіе между гр. Толстымъ и г. Цвѣтковымъ, что ни мало не поучительно, это—противорѣчіе гр. Толстого съ самимъ собой и притомъ не только противорѣчіе его взглядовъ 1862 г. со взглядами 1874, какъ думаетъ г. Марковъ. Нѣтъ, гр. Толстой совершенно справедливо заявляетъ, что его основныя воззрѣнія со временъ «Ясной Поляны» не измѣнились. Поэтому то, что является противорѣчіемъ теперь, было и тогда противорѣчіемъ.

Мы здѣсь имѣемъ первый случай столкновенія десницы гр. Толстого съ шуйцей, которое (столкновение) есть только одно звѣно изъ цѣлой цѣпи и можетъ быть правильно оцѣнено только въ совокупности всѣхъ этого рода явленій литературной дѣя-

тельности этого искренно и глубоко уважаемаго мною писателя.

Х.

Десница и шуйца гр. Толстого.

(Продолженіе).

Какъ ни просты, какъ ни ясны соображенія гр. Толстого о значеніи для народа явленій, которыя принято называть прогрессивными, но приходятъ къ нимъ сравнительно очень и очень немногіе люди. И это совершенно понятно. «Мы всё, вверху стоящіе, что городъ на горѣ, дабы всёму видѣнъ былъ»—естественно должны принимать близко къ сердцу казовую сторону цивилизаціи. Цивилизація разбудила въ насъ извѣстныя потребности и затѣмъ сама же удовлетворяетъ этимъ потребностямъ въ извѣстномъ порядкѣ и въ извѣстной степени. Наслажденія умственной дѣятельностью, искусствомъ, политическою дѣятельностью, матеріальною обстановкой, сознанной цивилизаціей, такъ велики, такъ осязательны, что намъ вполне естественно добиваться ихъ и затѣмъ просто наслаждаться, когда они въ той или другой мѣрѣ добыты. Мы очень хорошо знаемъ цѣну, заплаченную за нихъ нами самими, и именно поэтому даже не задаемъ себѣ вопроса,—не оплачиваетъ ли наши наслажденія еще кто-нибудь, кромѣ насъ? А если онъ намъ и представится, то мы невольно отъ него отмахиваемся, что даже очень удобно, благодаря сложности и запутанности явленій жизни. Теперь напримѣръ раздаются повсюду жалобы на оскудѣніе беллетристическихъ талантовъ. Критика припоминаетъ Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Грибоѣдова, припоминаетъ вторую серію большихъ талантовъ—Льва Толстого, Гончарова, Тургенева—и сътуетъ, что источникъ наслажденія поэтическими произведеніями какъ бы псыкъ, не даетъ ничего новаго и грозитъ даже совер-

шенно высохнуть, какъ только неумолимая смерть унесетъ представителей прежняго, блестящаго періода русской поэзіи. Таланты есть и теперь и еслибы мы не имѣли образцовъ талантовъ болѣе спящихъ, мы были бы можетъ быть совершенно довольны своимъ настоящимъ. Но въ общемъ счетѣ группы поэтовъ 20—30 и затѣмъ 40 годовъ несомнѣнно примпруютъ надъ всѣмъ, что народилось лучшаго въ послѣдніе пятнадцать—двадцать лѣтъ. Изъ новѣйшихъ беллетристовъ—у кого не хватаетъ выдержки и законченности, у кого—тонкости пониманія и изящества кисти, словомъ, всѣ такъ или иначе съ изъяномъ, всѣ не даютъ намъ тѣхъ наслажденій, которыя мы уже имѣли случаи испытывать. Представимъ себѣ теперь, что иже-слѣдующее объясненіе этого прискорбнаго явленія вполне вѣрно: поэты двадцатыхъ—сороковыхъ годовъ были, хоть и не очень богатые люди, но все-таки въ большинствѣ случаевъ помѣщики, обезпеченные крѣпостнымъ правомъ. Они имѣли полную возможность развивать свои таланты на досугѣ, учиться болѣе или менѣе пристально съ пзмала, посѣщать заграничныя университеты, исполнять рецептъ Гоголя, по которому слѣдуетъ написать повѣсть и дать ей «отлежаться» съ годъ, потомъ переписать ее и опять отложить и т. д. до восьми разъ. При такой обстановкѣ, ни одна случайная искра духовнаго интереса не могла пропасть совсѣмъ даромъ и должна была преимущественно разгораться пламенемъ поэтическаго таланта, ибо поэзія составляла чуть не единственное, болѣе или менѣе свободное поприще умственной дѣятельности. Нынѣ талантовъ нарождается можетъ быть и не меньше, но одни совсѣмъ затираются безпощадной борьбой за существованіе, такъ что и не показываются даже, а другіе недоразвиваются. Возвратите крѣпостное право или подождите, пока выростутъ и окрѣнутъ, т. е. передадутся нѣсколько разъ по наслѣдству большіе промышленные капиталы, и русская беллетристика опять расцвѣтетъ. Я очень хорошо понимаю, что это объясненіе далеко не полное, но думаю, что оно въ значительной степени вѣрно. Положимъ, что мнѣ удалось бы доказать это со всею возможною въ такого рода вопросахъ точ-

ностью. Какъ бы вы приняли эту диссертацию, мой благосклонный читатель? Если бы вы были крѣпостникомъ, вы бы одобрительно промычали и сказали бы: ну вотъ, я всегда это говорилъ! Если бы вы были чѣмъ нибудь въ родѣ г. Скальковскаго, вы сказали бы, что къ крѣпостному праву возврата нѣтъ; но поставить поэзію въ зависимость отъ капитала—не вредно. Если бы вы были не крѣпостникомъ и не г. Скальковсимъ, а только русскимъ Ренаномъ, г. Страховымъ, вы бы сказали: конечно «потъ многихъ есть необходимое условіе развитія немногихъ» и, хоть крѣпостное право омерзительно, но нужно что нибудь этакое—«фантастическое и неопредѣленное, долженствующее произвести на зрителя легкое, но пріятное впечатлѣніе», какъ говорится въ афишахъ фокусниковъ. Крѣпостникъ и г. Скальковскій для насъ здѣсь ни мало не интересны, ибо рѣчь идетъ о поэзій, до которой имъ дѣла нѣтъ. Г. Страховъ конечно интереснѣе, ибо онъ способенъ наслаждаться поэзій и знаетъ цѣну этому наслажденію. Онъ дѣйствительно можетъ потребовать чего нибудь «фантастическаго и неопредѣленнаго» единственно ради интересовъ русской литературы и—мало того—способенъ сказать это смѣло, публично. Но гг. Страховы очень рѣдки въ природѣ. Большинство моихъ благосклонныхъ читателей, я полагаю, не рѣшатся заявить симпатій къ «фантастическому и неопредѣленному», отчасти пожему, а отчасти совсѣмъ не пожему на крѣпостное право; не рѣшатся заявить не только публично, другимъ, а и внутри себя, сами себѣ. Дѣ, господа, какъ бы ни были убѣдительно мои доводы, хоть бы вы подъ нихъ не сумѣли проглотить подточить, вы не то, что не согласились бы со мной, а не хотѣли бы согласиться. Вамъ было бы больно, обидно призвать, что можетъ быть чистѣйшія ваши наслажденія выросли при помощи такого удобренія, какъ крѣпостное право; до такой степени больно, что вы отогнали бы отъ себя эту мысль какъ неприятнаго комара, не дающаго спокойно заснуть. Но если бы, продолжая гипотезу непровержимой точности моихъ доказательствъ, вы в согласились со мной, вамъ было бы въ высокой степени трудно долго удержаться на рекомендуемой мной точкѣ зрѣнія,

и вы бы можетъ быть пропустили, не поморщившись, напимѣръ слѣдующія строки статьи «Современная бездарность», напечатанной въ № 5 «Дѣла» (мнѣ неизвѣстно, принадлежать ли эти строки автору статьи или Гальтону, о книгѣ котораго статья трактуеть, но это все равно): «Ниче, какъ всегда, хозяйство на человѣческія силы (?) совершенно въ пренебреженіи и всѣ бычачап и строй жизни клонятся не къ тому, чтобы увеличивать массу людей (?) и массу мыслящаго мозга, а къ тому, чтобы пхъ уменьшпть. Любопытнѣйшій фактъ этого рода представляетъ древняя Греція. Нигдѣ и никогда не было такой массы выдающихся геніальныхъ людей, какъ въ Атикѣ. Милліоны европейцевъ въ теченіе двухъ тысячъ лѣтъ не произвели ничего подобнаго Сократу, Периклу, Фидію, и даже величайшій европеецъ—лордъ Бэконъ едва равняется второстепенному челоѣку древности—Платону. Еслибы порода древнихъ грековъ могла сохраниться, распространиться и размножиться по другимъ странамъ, въ этомъ бы заключалось величайшее благо для всей послѣдующей цивилизаціи и размѣръ этого блага мы даже не въ состояніи себѣ вообразить. Но общественная нравственность древняго міра крайне извратилась. Браковъ избѣгали, потому что они вышли изъ моды, многія изъ самыхъ честолюбивыхъ и образованныхъ женщинъ открыто вели распутную жизнь и потому не имѣли дѣтей, а матери будущихъ поколѣній принадлежали къ класамъ общества менѣе интеллектуальнымъ».

Эти строки дали вамъ безъ сомнѣнія много пищи для размышленій, очень интересныхъ. Такъ вы размышляли можетъ быть объ томъ, есть ли какія нибудь основанія для признанія Бэкона величайшимъ европейцемъ, Платона—второстепеннымъ челоѣкомъ древности, а Перикла—не превзойденнымъ никѣмъ въ послѣдующіе вѣѣа; объ томъ, возможно ли и вообще какое нибудь основаніе для подобныхъ сравненій; объ томъ, хорошо или дурно, что честолюбивѣйшія изъ гречанокъ не имѣли дѣтей и т. п. Но весьма вѣроятно, что вы, какъ и авторъ приведенныхъ строкъ, совершенно упустили изъ виду одно немаловажное и уже несомнѣнное—не то, что мое объясненіе расцвѣта и

оскудѣнія русской поэзіи—обстоятельство: «болѣе интеллектуальныя» классы общества аѳинскаго, всѣ эти Сократы, Платоны, Фидіи и Периклы выросли на рабствѣ и сами открыто признавали институтъ этотъ необходимымъ условіемъ своего блеска. Вы не задавали себѣ вопроса: какъ отразились бы на послѣдующей цивилизаціи сохраненіе и распространеніе «породы древнихъ грековъ», съ точки зрѣнія этой коренной ея складки? Почему вы не задали себѣ этого вопроса? Во-первыхъ потому, что вамъ, какъ образованному человѣку, мудрый Сократъ и изящнѣйшій Фидій несравненно ближе, чѣмъ темная масса «менѣе интеллектуальныхъ» греческихъ рабовъ. Во-вторыхъ потому, что Сократъ и Фидій и сами по себѣ замѣтнѣе, ярче темной массы. В-третьихъ наконецъ потому, что связь Сократа и Фидія съ рабствомъ производитъ столь непріятное, отталкивающее впечатлѣніе, что вы инстинктивно его избѣгаете.

Замѣтите, благосклонный читатель, что я объ васъ не дурнаго, а напротивъ очень хорошаго мнѣнія: я предполагаю, что связь мудрости Сократа и искусства Фидія съ рабствомъ или высокаго поэтическаго таланта гр. Л. Н. Толстого съ крѣпостнымъ правомъ производитъ на васъ обидное, отталкивающее впечатлѣніе. Но нѣкоторые изъ читателей имѣютъ вѣроятно право на еще лучшее о нихъ мнѣніе. Потому ли что они вышли изъ рядовъ темной массы, на себѣ испытывающей невидную сторону блеска цивилизаціи; потому ли, что они люди очень большаго ума, не позволяющаго имъ отворачиваться даже отъ непріятной истины; потому ли наконецъ, что они случайно одарены тонкой и воспримчивой нравственной организаціей, но они признаютъ фактъ означенной связи и признаютъ не на манеръ крѣпостника или г. Страхова. Для такихъ людей возникаетъ рядъ очень мучительныхъ вопросовъ. Сократъ мудръ, Фидій прекрасенъ, но возросшее ихъ рабство омерзительно. Можно ли разорвать ненавистную, связывающую ихъ цѣль? или надо признать эту связь фатальною и отказаться отъ надежды обладать философіей и искусствомъ? или напротивъ продолжать плодить мысль и красоту на почвѣ чистаго рабства или одного изъ его видоизмѣненій?

Если я, «интеллектуальный» человекъ, созналъ, что интеллектъ мой и всё связаннаго съ нимъ наслажденія куплены цѣною «пота многихъ», то каково должно быть мое поведеніе? Отказаться отъ интеллектуальныхъ наслажденій я не могу, признать ихъ происхожденіе безгрѣшнымъ—тоже не могу.

Повторяю, очень не многіе способны задать себѣ эти вопросы, не потому, чтобы ихъ постановка представляла какія нибудь непреодолимая логическія трудности, напротивъ логически они крайне просты, но потому, что тутъ становится поперегъ дороги весь складъ нашей жизни, все наше воспитаніе, всё привычныя, ежедневныя впечатлѣнія. Даже *die Wenigen, die was davon erkannten*, не могутъ пройти весь свой жизненный путь твердымъ, увѣреннымъ шагомъ и почти неизбѣжно впадаютъ въ рядъ противорѣчій. Не избѣгъ этихъ противорѣчій и гр. Толстой. Я этому не удивляюсь. Въ статьѣ г. Маркова упоминается, что онъ богатый помѣщикъ; изъ романовъ его явствуетъ, что онъ коротко знаетъ высшій свѣтъ и вѣроятно имѣеть съ нимъ многостороннія и прочія связи; онъ очень тонкій художникъ и такъ горячо говоритъ объ искусствѣ, что долженъ придавать эстетическому наслажденію высокую цѣну. И этому-то человеку, имѣющему возможность наслаждаться всѣми лучшими благами цивилизаціи, совокупность какихъ-то неизвѣстныхъ намъ обстоятельствъ вложила въ голову мысли, изложенныя мною въ прошлый разъ. Еслибы такія мысли пришли въ голову человеку, лично неспособному или матеріальною обстановкою лишенному возможности вкушать плоды цивилизаціи, то тутъ не было бы ничего удивительнаго. И обойтись безъ противорѣчій такому человеку было бы весьма легко. Напримѣръ человекъ, по своей собственной винѣ или по винѣ обстоятельствъ невѣжественный или лишенный потребности познанія, можетъ весьма послѣдовательно, ни разу въ жизни себѣ не противорѣча, отрицать знаніе, по скольку оно отрицается точкою зрѣнія гр. Толстого. Но самъ гр. Толстой находится въ совершенно иномъ положеніи. Возьмемъ его литературную дѣятельность. Онъ—блестящій писатель, пользующійся громадною извѣстностью, онъ — художникъ,

т. е. творецъ и несомнѣнно глубоко наслаждается актомъ поэтическаго творчества, онъ издавалъ журналъ и печаталъ въ другихъ журналахъ и отдѣльными изданіями свои произведенія. Между тѣмъ онъ пришелъ къ слѣдующимъ воззрѣніямъ на книгопечатаніе.

«Для меня очевидно, что распложеніе журналовъ и книгъ, безостановочный и громадный процессъ книгопечатанія былъ выгодеиъ для писателей, редакторовъ, издателей, корректоровъ и наборщиковъ. Огромныя суммы народа косвенными путями перешли въ руки этихъ людей. Книгопечатаніе такъ выгодно для этихъ людей, что для увеличенія числа читателей придумывалосъ всевозможныя средства: стихи, повѣсти, скандалы, обличенія, слетки, полемика, подарки, преміи, общества грамотности, распространенія книгъ и школы для увеличенія числа грамотныхъ... Но ежели число журналовъ и книгъ увеличивается, ежели литература такъ хорошо окупается, то стало быть она необходима, скажутъ мнѣ наивные люди. Стало быть откупа необходимы, что они хорошо окупались? отвѣчу я... Литература, также какъ и откупа, есть только искусная эксплуатація, выгодная только для ея участниковъ и невыгодная для народа... У насъ есть разные журналы... (гр. Толстой перечисляетъ тогдашніе журналы), есть сочиненія Пушкина, Гоголя, Тургенева, Державина. И всѣ эти журналы и сочиненія, несмотря на давность существованія, неизвѣстны, не нужны для народа и не приносятъ ему никакой выгоды. Я говорилъ уже объ опытахъ, дѣланныхъ мною для привитія нашей общественной литературы народу. Я убѣдился, въ чемъ можетъ убѣдиться каждый, что для того, чтобы человѣку изъ русскаго народа полюбить чтеніе «Бориса Годунова» Пушкина или исторію Соловьева, надо этому человѣку перестать быть тѣмъ, чѣмъ онъ есть, т. е. человѣкомъ независимымъ, удовлетворяющимъ всѣмъ своимъ человѣческимъ потребностямъ. Наша литература не прививается и не привьется народу, надѣюсь — люди, знающіе народъ и литературу, не усомнятся въ этомъ... Всякій добросовѣстный судья, неодолимый вѣрой прогресса, признается, что выгодъ книгопечатанія для народа не было... Но скажутъ можетъ быть, признавая мои доводы справедливыми, что прогрессъ книгопечатанія, не принося прямой выгоды народу, содѣйствуетъ его благосостоянію тѣмъ, что смягчаетъ нравы общества; что разрѣшеніе крѣпостнаго вопроса, напримѣръ, есть только произведеніе прогресса книгопечатанія. На это я отвѣчу, что смягченіе нравовъ общества еще нужно доказать, что я лично его не вижу и не считаю нужнымъ вѣрить на слово. Я не нахожу напримѣръ, чтобы отношенія фабриканта къ работнику были человѣчяѣе отношеній помѣщика къ крѣпостному... Главное же, что я имѣю сказать противъ такого аргумента, есть то, что взявъ въ примѣръ хотя освобожденіе отъ крѣпостнаго права, я не вижу, чтобы книгопечатаніе содѣйствовало его прогрессивному разрѣшенію. Ежели бы прави-

тельство въ этомъ дѣлѣ не сказало своего рѣшительнаго слова, то книгопечатаніе безъ сомнѣнія разъяснило бы дѣло совершенно иначе. Мы видѣли, что большая часть органовъ требовала бы освобожденія безъ земли и приводила бы доводы, столь же кажушіеся разумными, остроумными, саркастическими. Прогрессъ книгопечатанія, какъ и прогрессъ электрическихъ телеграфовъ, есть монополія извѣстнаго класса общества, выгодная только для людей этого класса, которые подъ словомъ прогрессъ разумѣютъ свою личную выгоду, вслѣдствіе того всегда противорѣчащую выгодѣ народа. Мнѣ пріятно читать журналы отъ праздности, я даже интересуюсь Оттономъ, королемъ греческимъ. Мнѣ пріятно написать или издать статейку и получить за нее деньги и извѣстность. Мнѣ пріятно получить по телеграфу извѣстіе о здоровьи моей сестрицы и знать навѣрное какой цѣны я долженъ ожидать за свою пшеницу. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ нѣтъ ничего предосудительнаго въ удовольствіяхъ, которыя я при этомъ испытываю, и въ желаніяхъ, которыя я имѣю, чтобы удобства ея такого рода удовольствіямъ увеличивались, но совершенно несправедливо будетъ думать, что мои удовольствія совпадаютъ съ увеличеніемъ благосостоянія всего человѣчества».
(Сочиненія, т. IV, 192 и слѣд.)...

Я не скуплюсь на выписки изъ IV тома сочиненій гр. Толстого, какъ потому, что мнѣ нужна самая точная передача его мыслей, такъ и потому, что излагаемая мною воззрѣнія гр. Толстого, я увѣренъ, совершенно неизвѣстны огромному большинству моихъ читателей. Такъ прочно установилась какимъ то чудомъ его репутація, какъ плохаго мыслителя, что IV томъ его сочиненій, въ которомъ собраны педагогическія статьи, мало кѣмъ читается, несмотря на то, что тамъ есть страницы даже въ чисто художественномъ отношеніи превосходящія можетъ быть все, написанное гр. Толстымъ. Между тѣмъ именно въ этомъ томѣ слѣдуетъ искать ключа ко всей литературной дѣятельности нашего знаменитаго романиста. Всякій писатель можетъ подвергаться и подвергается крайне разнорѣчивымъ сужденіямъ, во - первыхъ потому, что судьи обладаютъ различными степенями критической способности, во-вторыхъ потому, что они держатся различнаго образа мыслей. Но относительно гр. Толстого существуетъ еще третья и по истинѣ удивительная причина: несмотря на всю свою извѣстность, онъ неизвѣстенъ. Будемъ же изучать его.

Я прошу читателя серьезно вдуматься въ душевное состояніе

писателя, пришедшаго къ вышеприведеннымъ воззрѣніямъ на книгопечатаніе и литературу,—писателя не ради куска хлѣба и не по какимъ-нибудь случайнымъ обстоятельствамъ, а такого, какъ гр. Толстой, т. е. писателя по призванію, неудержимо гонимаго на литературное поприще избыткомъ творческой силы. Положеніе истинно трагическое. Гр. Толстой совершенно справедливо говоритъ, что нѣтъ ничего предосудительнаго въ желаніи написать статейку и получить за нее деньги и извѣстность. Конечно это времяпровожденіе само по себѣ ни мало не предосудительно. Но гр. Толстой знаетъ, что этимъ именно непредосудительнымъ путемъ «огромныя суммы народа перешли въ руки» лицъ, прикосновенныхъ къ литературѣ и книгопечатанію; что такъ именно слагается вся литература, эта «искусная эксплуатация, выгодная только для ея участниковъ и невыгодная для народа». Человѣку, не напечатавшему во всю жизнь ни одной строки или писательствующему не по внутренней потребности дѣлиться съ читателями возникающими въ немъ мыслями и образами,—легко сказать то, что говоритъ гр. Толстой. Съ другой стороны есть много людей, совершающихъ ужасныя преступленія и тѣмъ не менѣе спокойныхъ душой, потому что ихъ дѣянія для нихъ не суть преступленія, они не сознаютъ ихъ преступности. Словомъ, когда сознаніе и потребности находятся тѣмъ или другимъ способомъ въ равновѣсіи, жить легко. Гр. Толстой напротивъ ясно сознаетъ, что литература есть одинъ изъ видовъ эксплуатаціи народа, и тѣмъ не менѣе участвуетъ въ ней и не можетъ не участвовать, потому что какъ вѣчному жиду таинственный голосъ не уставалъ говорить: иди, иди, иди, такъ и гр. Толстому внутренній голосъ, голосъ его богато одаренной природы, не устаетъ говорить: пиши, пиши, пиши! Это столкновение неудержимой потребности съ неумолчимымъ сознаніемъ составляетъ драму, перенетіи которой должны быть тщательно изучены каждымъ, желающимъ получить правильное понятіе о литературной дѣятельности гр. Толстого. Я не намѣренъ трактовать объ «Аннѣ Карениной», во-первыхъ потому, что она еще не кончена, во-вторыхъ потому, что объ ней надо или много говѣ-

рять или ничего не говорить. Скажу только, что въ этомъ романѣ несравненно поверхностнѣе, чѣмъ въ другихъ произведеніяхъ гр. Толстого, но можетъ быть именно вслѣдствіе этой поверхностности, яснѣе чѣмъ гдѣ нибудь отразились слѣды совершающейся въ душѣ автора драмы. Спрашивается, какъ быть такому человѣку, какъ ему жить, какъ избѣжать той отравы сознанія, которая ежеминутно вторгается въ наслажденіе удовлетворенной потребности? Безъ сомнѣнія онъ хотя бы инстантивно долженъ изыскивать средства покончить внутреннюю душевную драму, спустить занавѣсъ, но какъ это сдѣлать? Я думаю, что если бы въ такомъ положеніи могъ очутиться человѣкъ дюжинный, онъ покончилъ бы самоубійствомъ или безпробуднымъ ньявствомъ. Человѣкъ недюжинный будетъ разумѣется искать другихъ выходовъ, и такихъ представляется не одинъ. Гр. Толстой испробовалъ кажется ихъ всѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ мы видимъ цѣлый рядъ очень естественныхъ колебаній въ самыхъ этихъ пробахъ и рядъ отклоненій отъ основной (можетъ быть не вполне сознаваемой самимъ авторомъ) задачи. Задача эта состоитъ въ томъ, чтобы, оставаясь писателемъ, перестать участвовать въ «искусной эксплуатаціи» или по крайней мѣрѣ какъ-нибудь вознаграждать народъ за эту эксплуатацію. Есть для этого прямой путь, — стать чисто народнымъ писателемъ, внести свою лепту въ созданіе литературы, которая могла бы «привиться» народу. Но, даже при наличности всѣхъ другихъ благоприятныхъ условій, это — дѣло крайне трудное въ техническомъ отношеніи. Гр. Толстой испробовалъ впрочемъ, хотя отчасти, и этотъ путь нѣсколькими рассказами и статейками, вошедшими въ «Азбуку». Здѣсь кстати будетъ сдѣлать слѣдующее замѣчаніе. Я уже говорилъ, что взгляды гр. Толстого на различныя «явленія прогресса», при несомнѣнно глубокой и оригинальной точкѣ зрѣнія, часто слишкомъ просты и, такъ сказать, прямолинейны для того, чтобы вполне соответствовать сложной и запутанной дѣйствительности. Этою излишнею простотою страдаетъ и его взглядъ на литературу и книгопечатаніе. Что теперешняя наша литература вообще говоря не прививается и не привѣтся народу, это вѣрно. Су-

ществуютъ однако исключенія. Я не буду объ нихъ распростра-
няться и укажу только на самаго гр. Толстого, который напеча-
татель рассказъ «Кавказскій плѣнникъ» сначала въ журналѣ
«Заря», т. е. для «общества», а потомъ въ «Азбукѣ», т. е. для
народа. Можетъ быть «Кавказскій плѣнникъ» и, помнится, еще
одинакъ рассказъ были напечатаны въ «Зарѣ» только какъ образцы
рассказовъ для народа. Но есть и другіе этого рода примѣры.
Наша критика (т. е. часть «общества») весьма много хвалила
и хулила, вообще обсуждала солдатика Платона Каратаева въ
«Войнѣ и мирѣ»,—романъ этотъ написанъ конечно не для на-
рода,—между тѣмъ очень характерный рассказъ Каратаева о не-
винно сосланномъ на каторгу купцѣ вошелъ въ «Азбуку» подъ
заглавіемъ «Богъ правду видитъ». Во всякомъ случаѣ дѣятель-
ность гр. Толстого, какъ народнаго писателя, поглотила срав-
нительно ничтожную долю его силъ. Намъ, «обществу», онъ
далъ «Дѣтство и отрочество», «Войну и миръ», а народу не
далъ, какъ писатель, конечно ничего даже отдаленно похожаго
на что-нибудь равноцѣнное. Это зависитъ прежде всего отъ того,
что ему представился другой и тоже прямой путь служенія на-
роду,—дѣятельность педагогическая, къ которой его толкнулъ
другой даръ природы—«педагогическій тактъ». Этотъ педагогич-
ескій тактъ гр. Толстой и самъ знаетъ за собою, да объ немъ
свидѣтельствуетъ и г. Марковъ, ссылающійся на свое личное
знакомство съ веденіемъ дѣла въ школѣ гр. Толстого. Но о пе-
дагогической дѣятельности гр. Толстого рѣчь пойдетъ ниже.
Однако народнымъ писателемъ гр. Толстой не сдѣлался, я ду-
маю, не только потому, что нашелъ въ педагогикѣ иной способъ
отплаты за эксплуатацію, въ которой онъ участвуетъ наравнѣ
съ другимъ писателями. Тутъ есть и другая причина. Кругъ
его умственныхъ интересовъ и слишкомъ широкъ, и слишкомъ
узокъ для роли народнаго писателя. Съ одной стороны онъ вла-
дѣетъ запасомъ образовъ и идей, недоступныхъ народу по своей
высотѣ и широтѣ. Съ другой стороны онъ, какъ человѣкъ из-
вѣстнаго слоя общества, слишкомъ близко принимаетъ къ сердцу
мелкія, узкія радости и тревоги этого слоя, слишкомъ ими за-

нить, чтобы отказаться отъ поэтическаго ихъ воспроизведенія. Забавы аристократическихъ салоновъ и буръ дамскихъ будуаровъ, не смотря на все ихъ ничтожество, очевидное для самого графа Толстого, очень его интересуютъ. Эти интересы—новый элементъ совершающейся въ его душѣ драмы—мѣшаютъ ему не только быть народнымъ писателемъ, но и идти по другому, косвенному пути къ примиренію потребности поэтическаго творчества съ сознаниемъ нѣкоторой его грѣховности. Въ самомъ дѣлѣ рѣдко кому дано счастье умѣть писать для народа,—я называю это счастьемъ, хотя бы уже потому, что имѣть миллионы читателей пріятнѣе, чѣмъ тысячи или сотни,—гр. Толстой можетъ и не обладать нужными для этого силами и способностями. Но развѣ онъ увѣренъ, что нація состоитъ изъ двухъ половинъ и что даже невinnныя, «непредосудительныя» наслажденія одной изъ нихъ клонятся къ невыгодѣ другой,—что можетъ мѣшать ему посвятить всѣ свои громадныя силы этой громадной темѣ? Трудно даже себѣ представить, чтобы какія-нибудь иныя темы могли занимать писателя, носящаго въ душѣ такую страшную драму, какую носятъ въ своей гр. Толстой: такъ она глубока и серьезна, такъ она захватываетъ самый корень литературной дѣятельности, такъ она казалось бы должна глушить всякіе другіе интересы, какъ глушитъ другія растенія цѣпкая павилка. И развѣ это недостаточно высокая цѣль жизни: напоминать «обществу», что его радости и забавы отнюдь не составляютъ радостей и забавъ общечеловѣческихъ; разъяснять «обществу» истинный смыслъ «явленій прогресса»; будить хоть въ нѣкоторыхъ, болѣе воспримчивыхъ натурахъ сознание и чувство справедливости? И развѣ на этомъ обширномъ полѣ негдѣ разгуляться поэтическому творчеству? Гр. Толстой много и сдѣлалъ въ этомъ направленіи. Противопоставленіемъ двухъ означенныхъ половинъ въ «Казакахъ», севастопольскихъ очеркахъ, во многихъ мѣстахъ «Войны и мира», въ «Утрѣ помѣщика» и др. онъ доставилъ много хорошей духовной пищи общественному сознанию. Сюда же относятся его педагогическія статьи и самое изданіе журнала «Ясная Поляна», который, будучи продуктомъ книгопеча-

танія и слѣдовательно «искусной эксплуатаціи», тѣмъ не менѣе навѣрное вносили миръ въ совѣсть гр. Толстого. Нельзя того же сказать о тщательномъ изученіи и изображеніи радостей и тревогъ аристократическихъ самоповъ и бурь дамскихъ будуаровъ. Надѣюсь, читателю понятно, что эта тема удовлетворяетъ только потребность творчества гр. Толстого, причемъ онъ долженъ сознать, что уклоняется отъ жизненнаго пути, представляющагося ему правильнымъ, или по крайней мѣрѣ долженъ сознать, что идетъ путемъ неправильнымъ. Правда, онъ тутъ получаетъ удовлетвореніе и какъ человѣкъ извѣстнаго слоя общества, которому можетъ быть не чуждо и все человѣческое, но въ особенности близки интересы, чувства и мысли именно этого слоя. Это—такъ, но въ этомъ то и состоитъ отклоненіе отъ пути, признаваемаго гр. Толстымъ правильнымъ, тутъ то и начинается его *шуйца*, что опять таки должно быть ему самому яснѣе, чѣмъ кому нибудь. Въ самомъ дѣлѣ,—что значить предавать тисненію тончайшій и подробнѣйшій анализъ различныхъ перипетій взаимной любви Анны Карениной и флигель адъютанта графа Вронскаго, или исторіи Наташи Безуховой пѣе графини Ростовоу и т. п.? Говоря словами самаго гр. Толстого, обнаруженіе во многихъ тысячахъ экземпляровъ анализа напримѣръ ощущеній графа Вронскаго при видѣ переломленнаго хребта любимой его лошади, само по себѣ не составляетъ «предосудительнаго» поступка. Ему «пріятно получить за это деньги и извѣстность», а намъ, «обществу», не всему конечно, а преимущественно свѣтскимъ людямъ и кавалеристамъ очень любопытно посмотрѣться въ превосходное художественное зеркало. Когда дѣло идетъ о герояхъ произведеній г. Тургенева, колеблющихся между юною и неопытною дѣвою съ одной стороны и страстнымъ, стремительнымъ демономъ въ юбѣ съ другой, о душевномъ состояніи автора не можетъ быть и разговора: оно прозрачно, какъ кружева страстнаго демона и цвѣтъ лица юной дѣвы, пбо г. Тургеневъ не смущенъ воззрѣніями гр. Толстого на роль книгопечатанія и литературы. Но гр. Толстой имѣетъ эти воззрѣнія. Поэтому ему должно быть крайне обидно слы-

шать похвалы людей въ родѣ критиковъ «Русск. Вѣстника», «Русск. Мира» и «Гражданина», которые увѣрены, что, какъ выразился одинъ изъ нихъ, «литература ничѣмъ другимъ не можегъ питаться, какъ интересами образованнаго круга, потому что они одни только суть истинные національные интересы въ формѣ сознательной и пріуроченной къ интересамъ цивилизаціи. «Русск. Вѣстникъ» 1874, № 4, статья о «Пугачевцахъ» гр. Сальяса). Конечно это только мое предположеніе, что гр. Толстому обидно слышать эти похвалы, но предположеніе кажется весьма вѣроятное. Другой изъ этихъ пещерныхъ критиковъ заявилъ, что герои «Анны Карениной» суть «люди, сохраняющіе *среди насъ общественныхъ наслоеній лучшія преданія культурнаго общества*». Эти несчастные не знаютъ, что по мнѣнію гр. Толстого «въ поколѣніяхъ работниковъ («новыя общественныя наслоенія») лежитъ и больше силы, и больше сознанія правды и добра, чѣмъ въ поколѣніяхъ бароновъ, банкировъ, профессоровъ и лордовъ» («культурное общество»). Эти несчастные не подозреваютъ, что для гр. Толстого «требованія народа отъ искусства законнѣе требованій испорченнаго меньшинства такъ называемаго образованнаго класса»; что для гр. Толстого не то что гр. Сальясъ съ своими «Пугачевцами», а такіе великаны, какъ Пушкинъ и Бетховенъ, не стоятъ пѣсни о «Ванькѣ-кдюшничкѣ» и палѣва «Внизъ по матушкѣ по Волгѣ» (Сочиненія, т. IV, 380). Эти несчастные не понимаютъ, что то, что имъ нравится въ гр. Толстомъ, есть только его *шуйца*, печальное уклоненіе, *невольная дань «культурному обществу»*, къ которому онъ принадлежитъ. Они бы рады были изъ него лѣвшу сдѣлать, тогда какъ онъ, я думаю, былъ бы счастливъ, еслибы родился безъ шуйцы. Повторяю, я только предполагаю, что гр. Толстому должно быть обидно слышать похвалы пещерныхъ людей, которыя (похвалы) относятся только къ его шуйцѣ. Но мнѣ лично всегда бываетъ обидно за гр. Толстого, когда я вижу усилія, и не безуспѣшныя, пещерныхъ людей замарать его своимъ нравственнымъ соѣдствомъ. Обидно не потому, что я самъ желалъ бы стоять рядомъ съ гр. Толстымъ, хотя разумѣется и это привлекательно,

но потому, что, марая его своимъ нечистымъ прикосновеніемъ, они отняли у общества чуть не всю его десницу. Почему читающей публикѣ рѣшительно неизвѣстны истинныя воззрѣнія гр. Толстого? Отчего они не коснулись общественнаго сознанія? Много есть тому причинъ, но одна изъ нихъ несомнѣнно есть нравственное сосѣдство пещерныхъ людей, холопски, т. е. съ разными привраніями и умолчаніями лобызающихъ шуйцу гр. Толстого. Я на себѣ испыталъ это. Я поздно познакомился съ идеями гр. Толстого, потому что меня отгоняли пещерные люди, и былъ пораженъ, увидавъ, что у него нѣтъ съ ними ничего общаго. Полагаю, что это не исключеніе, а общее правило.

Драма, совершающаяся въ душѣ гр. Толстого, есть тоже моя гипотеза, но гипотеза законная, потому что безъ нея нѣтъ никакой возможности свести концы его литературной дѣятельности съ концами. Гипотеза же эта объясняетъ мнѣ все.

Члены, употребляя терминологию гр. Толстого, «общества» или, говоря языкомъ пещерныхъ людей, «культурнаго общества» представляются нашему автору людьми испорченными, исполненными лжи, мелкими даже въ лучшихъ проявленіяхъ ихъ духа. Онъ говоритъ на примѣръ: «страшно сказать: я пришелъ къ убѣжденію, что все, что мы сдѣлали по этимъ двумъ отраслямъ (по музыкѣ и поэзіи), все сдѣлано по ложному, исключительному пути, не имѣющему значенія, неимѣющему будущности и ничтожному въ сравненіи съ тѣми требованіями и даже произведеніями тѣхъ же искусствъ, образчики которыхъ мы находимъ въ народѣ. Я убѣдился, что лирическое стихотвореніе, какъ на примѣръ «Я помню чудное мгновенье», произведенія музыки, какъ послѣдняя симфонія Бетховена,—не такъ безусловно и всемірно хороши, какъ пѣсня о «Ванькѣ влюбничкѣ» и напѣвъ «Вяизъ по матушкѣ по Волгѣ»; что Пушкинъ и Бетховенъ нравятся намъ не потому, что въ нихъ есть абсолютная красота, но потому, что мы также испорчены, какъ Пушкинъ и Бетховенъ, потому что Пушкинъ и Бетховенъ одинаково лѣстятъ нашей уродливой раздражительности и нашей слабости». Нѣсколько раньше въ той же статьѣ («Ясно-Полянская школа за ноябрь и

декабрь мѣсяцы») читаемъ: «Картина Иванова возбудитъ въ народѣ только удивленіе предъ техническимъ мастерствомъ, но не возбудитъ никакого, ни поэтическаго, ни религіознаго чувства, тогда какъ это самое поэтическое чувство возбуждено лубочною картинкой Іоанна Новгородскаго и чорта въ кувшинѣ. Венера Милосская возбудитъ только законное отвращеніе предъ наготой, предъ наглостью разврата—стыдомъ женщины. Квартетъ Бетховена послѣдней эпохи представится непріятнымъ шумомъ, интереснымъ развѣ только потому, что одинъ играетъ на большой дудкѣ, а другой на большой скрипкѣ. Лучшее произведеніе нашей поэзіи, лирическое стихотвореніе Пушкина, представится наборомъ словъ, а смыслъ его презрѣнными пустяками. Введите дтя народа въ этотъ міръ, вы это можете сдѣлать и постоянно дѣлаете посредствомъ іерархіи учебныхъ заведеній, академій и художественныхъ классовъ, онъ прочувствуетъ и прочувствуетъ искренно и картину Иванова, и Венеру Милосскую, и квартетъ Бетховена, и лирическое стихотвореніе Пушкина. Но войдя въ этотъ міръ, онъ будетъ дышать уже не всѣми легкими, уже его болѣзненно и враждебно будетъ охватывать свѣжій воздухъ, когда ему случится вновь выдти на него».

Я могъ бы привести десятки подобныхъ цитатъ и даже жалѣю, что литературныя приличія и недостатокъ мѣста мѣшаютъ мнѣ перепечатать цѣлую треть IV т. сочиненій гр. Толстого. Можетъ показаться, что приведенныя строки, какъ и многія другія, опять-таки сближаютъ гр. Толстаго съ славянофилами: тѣ вѣдь тоже доказывали, что добро, правда и красота живутъ только въ народѣ, мы же, цивилизованные люди, со временъ Петра пытаемся зломъ, ложью и безобразіемъ. На самомъ дѣлѣ разница между гр. Толстымъ и славянофилами громадна и здѣсь. Ему *страшно сказать* то, что онъ говоритъ, и ему дѣйствительно должно быть страшно, потому что самъ онъ не можетъ отказать отъ Иванова и Бетховена и промѣнять картину Иванова на лубочную картинку Іоанна Новгородскаго и чорта въ кувшинѣ. Послѣдняя, какъ онъ замѣчаетъ, «замѣчательна по силѣ религіозно-поэтическаго чувства», но «уродлива», удовле-

творить его значить сна не можетъ. Славянофилы были увѣрены что они, такіе-то, Хомяковъ или Аксаковъ, не только поняли величіе народныхъ идеаловъ, но слились или по крайней мѣрѣ во всякую данную минуту могутъ слиться съ народомъ во всѣхъ своихъ воззрѣніяхъ религіозныхъ, поэтическихъ, политическихъ и проч. Гр. Толстой смотритъ на дѣло гораздо глубже, искривѣе и правѣе. Онъ помнитъ, что и самъ онъ захваченъ волной цивилизаціи и что нѣтъ у него силы уйти отъ нея, какъ нѣтъ ея у героя «Казаковъ» Оленина, нѣтъ у героя «Анны Карениной» Константина Левина, нѣтъ у героя «Утра помѣщика» Нехлюдова и проч. Частое повтореніе этого драматическаго мотива въ произведеніяхъ гр. Толстого очень характерно,—онъ, этотъ мотивъ, переживается имъ самимъ, въ жизни, въ дѣйствительности. Часто гр. Толстого ставятъ рядомъ съ г. Тургеневымъ и вдвигаютъ его героевъ въ рядъ надломленныхъ, безхарактерныхъ людей, ведущихъ свое родословное дерево кажется съ Егегенія Опѣгина. Оно отчасти можетъ быть и вѣрно, но гр. Толстой рисуетъ этихъ людей въ такой обстановкѣ и въ такіе моменты ихъ жизни, которые не приходили въ голову ни одному изъ нашихъ крупныхъ романистовъ. Въ этомъ-то и состоитъ глубокая оригинальность его какъ беллетриста. Онъ не предается фальшивой идеализаціи удалца, вора и пьяницы Лукашки, которому завидуетъ Оленинъ, или ямщика Илюшки, по поводу котораго Нехлюдовъ размышляетъ: зачѣмъ я не Илюшка! или того народа, жизнью котораго такъ хочетъ и такъ не можетъ жить Константинъ Левинъ. Даже въ знаменитомъ Платонѣ Каратаевѣ, затасканномъ нашей критикой, я не вижу фальшивой идеализаціи, какъ не вижу ея въ признаніи лубочной картинки уродливою, но полною религіозно поэтическаго чувства. Но авторъ ставитъ дѣло такъ, что во всѣхъ этихъ грубыхъ и невѣжественныхъ дѣтяхъ народа оказывается нѣчто достойное зависти людей образованныхъ и тонко развитыхъ. Что это за нѣчто и почему гр. Толстой стоитъ на немъ такъ упорно? Я думаю, что устами Нехлюдова, Оленина, Левина и проч. гр. Толстой самъ завидуетъ Лукашкамъ и Илюшкамъ, потому что у Илю-

шесть и Лукашекъ свѣтлѣе, тише въ душѣ, чѣмъ у него, гр. Толстого; свѣтлѣе и тише не только потому, что они—люди грубые и невѣжественные, а и потому, что они не виноваты напередъ авторомъ «Войны и мира» и «Анны Карениной», а онъ напередъ ними виноватъ: онъ участвовалъ и участвуетъ въ «искусной эксплуатаціи», совершающейся при посредствѣ книгопечатанія, телеграфовъ, желѣзныхъ дорогъ и другихъ «явлений прогресса». Фальшивое положеніе, въ которомъ находится авторъ «Войны и мира» и «Анны Карениной» (не онъ одинъ конечно), немислимо для Лукашекъ и Илюшекъ, а это конечно должно гарантировать этимъ грубымъ и невѣжественнымъ людямъ нѣкоторое превосходство надъ блестящимъ и тонко-развитымъ писателемъ. Съ другой стороны превосходство надъ ними гр. Толстого тоже не можетъ подлежать сомнѣнію. Въ чемъ же дѣло? Намъ отвѣтитъ самъ гр. Толстой словами сказанными имъ по отношенію къ дѣтямъ, но очевидно справедливыми и относительно Лукашекъ и Илюшекъ.

«Воспитывая, образовывая, развивая или какъ хотите дѣйствуя на ребенка, мы должны имѣть и имѣемъ безсознательно одну цѣль: достигнуть наибольшей гармоніи въ смыслѣ правды, красоты и добра. Еслибы время не шло, еслибы ребенокъ не жилъ всѣми своими сторонами, мы бы спокойно могли достигнуть этой гармоніи, добавляя тамъ, гдѣ намъ кажется недостаточнымъ, и убавляя тамъ, гдѣ намъ кажется лишнимъ. Но ребенокъ живетъ, каждая сторона его существа стремится къ развитію, перегоняя одна другую, и большею частью *самое движеніе впередъ этихъ сторонъ его существа мы принимаемъ за цѣль и содѣйствуемъ только развитію, а не гармоніи развитія*.. Большею частью воспитатели выпускаютъ изъ виду, что дѣтскій возрастъ есть первообразъ гармоніи, и развитіе ребенка, которое независимо идетъ по неизмѣннымъ законамъ, принимаютъ за цѣль.. Воспитатели какъ будто объ одномъ только стараются, какъ бы не прекратился процессъ развитія и, если думать о гармоніи, то всегда стараются достигнуть ея, приближаясь къ неизвѣстному для насъ первообразу въ будущемъ, удаляясь отъ первообраза въ настоящемъ и прошедшемъ. Какъ бы ни неправильно было развитіе ребенка, всегда еще остаются въ немъ первобытныя черты гармоніи. Еще умѣряя по крайней мѣрѣ, не содѣйствуя развитію, можно надѣяться получить хоть нѣкоторое приближеніе къ правильности и гармоніи. Но мы такъ увѣрены въ себѣ, такъ мечтательно преданы ложному идеалу взрослого совершенства, такъ нетерпѣливы мы къ близкимъ намъ неправильностямъ и

такъ твердо увѣрены въ своей силѣ исправить ихъ, такъ мало умѣемъ понимать и цѣнить первобытную красоту ребенка, что мы скорѣй, какъ можно скорѣй раздуваемъ, задѣпляемъ кидаящихся намъ въ глаза неправильности, исправляемъ, воспитываемъ ребенка... *Идеалъ нашъ сзади, а не спереди* (курсивъ гр. Толстого)... Учить и воспитывать ребенка нельзя и бессмысленно по той простой причинѣ, что ребенокъ стоитъ ближе меня, ближе каждаго взрослога къ тому идеалу гармоніи правды, красоты и добра, до котораго я въ своей гордости хочу возвести его. Сознаніе этого идеала лежитъ въ немъ сильнѣе, чѣмъ во мнѣ. Ему нужней отъ меня только матеріалъ для того, чтобы пополняться гармонически и всесторонне» (т. IV, 250).

Въ этомъ разсужденіи есть очень важный недосмотръ, значительно колеблящій все разсужденіе, именно недосмотръ закона наслѣдственности. Гр. Толстой полагаетъ, что слово Руссо,—человѣкъ родится совершеннымъ, — «есть великое слово и какъ камень останется твердымъ и истиннымъ». Къ сожалѣнію это совсѣмъ не вѣрно. Камень давно рассыпался, ибо сынъ сифилитика родится не совершенствомъ, а сифилитикомъ, сынъ идіота имѣетъ много шансовъ сдѣлаться не совершенствомъ, а слабоумнымъ, сынъ дряблага барича—не совершенствомъ, а дряблымъ баричемъ и проч. Однако извѣстная доля истины все-таки заключается въ разсужденіи гр. Толстого, потому что сынъ на-примѣръ дряблага барича все-таки имѣетъ возможность развиться правильнѣе, «гармоничнѣе» своего отца, и дисгармонія его физическыхъ и духовныхъ силъ не имѣетъ такого рѣзкаго, законченнаго характера, какъ у взрослога. Я впрочемъ не на это хочу обратить вниманіе читателя. Пусть онъ подставитъ въ приведенномъ разсужденіи вмѣсто «взрослога» человекъ—человѣкъ цивилизованнаго, члена «общества», хоть самого гр. Толстого, а вмѣсто ребенка—народъ, и онъ получитъ очень точное понятіе о возрѣніяхъ гр. Толстого на отношеніе цивилизованныхъ людей къ Лукашкамъ и Илюшкамъ. Лукашка и Илюшка сравнительно съ нами—люди отсталые. Но для гр. Толстого и въ этомъ отношеніи идеалъ не впереди насъ, а сзади. Г. Марковъ или иной какойнибудь яснолобый либераль сочтетъ себя конечно вправѣ по этому случаю патетически заготовить: такъ вотъ куда насъ приглашаютъ эти друзья народа! они предлага-

ютъ намъ обратиться въ забубенныхъ Лукашекъ вмѣсто того, чтобы этимъ самымъ Лукашкамъ дать питательную и вкусную духовную пищу! Подъ маской любви къ народу они желаютъ оставить его въ состояніи, мало чѣмъ отличающемся отъ состоянія диварей! Но поздно спохватились, господа! Народъ самъ понимаетъ, что ему нуженъ свѣтъ, и не поддастся на эту удочку! И проч., и проч., и проч., листовъ приблизительно на пять печатныхъ съ площадными остротами и патетическими завываніями. Но все это яснолобый либераль прогогочетъ совершенно втунѣ. Втунѣ пропотѣетъ онъ надъ отшлифкой своего пафоса и остроумія, ибо, не смотря на высокий стиль и благородное, хотя и дѣланное негодованіе, всѣ его фразы далеко не стоятъ истраченной имъ бумаги, исписанныхъ имъ чернилъ и притупленныхъ перьевъ. Гр. Толстой очень хорошо понимаетъ, что возврата къ состоянію Лукашекъ и Илюшекъ для насъ, людей цивилизованныхъ, нѣтъ. Оттого-то онъ и гонитъ Оленина изъ казачьей станицы и не даетъ душевнаго покоя Нехлюдову и безъ сомнѣнія благополучно женить Константина Левина на Кити Щербацкой. Понимаетъ гр. Толстой и нежелательность возврата къ Лукашкамъ, даже еслибы возвратъ этотъ былъ возможенъ. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы было полезно и справедливо начинать Лукашекъ и Илюшекъ тою цивилизаціей, которою начинены яснолобые либералы, ибо свѣта не только что въ окошкѣ, его довольно много разлито во вселенной. Знаетъ же гр. Толстой, что изъ ребѣнка непременно выйдетъ взрослый человѣкъ, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы ребенокъ долженъ былъ обратиться именно въ такихъ взрослыхъ людей, какъ на примѣръ г. Марковъ или г. Цвѣтковъ. Лукашка и Илюшка составляютъ для гр. Толстаго идеаль не въ смыслѣ предѣла, его же не преидеши, не въ смыслѣ высокой степени развитія, а въ смыслѣ высокаго типа развитія, не имѣвшаго до сихъ поръ возможности подняться на высшую ступень. Цѣль воспитанія, говоритъ гр. Толстой, должна состоять не въ развитіи, а въ гармоніи развитія. Это справедливо не только относительно воспитанія. Въ обществѣ и литературѣ то и дѣло раз-

даются требованія развитія напримѣръ нашей азіатской торговли или желѣзной промышленности или сельскаго хозяйства въ Россіи; въ любой педагогической книжкѣ слово «развитіе» повторяется чуть не чаще, чѣмъ буква з; одинъ очень тупой актеръ доказывалъ какъ-то при мнѣ, что актрисы—женщины неразвитыя; я очень хорошо помню, какъ въ шестидесятыхъ годахъ меня развивали и какъ я самъ развивалъ другихъ,—тогда это было въ большой модѣ; Писаревъ доказывалъ, что Шекспиръ не развитъ, потому что вѣрнѣе въ привидѣнія, и что Щедринъ не развитъ, потому что не занимается популяризацией естественныхъ наукъ и проч., и проч., и проч. Во всѣхъ ꙗзыхъ случаяхъ говорится о развитіи, какъ о чемъ-то вполне ясномъ и себѣ довлѣющемъ. Между тѣмъ трудно найти понятіе менѣе определенное и самостоятельное. Я вполне согласенъ съ г. Полеткой и другими заводчиками, что желѣзная промышленность наша должна развиться, я согласенъ и съ гр. Орловымъ-Давыдовымъ, что наше сельское хозяйство подлежитъ развитію. Но наше согласіе немедленно прекращается, какъ только я узнаю *типъ* развитія, предлагаемый этими учеными людьми. Я говорю: пусть лучше наша желѣзная промышленность, наше сельское хозяйство остаются до поры до времени на низкой степени развитія, чѣмъ имъ развиваться дальше, сплывѣе, но по англійскому типу. Еслибы я, профанъ, публиковалъ свои собственные идеалы развитія сельскаго хозяйства и желѣзной промышленности, то гг. Полетика и Орловъ-Давыдовъ въ свою очередь объявили бы, что *такого* развитія они не хотятъ. Точно также, когда говорить: этотъ человѣкъ не развитъ или мало развитъ, надо ему помочь развиться, то фраза эта получаетъ определенное содержаніе только по объясненіи предлагаемаго типа развитія. Конечно выраженіе гр. Толстого: «гармоническое развитіе» тоже требуетъ поясненія. Но онъ его и даетъ. Относительно Лукашекъ и Илюшекъ онъ съ особенною силою и очень часто упираетъ на то, что эти люди «сами удовлетворяютъ своимъ человѣческимъ потребностямъ». Изъ совокупности его воззрѣній слѣдуетъ заключить, что въ этомъ-то и состоитъ идеаль, нахо-

дѣиіся сзади насъ. Дайте этому типу подняться на высшую ступень, но не подмѣнивайте его инымъ типомъ развитія на томъ только основаніи, что этотъ иной типъ развитъ высоко. Такъ рассуждаетъ гр. Толстой, и я думаю, что воззрѣнія его оправдываются и наукою, и справедливостью. Гармоническимъ развитіемъ наука— и физическая, и нравственная—можетъ назвать только полное, разностороннее и равномѣрное развитіе всѣхъ силъ и способностей. Если же я не самъ удовлетворяю своимъ потребностямъ, какъ Лукашка и Илюшка удовлетворяютъ своимъ, а пользуюсь чужими услугами, то значитъ нѣкоторыя мои силы остаются безъ работы и гармонія моей жизни нарушена, я—человѣкъ исковерканный, хотя бы нѣкоторыя другія мои силы получили колоссальное развитіе. Поэтому гр. Толстой совершенно правъ, утверждая, что идеалъ нашъ —позади насъ. Пусть трудно осуществить его въ настоящемъ и будущемъ, потому что работа жизни становится все многосложнѣе и слѣдовательно все труднѣе сохранить или возстановить гармонію силъ. Но идеалъ все-таки поставленъ, возможно приближеніе къ нему, которое и есть истинный путь прогресса. У насъ напротивъ прогрессомъ называется вся совокупность отклоненій отъ этого пути.

И такъ гр. Толстой завидуетъ чистотѣ совѣсти и гармоническому развитію Лукашекъ и Илюшекъ. Но онъ не можетъ завидовать скудости ихъ понятій, многимъ печальнымъ сторонамъ ихъ образа жизни, ихъ невѣжеству, ихъ грубости. Напротивъ онъ желалъ бы отъ души поднять ихъ на высшую ступень развитія. Въ силу совершающейся въ его душѣ драмы онъ долженъ считать это даже своею обязанностію. Но можетъ ли онъ, могутъ ли цивилизованные люди вообще это сдѣлать? и если могутъ, то какъ слѣдуетъ приняться за дѣло? Гр. Толстой очевидно мучительно, болѣзненно занятъ этимъ вопросомъ. Есть что-то лихорадочное въ его пріемахъ,—онъ то даетъ одно рѣшеніе, то беретъ его назадъ, то опять къ нему возвращается, то боится вмѣшательства цивилизованныхъ людей, то призываетъ его, то удаляется въ будуары Карениныхъ и Курагиныхъ и старается отыскать въ этомъ мірѣ хоть что-нибудь «гармо-

ническое», то толчетъ этотъ міръ. Эта лихорадка умственной работы тѣмъ поразительнѣе, что совершается подъ покровомъ наружнаго спокойствія, которое принято называть объективизмомъ. Лихорадка эта вполне понятна. Вѣдь все мы люди изломанные, искалѣченные, все мы—либо жалкіе и наивные эгоисты, воображающіе, что наши радости и горести суть радости и горести цѣлаго народа, даже всего человѣчества, либо, какъ гр. Толстой, чувствуемъ себя виноватыми и мучимся завистью къ чему-то такому, что намъ рѣшительно недоступно, что для насъ даже и не вполне, не въ своемъ эмпирическомъ, паличномъ видѣ желательно. Противъ насъ стоитъ міръ грубости и невѣжества, въ которомъ однако есть задатки такой красоты, такой правды, такого добра, которыя при благопріятныхъ условіяхъ должны затмить насъ совсѣмъ, да и теперь уже отчасти затмѣваютъ. И въ этотъ-то міръ, для его-то блага мы должны что-то большое и важное внести, мы-то, виноватые и искалѣченные! Должны, потому что намъ говоритъ это совѣсть, но можемъ ли? Не напортишь ли мы только? Не лучше ли предоставить дѣло на волю божію, какъ говорили въ старину въ судебныхъ рѣшеніяхъ?

Тутъ вытягивается шуйца гр. Толстого. Критика наша достаточно говорила о непріязненномъ отношеніи гр. Толстого къ историческимъ лицамъ, пытающимся дѣйствовать на свой страхъ, по своему крайнему разумѣнію—непріязненномъ отношеніи, доходящемъ до ненависти и презрѣнія, и о его пристрастіи къ людямъ смѣрымъ и недѣятельнымъ, сознающимъ себя слабыми орудіями цѣлесообразнаго хода исторіи. Миѣ было очень смѣшно читать «Критическій фельетонъ» въ № 5 «Дѣла», гдѣ авторъ съ комическою серьезностью увѣряетъ, что онъ впервые разоблачаетъ съ этой стороны «Войну и миръ». Я не вижу никакой надобности повторять то, что было говорено такъ много разъ въ разныхъ журналахъ и газетахъ. Я прибавлю только то, чего наша критика не договорила. Еслибы миѣ пришлось трактовать о философской подкладкѣ «Войны и мира», я бы опровергалъ ее не отъ своего имени, а отъ имени гр. Толстого,

занимствуя возраженія отчасти изъ его педагогическихъ статей, а отчасти изъ «Войны и мира» же. Я бы не сталъ напимѣрь разбирать на сколько основательно приписывать какой нибудь разумной, цѣлесообразной силѣ такую нелѣпую и недостойную комедию, какъ кровавое движеніе народовъ сначала съ запада на востокъ, а потомъ съ востока на западъ. Допустимъ, что всѣ доводы гр. Толстого въ пользу разумности и цѣлесообразности всѣхъ подробностей этого, измолотившаго сотни тысячъ человѣческихъ жизней движенія—виолнѣ резонны. Но вѣдь это движеніе туда и обратно заняло въ исторіи всего нѣсколько лѣтъ. Движеніе европейской цивилизациі совершается уже много вѣковъ, а гр. Толстой, какъ мы видѣли въ прошлый разъ, превосходно доказалъ, что это движеніе нецѣлесообразно и неразумно, что съ нимъ слѣдуетъ бороться. Еслибы какимъ нибудь непонятнымъ чудомъ *одинъ* кровавый эпизодъ этого многовѣковаго движенія и оказался вдругъ разумнымъ и цѣлесообразнымъ, то передъ такимъ явленіемъ слѣдуетъ только вложить палецъ удивленія въ ротъ изумленія. Стараться же его постигнуть было бы совсѣмъ напраснымъ трудомъ. Не сталъ бы я тоже обсуждать увѣренія гр. Толстого, что Наполеонъ, Александръ, Кутузовъ были тѣ именно люди, какіе только и могли быть выставлены историческими условіями. Я бы просто припомнилъ кое-что изъ того, что гр. Толстой говорилъ г. Маркову въ статьѣ «Прогрессъ и опредѣленіе образованія». Напимѣрь: «очень можетъ быть забавно разсуждать вверивъ и вкось о тѣхъ историческихъ условіяхъ, которыя заставили Руссо выразиться именно въ той формѣ, въ какой онъ выразился». Или: «историческое воззрѣніе можетъ породить много занимательныхъ разговоровъ, когда дѣлать нечего, и объяснить то, что всѣмъ извѣстно» и т. п. Такая очная ставка гр. Толстого съ гр. Толстымъ же была бы въ томъ отношеніи полезна, что навела бы на необходимость объяснить эти противорѣчія. Что умный человѣкъ заблуждается, въ этомъ еще нѣтъ ничего особенно поразительнаго: не заблуждаются только не разсуждающіе. Но что умный человѣкъ такъ рѣзко противорѣчитъ себѣ, это заслуживаетъ большаго вниманія, потому что

причины, толкающія его къ противорѣчьямъ, должны непременно быть очень серьёзны и очень поучительны. Какъ уже сказано, для меня всё эти причины сводятся къ стольновенію потребностей гр. Толстого съ его сознавіемъ. Подтвердить однако эту мысль анализомъ «Войны и мира» я не берусь. Это требовало бы слишкомъ много времени и слишкомъ большаго труда. Къ счастью у гр. Толстого есть одна небольшая, но высоко художественная повѣсть, содержащая въ сжатомъ видѣ всё нужные для меня элементы. Къ счастью также наша критика, сколько мнѣ по крайней мѣрѣ извѣстно, не занималась ею. Значить я не рискую надобѣсть читателю. Повѣсть эта называется «Поликушка», напечатана она въ III томѣ сочиненій гр. Толстого.

Дворовый Поликей—человѣкъ добрый и вообще недурной, но слабый. Въ числѣ его слабостей есть страстишка къ воровству, которую онъ приобрѣлъ на конномъ заводѣ отъ конюшаго, перваго вора по всему околотку. Любитъ онъ тоже выпить. Последній его подвигъ состоялъ въ томъ, что онъ въ барской конторѣ укралъ дрянные стѣнные часы. Барыня, женщина нервная, чувствительная и безтолковая, «стала его урезонивать, говорила, говорила, причитала, причитала, и о Богѣ, и о добродѣтели, и о будущей жизни, и о женѣ, и о дѣтяхъ, и довела его до слезъ. Барыня сказала:

— Я тебя прощаю, только обѣщай ты мнѣ никогда впередъ этого не дѣлать.

— Вѣкъ не буду! Провалиться мнѣ, разорвись моя утроба! говорил Поликей и трогательно плакалъ. Поликей пришелъ домой и дома какъ теленокъ ревѣлъ цѣлый день и на печи лежалъ. Съ тѣхъ поръ ни разу ничего не было замѣчено за Поликеемъ».

Однако репутація вора ему много вредила и, когда пришло время рекрутскаго набора, на него всё указывали. Надо было сдавать троихъ. Относительно двоихъ изъ нихъ не было никакихъ колебаній ни у барыни, ни у міра. Третьимъ староста предлагалъ барынѣ или Поликея, или изъ семьи Дутлова, стараго и

не бѣднаго мужика, у котораго было два сына и племянникъ. Староста желалъ выгородить Дутловыхъ и сдать Поликушку. Барыня жалѣла и Дутловыхъ, но горой стояла за Поликея. «Одно только скажу тебѣ, говорила она, что Поликея я ни за что не отдамъ. Когда послѣ этого дѣла съ часами онъ самъ признался мнѣ и плакалъ и клялся, что онъ исправится, я долго говорила съ нимъ и видѣла, что онъ тронутъ и искренно раскаялся. («Ну, понесла!» подумалъ староста). Съ тѣхъ поръ вотъ семь мѣсяцевъ, а онъ ни разу пьянъ не былъ и ведетъ себя прекрасно. Мнѣ его жена говорила, что онъ другой человѣкъ сталъ. И какъ же ты хочешь, чтобы я теперь наказала его, когда онъ исправился? Да и развѣ это не безчеловѣчно отдать человѣка, у котораго пять человѣкъ дѣтей и онъ одинъ? Нѣтъ, ты мнѣ лучше не говори про это, Егоръ...». Порѣшили на Дутловыхъ и жеребій выпалъ племяннику. Между тѣмъ, еще во время разговора со старостой, у безтолковой барыни блеснула блажная мысль послать Поликея въ городъ волучить порядочныя деньги «три полтысячи рублей» (на ассигнаціи), какъ потомъ съ гордостью говорилъ Поликушка. Она не думала разумѣется, что рискуетъ, пскушая человѣка; она была вполне увѣрена, что деньги будутъ привезены сполна, ибо знаніе человѣческаго сердца подсказало ей, что ея красворѣчіе окончательно обратило вора и пьяницу на путь истины. Она кажется въ своемъ приказаніи только и руководствуется, что желаніемъ обнаружить свою силу и проницательность. Спены тревоги семьи Поликея, когда его позвали къ барынѣ (какъ думали въ первую минуту, для сообщенія вѣсти о рекрутчинѣ), и сборовъ Поликея въ дорогу я передавать не стану, какъ потому, что онъ мнѣ здѣсь не нуженъ, такъ и потому, что ихъ пришлось бы «выисывать цѣликомъ», чтобы оцѣнить ихъ мастерство и правдивость. Въ особенности поразительна жена Поликея, въ которой сначала нѣтъ кажется ничего, кромѣ отчаянія, а потомъ, когда Поликей принесъ извѣстіе объ удивительномъ приказаніи барыни, радость и гордость борются съ тревожнымъ опасеніемъ, что Поликей не выдержитъ искуса. Намъ нужно отмѣтить только одну подроб-

ность: шапка у Поликея оказалась столь безобразно рваная, что надо было ее чинить; жена засовала внутрь выбившіеся изъ-подъ крышки хлопки и зашила кое-какъ дыру. Поликей наконецъ ѣдетъ, гордый, счастливый и съ твердымъ рѣшеніемъ исполнить порученіе свято. И дѣйствительно онъ благополучно миновалъ всѣ кабаки и полпивныя, получилъ деньги и поѣхалъ домой, пріятно мечтая о благодарности и уваженіи, которыя его тамъ ждутъ. Конвертъ съ деньгами онъ для вѣрности положилъ въ шапку и, пока не заснулъ въ тележкѣ, неоднократно ощупывалъ конвертъ и засовывалъ его поглубже въ шапку. Одно изъ этихъ движеній и погубило его. «Плись на шапкѣ былъ гвиллой, поясняетъ рассказчикъ, и именно потому, что накануне Акулина старательно зашила его въ прорванномъ мѣстѣ, онъ разлѣзся съ другого конца, и именно то движеніе, которымъ Поликей, снявъ шапку, думалъ въ темнотѣ засовать глубже подъ хлопки шисьмо съ деньгами, это самое движеніе распоролло шапку и высунуло конвертъ однимъ угломъ изъ-подъ плису». Словомъ, Поликей вернулся безъ денегъ и повѣсился. Жена его мыла ребятъ въ ту минуту, когда узнала объ этомъ. Она бросилась къ повѣсвшемуся, и въ это время одинъ изъ ребятъ захлебнулся и умеръ. Этого уже не могла вытерпѣть многострадальная женщина и сошла съ ума, причемъ барыня еще разъ блистательно обнаружила свою чувствительность и безтолковость. Я рассказываю, такъ сказать, бѣгомъ, и несчастія семьи Поликушки, событія въ кучу, могутъ показаться нѣсколько аляповатыми. Но кто читалъ или прочтетъ «Поликушку» въ подлинникѣ, тотъ этого не скажетъ. Дѣло этимъ не кончается. Старикъ Дутловъ, сдавъ въ городъ своего племянника, на обратномъ пути нашелъ потерянный Полпкеемъ конвертъ съ деньгами, представилъ его чувствительной и безтолковой барынѣ и получилъ отъ нея всѣ «три полтысячи» въ подарокъ. «Пускай возьметъ всѣ, нетерпѣливо говорила барыня горничной. Что, ты меня не понимаешь? Эти деньги несчастныя, никогда не говори мнѣ про нихъ. Пускай возьметъ себѣ этотъ мужикъ, что нашелъ. Иди, ну иди же!» Часть этихъ денегъ счастливый Дутловъ (тоже мастер-

ская фигура: прижимистый старикъ, смѣсь хитрости съ искренностью, простоты съ торжественностью, типичный великорусскій мужикъ) употребилъ на наемъ охотника за своего племянника. Вотъ какъ значить иногда неожиданно разыгрываются житейскія драмы. Цивилизованный человѣкъ, чувствительная и безтолковая барыня самоувѣренно рѣшила, что имѣетъ достаточно п ума, и власти, и житейскаго опыта для того, чтобы облагодѣтельствовать и даже окружить нѣкоторымъ почетомъ семью Поликушки. Въмѣшательство ея опредѣлило также идти въ рекруты Дутлову. Но комбинація разныхъ мелкихъ обстоятельствъ въ родѣ починенной шапки и находенія денегъ именно Дутловымъ, комбинація, не лишенная вѣроятно нѣкоторой разумности и цѣлесообразности, перевернула все вверхъ дномъ. То именно, что гордый, но слабый разумъ, какъ чувствительной барыни, такъ и Полкеея и жены его, старался направить къ счастью Поликушки, обрушилось страшною тяжестью на всю его семью и раздавило ее. А Дутлову напротивъ выпалъ самый счастливый билетъ лотереи.

Если смотрѣть на «Поликушку», какъ на анекдотъ, т. е. какъ на рассказъ объ единичномъ, необыкновенномъ, исключительномъ, не подлежащемъ какому нибудь обобщенію случаѣ, то можно конечно только сказать: да, очень странное стеченіе обстоятельствъ. Но широкій, преимущественно склонный къ обобщеніямъ умъ гр. Толстого не годится для анекдотовъ: онъ ихъ никогда не писалъ и, я думаю, не будетъ писать. Совсѣмъ у него иначе голова устроена. И въ «Поликушкѣ» слѣдуетъ видѣть отраженіе нѣкоторыхъ задумевныхъ, общихъ понятій автора. Съ точки зрѣнія господствующихъ о гр. Толстомъ мнѣній дѣло объясняется очень просто: недовѣріе къ человѣческому разуму, неспособному понять цѣлей Провидѣнія, гордо помышляющему о своихъ собственныхъ цѣляхъ и терпящему въ концѣ концовъ полное пораженіе. Это — такъ. Я знаю, что гр. Толстой имѣетъ такія воззрѣнія, я знаю, что въ этомъ направленіи онъ можетъ унизиться (въ философскомъ отношеніи) даже до такой фразы: «не случайно, а цѣлесообразно

окружила, природа земледѣльца земледѣльческими условіями, а горожанина—городскими» (т. IV, 21). Но я не могу только отмѣтить поразительное явленіе и затѣмъ пройти мимо. Я съ величайшемъ недоумѣніемъ останавливаюсь передъ нимъ и спрашиваю себя: какъ могъ сказать такую плоскость такой человѣкъ какъ гр. Толстой, который такъ отчетливо, такъ глубоко понимаетъ неразумность и нецѣлесообразность историческаго хода событій и такъ страстно и настойчиво борется съ нимъ, ища при этомъ опоры въ своемъ разумѣ и ставя передъ собой свои особенныя цѣли? Мнѣ кажется, что я нашелъ отвѣтъ, который и предлагаю читателю. Скажу однако, что еслибы гипотеза, построенная мною для объясненія литературной дѣятельности гр. Толстого, оказалось даже несостоятельною, но если мнѣ удастся сообщить при этомъ читателю хоть часть того интереса, который возбуждаетъ во мнѣ этотъ писатель, такъ я и тѣмъ буду доволенъ. Потому что онъ глубоко поучителенъ даже въ своихъ многочисленныхъ противорѣчіяхъ. Мнѣ кажется, что корень несчастій, обрушившихся на семью Поликея, заключается для гр. Толстого въ чувствительной и безтолковой барыньѣ, въ цивилизованномъ человѣкѣ, слабомъ и исковерканномъ, но самоувѣренно вмѣшивающемся въ жизнь народа. Наблюденіе, чисто теоретическія соображенія и чувство совѣсти и отвѣтственности привели его къ заключенію, что цивилизованный человѣкъ плохъ. Но наблюденіе же, теоретическія же соображенія и опять таки чувство отвѣтственности привели его къ другому заключенію: цивилизованный человѣкъ обязанъ дѣйствовать и дѣйствовать въ извѣстномъ направленіи. Изъ этого послѣдняго заключенія проистекаетъ вся десница гр. Толстого, смѣлость его мысли, благородство стремленій, энергія дѣятельности. Но эта нитка ежеминутно грозитъ оборваться на соображеніяхъ о негодности цивилизованнаго человѣка: вотъ и самого гр. Толстого все тянетъ къ міру дамскихъ будуаровъ. Мысль труситъ, стремленія замираютъ, энергія слабѣетъ, и вся надежда возлагается на какое то туманное цѣлесообразное начало, которое безъ насъ и наперекоръ намъ устроитъ все по своему. Въ этотъ же психичес-

кій моментъ совершаются и другія явленія. О пристрастіи гр. Толстого къ семейному началу наша критика тоже говорила такъ много, что мнѣ нужно только договорить недоговоренное ею. Доводы гр. Толстого въ пользу преобладающаго, всепоглощающаго значенія семейнаго начала, доходящіе до апогеоза «сильной и плодovитой самки» Наташи Везуховой (въ «Войнѣ и мирѣ») есть прямо логическіе доводы, кромѣ логики образовъ), очень удобно опровергаются, какъ и нѣкоторые его философско-историческіе взгляды, его же собственными соображеніями. И впрочемъ не стану этимъ заниматься и обращаю вниманіе читателя на слѣдующее любопытное обстоятельство. Замѣчательно, что, вводя читателей въ міръ крестьянскій, народный, гр. Толстой не предается преувеличенной идеализаціи семейнаго начала и даже совсѣмъ этой стороны жизни не касается. Этимъ умолчаніемъ, если его поставить рядомъ съ гимнами «сильной и плодovитой самкѣ» въ цивилизованномъ быту, (и чѣмъ выше общественный слой, тѣмъ сильнѣе авторъ поетъ этотъ гимнъ), гр. Толстой какъ будто говоритъ: обитателямъ салоновъ и будуаровъ надо бросить мысль о какой бы то ни было политической и общественной дѣятельности, она имъ не по плечу; если есть у нихъ семья, такъ это—лучшее, что у нихъ есть; виѣ этой сферы они могутъ только вредить; народъ—другое дѣло. Кромѣ того, пропаганда всепоглощающаго семейнаго начала въ цивилизованномъ быту представляетъ гр. Толстому нѣкоторую точку опоры, нѣкоторое оправданіе его экскурсіямъ въ міръ салоновъ и будуаровъ. Нужно же найти чтонибудь хорошее тамъ, куда его помимо его воли такъ тянетъ его шуйца; нужно же противопоставить чтонибудь этимъ Курагинымъ и Облонскимъ, Каренинымъ и Вронскимъ. Но гдѣ лежитъ центръ тяжести ихъ жизни? Разрушеніе семейнаго начала. Значить и противопоставить имъ можно только семейное начало.

Повторяю, все это гипотеза. Но безъ нея гр. Толстой для меня—неразрѣшимая загадка. И если читатель ее приметъ, то пойметъ конечно, что въ вопросѣ о народномъ образованіи, ко-

торый состоитъ собственно въ томъ, какъ и что мы, цивилизованные люди, должны и можемъ передать народу, что въ этомъ вопросѣ гр. Толстой не могъ обойтись безъ противорѣчій.

ХІ.

Шуйца и десница гр. Толстого.

(Окончаніе).

Терпимость рѣзко отличаетъ гр. Толстого отъ другихъ нашихъ педагоговъ. Онъ не дѣлаетъ себѣ изъ того или другого способа обученія грамотѣ любимого конька и не ѣздитъ на немъ съ тѣмъ комическимъ видомъ Георгія Побѣдоносца, образцомъ котораго мы любовались въ статьѣ «Семьи и школы», составленной «по Миропольскому». Гр. Толстой полагаетъ, что всѣ существующіе способы обученія грамотѣ имѣютъ свои достоинства и свои недостатки, что всѣ они могутъ и должны примѣняться, смотря по обстоятельствамъ, т. е. смотря по особенностямъ учениковъ и учителей. Если гр. Толстой и смѣется иногда надъ тѣмъ или другимъ способомъ, то только потому, что ему, этому способу, придается кѣмъ-либо изъ педагоговъ значеніе всевластнаго кумира. Тутъ гр. Толстой сходится, можно сказать, со всѣми педагогами-теоретиками и практиками отъ Ушинскаго до какого-нибудь дьячка съ «азами», но также и расходится со всѣми ими въ томъ смыслѣ, что не творитъ себѣ кумира. Терпимость эта не идетъ однако далѣе обученія грамотѣ. За этой первой ступеню образованія начинается уже полный разладъ между гр. Толстымъ и другими педагогами. Разладъ этотъ находится въ ближайшей связи съ другой чертой, еще рѣзче выдѣляющей гр. Толстого изъ среды нашихъ педагоговъ.

*) 1875, июль.

Г. Евтушевскій принималъ въ прошломъ году дѣятельное участіе въ устройствѣ семейныхъ или домашнихъ, не помню названія, школъ, предназначенныхъ для дѣтей извѣстнаго класса общества — средняго или выше средняго достатка. Вопросъ объ этихъ школахъ разрабатывался, помнится, и въ «Семь и школь». Съ годъ тому назадъ баронъ Корфъ публиковалъ въ газетахъ объ устроенной имъ гдѣ-то въ Швейцаріи школѣ, опять-таки конечно для людей средняго и выше средняго достатка. Въ виду дѣтей этого класса пропагандируются и фребелевскіе сады. Вообще, если вы прослѣдите теоретическую и практическую дѣятельность нашихъ извѣстнѣйшихъ педагоговъ, т. е. посмотрите гдѣ и кому они даютъ уроки, для кого пишутъ статьи и книги, объ чемъ бесѣдуютъ въ педагогическомъ обществѣ, то увидите, что они много, очень много работаютъ для «общества». Гр. Толстой напротивъ, какъ общественный дѣятель, т. е. по скольку его дѣятельность подлежитъ нашему сужденію, очень мало интересуется образованіемъ и воспитаніемъ высшихъ классовъ общества. Если ему случалось писать напримѣръ объ университетскомъ образованіи или о значеніи классическаго образованія (которое онъ, мимоходомъ сказать, рѣшительно отрицаетъ), то только къ слову, для разъясненія нѣкоторыхъ теоретическихъ вопросовъ, поставленныхъ имъ ради удобнѣйшаго разрѣшенія кореннаго для него вопроса, — вопроса объ образованіи народномъ. Этимъ сопоставленіемъ я отнюдь не думаю бросить какую-нибудь тѣнь на педагоговъ: наши дѣти не менѣе дѣтей народа нуждаются въ образованіи. Я только констатирую фактъ. Фактъ этотъ чреватъ чрезвычайно важными послѣдствіями. Педагогъ, привышій къ атмосферѣ семействъ средняго и выше средняго достатка и казенныхъ или частныхъ учебныхъ заведеній, обезпеченныхъ казеннымъ содержаніемъ или крупной платой учениковъ, естественно приходитъ къ мысли объ образованіи идеальномъ. Какъ ни неудовлетворительны въ разныхъ отношеніяхъ валичныя учебныя заведенія и семейная обстановка достаточныхъ людей, но тутъ имѣются большія, часто громадныя матеріальныя средства; поэтому педагогу можетъ хотя слабо мерцать пріятная мысль

дать своимъ ученикамъ такое образованіе, которое онъ считаетъ наилучшимъ, наиболѣе соответствующимъ, какъ у насъ выражаются, «послѣднему слову науки». Это совершенно въ порядкѣ вещей. Но совершенно въ порядкѣ вещей и діаметрально противоположный взглядъ гр. Толстого. По отношенію къ народному образованію онъ считаетъ просто бессмысленнымъ вопросъ: какъ дать наилучшее образованіе? Чтобы видѣть, что это вопросъ дѣйствительно бессмысленный, надо взять какой-нибудь рѣзкій примѣръ наилучшаго образованія. Я напримѣръ полагаю, что наилучшая программа образованія дана Контовой классификаціей наукъ, и если бы у меня имѣлись матеріальныя средства и другія благопріятныя условія, я обучалъ бы своихъ дѣтей сперва математикѣ (въ извѣстной послѣдовательности ея подраздѣленій), потомъ астрономіи, затѣмъ физикѣ, химіи, биологіи и наконецъ наукамъ общественнымъ. Большее или меньшее приближеніе къ этой программѣ возможно для людей со средствами, это — «наилучшее образованіе» (т. е. одно изъ наилучшихъ, потому что другіе могутъ выставить другія программы), но какъ его дашь народу?

Конечно, если бы вопросъ стоялъ такъ просто и рѣзко, такъ ребромъ, то не могло бы быть никакихъ пререканій между гр. Толстымъ и педагогами. Было бы ясно, что они толкуютъ о совершенно разныхъ вещахъ. Но дѣло выходитъ гораздо сложнѣе. Педагоги вносятъ въ народное образованіе привычки мысля, выработанныя въ совсѣмъ иной сферѣ, но съ перваго же шага наталкиваются на практическую необходимость сбавить кое что съ требованій «послѣдняго слова науки». Съ другой стороны и гр. Толстой имѣетъ, какъ и всякій человекъ, свои идеалы «наилучшаго образованія» и не можетъ не желать поднятія уровня требованій народа и условій его жизни до этихъ идеаловъ. Разница до сихъ поръ выходитъ, значить, все-таки какъ будто только количественная. Но она получаетъ характеръ очень яснаго качественного различія, какъ только вы взглянете въ отношенія обѣихъ спорящихъ сторонъ къ народу и къ идеаламъ наилучшаго образованія. Педагоги вполне увѣрены въ безуслов-

ныхъ достоинствахъ своихъ идеаловъ и вмѣстѣ съ тѣмъ смотрятъ на народъ, какъ на грубую, глупую и невѣжественную толпу. Примѣняясь къ этой грубости, глупости и невѣжеству, они дѣлаютъ извѣстныя урѣзки въ своихъ идеалахъ и наирѣмѣе вмѣсто ряда наукъ въ извѣстной послѣдовательности, предлагаютъ народу какую-то педагогическую окрошку, составленную изъ безсвязныхъ обрывковъ разнообразнѣйшихъ знаній, или производятъ наглядное обученіе, представляющееся имъ послѣднимъ словомъ науки, до уровня вопросовъ о полетѣ лошади и количествѣ ногъ у ученика. Выходятъ и волки сыты, и овцы цѣлы; и идеалы наилучшаго образованія сохранены, и сдѣлано снисхожденіе къ глупости мужика. Гр. Толстой находится въ явномъ положеніи. Не идеализируя мужика, не отрицая ни его грубости, ни его невѣжества, онъ видитъ въ немъ задатки громадной духовной силы, которой нужно только дать толчокъ. Къ идеаламъ же наилучшаго образованія, какъ и вообще къ идеаламъ «общества» цивилизованныхъ людей, онъ относится напротивъ крайне скептически. На основаніи изложенныхъ мною возрѣпій г. Толстого можно бы было уже а priori сказать, что онъ долженъ отрицательно относиться къ дѣятельности нашихъ педагоговъ: это вѣдь только частный случай столкновенія «общества» съ народомъ. И надо правду сказать, что трудно бы было найти область мысли и дѣятельности, по отношенію къ которой скептицизмъ гр. Толстого былъ бы законнѣе. Благодаря стеченію благопріятныхъ для господъ педагоговъ обстоятельствъ, они пользовались до сихъ поръ какимъ-то страннымъ succès de silence. Родители и различныя казенныя и общественныя учрежденія раскупали ихъ книжки въ громадномъ для Россіи количествѣ экземпляровъ; земства различныхъ губерній вызывали ихъ для устройства учительскихъ сѣздовъ и чтенія лекцій; многіе изъ нихъ стяжали себѣ титулъ «нашего извѣстнаго педагога» и проч. Мнѣ извѣстны, правда, случаи разочарованія земства въ выписанномъ имъ изъ Петербурга патентованномъ педагогѣ, а также случаи разочарованія родителей въ періодическихъ и неперіодическихъ педагогическихъ

изданіяхъ. Но всё подобныя недовольства и разочарованія какъ - то мало всплывали наружу, отчасти можетъ быть по свойственной русскому человѣку привычкѣ къ долготерпѣнію и молчанію, отчасти изъ боязни осрамиться сомнѣніемъ въ ореолъ научности и степенности, втихомолку, но прочно окружившемъ головы «нашихъ извѣстныхъ педагоговъ». Бываетъ это, что въ обществѣ появляется человѣкъ съ репутаціей скромности, приличія, степенности, и всё привыкаютъ его видѣть, и никто не рѣшается заговорить объ его нескромностяхъ и неприличіяхъ, и всё, Богъ знаетъ почему, точно условились, смотрятъ сквозь пальцы на его поведеніе. Такъ было и съ педагогами, пока гр. Толстой не вторгся съ своей критикой. Благодаря его инициативѣ, профаны—кто старательнѣе и смѣлѣе, а кто (какъ я, грѣшный) и впервые—заглянули въ творенія нашихъ извѣстныхъ педагоговъ, прислушались къ ихъ изустнымъ преніямъ и увидѣли, что за виѣшнимъ обликомъ учености, за терминологіями, классификаціями и перечисленіями Шольцевъ и Шмальцевъ, скрывается нѣчто микроскопически малое. А тутъ еще и специалисты поддержали профановъ. Мы видѣли какое положеніе занялъ въ поднятомъ гр. Толстымъ спорѣ уважаемый петербургскій педагогъ - математикъ, г. Страйнолюбскій. Вотъ и другой примѣръ. Въ «Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ» нынѣшняго года напечатанъ «Обзоръ русской химической литературы за 1874 годъ» г. Алексѣева. Между прочимъ, тамъ разбирается произведеніе наставника кіевской учительской семинаріи г. Пантюхова, одобренное для употребленія въ учительскихъ семинаріяхъ — «Химическія свѣдѣнія». Г. Алексѣевъ находитъ, что эта «блжонка» «замѣчательна по абсолютному непониманію авторомъ того, о чемъ онъ взялся говорить», что и подтверждается цитатами. Не менѣе строго относится авторъ «Обзора» къ произведенію весьма извѣстнаго нашего педагога, г. Водовозова — «Элементарные рассказы изъ физики и химіи». Ограничиваясь только своею специальностью, рассказами изъ химіи, г. Алексѣевъ находитъ, что сочиненіе г. Водовозова «даже далеко за собой оставляетъ произведеніе г. Пантюхова,

и къ нему смѣло можно примѣнить то выраженіе, которое въ средѣ с.-петербургскаго педагогическаго общества одинъ изъ современныхъ педагоговъ съ высоты своего величія, но вполнѣ неосновательно примѣнилъ относительно азбуки графа Л. Толстого». Въ концѣ концовъ авторъ говоритъ: «Я такъ долго остановился на этихъ двухъ книжонкахъ, потому что считаю, что онѣ могутъ принести положительный, непоправимый вредъ учащимся. Крайне прискорбно видѣть подобное спекулятивное отношеніе къ дѣлу». Можетъ быть приговоръ почтеннаго автора «Обзора» и слишкомъ строгъ, но я заношу его въ свои записки, дабы передъ читателемъ открылась такая любопытная перспектива: что было бы, если бы люди науки разобрали, каждый по своей специальности, произведенія нашихъ педагоговъ, допущенныя, рекомендованныя или одобренныя для употребленія въ учительскихъ семинаріяхъ и народныхъ школахъ? Право, страшно подумать, даже помимо отзывовъ гг. Страннолюбскаго и Алексѣева, ибо и я, темный профанъ, какъ и другіе профаны, могъ бы найти въ означенныхъ произведеніяхъ не мало грѣховъ противъ науки, имя которой ежеминутно все призывается педагогами. Намъ говорятъ, что гр. Толстой есть врагъ науки, ибо отрицаетъ возможность научнаго построенія педагогики. Обвиненіе важное, и мы его сейчасъ рассмотримъ. Но справедливо оно или нѣтъ, а все-таки нельзя ставить дилемму: на чьей сторонѣ правда,—на сторонѣ науки, или на сторонѣ гр. Толстого? Это дилемма бессмысленная, потому что въ научномъ дѣлѣ, въ предѣлахъ компетенціи науки, правда всегда на ея сторонѣ. Надо разрѣшить другой вопросъ, надо посмотрѣть, имѣемъ ли мы право подставлять науку вмѣсто нашихъ педагоговъ, надо поставить вопросъ: на чьей сторонѣ правда: на сторонѣ ли педагоговъ или на сторонѣ гр. Толстого? Намъ говорятъ, что безобразія, указанные гр. Толстымъ, профанами и специалистами въ родѣ гг. Страннолюбскаго и Алексѣева, суть второстепенныя и третъестепенныя частности, что дѣло совсѣмъ не въ нихъ, а въ томъ общемъ научномъ духѣ, которымъ проникнуты наши педагоги. Такъ покажите же намъ этотъ научный духъ. Мы видимъ,

что нашъ извѣстный педагогъ г. Миропольскій уличаетъ въ невѣжество нашего извѣстнѣйшаго педагога барона Корфа, что въ такомъ же невѣществѣ извѣстнѣйшія редакціи «Семьи и Школы» и «Народной Школы» уличаютъ извѣстнаго педагога г. Бѣлова и проч., и проч. Возможны ли такія взаимныя уличенія въ средѣ людей, проникнутыхъ единымъ научнымъ духомъ? Мы видимъ далѣе, что, несмотря на всѣ требованія профановъ, несмотря даже вѣроятно на свое собственное желаніе, и педагоги, и ихъ заступники не представили до сихъ поръ оправданія своимъ претензіямъ на научность. Спириты сдѣлали въ этомъ отношеніи несравненно больше. Они все-таки представили нѣкоторый суррогатъ законовъ извѣстныхъ явленій. Пусть педагоги покажутъ, какими законамъ и какого рода явленій оправдываются ихъ приемы обученія, ихъ программы образованія элементарнаго, средняго и высшаго. Говорятъ, гдѣ-то тамъ за моремъ все это ужъ сдѣлано. Ну, тѣмъ лучше, коли вы на готовыхъ хлѣбахъ живете, тѣмъ легче вамъ отвѣтить на задаваемые вамъ вопросы. Наука или искусство ваша педагогія, но она должна вѣдаться съ законами каенхъ-нибудь явленій. Если она наука, — расскажите намъ открытые вами законы; если она искусство, — расскажите, какія вы ставите задачи и почему именно эти, а не другія, и въ силу опять-таки какихъ законовъ рассчитываете вы достигнуть желаемаго результата. Пока ничего подобнаго не сдѣлано, наука будетъ сама по себѣ, а педагоги тоже сами по себѣ. На самомъ дѣлѣ означенные вопросы послѣ Ушинскаго даже и въ голову не приходятъ педагогамъ: они движутся оцущью или по эмпирическимъ рецептамъ нѣмецкихъ педагоговъ, они играютъ въ науку, какъ малыя дѣти играютъ въ куклы. Поэтому нападать на пресловутый общій духъ, проникающій нашихъ педагоговъ, не только не значитъ оказывать неуваженіе наукѣ, а напротивъ показываетъ въ нападающемъ желаніе выгородить науку изъ недостойной ея игры. А что педагоги на каждомъ шагу повторяютъ слово *наука*, такъ это ровно ничего не значитъ. Въ Писаніи говорится, что не всѣ, призывающіе имя Христова, попадутъ въ царство небесное. Спириты часто помпнають науку, и

астрологи, и схоластики тоже ее поминали. Въ комедіи Понсара «Галилей» дѣвушка и крестьянинъ, наслышавшись объ учености знаменитаго флорентинца, обращаются къ нему съ просьбой предсказать имъ судьбу. Къ великому ихъ негодованію Галилей оказывается недостаточно ученымъ. Но ихъ выручаетъ ученѣйшій профессоръ Помпей. Онъ говоритъ:

Вы все узнаете, ступайте вслѣдъ за мною!

.
Вамъ объяснятся все согласно съ совпаденьемъ
Рожденья вашего, планетъ соединеньемъ,
Небесной схемою и прочимъ. Я читалъ
Заэля, Магна, Боната; изучалъ,
Что знали Пифагоръ, Агриппа, Авиценна,
Дуретъ и прочіе. Мгла неба сокровенна,
Но я проникъ въ нее. Знакомы мнѣ равно
И мръ, и небеса. Ничто мнѣ не темно:
Ни сидеральныхъ буквъ мудреные законы
Ни тайны магіи, ни катабибазоны,
Ни смыслъ Алмоходень, ни множество иныхъ
Вещей, ни сомъ примѣтъ и добрыхъ, и дурныхъ
Въ соединеньяхъ ихъ годичныхъ и первичныхъ,
Ни числа градусовъ и формулъ ихъ различныхъ,
Ни объясненіе Двѣнадцати домовъ,
Ни день рожденія, ни самый мигъ родовъ,
Впередъ предсказанный *ab horis*, тріедино...

(Переводъ г. Пушкирева).

А когда Галилея ведутъ на судъ инквизиціи, профессоръ Помпей восклицаетъ:

Теперь могу спокойно
Окончить жизнь свою; Римъ мстить—и мстить достойно
За Аристотеля...

Несмотря на нѣкоторыя частныя ошибки и заблужденія, профессоръ Помпей былъ насквозь проникнутъ научнымъ духомъ, ибо твердо вѣрилъ въ Дистервега.... то бишь Аристотеля изучалъ Фибля, Шольца и Шмальца... то бишь Заэля, Магна, Боната...

Но обратимся къ гр. Толстому. Въ народѣ лежатъ задатки

громадной духовной силы, которые нуждаются только въ толчкѣ. Толчокъ этотъ можетъ быть данъ только нами, представителями «общества», больше ему неоткуда взяться, а мы даже обязаны его дать. Но онъ долженъ быть данъ съ крайнею осторожностью, чтобы какъ нибудь не затоптать или не испортить лежащихъ въ народѣ зачатковъ силъ, а это тѣмъ возможнѣе, что сами мы—люди помятые, болѣе или менѣе искалѣченные, дорожащіе разнымъ вздоромъ. Какъ же быть? Никогда уму человѣческому не представлялся вопросъ болѣе важный и тревожный. Онъ находится въ ближайшей связи съ вопросами, волнующими мыслящихъ людей и рабочія массы въ Европѣ. Гр. Толстой, какъ мы видѣли, полагаетъ, что, если русскій мужикъ будетъ прогрессомъ промышленности и сельскаго хозяйства согнанъ съ земли, взамѣнъ которой ему будетъ предложена заработная плата, какъ фабричному или сельскому рабочему, то, какъ бы ни была высока эта плата, мужикъ будетъ обобранъ; обобрано будетъ его будущее, онъ будетъ лишень экономической самостоятельности. Съ точки зрѣнія гр. Толстого, вполне раздѣляемой и мною, такія же опасности для народа предстоятъ и на пути прогресса образованія. Опасности здѣсь даже больше, потому что не такъ бросаются въ глаза. Тернистый путь промышленнаго прогресса, его обоюдоострый характеръ изучень, можно сказать, вполне, и только тупоуміе, рутина и своекорыстіе отварачиваются на этомъ пунктѣ отъ горькихъ истинъ. Любопытная диссертація т. Посникова «Общинное землевладѣніе», которую московскіе громовержцы уже успѣли почтить своею бранью, дасть мнѣ случай въ одной изъ ближайшихъ главъ поговорить объ этомъ подробнѣе. Мы увидимъ, до какой степени уясненъ нынѣ вопросъ о различныхъ сторонахъ промышленнаго прогресса. Не то съ прогрессомъ образованія. Всякій способенъ понять, что заработная плата, какъ бы она ни была высока, есть часть дохода, даваемого тѣмъ или другимъ производствомъ, а доходъ съ крестьянскаго земельнаго надѣла, какъ бы онъ ни былъ малъ и обремененъ платежами, есть цѣлый доходъ. Но обыкновенно говорятъ, что лучше большая часть, чѣмъ малое цѣлое,

а потому, дескать, показателемъ роста народнаго богатства должна быть признана высота заработной платы, а не количество земельныхъ собственниковъ. Это не то, что невѣрное рѣшеніе вопроса, а неправильная его постановка. Порядокъ, при которомъ большинство населенія живетъ зароботною платою, и порядокъ, при которомъ это большинство состоитъ изъ самостоятельныхъ хозяевъ, принадлежатъ не къ различнымъ *ступенямъ*, а къ различнымъ *типамъ* развитія. Поэтому здѣсь и сравнивать надо типы развитія. Извѣстный типъ развитія можетъ быть выше другаго и все-таки стоять на низшей ступени. Напримѣръ, имѣя въ виду *степени экономического развитія* Англии и Россіи, всякій долженъ будетъ отдать преимущество первой. Но это не помѣшаетъ мнѣ признать Англію низшимъ (въ экономическомъ отношеніи) *типомъ* развитія. Это различеніе типовъ и ступеней развитія весьма важно и могло бы, еслибы постоянно имѣлось въ виду, избавить насъ отъ множества недоразумѣній и безплодныхъ пререканій. Я прошу читателя приложить его къ приведенному уже мною въ прошлый разъ утвержденію Гр. Толстого, что пѣсня «О Ванькѣ-Клюшничкѣ» и пѣснь «Внизъ по матушкѣ по Волгѣ» выше любого стихотворенія Пушкина и симфоніи Бетховена. Безъ сомнѣнія въ «Ванькѣ-Клюшничкѣ» и «Внизъ по матушкѣ по Волгѣ» нѣтъ той тонкости и разнообразія отдѣлки, нѣтъ даже той *односторонней* глубины мысли и чувства, какими блестятъ Пушкинъ и Бетховенъ, они ниже послѣднихъ, въ смыслѣ ступеней развитія, но они принадлежатъ къ высшему *типу* развитія, находящемуся пока на низкой ступени, но могущему имѣть *свой* прогрессъ. Эту *возможность* развитія, болѣе широкаго и глубокаго, чѣмъ какимъ вы обладаете сами, вы примете, если вамъ удастся подсунуть народу Пушкина вмѣсто «Ваньки-Клюшничка» и Бетховена вмѣсто «Внизъ по матушкѣ по Волгѣ», вы оберете мужика въ духовномъ отношеніи, прямо связать, ограбите его. Ограбите даже въ томъ случаѣ, если вамъ удастся всучить мужику именно такіе свои перлы и алмазны, какъ Пушкинъ и Бетховенъ. Но вѣрнѣе предположить, что народъ получитъ не ихъ, а что нибудь въ родѣ «послѣдняго слова»

куплетистики», какъ рекламировался недавно въ газетахъ какой-то сборникъ французско-вижегородскихъ каскадныхъ шансонетокъ.

Я не знаю, хорошо ли я излагаю мысли гр. Толстаго и, не безъ гордости прибавляю, мои, уже не первый годъ мною развиваемыя. Но я рассчитываю на читателя, на его искреннее и серьезное отношеніе къ дѣлу, которое исправитъ недостатки моего изложенія. Я впрочемъ стараюсь быть какъ можно понятнѣе, точнѣе и хватаюсь съ этою цѣлью за всевозможныя средства. Съ тою же цѣлью я сдѣлаю теперь небольшое отступленіе къ вышедшему въ прошломъ году замѣчательному труду г. Владимірскаго-Буданова «Государство и народное образованіе въ Россіи XVIII вѣка». Я не могу согласиться со многими воззрѣніями почтеннаго автора, напримѣръ съ его пристрастно-враждебнымъ отношеніемъ къ Петру I, объ чемъ впрочемъ говорить не буду, такъ какъ это завлекло бы меня слишкомъ далеко. Я не могу къ сожалѣнію исчерпать даже всѣ тѣ стороны изслѣдованія г. Владимірскаго-Буданова, которыя находятся въ ближайшей связи съ вопросами, поднятыми въ обществѣ статьей гр. Толстаго. Главное достоинство труда г. Владимірскаго-Буданова состоитъ въ томъ, что онъ не изолируетъ вопроса о народномъ образованіи, не отрываетъ его отъ сопредѣльныхъ съ нимъ общественныхъ вопросовъ. Мы къ этому совсѣмъ не приучены. У насъ разсуждаютъ о звуковомъ методѣ, о фребелевскихъ садахъ, о классическомъ и реальномъ образованіи и проч. почти исключительно отвлеченно, безъ отношенія къ той средѣ, въ которой должны будутъ дѣйствовать звуковой или иной методъ обученія грамотѣ, фребелевскіе сады и классическое и реальное образованіе. Такія разсужденія безъ сомнѣнія могутъ имѣть свою цѣну, но, слыша ихъ, я всегда припоминаю одинъ любопытный историческій примѣръ: одни и тѣ же общія теоретическія начала отразились во Франціи — первой революціей, а въ Германіи — прусско-государственной философіей Гегеля. Это оттого зависѣло, что эти общія теоретическія начала встрѣтили въ Германіи одну комбинацію общественныхъ

силъ, а во Франціи—совершенно другую, а потому и преломились тамъ и тутъ въ діаметрально-противоположномъ видѣ. Изъ этого не слѣдуетъ разумѣться, что отвлеченныя разсужденія о томъ или другомъ факторѣ общественной и государственной жизни должны быть совсѣмъ исключены изъ нашего умственного обихода. Напротивъ они вполнѣ умѣстны, пока мы не выходимъ изъ области теоріи; временное, сознательное выдѣленіе одного какого нибудь фактора изъ всей совокупности жезненныхъ явленій можетъ въ этомъ случаѣ составить даже превосходный научный приемъ. Но въ вопросахъ практическихъ необходимо должны быть приняты во вниманіе тѣ силы и тѣ сочетанія силъ, съ которыми изслѣдуемый факторъ столкнется въ дѣйствительности. Въ этомъ именно отношеніи цѣнно произведеніе г. Владимірскаго-Буданова, которое я беру на себя смѣлость рекомендовать особенному вниманію нашихъ педагоговъ и изъ котораго они извлекутъ несравненно больше пользы себѣ и обществу, чѣмъ изъ всѣхъ Шольцевъ и Шмальцевъ вмѣстѣ. Развѣ не поучителенъ въ самомъ дѣлѣ для нашихъ гордыхъ педагоговъ хоть такой примѣръ? Извѣстный Янковичъ де Миріево представилъ Екатеринѣ проектъ народнаго образованія, заслужившій одобреніе. До тѣхъ поръ народное образованіе было въ рукахъ дьячковъ и велось крайне плохо. Съ принятіемъ проекта Янковича де-Миріево частнымъ лицамъ воспрещено было производить обученіе, если они напередъ не изучали новаго метода въ главномъ народномъ училищѣ и не получили установленнаго свидѣтельства о дозволеніи открыть школу изъ приказа общественнаго призрѣнія, которому были подчинены всѣ народныя школы губерніи. Методъ и объемъ обученія, рекомендованные Янковичемъ де-Миріево, а равно и соотвѣтственныя книги, изданныя для народныхъ училищъ, представляли тоже «послѣднее слово науки» того времени и были относительно говоря ничѣмъ не хуже приемовъ современной педагогикі. Но мужикъ былъ уже и тогда грубъ и невѣжественъ. Онъ до такой степени упорно отдавалъ своихъ дѣтей по старому дьячкамъ, что правительство, не смотря на все свое могущество, должно было пойти на сдѣлки. Черезъ нѣ-

сколько лѣтъ по открытіи нѣжинскаго училища, смотритель его и городничій получили ордеръ, начинавшійся такъ: «Высочайшая воля есть, чтобы юношество обучаемо было по вновь изданнымъ книгамъ, и на тотъ конецъ заведены народныя училища съ немалымъ отъ казны содержаніемъ. Хотя взяты были дѣти отъ дьячковъ и приведены въ училище, но пробыли тамъ одинъ день, а пототъ болѣе мѣсяца никто не являлся. Причиной тому дьячки, кои обучаютъ по старому методу; родители же почитаютъ въ томъ только науку, что дѣти ихъ въ церквахъ читать могутъ псалтирь». Затѣмъ, рядомъ съ нѣкоторыми репрессивными мѣрами, ордеръ предписывалъ понедѣльникъ, вторникъ и среду до обѣда посвящать ученью въ училищѣ по новымъ методамъ, а среду послѣ обѣда, четвергъ, пятницу и субботу отдать на сѣденіе дьячкамъ! О сильномъ противодѣйствіи приходскихъ школъ новымъ свидѣтельствуемъ и другой документъ, относящійся къ новгородъ-сѣверской школѣ: «Нельзя оставить безъ примѣчанія, что и сіе полезнѣйшее заведеніе (народное училище), какъ и всякое другое, имѣетъ упрямаго себѣ соперника закоренѣлый обычай: многимъ и теперь кажется еще, что преждее трудное и для нѣжныхъ нервовъ тягостное буквъ названіе удобнѣе теперешняго, и что съ стараго букваря и часовника обучать дѣтей легче, нежели изъ книгъ, изданныхъ для народныхъ училищъ!» Вотъ, господа педагоги! Сто лѣтъ тому назадъ ваши предшественники отскакивали съ своимъ послѣднимъ слогомъ науки отъ народа, какъ отъ стѣны горохъ. Прошло сто лѣтъ, а вы все еще имѣете право жаловаться, что «многимъ кажется еще (!), что преждее трудное и для нѣжныхъ нервовъ тягостное буквъ названіе удобнѣе теперешняго, и что съ стараго букваря и часовника обучать дѣтей легче, нежели изъ книгъ, изданныхъ для народныхъ училищъ». Положимъ, народъ грубъ, глупъ и невѣжественъ, но возьмите же хоть часть вины на себя. Прислушайтесь хоть къ голосу историка народнаго образованія въ Россіи XVIII вѣка, котораго изученіе предмета привело къ такому заключенію: «Каково бы ни было достоинство (этого) образованія, все же остается вѣрнымъ, что степень со-

чувствія массъ къ извѣстнымъ явленіямъ соціального характера должна быть необходимо принимаема мѣркою для оцѣнки пригодности административныхъ мѣръ» (Владимірскій-Булановъ, 5), Его великолѣпіе г. Все тотъ же надменно спрашиваетъ: «Народъ учить или у народа учиться?» Кое чему можно и у народа поучиться, но народъ учить конечно нужно. Но какъ учить? Вотъ хоть бы вы, г. Все тотъ же, чѣмъ великолѣпію то предаваться, придумали бы такую программу, которая представила бы мостъ, перекинутый отъ нашихъ познаній къ невѣжеству народа. Безъ такого моста ничего не подѣлаешь, а построить его немощно труднѣе, чѣмъ заниматься великолѣпіемъ.

Для ближайшей цѣли этой главы моихъ записокъ важнѣе однако другая сторона изслѣдованія г. Владимірскаго-Буданова, именно его взгляды на отношеніе различныхъ формъ народнаго образованія къ сословнымъ дѣленіямъ общества. «Несомнѣнно, — говоритъ авторъ, — что роскошный цвѣтъ образованія классическихъ народовъ есть результатъ соціального строя ихъ, основаннаго на рабскомъ трудѣ (это и есть то неудобопонятное «хозяйство на умъ», которое такъ восхищаетъ журналъ «Дѣло»), что блестящіе, хотя и безплодные лепестки средневѣковаго образованія, при крайнемъ невѣжествѣ массъ, завада Европы есть одинъ изъ результатовъ феодальной власти владѣльцевъ надъ сельскимъ населеніемъ и промышленной торговой монополіи городскихъ общинъ; чѣмъ выше неравенство экономическихъ условий, тѣмъ выше неравенство образованія на обоихъ крайнихъ предѣлахъ общества, т. е. тѣмъ оно болѣе блестяще вверху, тѣмъ оно ничтожнѣе внизу. Мало по малу этотъ печальный фактъ стремится перейти въ юридическую норму: владѣющіе классы стремятся утвердить мысль, что нисшіе слои населенія *не должны* приобрѣтати образованіе, что оно въ рукахъ неимущаго есть огонь въ рукахъ дитяти». Таково вліяніе рѣзко-сословнаго строя общества на судьбы народнаго образованія. Но и формы образованія въ свою очередь вліяютъ на сословный строй общества. Сюда то и относятся любопытнѣйшія страницы изслѣдованія г. Владимірскаго-Буданова. Онъ полагаетъ, что въ

до-петровскомъ обществѣ вліяніе сословнаго строя на распре-
дѣленіе степеней образованія было весьма ничтожно. Образова-
ніе, на всѣхъ своихъ ступеняхъ, было въ тѣ времена свободное
и всесословное и, что особенно важно, не профессиональное, а
общее. Принципомъ образованія была «людскость» (Humanität),
а не потребности той или другой сословно-профессиональной
группы. Это относится не только къ элементарному образованію,
которое по самой сущности своей не можетъ быть профессио-
нальнымъ (и потому при господствѣ профессиональной системы
просто не имѣетъ мѣста). Правительство и изъ высшаго образо-
ванія не дѣлало орудія сословій. «Образованіе, какъ цѣль пра-
вительственныхъ заботъ, есть «мудрость». т. е. *высшее общее об-
разованіе*, которое по схемѣ Крыжанича и привилегіи москов-
ской академіи, состоитъ въ полномъ развитіи человѣческихъ
силъ и способностей, въ томъ, что составляетъ «едино на по-
требу», къ которому все приложится. Зная, что источникъ бла-
госостоянія церковнаго и государственнаго есть мудрость, «ни
о чемъ же, говоритъ правительство, тако тщаніе сотворемъ,
якоже о изобрѣтеніи премудрости, съ нею же вся блага отъ
Бога людямъ дарствуются». Ни къ какой другой сторонней цѣли
государство не направляетъ этой мудрости; она сама себѣ со-
ставляетъ цѣль и высочайшую, чистѣйшую задачу государства.
Средствами для достиженія этой мудрости правительство призна-
етъ слѣдующую систему наукъ: и благоволимъ храмы чиномъ
академіи устроити и во оныхъ хотимъ сѣмена мудрости, т. е.
науки гражданскія и духовныя, наченше отъ грамматики, пи-
тики, риторикъ, діалектики и философіи разумительной, естест-
венной и нравной, даже до богословія, учащей вещей божествен-
ныхъ и совѣсти очищенія постановити». Крыжаничъ уясняетъ
эту систему; по его схемѣ знаніе (scientia) раздѣляется на ду-
ховное и мірское; первое есть богословіе; второе состоитъ изъ
трехъ составныхъ частей: наукъ прикладныхъ («механики»), ма-
тематикъ и философіи. Послѣдняя (согласно съ привилегіей мос-
ковской академіи) опредѣляется какъ логика, физика и этика.
Первая заключаетъ въ себѣ всю филологическую часть человѣ-

ческаго вѣдѣнія (грамматику, риторику съ логикой и діалектику). Вторая («философія естественная») заключаетъ всѣ науки естественныя. Третья («философія нравная») заключаетъ въ себѣ юридическія, экономическія и соціальныя науки, вѣнецъ которыхъ составляетъ политика—«царственная мудрость» (IV).

Петру и его преемникамъ предстояло или идти по тому же пути, только улучшая и расширяя его, т. е. снабжая элементарныя, приходскія школы лучшими учителями, расширяя и уясняя программы средняго и высшаго образованія и т. д., или напротивъ сойти съ этого пути, замкнувъ образованіе въ извѣстныя сословно-профессіональныя рамки. Правительство избрало второй выходъ. Г. Владимірскій-Будановъ полагаетъ, что «русскія сословія, преимущественно же дворянское и духовное, одолжены своею организаціей главнымъ образомъ узаконеніямъ о профессиональномъ образованіи». Два принципа господствуютъ въ нашемъ законодательствѣ XVIII вѣка: 1) всякій долженъ учиться тому, что составляетъ профессію его отца, 2) отсюда само собою слѣдуетъ, что никто сторонній не можетъ быть допущенъ къ этой профессіи. Наисильнѣйшее приложеніе эти принципы получили къ профессіи духовенства, результатомъ чего и было образованіе рѣзко обособленнаго духовнаго сословія. Г. Владимірскій-Будановъ естественно отдаетъ значительную долю своего изслѣдованія этому рѣзкому примѣру, подтверждающему его воззрѣнія на вліяніе образованія на сословный строй. Однако онъ съ большимъ тщаніемъ слѣдитъ и за другими проявленіями того же принципа. Не говоря уже о дворянствѣ, которому системою профессиональнаго образованія была предоставлена высшая военная и гражданская служба, и о сословіи «подьячихъ», читатель найдетъ въ книгѣ много примѣровъ регламентирования законодательствомъ въ сословномъ смыслѣ даже отдѣльныхъ частныхъ видовъ военной и гражданской службы. Такъ на примѣръ велѣно было «дѣтей, оставшихся послѣ умершихъ въ службѣ докторовъ, штабъ-лекарей, лекарей, подлекарей, аптекарей и прочихъ аптекарскихъ служителей не опредѣлять на службу ни въ какія другія команды, но только въ вѣдомство медицинской

канцеляріи, гдѣ отцы ихъ служили». Дѣти горно-служащихъ обучались въ горныхъ школахъ; дѣти военныхъ мастеровыхъ обучались такъ, чтобы «потомъ могли быть добрыми мастеровыми»; дѣти ладожской команды получали образование въ особой, спеціальной школѣ, состоявшей при Ладожскомъ каналѣ. Если же дѣти людей известной профессіи оказывались къ ней неспособными, то ихъ все-таки стремились удержать какъ нибудь вблизи отъ нея. Напримѣръ солдатскія дѣти обучались въ гарнизонныхъ школахъ и предназначались въ военную службу. Въ случаѣ же неспособности, велѣно ихъ было обучать мастерствамъ слесарному, кузнечному, столярному, портному «и прочимъ художествамъ, какія при арміи и полкахъ потребны и по воинскому штату опредѣлены». Неспособныхъ дѣтей духовнаго сословія рекомендовалось обучать иконописному мастерству. Я привожу эти мелкіе примѣры потому, что въ нихъ направленіе законодательства отразилось яснѣе, чѣмъ въ узаконеніяхъ напримѣръ о профессиональномъ образованіи дворянства. Такимъ образомъ «людскость», «полное развитіе человѣческихъ силъ и способностей» перестали существовать какъ цѣли образованія. Правительство имѣло въ виду исключительно нужды государства, которыя приурочило къ сословнымъ цѣлямъ и интересамъ. Когда вслѣдствіе этого профессиональная система получила преобладающее, исключительное значеніе, образованіе элементарное оказалось «не въ авантажѣ», во-первыхъ уже потому, что оно есть образованіе общее, а во-вторыхъ потому, что имъ должны были пользоваться низшіе классы общества, ни къ какой спеціальной государственной службѣ не приспособленные.

Нѣкоторыя достойныя вниманія поправки къ исторической части изслѣдованія г. Владимірскаго-Буданова читатель найдетъ въ рецензій г. Андреевскаго, напечатанной въ I т. «Сборника государственныхъ знаній». Я совершенно уклоняюсь отъ бесѣды объ этой сторонѣ возрѣній автора и обращаю вниманіе читателя только на его соціологическіе выводы.

«Человѣческая мысль и нравственная дѣятельность, говоритъ авторъ, не призваны къ исключительному служенію государству»

(236). И въ другомъ мѣстѣ: «Профессіи, всегда склонныя къ наслѣдственности, могутъ не переходить въ сословія только при томъ единственномъ условіи, если выборъ ихъ совершается въ дѣлахъ, сравнительно зрѣлыхъ, послѣ предварительнаго общаго образованія. Только общее образованіе можетъ уяснить для человѣка его спеціальныя способности и опредѣлить его свободную волю въ ту или другую сторону практической дѣятельности. Въ немъ та сила, которая освобождаетъ человѣка отъ условій, данныхъ ему извнѣ его происхожденіемъ и положеніемъ. Поэтому всякому можетъ показаться весьма страннымъ, что тотъ самый XVIII вѣкъ, который принесъ намъ образованіе, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ эпохою развитія сословій. Секретъ разрѣшается тѣмъ, что правительство начала XVIII вѣка не имѣетъ вовсе въ виду общаго (человѣческаго, гуманнаго) образованія. Цѣлью его мѣръ по народному образованію было не образованіе, а государственная служба» (142). При этомъ слѣдуетъ однако замѣтить, что по сознанию самого автора сословія уже существовали въ допетровской Руси; не Петръ, а XVIII вѣкъ, такъ сказать, обострялъ ихъ. Но, повторяю, конкретные историческіе факты, трактуемые г. Владимірскимъ - Будановымъ, я оставляю со-всѣмъ въ сторонѣ и смотрю только на ихъ общее соціологическое значеніе. Бываютъ, значить, случаи, когда прогрессъ образованія идетъ бокъ-о-бокъ съ прогрессомъ общественныхъ неравенствъ. Очевидно, что явленіе это возможно и помимо усиленной дѣятельности законодательства, направленной исключительно въ сторону сословно-профессиональнаго образованія. Такая дѣятельность законодательства можетъ усилить и ускорить движеніе, которое однако вполнѣ мыслимо безъ нея. Самъ г. Владимірскій-Будановъ указываетъ (141) на организацію у насъ городского сословія, «которое несомнѣнно представляетъ полный образецъ строгаго сословнаго учрежденія, а между тѣмъ ни мало не подвергалось вліянію законовъ о народномъ образованіи». Онъ объясняетъ это тѣмъ, что «только т. н. *духовныя* (*geistliche* по нѣмецкой терминологіи) профессіи удобно переходятъ въ сословія подъ вліяніемъ законовъ объ изученіи и приобрѣтеніи про-

фессій. Экономическія же профессіи могутъ перейти въ сословія совершенно независимо отъ законовъ объ обученіи, въ силу стремленія къ корпоративности, присущаго самому духу всякой экономической дѣятельности». Къ этому слѣдуетъ еще можетъ быть прибавить, что рѣзкую границу между «духовными» и «экономическими» профессіями провести очень трудно. Какъ бы то ни было, посмотримъ, что происходитъ въ обществѣ или государствѣ, въ которомъ, по какимъ бы то ни было причинамъ, господствуетъ сословное начало образованія. Мы видимъ здѣсь самую яркую картину борьбы за индивидуальность (прошу читателя припомнить VI главу моихъ записокъ). Побѣда первоначально должна принадлежать высшей индивидуальности — государству. Оно совершенно подчиняетъ себѣ, поглощаетъ отдѣльныя единицы. Оно говоритъ: мнѣ нужны офицеры, солдаты, плотники, священники, подъячіе, какъ простые, несамостоятельные органы моей жизни; съ этою цѣлью я обращаю всѣ эти профессіи въ наследственныя, ибо рядъ поколѣній, воспитанныхъ на примѣрѣ въ школѣ Ладожскаго канала, будетъ наилучше исполнять то, что по моимъ задачамъ должно быть на Ладожскомъ каналѣ исполнено. Но по мѣрѣ того, какъ этимъ путемъ растутъ и крѣпнутъ сословія и сословія, побѣда въ значительной степени переходитъ на ихъ сторону. Они уже своею борьбою направляютъ жизнь государства въ ту или другую сторону. Государство (такъ вездѣ было) въ извѣстный моментъ своего развитія стремится побороть, поглотить сословія и сословія разными средствами и между прочимъ измѣненіемъ системы образованія, которое становится всесословнымъ и общедоступнымъ (поскольку это во власти законодательства). Борьба ведется съ перемѣннымъ счастіемъ, склоняясь то на одну, то на другую сторону, а пока паны дерутся, у хохловъ чубы болятъ: пизшая индивидуальность, личность въ чистомъ и прямомъ смыслѣ слова, человѣкъ—въ духовномъ отношеніи скудѣетъ. Онъ, правда, развивается, можетъ быть даже весьма сильно и быстро, но всѣ условія его жизни толкаютъ его, какъ выразился бы гр. Толстой, только къ развитію, удаляя отъ гармоніи развитія. На-

чало наслѣдственности медицинской профессіи положено указами Анны Іоанновны. Представимъ себѣ, что планъ этотъ получилъ бы дальнѣйшее прочное развитіе, что способныя дѣти медиковъ, аптекарей и пр. въ цѣломъ ряду поколѣній обучались бы медицинѣ, а малоспособныя, какъ это практиковалось относительно другихъ профессій, пристроивались бы къ толченію разныхъ снадобій въ аптекарскихъ ступкахъ, къ закупориванію стеклянокъ, наклеиванію ярлыковъ и пр., и пр. Медицина при этомъ порядкѣ едва ли прогрессировала бы, но корпорація, сословіе медиковъ пользовалось бы вѣроятно весьма важнымъ значеніемъ и вѣсомъ въ государствѣ. Однако это значеніе приобрѣталось бы насчетъ «гармоніи развитія» личностей, составляющихъ корпорацію. По всей вѣроятности тѣ спеціальныя силы и способности, которыя требуются медицинской профессіей, получили бы въ этомъ ряду поколѣній весьма высокое развитіе. Но все-таки были бы въ духовномъ отношеніи искалѣчены не только тотъ малоспособный (къ медицинѣ, что не мѣшало бы ему быть гениальнымъ математикомъ, поэтомъ, историкомъ, философомъ) мальчикъ, который осужденъ завязывать до сѣдихъ волосы аптекарскія стеклянки, но даже и наиболѣе видные члены корпораціи. Ибо въ нихъ разумѣется не было бы «полнаго развитія человѣческихъ силъ и способностей», объ которомъ мечталъ Крыжаничъ, или, что тоже, гармоніи развитія, на которой настаиваетъ гр. Толстой. Точно также былъ бы нравственно искалѣченъ первый, лучшій ученикъ школы ладожской команды, искалѣчена бы была его будущность, возможность для него полнаго и всесторонняго раскрытія его духовныхъ силъ.

До сихъ поръ читатель безъ сомнѣнія со мной согласенъ, потому что примѣры взяты у меня рѣзкіе и простые. Но попробуйте мысленно постепенно расширять предѣлы профессій медиковъ и ладожской команды. Эти сословія сложились бы, еслибы сложились, совершенно такимъ же путемъ и дали бы такіе же результаты, какъ и сословія въ общепринятомъ смыслѣ слова, — дворянство, духовенство, купечество. Разница тутъ не качественная, а количественная, почему г. Владимірскій - Буда-

новъ и имѣеть право разсматривать тѣ и другія вмѣстѣ. Онъ настаиваетъ на томъ, что сословія вездѣ, по крайней мѣрѣ въ значительную долю времени своего развитія, имѣють характеръ профессиональныхъ корпорацій. Для убѣжденія въ этомъ, говоритъ онъ, достаточно однихъ названій древнихъ кастъ востока и сословій классическаго и средневѣковаго міра: жрецы, воины, купцы, земледѣльцы, дедалиды, халкиды, гоплеты, эгикореи, аргаден, milites и т. д. Такъ что общіе принципы, несомнѣнные для наслѣдственныхъ медиковъ или наслѣдственныхъ чиновъ ладожскэй команды, должны быть вѣрны и по отношенію къ наслѣдственнымъ жрецамъ, наслѣдственнымъ воинамъ и пр. Корпоративность, профессія, наслѣдственность и признаніе со стороны государства — вотъ по мнѣнію г. Владимірскаго Буданова главные признаки сословій, очевидно одинаково приложимые и къ ладожской командѣ, и къ какимъ нибудь жрецамъ, воинамъ и пр. Поэтому, какъ это на первый взглядъ ни страшно, но должно признать, что процессъ исторіи, обобравшій духовную природу чиновъ ладожскэй команды, обобраь и духовную природу какихъ нибудь жрецовъ или воиновъ. А впрочемъ здѣсь даже и на первый взглядъ нѣтъ ничего страннаго. Не ясно ли, что древній воинъ, съ своей односторонне развитою храбростью, драчливостью, жестокостью, грубостью, весьма далекъ отъ гармоніи развитія? Не ясно ли, что нѣкоторыя его способности получили колоссальное развитіе въ ущербъ другимъ духовнымъ его силамъ? И не имѣемъ ли мы поэтому права называть его духовную природу, если не обобранною, то по крайней мѣрѣ извращенною? Безъ сомнѣнія въ новѣйшее время сословія дышатъ не такимъ спертымъ воздухомъ, какъ древнія касты. Въ особенности это должно сказать о такъ называемомъ третьемъ сословіи въ Европѣ и о средней руки дворянствѣ у насъ. Однако въ бѣльшей или меньшей степени они все-таки остаются сословіями. Спрашивается теперь, каково должно быть міросозерцаніе человѣка, болѣе или менѣе сдавленнаго гранями сословія или какого нибудь изъ его развѣтвленій? Очевидно это міросозерцаніе будетъ не совсѣмъ правильное, потому что одно-

стороннее. Оно можетъ быть даже совѣмъ исковерканнымъ. Гэккель рассказываетъ (въ *Generelle Morphologie*) къ какимъ результатамъ привели его занятія гимнастикой. Верхняя часть моей руки, говоритъ онъ, до тѣхъ поръ оставшаяся почти безъ всякаго упражненія, сдѣлалась въ какихъ нибудь полтора года почти вдвое толще; это громадное развитіе мускуловъ и связанное съ нимъ упражненіе представленій воли произвели сильное обратное дѣйствіе на другія мои представленія, а этому, въ связи съ другими причинами, я обязанъ тѣмъ, что господствовавшія во мнѣ дотолѣ дуалистическія и теологическія заблужденія смѣнились идеей единства и причинной связи явленій. Этотъ рассказъ знаменитаго ученаго я не потому привелъ, что считаю его очень убѣдительнымъ. Напротивъ онъ произвелъ на меня нѣсколько комическое впечатлѣніе. Но въ основаніи его лежитъ, я полагаю, несомнѣнная истина. Несомнѣнно по крайвей мѣрѣ то, что міросозерцаніе людей, у которыхъ въ цѣломъ ряду поколѣній «представленія воли остаются почти безъ упражненія», вообще говоря, должно имѣть свой спеціальный характеръ. Это я говорю о міросозерцаніи вообще, а тѣмъ справедливѣе это относительно той части міросозерцанія, которая вѣдаетъ понятія о явленіяхъ общественной жизни. Несомнѣнно также, что міросозерцаніе это, вообще говоря, должно быть тѣмъ уже, чѣмъ замкнутѣе и обособленнѣе соотвѣтствующіе слои общества. Г. Владимірскій-Будановъ указываетъ на презрѣніе къ труду и узко утилитарныя понятія русскихъ дворянъ, какъ на результаты профессиональной системы образованія. Я думаю, что явленія эти выработались задолго до ХУІІІ вѣка и слѣдовательно профессиональной системы образованія. Но это все равно. Такъ или иначе, а это выраженія нравственной скудости, обусловленной сословнымъ строемъ. Ихъ можно бы было привести не одно и не два. Подобныя черты нравственной скудости могутъ быть иногда очень тонки и неуловимы, тѣмъ болѣе, что онѣ часто тонутъ въ односторонней духовной роскоши. Онѣ могутъ быть особенно неуловимы теперь, когда сословія все болѣе и болѣе развертываются для силъ,

прибывающихъ со стороны, и распыляются въ общемъ понятіи цивилизаціи. Однако черты эти все-таки существуютъ. У насъ напимѣрь часто называютъ Пушкина общечеловѣческимъ по-этомъ. Это замѣчательно не вѣрно. Пушкинъ есть поэтъ по преимуществу дворянскій, и потому его способенъ принять близко къ сердцу и образованный нѣмецъ, и образованный французъ, и средней руки русскій дворянинъ. Но ни русскій купецъ, ни русскій мужикъ ему большой цѣны не дадутъ. Тотъ кругъ идей и чувствъ, который волновалъ современнаго ему *средняго* дворянина, Пушкинъ исчерпалъ вполне и блистательно. Можно удивляться тонкости его анализа, законченности образовъ, можно пожалуй любоваться, какъ глубоко залѣзаетъ онъ иногда въ дворянскую душу, можно наконецъ восхищаться красотой его выраженій и стиха, но все это возможно только намъ, образованнымъ людямъ, «обществу». Допустимъ, что онъ блистательно разработалъ всѣ мотивы нашей жизни, чего однако допустить нельзя, но онъ разработалъ мотивы только *нашей* жизни, жизни извѣстнаго, спеціального слоя общества, на которомъ свѣтъ не клиномъ сошелся и который не безъ пятенъ, потому что вѣдь и на солнцѣ есть пятна.

Спрашивается, имѣемъ ли мы право думать, что облагодѣтельствуемъ народъ, прививъ ему Пушкина и другіе наши перлы? Станный вопросъ! развѣ это не перлы и развѣ можетъ идти въ какое нибудь сравненіе съ ними то, чѣмъ пробавляется въ своей темной долѣ народъ! Да, очень странный вопросъ. Его то и задаетъ себѣ такъ часто гр. Толстой и отвѣчаетъ отрицательно: нѣтъ, не облагодѣтельствуемъ. И всякій долженъ будетъ сознаться, если только постарается отрѣшиться хоть временно отъ привычныхъ понятій, что гр. Толстой глубоко правъ. Надо замѣтить, что народъ никогда не былъ сословіемъ. Онъ платилъ подати и періодически выдѣлялъ изъ себя единицы для пополненія рядовъ арміи, но никакой дальнѣйшей спеціализаціи въ пользу высшей индивидуальности не подлежалъ, никакой корпораціи не составлялъ и профессиональному образованію не подвергался. Онъ всегда «самъ удовлетворялъ всѣмъ своимъ чело-

вѣческимъ потребностямъ», тогда какъ система сословій въ томъ именно и состоитъ, что потребности однихъ удовлетворяются другими. Безъ сомнѣнія сословная система отразилась и на народѣ весьма сильно, но при этомъ его духовная жизнь просто осталась на низшей ступени развитія, а не подвергалась развитію одностороннему. Поэтому-то вопросъ о народномъ образованіи такъ сложенъ и щекотливъ. Мы можемъ здѣсь идти по двумъ, совершенно несходнымъ путямъ: мы можемъ или просто поднять развитіе народа на высшую ступень, не нарушая его гармоніи, т. е. облегчая расцвѣтъ его духовныхъ силъ, или, объявивъ все, чѣмъ онъ живетъ теперь, дрянью и глупостью, привить ему свои перлы и алмазаны. Гр. Толстой рѣшительно избираетъ первый путь. И весьма любопытно слѣдить, какъ онъ въ своей педагогической дѣятельности на каждомъ шагу допрашиваетъ себя и другихъ: сообщая народу то-то и то-то, не помнемъ ли мы чего нибудь изъ будущихъ всходовъ, чего нибудь, можетъ быть очень дорогого и высокаго? Говорятъ о самоувѣренности графа Толстого, о надменной категоричности тона его разсужденій о народномъ образованіи. Это мнѣніе рѣшительно ни на чемъ не основано. Напротивъ онъ скорѣе слишкомъ осторожный и щепетильный скептикъ. Состояніе его духа, какъ оно сквозитъ во всѣхъ его статьяхъ, напоминаетъ человѣка, который несетъ какой нибудь очень дорогой, тяжелый и ломкій сосудъ и тревожно и зорко осматривается, какъ бы ему не оступиться. Какъ бы онъ ни пересаливалъ въ этомъ отношеніи, это несравненно лучше, чѣмъ развязность гг. Бунаковыхъ, Мпропольскихъ, Мѣднниковыхъ и пр., которые—беру аналогическое сравненіе—носятся, какъ бойкіе ярославскіе половые въ московскихъ трактирахъ. Такой половой все свое достоинство полагаетъ въ томъ, чтобы нести чайный приборъ съ совершенно своеобразнымъ шикомъ, чтобы чашки и чайники франтовито дребезжали на подносѣ, чтобы плечи и руки самого полового ходуномъ ходили. И то впрочемъ сказать: онъ не Богъ знаетъ какой северскій фарфоръ несетъ,—и разобьется, такъ не бѣда.

Что же мы дадимъ народу? воспитаніе? Этого гр. Толстой пуще всего боится.

«Такъ называемая наука педагогика, говоритъ онъ, занимается только воспитаніемъ и смотритъ на образовывающагося человѣка, какъ на существо, совершенно подчиненное воспитателю. Только черезъ его посредство образовывающійся получаетъ образовательныя или воспитательныя впечатлѣнія, будутъ ли эти впечатлѣнія книги, рассказы, требованія запоминая, художественныя или тѣлесныя упражненія. Весь вѣдшій міръ допускается къ воздѣйствію на ученика только настолько, насколько воспитатель находитъ это удобнымъ. Воспитатель старается окружить своего питомца непроницаемою стѣной отъ вліянія міра и только сквозь свою научную школьновоспитательную воронку пропускаетъ то, что считаетъ полезнымъ. Я не говорю о томъ, что дѣлалось или дѣлается у такъ называемыхъ отсталыхъ людей, я не воюю съ вѣтранными мельницами, я говорю о томъ, какъ понимается и прилагается воспитаніе у такъ называемыхъ самыхъ лучшихъ, передовыхъ воспитателей. Вездѣ вліяніе жизни отстранено отъ заботъ педагога, вездѣ школа обстроена кругомъ китайскою стѣной книжной мудрости, сквозь которую пропускается жизненное образовательное вліяніе только настолько, насколько это нравится воспитателямъ. Вліяніе жизни не признается. Такъ смотритъ наука-педагогика, потому что признаетъ за собой право знать, что нужно для образованія наилучшаго человѣка, и считаетъ возможнымъ устранить отъ воспитанника всякое внѣ воспитательное вліяніе; такъ поступаетъ и практика воспитанія» (т. IV., 120). «Воспитаніе есть воздѣйствіе одного человѣка на другого, съ цѣлью заставить воспитываемаго усвоить извѣстныя нравственныя привычки. Мы говоримъ: они его воспитали лицемъ-къ-лицу, разбойникомъ или добрымъ человѣкомъ, спартавцы воспитывали мужественныхъ людей, французы воспитываютъ одностороннихъ и самодовольныхъ» (123). «Воспитаніе есть принудительное, насильственное воздѣйствіе одного лица на другое, съ цѣлью образовать такого человѣка, который намъ кажется хорошимъ». «Воспитаніе есть возведенное въ принципъ стремленіе къ нравственному деспотизму. Воспитаніе есть, и не скажу, выраженіе дурной стороны человѣческой природы, но явленіе, доказывающее неразвитость мысли и потому не могущее быть положеннымъ въ основаніе разумной человѣческой дѣятельности—науки. *Воспитаніе есть стремленіе одного человѣка сдѣлать другого такимъ же, каковъ онъ самъ. (Стремленіе бѣднаго отнять богатство у богатаго, чувство зависти стараго при взглядѣ на свѣжую и сильную молодость,—чувство зависти, возведенное въ принципъ и теорію). Я убѣжденъ, что воспитатель только потому можетъ съ такимъ жаромъ заботиться о воспитаніемъ ребенка, что въ основѣ этого стремленія лежитъ зависть къ чистотѣ ребенка и желаніе сдѣлать его похожимъ на себя, то есть больше испорченнымъ» (124).*

Подчеркнутыя мною строки особенно характерны для гр. Толстого, какъ педагога, какъ мыслителя и наконецъ какъ обще-

ственного дѣятеля. Строки эти взяты изъ крайне любопытной статьи «Кому у кого учиться писать: крестьянскимъ ребятамъ у насъ, или намъ у крестьянскихъ ребятъ?» Статья не отвѣчаетъ на поставленный въ заглавіи вопросъ, потому что изъ нея слѣдуетъ вывести только то заключеніе, что у насъ крестьянскимъ ребятамъ учиться нечему, а мы у нихъ учиться не можемъ. Дѣло идетъ о беллетристическихъ опытахъ учениковъ ясно-полянской школы. Я прямо приведу наиболѣе поразительное, наиболѣе способное смутить читателя мѣсто статьи: «На другой день я еще не вѣрилъ тому, что испыталъ вчера. Мнѣ казалось столь страннымъ, что крестьянскій полуграмотный мальчикъ вдругъ проявляетъ такую сознательную силу художника, какой на *всей своей необъятной высотѣ развитія не можетъ достичь Гете*. Мнѣ казалось столь страннымъ, что я, авторъ «Дѣтства», заслужившій нѣкоторый успѣхъ и признаніе художественнаго таланта отъ русской образованной публики, что я въ дѣлѣ художества не только не могу указать или помочь 11-ти лѣтнему Семкѣ или Оедкѣ, а что едва-едва—и то только въ счастливую минуту раздраженія—въ состояніи слѣдить за ними и понимать ихъ» (227). Я читалъ по крайней мѣрѣ одинъ изъ этихъ рассказовъ (хорошенько не припомню)—«Солдаткино житье». Рассказъ этотъ былъ напечатанъ въ «Ясной Полянѣ» и потомъ перепечатанъ не помню гдѣ, въ «Азбукѣ» гр. Толстого, или въ отдѣльной книжкѣ, содержащей нѣсколько такихъ рассказовъ. Читалъ я его уже предупредивъ статью гр. Толстого, и признаюсь, все-таки не нашелъ въ немъ тѣхъ красотъ, которыя видитъ гр. Толстой. Весьма можетъ быть, что это зависитъ отъ слабости или испорченности моего эстетическаго чутія. Теоретически, по соображенію съ подходящими фактами другихъ сферъ мысли и жизни, я могу однако понять возможность указываемаго гр. Толстымъ явленія, т. е. возможность художественнаго превосходства Оедки надъ Гете, несмотря на «необъятную высоту развитія» послѣдняго. Могу я это понять потому, что не смѣшиваю ступеней развитія съ типами развитія. Безъ сомнѣнія Оедкѣ «Фауста» не написать и не понять; не понять ему боль-

наго, измученнаго существа Фауста, бросающагося съ вершины ненасытимой жажды познанія въ омутъ чувственныхъ наслажденій, изъ котораго ему удастся выплыть только въ аллегорическомъ видѣ. Для этого надо самому до извѣстной степени быть Фаустомъ, самому много переболѣть. А какой же Оедька—Фаустъ? Онъ просто здоровый физически и душевно крестьянскій мальчишка. Фаустъ, послѣ длиннаго ряда походовъ, вдоволь намучившись самъ и намучивши другихъ, примиряется съ жизнью на почвѣ непосредственной практической пользы: онъ, какъ извѣстно, въ концѣ-концовъ занимается осушеніемъ морского берега. Но этотъ конецъ жизни Фауста наступаетъ для Оедьки, какъ только онъ подростетъ. Чуть у него силенки прибавилось, онъ уже и занимается чѣмъ-нибудь въ родѣ осушенія морского берега, минуя весь тотъ кругъ неудовлетворимыхъ желаній и извращенныхъ чувствъ, который Фаустъ проходитъ только за тѣмъ, чтобы убѣдиться въ неудовлетворимости своихъ желаній и извращенности своихъ чувствъ. Результатъ получается довольно странный. Выходитъ, что какъ ни какъ, а высоко развитый Фаустъ имѣетъ всѣ резоны завидовать Оедькѣ, которому совсѣмъ даромъ достается чуть не въ утробѣ матери то самое, чего онъ, высоко развитый человѣкъ, добивается, уже стоя одной ногой въ гробу. А между тѣмъ Фаустъ—несомнѣнно высоко развитый человѣкъ, а Оедька—конечно человѣкъ не развитый. Кто же изъ нихъ выше? Когда сравниваютъ питательность или удобоваримость говядины и свинины, то не спрашиваютъ: чтó питательнѣе—фунтъ говядины или десять фунтовъ свинины? Это вопросъ безсмысленный. Десять фунтовъ свинины конечно содержать въ себѣ больше питательнаго матеріала, чѣмъ одинъ фунтъ говядины, но это все таки не рѣшаетъ вопроса о питательности того и другаго мяса. Надо взять равныя количества говядины и свинины. Такъ и тутъ. Фаустъ давитъ своимъ развитіемъ Оедьку, но это еще ровно ничего не значитъ. Дайте Оедькѣ возможность подняться на высшую ступень *своего типа* развитія, и тогда сравнивайте. А такъ какъ возможности этой на лицо нѣтъ, то можно сравнивать Фауста и Оедьку не

какъ ступени развитія, а только какъ типы. А типъ развитія Федьки должно признать высшимъ, хотя бы уже потому, что Фаустъ имѣетъ всѣ причины завидовать ему, гармоніи его развитія, недающей мѣста тѣмъ противорѣчіямъ, неудовлетворимымъ желаніямъ и извращеннымъ чувствамъ, которыми полна душа Фауста. Это безъ сомнѣнія должно отразиться и на литературныхъ произведеніяхъ Фауста (или Гёте) и Федьки. Гр. Толстой говоритъ о господствующемъ въ произведеніяхъ Семки и Федьки чувствѣ мѣры, которое онъ справедливо считаетъ существеннѣйшимъ условіемъ художественнаго произведенія. Это чувство мѣры очевидно совершенно не зависитъ отъ *высоты* развитія. Высоко развитый Фаустъ можетъ обладать имъ въ несравненно меньшей степени, чѣмъ Федька или Семка, именно потому, что онъ очень высоко развитъ въ извѣстномъ одностороннемъ, болѣе или менѣе извращенномъ направленіи, а односторонность и чувство мѣры—понятія враждебныя. Представимъ себѣ теперь, что Фаустъ или Гёте, или хоть гр. Толстой (большинство мыслящихъ цивилизованныхъ людей — немножко Фаусты, оттого то «Фаустъ» и есть величайшее произведеніе Гёте) займутся воспитаніемъ Федьки или Семки. Если воспитаніе есть дѣйствительно результатъ желанія сдѣлать другаго человѣка себѣ подобнымъ, то Фаустъ конечно исковеркаетъ Федьку: онъ заставитъ его пройти множество совершенно ненужныхъ, но мучительныхъ стадій своего развитія. До какой степени гр. Толстой зорко вглядывается въ эту, грозящую Федькамъ и Семкамъ при столкновеніи ихъ съ цивилизованнымъ человѣкомъ, опасность, это видно изъ той же статьи «Кому у кого учиться писать». Авторъ такъ описываетъ свое душевное состояніе въ тѣ минуты, когда онъ убѣдился, что Федька — замѣчательный талантъ: «Я не могу передать того чувства волненія, радости, страха и почти раскаянія, которыя я испытывалъ въ продолженіи этого вечера. Я чувствовалъ, что съ этого дня для него раскрылся новый міръ наслажденій и страданій—міръ искусства; мнѣ казалось, что я подсмотрѣлъ то, чего никто никогда не имѣетъ права видѣть—зарожденіе таинственнаго цвѣтка поэзіи.

Мнѣ и страшно, и радостно было, какъ искателю клада, который бы увидалъ цвѣтъ папоротника; радостно мнѣ было потому, что вдругъ, совершенно неожиданно, открылся мнѣ тотъ философскій камень, котораго я тщетно искалъ два года—искусство учить выраженію мыслей; страшно потому, что это искусство вызвало новыя требованія, цѣлнй міръ желаній, несоотвѣтственный средѣ, въ которой жили ученики, какъ мнѣ казалось въ первую минуту» (223). Черезъ двѣ страницы тѣ же мысли повторяются съ еще болѣшею силой: «Я оставилъ урокъ, потому что былъ слишкомъ взволнованъ. «Что съ вами? Отчего вы такъ блѣдны, вы вѣрно нездоровы?» спросилъ меня мой товарищъ. Дѣйствительно, я два-три раза въ жизни испытывалъ столь сильное впечатлѣніе, какъ въ этотъ вечеръ, и долго не могъ дать себѣ отчета въ томъ, что я испытывалъ. Мнѣ смутно казалось, что я преступно подсмотрѣлъ въ стеклянный улей работу пчелъ, закрытую для взора смертнаго; мнѣ казалось, что я развратилъ чистую, первобытную душу крестьянскаго ребенка. Я смутно чувствовалъ въ себѣ раскаяніе въ какомъ-то святотатствѣ. Мнѣ вспоминались дѣти, которыхъ праздные и развратные старики заставляютъ ломаться и представлять сладострастные картины для разжиганія своего усталого, истасканнаго воображенія, и вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ было радостно, какъ радостно должно быть человѣку, увидавшему то, чего никто не видалъ прежде его»...

Въ этой страстной тирадѣ отразился весь гр. Толстой со всѣми своими противорѣчіями, со всею своею любовью къ народу, со всѣми своими надеждами и опасеніями.

Итакъ гр. Толстой рѣшительно и безповоротно отрицаетъ право образованныхъ, цивилизованныхъ людей воспитывать народъ. Онъ совершенно вычеркиваетъ воспитаніе изъ задачъ педагогич., и центръ тяжести этого отрицанія составляетъ опасеніе примать и извратить будущность народа, тотъ расцвѣтъ его силъ, который пока лежитъ только *im Werden*, въ возможности. Къ этому центру сходятся всѣ его аргументы. Другое дѣло—образованіе; его гр. Толстой требуетъ. Образованіе есть для

него совокупность всѣхъ жизненныхъ и школьныхъ вліяній, «которыя развиваютъ человѣка, даютъ ему болѣе обширное міросозерцаніе, даютъ ему новыя свѣдѣнія» (IV, 122). Воспитаніе, по гр. Толстому, составляетъ часть образованія, именно принудительную часть, причемъ подъ принужденіемъ разумѣется не столько прямое, физическое или полицейское насиліе, сколько исключительный, соображенный только съ желаніями учителя выборъ сообщаемыхъ свѣдѣній и пріемовъ передачи.

Народъ желаетъ учиться, «общество» желаетъ его учить, а толку все-таки никакого не выходитъ, народъ остается невѣжественнымъ, необразованнымъ не только у насъ, а и въ Европѣ, гдѣ на образованіи народа сосредоточено и больше усилій, и больше матеріальныхъ средствъ. Это явленіе побуждаетъ гр. Толстого пересмотрѣть основанія того образованія, которое предлагается народу. Какія это въ самомъ дѣлѣ основанія? Какія пмѣетъ основанія школа нашего времени учить тому, а не этому; учить такъ, а не иначе? «Китайскаго мандарина, не выѣзжавшаго изъ Пекина, можно заставлять заучивать изрѣченія Конфуція и палками вбивать въ дѣтей эти изрѣченія. Можно было дѣлать это и въ средніе вѣка, но гдѣ же взять въ наше время ту силу вѣры въ несомнѣнность своего знанія, которая бы могла намъ дать право насильно образовывать народъ? Возьмите какую угодно средневѣковую школу до или послѣ Лютера, возьмите всю ученую литературу среднихъ вѣковъ, — какая сила вѣры и твердо несомнѣннаго знанія того, что истинно и что ложно, видна въ этихъ людяхъ! Имъ легко было знать, что греческій языкъ есть единственное необходимое условіе образованія, потому что на этомъ языкѣ былъ Аристотель, въ истинѣ положеній котораго никто не усомнился нѣсколько вѣковъ послѣ. Какъ было монахамъ не требовать изученія Священнаго Писанія, стоявшаго на незыблемомъ основаніи. Хорошо было Лютеру требовать непремѣннаго изученія еврейскаго языка, когда онъ твердо зналъ, что на этомъ языкѣ самъ Богъ открылъ истину людямъ. Повятно, что, когда критическій смыслъ человѣчества еще не пробуждался, школа должна была быть догматическая» (IV, 8).

Надо замѣтить, что «пробужденіе критическаго смысла» имѣетъ въ устахъ гр. Толстого совершенно особенное значеніе. Это не только возникновеніе сомнѣній въ пзвѣстныхъ вѣковыхъ понятіяхъ о явленіяхъ природы, но и возникновеніе сомнѣній въ справедливости извѣстныхъ явленій жизни общества, возникновеніе того чувства отвѣтственности, которымъ такъ полонъ самъ гр. Толстой, и отсутствіе котораго въ Аниѣ Карениной такъ охотно беретъ подъ свою защиту одинъ изъ пещерныхъ критиковъ гр. Толстого («Анна Каренина во-первыхъ—барыня, во вторыхъ, будучи барыней, она не сознаетъ въ этомъ обстоятельствѣ никакой вины съ своей стороны и не желаетъ выдти изъ своего привилегированнаго положенія». «Русскій Вѣстникъ», № 5). Изъ этого чувства отвѣтственности вытекаетъ, какъ мы видѣли, обязанность помочь обездоленнымъ выбраться на свѣтъ божій. Но чувство отвѣтственности до такой степени сильно въ гр. Толстомъ и законность его до такой степени ясно представляется его уму, что онъ не можетъ допустить, чтобы всякій имѣлъ право нести народу, въ видѣ образованія, безъ разбора все, что только у него есть за душой. Гр. Толстой и себѣ не даетъ этого права. Мы видѣли какъ тревожно и пугливо отнесся онъ къ факту разбуженной имъ въ Оудкѣ творческой силы. Онъ какъ будто говоритъ: положимъ, нѣкоторыя понятія представляются мнѣ несомнѣнно истинными и для моего домашняго обихода они годятся, удовлетворяютъ меня; но эта несомнѣнность тонетъ въ моемъ чувствѣ отвѣтственности; откуда мнѣ взять такую силу вѣры въ несомнѣнность своего знанія, которая могла бы мнѣ дать право насильно образовывать народъ?

Хотя я профанъ и въ философіи, и въ педагогикѣ, и пишу, собственно говоря, просто фельетонъ, но рекомендую читать этотъ фельетонъ съ усиленнымъ вниманіемъ. Не ради меня, а ради гр. Толстого, ради тѣхъ тонкихъ оттѣнковъ его мысли, которыя я только комментирую. Усиленное вниманіе требуется кромѣ того и въ виду неточности и небрежности языка гр. Толстого.

Слишкомъ великимъ дѣломъ представляется гр. Толстому на-

родное образованіе, слишкомъ важнымъ и отвѣтственнымъ, чтобы удовольствоваться обыкновенными гарантіями истинности нашихъ понятій. Истина—это вѣдь только случай равновѣсія между потребностью познанія и окружающимъ познаваемымъ міромъ. Она измѣняется съ измѣненіемъ познающаго субъекта и слѣдовательно существенно обусловливается всей соціальной обстановкой познающихъ. Вопросъ слѣдовательно и съ этой стороны сводится на соціальную почву, что придаетъ новое значеніе постоянно присутствующему на умственныхъ счетахъ гр. Толстого опасенію дать народу, какъ онъ говоритъ, камень вмѣсто куска хлѣба. Съ этимъ же опасеніемъ въ головѣ приступаетъ онъ и къ пересмотру основаній принудительнаго образованія или воспитанія, или замыканія ученика въ кругъ свѣдѣній и понятій, который представляется правильнымъ учителю. Основанія эти могутъ быть по его мнѣнію подведены подъ четыре отдѣла: религіозныя, философскія, опытные и историческія. Это дѣленіе предложено имъ въ статьѣ «О народномъ образованіи» (IV. 5—38). Въ статьѣ «Воспитаніе и образованіе» предлагаются нѣсколько отличныя рубрики, но объ нихъ потомъ.

Что касается до образованія, имѣющаго своею основою религію, то гр. Толстой признаетъ за нимъ, и только за нимъ, право принужденія. Такое выдѣленіе религіознаго образованія очевидно вполне законно, потому что религія имѣетъ дѣло съ предметами вѣры, а не познанія, земныя цѣли подчиняетъ спасенію души и все личныя усилія разработать ея догматы отрпцаетъ. Но, замѣчаетъ гр. Толстой, «въ наше время, когда образованіе религіозное составляетъ только малую часть образованія, вопросъ о томъ, какое имѣетъ основаніе школа принуждать молодое поколѣсіе учиться извѣстнымъ образомъ—остается нерѣшеннымъ». Въ статьѣ «Отеч. Записокъ», по поводу которой г. Марковъ столь либерально сваливаетъ въ одну кучу г. Цвѣткова и гр. Толстого, послѣдній выражается еще опредѣленнѣе: «Теперь всеи признано, и совершенно справедливо по моему мнѣнію, что религія не можетъ служить ни содержаніемъ, ни указаніемъ метода образованія, и что образованіе имѣетъ своимъ основаніемъ другія требованія».

Затѣмъ идутъ основанія философскія. Всѣ основатели философскихъ системъ болѣе или менѣе касались задачъ педагогиче-скихъ и приводили ихъ въ связь съ своими общими философскими воззрѣнiями. Но при этомъ задачи педагогиче-скія оказываются столь же много — и разнообразными, какъ и философскія системы. Эти разнообразныя системы не только смѣняють другъ друга во времени, но зачастую существовали и существуютъ бокъ-о-бокъ, не поборая другъ друга. Поэтому, даже не разсматривая ихъ, а ригоріи можно сказать, что по крайней мѣрѣ большинство ихъ не представляетъ достаточныхъ гарантій правильности выведенныхъ изъ нихъ педагогическихъ теорій. «Прослѣдивъ ходъ исторіи философіи педагогиче-ской, вы найдете въ ней не критеріумъ образованія, но напротивъ одну общую мысль, бессознательно лежащую въ основаніи всѣхъ педагоговъ, несмотря на ихъ частое между собою разногласіе, мысль, убѣждающую насъ въ отсутствіи этого критеріума. Всѣ они, начиная отъ Платона и до Канта, стремятся къ одному—освободить школу отъ историческихъ узъ, тяготящихся надъ нею, хотятъ угадать то, что нужно человѣку, и на этихъ болѣе или менѣе вѣрно угаданныхъ потребностяхъ строятъ свою новую школу. Лютеръ заставляеть учить въ подлинникѣ священное писаніе, а не по комментаріямъ святыхъ отцовъ. Бэконъ заставляеть изучать природу изъ самой природы, а не изъ книгъ Аристотеля. Руссо хотеть учить жизни изъ жизни, какъ онъ ее понимаетъ, а не изъ прежде бывшихъ опытовъ. Каждый шагъ философіи педагогиче-ской впередъ состоитъ только въ томъ, чтобъ освобождать школу отъ мысли обученія молодыхъ поколѣній тому, что старыя поколѣнія считали наукою, къ мысли обученія тому, что лежитъ въ потребностяхъ молодыхъ поколѣній. Одна эта общая и вмѣстѣ съ тѣмъ противорѣчащая себѣ мысль чувствуется во всей исторіи педагогиче-ской; общая, потому что всѣ требуютъ болѣе мѣры свободы школъ, противорѣчащая, потому что каждый предписываетъ законы, основанные на своей теоріи, и тѣмъ самымъ стѣсняетъ свободу».

Основанія опытыя. Можетъ быть принудительное образованіе ¹⁾

¹⁾ Я прошу читателя помнить, что это не то, что у насъ называется обя-

может сослаться на опыт, показать блестящіе результаты, которых оно достигло? Но гдѣ же эти блестящіе результаты? Конечно въ Европѣ. Гр. Толстой ссылается на свои личныя наблюденія, свидѣтельствующія, что такихъ блестящихъ результатовъ тамъ нѣтъ. Но важнѣйшій изъ аргументовъ состоитъ въ томъ, что новой народной литературы въ Европѣ нѣтъ и что десятое поколѣніе нужно такъ же насильно посылать въ школу, какъ и первое.

Основанія историческія. «Существующія школы выработались историческимъ путемъ, историческимъ же путемъ должны вырабатываться дальше и видоизмѣняться сообразно требованіемъ общества и времени; чѣмъ дальше мы живемъ, тѣмъ школы дѣлаются лучше и лучше». Гр. Толстой рѣшительно отрицаетъ это

зательнымъ обученіемъ. Принудительное образованіе народа есть замкнаніе его духовнаго развитія въ кругъ свѣдѣній и понятій, избранный по личному вкусу учителя или общества или правительства. Что касается до обязательнаго обученія, которое гр. Толстой вскользь, мимоходомъ также отрицаетъ, то объ немъ теперь у насъ разговора нѣтъ. Замѣчу только слѣдующее. Обязательное обученіе отрицается многими, я полагаю только потому, что оно налагаетъ на общество обязанность учить (гр. Толстой, конечно, не принадлежитъ къ числу этихъ многихъ). Кромѣ того слѣдуетъ замѣтить, что при всей непривлекательности насилія въ дѣлѣ образованія (насилія прямого, полицейскаго) нельзя особенно негодовать противъ него тамъ, гдѣ оно не составляетъ явленія исключительнаго. Мнѣ пришлось однажды присутствовать при поразительной картинѣ учета волостного старшины. Поразительно здѣсь было сочетаніе *обязанности* выборныхъ учитывать пута и даже двухъ путево (старшины и писаря) съ полнѣйшею безпомощностью. Я никогда не забуду этой сцены, а это конечно еще мелочь. Еслибы возможно было снять съ народа обязанность платить подати, обязанность нести военную службу и всѣ другія многочисленныя обязанности, то обязательное обученіе было бы возмутительнымъ и бессмысленнымъ насиліемъ. Теперь же объ немъ этого сказать нельзя. Я знаю, что гр. Толстой со мной не согласится. Но защита обязательнаго обученія можетъ и не противорѣчить отрицанію принудительнаго образованія, какъ его понимаетъ гр. Толстой. Составьте только для обязательнаго обученія программу не по своему личному вкусу, а возможно подходящую къ требованію народа. Если дѣло обойдется при этомъ безъ насилія, тѣмъ лучше.

улучшеніе школъ. Онъ находитъ, что они ставятся напротивъ все хуже и хуже; хуже относительно, сравнительно съ общимъ уровнемъ образованія, который достигается въ данный историческій моментъ. Онъ употребляетъ очень любопытный приемъ для повѣрки прогресса школьнаго образованія. Образование дается не только школой, оно дается и жизнью,—развитіемъ торговыхъ сношеній, путей сообщенія, бѣльшей степени свободы личности и участія ея въ дѣлахъ правленія, собраніями, музеями, публичными лекціями, литературой и проч. По мѣрѣ того какъ эти побочныя, внѣ-школьныя средства образованія развиваются, значеніе школы падаетъ, она отъ нихъ отстаетъ. Школы въ Парижѣ или Марсели и въ какомъ нибудь захолустѣ Франціи устроены одинаково, и однако народъ въ Парижѣ и Марсели образованнѣе, потому что жизнь тамъ поучительнѣе, чѣмъ въ захолустѣ. Въ прежнія времена школа давала все образованіе, какое было доступно исторической минутѣ; теперь она даетъ только ничтожную долю образованія, и чѣмъ дальше, тѣмъ эта доля становится меньше, а главная часть образованія получается не изъ школы, а изъ жизни. Значитъ, относительно говоря школа не улучшается, а ухудшается, значитъ принудительное образованіе становится все болѣе незаконнымъ.

Въ концѣ концовъ у принудительнаго образованія нѣтъ никакихъ основаній. «Наше мнимое знаніе законовъ добра и зла, и на основаніи ихъ дѣятельность на молодое поколѣніе, есть бѣльшею частію противодѣйствіе развитію новаго сознанія, не выработаннаго еще нашимъ поколѣніемъ, а вырабатывающагося въ молодомъ поколѣніи; оно есть препятствіе, а не пособіе образованію» (эта вѣчная борьба «отцовъ и дѣтей» довольно часто поминается гр. Толстымъ какъ явленіе, дѣйствительное поучительное). Эту точку зрѣнія гр. Толстой весьма послѣдовательно проводитъ по всѣмъ ступенямъ образованія. Стоя на ней, онъ самымъ рѣшительнымъ образомъ отрицаетъ теперешнее устройство университетовъ и гимназій, какъ заведеній, не соображенныхъ съ потребностями молодого поколѣнія, съ вырабатывающимся въ немъ «новымъ сознаніемъ». Столь же рѣшительно от-

рицаеть онъ и нѣтъшнюю организацію народнаго образованія въ тѣсномъ смыслѣ слова. Извѣстна его ересь: учите народъ тому, чему онъ хочетъ учиться, критерій образованія есть свобода учащагося.

Но куда же дѣнется при этомъ наука педагогики? Куда дѣнутся Шульцы и Шмальцы и Фиблы?—Они сдадутся въ архивъ, какъ сданы въ архивъ алхимики, астрологи и многіе другіе ученые люди.—Но съ ними будетъ похоронена наука, образованіе останется безъ научнаго кормила и научнаго весла! Къ такого рода возгласамъ подалъ отчасти поводъ самъ гр. Толстой нѣсколькими неточными и неправильными выраженіями, и тѣми противорѣчіями, которыя, согласно моей гипотезѣ, изложенной въ прошлый разъ, неизбѣжны для гр. Толстого. Ну да и заступиться за науку противникамъ гр. Толстого было лестно: наука вещь хорошая, и въ защиту ея можно написать много прекрасныхъ и даже вполне вѣрныхъ, хотя и общепзвѣстныхъ фразъ. Въ сущности же гр. Толстой, несмотря на всю свою непочтительность къ Урстамъ и Фиблямъ, на дѣлѣ не только не отрицаетъ науки педагогики, но даетъ ей вполне ясное, оригинальное и весьма глубокое опредѣленіе. Я уже его приводилъ. Образованіе есть извѣстное отношеніе двухъ людей или двухъ группъ людей, стремящихся къ равенству познаній: одни стремятся передать знанія, другія стремятся ихъ получить. «Задача науки образованія есть *только* изученіе условій совпаденія этихъ двухъ стремленій къ одной общей цѣли и указаніе условій, которыя препятствуютъ этому совпаденію» (IV, 36). Несмотря на подчеркнутое мною *только*, повидимому суживающее предѣлы науки, я не знаю опредѣленія болѣе полнаго и широкаго, болѣе способнаго поставить педагогику на дѣйствительно научную высоту. Но гр. Толстой не воспользовался всѣми выгодами этого истинно блестящаго опредѣленія. Скажу болѣе,—онъ ими и не могъ воспользоваться, вслѣдствіе слѣшкомъ страстнаго и лихорадочнаго отношенія къ дѣлу.

Опредѣленіе это, по моему мнѣнію, особенно дорого тѣмъ, что обнимаетъ и учителя и ученика, и образовывающее общество

и образовывающійся народъ. Въ развитіи же своихъ педагогическихъ воззрѣній гр. Толстой далеко не всегда слѣдитъ за объ-ими этими частями своей собственной формулы науки. Онъ преимущественно имѣетъ въ виду стремленія ученика, народа. Ну хорошо, народъ требуетъ, чтобы его обучали славянскому и русскому языку и ариметикѣ. Эта программа, особенно какъ ее понимаетъ гр. Толстой, можетъ удовлетворить не только ученика, а и учителя. Ну а еслибы народъ требовалъ какой нибудь ни съ чѣмъ несообразной программы? Гр. Толстой скажетъ можетъ быть, что такой программы народъ не можетъ потребовать, что требованія его хотя и элементарны, но непременно разумны и справедливы. Это однако не будетъ резоннымъ возраженіемъ, потому что мы вѣдь не можемъ поручиться, что признаваемое нами разумнымъ и справедливымъ дѣйствительно таково: народъ заявилъ требованіе и мы должны его выполнить, хотя бы оно на нашъ взглядъ и казалось ни съ чѣмъ несообразнымъ. Въ сущности гр. Толстой и самъ понимаетъ возможность такихъ случаевъ и даже приводитъ и комментируетъ нѣкоторые изъ нихъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ постоянно колеблется, отдавая первое мѣсто то требованіямъ учителя, его идеаламъ, то требованіямъ ученика. То вытягивается его десница, поднимается тотъ сильный, смѣлый, энергическій человѣкъ, который рѣшился, во имя истины и справедливости, во имя интересовъ народа, помѣряться со всей исторіей цивилизаціи; то выдвѣзаетъ шуйца, тотъ слабый, нерѣшительный человѣкъ, который заявилъ о цѣлесообразности, законности кроваваго движенія народовъ съ запада на востокъ и обратно, о томъ, что Наполеонъ былъ именно такой негодный человѣкъ, какой былъ нуженъ для цѣлей провидѣнія и т. п.

Я приведу примѣры десницы и шуйцы.

Я уже говорилъ, что въ статьѣ «Воспитаніе и образованіе» гр. Толстой располагаетъ основанія принудительнаго образованія нѣсколько иначе, чѣмъ они приведены выше. Правда, тутъ онъ говоритъ не объ основаніяхъ, а о причинахъ принудительнаго образованія или воспитанія. Но на дѣлѣ разницы большой

не выходитъ. Будемъ однако и мы говорить о причинахъ такого явленія, какъ насиліе въ образованіи. Причины эти, по мнѣнію гр. Толстого, лежатъ: 1) въ семействѣ, 2) въ религіи, 3) въ государствѣ, 4) въ обществѣ (въ тѣсномъ смыслѣ,—у насъ въ кругу чиновниковъ и дворянства). Причины, лежащія въ религіи, мы уже видѣли. Причины, лежащія въ государствѣ, гр. Толстой только отмѣчаетъ, какъ имѣющія «неоспоримыя оправданія», и проходитъ мимо. Это очень жаль. Я полагаю, что причины эти не больше и не меньше важны, чѣмъ всѣ другія и никакому исключительному суду не подлежатъ. Я уже рекомендовалъ книгу г. Владимірскаго Буданова гг. педагогамъ, а теперь рекомендую ее и гр. Толстому. Правительства столь же мало имѣютъ право, какъ и всѣ частныя лица и учрежденія, направлять народное образованіе къ своимъ исключительнымъ цѣлямъ. И чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе сознаютъ это сами правительства. Какъ бы то ни было, но о государственныхъ основаніяхъ принудительнаго образованія гр. Толстой, собственно говоря, просто умалчиваетъ. Остаются причины, лежащія въ обществѣ и въ семьѣ. Первые гр. Толстой безусловно отрицаетъ, вторыя признаетъ основательными. «Отецъ и мать, онъ говоритъ, какіе бы они ни были, желаютъ сдѣлать своихъ дѣтей такими же, какъ они сами, или по крайней мѣрѣ такими, какими бы они желали быть сами. Стремленіе это такъ естественно, что нельзя возмущаться противъ него. До тѣхъ поръ, пока право свободнаго развитія каждой личности не вошло въ сознаніе cadaго родителя, нельзя требовать ничего другаго. Кромѣ того родители болѣе всякаго другаго будутъ зависѣть отъ того, чѣмъ сдѣлается ихъ сынъ, такъ что стремленіе ихъ воспитать его по своему можетъ назваться ежели не справедливымъ, то естественнымъ». Уже изъ этихъ строкъ видно, что гр. Толстой намѣренъ дать сильную поблажку семейному принудительному образованію, потому что вѣдь аргументъ «пока право свободнаго развитія каждой личности не вошло въ сознаніе cadaго родителя» и проч., аргументъ этотъ очевидно приложимъ ко всѣмъ родамъ принудительнаго образованія. Пока право свободнаго

развитія каждой личности не вошло въ сознаніе каждаго педагога, имъ пожалуй тоже нельзя ставить тѣхъ требованій, которыя предъявляетъ гр. Толстой. Поблажка очевидна, а въ дальнѣйшемъ изложеніи она получаетъ весьма солидные размѣры. Четвертая причина принудительнаго образованія лежитъ въ потребности «общества, того общества въ тѣсномъ смыслѣ, которое у насъ представляется дворянствомъ, чиновничествомъ и отчасти купечествомъ. Этому обществу нужны помощники, потворщики и участники». Я не стану приводить всѣхъ аргументовъ гр. Толстого противъ принудительнаго «общественнаго» образованія. Они не всегда справедливы, всегда остроумны и очень часто отличаются замѣчательною глубиною. Характеръ ихъ долженъ уже уясниться читателю изъ всего предъидущаго. Я остановлюсь только на точкахъ враждебнаго столкновенія семейнаго насилія въ образованіи съ насиліемъ «общественнымъ». Чтобы удобнѣе прослѣдить всѣ ступени принудительнаго образованія, отъ элементарной школы до университета, гр. Толстой беретъ въ примѣръ исторію образованія сына не крестьянина, а небогатаго купца или мелкопомѣстнаго дворянина. Родители эти, предполагаетъ гр. Толстой, отдали дѣтей въ ученіе «въ надеждѣ сдѣлать изъ нихъ себѣ помощниковъ, одному—помочь сдѣлать свое маленькое имѣніе производительнымъ, другому—помочь повести правильнѣе и выгоднѣе торговлю». Но оказывается, что молодые люди, возвращаясь подъ родительскій кровъ по окончаніи университетскаго курса, не только не способны, не могутъ, не умѣютъ и не хотятъ оправдывать надежды родителей, но совершенно чужды родной средѣ, не имѣютъ съ ней ничего общаго. Это возмущаетъ гр. Толстого. «Посмотрите—говоритъ онъ съ укоромъ—какъ сынъ крестьянина приучается быть хозяиномъ, сынъ дьячка, читая на клиросѣ, быть дьячкомъ, сынъ киргиза скотовода быть скотоводомъ; онъ смолоду уже становится въ прямые отношенія съ жизнью, съ природою и людьми, смолоду учится плодотворно, работая». Я отнюдь не думаю защищать наличную систему школьнаго образованія. Но если эта система не хороша тѣмъ, что замыкаетъ ученика въ

кругъ понятій и свѣдѣній, избранный личными вкусами воспитателей, то чѣмъ же отъ нея отличается система, при которой сынъ дьячка уже смолоду обрекается быть дьячкомъ и сынъ скотовода скотоводомъ? Почему стремленіе купца засадить своего сына въ лавку менѣе деспотично, чѣмъ стремленія «общества» получить себѣ «помощниковъ, потворщиковъ и участниковъ»? По какому праву вы хотите запретить человѣка въ кругъ идей и чувствъ его среды, даже не справляясь какова эта среда? На всѣ эти вопросы я не нахожу отвѣтовъ у гр. Толстого, да и не могу найти, потому что всѣ его разсужденія о законности семейнаго принудительнаго воспитанія представляютъ его шуйцу. Они высказаны въ минуту ослабленія мысли и энергій, когда гр. Толстому хочется предоставить такъ интересующее его дѣло суду и волѣ божіей, предоставить дѣло его собственному теченію, въ надеждѣ, что изъ этого выйдетъ все тапъ что нибудь лучшее, чѣмъ при нашемъ вмѣшательствѣ. На мои вопросы гр. Толстой потому не можетъ дать удовлетворительныхъ отвѣтовъ, что эти же вопросы и тѣмъ же тономъ онъ задаетъ другимъ, когда десница пересаливаетъ шуйцу. Въ той же статьѣ, изъ которой взяты приведенныя разсужденія, я нахожу слѣдующія строки: «Я знаю барышника—дворника, постоянно подлыми путями сбывающаго себѣ конѣйку, который на мои увѣщанія и подольщенія отдать славнаго 12-тилѣтняго своего сынишку ко мнѣ въ яснополянскую школу, въ самодовольную улыбку распуская свою красную рожу, постоянно отвѣчаетъ одно и то же: «оно такъ-то такъ, ваше сіятельство, да мнѣ нужнѣе всего прежде напитать его своимъ духомъ». И онъ его вездѣ таскаетъ съ собой и хвастается тѣмъ, что 12-тилѣтній сынишка научился обдывать мужиковъ, ссыпающихъ отцу пшеницу. Кто не знаетъ отцовъ, воспитанныхъ въ юнкерахъ и корпусахъ, считающихъ только то образованіе хорошимъ, которое пропитано тѣмъ самымъ духомъ, въ которомъ эти отцы сами воспитались» (125). Въ другой статьѣ («Ясно полянская школа за ноябрь и декабрь мѣсяцы») тотъ же вопросъ затрагивается и рѣшается еще энергичнѣе. Описывается между прочимъ прогулка гр. Толстого съ нѣкоторыми

учениками ясно-полянской школы по лѣсу, ночью. Обстановка, предыдущія занятія (только что читали «Вія» Гоголя), разговоры о разныхъ страшныхъ исторіяхъ, о Кавказѣ, о пѣни, о музыкѣ, все это подняло тонъ душевнаго настроенія маленькаго общества. Самый процессъ поднятія этого тона описанъ съ изумительнымъ мастерствомъ. Но еще изумительнѣе сопоставленіе этого высокаго тона со «средой», съ тѣмъ міромъ фактической обстановки, въ который надо же было наконецъ вернуться изъ лѣсу. Я не могу привести здѣсь всего описанія прогулки, но не могу отказать себѣ въ удовольствіи выписать по крайней мѣрѣ вторую его часть—возвращеніе изъ лѣсу. Не забудьте только, что идутъ люди, полные необыденныхъ чувствъ и мыслей, настроенные на высокій ладъ. Идутъ и вотъ что они встрѣчаютъ:

Мы пошли къ деревнѣ. Оедька все не пускалъ моей руки, — теперь мнѣ казалось, уже изъ благодарности. Мы всѣ были такъ близки въ эту ночь, какъ давно уже не были. Пронька пошелъ рядомъ съ нами по широкой дорогѣ деревни. «Вишь, огонь еще у Мироновыхъ!» сказалъ онъ. «Я нынче въ классъ шелъ, Гаврюха изъ кабака ѣхалъ, прибавилъ онъ, пья-я-яный, распяный; лошадь вся въ мѣлѣ, а онъ-то ее ожариваетъ... Я всегда жалю. Право! за что ее бить». — «А надъсь батя, сказалъ Семка, пустилъ свою лошадь изъ Тулы, она его въ сугробъ и завезла, а онъ спитъ пьяный». — «А Гаврюха такъ по глазамъ и хлещетъ... и такъ мнѣ жалко стало, еще разъ сказалъ Пронька:—за что онъ ее билъ? слѣзъ, да и хлещетъ». Семка вдругъ остановился. «Наши ужъ спать», сказалъ онъ, глядяваясь въ окна своей кривой черной избы. «Не пойдете еще?» — «Нѣтъ». — «Пра-а-щайте, Л. Н.», крикнулъ онъ вдругъ и, какъ будто съ усиліемъ оторвавшись отъ насъ, рысью побѣжалъ къ дому, поднялъ щеколду и скрылся. «Такъ ты и будешь разводитъ насъ—сперва одного, а потомъ другаго?» сказалъ Оедька. Мы пошли дальше. У Проньки былъ огонь, мы заглянули въ окно: мать, высокая, красивая, но изнуренная женщина съ черными бровями и глазами, сидѣла за столомъ и чистила картошку; на серединѣ висѣла люлька; математикъ 2-го класса, другой братъ Проньки, стоялъ у стола и ѣлъ картошку съ солью. Изба была черная, крошечная, грязная. «Пронасти на тебя вѣтъ!» закричала мать на Проньку. «Гдѣ былъ?» Пронька кротко и болѣзненно улыбнулся, глядя на окошко. Мать догадалась, что онъ не одинъ, и сейчасъ перемѣнила выраженіе на нехорошее, притворное выраженіе. Остался одинъ Оедька. «У насъ портные сидятъ, оттого свѣтъ», сказалъ онъ своимъ смягченнымъ голосомъ; «нынѣшняго вечера прощай, Л. Н.», прибавилъ онъ

тихо и нѣжно, и пачалъ стучать кольцомъ въ запертую дверь. «Отоприте!» прозвучалъ его тонкій голосъ среди зимней тишины деревни. Ему долго не отворяли. Я заглянулъ въ окно: изба была большая; съ печи и лавки видѣлись ноги; отецъ съ портными игралъ въ карты, нѣсколько мѣдныхъ денегъ лежало на столѣ. Баба, мачиха, сидѣла у свѣтца и жадно глядѣла на деньги. Портной, прожженный ерыга, молодой мужикъ, держалъ на столѣ карты, согнутыя лубкомъ, и съ торжествомъ глядѣлъ на партнёра. Отецъ Оедьки съ разстегнутымъ воротникомъ, весь сморщившись отъ умственного напряженія и досады, переминая карты и въ нерѣшительности сверху замахивался на нихъ своею рабочею рукой. «Отоприте!» Баба встала и пошла отпирать. «Прощайте! еще разъ повторилъ Оедька: — всегда такъ давайте ходить».

Я вижу людей честныхъ, добрыхъ, либеральныхъ, членовъ благотворительныхъ обществъ, которые готовы дать и даютъ одну сотую своего состоянія бѣднымъ, которые учредили и учреждаютъ школы и которые, прочтя это, скажутъ: не хорошо!—и покачаютъ головой. Зачѣмъ усиленно развивать ихъ? Зачѣмъ давагъ имъ чувства и понятія, которыя враждебно поставятъ ихъ къ своей средѣ? Зачѣмъ выводить ихъ изъ своего быта? скажутъ они. Я не говорю уже о тѣхъ, выдающихъ себя головой, которые скажутъ: хорошо будетъ устройство государства, когда всѣ захотятъ быть мыслителями и художниками, а работать никто не станетъ! Эти прямо говорятъ, что они не любятъ работать, и потому нужно, чтобы были люди не то, что неспособные для другой дѣятельности, а рабы, которые работали бы за другихъ. Хорошо ли, дурно ли, должно ли выводить ихъ изъ ихъ среды и т. д. — кто это знаетъ? И кто можетъ вывести ихъ изъ своей среды? Точно это какое-нибудь механическое дѣло. Оедька не тяготится своимъ оборваннымъ кафтаникомъ, но нравственные вопросы и сомнѣнія мучатъ Оедьку, а вы хотите дать ему три рубля, катихизисъ и исторіюку о томъ, какъ работа и смиреніе, которыхъ вы сами терпѣть не можете, одни полезны для человѣка. Три рубля ему не нужны, онъ ихъ найдетъ, когда они ему понадобятся, а работать научатся безъ васъ такъ же, какъ дышать; ему нужно то, до чего доведетъ васъ ваша жизнь, вашихъ десять незабываемыхъ работой поколѣній. Вы имѣли досугъ искать, думать, страдать,—дайте же ему то, что вы выстрадали, ему этого одного и нужно; а вы, какъ египетскій жрецъ, закрываетесь отъ него таинственной мантией, зарывааете въ землю талантъ, данный вамъ исторіей. Не бойтесь, человѣку ничто человѣческое не вредно. Вы сомнѣваетесь? Отдайтесь чувству, и оно не обманетъ васъ. Повѣрьте его природѣ, и вы убѣдитесь, что онъ возьметъ только то, что заловѣдала вамъ передать ему исторія, что страданіями выработалось въ васъ» (280 и слѣд.).

Описаніе прогулки по лѣсу замѣчательно во многихъ отношеніяхъ: и по художественности формы (я преимущественно имен-

но этотъ разсказъ имѣлъ въ виду, когда говорилъ, что въ IV томѣ есть вещи, даже въ чисто-художественномъ отношеніи превосходящія можетъ быть все, написанное гр. Толстымъ), и по глубинѣ вложеннаго въ эту форму содержанія, и наконецъ для характеристики гр. Толстого. Дѣло въ томъ, что прогулка въ лѣсу есть единственное въ своемъ родѣ художественное произведеніе гр. Толстого. Міръ народа и міръ «общества» часто сопоставляются имъ, но, какъ мы уже видѣли, всегда съ такой стороны, съ которой народъ оказывается выше общества,—цивилизованные люди или завидуютъ народу, или, самоувѣренно вторгаясь въ его жизнь, только портятъ ее. Эффекта этого гр. Толстой достигаетъ не тѣмъ грубымъ приемомъ, по которому герои одной среды мѣряются съ пигмеями другой; онъ не идеализируетъ мужика, оставляетъ его и пьяницей, и невѣждой, и не дѣлаетъ изъ барина карикатуры. Но свѣтъ и тѣнь располагаются все-таки такъ, что баринъ со всѣмъ своимъ развитіемъ оказывается плохъ, а если не плохъ, такъ въ немъ по крайней мѣрѣ по временамъ вспыхиваетъ страстное желаніе жить жизнью мужика. Въ прогулкѣ въ лѣсу тѣ же два міра поставлены иначе, и опять таки безъ всякаго грубаго эффекта: крестьянскіе мальчики, уже подготовленные своимъ школьнымъ образованіемъ, удаляются на нѣсколько минутъ въ міръ идей и чувствъ, чуждыхъ ихъ средѣ, и затѣмъ возвращаются въ міръ дѣйствительности, въ своимъ пьянымъ и грубымъ отцамъ. Только. Но вы понимаете, что картинка эта въ корень подрываетъ всѣ разсужденія о преимуществахъ семейнаго насилія въ образованіи передъ всѣми другими видами насилія. А затѣмъ и самъ гр. Толстой принимается комментировать эту картинку и доказывать, что онъ былъ правъ, шевеля души Ѳедьки, Семки и Проньки необыденными, несвойственными ихъ средѣ мыслями.

Мысль, вложенная въ прогулку по лѣсу, въ художественной, образной формѣ у гр. Толстого нигдѣ больше не воспроизводится. Нигдѣ цивилизованный человѣкъ не рисуется имъ со стороны его духовнаго богатства, со стороны того, чѣмъ онъ можетъ и долженъ быть полезенъ народу. «Десять забытыхъ работой

поколѣній» нигдѣ не представляются гарантіей какой бы то ни было высоты. Напротивъ они представляются вѣками порчи и извращенія человѣческой природы. Потому то я и назвалъ прогулку единственнымъ въ своемъ родѣ художественнымъ произведеніемъ гр. Толстого. Однако мысль, вложенная въ прогулку, довольно часто разрабатывается въ его педагогическихъ статьяхъ. Наконецъ на ней построена вся его педагогическая дѣятельность. Только потому онъ и учитъ, и пишетъ, что признаетъ за собой право и обязанность сообщить народу нѣчто такое, чего ему не хватаетъ. При этомъ его десница отодвигаетъ всѣ препятствія, какія только попадаютъ на пути, будь то деспотизмъ семейства или общества, обстановка той или другой среды, тѣ или другіе предразсудки. Но у гр. Толстого есть и шуйца. Она побуждаетъ его напротивъ оставлять препятствія въ покоѣ, охранять неприкосновенность установившихся предразсудковъ и среды въ томъ странномъ расчетѣ, что «не случайно, а цѣлесообразно окружила природа земледѣльца земледѣльческими условіями, горожанина—городскими». Распространите только этотъ афоризмъ, на что вы имѣете полное логическое право, и вы смѣло можете утверждать, что не случайно, а цѣлесообразно природа окружила Кареннинныхъ, Бронскихъ и Облонскихъ тѣми условіями, которыми они окружены; что не случайно, а цѣлесообразно природа окружила нищаго нищенскими условіями и невѣжду условіями невѣжества. И вы оправдаете всякій мракъ и всякую мерзость и пещерные люди возликують, не подозревая, что для нихъ нисколько не благоприятна исходная точка противорѣчій гр. Толстого, та точка, гдѣ его мысль раздваивается. И вотъ опять поднимается десница гр. Толстого и энергически сметаетъ все, что натворила шуйца. Таково приведенное мною противорѣчіе въ оцѣнкѣ принудительнаго семейнаго образованія. Таковы и другія его, не менѣе бросающіяся въ глаза противорѣчія. Таковы же и противорѣчія, указанныя г. Марковымъ. Я ихъ привелъ въ прошлый разъ.

Я хотѣлъ бы, чтобы читатель не только узналъ гр. Толстого, а и получилъ къ нему то уваженіе, которымъ проникнуть я,

чтобы читатель не только не обѣгалъ IV тома сочиненій гр. Толстого, а напротивъ видѣлъ бы въ немъ ключъ ко всѣмъ произведеніямъ знаменитаго писателя и читалъ бы его съ полною увѣренностью найти въ немъ много и много въ высокой степени поучительнаго; чтобы читатель отнюдь не смущался тѣмъ печальнымъ обстоятельствомъ, что гр. Толстой, какъ мыслитель, опозоренъ похвалами пещерныхъ людей. Но не достигъ ли я скорѣе противоположнаго результата разъясненіемъ цѣлаго ряда, мало того, цѣлой системы противорѣчій гр. Толстого? Не подорвалъ ли я напротивъ въ читателѣ довѣрія къ этому человеку, способному дать противоположныя сужденія объ одномъ и томъ же предметѣ? Я не могу этого думать, потому что всѣ эти противорѣчивыя сужденія не подорвали же во мнѣ довѣрія и уваженія къ гр. Толстому, какъ къ мыслителю. Дѣло въ томъ, что противорѣчія противорѣчіямъ рознь. Противорѣчія писакки, который говоритъ сегодня одно, а завтра другое, глядя потому, кто ему платитъ и обидѣло или не обидѣло его то или другое учрежденіе или лицо; противорѣчія, вытекающія изъ небрежности и легкомыслія, и т. п., словомъ противорѣчія, вызванныя не внутреннимъ процессомъ умственной работы, постоянно направленной къ одной цѣли, а сторонними причинами, конечно должны подрывать довѣріе и уваженіе. Не таковы противорѣчія гр. Толстого. Я бы сравнилъ ихъ съ тѣми, которыхъ можно не мало найти у Прудона. Замѣчу, что по складу ума, а отчасти и по взглядамъ гр. Толстой вообще напоминаетъ Прудона. Та же страстность отношенія къ дѣлу, то же стремленіе къ широкимъ обобщеніямъ, та же смѣлость анализа и наконецъ та же вѣра въ народъ и въ свободу. Конечно противорѣчія Прудона не могутъ быть уложены въ такую правильную систему, какая допускается противорѣчіями гр. Толстаго. Прудонъ желалъ положить весь міръ, все познаваемое и непознаваемое, и міръ планетъ, и міръ человѣческихъ дѣйствій, и наши представленія о высшемъ существѣ въ ногиамъ Справедливости (Justice). Громадность задачи и страстность работы неизбежно приводили къ противорѣчіямъ, общій характеръ которыхъ уловить однако нельзя. Задача гр. Тол-

стого тоже велика, работа его тоже страстна, но у него есть и еще источникъ противорѣчій. Легко было Прудону вѣрвать въ народъ и требовать отъ другихъ такой же вѣры, когда онъ самъ вышелъ изъ народа,—онъ вѣрвалъ въ себя. Такого непосредственнаго единенія между гр. Толстымъ и народомъ нѣтъ. Легко было Прудону смѣло констатировать оборотную сторону медали цивилизаціи, когда эта оборотная сторона непосредственно давила его и близкихъ его. Такого давленія гр. Толстой не испытываетъ. Легко было Прудону говорить, что, выражаясь словами гр. Толстого, «въ поколѣніяхъ работниковъ лежитъ и больше силы, и больше сознанія правды и добра, чѣмъ въ поколѣніяхъ лордовъ, бароновъ, банкировъ и профессоровъ». Прудону было легко говорить это, когда отецъ его былъ бочаромъ, мать кухаркой, а самъ онъ наборщикомъ; когда онъ имѣлъ право сказать одному легитимисту: «у меня четырнадцать прадѣдовъ крестьянъ, назовите хоть одну фамилію, которая насчитывала бы столько благородныхъ предковъ». Но гр. Толстой находится скорѣе въ положеніи того легитимиста, который получилъ этотъ отпоръ. Оставьте въ сторонѣ вопросъ о томъ, вѣрны или невѣрны тѣ выводы, къ которымъ пришелъ Прудонъ, и тѣ, къ которымъ пришелъ гр. Толстой. Положимъ, что и тѣ и другіе такъ же далеки отъ истины, какъ пещерные люди отъ гр. Толстого. Обратите вниманіе только на слѣдующее обстоятельство: вся обстановка, всѣ условія жизни, начиная съ пеленокъ, гнали Прудона къ тѣмъ выводамъ, которые онъ считалъ истиной; всѣ условія жизни гр. Толстого напротивъ гнали и гоняты его въ сторону отъ того, что онъ считаетъ истиной. И если онъ все-таки пришелъ къ ней, то, какъ бы онъ себя ни противорѣчилъ, вы должны признать, что это—мыслитель честный и сильный, которому довѣриться можно, котораго указать должно. Самые противорѣчія такого человѣка способны вызвать въ читателѣ рядъ плодотворныхъ мыслей.

Продолжаю дѣлиться съ читателями тѣми, которыя онъ вызвалъ во мнѣ.

Любопытнѣйшее противорѣчіе гр. Толстого состоитъ въ томъ

что онъ отрицаетъ не только научный характеръ той педагогической окрошки, которую стряпаютъ гг. Миропольскіе и пр., онъ отрицаетъ науку педагогич. въ принципѣ (по крайней мѣрѣ онъ говоритъ такія слова) и въ то же время даетъ лучшее и полнѣйшее опредѣленіе «науки образованія». Педагогія изучаетъ условія, благопріятствующія и препятствующія совпаденія стремленій ученика и учителя къ общей цѣли равенства образованія. Такаво опредѣленіе гр. Толстого. Я полагаю, что оно не только вѣрно и полно, но можетъ служить прототиномъ опредѣленій всѣхъ соціальныхъ наукъ. Не буду объ этомъ распространяться и просто попрошу интересующихся перечитать мою бесѣду съ гр. Южаковымъ о субъективномъ и объективномъ началѣ въ социологіи. Обращу только вниманіе читателя на тѣ спеціальныя выгоды, которыя представляетъ предлагаемая гр. Толстымъ конструкція педагогич., и которыми самъ онъ не воспользовался. Самъ гр. Толстой обращаетъ попеременно исключительное вниманіе то на одинъ, то на другой элементъ, условія совпаденія которыхъ должны составить предметъ науки. То онъ владеть всѣмъ гирю на чашку вѣсовъ образовывающихся и требуетъ, чтобы образовывающій, «общество» слушалось голоса народа и совершенно устранило свои собственныя воззрѣнія; то наоборотъ, что впрочемъ въ крайней, исключительной формѣ встрѣчается у него рѣже, предлагаетъ образовывающему дѣйствовать на свой страхъ. Эти колебанія очевидно вовсе не соотвѣтствуютъ его опредѣленію педагогич. и обусловливаются чисто личными причинами. Онъ боится оставить народъ на произволъ судьбы, но боится и вмѣшательства цивилизованныхъ людей въ его жизнь. Онъ страшно ищетъ такой нейтральной почвы, на которой общество и народъ могли бы сойтись безобидно. Ему кажется, что онъ нашелъ такую почву—въ знаніяхъ. Не пытайтесь, часто говоритъ онъ, формировать вѣрованія, убѣжденія, характеръ учащихъ, на то вы не имѣете ни права, ни умѣнья, давайте народу знанія, больше вамъ дать нечего. Но это все-таки не рѣшаетъ вопроса, потому что знанія должны передаваться въ какомъ нибудь порядкѣ, въ какой нибудь системѣ. А

не будутъ ли этотъ порядокъ и эта система представлять собою уже нѣчто бѣльшее чѣмъ голое знаніе? Извѣстное расположеніе знаній и извѣстная ихъ передача могутъ уже формировать убѣжденія и вѣрованія. Въ «Ясной Полянѣ» гр. Толстой много писалъ объ томъ, какія знанія и въ какомъ порядкѣ могутъ сообщаться учащимся въ народной школѣ. Нынѣ онъ значительно упростилъ программу и, повинуюсь, какъ онъ справедливо говорить, голосу народу, требуетъ для народныхъ школъ арифметикъ и русскаго и славянскаго языковъ. Но съ русскимъ языкомъ опять бѣда, и я удивляюсь, какъ никто изъ оппозитентовъ гр. Толстого не обратитъ на это вниманія. Славянская грамота и арифметика не даютъ произволу учителя никакого простора, но учиться русскому языку значитъ между прочимъ читать; что же мы дадимъ народу читать: можно дать Гоголя, можно дать Франциска Венеціана, рассказы изъ естественной исторіи, «Азбуку» гр. Толстого, книжки бар. Корфа, г. Водовозова и пр., и пр. Нужна же какая нибудь руководящая нить, а съ нею вмѣстѣ поднимается и все, повидимому порѣшенное. Гр. Толстой и самъ чувствуетъ, что знанія не составляютъ нужной ему нейтральной почвы и что для того, чтобы найти ее, надо сдѣлать уступку учителю, его идеаламъ. Въ много разъ упомянутой статьѣ «Воспитаніе и образованіе» онъ говоритъ: «Но какъ же, скажутъ мнѣ, образовывающему не желать посредствоу своего преподаванія произвести извѣстное воспитательное вліяніе? Стремленіе это самое естественное, оно лежитъ въ естественной потребности при передачи знанія образовывающемуся. Стремленіе это только придаетъ образовывающему силы заниматься своимъ дѣломъ, даетъ ту степень увлеченія, которая для него необходима. Отрицать это стремленіе невозможно, и я объ этомъ никогда не думалъ; существованіе его только сильнѣе доказываетъ для меня необходимость свободы въ дѣлѣ преподаванія. Нельзя запретить человѣку, любящему и читающему исторію, пытаться передать ученикамъ то историческое возрѣвіе, которое онъ имѣетъ, которое онъ считаетъ полезнымъ, необходимымъ для развитія человѣка, передать тотъ методъ, который учитель счи-

таетъ лучшнмъ при изученіи математики или естественныхъ наукъ: напротивъ это предвидѣніе воспитательной цѣли поощряетъ учителя. Но дѣло въ томъ, что воспитательный элементъ науки не можетъ передаваться насильственно. Не могу достаточно обратить вниманіе читателя на это обстоятельство. Воспитательный элементъ, положимъ, въ исторіи, въ математикѣ, передается только тогда, когда учитель страстно любитъ и знаетъ свой предметъ; тогда только любовь эта сообщается ученикамъ и дѣйствуетъ на нихъ воспитательно. Въ противномъ же случаѣ, то есть когда гдѣ-то рѣшено, что такой-то предметъ дѣйствуетъ воспитательно и однимъ предписано читать, а другимъ слушать, преподаваніе достигаетъ совершенно противоположныхъ цѣлей, т. е. не только не воспитываетъ научно, но отвращаетъ отъ науки. Говорятъ, наука носить въ себѣ воспитательный элементъ (erziehliches Element),—это справедливо и несправедливо, и въ этомъ положеніи лежитъ основная ошибка существующаго парадоксальнаго взгляда на воспитаніе. Наука есть наука и ничего не носитъ въ себѣ. Воспитательный же элементъ лежитъ въ преподаваніи наукъ, въ любви учителя къ своей наукѣ и въ любовной передачѣ ея, въ отношеніи учителя къ ученику. *Хочешь наукой воспитать ученика, люби свою науку и знай ее, и ученики полюбятъ и тебя и науку, и ты воспитаешь ихъ, но самъ нелюбишь ее, то сколько бы ты ни заставлялъ учить, наука не произведетъ воспитательнаго вліянія.* (Курсивъ гр. Толстого). И тутъ опять одно мѣрило, одно спасенье, опять таже свобода учениковъ слушать или не слушать учителя, воспринимать его воспитательное вліяніе, т. е. имъ однимъ рѣшать знаетъ ли онъ и любитъ ли свою науку» (IV, 167). Послѣднія слова справедливы относительно высшаго образованія. Университеты, какъ настаиваетъ на этомъ гр. Толстой, дѣйствительно могутъ быть устроены такъ, что студенты будутъ имѣть право слушать того или другого профессора, ту или другую науку, въ томъ или другомъ объемѣ, причемъ университеты будутъ уже разумѣться не тѣмъ, что они нынѣ. Но какъ примѣнить этотъ принципъ къ народному образованію? Допустивъ полнѣй-

шее самоуправленіе въ этомъ дѣлѣ, вы дадите рѣшающій голосъ все-таки не ученикамъ, не Оедькѣ, Семкѣ и Пронькѣ, а ихъ отцамъ, тѣмъ самымъ отцамъ, которыхъ ребята встрѣтили послѣ прогулки въ лѣсу. По чисто практическимъ соображеніямъ, требованія этихъ отцовъ до извѣстной степени непремѣнно должны быть уважены, тѣмъ болѣе, что на дѣлѣ разумѣется не можетъ быть большаго разногласія между поколѣніями отцовъ и дѣтей въ крестьянскомъ быту, они живутъ медленнѣ насъ. Но при опредѣленіи границы удовлетворенія этихъ требованій, согласно опредѣленію педагогич., должна быть выслушана и другая заинтересованная сторона. Любовь учителя къ наукѣ и знаніе ея безъ сомнѣнія составляютъ первыя и необходимѣйшія условія совпаденія стремленій учителя и ученика. Какъ же быть, если учитель будетъ требованіями учениковъ и ихъ отцовъ оскорбляемъ въ своемъ знаніи и въ своей любви къ наукѣ? У него опустятся руки и изъ хорошаго, знающаго и преданнаго дѣлу учителя выйдетъ небрежный и озлобленный. Я полагаю, что предѣлъ законныхъ требованій можетъ быть выраженъ такъ: никакіе отцы, никакіе учителя, никакія учрежденія не имѣютъ права ограничивать образованіе молодыхъ поколѣній своими личными дѣлами, дѣлать изъ нихъ, какъ выражается гр. Толстой, себѣ потворщиковъ, помощниковъ и слугъ. Такъ напримѣръ требованія того барышника, который не хотѣлъ отдавать сына въ школу, а хотѣлъ сдѣлать его прикащикомъ, преданнымъ его, барышника, интересамъ, требованія эти удовлетворенію ни въ какомъ случаѣ не подлежатъ (отсюда одна изъ причинъ законности обязательнаго обученія). Это совершенно соотвѣтствуетъ опредѣленію педагогич., данному гр. Толстымъ, равно какъ и другимъ его воззрѣніямъ. Въ народѣ онъ цѣнитъ не его грубость, невѣжество и предразсудки, а незапятнанную грѣхомъ «десяти незабитыхъ работой поколѣній» совѣсть и способность самому удовлетворять всѣмъ своимъ нуждамъ, т. е. способность не имѣть слугъ и не быть ничьимъ слугой. Въ «обществѣ» онъ цѣнитъ не инстинктивное или сознательное стремленіе обратить народъ въ своего слугу, а тѣ подлежащія научной повѣркѣ знанія и комбинаціи

знаній, которыя даны ему вѣковымъ досугомъ. Я думаю, что программа элементарныхъ народныхъ училищъ, предложеная гр. Толстымъ, за ничтожными исключеніями, можетъ удовлетворить законнымъ требованіемъ и учителей и учениковъ съ ихъ отцами. Огромное большинство великороссовъ (о другихъ не берусь судить), какъ должно быть извѣстно каждому, по разнымъ причинамъ цѣнить именно русскую, славянскую грамоту и арифметику. Думаю, что нѣкоторую пользу могутъ принести тутъ и много осмѣянные дьячки и отставные солдаты. Съ этой программой должны быть сообразованы и учительскія семинаріи и другіе разсадники народныхъ учителей, но именно только сообразованы. Для выбора матеріала для русскаго чтенія нужно нѣсколько больше знаній, чѣмъ какими обладаютъ дьячки, священнослужители, отставные солдаты и проч., хотя всѣ эти учителя неоспоримо хороши тѣмъ, что дешевы и находятся подъ рукою. Смущенный трудами нашихъ педагоговъ и квази-научнымъ характеромъ ихъ дѣятельности, гр. Толстой отрицаетъ возможность знать какія свѣдѣнія и въ какомъ порядкѣ должны сообщаться ученикамъ, какіе приемы при этомъ должны употребляться, какое дѣйствіе должно произвести на ученика то или другое педагогическое явленіе, словомъ опять-таки отрицаетъ педагогію. Что Шольцы, Шмальцы и Фибли никому не нужны и менѣе всего народнымъ учителямъ,— это вѣрно. Что наши извѣстные и извѣстнѣйшіе педагоги въ дѣятельности своей движутся оцупью, на обумъ, не руководствуясь какими бы то ни было законами педагогическихъ явленій, хотя и много говорятъ о наукѣ,—это тоже вѣрно. Но вѣрно и то, что законы педагогическихъ явленій уловимы. Соплюсь на самого гр. Толстого. Въ своихъ педагогическихъ статьяхъ онъ, ссылаясь на опытъ и наблюденіе, доказываетъ, что въ дѣтяхъ историческій интересъ является послѣ художественнаго, и что историческій интересъ возбуждается прежде всего познаніями по новой, а не по древней исторіи (353, 354); что интересъ географическій возбуждается познаніями естественно научными и путешествіями (372); что старыя воззрѣнія на міръ разрушаются прежде всего законами физики и механики, тогда какъ насъ

учать сначала физической географіи, которая отскакиваетъ какъ отъ стѣны горохъ (365) и проч., и проч., и проч. Выработка и проверка подобныхъ законовъ педагогическихъ явленій (ими заняты не одинъ гр. Толстой, ихъ изучаютъ и европейскіе психологи) должны составить предметъ науки — педагогіи и опредѣлять порядокъ матеріала для чтенія въ народныхъ школахъ. Они именно указываютъ на условія совпаденія стремленій ученика и учителя, и слѣдовательно вполне улаживаются въ то опредѣленіе педагогіи, которое далъ гр. Толстой.

Проектъ организаціи школьнаго дѣла, предложенный гр. Толстымъ, я защищать не буду.

Ну, что, читатель? Положа руку на сердце, — знали вы гр. Толстого, своего любимаго писателя? Не правъ ли я былъ, говоря, что, не смотря на всю свою извѣстность, онъ совершенно неизвѣстенъ? Будущій историкъ русской литературы разберетъ въ чемъ тутъ дѣло, а дѣло-то любопытное, будетъ надъ чѣмъ поработать. Въ ожиданіи этого историка, я только хотѣлъ привлечь вниманіе читателя на тѣ стороны литературной дѣятельности гр. Толстого, которыя доселѣ оставались «явленіемъ, пропущеннымъ нашей критикой».

XII *).

Аракчеевъ.

Въ №№ 1, 3, 4 и 6 «Древней и Новой Россіи» напечатаны очень любопытныя «Черты изъ жизни графа Аракчеева». Статьи эти составлены Н. К. Отто, преимущественно по документамъ грузинскаго архива, и относятся почти исключительно къ частной жизни Аракчеева. Мрачный создатель военныхъ поселеній, сотрудникъ Фотія и Магницкаго, «бѣсъ, лести преданный» (какъ передѣляли современники его знаменитый девизъ «безъ лести

*) 1875. августъ.

преданъ») рисуется здѣсь въ своемъ домашнемъ быту. Свѣдѣнія этого рода встрѣчались и прежде въ нашихъ историческихъ журналахъ, но у г. Отто они едва ли не впервые группируются въ довольно полную картину.

Аракчеевъ воспитывался въ артиллерійскомъ и инженерномъ шляхетскомъ корпусѣ, гдѣ «своимъ необыкновеннымъ усердіемъ и точнымъ исполненіемъ всѣхъ заведенныхъ порядковъ и приказаній обратилъ на себя вниманіе начальства. По отзыву сверстниковъ и современниковъ, онъ, еще будучи сержантомъ въ корпусѣ, обнаруживалъ крутой нравъ и необыкновенную жестокость въ обращеніи съ подчиненными ему товарищами». Съ такимъ нравственнымъ багажемъ выступилъ Аракчеевъ на жизненное поприще, съ нимъ легъ онъ и въ могилу. Жестокъ онъ былъ съ акуратностью аптекаря и акуратевъ съ жестокостью палача, доходя и въ томъ, и въ другомъ отношеніи до виртуозности, почти до наивности. Безъинтересно замѣтить, что еще въ корпусѣ Аракчеевъ предпочиталъ всѣмъ занятіямъ фронтовые упражненія и математику. Въ другихъ наукахъ онъ былъ слабъ, такъ что до конца жизни остался даже малограмотнымъ. Онъ рѣшительно не цѣнилъ и не понималъ всего, что не цифра, не прямая линия, не геометрическая фигура. Этому соотвѣтствовало и отвращеніе его ко всякаго рода сомнѣніямъ и колебаніямъ, которыя нарушаютъ прямолинейный, шереножный строй нравственной перспективы. Онъ любилъ, чтобы всякая штука была смѣряна, взвѣшена, припечатана казенною или его собственною гербовою печатью, поставлена въ шеренгу и чтобы подъ всякимъ львомъ было четкою писарскою рукою подписано: се левъ, а не собака.

Какъ только пожалованная ему императоромъ Павломъ грузинская волость поступила въ его владѣніе, такъ по всѣмъ деревнямъ началось разрушеніе и созиданіе. Разрушались старые крестьянскіе дома, созидались новые. Въ Грузинѣ, за господскою усадьбой вытянулась шеренга розовыхъ домовъ, построенныхъ по одному плану и раздѣлявшихся каждый на двѣ половины; въ каждомъ такомъ домѣ помѣщалось по два семейства.

Свиньи были изгнаны, какъ животныя, роющія землю и тѣмъ производящія безпорядокъ. «Усмотрѣно мною въ прошедшую осень, — гласитъ одинъ изъ приказовъ графа, что послѣ запрещенія моего содержатся свиньи въ ближнихъ деревняхъ въ Грузину. Почему сямъ письменнымъ указомъ запрещаю и т. д... Если послѣ онаго числа у кого окажутся въ оныхъ деревняхъ свиньи, то оныхъ взять въ госпиталь, а хозяина и хозяйку записать въ книгу, дабы ихъ будущимъ лѣтомъ можно было взять въ садъ на работу на мѣсяць». Не менѣе преслѣдовались битыя стекла въ окнахъ, причемъ графъ объяснялъ, что подъ битыми стеклами онъ «разумѣетъ такія, кои разбиты на нѣсколько частей и вываливающіяся изъ рамъ, а съ трещиною позволяется оставлять». Всему рабочему и рогатому скоту вотчины велись изъ года въ годъ описи. Въ извѣстное время весь крестьянскій скотъ сгоняли въ одно мѣсто, производили повѣрку, а молодыхъ животныхъ клеймили каленымъ желѣзомъ, обозначая годъ рожденія. Собственному графскому скоту велись именныя списки: «Находятся въ Грузинѣ лошади: «Бородавка», «Кролики» и проч. Коровы: «Француженка», «Васильевна» и т. д. Быки: «Емелька» и проч. Вообще, всякихъ описей и записныхъ книгъ въ Грузинѣ было много. Все это Аракчеевъ самъ читалъ и дѣлалъ собственноручныя отмѣтки. Напримѣръ: «Опись положеннаго людскаго платья въ красномъ сундукѣ. Слѣдуетъ строго наблюдать, дабы не съѣдено было молью все оное платье, которое сдано въ цѣлости 5-го апрѣля 1821 г.» Приобрѣтеніе каждой даже грошовой вещи отмѣчалось въ особой книгѣ съ обозначеніемъ времени, мѣста и способа приобретенія. Графъ собственноручно писалъ «реестръ о кушаньяхъ людямъ», въ которомъ напримѣръ въ понедѣльникъ приказывалось отпустить: «1) щи съ забѣлкой, 2) похлебка картофельная, которую заправлять мукою, вливая въ оную постнаго масла *два ложки*». Продажа стараго лакейскаго платья также составляла предметъ личныхъ заботъ Аракчеева. Такъ дворецкій, которому была поручена эта операція, доносилъ изъ Петербурга: «Фракъ я еще никакъ не могъ продать, даже онъ былъ долгое время и у Марьи Яковлевны въ

думѣ. Многіе его примѣряли, и никому оной не въ пору; а болѣе, ваше с—во, не берутъ, потому что этотъ цвѣтъ не въ модѣ, и никто уже не носитъ такихъ фраковъ, то и испрашиваю вашего с—ва разрѣшенія, не прикажете ли возвратитъ фракъ обратно и деньги за другой, проданный, „къ вашему с—ву“. О каждой разбитой тарелкѣ, о каждомъ испачканномъ коврѣ графу доносилось немедленно, гдѣ бы онъ ни былъ, и онъ акуратно клалъ на донесеніи свои резолюціи въ такомъ родѣ: «высѣчь (виновнаго) хорошенько». Всякимъ провинностямъ и наказаніямъ велись опять-таки разныя описи, списки и книги. Письма любовницы Аракчеева, Настасьи Минкиной, хранились въ особомъ пакетѣ съ собственноручною графскою надписью: «письма вѣрнаго и бездѣльнаго друга Настасьи Оеодоровны», чтобы не вышло, значить, какой ошибки насчетъ принадлежности этихъ писемъ Настасьѣ Оеодоровнѣ или насчетъ вѣрности и бездѣльности друга.

Еслибы въ Грузино попалъ человѣкъ, незнакомый съ жизнью и дѣятельностью Аракчеева, онъ, гуляя по комнатамъ и по саду, долженъ былъ бы на каждомъ шагу изумляться чувствительности создателя Грузина: столько тамъ памятниковъ, украшенныхъ надписями, свидѣтельствующими о благодарности, преданности, любви и другихъ чувствахъ Аракчеева. Но вѣдь мудрено предположить большую чувствительность въ человѣкѣ, который собственноручно выдергивалъ усы у солдатъ и лично осматривалъ высѣченныя спины крестьянъ. Всѣ памятники, которыми усыяно Грузино, свидѣлствуютъ не о какихъ нибудь возвышенныхъ чувствахъ Аракчеева, а только все объ той же его акуратности. Они составляютъ своего рода опись или записную книгу, совершенно подобную тѣмъ, въ которыя вносились разбитыя тарелки, высѣченныя списы, имена лошадей, коровъ и быковъ, доходы, расходы и проч. Едва ли не любопытнѣйшій изъ грузинскихъ памятниковъ есть «руина князя Меньшикова». Грузино нѣкогда было подарено Петромъ I Меньшикову. Аракчеевъ искалъ какихъ нибудь остатковъ Меньшиковской усадьбы, но ничего не нашель. Конечно розыски свои онъ производилъ не въ качествѣ архео-

лога и даже не въ качествѣ простого любителя старины, а только, такъ сказать, для порядка: жилъ Меньшиковъ, а гдѣ жилъ неизвѣстно, надо розыскать, занумеровать, сдѣлать соотвѣтственную надпись. Археологъ или почитатель древности могъ бы придти въ отчаяніе отъ неуспѣшности розысковъ, но Аракчееву печего было отчаяваться. Онъ просто построилъ искусственную развалину, налѣпилъ на нее гербъ Меньшикова, назвалъ ее «рупной князя Меньшикова» и почилъ на лаврахъ: пустая графа въ одной изъ записныхъ книгъ была наполнена. Для большей ясности и акуратности однако, Аракчеевъ въ построенномъ имъ въ Грузинѣ соборѣ поставилъ портретъ Петра I и подъ нимъ сдѣлалъ надпись: «Грузинская волость, бывшая во владѣніи монастырей, пожалована государемъ императоромъ Петромъ Первымъ въ 1705 году князю Александру Даниловичу Меньшикову». Рядомъ, подъ портретомъ Павла было означено: «Грузинская волость, въ 2,000 душъ состоявшая, пожалована государемъ императоромъ Павломъ Первымъ въ вѣчное потомственное владѣніе графу Алексѣю Аракчееву 1796 года въ 12-й день». Подъ третьимъ портретомъ, Александра I, положенъ былъ рескриптъ, присланный Аракчееву въ 1810 г., послѣ посѣщенія государемъ Грузина. Въ Грузинѣ есть чугунный портикъ, въ которомъ поставлено колоссальное изображение Андрея Первозваннаго, а на фризѣ портика надпись: «Царская награда подданному въ 1820 году». Въ одной изъ комнатъ Грузинскаго дома на серебряномъ пьедесталѣ помѣщенъ мраморный бюстъ Александра I. На серебрянѣ подъ бюстомъ вырѣзаны тѣ послѣднія слова, которыя государь написалъ Аракчееву изъ Таганрога: «Прощай, любезный Алексѣй Андреевичъ! Не покидай друга и вѣрнаго тебѣ друга!» (Извѣстно, что Аракчеевъ, не смотря на всѣ чувствительныя надписи, «покинулъ» вѣнценоснаго друга: онъ упорно не ѣхалъ въ Таганрогъ, куда его вызывалъ императоръ, и встрѣтилъ трупъ послѣдняго только въ Новгородской губерніи). Еще ниже вычеканено: «Прилипи языкъ къ гортани моему, аще не помяну тебе на всякъ день живота моего». А на другой сторонѣ пьедестала выражено проклятіе тому, кто рѣшится пере-

лить серебро на другой предметъ. Въ Грузинскомъ же домѣ хранятся часы, сдѣланные въ Парижѣ по заказу Аракчеева: когда стрѣла касалась той минуты, въ которую умеръ Александръ I, часы играли печальный гимнъ. Для большей ясности Аракчеевъ издалъ печатное описаніе часовъ. Въ одной аллеѣ грузинскаго сада лежитъ бѣлая плита съ надписью: «Сынъ въ память родителю». Въ другой аллеѣ поставленъ бюстъ съ надписью: «Столѣтнему крестьянину Исааку Константинову, посадившему въ молодости сіи липы». На одномъ изъ островковъ возвышается деревянный павильонъ съ колоннами, на которомъ обозначено крупнымъ шрифтомъ: «Храмъ, посвященный въ память воспитавшему меня генералу Мелисину». На другомъ островкѣ лежатъ двѣ плиты, между которыми помѣщена каменная фигура собаки. На одной плитѣ вырѣзано: «Милой Діанкѣ», на другой, — «Вѣрному Жучьку».

Но всего характернѣе отразилась алтекарская акуратность Аракчеева на его отношеніяхъ къ крестьянамъ. Аракчеевъ любилъ говорить о своихъ благодѣяніяхъ къ крестьянамъ и въ особенно пышныхъ фразахъ на этотъ счетъ разсыпался передъ императоромъ Александромъ. Дѣйствительно, еще и теперь существуетъ въ Грузинѣ мірской банкъ съ капиталомъ въ 30,000 рублей серебромъ, открытый въ 1820 г. Аракчеевымъ, который на основаніе его пожертвовалъ 10,000 р. ассигнаціями. Банкъ до нынѣ руководствуется составленнымъ Аракчеевымъ «положеніемъ о заемномъ банкѣ для крестьянъ грузинской вотчины». Еще до основанія банка Аракчеевъ морилъ всю вотчину на устройствѣ великолѣпнаго двадцатипяти-верстнаго шоссе. Постройку шоссе этого онъ оцѣнилъ въ 86,589 р., о каковыхъ издержкахъ представилъ въ комитетъ министровъ, выражая при этомъ желаніе получить изъ казны затраченную сумму, такъ какъ само правительство производитъ обыкновенно подобныя работы. А получивъ деньги, онъ внесъ ихъ въ комиссію погашенія долговъ съ тѣмъ, чтобы проценты со всей суммы обращались на уплату государственныхъ податей съ грузинскихъ крестьянъ. Эти два случая изъ жизни Аракчеева трудно привести

въ прямую связь съ его изъ ряду вонъ выходящими скаредностью и узкимъ себялюбиемъ. Можно однако думать, что связь эта существуетъ, потому что въ другихъ подобныхъ случаяхъ она рѣзко бросается въ глаза. Напримѣръ Аракчеевъ много заботился о здоровьи своихъ крестьянъ. Онъ устроилъ для нихъ больницу, нанималъ доктора, который, кромѣ занятій по больницѣ, долженъ былъ объѣзжать всю вотчину для поданія медицинскои помощи. Аракчеевъ отдалъ также строжайшій приказъ не позволять дѣтямъ ѣсть сырые плоды и овощи. Онъ составилъ и напечаталъ «Краткія правила для матерей - крестьянокъ грузинской вотчины». Въ правилахъ этихъ объяснялась польза сухаго и чистаго бѣлья для младенцевъ, старшинамъ предписывалось осматривать люльки и т. п., а также весьма витіеватымъ слогомъ говорилось о священныя обязанностяхъ матери вообще. Напримѣръ: «Сіи пагубныя послѣдствія (болѣзни младенцевъ), столь противныя законамъ Божескимъ и столь ненавистныя въ глазахъ самаго человѣчества, проистекающія отъ одной только материнскои безпечности и невниманія, лишаютъ жизни младенцевъ, по крайней мѣрѣ третьей части. Всевидящій Творецъ строго взыщетъ съ родителей, когда смерть дѣтей причинится отъ нерадѣнія ихъ. Они, какъ виновники смерти ихъ, дадутъ отвѣтъ предъ Богомъ и не избѣгутъ правосуднаго его наказанія. Многолѣтнія и внимательныя наблюденія помѣщика вашего, пекущагося о благосостояніи вашемъ, доставили ему испытанныя средства для исправленія заблужденій вашихъ» и проч. Аракчеевъ требовалъ, чтобы правила эти 1) читались всѣмъ матерямъ вмѣстѣ, по крайней мѣрѣ разъ въ мѣсяцъ, для чего бабы сгонялись въ одну избу, 2) читались священникомъ при крещеніи младенца, 3) хранились въ каждомъ семействѣ у образной кіоты.

Безъ сомнѣнія эта увѣренность Аракчеева въ абсолютной драгоцѣнности и примѣнимости его «Краткихъ правилъ для матерей - крестьянокъ» смѣшна, но нельзя по крайней мѣрѣ отказать этому человѣку въ заботливости о крестьянахъ, въ благихъ намѣреніяхъ, въ безкорыстныхъ побужденіяхъ. Такъ ка-

жется съ перваго взгляда. Въ самомъ дѣлѣ: и больница, и докторъ, и запрещеніе ѣсть сырые овощи, и «Краткія правила», и осмотръ люлекъ. Но всѣ эти факты получаютъ совершенно иное освѣщеніе, если ихъ поставитъ рядомъ съ нѣкоторыми другими. Дѣло въ томъ, что Аракчеевъ только потому такъ хлопоталъ о здоровьи своихъ крестьянъ вообще и младенцевъ въ особенности, что видѣлъ въ нихъ исключительно «души» въ старомъ техническомъ смыслѣ слова: крѣпостныя души, приумноженіе которыхъ выгодно, а сокращеніе невыгодно. Крестьяне не разъ слышали отъ Аракчеева слова: «у меня всякая баба каждый годъ рожать, и лучше сына, чѣмъ дочь. Если у кого родится дочь, то буду выскивать штрафъ. Если родится мертвый ребенокъ или выкинетъ баба—тоже штрафъ. А въ какой годъ не родитъ, то представъ 10 аршинъ точива (холста)». Вотъ переводъ высокопарныхъ фразъ «Краткихъ правилъ» на настоящей Аракчеевскій языкъ. Вотъ истинное значеніе гуманной заботливости о здоровьи крестьянъ. Это были заботы о здоровомъ скотѣ и его приплодѣ. И до какой дѣйствительно животности удалось Аракчееву довести нѣкоторыя изъ «вѣранныхъ ему Богомъ душъ», это видно изъ слѣдующаго «рапорта» дворецкаго Степана Васильева: «У меня, ваше с—во, родилась дочь, и я боялся о томъ донести, потому что противу желанія моего родилась дочь, а не сынъ. И по сему самому я не смѣлъ уже просить ваше с—во удостоить меня быть восприемникомъ новорожденной, какъ льстилъ себя надеждою въ случаѣ рожденія сына». На бракъ въ крестьянскомъ быту Аракчеевъ смотрѣлъ, какъ на нѣчто въ родѣ подбора паръ животныхъ. Ежегодно къ 1 января ему представляли списки дѣвушекъ, и холостыхъ и вдовыхъ мужиковъ съ отмѣткою знаютъ ли они молитвы. Въ спискахъ, графъ собственноручно отмѣчалъ кого и на комъ женить, а если которая нибудь изъ сторонъ оказывалась не согласною, то онъ клалъ краткую и рѣшительную резолюцію: «согласить». Впрочемъ иногда въ дѣлѣ разрѣшенія браковъ онъ руководствовался совершенно посторонними соображеніями. Такъ въ его бумагахъ сохранились напримѣръ такіа резолюціи: «Не позволяю (жениться)

за грубость брата», или: «Позволяю, но, если молитвы всё не будетъ знать къ великому посту, то больно высѣку». Что касается до устроенной Аракчеевымъ больницы, то и это учрежденіе своеобразно освѣщается слѣдующими наиримѣрь фактами. Крестьянка Марья Егорова находилась въ бѣгахъ въ сильную стужу и вернулась съ отмороженными ногами, потому что, страха ради Аракчеева, ей никто не рѣшался дать пріютъ. Она была принята въ больницу уже съ антоновымъ огнемъ. На рапортѣ доктора Аракчеевъ написалъ: «Прошу г. Ягодинскаго (докторъ) употребить стараніе, дабы сія молодая баба *осталась способна къ работѣ*». Нѣкоторыхъ же больныхъ крестьянъ отправляли для пользованія въ поселенія, въ шевелевскій военный госпиталь, гдѣ по приказанію графа присылаемыхъ больныхъ не только лечили, а и сѣкли. Вотъ наиримѣрь рапортъ смотрителя шевелевскаго госпиталя: «18-го ноября 1828 года. Честь имѣю донести, что находившаяся въ вѣренномъ мнѣ госпиталѣ вашего с — ва дворовая женщина Прасковья Григорьева сего числа выздоровѣла и по наказаніи ее розгами отправлена къ штабъ-лекарю Бѣлоцвѣтову».

Любопытно, что несмотря на всё прямая и косвенная забота Аракчеева о здоровьи крестьянъ, бывали годы, когда населеніе Грузина значительно убывало. Въ 1812 г. убыль оказалась въ 7 человекъ, въ 1813 — 33, въ 1818 — 13, въ 1823—17. Это не единственная неудача Аракчеева. Наиримѣрь пьянствовали его мужики весьма основательно, хотя онъ за это нещадно сѣкъ, заковычалъ въ рогатки, подвергалъ оналѣ цѣлымъ деревнямъ. У него на этотъ счетъ были заведены такіе порядки. «Посѣдки» и другія вечеринки были запрещены, гнѣніе веселыхъ пѣсенъ—тоже; позволено было пѣть только что-нибудь церковное; всё кабаки въ вотчинѣ были закрыты; водку дозволялось покупать только по праздникамъ съ графской мызы (причемъ Аракчеевъ бралъ барыша 1—3 рубля на ведро), и то въ строго определенномъ количествѣ; именно: водка отпускалась крестьянину *по числу имѣющихся у него коровъ*, считая по $\frac{1}{4}$ штофа на каждую, а къ свадьбамъ по полштофу; на перевозѣ передъ усадьбой, котораго нельзя

было мнновать, всякаго проѣзжаго и прохожаго тщательно обыскивали— не везетъ ли водки. Не смотря на всѣ эти строгости, Аракчееву приходилось издавать время отъ времени такіе приказы: «Деревни Мотыльи крестьянинъ Миронъ Ивановъ, по прозванію Мохня, находясь въ числѣ торгующихъ, нѣсколько разъ замѣченъ былъ мною пьянымъ; а наконецъ къ стыду и грѣху нашему, окончилъ и самую жизнь отъ онаго пьянства. Почему и предписываю тебѣ (головѣ) *оставшихся послѣ его обоихъ братьевъ и все семейство ихъ изъ торгующихъ крестьянъ исключить, послѣ чего никогда никого изъ братьевъ покойнаго ни зачѣмъ не только въ С.-Петербургѣ, но и даже въ Новгородѣ не отпускать* и однимъ словомъ никогда имъ далѣе Оскуя и Грузина отъ своей деревни не отлучаться, за собственною твоею отвѣтственностію и строгимъ съ тебя самаго за оное взыскаііемъ». Или: «По случившейся въ деревнѣ Мелеховѣ о праздникѣ дракѣ, запрещаю оной деревнѣ впредь къ обонмъ праздникамъ, какъ пиво варить, такъ и вино покупать—впредь, пока оная деревня заслужитъ оный поступокъ, и тебѣ предписываю строго за онымъ имѣть смотрѣііе на своей отвѣтственности».

Эти приказы очень характерны для Аракчеева своею огульностью. Имѣя своимъ идеаломъ шеренгу, математически правильный рядъ людей, понятій, коровъ, чувствъ, тарелокъ и проч., въ которыхъ отдѣльные элементы внѣ своего номера не имѣютъ рѣшительно никакого самостоятельнаго значенія, онъ естественно долженъ былъ придти къ правомѣрности наказанія братьевъ за пьянство брата и цѣлой деревни за драку нѣсколькихъ челоѣвъ. Авторъ кѣиги «Блудовъ и его время», проводя параллель между Аракчеевымъ и Сперанскимъ говоритъ, что оба они презирали людей, но только дескать—каждый—на свой манеръ. Объ Аракчеевѣ, я думаю, правильнѣе было бы сказать, что онъ не то что презиралъ людей, а просто не понималъ ихъ. Онъ понималъ табунъ, каждый представитель котораго клейменъ каленнымъ желѣзомъ, понималъ шеренгу, въ которой за правофланговымъ слѣдуетъ второй съ флангу, третій и т. д., но людей не понималъ. Челоѣвъ цифры, ярлыка и шеренги, онъ не могъ

бы вѣроятно даже при сильнѣйшемъ напряженіи способности отвлеченія, какую ему далъ Богъ, представить себѣ чело­вѣка въ какой-нибудь стихійной или исторической группы, чело­вѣка свободнаго. Онъ не придавалъ никакой цѣны личнымъ чув­ствамъ, мыслямъ и стремленіямъ не потому, чтобы презирала личность—онъ просто не зналъ ее, это была для него кита­йская граммата. И отсюда его страшная самоувѣренность. Въ не­вѣжествѣ своемъ, онъ былъ вполне увѣренъ, что изъ людей — изъ крестьянъ и солдатъ въ особенности — можно налѣпить, какъ изъ глины, какихъ угодно фигуръ. До какой степени узко, просто и самоувѣренно смотрѣлъ онъ на свои отношенія къ лю­дямъ, видно изъ слѣдующаго любопытнаго приказа его дворец­кому: «Люди должны дѣлать все, что нужно; а если дурно бу­дутъ дѣлать, то на это есть розги. Мнѣ очень мудроно кажет­ся, что будто людей нельзя содержать такъ, чтобы они дѣлали свое дѣло. Отчего же солдаты все дѣлаютъ, что имъ прика­жутъ, ибо знаютъ, что ихъ накажутъ, если не сдѣлаютъ, что приказано». Этотъ приказъ былъ бы смѣшонъ, еслибы не былъ возмутителевъ, еслибы изъ-за него не выглядывали люди съ исполосованными, при помощи «аракчеевскихъ» батоговъ и другихъ инструметовъ спинами, закованные въ рогатки, запер­тые въ «Эдикуль», какъ называлъ Аракчеевъ собственную гру­зинскую тюрьму, избитые, оплеванные — потому что Аракчеевъ не гнушался и такими приѣмами исправленія, какъ собственно­ручное избіеніе и плевокъ въ глаза. Къ наивной самоувѣренно­сти сквозящей въ каждой строкѣ приведеннаго приказа, надо еще прибавить врожденную жестокость и злость Аракчеева. Че­ловѣкъ онъ былъ замѣчательно злой, холодно, безчувственно злой.

Отецъ Аракчеева былъ чело­вѣкъ простой и добрый. Въ числѣ его крѣпостныхъ былъ камердинеръ Василій, котораго онъ очень любилъ и сына котораго, Степана, растилъ вмѣстѣ съ своимъ Алексѣемъ. Степанъ сталъ камердннеромъ Аракчеева еще во время его гатчинской службы и былъ очень усерденъ, но ни­какъ не могъ угодить на барина. Аракчеевъ тогда даже не

ложился въ постель, а спалъ въ полной формѣ въ креслѣ. При требованіи во дворецъ, Степанъ долженъ былъ летать птицей, чистить барское платье, подавать вещи. При малѣйшей оплошности на него сыпались ругань, побои, пощечины. Степанъ не всегда безмолвно выдерживалъ этотъ каскадъ звѣрства, и Аракчеевъ сталъ его систематически сѣчь. Степанъ даже захворалъ странною болѣзнью, которую одинъ изъ повѣренныхъ Аракчеева описывалъ въ одномъ изъ своихъ докладовъ такъ: «Болѣзнь его для меня странная и похожая болѣе на меланхолическую: онъ имѣетъ разныя воображенія; два дня лежитъ, а день бродитъ». Наконецъ Степанъ не выдержалъ этой каторжной жизни и на колѣняхъ умолялъ Аракчеева сослать его въ Сибирь. Аракчеевъ отвѣчалъ слѣдующими характеристическими словами: «Знай же и помни, что въ Сибирь не сошлю, а лучше самъ забью». Забываніе прекратилось со смертью самаго Аракчеева, потому что Степанъ, его товарищъ дѣтства, пережилъ его.

Не слѣдуетъ думать чтобы такова была судьба только близкихъ къ Аракчееву людей, бывшихъ у него постоянно подъ рукою. Аракчеевъ старался, чтобы всѣ у него были всегда подъ рукою и, хотя и не могъ достигнуть этого въ полномъ размѣрѣ, однако своею акуратностью и системою шпионства кое чего въ этомъ отношеніи добился. Въ самомъ центрѣ вогчинны, въ деревнѣ Любуни, онъ устроилъ на пригорѣхъ высокую башню, въ которой любилъ пить чай. Отъ башни шли во всѣ стороны просѣки, и Аракчеевъ могъ осматривать въ подзорную трубу крестьянскія работы и вообще все, что дѣлалось въ большей части имѣнія. Шпионство онъ процрѣялъ всѣми способами, добываясь, чтобы ему доносили о всякой рѣшительно мелочи въ такомъ напримѣръ родѣ. Гостямъ, пріѣзжавшимъ въ Грузино, прислуживали мальчики, казачки они получали иногда отъ гостей въ подарокъ деньги. Аракчеевъ требовалъ, чтобы каждый казачекъ, въ тотъ же день докладывалъ ему сколько онъ получилъ, а буде кто изъ нихъ солжетъ или утаитъ, и графу будетъ объ этомъ донесено, то донощикъ получаетъ всѣ деньги луна-утайщика. Таковыми то способами Аракчеевъ развѣскаивалъ

виновныхъ. а затѣмъ исправлялъ ихъ. У него въ Грузинѣ всегда стояли кадки съ разсоломъ, въ которомъ мокли розги и палки. Съ свойственною ему акуратностью, онъ лично осматривалъ спины наказанныхъ и былъ такъ требователенъ, что несчастные рѣзали куръ и кровью ихъ мазали себѣ рубцы, чтобы значить графъ остался доволенъ и не велѣлъ начинать сказку про бѣлаго бычка сначала! Но и здѣсь, какъ и во всей нравственной фizioноміи Аракчеева, варварство осложняется своеобразнымъ комическимъ, правильнѣе шутовскимъ элементомъ. Онъ отдавалъ иногда своихъ дворовыхъ въ солдаты на срокъ, по истеченіи котораго бралъ ихъ къ себѣ обратно, причемъ они должны были давать письменное обѣщаніе исправиться. Обязательство это писалось по установленной формѣ: «Я, нижеподписавшійся, крѣпостной дворовый графа Алексѣя Андреевича человѣкъ, симъ обязуюсь содѣянный мною предъ его сіятельствомъ проступокъ стараться заслужить особеннымъ усердіемъ и добрымъ по должности своей поведеніемъ» и т. д. А иногда отъ наказанныхъ требовалось и пространное изложеніе чувствъ уваженія и любви въ помѣщичью. Вотъ письмо двороваго Ивана Кузьмина: «Сіятельнѣйшій графъ, всемилостивѣйшій государь! Я рабъ и подданный вашъ есть; но Провидѣнію Всевышняго угодно было обнаружить мое согрѣшеніе предъ вашими с—вомъ и во гнѣвѣ своемъ меня наказать. Я вполне заслуживаю онаго и чувствую съ сердечнымъ соболѣзнованіемъ; но мучаясь повсечасно угрызненіемъ совѣсти въ преступленіи своемъ, которое влечетъ меня вторичнымъ опять письмомъ прибѣгнуть подъ покровительство ваше, а тѣмъ болѣе будучи зная отеческое милосердіе ваше и изливаемая неисчетныя повсюду щедроты и покровительства! Но, какъ я по великому вашему гнѣву остаюсь и поднесъ презрѣннымъ преступникомъ, о чемъ съ униженіемъ и благоговѣніемъ осмѣливаюсь просить ваше с—во, припадая съ тѣмъ вмѣстѣ къ стопамъ ногъ вашихъ съ воспрянутою къ небу душою, умоляю со слезамн и съ чистымъ сокрушеннымъ сердцемъ, великодушный, всемилостивѣйшій графъ, укротите праведный гнѣвъ вашъ и облегчите тѣмъ скорбь съ страданіемъ и мое мученіе,

рѣшите судьбу мою тѣмъ, чѣмъ Богъ по сердцу вашему пошлетъ. Я дотолѣ не перестану... Остаюсь во ожиданіи рѣшенія судьбы своей презрѣнный, вѣрнопопданный рабъ вашъ. Санкт-петербургъ 1831 года, ноября 7». Аракчеевъ требовалъ подобныхъ посланій по такимъ же побужденіямъ, по какимъ воздвигъ «руину князя Меншикова»—для порядка. Подлинная пли искусственная развалина, истинныя или выраженныя по приказанію чувства—ему было все равно; лишь бы была соблюдена форма, лишь бы на развалинѣ и на чувствахъ стояли извѣстные ярлыки.

Еще одна черта характера Аракчеева. Человѣкъ суровый, холодный и вдобавокъ громившій въ своихъ приказахъ развратъ въ крестьянскомъ быту, онъ до старости былъ чувствителенъ къ женской красотѣ. Въ его Грузинской библіотекѣ было не мало книгъ въ такомъ родѣ: «Путь къ безсмертному житію ангеловъ», «О вздыханіи голубицы или пользѣ слезъ», «Великопостный конфетъ» и т. д. Но «почти половину» библіотеки составляли книги совсѣмъ иного содержанія. Рядомъ съ «Великопостнымъ конфетомъ» хранились «Любовники и супруги пли мужчины и женщины, и то и сіе», «Читай, смѣхай и можетъ быть слюбится», «Нѣжныя обѣтія въ бракѣ и потѣхи съ любовницами» и проч. Упомянутый уже «Храмъ въ память воспитавшему меня генералу Мелисину» былъ, не совсѣмъ соотвѣтственно своему назначенію, наполненъ соблазнительными картинами, которыя были закрыты зеркалами, отодвигавшимися посредствомъ потаенныхъ пружинъ. Храмъ этотъ стоялъ совершенно уединенно на островѣ, къ нему надо было подѣзжать на лодкѣ, и Аракчеевъ допускалъ туда только самыхъ близкихъ и довѣренныхъ людей. Тотъ же вкусъ отразился отчасти на выборѣ десертныхъ тарелокъ, привезенныхъ Аракчеевымъ изъ Парижа. Изъ описи посуды видно, что на ней были изображены «Любовь въ табатеркѣ», «Венера въ бойнѣ», «Любовь заставляетъ плясать трехъ грацій», «Фигура, представляющая воздухъ» и т. п.

Одну минуту я колебался—записывать ли эту послѣднюю черту характера Аракчеева, потому что она нѣсколько разбиваетъ

цѣльное впечатлѣніе, производимое всей фигурой «безъ лестн преданнаго». Не то, чтобы къ этой мрачной фигурѣ не шло мѣшать «Великопостный конфетъ» съ «Нѣжпыми объятіями въ бракъ». Напротивъ этотъ элементъ могъ бы очень удобно раз-ростись до *juris primaе noctis*, до крѣпостнаго гарема и насилій надъ бабами дѣвками (чего однако кажется не было). Но это во всякомъ случаѣ и не коренная, а производная черта нравственной фizioноміи Аракчеева. Слабость къ женской красотѣ и къ нецѣломудреннымъ картинкамъ и книжкамъ лежитъ довольно далеко отъ его душевнаго центра тяжести, который сводится къ безусловному, органическому непониманію началъ личности и свободы. Аракчеевъ есть идеальный типъ стараго русскаго крѣпостника. Это не европейскій феодалъ, не признававшій надъ собой никакихъ ограниченій и опиравшійся на свободный договоръ съ высшею государственною властью. Извѣстно, что русское дворянство росло, падало, опять поднималось, какъ въ цѣломъ, такъ и въ отдѣльныхъ родахъ, не какою-нибудь внутреннею, самостоятельною силою, а повинуваясь нуждамъ государства, какъ они понимались въ разное время правительствомъ. Самымъ крѣпостнымъ правомъ оно пользовалось за службу государю и даже по отношенію къ внутреннимъ распорядкамъ въ помѣстьи, помѣщики были, по выраженію императора Павла, особаго рода полицеймейстерами. Могли быть и существовали разныя уклоненія отъ такаго порядка вещей, но они не имѣли почвы въ какомъ нибудь общепризнанномъ правѣ. Русской дворянинъ имѣлъ рабовъ, но и самъ подписывался — «нижайшій рабъ князь Юшка Ромадановскій». И положеніе его, и его понятія, и чувства вполне соответствовали такой подписи. Онъ былъ связанъ узами не менѣ прочными, а подчасъ и не болѣе мягкими, чѣмъ какія облекали его крѣпостныхъ. Въ исторіи русскаго дворянства можно найти примѣры личностей, критически относившихся къ тѣмъ или другимъ узамъ, или и къ тѣмъ и другимъ. Но по положенію вещей отношеніе это могло только «не расцвѣсть и отцвѣсть въ утрѣ пасмурныхъ дней». Аракчеевъ же замѣчательнъ именно тѣмъ, что въ немъ никогда не шевелилась

критическая мысль. Онъ былъ въ общемъ механизмѣ государства лично столь же ничтоженъ, какъ его дворецкій въ механизмѣ его домашнихъ дѣлъ. И онъ принималъ это положеніе безъ критики; въ немъ самомъ не было того начала личного достоинства и той жажды свободной жизни, которыя онъ попиралъ въ своихъ крестьянахъ. И оттого попираніе это совершалось имъ съ совершенно чистою совѣстью, безъ малѣйшаго колебанія и сомнѣнія. Въ самомъ дѣлѣ, если самъ онъ даже спалъ, не раздѣваясь, то какъ могъ онъ принимать въ соображеніе усталость того несчастнаго дворецкаго, котораго онъ обѣщалъ «самъ забить»? Замѣчательно, что Александръ I, озабоченный въ началѣ своего царствованія планами освобожденія крестьянъ, т. е. уничтоженія тѣхъ самыхъ узъ, о тяжести которыхъ Аракчеевъ никогда не задумывался; замѣчательно, что Александръ I далеко не съ разу почтилъ Аракчеева своимъ довѣріемъ и дружбою. Будучи великимъ княземъ, онъ даже ненавидѣлъ и презиралъ своего будущаго министра. Когда императоръ Павелъ въ одну изъ своихъ грозныхъ минутъ исключилъ Аракчеева изъ службы, великій князь, узнавъ, что на его мѣсто назначенъ человѣкъ хорошій, сказалъ: «Ну, слава Богу! эти назначенія—настоящая лотерея, могли бы напасть опять на такого м....ца, какъ Аракчеевъ» («Русская Старина», 1871, № 2). Впослѣдствіи, вмѣстѣ съ общимъ поворотомъ взглядовъ императора Александра, рѣзко измѣнились и его отношенія къ Аракчееву, однако и тогда благодушный императоръ, по крайней мѣрѣ по временамъ, новидному тяготился своимъ грубымъ совѣтникомъ.

ХІІІ.

Мордвиновъ.

Интересно сопоставить мрачную фигуру владѣльца Грузина съ свѣтлымъ образомъ другого современнаго ему государственнаго человѣка, знаменитаго адмирала Мордвинова. Авторъ моногра-

фія «Графъ Н. С. Мордвиновъ», профессоръ Иконниковъ, говорить: «Мордвиновъ и Аракчеевъ, какъ дѣятели разсматриваемой эпохи, представляются какъ бы двулчичнымъ Янусомъ, смотрящимъ въ діаметрально противоположныя стороны» (309). Дѣйствительно мудрено найти двѣ болѣе рѣзкія противоположности, какъ Аракчеевъ и мягкій, гуманный, смѣлый, умный, образованный Мордвиновъ. Это—свѣтъ и тѣнь, Ормуздъ и Ариманъ. Какъ Аракчеевъ уже въ дѣтствѣ обнаружилъ наиболѣе выдающіяся черты своего личнаго характера—строжайшее добровольное подчиненіе всѣмъ установленнымъ правиламъ и жестокость, такъ и Мордвиновъ уже въ раннемъ дѣтствѣ выказался съ совершенно противоположной стороны. Въ воспоминаніяхъ его дочери гр. Н. Н. Мордвиновой: («Воспоминанія объ адмиралѣ графѣ Николаѣ Семеновичѣ Мордвиновѣ и о семействѣ его») читаемъ: «Бабушка моя была строгая мать, дѣдъ—нѣжный отецъ; но какъ въ то время жены уважали и боялись своихъ мужей, то бабушка и не смѣла наказывать дѣтей въ присутствіи дѣдушки; отца моего она называла балованнымъ сыномъ, потому что онъ не всегда поддавался ея наказанію: казалось, съ дѣтства понималъ чувство справедливости и иногда убѣгалъ отъ розогъ подъ защиту къ отцу въ кабинетъ, но никогда не жаловался, хотя и чувствовалъ, что онъ не виноватъ». Будучи около десятилѣтняго возраста взятъ во дворецъ для воспитанія съ наслѣдникомъ, Павломъ Петровичемъ, Мордвиновъ «кротостью и благоразуміемъ имѣлъ большое вліяніе на смягченіе характера великаго князя» (8). Конечно это—рассказъ дочери объ отцѣ. Но дѣло въ томъ, что ему ни малѣйше не противорѣчитъ вся послѣдующая, вполне извѣстная жизнь Мордвинова. Свидѣтельства всѣхъ современниковъ полны самыхъ лестныхъ отзывовъ объ этомъ человѣкѣ, и если ему ставится что нибудь въ упрекъ, такъ только его горячность и суетливость или, вѣрнѣе, избытокъ дѣятельности, которому соотвѣтствовалъ избытокъ силъ. Довольно того, что онъ былъ прозванъ русскимъ Аристидомъ и что Рылѣевъ, выражая положительно общее мнѣніе, обратился къ нему съ восторженной одой «Гражданское мужество»:

Кто этотъ дивный великанъ,
Одѣявъ свѣтлою броней,
Чело спокойно, стройный станъ
И весь сіяеть красотою?
Кто сей, украшенный вѣнкомъ,
Съ мечемъ, вѣсами и щитомъ,
Презрѣвъ враговъ и горделивость,
Стоитъ гранитною скалою
И давить сильною пятою
Коварную несправедливость?

.....
Лишь Римъ, вселенной властелинъ,
Сей край свободы и законовъ,
Возмогъ произвести одинъ
И Брутовъ двухъ, и двухъ Катоновъ.
Но намъ ли унывать душой,
Когда еще въ странѣ родной
Одинъ изъ дивныхъ исполиновъ
Екатерины славныхъ дней,
Средь сонма избранныхъ мужей,
Въ совѣтъ бодрствуетъ Мордвиновъ?

.....

Разсказывать собственно жизнь Мордвинова, его домашній бытъ, семейныя отношенія и пр.—нечего. Никакихъ особенно рѣзкихъ эпизодовъ здѣсь нѣтъ: хорошій семьянинъ, добрый по-мѣщикъ, любитель просвѣщенія и искусствъ, строгій исполнитель своихъ обязанностей и т. д. Мы не будемъ слѣдить и за перипетіями его долгой служебной карьеры. Въ противоположность Аракчееву, у котораго не было никакихъ идей кромѣ идеи военныхъ поселеній, жизнеописаніе Мордвинова сводится къ анализу его идей.

Мордвиновъ былъ силенъ именно тѣмъ, чѣмъ былъ слабъ Аракчеевъ, критическою мыслью, уваженіемъ къ личности, къ своей и чужой свободѣ. Въ эту сторону была направлена вся его многолѣтняя и торячая дѣятельность. Попавъ въ Англію еще молодымъ человѣкомъ (онъ и женатъ былъ на англичанкѣ), Мордвиновъ прочно всосалъ въ себя духъ англійскихъ учреждений и господствовавшихъ тогда въ Англіи идей. Какъ разъ

во время его пребыванія тамъ, вышло знаменитое сочиненіе Адама Смита, которое, какъ говорятъ г. Иконниковъ, оказало вліяніе на всю жизнь Мордвинова. Можно думать, что по своей любознательности Мордвиновъ тотчасъ же познакомился съ «Исслѣдованіемъ о природѣ и причинахъ богатства народовъ». Но такъ или иначе, а доктрина Смита дѣйствительно имѣла глубокое вліяніе на Мордвинова въ послѣдующей его жизни. Къ нему скоро прибавилось еще вліяніе Бентама, съ которымъ Мордвиновъ имѣлъ личныя сношенія и котораго онъ ставилъ весьма высоко. Онъ писалъ брату Бентама въ 1806 г., «Я желаю поселиться въ Англіи и, поселясь тамъ, быть знакомымъ съ вашимъ братомъ. Въ моихъ глазахъ онъ есть одинъ изъ четырехъ геніевъ, которые сдѣлали и сдѣлаютъ всего болѣе для счастья человѣчества—Бэконъ, Ньютонъ, Смитъ, Бентамъ: каждый—основатель новой науки, каждый—творецъ». Съ своей стороны Бентамъ съ свойственными ему узкимъ самодовольствіемъ и болтливостью писалъ о Мордвиновѣ: «Въ числѣ его странностей есть то, что онъ—нѣчто въ родѣ сектатора стараго пустытника Квинъ-скверъ-Плэса (это—самъ Бентамъ, жившій въ Queen-Square-Place), будущія изліянія бредней котораго онъ предложилъ переводить на русскій языкъ».

Доктрины Смита и Бентама слишкомъ извѣстны, чтобы объ нихъ здѣсь надо было распространяться. Одинъ послѣдовательно провелъ начала свободы и личнаго интереса черезъ всю область наличныхъ тогдашнихъ экономическихъ фактовъ, другой пытался утвердить на тѣхъ же началахъ мораль, политику и юриспруденцію. Извѣстна и дальнѣйшая судьба принциповъ Смита и Бентама: проявившись съ большимъ блескомъ и среди всеобщихъ рукоплесканій, они скоро достигли почти безусловнаго государственнаго и школьнаго авторитета, а затѣмъ стали очень медленно, но постоянно терять кредитъ. Въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго вѣка, когда началась дѣятельность Мордвинова, идеи эти приближались къ апогею своего развитія, хотя и далеко не были общепризнанными. Тѣмъ интереснѣе становятся усилія Мордвинова водворить ихъ въ Россіи. Въ Ев-

ропѣ идеи Смита и Бентама имѣли свою исторію и свою практическую почву интересовъ. Они не были тамъ новостью и не стояли особнякомъ. Все умственное движеніе, извѣстное подъ именемъ вѣка просвѣщенія, Вольтеръ, Монтескье, энциклопедисты, Тюрго, физиократы, экономисты, матеріалисты, какъ Гольбахъ и Гельвецій, всѣ эти люди стремились къ тому, чтобы разбить оковы, наложенныя на личность средними вѣками, и провозглашали личный интересъ и личную свободу верховнымъ принципомъ всѣхъ политическихъ и философскихъ понятій. Не совсѣмъ новы были принципы Смита и Бентама и у насъ, въ Россіи. Мы ихъ уже получили въ свое время изъ Франціи, въ началѣ царствованія Екатерины, которая, какъ извѣстно, сама была почитательницей корифеевъ французской философіи и была со многими изъ нихъ въ личныхъ сношеніяхъ. Поэтому прежде, чѣмъ говорить о дѣятельности Мордвинова, посмотримъ, самымъ разумѣется бѣглымъ образомъ, какъ отразилсь у насъ идеи предшественниковъ Смита и Бентама.

Въ концѣ 1765 г., тотчасъ послѣ открытія вольно-экономическаго общества, этимъ новорожденнымъ обществомъ было получено отъ неизвѣстнаго лица замѣчательное письмо, которое должно быть признано однимъ изъ выдающихся фактовъ исторіи экономическихъ идей въ Россіи. Вотъ это письмо: «Многопочтенные господа экономическаго общества! Съ великимъ удовольствіемъ многіе честные патріоты услышали о полезномъ нашемъ установленіи, изъ которыхъ и я себя почитаю не послѣднимъ. По скудоумію моему не въ состояніи я служить вамъ полезнымъ сочиненіемъ, а вмѣсто того позвольте мнѣ въ пользу общества сдѣлать вамъ вопросы: многіе разумные авторы поставляютъ и самые опыты доказываютъ, что не можетъ быть тамъ ни искуснаго руководѣля, ни твердо основанной торговли, гдѣ земледѣліе къ уничтоженію или незначительно производится, что земледѣльство не можетъ процвѣтать тутъ, гдѣ земледѣлецъ не имѣетъ ничего собственнаго. Все сіе основано на правилѣ весьма простомъ: всякій человѣкъ имѣетъ болѣе попеченія о своемъ собственномъ, нежели о томъ, чего опасаться можетъ, что дру-

гой у него отъиметь. Поставляя сія правила за неоспоримыя, осталось мнѣ просить васъ рѣшить: въ чемъ состоитъ или состоять должно, для твердаго распространенія земледѣльства, имѣніе и наслѣдіе хлѣбопашца? Иные полагаютъ, чтобъ то состояло въ участіѣ земли, принадлежащей отцу, сыну и потомкамъ его, съ пріобрѣтеннымъ движимымъ и недвижимымъ, какого бы то званія ни было; другіе напротивъ того полагаютъ на одинъ участокъ земли четыре и до восьми человекъ родовъ разныхъ и поставляютъ старшаго въ томъ обществѣ главнымъ или такъ называемымъ хозяиномъ; изъ сего послѣдуетъ, что сынъ послѣ отца не наслѣдникъ, слѣдовательно и собственнаго не имѣетъ, называя собственнымъ только то, что тому обществу принадлежитъ, а не каждой особѣ. Итакъ нахожусь я въ великомъ недоумѣніи, не знаю, на точной ли или на спекулятивной разумъ слова «собственное» полагаться. Я по сіе время считаю собственнымъ то, чего ни у меня, ни у дѣтей моихъ безъ законной причины никто отнять не можетъ, и по моему мнѣнію то одно можетъ меня сдѣлать рачительнымъ; однако въ семъ моемъ мнѣніи не утверждаюсь, а ожидаю для наставленія мнѣ и потомкамъ моимъ вашего на сіе рѣшенія, пребывая съ непремѣннымъ къ вамъ почтеніемъ, многопочтенные господа экономическаго собранія, вашъ покорный слуга И. Е.»

Авторъ письма, ставя такъ прямо и рѣзко вопросъ о преимуществахъ личнаго и общиннаго землевладѣнія, очевидно глубоко проникся идеями французскихъ «просвѣтителей», стремившихся развязать узы цеховъ, корпорацій, общинъ, провинцій, государства и дать собственность и свободу отдѣльнымъ личностямъ. Собственно говоря, онъ даже не ставилъ вопроса, а разрѣшалъ его, «поставляя за неоспоримое правило», что «всякой человекъ имѣетъ болѣе попеченія о своемъ собственномъ, нежели о томъ, чего опасаться можетъ, что другой у него отъиметь». Но такое рѣшеніе колебалось не только установившюся, обычную форму крестьянскаго землевладѣнія, оно естественно затрогивало и юридическія отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ. Странно было бы настаивать на разрушеніи общиннаго, мірскаго

владѣнія земель, какъ нарушающаго личные интересы и свободу крестьянъ, и въ то же время оставлять неприкосновеннымъ крепостное право. Впослѣдствіи впрочемъ, какъ увидимъ, подобными противорѣчіями перестали гнушаться. Но въ екатерининскую старину люди были проще, и потому на первый разъ члены вольнаго экономическаго общества просто пропустили мимо ушей щекотливое письмо неизвѣстнаго лица. Но подъ буквами И. Е. скрывалась сама императрица Екатерина, хотѣвшая съ разу поднять новорожденное экономическое общество до той высоты общихъ теоретическихъ вопросовъ, до которой оно и впослѣдствіи весьма рѣдко поднималось. Замолчать мысли императрицы было конечно трудновато. Дѣйствительно, въ первую годовщину общества, 1-го ноября 1766 года, было доложено новое письмо, подписанное тѣми же пинциалами И. Е. Авторъ прилагалъ тысячу червонцевъ на разныя нужды общества, между прочимъ на выдачу премій за рѣшеніе задачъ, предлагаемыхъ обществомъ на конкурсъ, и просилъ первой же задачей поставить вопросъ, выставленный имъ въ прошломъ 1765 году: «въ чемъ состоитъ собственность земледѣльца, въ землѣ ли его, которую онъ обрабатываетъ, или въ движимости, и какое онъ право на то или на другое для пользы общенародной имѣть можетъ?» Императрица была узнана и общество всполошилось. Назначено было чрезвычайное собраніе, судили, рядили и наконецъ объявили задачу. Она, какъ говоритъ авторъ исторіи вольнаго экономическаго общества, произвела въ тогдашнемъ дворянскомъ обществѣ безпокойство. Всѣ поняли, что прежде, чѣмъ рѣшать вопросъ о правахъ крестьянъ на движимую или недвижимую собственность, надо разсмотрѣть права помѣщика на личность крестьянина. Собственно вопросъ о поземельной общинѣ отошелъ на второй планъ во всѣхъ запискахъ, доставленныхъ разными лицами въ общество. И это было вполне естественно. Я обращаю особенное вниманіе читателя на это обстоятельство; ниже оно приведетъ насъ къ нѣкоторымъ очень любопытнымъ соображеніямъ. Первымъ кажется отделинулся нѣкто дѣйствительный статскій совѣтникъ А. Сумароковъ. Онъ не разрѣшеніе задачи

доставилъ, а возраженіе, написанное именно по поводу неясности и неполноты задачи. Онъ писалъ между прочимъ: «Задача ради рѣшенія: что полезнѣе обществу, чтобы крестьянинъ имѣлъ собственнымъ имѣніемъ пожитки ли одни или и земли, до изясненія рѣшена быть не можетъ; напримѣръ, когда спросится: потребно ли дворянину умѣть писать по-русски, такъ должно при-молвить: російскому дворянину, ибо дворянинъ англійскій можетъ обойтись безъ русской грамоты; такъ и о крестьянахъ: свободному ли крестьянину или крѣпостному; а прежде надобно спросить: потребна ли ради общаго благоденствія крѣпостнымъ людямъ свобода? На это я скажу: потребна ли канарейкѣ, забавляющей меня, вольность или потребна клѣтка, и потребна ли стерегущей мой домъ собакѣ цѣпь. Канарейкѣ лучше безъ клѣтки, а собакѣ безъ цѣпи. Однако одна улетитъ, а другая будетъ грызть людей; такъ одно потребно для крестьянина, а другое ради дворянина; теперь осталось рѣшить, что потребнѣе ради общаго блаженства, а потомъ, ежели вольность крестьянамъ лучше укрѣпленія, надобно уже рѣшать задачу объявленную. На сіе всѣ скажутъ общества сыны, да и рабы общества самъ, что изъ двухъ худъ лучшее, не имѣти крестьянамъ земли собственной: да и нельзя, ибо земли всѣ собственныя дворянскія; такъ еще вопросъ: должны ли дворяне крестьянамъ отдавать купленныя, жалованныя, наслѣдственныя и прочія земли, когда они не хотятъ, и могутъ ли въ Россіи землями владѣть крестьяне: ибо то право дворянъ. Что-жь дворянинъ будетъ тогда, когда мужики и земля будутъ не его: а ему что останется. Впрочемъ свобода крестьянская не токмо обществу вредна, но и пагубна, а почему пагубна, того и толковать не надлежитъ».

Не одинъ Сумароковъ такъ рѣзко отрицательно отнесся къ истинному смыслу задачи, поставленной вольнымъ экономическимъ обществомъ по инициативѣ императрицы. Въ числѣ сочиненій, представленныхъ на конкурсъ, было нѣсколько проникнутыхъ тѣмъ же духомъ. Изъ ихъ извѣстна кажется только напечатанная въ «Русскомъ Архивѣ» записка «человѣка не гра-матикальнаго и никакихъ всторій отъ роду нечитавшаго». Не

граматикальнѣй челоуѣкъ полагаль между прочимъ, что «ежели бы поселяне по заморскому отъ господъ не зависѣли, такъ бы у инога помѣщика некому было и студено искрошить, а нетолько сдѣлать какой фракасей, т. е. поливай или супа, т. е. похлебки или почтета, т. е. пирога. А за моремъ фракасейскѣхъ мастеровъ имѣется довольное число, и не надобно тамъ ни ложки, ни плошки, понеже, какъ слышно, тамъ въ трактирахъ все сыщешь». Первую премію на конкурсѣ получило сочиненіе француза Беарде де-л'Абея, написанное въ либеральномъ духѣ, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ рекомендовавшее строгую постепенность и осторожность въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ. Сочиненіе это было напечатано, но только послѣ долгой борьбы: многіе боялись впечатлѣнія, которое могутъ произвести вольнодумства автора, появившись въ русскомъ переводѣ.

Практическихъ послѣдствій починъ императрицы конечно не имѣль никакѣхъ. Случай въ вольномъ экономическомъ обществѣ показаль только, что частныя приложенія принциповъ французскихъ «просвѣтителей», въ родѣ разрушенія поземельной общины, невозможны въ государствѣ, самыя основанія котораго такъ рѣзко противорѣчатъ этимъ принципамъ. А самыя основанія тогдашняго строя русской жизни Екатерина колебать не рѣшалась, да и едва ли искренно желала ихъ измѣненія: доказательствомъ могутъ служить такіе факты, какъ раздача населенныхъ имѣній въ небывалыхъ дотолѣ размѣрахъ и мѣры относительно крестьянъ малороссійскихъ.

Въ Европѣ провозвѣстниками началъ личной свободы и личного интереса явились представители буржуазіи, третьяго сословія, обладавшаго образованіемъ, капиталомъ и орудіями производства. Для нихъ разрушеніе всѣхъ среднеуѣковыхъ общественныхъ единицъ и было выгодно, и вполне соответствовало ихъ исторически выработаннымъ идеаламъ. Но русское среднее сословіе было совѣмъ въ иномъ положеніи. Не говоря уже о его невѣжествѣ и низкомъ уровнѣ умственного развитія, оно и интересамъ своимъ враждебно сталкивалось съ идеалами свободы. Европейская буржуазія запѣла гимнъ свободѣ, только

пройдя черезъ ступень цеховыхъ монополій и государственнаго покровительства и достаточно окрѣпнувъ на этой ступени. Русское среднее сословіе еще нуждалось въ покровительствѣ и монополіяхъ и потому требовало ихъ. Это — *alte Geschichte*, которая *bleibt immer neu*. Какъ разъ около того времени, когда члены вольнаго экономическаго общества бились надъ сочиненіемъ Беарде де-л'Абея, имѣла свои засѣданія знаменитая коммисія по составленію Уложенія, въ учрежденіи которой наиболѣе выразились либеральныя стремленія Екатерины. Если привести къ общему знаменателю различныя заявленія депутатовъ третьяго сословія, то получимъ слѣдующія требованія: запрещеніе дворянамъ производить торговлю и имѣть заводы, каковыя занятія должны быть предоставлены купцамъ; запрещеніе крестьянамъ торговать, помимо купечества, даже продуктами сельскаго хозяйства; предоставленіе купцамъ и фабрикантамъ права покупать населенныя имѣнія и людей безъ земли. Словомъ депутаты средняго сословія требовали монополій и расширенія крѣпостнаго права, двухъ вещей наиболѣе ненавистныхъ европейскому среднему сословію. И — замѣчательный фактъ, немислимый на родинѣ либерализма, въ западной Европѣ — дворяне явились въ коммисіи защитниками крестьянъ отъ притязаній средняго сословія! И это не единственный случай діаметрально противоположнаго отраженія европейскихъ политическихъ элементовъ въ зеркалѣ тогдашней русской жизни. Въ умственномъ движеніи Европы въ концѣ прошлаго столѣтія натуралистическій или пожалуй матеріалистическій взглядъ на вещи находился въ тѣсной связи все съ тѣмъ же началомъ личной свободы, съ доктриной либерализма. У насъ онъ тоже выразился въ обратномъ видѣ. Авторъ «Размышленія о неудобствахъ дать въ Россіи свободу крестьянамъ и служителямъ», написаннаго въ 1785 г., такъ между прочимъ оправдывалъ крѣпостное право: «Если мы возьмемъ физическое положеніе страны нашей, то узримъ, что холодный климатъ, возбраняющій дѣйствія транспираціи, а пронницательнымъ своимъ воздухомъ сжимающій наши жилы, побуждаетъ насъ къ пріятію болѣе

пищи, нежели въ полуденныхъ климатахъ; а сіе производитъ многокровіе и дѣлаетъ болѣе характеры наши сангвиническими; довольно же всѣмъ извѣстно, что сангвиническій характеръ есть характеръ нагой и стримительной въ предпріятіяхъ своихъ, которыя безъ дальняго размышленія и начинаютъ; а есть ли по роду жизни примѣшивается къ оному и флегма, то сіе ничего болѣе не произведетъ, какъ должайшее настояніе суровости и злопамятства. По сему извѣстному характеру да разсудитъ каждый, легко ли таковыхъ поселянь, учиня ихъ свободными, общими законами задержать?» (Романовичъ-Славатинскій. Дворянство въ Россіи, 377). Дѣло не въ томъ, что авторъ «Размышленія» говоритъ пустяки, а въ томъ, что пустякамъ этимъ придана модная въ то время естественно-научная форма, въ которую въ Европѣ облекались тогда совсѣмъ инныя идеи.

Такова была судьба европейскыхъ идей личной свободы и личного интереса въ первый моментъ ихъ появленія въ Россіи. Но они вторично появились въ началѣ царствованія императора Александра I. Стали вновь издаваться Беккарія, Монтескьё, на изданіе Адама Смита было отпущено 5,000 руб. изъ казны, съ Вентамомъ, проникнутый либеральными стремленіями императоръ, имѣлъ личныя сношенія. Во всемъ этомъ движеніи Мордвиновъ игралъ очень видную роль. Его участіе въ планахъ освобожденія крестьянъ мы оставимъ пока въ сторонѣ и посмотримъ сначала, какъ старался онъ проводить свои задушевные мысли по другимъ вопросамъ. Хотя Мордвиновъ былъ замѣтнымъ человѣкомъ уже при Екатеринѣ и Павлѣ, но собственно настоящая его политическая роль началась съ воцареніемъ Александра I. Да и то онъ былъ назначенъ начальникомъ морскаго департамента, сначала кажется преимущественно какъ человѣкъ технически знакомый съ морскимъ дѣломъ, а не какъ политически нужный въ ту минуту человѣкъ. Какъ бы то ни было, но своимъ умомъ и энергіей онъ необходимо долженъ былъ скоро обратить на себя вниманіе какъ государя, такъ и общества. Такъ и было. Скоро императоръ выразилъ членамъ знаменитаго «неофіціального комитета», т. е. ближайшимъ своимъ

и довѣреннѣйшимъ людямъ, желаніе, чтобы они обращались за содѣйствіемъ къ Лагарпу и Мордвинову. Первымъ политическимъ дѣйствіемъ Мордвинова, положившимъ основаніе его славы, было особое мнѣніе, представленное имъ, въ качествѣ члена непремѣннаго совѣта, по дѣлу объ Эмбенскихъ водахъ. При Екатеринѣ гр. Салтыкову достались земли на берегу Каспійскаго моря, близъ устья Эмбы, и богатые рыбныя ловли. Любимецъ Павла, Кутайсовъ, не совсѣмъ чистыми путями добился того, что земли эти перешли къ нему, благодаря шаткости правъ Салтыкова, который получилъ ихъ отъ областнаго начальства, нарушившаго при этомъ нѣкоторыя постановленія. По смерти Павла Салтыковъ сталъ домогаться возвращенія ему Эмбенскихъ водъ и тяжба ихъ съ Кутайсовымъ постуила на разсмотрѣніе въ непремѣнный совѣтъ. Преобладало кажется мнѣніе, что ни Салтыковъ, ни Кутайсовъ не имѣютъ права на спорныя земли, одинъ, потому что получилъ ихъ отъ лица, не имѣвшаго права давать ихъ, а другой, потому что получилъ посредствомъ обмана. Нѣкоторые предполагали отнять земли у Кутайсова, давъ ему какое-нибудь вознагражденіе, но не удовлетворять и домогательствъ Салтыкова. Самое дѣло для насъ нисколько не интересно. Не интересно даже и то, что Мордвиновъ сталъ рѣшительно на сторону Кутайсова. Важны мотивы такого рѣшенія и мысли, изложенныя Мордвиновымъ. Вотъ нѣкоторые пункты его особаго мнѣнія:

1) Владѣніе Эмбенскихъ водъ и всего, что въ указѣ 1799 года означено, есть собственность гр. Кутайсова. Совѣтъ призналъ сію истину въ первыхъ своихъ засѣданіяхъ.

3) Еслибы сія неотъемлемость (собственности) ограничивалась только тѣмъ, чтобы частные люди не могли на нее дѣлать притязаній, то былъ бы законъ достаточный въ турецкихъ областяхъ, но весьма несправедливый въ Россіи, гдѣ и правительство не можетъ отнять имѣнія ни у кого безъ суда и закона.

4) Изъ сего слѣдуетъ: на собственность частныхъ лицъ въ Россіи правительство не больше имѣетъ права, какъ и всякій частный человѣкъ.

5) По сему, сколько бы исключительное владѣніе какимъ-либо имѣніемъ ни оказывалось противнымъ общему благу, не можно для сего его взять въ общее употребленіе, да я и не знаю, чтобы гдѣ-нибудь былъ такой за-

конь терпимъ пли полезень, ибо никогда общее благо не зпждется на частномъ раззореніи.

11) По всѣмъ сямъ причинамъ мое замѣчаніе есть: что не можно вопервыхъ взять у гр. Кутайсова эмбенскихъ ловель безъ его согласія, и сіе примѣчаніе относится равно ко всѣмъ проэткамъ указовъ. Вторая часть мнѣнія моего состоитъ въ томъ: если у него ихъ возьмутъ, то не должно на нихъ совершенно и земель по берегамъ оставлять въ общемъ и независимомъ владѣніи. Доказательства на сіе суть слѣдующія:

1)

2) *Общее есть правило, что земли обшія суть земли дикія.* Одна увѣренность, что труды и капиталы, полагаемые на удобреніе земли, на различныя заведенія, суть неотъемлемая собственность, превратила пустыни въ плодоносныя поля, и всегда ихъ превращать будетъ, *доколь человекъ повиноваться будетъ единому безпрестанному вспѣхъ обществъ началу собственной пользы каждаго и наслажденія.*

8) Посему я мысля, что какъ на водахъ морскихъ неподвижныя строенія должны принадлежать неотъемлемо исьключительно ихъ хозяевамъ, такъ и берега и острова должны быть розданы для заведенія частнымъ людямъ на томъ же правѣ собственности...

4) Скажутъ, что это бы значило взять у одного, чтобы отдать другому. Не другому, но многимъ, а въ этомъ-то и состоитъ первый законъ исторіи государственной экономіи. Монополія по самому слову значить, когда одинъ захватить нужное всѣмъ имущество, покоривъ все своей волѣ и корыстолюбію, но когда одною вещью владѣютъ многіе, тогда не все покорено одному, тогда есть соревнованіе въ продажѣ, и цѣна устанавливается числомъ требователей и количествомъ вещей» (Иконниковъ, 37 и слѣд.)

Вѣрный и строго послѣдовательный ученикъ Смита и Бентама сквозить въ каждой строчкѣ этого мнѣнія и въ особенности въ подчеркнутыхъ мною словахъ. Историкъ развитія экономическихъ идей въ Россіи долженъ будетъ отмѣтить записку Мордвинова по эмбенскому дѣлу, какъ едва ли не первое рѣзкое выраженіе у насъ англійской, манчестерской школы съ ея безграничнымъ уваженіемъ къ частной собственности и свободѣ. Современниковъ мнѣніе Мордвинова безъ сомнѣнія должно было поразить и дѣйствительно поразило своею смѣлостью, не по отношенію къ правительству, такъ какъ императоръ Александръ стоялъ тогда далеко впереди русскаго общества, а по отношенію къ установившимся понятіямъ и существующимъ фактамъ. Императоръ принялъ доводы Мордвинова во вниманіе, но рус-

скому обществу были совершенно чужды, непривычны и свобода его выражений, и самое направление его мысли. Обширные государственныя имущества, многочисленныя случаи пожертвованія и конфискаціи частныхъ имуществъ, общинное землевладѣніе, наконецъ личныя и имущественныя отношенія крестьянъ и помѣщиковъ, — вотъ что привыкли видѣть вокругъ себя и за собой въ своей исторіи русскіе люди, вотъ на чемъ воспитались ихъ экономическія понятія. Каждого изъ этихъ явленій въ отдѣльности было бы достаточно для того, чтобы задержать, не дать развиваться представленію о неприкосновенности частной собственности. А при совокупномъ ихъ дѣйствіи можно положительно сказать, что неприкосновенная, неотъемлемая частная собственность была для огромнаго большинства русскихъ людей совершенно неудобопонятнымъ мнѣемъ. Столь же новы были и понятія Мордвинова о вредѣ монополій и административнаго произвола и выгодѣ свободной конкуренціи, въ приложеніи къ нашимъ домашнимъ, практическимъ русскимъ дѣламъ. А между тѣмъ въ воздухѣ уже давно носилось что-то, подготовлявшее къ воспріятію этихъ непривычныхъ мыслей. Нѣтъ поэтому ничего удивительнаго, что записка по эмбенскому дѣлу, какъ и послѣдующія «особыя мнѣнія» Мордвинова, расходились во множествѣ рукописныхъ экземпляровъ и читались образованнымъ обществомъ съ исключительнымъ интересомъ. Во всѣхъ этихъ послѣдующихъ запискахъ Мордвиновъ остался вѣренъ своей программѣ: не должно ничего оставлять «въ общемъ и независимомъ владѣніи», т. е. общинная собственность и государственныя имущества должны быть розданы по частнымъ рукамъ; всякая частная собственность, если она только можетъ опереться на законный документъ, неприкосновенна, каково бы ни было ея происхожденіе (въ дѣлѣ Кутайсова предполагался подлогъ); «сколько бы исключительное владѣніе какимъ-либо имѣніемъ ни оказывалось противнымъ общему благу, не можно для сего его взять въ общее употребленіе», т. е. при непримиримомъ столкновеніи частнаго интереса съ общимъ благомъ, преимущество должно быть отдано первому.

Прилагать эти начала къ разнымъ явленіямъ русской жизни Мордвинову приходилось довольно часто. Онъ оставилъ 13 томовъ in folio разныхъ мнѣній, записокъ, проектовъ по самымъ разнообразнымъ вопросамъ за долгій срокъ 1801—1842 г. Пока только малая часть этихъ матеріаловъ обнаружена въ монографіи г. Иконникова и въ спеціальныхъ историческихъ изданіяхъ. Но и этого немногаго достаточно, чтобы видѣть, какъ вѣренъ себѣ и какъ послѣдователенъ былъ этотъ человекъ. Онъ истинно стоялъ на стражѣ легальныхъ, закономъ огражденныхъ частныхъ интересовъ. Такъ, когда вслѣдствіе возникшихъ въ Крыму столкновеній между русскими помѣщиками и исконными туземными жителями, татарами, военный губернаторъ Михельсонъ предложилъ отобрать земли у русскихъ владѣльцевъ и отдать ихъ татарамъ, Мордвиновъ горячо возсталъ противъ этой мысли. Онъ не отвергалъ, что со стороны помѣщиковъ могли быть захваты и другія несправедливости; онъ соглашался на прекращеніе на будущее время раздачи земель въ Крыму, но онъ находилъ, что разъ пожалованныя земли никакою силою не могутъ быть отобраны. «Собственность, говоритъ онъ, есть первый камень. Безъ оной и безъ твердости правъ, ее ограждающихъ, нѣтъ никому надобности ни въ законахъ, ни въ отечествѣ, ни въ государствѣ. Отъ сего единственнаго источника и связь общество воспріяла свое начало». Во всѣхъ столкновеніяхъ казни съ частными лицами Мордвиновъ почти всегда становился на сторону послѣднихъ. Когда манифестомъ 1810 года было признано паденіе ассигнаціоннаго курса, то лица, имѣвшія съ казною контракты на прежнихъ основаніяхъ, просили освободить ихъ отъ обязательствъ, ставшихъ для нихъ слишкомъ невыгодными отнюдь не по ихъ винѣ. Комитетъ министровъ между прочимъ отказалъ подрядчикамъ на пеньку и парусныя полотна по черноморскому флоту, а членъ совѣта Саблуковъ выразилъ при этомъ мнѣніе, что подрядчики имѣли въ прежнее время достаточно барыша и могутъ теперь потерпѣть маленькій убытокъ. Мордвиновъ полагалъ, что патріархальное воззрѣніе Саблукова «постановляетъ какъ бы правило, что можно правительству брать

васпльственно деньги въ томъ карманѣ, гдѣ предполагать можно что онѣ находятся». Онъ рѣшительно требовалъ удовлетворенія ходатайства подрядчиковъ, а вслѣдъ за тѣмъ составилъ проектъ третейскихъ судовъ по спорамъ частныхъ людей съ казной. По другому подобному же дѣлу Мордвиновъ выразился, что «казенная копѣйка, какъ и всякая другая, должна по естественному закону и горѣть и тонуть». Къ возникшему въ началѣ двадцатыхъ годовъ вопросу о составленіи общихъ правилъ, на какомъ основаніи и въ какихъ случаяхъ правительство имѣетъ право касаться частной собственности, Мордвиновъ отнесся рѣшительно отрицательно. Онъ отрицалъ самое право государства налагать по какимъ бы то ни было поводамъ руку на частную собственность. «По опытамъ, которые мы уже имѣли, писалъ онъ, я мыслю, что благоразумнѣе будетъ сочиненіе правилъ для отобранія частной собственности въ пользу общественной предоставить другимъ временамъ, а нынѣ умы человѣческіе взирають на частную собственность, какъ на единое право, отъ нихъ неотъемлемое, нераздѣльно отъ правъ, уступленныхъ при переходѣ изъ свободнаго, дикаго, въ зависимое, гражданское состояніе». Въ турецкую войну Мордвиновъ возсталъ противъ запрещенія вывозить хлѣбъ изъ черноморскихъ портовъ: онъ стоялъ на томъ, что никакія обстоятельства не оправдываютъ вмѣшательства правительства въ дѣла частныхъ лицъ. Еще по одному дѣлу о контрактахъ съ казной онъ писалъ Аракчееву: «Мы не паша, засѣдающіе въ диванѣ, но члены законодательнаго сословія и гдѣ частной волѣ вашей нѣтъ мѣста... При недостаткѣ въ доходахъ 112 милліоновъ, безъ вниманія еще къ долгамъ, кажется, что пора приняться за постъ и молитву, коихъ начальное правило есть неприкосновеніе къ чужой собственности и неотлученія отъ себя строгой нравственности, какъ частной, такъ и государственной».

Съ Аракчеевымъ Мордвиновъ сталкивался не разъ. Грозный владѣлецъ Грузина считалъ Мордвинова «пустымъ» и старался внушить этотъ взглядъ и императору. И дѣйствительно страшно пустымъ, не понимающимъ самой сути жизни, долженъ былъ

представляться Аракчееву Мордвиновъ: онъ не понималъ прелести шеренги и величія табуна, онъ разлагалъ ихъ на атомы и тѣмъ разстраивалъ ряды идущихъ въ ногу и перемѣняющихъ ногу заразъ, по командѣ. Можетъ быть Аракчеевъ не отказалъ бы Мордвинову въ умѣ, талантахъ, образованіи, но именно пустымъ онъ долженъ былъ его считать. Мордвиновъ не понималъ и очевидно для Аракчеева всемогущества розогъ. Почти въ то самое время, какъ Грузинскій владыка звѣрствовалъ надъ своей дворней, розыскивая убійцъ своей любовницы, достойной его Настасьи Минкиной; почти въ то самое время, какъ виновники этого дѣла приговаривались къ наложенію клеймъ на лицо и наказанію кнутомъ (пзъ 20 наказанныхъ двое умерли на мѣстѣ),— Мордвиновъ подавалъ записку за запиской, требуя уничтоженія смертной казни, кнута и клеймъ. Аракчеевъ былъ, какъ извѣстно, трусь, но по роду своихъ запятій онъ долженъ былъ желать, если не постоянныхъ войнъ, то по крайней мѣрѣ многочисленныхъ войскъ. Мордвиновъ и этого не понималъ. Онъ всегда стоялъ за сокращеніе военнаго бюджета и арміи и, если въ молодости и въ поздней старости увлекался проектами завоеванія Константинополя и освобожденія Іерусалима, то, вообще говоря, былъ всегда противъ войны. Замѣчательна записка, поданная имъ императору о мирномъ покореніи Кавказа—распространеніемъ между горцами сѣмянъ цивилизаціи. Одна изъ любимѣйшихъ его мыслей состояла въ необходимости отвлеченія народныхъ силъ отъ внѣшней, военной жизни и сосредоточенія ихъ на внутреннемъ развитіи государства. Внутреннее же развитіе государства совершенно послѣдовательно представлялось ему развитіемъ и успленіемъ сложной системы частныхъ интересовъ, освобожденныхъ отъ всякихъ стѣсненій и умѣряемыхъ лишь другъ другомъ.

Еслибы Мордвиновъ ограничилъ свою дѣятельность только защитой легально признанныхъ частныхъ интересовъ, то ему не предстояло бы много работы, потому что интересы эти были слабы и количественно, и качественно. Надо было вызвать ихъ къ жизни, создать ихъ. Мордвиновъ это и дѣлалъ. Уже въ 1801

г., онъ подалъ императору Александру грандіозный проектъ «трудопоощрительнаго банка». Этотъ любопытный документъ напечатанъ въ «Русской Старинѣ» (1872, № 1-й), и состоитъ изъ двухъ частей: проекта манифеста о банкѣ и устава банка. Цѣль учрежденія должна была состоять въ поощреніи частной предпріимчивости. Важнѣйшимъ средствомъ предполагалась выдача ссудъ. Лицо, желавшее получить пособіе отъ банка, должно было представить планъ задуманнаго имъ предпріятія, засвидѣтельствованный губернаторомъ или двумя-тремя мѣстными дворянами. Планъ поступалъ въ одно изъ пяти отдѣленій банка, завѣдывавшихъ земледѣліемъ, скотоводствомъ, «руководѣліемъ», «рудокопствомъ» и рыболовствомъ. Тамъ, по разсмотрѣніи плана, назначались условія ссуды, т. е. размѣръ процентовъ, различныя льготы, срокъ ссуды и проч. Въ обезпеченіе предполагалось брать залогомъ, но можно было удовольствоваться и поручительствомъ третьихъ лицъ. Однако ссуды были бы не единственнымъ орудіемъ трудопоощрительнаго банка. Онъ долженъ былъ выдавать преміи и награды за различныя промышленныя и сельскохозяйственныя усовершенствованія, имѣть при себѣ техническое училище, музей, бібліотеку, рекомендовать техникувъ, выписывать по порученію книги, инструменты, скотъ, сѣмена и проч., издавать нѣчто въ родѣ техническаго журнала и т. д. Средства банка предполагалось получать изъ ассигнаціоннаго банка въ размѣрѣ 2,000,000 руб. въ годъ и кромѣ того не опредѣленную въ уставѣ сумму на содержаніе банковаго штата и выдачу наградъ — изъ государственнаго казначейства. Уставъ банка былъ уже въ 1801 г. подписанъ государемъ, но затѣмъ дѣло объ немъ, несмотря на всѣ настоянія Мордвинова, заглохло, на что онъ жаловался еще въ 1825 г.

Будучи послѣдовательно морскимъ министромъ, предсѣдателемъ департамента экономіи, предсѣдателемъ департамента гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ, а также президентомъ вольнаго экономическаго общества, Мордвиновъ настойчиво и многосторонне преслѣдовалъ цѣли трудопоощрительнаго банка. Онъ при этомъ не упускалъ случая напереть на тотъ оттѣнокъ преобла-

данія частныхъ интересовъ, который онъ желалъ придать развитію у насъ промышленности и сельскаго хозяйства. Такъ онъ требовалъ продажи казенныхъ горныхъ заводовъ, казенныхъ оброчныхъ статей и прямо отрицалъ самое понятіе казеннаго имущества, а относительно общиннаго землевладѣнія еще въ проэктѣ манифеста о трудопоощрительномъ банкѣ говорилось: «долженствовало бы, въ согласность дарованнаго нами на покупку земель права, чтобы изъ общихъ и чрезполосныхъ владѣній составилсь въ теченіе времени удѣльные и порядочныя имѣнія». Въ уставѣ же указывались и нѣкоторые пути, ведущіе къ этой цѣли. Къ этому центру, т. е. къ созданію и огражденію частныхъ интересовъ, примыкаютъ и всѣ финансовыя проэктъ Мордвинова, и его критика финансовой практики Гурьева и Канкринна. Онъ былъ не изъ тѣхъ финансовыхъ дѣлъ мастеровъ, которые заняты исключительно нашиваніемъ надставокъ и заплатъ на прорѣхи. Рекомендую при случаѣ и подобныя заплаты, онъ понималъ однако ихъ паллятивный характеръ и настаивалъ на мѣрахъ болѣе или менѣе радикальныхъ, не спеціально финансовыхъ, а экономическихъ и политическихъ.

Противникъ всякой регламентаціи, Мордвиновъ писалъ въ 1825 г.: «По уставу самой природы никакой торгъ, никакое ремесло, ни художество не могутъ процвѣтать безъ свободы въ дѣйствіяхъ своихъ, и свобода есть единственное вѣрное и надежное руководство къ усиѣхамъ дѣятельности народнои... Предоставляя частной пользѣ свободу дѣйствовать, правительство можетъ только съ своей стороны способствовать распространеніемъ хозяйственныхъ и искусственныхъ всякаго рода свѣдѣній, обнародованіемъ новыхъ изобрѣтеній... и наконецъ усиленіемъ мѣръ, чтобы свобода въ дѣйствіяхъ, равно какъ и принадлежность каждаго трудящагося ограждены были отъ всякаго непріязненнаго къ нимъ прикосновенія, въ томъ нивеакому сомнѣнію не подверженномъ соображеніи, что частная польза и частное обогащеніе суть основаніе и богатство казны, и что безъ первыхъ казенная польза прочною быть не можетъ». Программу эту Мордвиновъ развивалъ во всю свою долгую жизньъ, прила-

гая ее къ самымъ разнообразнымъ предметамъ и съ замѣчательнымъ мужествомъ отстаивая ее не только при благопріятныхъ условіяхъ, какія представляло начало царствованія Александра I, а и при самыхъ неблагопріятныхъ. Кругомъ него многіе сожгли все, чему они поклонялись, Аракчеевъ съ Фотиємъ пробились наверхъ, самъ Сперанскій, родственникъ Мордвинову по идеямъ и одно время лично близкій ему человѣкъ, не только подвергся опалѣ, а и притихъ духомъ; — Мордвиновъ былъ все тотъ же и выражалъ все тѣмъ же смѣлымъ языкомъ все тѣ же любимыя идеи свободы, личнаго достоинства и неприкосновенности частныхъ интересовъ. Прилагалъ онъ ихъ не только къ частнымъ и низшимъ сферамъ государственной жизни. Когда по инициативѣ императора Александра въ неоффиціальномъ комитетѣ возникъ вопросъ о расширеніи правъ сената, Мордвиновъ представилъ и свое мнѣніе по этому вопросу. Онъ предполагалъ составлять сенатъ изъ лицъ, назначаемыхъ государемъ, и выборныхъ отъ губерній. Тотъ же проектъ былъ имъ снова представленъ въ 1811 г. Сторонникъ выборнаго начала вообще, онъ, будучи морскимъ министромъ, возстановилъ въ своемъ вѣдомствѣ баллотировку при производствѣ въ чины, введенную Петромъ I и отмѣненную императоромъ Павломъ.

XIV.

Оборотная сторона медали.

Этотъ умный, образованный, мягкій, гуманный, мужественный, добродѣтельный человѣкъ, искренно и горячо преданный идеаламъ свободы и всю свою жизнь посвятившій защитѣ неприкосновенности личности, этотъ вѣрный и послѣдовательный ученикъ Смита и Бентама,—былъ крѣпостникъ...

Этого мало. Онъ—одина изъ типичнѣйшихъ крѣпостниковъ, но крѣпостниковъ новой формаціи, крѣпостниковъ условныхъ, на первый взглядъ не имѣвшихъ и не имѣющихъ ничего общаго

съ тѣми безусловными крѣпостниками старой формациі, образцами которыхъ могутъ служить Сумароковъ, «человѣкъ не грамматикальный и отъ роду никакихъ исторій не читавшій», или наконецъ мрачный владѣлецъ Грузина. Тѣ, подобно Адаму и Евѣ до грѣхопаденія, не чувствовали своей наготы и не сознавали стыда ея. Неграматикальный человѣкъ могъ откровенно выразить, какъ серьезный доводъ противъ освобожденія крестьянъ, мысль, что у много помѣщика некому будетъ «п студено искрошить, а не только сдѣлать какой фракасей, т. е. полпвай, или супа, т. е. похлебки, или почтета, т. е. пирога». Равнымъ образомъ и Сумароковъ могъ съ чистою совѣстью заявить, что конечно «канарейкѣ, забавляющей меня, лучше безъ клѣтки, а собакѣ, стерегущей мой домъ, лучше безъ цѣпи, но одна улетитъ, а другая будетъ грызть людей; такъ одно потребно для крестьянина, а другое ради дворянина». Наконецъ и Аракчеевъ... Впрочемъ Аракчеевъ — особъ статья. Фанатикъ шеренги и табуна, онъ, вышеописанная гроза Грузина и военныхъ поселеній, когда потребовалъ императоръ, сталъ въ шеренгу составителей проектовъ освобожденія крестьянъ, и его проектъ былъ не хуже многихъ, не портилъ «ранжпра» и «равненія». Что касается Мордвинова, то этотъ пламенный борецъ за свободу и неприкосновенность личности долженъ бы былъ казаться сосредоточить на крѣпостномъ правѣ главный огонь своихъ батарей. Въ самомъ дѣлѣ, если, какъ мы видѣли, крѣпостники старой формациі возстали противъ постановки вопроса о неудовлетворительности общиннаго землевладѣнія, потому что этимъ вопросомъ затрогивается и крѣпостное право, то какъ долженъ былъ смотрѣть на послѣднее такой ярый противникъ общины, какъ Мордвиновъ? Если человѣкъ возмущается до глубины души каждымъ ущербомъ или оскорбленіемъ, наносимымъ казною подрядчику; если онъ только и говоритъ, что про свободу да про неприкосновенность личности, то какими юпитеровскими громами долженъ онъ поразить крѣпостное состояніе милліоновъ людей тѣмъ болѣе, когда правительство такъ склонно къ изысканію средствъ освобожденія, какъ оно было склонно при императо-

рахъ Александръ и Николаѣ. Ипкакнхъ однако громовъ со стороны Мордвинава не было, а въ такомъ челоѡвѣѣ это есть уже отрицательное свидѣтельство нѣкоторыхъ крѣпостническихъ тенденцій. Но есть и свидѣтельства положительныя. Во вниманіе вѣроятнѣ къ высокимъ качествамъ ума и сердца Мордвинава, многіе историки его времени стараются смягчить, замаскировать, ступевать истинное отношеніе знаменитаго адмирала къ крестьянскому вопросу. Такъ поступаетъ отчасти и г. Иконниковъ, хотя онъ добросовѣстно приводитъ многіе относящіеся сюда факты. Такъ поступаетъ и авторъ почтеннаго труда «Дворянство въ Россіи» г. Романовичъ-Славатинскій. Въ числѣ нѣкоторыхъ подготовительныхъ мѣръ къ освобожденію императоръ Александръ желалъ запрещенія продажи людей безъ земли. Вопросъ этотъ обсуждался въ 1820 г. въ государственномъ совѣтѣ. Департаментъ законовъ отстаивалъ это право. «Замѣчательно, говоритъ г. Романовичъ - Славатинскій, что воззрѣніе департамента защищало и Мордвинава. Но въ основаніи мысли Мордвинава лежала герькая иронія падъ крѣпостнымъ правомъ, что вполне высказалось имъ при новомъ обсужденіи этого вопроса въ государственномъ совѣтѣ, въ 1833 г. Мордвинава оиать явился сторонникомъ продажи людей, но высказалъ при этомъ всю подноготную своего правдиваго взгляда. Онъ попросилъ у совѣта дозволенія высказать объ обсуждаемомъ вопросѣ всю истину. «Отъ горькаго корня, говорилъ онъ, не будетъ плода сладка, ва рѣдкѣ не вырастетъ ананасъ. Доколѣ рабство между крестьянами существуетъ, до тѣхъ поръ продажа людей по одиночкѣ должна быть допускаема. Она необходима и часто для проданнаго бываетъ благотворна; часто отъ лютаго помѣщика проданный рабъ его переходитъ въ руки мягкосерднаго господина, отъ скудной и тощей своей нивы переселяется на ниву просторную и плодородную». Но ироническая защита Мордвинава не нашла сочувствія въ императорѣ: Николай I къ вопросу относился рѣшительнѣе своего предшественника. Николай I понималъ, что иногда вслѣдствіе продажи рабы переходили отъ мягкосерднаго господина къ лютому, отъ плодородной нивы къ скудной»

(343)—Но это понималъ конечно и Мордвиновъ; его доводъ былъ не доводъ, а уловка. Что же касается до его ироніи, то она такого сорта, про который говорится: чего смѣшься? надъ собою смѣшься! Мы сейчас увидимъ, что Мордвиновъ дѣйстви-тельно и серьезно ждалъ, что отъ горькаго корня получится сладкій плодъ и что на рѣдкѣхъ выростетъ ананасъ. А если такъ, то является чрезвычайно любопытное соображеніе. Умный, благородный, смѣлый, послѣдовательный ученикъ Смита и Бен-тама горячо отстаиваетъ всяческую свободу въ Россіи, кромѣ свободы милліоновъ крѣпостныхъ людей! Не указываетъ ли этотъ поразительный фактъ на существованіе нѣкоторыхъ изъяновъ въ доктринахъ Смита и Бентама? Не можетъ ли онъ служить опорою для научной провѣрки этихъ доктринъ? Я, профанъ, далекъ отъ мысли представить такую провѣрку, да и едва ли настоятъ въ ней большая надобность, такъ какъ ученіе Смита, а тѣмъ болѣе Бентама, и безъ такой провѣрки не пользуется своимъ прежнимъ значеніемъ. Но относительно судебъ экономическихъ идей въ Россіи отступничество Мордвинова отъ либерализма на пунктѣ крѣпостнаго права имѣетъ серьезное и даже вполне современное значеніе. Если онъ первый совершилъ это отступни-чество, то не онъ послѣдній. Крѣпостники условные, крѣпостни-ки новой формации, существуютъ и нынѣ въ разныхъ формахъ, и иногда весьма и весьма либеральныхъ.

Разсказавъ словами Строгонова, какъ по воцареніи Александра въ неофициальномъ комитетѣ закипѣлъ было вопросъ объ освобожденіи крестьянъ и какія при этомъ интриги и колебанія скоро встрѣтилъ молодой императоръ, г. Иконниковъ замѣчаетъ: «послѣ этого понятно, почему Мордвиновъ, такъ горячо взяв-шійся съ Лагарпомъ за крестьянскій вопросъ, стоялъ потомъ за его постепенное развитіе» (35). Признаюсь, для меня здѣсь нѣтъ ничего понятнаго. По другимъ вопросамъ Мордвинову случалось сталкиваться съ меньшими интригами и колебаніями, которыя однако не умѣряли его пыла. Да и никогда не брался онъ горячо за крестьянскій вопросъ и всегда былъ самъ въ числѣ колеблящихся и тормозящихъ движеніе. Что онъ говорилъ импе-

ратору о необходимости «сдѣлать что нибудь въ пользу крестьянъ»—это такъ. Но изъ приводимыхъ г. Иконниковымъ свидѣтельствъ видно, что онъ съ самаго начала полагалъ, что дѣло должно быть сдѣлано «не иначе, какъ постепенно, незамѣтно, и первымъ шагомъ къ тому могло быть позволеніе тѣмъ изъ крестьянъ, которые не были крѣпостными, покупать земли». Свойственной Мордвинову горячности и стремительности здѣсь отнюдь не видно. И несомнѣнно, что Чарторыжскій, Строгановъ, Кочубей, наконецъ самъ императоръ далеко опередили въ своихъ требованіяхъ болѣе чѣмъ скромный планъ пылаго борца за свободу и неприкосновенность личности. Г. Иконниковъ не говоритъ ничего напримѣръ объ участіи Мордвинова въ преніяхъ о проэктѣ Зубова, который предлагалъ запретить продажу крестьянъ безъ земли и начать дѣло освобожденія съ выкупа казной дворовыхъ. Между тѣмъ изъ приложеннаго къ «Исторіи царствованія Александра I» Богдановича извлеченія изъ засѣданій неофициальнаго комитета (которымъ пользовался и г. Иконниковъ) видно, что Мордвиновъ былъ противъ этого проэкта. Онъ отрицалъ его «во избѣжаніе неудовольствій и гоненій дворянства и возбужденія слишкомъ большихъ надеждъ въ крестьянахъ». Для того времени слова эти были самыя заурядныя, они выражали мнѣніе толпы. Но вѣдь мы имѣемъ дѣло съ Мордвиновымъ, съ русскимъ Аристидомъ, который, говоря восторженнымъ языкомъ Рылѣва, какъ

Эльбрусъ, кавказскихъ горъ краса,
Невозмугимъ, подъ небеса
Возноситъ верхъ свой горделливый.

Въ разсказѣ о дальнѣйшихъ судьбахъ крестьянскаго вопроса въ царствованіе Александра, г. Иконниковъ опять принужденъ повторить фразу: «Послѣ этого понятно то осторожное положеніе, какое занялъ Мордвиновъ въ рѣшеніи этого вопроса» (235). И опять-таки это фраза совершенно произвольная, ничто въ предыдущемъ изложеніи ея не оправдываетъ. «Въ нашей литературѣ, продолжаетъ г. Иконниковъ, не разъ было высказано мнѣніе что Мордвиновъ принадлежалъ къ безусловнымъ консер-

ваторамъ по крестьянскому вопросу, и имя его было поставлено рядомъ съ Шишковымъ, Державиннымъ, Ростопчинимъ и др. Но это ошибка, происшедшая отъ недостаточнаго знакомства съ его мнѣніями и его политическими воззрѣніями». При этомъ авторъ указываетъ на одну статью о Ростопчинѣ, въ которой, съ цѣлью оправданія мнѣній послѣдняго, приводятся въ параллель нѣкоторыя мысли Мордвинова. Смѣшивать Мордвинова съ Державиннымъ, Шишковымъ, Ростопчинимъ конечно несправедливо, но только потому, что они были крѣпостники безусловные, а онъ—крѣпостникъ условный. Въ принципѣ между ними не было ничего общаго. Въ принципѣ Мордвиновъ признавалъ за крестьянами всѣ тѣ права свободы и неприкосновенности, которыя онъ такъ горячо отстаивалъ въ приложеніи къ лицамъ привилегированныхъ положеній. Державинъ, Ростопчинъ, Карамзинъ, Карамзинъ и проч. напротивъ смотрѣли на крестьянъ, въ родѣ какъ на особую породу людей, по основнымъ свойствамъ своимъ неспособную. Но если имѣть въ виду ближайшіе практическіе результаты, положеніе вещей, которое желалъ бы видѣть Мордвиновъ въ ближайшемъ будущемъ, то окажется, что онъ говорилъ *bonnet blanc*, а Ростопчинъ, Карамзинъ и проч.—*blanc bonnet*.

Въ огромной массѣ записокъ, проэктвъ и мнѣній Мордвинова есть кажется только два документа, болѣе или менѣе затрогивающіе самыя основанія крѣпостнаго права: проэктъ освобожденія, представленный въ 1818 г. и мнѣніе «по рабству крестьянъ», поданное въ государственный совѣтъ въ 1833 г. Любопытно слѣдить, какими нѣжными трелями разливается въ первомъ изъ этихъ документовъ соловей свободы и личныхъ правъ. «Въ природѣ, говоритъ Мордвиновъ, мы видимъ, что всѣ явленія ея суть слѣдствія постоянныхъ причинъ. Тихое и постепенное теченіе времени даетъ жизнь, ростъ и зрѣлость всему; крутыя же и быстрыя событія въ естествѣ производятъ вѣчно вихри и бури, наводненія, землетрясенія и разрушенія... Народу, пробывшему вѣка безъ сознанія гражданской свободы, даровать ее изрѣченіемъ на то воли властителя — возможно, но знанія пользоваться ею во благо себѣ и обществу—даровать законопо-

ложениемъ невозможно. Въ семь соображеніи дарованіе свободы тогда только не сопровождается никакими ощутительными неудобствами, ни вредными послѣдствіями, когда расиолагаемо бываетъ съ нѣкоторою постепенностью, когда свободными дѣлаются не всѣ вмѣстѣ и одновременно, безъ возрѣнія на степень просвѣщенія и снѣлости всего, что въ гражданскомъ состояніи относится къ человѣку, но когда благо это представляется въ видѣ награды трудолюбію и *приобрѣтаемому умомъ достатку; ибо этимъ только ознаменовывается всегда зрѣлость гражданского состоянія*. На этомъ основаніи Мордвиновъ предлагалъ выкупную операцію, причемъ выкупные платежи соразмѣрялись съ возрастомъ откупающихся. Такимъ образомъ, свобода водворится постепенно, ее получаютъ только достойные, «помѣщики останутся полными владѣтелями земель своихъ и денежныхъ капиталовъ». Выкупные платежи Мордвиновъ распредѣляетъ такъ:

Отъ 2 лѣтъ до 5	100	рублей.
» 5 » » 10	200	»
» 10 » » 15	400	»
» 15 » » 20	600	»
» 20 » » 30	1,500	»
» 30 » » 40	2,000	»
» 40 » » 50	1,000	»
» 50 » » 60	500	»

Г. Иконниковъ старается дать понять, что цѣны эти для своего времени были очень умѣренны и соответствовали силамъ крестьянскаго хозяйства. Едва-ли это однако такъ. (Для сравненія см. нѣкоторыя цѣны на «души», приведенныя у Романовича-Славатинскаго, ст. 535, примѣч. 105). Въ доказательство г. Иконниковъ приводитъ между прочимъ слова самого Мордвинова, что «если мы вычислимъ имущество крестьянской семьи, состоящее въ домѣ, скотѣ, орудіяхъ, запасахъ и разныхъ пожиткахъ, то едва ли найдемъ столь бѣдное, которое не имѣло бы этихъ вещей на капиталъ, сотни рублей составляющій; большая же часть семействъ представится обладающими достаткомъ, до нѣсколькихъ тысячъ простирающимся». Но если и допустить

справедливость этого, такъ и то большинству крестьянъ пришлось бы, для полученія по плану Мордвинова личной свободы безъ земли, распродать скотъ, запасы и пожитки. Въ концѣ концовъ планъ Мордвинова могъ бы дать свободу нѣсколькимъ тысячамъ крестьянъ торгующихъ, да бурмистрамъ, приващивамъ и другимъ чинамъ помѣщичьей администраціи и дворянъ. И едва ли самъ авторъ проэкта, какъ человѣкъ умный, могъ придавать маломальски серьезное значеніе своему труду. Освобожденія крестьянъ онъ никогда искренно не желалъ, что особенно ясно видно изъ его мнѣнія «по рабству крестьянъ» (1833). Это именно то мнѣніе, въ которомъ г. Романовичъ-Славатинскій видитъ только *ироническую* защиту продажи людей въ одиночку. Совершенно справедливо, что Мордвиновъ иронизировалъ, говоря о рѣдкѣи и ананастѣ. Совершенно вѣрно, что онъ считалъ продажу людей въ одиночку и безъ земли только отпрыскомъ главнаго ствола крѣпостнаго права, и полагалъ, что только съ уничтоженіемъ главнаго ствола погибнуть и всѣ его вѣтви. Но главнаго то ствола онъ и не хотѣлъ касаться и даже воздерживалъ отъ такого посяганія другихъ. Всякія частныя исключительныя облегченія тѣмъ или другимъ помѣщикомъ участи крѣпостныхъ Мордвиновъ рѣшительно порицалъ, такъ какъ «подобныя исключенія могутъ поселить негодование и ропотъ въ остальныхъ» (Иконниковъ, 231). А къ крѣпостному праву во всемъ его объемѣ относился такъ. Въ упомянутой запискѣ 1833 г. читаемъ: «Въ Европѣ повсюду было рабство; въ Азіи всегда господствовала личная свобода (?), и оттого то надъ послѣднею тяготитъ и донинѣ всеобщій деспотизмъ. Всѣ тамъ равно независимы другъ отъ друга и, потому что равные, не имѣютъ законовъ, ограждающихъ жизнь и собственность cadaго. Равенство въ правахъ, состояніяхъ и властяхъ представляетъ только дикое общество. Таково состояніе всѣхъ азіатскихъ народовъ». Затѣмъ онъ говоритъ, что Россія обязана тою ступенью цивилизаціи, которой она достигла, прикрѣпленію крестьянъ, что такъ шло дѣло и въ Европѣ («сей единый есть путь къ свободѣ»). Но въ Европѣ крѣпостное право пало, падеть и у насъ, утѣша-

еть Мордвиновъ: «Потерпимъ еще нѣсколько и рабство само собою исчезнетъ въ Россіи, если обращено будетъ вниманіе къ постепенному уменьшенію необходимости содержать крестьянъ въ зависимости отъ помѣщиковъ, на земляхъ коихъ они живутъ. Сіе необходимо послѣдуетъ, когда исчезнетъ на пахатныхъ земляхъ нашихъ паренина; когда земледѣліе помѣстится въ число наукъ; когда въ городахъ нашихъ признаютъ за зданіями право собственности (?); когда употребимъ дѣятельныя мѣры къ возстановленію естественнаго порядка между рождающимися и умирающими; не будемъ считать числа тяголь или брачныхъ наполовину противъ всего населенія, и отъ каждаго брака будемъ имѣть по 2 и по 4 ребенка живыми, и когда помѣщикъ будетъ избиловать денежнымъ капиталомъ, достаточнымъ къ тому, чтобы принимать работниковъ для посѣва и жатвы».

Ясно, что несмотря на свою провію, Мордвиновъ серьезно вѣрилъ въ возможность произрастанія ананаса на рѣдкѣй, всеобщаго благоденствія на крѣпостномъ правѣ. Ясно, что несмотря на свой бурный либерализмъ, онъ желалъ сохраненія крѣпостнаго права вплоть до того момента, когда помѣщики отъ него сами откажутся. Онъ желалъ только, чтобы «необходимость» крѣпостнаго права постепенно уменьшалась рядомъ мѣропріятій, направленныхъ къ снабженію помѣщиковъ «денежнымъ капиталомъ». Надо при этомъ замѣтить, что у Мордвинова ни разу даже мимоходомъ не блеснула мысль объ освобожденіи крестьянъ съ землей; онъ едва ли не первый изобрѣлъ знаменитый впоследствии терминъ «свобода отъ земли». Естественное дѣло, что когда помѣщикъ окажется обладателемъ земли и денежнаго капитала,—крѣпостное право потеряетъ для него всякую практическую цѣну. До этого то момента нетерпѣливый Мордвиновъ и предлагалъ «потерѣть». По сущности своей программа эта не далеко уѣхала отъ мнѣній даже безусловныхъ крѣпостниковъ. Казалось бы Мордвиновъ и «неграматикальный человѣкъ, некогда отъ роду никакихъ исторій нечитывавшій» — люди совѣмъ разныхъ лагерей. Оно такъ и есть, а между тѣмъ неграматикальный человѣкъ тоже согласенъ былъ на освобожденіе въ бо-

лѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ. Моментъ этотъ даже опредѣлялся пмъ признаками, весьма близкими къ Мордвиновской программѣ: «Когда Россія многонародна столько будетъ, какъ галанское королевство, попы наши такъ грамотны будутъ—какъ попы иноземскіе, дворяне—такіе *острономы*, какъ аглинскіе и французскіе, а крестьяне знать будутъ букварь... и наша чернь о мастерствахъ заморскихъ лучшее понятіе получить и умнѣй станетъ, тогда можно будетъ имъ, крестьянамъ, быть на заморскомъ основаніи». Чѣмъ это хуже соображеній Мордвинова? Конечно Мордвиновъ не говорилъ, что съ уничтоженіемъ крѣпостнаго права помѣщику некому будетъ сдѣлать «фравасей», но онъ все таки имѣлъ главнымъ образомъ въ виду тѣ неудобства, которыя испытаетъ помѣщикъ, лишенный крѣпостнаго права. При томъ крѣпостники безусловны были несравненно пскрепнѣе и послѣдовательнѣе. Державинъ, Каразинъ, возставая противъ попытокъ эмансипаціи, называли помѣщиковъ «полицеймейстерами», «наслѣдственными чиновниками», «генераль-губернаторами въ маломъ видѣ» и слѣдовательно по крайней мѣрѣ на словахъ видѣли въ дворянствѣ государственный, служебный органъ. Каразинъ представлялъ себѣ весь политическій строй Россіи въ видѣ непрерывной іерархической нити, оканчивающейся «тамъ, у престола монарха міровъ». Сумароковъ и неграмоткальный человекъ отказался и разсуждать о стѣсненіяхъ, налагаемыхъ на крестьянина общиннымъ землевладѣніемъ. Словомъ всѣ онѣ безхитростно и весьма послѣдовательно чурались личной свободы и частныхъ интересовъ вообще. Мордвиновъ же исповѣдывалъ вмѣстѣ съ Смитомъ, что личный интересъ есть единственныи двигатель экономической производительности—и лишалъ этого двигателя миллионы крестьянъ; что свобода есть единственная гарантія экономического преуспѣянія—и лишалъ этой гарантіи миллионы крестьянъ. Исповѣдуя вмѣстѣ съ Бентамомъ знаменитый принципъ наибольшаго счастья наибольшаго числа людей, онъ вычиталъ изъ суммы этого счастья—счастіе миллионъ крестьянъ.

Современникъ Мордвинова, Николай Тургеневъ, рассказываетъ

объ немъ: «Онъ хотѣлъ политической свободы съ высшей палатой; онъ вставалъ съ благороднымъ и горячимъ самоотверженіемъ противъ всякаго произвола. Я же съчувствовалъ неограниченной власти, защищая необходимость ея для освобожденія страны отъ чудовищной эксплуатаціи человѣка человѣкомъ. Несмотря на то, я увѣренъ, что онъ никогда не отказался бы способствовать освобожденію крестьянъ, еслибы правительство рѣшительно того пожелало. Иногда же, съ обыкновенною своею мягкостью и добротою, онъ подсмѣивался надъ моимъ рвеніемъ въ пользу крестьянъ. «Въ вашихъ глазахъ, говорилъ онъ мнѣ, всѣ рабы святые, а ихъ владѣтели тираны». «Почти такъ, отвѣчалъ я ему серьезно» (Иконниковъ, 236). Сообразно этому Мордвиновъ неоднократно высказывался въ пользу преобладанія крупнаго землевладѣнія, а въ проектѣ выборнаго сената доказывалъ, что «права политическія должны быть основаны на знатномъ сословіи» (59). Что же касается до вышенапечатанныхъ курсивомъ словъ Тургенева, то эта благодушная увѣренность ни на чемъ не основана, потому что правительства Александра и Николая не разъ рѣшительно желали освобожденія и Морвиновъ всегда являлся однимъ изъ тормазовъ благихъ намѣреній правительства.

Дѣятельность его представляетъ любопытнѣйшую иллюстрацію къ европейскимъ политическимъ и особенно экономическимъ ученіямъ конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія. На эти ученія часто жаловались и жалуется, что они при всемъ своемъ либерализмѣ отдають низшія рабочія классы общества въ полную зависимость землевладѣльцамъ и капиталистамъ. Сторонники ихъ отвѣчали и отвѣчаютъ, что они стоятъ за личный интересъ безъ различія общественныхъ положеній и за свободу всѣхъ и cadaго. Оно такъ и есть въ дѣйствительности. Но противники этихъ доктринъ не безъ основанія и не безъ усилія доказываютъ, что онѣ, эти доктрины, только потому такъ преисполнены уваженія къ свободному промышленному прогрессу, что зависимость рабочихъ классовъ уже и безъ всякой регламентаціи достаточно прочно обезпечена—обезземеленіемъ крестьянъ, распа-

деніемъ средневѣковыхъ общественныхъ группъ, распредѣленіемъ капиталовъ и рабочихъ силъ. И дѣйствительно мы видимъ, что когда эти доктрины попадаютъ къ намъ въ Россію, въ страну, бѣдную капиталами и не представляющую тѣхъ гарантій *свободной зависимости*, какія имѣются въ Европѣ, то не измѣняя себѣ на другихъ пунктахъ ни на волосъ, они рѣшительно ставятся на сторону *зависимости крѣпостной*. Faute de mieux, они не гнушаются и ненавистнымъ имъ въ принципѣ формальнымъ рабствомъ. Это—явленіе, глубоко поучительное.

Оно имѣетъ свои параллели. Мы видѣли, что и крѣпостники, и аболиціонисты, отчасти безмолвно, а отчасти прямо, отвергли екатерининскую постановку вопроса о вредѣ общиннаго землевладѣнія. Они подставили вмѣсто него вопросъ о крѣпостномъ правѣ и направили свои изслѣдованія на этотъ пунктъ. Исторія очень похожая на эту случилась и еще разъ, при императорѣ Александрѣ I. Въ 1810 г., вольное экономическое общество поставило задачу: «Изыскать средства, чтобы для казенныхъ или помѣщичьихъ крестьянъ распредѣлить участки земли, имъ принадлежащія, такъ, чтобы каждый крестьянинъ имѣлъ въ одномъ мѣстѣ всю пашенную и сѣнокосную землю, и чтобы чрезполоснаго между крестьянами одного селенія ни въ пашняхъ ни въ покосахъ владѣнія не было». (Ходневъ. Исторія В. Э. О., 449). Въ слѣдующемъ году тверской помѣщикъ Зубовъ прислалъ разсужденіе на заданную тему. Отъ предлагалъ уничтожить общину и передѣлы, для чего рекомендовалъ: 1) раздѣлить и пашенныя земли, и покосы во всю длину полей, начиная отъ гумениковъ, для каждаго дома, 2) участки эти предоставить въ полную собственность крестьянамъ, 3) позволить крестьянамъ продавать другъ другу эти земли, платя при этомъ пошлину въ пользу селеній, 4) государственныя повинности взимать съ крестьянъ по количеству земли, 5) что касается количества земли для помѣщичьихъ крестьянъ, то Зубовъ отводилъ имъ 4—5 десятинъ на душу, а остальную землю представлялъ въ пользу помѣщиковъ. Записка эта вмѣстѣ съ разборомъ ея, составленнымъ членомъ общества Дурасовымъ, была напечатана въ «Тру-

дахъ». Членъ общества, сенаторъ П. И. Сумароковъ, торжественно вручилъ президенту книжку «Трудовъ», въ которой были напечатаны статьи Зубова и Дурасова, объявляя, что послѣднія «противны общиму государственнымъ установленіямъ». Въ то же время поступили письменныя заявленія членовъ Галинскаго и Пошмана, въ которыхъ доказывалось: «Предположеніе Зубова и возраженіе на него Дурасова заключаютъ въ себѣ постановленія, клонящіяся къ нарушенію законовъ и къ лишенію дворянъ собственности, потому что Зубовъ предполагаетъ утвердить участки земли нѣ незыблемую собственность крестьянамъ, и потому что въ циркулярномъ предписаніи министра внутреннихъ дѣлъ отъ 10-іюня 1820 г. предписано начальникамъ губерній, что бы всѣ повиновались порядку, установленному законами, и что бы никто не покушался предпринимать что-либо вопреки законовъ. Между тѣмъ изъ предположенія Зубова злонамѣренные люди могутъ имѣть поводъ къ распространенію несовѣстныхъ толковъ». На этомъ основаніи Пошманъ и Галинскій требовали исключенія статей Зубова и Дурасова. Послѣ долгихъ объясненій собраніе, большинствомъ всего одинадцати голосовъ противъ десяти постановило не исключать заподозрѣнныхъ статей.

Изъ этого видно, какъ трудно было при существованіи крѣпостнаго права затрогивать вопросъ о формахъ крестьянскаго землевладѣнія, не касаясь самого этого права. Крѣпостники зорко слѣдили за всѣми подобными попытками, видя въ нихъ намекъ на ущербъ своимъ правамъ. Аболиціонисты въ свою очередь отъ отрицанія общины неизбѣжно приходили къ освобожденію крестьянъ. Только люди въ родѣ Мордвинова, проникнутые *интимнымъ* духомъ европейскихъ буржуазныхъ теорій, осмѣливались говорить, что община не даетъ простора свободѣ и личнымъ интересамъ крестьянъ, и въ то же время закрывали глаза на вліяніе помѣщичьей власти. Въ настоящее время, съ паденіемъ крѣпостнаго права всѣ условія нашей хозяйственной жизни измѣнились въ самомъ корнѣ. Откуда взять фразасейскихъ мастеровъ для современнаго крѣпостника — неграмматическаго человѣка, и доступныхъ по денежному капиталу помѣ-

щика работниковъ для современнаго либерала — Мордвнова? Откуда ихъ взять, когда крестьянинъ сидитъ на своей землѣ и когда онъ даже не можетъ ее оставить тамъ, гдѣ существуетъ общинное землевладѣніе? Мы видимъ, что вопросъ этотъ серьезно беспокоитъ нашихъ крѣпостниковъ и нашихъ либераловъ. Всѣ они, забывъ старыя принципиальныя распри, стоятъ на указанной еще Мордвиновымъ «свободѣ отъ земли» и доказываютъ, что община держитъ крестьянина въ зависимости и не даетъ простора его личному интересу, единственному вѣрному залогу экономического преуспѣянія. Заручившись репутаціей благонамѣренности, они охотно примѣшиваютъ въ свои разсужденія гимны священному праву собственности, которому угрожаютъ будто какіе-то утопическіе планы, связанныя съ существованіемъ общиннаго владѣнія земель. Къ счастью правительство не пугается этихъ разсужденій и до сихъ поръ относится осторожно къ коренному вопросу крестьянской жизни. Такъ еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ, нѣкоторыя земскія собранія, въ видахъ улучшенія крестьянскаго хозяйства, признали необходимость ходатайствовать предъ правительствомъ объ облегченіи перехода отъ общиннаго пользованія землей къ подворному, предоставленіемъ каждому домохозяину права требовать отъ общества выдѣла ему поземельнаго участка. Теперь «Московскія Вѣдомости» сообщаютъ, что этотъ вопросъ, по обсужденію въ министерствахъ внутреннхъ дѣлъ и финансовъ, признанъ общегосударственнымъ, и министерства не нашли возможнымъ разрѣшить его въ томъ или другомъ смыслѣ на основаніи представленныхъ ходатайствъ. Но такъ какъ во всѣхъ почти губерніяхъ есть общества, уже раздѣлившія свои общинныя земли на подворные участки, то признано полезнымъ прежде разрѣшенія этого вопроса, собрать свѣденія только въ какой губерніи крестьяне раздѣлили свои общинныя земли и какое вліяніе имѣла эта мѣра на хозяйство крестьянъ, улучшеніе ихъ быта и исправность въ платежѣ денежныхъ повинностей.

Было бы желательно, чтобы собранныя такимъ образомъ свѣденія были взвѣшены самымъ тщательнымъ образомъ. Въ жур-

налахъ пятидесятихъ и шестидесятихъ годовъ найдется цѣлый громадный арсеналъ соображеній за и противъ общины. Остается только ихъ приложить къ новымъ фактамъ. Рекомендую читателю одинъ таковой трудъ молодого русскаго ученаго—надѣлавшій нѣкотораго шума въ Москвѣ это диссертацию г. Посникова «Общинное землевладѣнiе». Точка зрѣнiя автора весьма замѣчательна. Прежде разсмотрѣнiя достоинствъ и недостатковъ общиннаго землевладѣнiя, онъ задается вопросомъ; почему оно нынѣ подвергается такимъ усиленнымъ нападкамъ? Онъ отвѣчаетъ такъ: съ паденiемъ крупностаго права мы стали на рубежѣ, отдѣляющемъ старый хозяйственный строй отъ новаго. Старыя формы жизни еще не окончательно вымерли, но должны вымереть, потому что противорѣчатъ возникающему экономическому строю, существующему въ Европѣ и извѣстному подъ названiемъ капиталистической формы производства. Форма эта однако можетъ существовать только при наличности наемныхъ работниковъ, опредѣленнаго класса людей, не владѣющихъ ничѣмъ кромѣ рабочей силы. А ихъ то у насъ и нѣтъ. Кругомъ жалуются на недостатокъ рабочихъ, на отсутствiе рукъ. Жалобы эти и справедливы, и несправедливы. Несправедливы, потому что нельзя же сказать, что русскiй народъ мало работаетъ, но справедливы въ томъ смыслѣ, что нѣтъ класса наемныхъ рабочихъ. Нанимать приходится только тѣхъ, кто не можетъ прокормиться на отведенномъ ему надѣлѣ или чьи платежи несоотвѣтствуютъ доходу отъ земли. Но эти люди все-таки имѣютъ нѣчто кромѣ рабочей силы; они въ крайнемъ случаѣ имѣютъ убѣжище въ своемъ участкѣ и слѣдовательно не находятся въ достаточной зависимости отъ нанимателя. Наниматели поэтому обращаются къ правительству съ требованiемъ установленiя извѣстныхъ искусственныхъ отношенiй, строгихъ мѣръ противъ отказывающихся отъ работы, введенiя рабочихъ книжекъ, запрещенiя стачекъ и проч. Но это во-первыхъ мѣры частныя, а во-вторыхъ онѣ вовсе не соотвѣтствуютъ духу возникающаго хозяйства. Онѣ ему столь же противорѣчатъ, какъ крупностаго право либеральнымъ стремленiямъ Мордвинова, и допускаются

только подь давленіемъ условій, какъ это всегда бываетъ при возникновеніи новыхъ формъ хозяйства. Главныя же усилія нанимателей направлены на выдѣленіе изъ массы крестьянъ группы «свободныхъ отъ земли» рабочихъ, а для этого должна быть разрушена община. Отсюда всѣ толки о «патріархальной формѣ быта», о «рабской зависимости лица отъ произвола общины», о «насильномъ прикрѣпленіи къ землѣ, и т. п. При этомъ указываются и нѣкоторые дѣйствительно поразительные примѣры, какимъ тяжелымъ бременемъ ложится иногда на крестьянъ владѣніе общинной землей. Въ докладѣ комиссіи 1873 г. приведено свидѣтельство, что бытъ крестьянъ Петербургской губерніи «можетъ быть даже улучшится, если будетъ отнять у нихъ ихъ земельный надѣлъ. Этотъ надѣлъ является источникомъ повинностей, многоразличныхъ обязательствъ, а не обезпеченія быта. Тутъ вопросъ въ томъ, что выгоднѣе: имѣть ли право потомственного пользованія землей и отправлять лежащія на ней повинности, или отказаться отъ этого права и не нести соответственныхъ повинностей. Дѣйствительно, право пользованія землей весьма важно, но сколько за него приходится платить—это даже сказать трудно. Выкупная ссуда здѣсь превышаетъ доходъ, который крестьяне извлекаютъ изъ земельного надѣла, такъ что слѣдовало бы сбавить до 40% и тогда только можно бы было говорить о томъ, обезпечены ли будутъ крестьяне или нѣтъ». Конечно подобныя явленія не могутъ быть поставлены въ счетъ собственно формы землевладѣнія. Какъ бы то ни было, но онѣ ведутъ къ тому, что многіе бросаютъ земли и идутъ въ наемныя рабочіе. Но это все-таки процессъ медленный и частичный. Цѣлесообразнѣе раздѣлъ общинныхъ земель. Мотивы этого рода домогательствъ очень откровенно высказаны однимъ изъ свидѣтелей въ комиссіи 1873 г.: «Одни землевладѣльцы указываютъ на пьянство и распущенность, какъ на главную причину неурядицы, другіе на отсутствіе власти, третьи сулятъ что все это снимется какъ рукой распространеніемъ образованія и т. д. По моему убѣжденію все это справедливо: всѣ мѣры противъ пьянства, невѣжества и т. д. будутъ очень полезны, но онѣ все-

таки не болѣе, какъ пальятивы, потому что причины эти чисто второстепенныя. Для того, чтобы рабочіе были хороши, никакихъ регламентацій недостаточно, для этого нужно, чтобы они дорожили своими мѣстами, для чего въ свою очередь необходимо прежде всего, *чтобы у нихъ не было своихъ собственныхъ хозяйствъ*; иначе рабочіе будутъ всегда временными, случайными. *Этотъ вопросъ не можетъ быть радикально разрѣшенъ, не задѣвая самыхъ основъ Положенія 1851 года*.

Итакъ мотивы противниковъ общины ясны. Мордвиновъ въ свое время требовалъ сохраненія крѣпостнаго права, нынѣшніе либералы требуютъ испроверженія «самыхъ основъ» Положенія 19-го февраля. И тотъ и другіе имѣютъ въ виду необходимость наемныхъ рабочихъ, дорожащихъ своимъ мѣстомъ. Не лишено это обстоятельство и принципіальнаго значенія. Пѣвцы священнаго права собственности, старающіеся залугать социализмомъ, который, дескать, похеритъ личную собственность, направляютъ свои усилія къ тому, чтобы «у крестьянъ не было своихъ собственныхъ хозяйствъ», т. е. чтобы лишить ихъ собственности. Но очевидно, что съ наступленіемъ такого порядка вещей общинная зависимость смѣнится зависимостью отъ нанимателя, а интересъ наемнаго работника не оставитъ особенно сильнаго стимула, по крайней мѣрѣ онъ не будетъ личнымъ.

Для оцѣнки однако этого стимула г. Посниковъ употребляетъ другой, оригинальный пріемъ. Говорятъ, что частная собственность есть сильнѣйшій двигатель производства, что только онъ можетъ побуждать къ улучшеніямъ въ сельскомъ хозяйствѣ. При этомъ, какъ на образецъ, часто указываютъ на Англію съ ея высокимъ уровнемъ культуры. Авторъ и беретъ Англію и разсматриваетъ, чему собственно она обязана своею высокою степенью сельскаго хозяйства. Оказывается, что съ точки зрѣнія частной собственности, какъ экономическаго двигателя, англійскіе порядки отнюдь не могутъ быть противопоставляемы, какъ это обыкновенно дѣлается, общинному землевладѣнію. Ибо все, что сдѣлано въ Англіи, сдѣлано не безусловными собственниками, а срочными владѣльцами—фермерами и съ помощью правительства.

Собственники только присутствовали при томъ, какъ арендаторы, несмотря даже на краткосрочность аренды, возводили здания и вводили всевозможныя улучшения. Развитие этой мысли составляет главную задачу первого выпуска труда г. Посникова (въ слѣдующемъ выпускѣ авторъ обѣщаетъ рассмотреть вопросы о принудительной обработкѣ полей, о дробимости земли и чрезнадосности). Отсюда онъ переходитъ къ передѣламъ великорусской общины и доказываетъ, что передѣлы эти, будучи явленіями одного порядка со сроками аренды въ Англии, не могутъ помѣшать развитію сельскаго хозяйства и у насъ. Онъ говоритъ только, что сроки передѣловъ, каковы бы они ни были, должны быть строго опредѣлены, примѣняясь къ существующимъ на этотъ счетъ обычаямъ. Другое требованіе состоитъ въ выработкѣ условій вознагражденія за сдѣланныя въ промежуткѣ между двумя передѣлами улучшеній.

И такъ кромѣ хозяйства, основаннаго на всеобщемъ безиравіи, и кромѣ хозяйства, основаннаго на *свободной зависимости* наемныхъ рабочихъ, возможенъ высокій уровень хозяйства общиннаго, гарантирующаго крестьянамъ ихъ священное право собственности. Устами г. Посникова говоритъ наука...

XV. *).

Похороны В. С. Курочкина.

18-го августа, часовъ въ 10 утра, я стоялъ у подъѣзда дома Овсянникова на Фурштатской улицѣ. Насъ было нѣсколько человѣкъ. Мы ждали выноса тѣла Василия Степановича Курочкина. Этотъ веселый человѣкъ лежалъ въ гробу... Утро было хорошее, теплое. У подъѣзда останавливались мимоходящіе: кухарка съ корзиной, изъ которой торчали голова курицы и пучекъ моркови, вышившій спозаранку мастеровой, старушка съ ридикю-

*) 1875, сентябрь.

лемъ. Швейцаръ суетился на ступенькахъ подъѣзда. Факельщики въ траурныхъ шинеляхъ равнодушно подергивали траурныя покрышки траурныхъ клячъ и лѣнливо перебранивалсь. Траурныя клячи поводили ушами. Все это наводило тоску. Но внутри, въ квартирѣ, было разумѣется еще тоскливѣе, и я остался на улицѣ. Вотъ показалсь нѣвчѣе въ извѣстномъ порядкѣ: дисканты впереди, быкообразныя басы, гудящiе себѣ въ бороду,—сади. Вотъ вышли священники, вотъ вынесли гробъ, вотъ поставили его на катафалкъ, и процессiя двинулась къ Волкову кладбищу.

Когда мы нѣсколько отошли отъ дому и кухарка съ пучкомъ моркови, старушка съ рндикюлемъ, подвыпившiй мастеровой и прочiй мимоходящiй людъ разошелся по своимъ дѣламъ, я оглянулся: насъ, пришедшихъ проводить Курочкина туда, идѣже нѣсть болѣзнь, ни печаль, ни воздыханiя, но нѣтъ также ни пѣсни, ни театра, ни литературы — насъ было три-четыре десятка человекъ! Это было поразительно. Тридцать, сорокъ человекъ шло за гробомъ человекъ, который какихъ-нибудь пятнадцать лѣтъ тому назадъ былъ однимъ изъ самыхъ популярныхъ людей въ Россiи, журнала котораго боялись, стихи котораго выдержали не одно изданiе... Не я одинъ былъ пораженъ этой малочисленностью печальнаго кортежа. Я слышалъ, какъ объ этомъ говорили кругомъ. Одни говорили, что объявленiя о смерти Курочкина были поздно напечатаны и дурно расположены. Другiе говорили, что не кончился еще лѣтнiй сезонъ, и Петербургъ не весь на лицо. Третьи говорили, что

Бывали хуже времена,
Но не было подлѣй..

Я думаю, что правы и тѣ, и другiе, и третьи, но что есть и еще причины малаго сочувствiя, выраженнаго покойнику обществомъ.

На могилѣ г. Полетика сказалъ рѣчь. Онъ хорошо говоритъ, господняъ Полетика, гладко говоритъ. Но я бы могъ сказать многое по поводу его рѣчи. Скажу немногое. Не изъ особеннаго

желанія полемизировать, а просто для исправленія одной рѣзко невѣрной мысли оратора. Между прочимъ онъ сказалъ приблизительно такъ: «почему не остановились вы на первыхъ же шагахъ по избранному вами тернистому пути? (ораторъ обращался къ трупу), чтó побуждало васъ идти по немъ до могилы? Талантъ вашъ. Не въ вашей волѣ, не въ вашихъ силахъ было остановиться. Талантъ вашъ толкалъ васъ впередъ и, за этотъ даръ Божій, вы заплатили земными скорбями».

Красиво сказалъ это г. Полетика. Но неправду сказалъ. За талантъ не платятъ скорбями. И г. Рубинштейнъ—талантъ, и г. Тургеневъ—талантъ, и много есть другихъ людей, которые не платятъ за свой талантъ тѣми земными скорбями, о которыхъ говорилъ г. Полетика: тяжестью поденнаго труда, необезпеченнымъ завтрашнимъ днемъ, оставленіемъ при переселеніи на тотъ свѣтъ семьи безъ куска хлѣба. Этимъ Курочкинъ расплачивался не за талантъ свой, а за нѣчто другое. Г. Полетика вѣдь тоже талантъ, ораторскій, и однако онъ не расплачивается за даръ Божій земными скорбями, т. е. опять-таки тѣми скорбями, о которыхъ онъ говорилъ на могилѣ Курочкина. Гемороемъ и Weltschmerz'омъ онъ можетъ быть и страдаетъ. Если бы однако г. Полетика утилизировалъ свой талантъ только на могилахъ и притомъ людей въ родѣ Курочкина, а не на обѣдахъ и притомъ людей въ родѣ г. Кокорева, и не на сѣздахъ машиностроителей (покойный Курочкинъ дѣлалъ изъ этого слова очень забавный каламбуръ), то онъ можетъ быть и не обошелся бы безъ кое-какихъ земныхъ скорбей. Самъ по себѣ талантъ есть всегда орудіе личнаго успѣха. Но его можно направить и вправо и влѣво, и впередъ, и назадъ. Талантъ есть такая же грубая стихійная сила, какъ сила пара, двигающая поѣзды изъ Петербурга въ Москву и изъ Москвы въ Петербургъ, смотря по распоряженію администраціи николаевской дороги. Талантъ отчасти опредѣляетъ родъ дѣятельности человѣка, заставляетъ одного говорить рѣчи, другого пѣть пѣсни, третьяго писать картины. Но не талантомъ опредѣляется содержаніе рѣчей, пѣсень и картинъ; не онъ толкаетъ людей къ тому или другому идеалу,

не онъ ведетъ ихъ по жизненнымъ путямъ, усѣяннымъ то терніемъ, то розами безъ шиповъ. И еслибы къ моей гортани былъ привѣшанъ языкъ г. Полетики, я говорилъ бы на могилѣ Курочкина не о талантѣ покойника, а о той нравственной искрѣ Божіей, которая дѣйствительно толкала его на тернистый путь жизни изо дня въ день и за которую онъ дѣйствительно заплатилъ скорбями. Велка сила этой искры Божіей: она гнетъ талантъ въ три погибели, дѣлаетъ изъ него послушнаго раба своего, выжигаетъ изъ памяти всѣ противныя ей сочетанія звуковъ, красокъ, словъ. И всѣ поклоняются этой силѣ, потому что это не будетъ идолопоклонствомъ. А снимать шапку передъ талантомъ—все равно, что снимать ее передъ Монбланомъ, передъ грозой, передъ розой, передъ соловьемъ, передъ красными прыжками красавца тигра.

Талантъ Курочкина былъ, если можно такъ выразиться, хорошей. Этимъ я отнюдь не думаю умалять значеніе его таланта, я хочу только характеризовать его. Поясню свою мысль мыслями покойника. Онъ никогда не могъ забыть блестящей поры «Искры» и до конца дней своихъ мечталъ о собственной газетѣ. Еще недѣли за полторы до смерти онъ развивалъ мнѣ одинъ изъ такихъ плановъ. Онъ перебиралъ между прочимъ разныхъ, болѣе или менѣе видныхъ дѣятелей нашей журналистики и сортировалъ ихъ, называя однихъ «газетными людьми», другихъ—не-газетными. Газетнымъ человѣкомъ онъ называлъ такого, который можетъ схватить на лету какой-нибудь даже мелкій фактъ текущей жизни, и придать ему извѣстное общее, типическое освѣщеніе. Газетнымъ людямъ онъ отдавалъ преимущество передъ не-газетными, не ради ихъ какихъ-нибудь особенныхъ достоинствъ, а ради той пользы, которую они могутъ приносить. Но для этого они по мнѣнію Курочкина должны, такъ сказать, рассыпаться. Онъ говорилъ напримѣръ о Щедриныхъ: представьте, что вмѣсто двухъ трехъ листовъ въ мѣсяцъ, посвященныхъ одному какому-нибудь явленію, онъ въ тотъ же срокъ будетъ изо-дня въ день задѣвать въ газетѣ множество фактовъ и мелкихъ и крупныхъ, какіе попадутся; ужъ конечно это бу-

деть выгоднѣе для общества, потому что теперь Щедринъ не имѣеть и десятой доли того вліянія, которое могъ бы имѣть. Въ этомъ есть, я думаю, извѣстная доля правды. Но Курочкинъ упускалъ изъ виду, что далеко не всѣ могутъ такимъ образомъ разсыпаться. Газеты у насъ между прочимъ потому и не имѣють того значенія, какимъ они пользуются въ Европѣ, что у насъ по самымъ условіямъ нашей жизни слишкомъ мало «газетныхъ людей». Таланты наши литературные по бѣльшей части случаевъ имѣють болѣе или менѣе рѣзко сильный характеръ, вслѣдствіе чего у насъ до сихъ поръ могла удаваться только та форма литературнаго сотрудничества, какую представляетъ толстый журналъ. Толстый журналъ можетъ держаться нѣсколькими заповѣлами, въ которыхъ у насъ никогда не было недостатка; но для газеты требуется хоръ, большой и стройный, въ которомъ должны исчезать и голоса заповѣвалъ. Хорошихъ-то голосовъ у насъ и мало, а это конечно полагаетъ довольно узкія границы вліянію нашихъ періодическихъ изданій. Армія, въ которой есть и генералы, и штабъ и оберъ-офицеры, но почти нѣтъ солдатъ—вотъ что такое большинство русскихъ журналовъ и газетъ. Если это съ одной стороны—богатство, то съ другой—крайняя нищета. Курочкина занимала преимущественно нищенская сторона дѣла. По свидѣтельству людей, знавшихъ Курочкина въ лучшую пору «Искры», онъ былъ положительно душой газеты, настоящимъ, дѣятельнымъ ея организаторомъ, собиравшимъ и распредѣлявшимъ подходящія силы. Несмотря на все свое авторское самолюбіе, онъ топилъ свой талантъ въ дѣлѣ газеты: здѣсь давалъ мысль, предоставляя выработку формы другимъ, тамъ бралъ на себя только форму, и я думаю, что весьма трудно было-бы опредѣлить, что именно принадлежало въ «Искрѣ» Курочкину и что другимъ. Онъ и создавалъ, и вербовалъ солдатъ, и самъ исполнялъ невидную солдатскую работу. Въ этомъ состояла вся его самостоятельная литературная дѣятельность; внѣ «Искры» онъ былъ только талантливый переводчикъ Беранже. Онъ вполне отвѣчалъ своему собственному идеалу газетнаго человѣка. Я не думаю, чтобы бле-

стоящая пора «Искры», даже при вполне благоприятных условиях, могла повториться в жизни Курочкина, но только потому, что жизненные неудачи сильно помяли его, да и годы взяли свое, хоть онъ умеръ далеко не старымъ человѣкомъ: 42-хъ лѣтъ. Идеаль же газетнаго человѣка оставался для него до самой смерти все тотъ же. Въ идеаль этотъ входилъ такой видъ самоотверженія и преданности идеѣ, отсутствіе котораго въ писателѣ вполне извинительно. Въ самомъ дѣлѣ, обрекая себя на газетную дѣятельность, какъ ее понималъ Курочкинъ, человѣкъ въ первыхъ рискуетъ остаться всю жизнь невиднымъ, никому неизвѣстнымъ работникомъ, утонуть въ псевдонимъ и анонимъ. А извѣстность для писателя дѣло заманчивое, да и не для одного писателя. Есть вообще не мало (относительно, а абсолютно конечно очень мало) людей, готовыхъ претерпѣть за дорогое дѣло всяческія гоненія, даже пожалуй хотъ умереть, но съ условіемъ чтобы міръ зналъ, что такой-то за то то претерпѣлъ гоненія и умеръ. Но извѣстность еще куда ни шло. Самоотреченіе настоящаго газетнаго человѣка этимъ не ограничивается. Онъ долженъ отказаться отъ личныхъ вкусовъ и желаній. Передъ нимъ мелькаетъ пестрый рядъ явленій, и онъ не имѣетъ права выбирать, заспживаться надъ тѣмъ, что его особенно заняло, потому что въ его распоряженіи всего нѣсколько десятковъ строкъ и нѣсколько дней, можетъ быть часовъ, даже минутъ времени. Для него въ буквальномъ смыслѣ долѣтъ днѣви злоба его Газетный человѣкъ прикованъ къ дню, можно сказать, распятъ на днѣ. И что получаетъ онъ за эту ваторжную работу? Хлѣбъ пасущій («днесь», а завтрашній кусокъ будетъ завтра и заработанъ) и сознаніе, что онъ — полезный и вѣрный слуга общества, вѣрно, по его убѣжденію направляющій свѣтъ фонаря критики на дебютъ г-жи Савиной, на взятіе Хивы, на самарскій голодъ, на герцеговинское возстаніе, на постройку Литейнаго моста, на дебаты съѣзда машиностроителей, на дебаты французскаго національнаго собранія, на дебаты петербургскаго дворянскаго собранія, на спекуляцію выигрышными билетами, на манію самоубійствъ, на процессъ Овсянникова и проч. и проч. Это

сознаніе есть единственное нравственное удовлетвореніе газетнаго человѣка. Того удовлетворенія, которое дается процессомъ творчества, онъ никогда не получитъ, потому что не создастъ ничего крупнаго и никакого личнаго слѣда по себѣ не оставитъ. Онъ можетъ только, дѣляясь за шероховатости текущей жизни, изо дня въ день, капля по каплѣ, вливать въ общественное сознаніе истину и справедливость, какъ онѣ ему представляются.

Курочкинъ могъ находить удовлетвореніе въ такой дѣятельности и принялъ всѣ связанныя съ нею скорби. Поэтому я и назвалъ его талантъ хоровымъ. Но какъ же бы онъ удивился, еслибы могъ слышать изъ своей могилы рѣчь г. Полетники! Замяннившему въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» Курочкина, воскресному фельетонисту г. Рды Слово Твердо, кто-то говорилъ на похоронахъ, что тенденція заѣла талантъ покойника, ибо талантъ шире тенденціи. Послѣдняго я не понимаю, какъ не понялъ бы положенія, что пудъ длиннѣе аршина. На счетъ же таланта Курочкина, сѣдѣннаго тенденціей, скажу слѣдующее: ораторъ, пускающій свой талантъ всюду, гдѣ только есть физическая возможность говорить, обладаетъ можетъ быть очень широкимъ талантомъ, но онъ есть не общественный дѣятель, а говорильщикъ. Курочкинъ, еслибы онъ швырялъ точно также свой талантъ направо и налево, былъ бы рюмоплетомъ и зубоскаломъ, а не сатирическимъ писателемъ и газетнымъ человѣкомъ. Это такъ же вѣрно, какъ то, что женщина, раздающая свои ласки направо и налево, имѣя можетъ быть очень широкое сердце, есть только проститутка. Не ясно ли, что не талантъ толкалъ Курочкина на избранный имъ путь и что не за талантъ расплачивался онъ земными скорбями?

Какъ бы то ни было, онъ расплатился. Судьба въ послѣдній разъ явилась къ нему съ исполнительнымъ листомъ, нанесла ему послѣднюю обиду, приславъ на похороны три-четыре десятка человѣкъ, почти исключительно писателей. Общество, то самое общество, которому вѣрой и правдой служилъ Курочкинъ, служеніе которому носилось передъ нимъ даже въ самыхъ пылкихъ его мечтахъ,—блистало своимъ отсутствіемъ.

Стоитъ ли умирать послѣ этого? Гейне сравниваетъ гдѣ-то, не помню, себя или вообще поэта съ виноградной лозой, которая родила много гроздьевъ, изъ гроздьевъ сдѣлано было много вина, и вино это бродитъ въ головахъ людей веселить ихъ, а старая лоза, всѣми забытая, посохла. Гейне кокетничалъ, сравнивая себя съ этой лозой, но Курочкинъ въ самомъ дѣлѣ похожъ на нее. Я помню похороны Помяловскаго, значеніе котораго разумѣется ничтожно сравнительно съ значеніемъ Курочкина а между тѣмъ за его гробомъ шла толпа народу. Положимъ, что въ Помяловскомъ хоронили надежду и чтили ее, но развѣ заслуга менѣе надежды требуетъ почести? А въ заслугѣ Курочкина могутъ сомнѣваться только тѣ, кто не видятъ заслуги въ его родѣ дѣятельности вообще. Но дѣло въ томъ, что заслуга Курочкина впервыхъ давишняя,—онъ много лѣтъ передъ смертью молчалъ; а вовторыхъ его заслуга—«газетная», невинная, неосязаемая, все равно какъ заслуга лозы въ веселомъ расположеніи духа, произведенномъ стаканомъ шампанскаго: сокъ многихъ гроздьевъ съ многихъ лозъ смѣшался въ этомъ стаканѣ; кто разберетъ, кто станетъ разбирать, какова тутъ доля участія такой-то лозы? Но не только въ Курочкинѣ и родѣ его дѣятельности лежатъ причины скудости сопровождавшаго его гробъ шествія. Провожатые Курочкина въ страну небытія ходили на «литераторскіе» мостки. Такъ официально называются мостки, ведущіе къ могиламъ Бѣлинскаго, Добролюбова, Писарева, Ножина, Рѣшетникова. Мы любовались жалкой плитой, придавившей собой остатки Писарева, и еще болѣе жалкимъ, желтымъ, вохрой вымазаннымъ крестомъ, стоящимъ на могилѣ Рѣшетникова. Разговоры были все похоронные. Вспоминали шумныя демонстраціи, рѣчи и проч, сопровождавшія еще не очень давно похороны тружениковъ печати. Дѣ, то было время, а теперь другое. То было время, когда даже смерть писателя, даже его трупъ, бездыханный, бессмысленный, съ провалившимися глазами и уже смердящій—словомъ, совсѣмъ охваченный тлѣніемъ, еще служилъ тѣмъ нетлѣннымъ вещамъ, которымъ служилъ писатель и при жизни. Я опять-таки вспоминаю похороны Помя-

ловскаго. Я живо помню и свое собственное настроеніе, и настроеніе окружающихъ, насколько я тогда умѣлъ наблюдать. Мы не голый обрядъ совершали, не формальное только богослуженіе, мы дѣйствительно служили Богу истины и справедливости. Это было настоящее священнодѣйствіе... Подождите умирать, крупные и мелкіе, видные и невидные генералы и солдаты арміи литературы! Преданные наукѣ люди завѣщаютъ иногда свои скелеты ученымъ учрежденіямъ. Завѣщайте и вы свои трупы на тѣ цѣли, которыя вамъ были дороги въ жизни. Теперь ваше завѣщаніе не будетъ исполнено. Теперь васъ придутъ проводить полсотни такихъ же работниковъ, какъ вы, и на могилѣ вашей спеціалистъ-ораторъ помянетъ въ рѣчи не то, что вамъ было дороже всего, а только талантъ вашъ, какъ будто между вами и талантливымъ цимбалистомъ Беркой Свердловымъ нѣтъ никакой разницы. И найдется еще пожалуй добрый человекъ, который поскорбитъ о васъ, пожалѣетъ, что вы вели себя не какъ широкосердная, бездушная, похотливая царица Тамара, къ которой, не обнявша, шли «воинъ, купецъ и пастухъ». Добрый человекъ съ самымъ доброжелательнымъ видомъ плюнетъ намъ прямо въ сердце...

Будетъ хныкать. Эта глава не въ счетъ, читатель. Ей собственно не мѣсто въ запискахъ профана. Ее спеціалистъ писалъ, тоже труженникъ печати, который можетъ быть и преувеличиваетъ значеніе своей специальности. Можетъ быть... можетъ быть вы скажете: наплевать.... Можетъ быть вы будете правы...

XVI.

Мнѣнія одного Леонарда и трехъ ученыхъ о женскомъ вопросѣ и о прогрессѣ.

Одинъ неблагоклонный, но и не чрезмѣрно сообразительный критикъ одной очень хорошей провинціальной газеты, замѣтилъ, что мои выводы и соображенія бывають «болѣе или менѣе

остроумны, но всегда двусмысленны и болѣе чѣмъ смѣлы». Остроуміе и двусмысленность меня не занимаютъ; но болѣе чѣмъ смѣлость? Не значить ли это трусость? Но мнѣ вѣдь и бояться нечего. Я гарантированъ своимъ титуломъ профана отъ всякихъ нападокъ. Пусть придетъ звѣзда какой угодно величины, сіяющая на небосклонѣ науки, философіи, критики ярче алмазовъ и перловъ; пусть она мнѣ скажетъ, что я говорю вздоръ. Я попрошу объясненія и доказательствъ. Если звѣзда мнѣ ихъ дастъ, я скажу: да, я говорилъ вздоръ и благодарю за наставленіе на путь истинны и добра. И звѣзда должна будетъ благосклонно улыбнуться, ибо ей и дѣлать больше ничего не останется. Я до такой степени убѣжденъ въ непрístupности моего положенія, что считаю всѣхъ моихъ неблагосклонныхъ критиковъ людьми несообразительными. Какова бы ни была величественность ихъ аллюровъ, какъ бы ни старались они придать себѣ нѣкоторую звѣздообразность, я думаю себѣ: шалишь! звѣзда со мной такъ говорить не станетъ; звѣзда понимаетъ, что повинную голову мечъ не сѣчетъ; звѣзда великодушна, а ты просто на просто несообразительный человѣкъ.

И однако въ эту минуту я трушу, потому что собираюсь писать о разныхъ вещахъ, прикосновенныхъ къ «женскому вопросу». Это въ самомъ дѣлѣ страшно. Объ астрономіи не страшно, о философіи исторіи не страшно, о политикѣ не страшно, а объ женскомъ вопросѣ страшно. Очень ужъ много по этому вопросу специалистовъ: въ первыхъ всѣ женщины, во вторыхъ всѣ мужчины, въ третьихъ всѣ романисты, въ четвертыхъ всѣ литературные критики, въ пятыхъ... да всѣхъ и не перечесть. Еще не такъ давно, даже очень недавно, этотъ вопросъ примиривалъ надъ всѣми общественными вопросами. Если вы хотѣли заслужить популярность среди молодежи, вы обращались къ женскому вопросу, говорили о правахъ женщины, о женскомъ трудѣ, о свободѣ женщины,—и молодая сердца сочувственно отъливались вамъ. Если вы хотѣли заслужить лестное мнѣніе людей солидныхъ, вы обращались къ женскому вопросу, говорили о святости семьи, о высокомъ назначеніи жены и матери. Если вы желали

добиться благосклонности людей ультра-солидныхъ, вы все-таки обращались къ женскому вопросу и рассказывали сальные анекдоты о нигилистахъ,—и глаза ультра-солидныхъ людей покрывались масломъ, они сочувственно хихикали, потряхивая разслабленными колѣнами. Если вы хотѣли тронуть дамскія сердца, вы писали повѣсть во вкусъ Тургенева, гдѣ въ вѣчную проблему любви старались подставить новыя комбинаціи. Словомъ женскій вопросъ въ томъ или другомъ видѣ, въ томъ или другомъ рѣшеніи, былъ станціей на пути успѣха въ жизни. Но и помимо успѣха въ жизни мы самымъ усиленнымъ образомъ пережевывали женскій вопросъ. Я помню наприимѣръ что ему были посвящены и первая, и вторая, и третья, мои печатныя статьи. За свободу женщинъ, за женскій трудъ я стоялъ горой и безусловно безкорыстно. Малый я былъ крайне угрюмый, дамъ и дѣвицъ тщательно обѣгалъ, а что касается собственноженскаго труда, такъ онъ у меня хлѣбъ отбивалъ. Отчего это такъ было, что мы еще на школьной скамейкѣ, еще не разглядѣвъ путемъ ни одной женщины, ломали себѣ головы надъ разрѣшеніемъ женскаго вопроса, я не знаю, но такъ было. Грѣшно впрочемъ сказать, что мы ломали себѣ головы. Рѣшеніе приходило какъ-то само собой, Богъ знаетъ какъ и откуда. Я помню одинъ очень характерный разговоръ, бывший у меня съ покойнымъ авторомъ «Гражданскаго брака», Чернявскимъ, очень умнымъ и талантливымъ молодымъ человѣкомъ, хотя комедія его и не умна, и не талантлива. Мы разговаривали о взглядѣ Прудона на женщинъ. Чернявскій утверждалъ, что Прудонъ былъ навѣрное не счастливъ въ семейной жизни, что этого рода біографическія черты его непременно должны быть найдены, потому что иначе нельзя объяснить въ такомъ человѣкѣ, какъ Прудонъ, несочувствія къ свободѣ и самостоятельности женщины. Года за полтора передъ шумнымъ появленіемъ и быстрымъ фіаско «Гражданскаго брака», я потерялъ Чернявскаго изъ виду и не знаю, что именно повліяло на рѣзкій поворотъ его мыслей о женскомъ вопросѣ. Но упомянутый разговоръ помню очень хорошо. Въ немъ очень характерна увѣренность въ существованіи чисто прак-

тических, ближайших житейских основ мнѣній Прудона. Характерна эта увѣренность потому, что мнѣ тогда былъ, помнится, 21 годъ, Чернявскому 23, и мы были бы поставлены въ очень затруднительное положеніе, еслибы ктонибудь сталъ добиваться—каковы практическія, житейскія, основы нашихъ собственныхъ взглядовъ на положеніе женщины. Безъ сомнѣнія никакихъ такихъ основъ не было. О счастливой или несчастной семейной жизни не могло быть разумѣется и рѣчи, и вообще мы ратовали за свободу, права и самостоятельность женщины совершенно безкорыстно и помимо какихъ бы то ни было опредѣленныхъ толчковъ прагматической жизни. Я полагаю, что женскій вопросъ просто представлялъ удобнѣйшую почву для приложенія несомнѣно ясныхъ идеаловъ свободы того поколѣнія, которое стало молодымъ уже по уничтоженіи крѣпостного права. И безъ сомнѣнія это значеніе въ большей или меньшей степени останется за женскимъ вопросомъ вплоть до того времени, когда онъ перестанетъ быть вопросомъ. Молодежь—всегда молодежь. Въ общемъ, за вычетомъ развѣ нѣкоторыхъ мрачныхъ историческихъ минутъ, она всегда будетъ рваться, хотя бы смутно, къ свѣту и свободѣ, все равно какъ листья растений всегда будутъ новорачиваться къ солнцу. «То кровь кипитъ, то силъ избытокъ». Куда дѣвать эти силы? Если нѣтъ на лицо такой рѣзко опредѣленной и съ молокомъ матери всосанной политической задачи, какая существовала на примѣръ для Инсарова, семья, эта элементарная ячейка общества, сама собой напрашивается стать пробнымъ камнемъ молодыхъ силъ. А трѣгая съ которой бы то ни было стороны семью, вы неизбежно наталкиваетесь на женскій вопросъ. А тутъ еще, какъ разъ въ это время, пробуждаются и крѣпнутъ первые неясные, но настойчивые позывы любви съ ея фізіологической основой. Вы молоды, полны стремленій къ добру и желали бы видѣть смутно витающій передъ вами образъ женщины во всемъ блескѣ вашихъ идеаловъ—свободы, силы, знанія, дѣятельности. Даже когда есть въ наличности другія политическія задачи, другія перспективы, въ концѣ которыхъ горитъ свѣточъ правды, добра и свободы, значеніе

семьи, какъ пробнаго камня молодыхъ силъ, несовсѣмъ исче-
заетъ. Но тутъ за дѣло принимаются главнымъ образомъ сами
женщины. Ужъ тѣмъ самымъ, что онѣ, увлеченныя носящимися
въ нравственной атмосферѣ идеями и чувствами, идутъ по озна-
ченнымъ перспективамъ, онѣ, такъ сказать, дѣлаютъ женскій
вопросъ. Если напримѣръ итальянка сороковыхъ годовъ, про-
ниженная общою ненавистью къ австрійскому владычеству, при-
нимала участіе въ революціонномъ движеніи, она не только спо-
собствовала освобожденію Италіи, но и давала примѣръ поли-
тической дѣятельности женщины.

Но я вамъ расскажу притчу. Одинъ садоводъ былъ въ одинъ
прекрасный день огорченъ появленіемъ множества червей на
своихъ цвѣтахъ. Онъ сталъ ихъ убивать; убивалъ день, два,
три, недѣлю, мѣсяць. Какъ встанетъ, такъ и идетъ истреблять
червей. Черви стали понемножку убивать. Наконецъ наступилъ
еще одинъ прекрасный день, когда садоводъ былъ *огорченъ* совер-
шеннымъ исчезновеніемъ червей. Да, онъ былъ огорченъ. Сначала
ему повезало, что онъ радъ, да и естественно было порадоваться.
Но скоро онъ замѣтилъ, что ему чего-то недостаетъ и недостаетъ
именно сдѣлавшагося для него привычнымъ занятіемъ истреб-
ленія червей. Садоводъ началъ тосковать и, такъ какъ онъ былъ
очень богомоленъ, то скоро сталъ молиться—о ниспосланіи чер-
вей. Садоводъ потому пришелъ къ столь бессмысленной молитвѣ
что специализировалъ истребленіе червей, отдѣлил его отъ благо-
денствія цвѣтовъ Теперь—другая притча. Въ сороковыхъ годахъ
одна итальянка принимала дѣятельное участіе въ тогдашнихъ
политическихъ волненіяхъ. вмѣстѣ съ тѣмъ она много думала
о женскомъ трудѣ и о самостоятельности женщины, что было
вполнѣ естественно, такъ какъ ея политическая дѣятельность
враждебно сталкивалась съ множествомъ предрасудковъ. Долго
свобода Италіи и независимость общественнаго положенія жен-
щины не раздѣлялись для нея, шли рука объ руку. Но тутъ
подоснѣли неудачи 1848—1849 годовъ, движеніе было подавлено,
наступило затишье, полнѣйшая невозможность дѣйствовать. Но
мысль о женскомъ трудѣ и самостоятельности не покидала италъ-

янки. Она искала случая примѣнить ее, занимала разные общественныя должности и между прочимъ весьма добросовѣстно исполняла обязанность—австрійскаго шпіона...

Это—вздоръ, читатель, этого никогда не было, этого даже не могло быть, потому что—замѣчательная особенность женскаго вопроса—онъ никогда не всплываетъ наружу одновременно съ чисто національными политическими движеніями, каковы были большинство итальянскихъ волненій. Достаточно припомнить весь рядъ польскихъ возстаній, въ которыхъ женщины принимали самое дѣятельное и многостороннее участіе, не претендуя однако ни на какое измѣненіе въ своемъ общественномъ положеніи, оставаясь матерями, сестрами, женами и любовницами, и исключительно въ этомъ семейномъ своемъ положеніи почерпая силу и вліяніе. Наоборотъ всякое соціальное движеніе почти всегда выдвигаетъ и женскій вопросъ. Да и вообще я рассказалъ притчу объ итальянкѣ совсѣмъ не ради ея фактической стороны. Она каррикатурна, но въ основаніи ея лежитъ истина, подлинный фактъ, естественное и вполне понятное стремленіе женщины специализировать женскій вопросъ, помѣщать его въ безвоздушное пространство, отдѣлять его отъ вопросовъ, съ которыми онъ, собственно говоря, неразрывно связанъ, и вслѣдствіе этого придавать ему несоотвѣтственное освѣщеніе. Къ этому склонны и мужчины, но по другимъ разумѣется причинамъ. Если справедливы мои предположенія о семьѣ, какъ пробномъ камнѣ молодыхъ силъ, то понятно, что женскій вопросъ долженъ для насъ стоять нѣсколько особнякомъ. Онъ окруженъ нѣкоторымъ, совершенно своеобразнымъ поэтическимъ ореоломъ. Онъ зарождается въ личностяхъ при такихъ условіяхъ и по такимъ причинамъ, которыя рѣшительно не имѣютъ мѣста въ дальнѣйшемъ нашемъ нравственномъ и умственномъ развитіи, поражающемъ критику болѣе сложныхъ общественныхъ группъ: сословія, общества, націи, государства, цивилизаціи. И какъ масло нельзя смѣшать съ водою, чтобы вышла однородная масса, такъ по крайней мѣрѣ очень трудно уравнивать, привести къ одному знаменателю наши отношенія къ женскому и къ другимъ обществен-

нымъ вопросамъ. Это не какая нибудь таинственная, необъяснимая особенность женскаго вопроса. Тоже можетъ случиться и со всякимъ другимъ вопросомъ и часто случается, напримѣръ съ вопросомъ національнымъ. Въ странахъ, гдѣ въ данное время по какимъ нибудь обстоятельствамъ напряженно развивается національное чувство и гдѣ слѣдовательно молодежь всасываетъ его въ себя инстинктивно, національный вопросъ тоже специализируется, рѣзко отдѣляется отъ другихъ вопросовъ и мѣрится совсѣмъ особенною мѣркой.

Сложность женскаго вопроса, свидѣтельствующая о многосторонности его связи съ другими вопросами, должна казалось бы гарантировать его отъ чрезмѣрной специализаціи. На дѣлѣ однако гарантія эта выходитъ ненадежная. На дѣлѣ сложность вопроса ведетъ напротивъ къ дальнѣйшей специализаціи: вопросъ раздробляется, и каждый отдѣльный его кусочекъ, держась подъ общимъ флагомъ женскаго вопроса, получаетъ иногда уродливо непропорціональное развитіе. Такъ напримѣръ г-жа Ройе, одна изъ ученѣйшихъ, а можетъ быть и умнѣйшихъ современныхъ женщинъ, такъ прилѣпилась къ тому элементу женскаго вопроса, который называется независимостью женщинъ, что договорилась до желательности и возможности въ будущемъ царства Амазонкъ, т. е. такой же зависимости мужчинъ, противъ какой нынѣ протестуютъ женщины. Чѣмъ это лучше садовода, молившагося о ниспосланіи червей, и итальянки, начавшей «молодой Италіей» и кончившей австрійскимъ шпионствомъ?

Все это я—къ тому, что специалистовъ по женскому вопросу очень много, такъ что я трушу. О, какъ завидую я смѣлости г. Леонарда! Вы не знаете, что такое Леонардъ? Madame de Kourdukoff—въ панталонахъ. Онъ совершенно внезапно явился въ русской литературѣ во всеоружіи слога, таланта и идей г-жи Курдюковой. Первоначально онъ явился съ требованіемъ, чтобы «Федосѣй Іе мѣдникъ» и всякій другой работникъ, нанявшійся на сельскія работы, былъ силою на нихъ возвращаемъ въ случаѣ бѣгства. Пожавъ тутъ богатые лавры на почвѣ познаній въ политическій экономію, madame de Kourdukoff въ панталонахъ

ринулась въ политику и издала книжку «Германія или Франція? Одна и другая». Столь забавнаго вздора не появлялось въ русской литературѣ со времени произведенія Мятлева. Однако, да идетъ мимо насъ и экономическій, и политическій вздоръ г. Леонарда. Я возьму только вздоръ по женскому вопросу, эпизодически вкрапленный въ политическій вздоръ, т. е. въ брошюру «Германія или Франція?»

Изобразивъ яркими красками картину нравственнаго паденія Франціи вообще, г. Леонардъ переходитъ къ нѣкоторымъ частностямъ. И тутъ онъ по истиннѣ великолѣпенъ. Слушайте. «Въ семью вторгся любовникъ, паразитъ третье лицо, l'autre. Романисты и драматурги Франціи усаживаютъ его все лучше и лучше и такъ уже просторно, что мужу ничего другого не остается дѣлать, какъ держать ключи отъ шкатулки и быть расходчикомъ—мужъ въ кладовой, на хозяйствѣ, а паразитъ въ спальнѣ. Pour peu que cela continue, будутъ брать мужей для черной работы въ кладовыхъ, на заднихъ дворахъ, а вся бѣлая работа, вся творческая и свѣтлая сторона супружества перейдетъ цѣликомъ къ паразиту». Это — печальная конечно перспектива, но какъ же быть? или, какъ восклицаетъ Леонардъ de Kourdukoff, comment sortir, grand Dieu, de ce fourré? Дюма совѣтуетъ стрѣлять, убивать преступныхъ женъ; онъ говоритъ: «tue-la, tuez les, шлетъ пули à droite et à gauche». Леонардъ de Kourdukoff несогласенъ съ этимъ рѣшеніемъ, на основаніи слѣдующихъ любопытныхъ соображеній: «Дюма забылъ, что пуля не лекарство, что женщина прежде всего героиня въ душѣ, жажда каждой женщины быть героиней романа. Поднесите ей романъ и обставьте его всѣми ужасами драмы, и каждая женщина подставитъ сердце подъ пулю. Которая изъ нихъ не пожелаетъ быть убитой въ объятіяхъ возлюбленнаго, какая женщина не пожелаетъ умереть израненной, съ окровавленнымъ сердцемъ, на его рукахъ! Романъ—это поле брани женщины, поле геройскихъ ея подвиговъ... Нѣтъ, тутъ пули не помогаютъ, пули не исцугаютъ женщину. Mais il y a les hautes convenances, les grandes nécessités sociales—вотъ что спасительнѣе, ибо никто болѣе женщины не спо-

собенъ пмъ подчиняться». Исходя изъ такого плодотворнаго начала Леонардъ de Kourdukoï естественно приходитъ къ плодотворному концу. Сердце, говоритъ онъ, «субтильно и неуловимо, не знаетъ стѣсненій регламентацій». Но объ этомъ и жалѣтъ нечего. Любовь, ограничивающаяся областью сердца, не творитъ никакого зла, напротивъ—творитъ добро. «Она есть источникъ высокнхъ порывовъ души, великнхъ подвиговъ челоуѣчества. Искусства—ея дѣти. Кто бы ее ни внушилъ, мужъ или стороннее лицо, она, если чиста и непорочна, благородна и возвышенна, то всегда облагораживаетъ семью и способствуетъ ея счастью, возвышаетъ душу матери и не дасть ей забывать среди непривлекательныхъ обыденныхъ занятій, что она женщина,—и тогда каждый шагъ ея въ семьѣ запечатлѣнъ граціей и возвышенностью чувствъ... Encore une pensee: если отъ *прикосновенія* мужчины, положимъ мужа къ женѣ, потухаетъ обыкновенно, рано или поздно, эта любовь, эта искра, которая творитъ столько чудесъ и въ тоже время такъ необходима въ мирѣ, то почему же отъ *неприкосновенія* другого мужчины, третьяго лица, de l'autre, не позволить ей снова возгорѣться? Стало быть все дѣло въ *неприкосновеніи* къ священному тѣлу матери семьи, но мужъ *прикасается*, c'est nécessité naturelle, иначе изсякъ бы родъ челоуѣческій (какая глубина!),—поэтому самому и нуженъ можетъ быть другой, l'autre, который бы *не прикасался* и тѣмъ продолжалъ бы поддерживать существованіе священнаго огня любви въ сердцѣ женщины и не далъ бы ему погибнуть, ибо огонь этотъ долженъ творитъ добро, поэзію, эстетику всюду—въ семьѣ и внѣ семьи... Но если третье лицо *прикасается*, если онъ прикасается священнаго тѣла замужней женщины—тутъ ужъ вѣтъ *nécessité naturelle*, потому что мужъ исполняетъ эту обязанность—то онъ этимъ самымъ уничтожаетъ другое важнѣйшее *nécessité*: необходимость поддержанія священнаго огня въ сердцѣ женщины—источника высокаго и прекраснаго, онъ его оскверняетъ и разрушаетъ, il perd sa vrai raison d'être и превращается въ злѣйшаго врага общества, разрушителя первой его основы, основной дѣлѣтки государственнаго организма—семьи». Въ концѣ концовъ

«мужъ при полныхъ, исключительныхъ матеріальныхъ правахъ на жену и при этомъ робкое, discret, чистое и нѣжное чувство, полное уваженія, de déférence, благоговѣнія къ женѣ и къ матери (если мужъ его не внушаетъ) со стороны третьяго лица, de l'autre—на этомъ, мнѣ кажется, можно бы было примириться и тѣмъ значительно смягчить, если ни уничтожить зло, проптекающее отъ современныхъ нравовъ» («Германія или Франція?» 53 и слѣд.).

Что сказать о человѣкѣ, который, поднявъ на большой дорогѣ старый, стоптанный и протоптанный лапоть, прицѣпляетъ къ нему нѣсколько розовыхъ бантиковъ, выносить на рынокъ и выдаетъ за пару отличнѣйшихъ сапоговъ? Я думаю — ничего не говорить. Пусть себѣ стоитъ съ лаптемъ, людямъ на потѣху, себѣ на срамъ. Я такъ и сдѣлаю. Я изложилъ воззрѣнія m-me Леонардъ de Kourdukoff только въ качествѣ закуски, долженствующей возбудить аппетитъ читателя, приготовить его къ принятію роскошной умственной трапезы, которую я имѣю ему предложить. Въ дальнѣйшемъ у насъ не будетъ рѣчи не только о m-me Леонардъ de Kourdukoff, но по всей вѣроятности и о затронутой имъ сторонѣ женскаго вопроса. Она очень пикантна, эта сторона, но различныя ея рѣшенія всѣмъ давно извѣстны, они были можетъ быть уже Адаму и Евѣ извѣстны. Новыхъ рѣшеній я не знаю, не считая разумѣется рѣшенія г. Леонарда, — онъ сказалъ послѣднее слово.

А трапезу я имѣю предложить читателю дѣйствительно очень роскошную: мнѣнія о различныхъ сторонахъ женскаго вопроса, въ связи съ ученіемъ о прогрессѣ, ни мало, ни много — трехъ патентованныхъ русскихъ ученыхъ. Это специалисты не по женскому вопросу, — такихъ-то мы много видали. Это специалисты по различнымъ отраслямъ настоящей, признанной науки, увѣнчанные учеными степенями магистра и доктора — одинъ историко-филологъ и два естествоиспытателя. Къ сожалѣнію, въ трапезѣ моей есть одинъ маленькій изъянъ. Именно, одинъ изъ ученыхъ, мысли которыхъ я намѣренъ предложить читателю, не трактуетъ прямо о женскомъ вопросѣ. Но предметъ его изслѣдованія нахо-

дится съ нимъ все-таки въ нѣкоторой связи. Притомъ же, кое-какія его воззрѣнія пригодятся намъ при сопоставленіи изслѣдованій двухъ другихъ ученыхъ. Я начну съ перваго ученаго, съ г. Воеводскаго, только-что получившаго магистерскій дипломъ за диссертацию «Каннибализмъ въ греческихъ мифахъ. Опытъ по исторіи развитія нравственности».

Это—ученый молодой, но настоящій ученый. Онъ упрекаетъ сочиненіе Фюстель-Кюланжа. «La cité antique,» въ «отсутствіи достаточнаго ученаго аппарата» и имѣетъ полное право дѣлать такой упрекъ, потому что его собственное сочиненіе снабжено громаднѣйшимъ ученымъ аппаратомъ. Въ самомъ дѣлѣ эрудиція молодаго магистра громадна и—что особенно цѣнно—довольно разностороння. Мнѣ пришлось присутствовать на одномъ любопытномъ диспутѣ въ петербургскомъ университетѣ. Любопытенъ онъ былъ потому, что защищалась диссертация по философіи, а между тѣмъ, диспутъ почти исключительно вертѣлся на филологіи, на правильности или неправильности перевода диспутантомъ латинскихъ и греческихъ цитатъ. Диспутъ г. Воеводскаго долженъ бы былъ имѣть (однако не имѣлъ) совершенно противоположный характеръ, такъ какъ молодой ученый поставилъ и попытался разрѣшить въ своей диссертациі цѣлый рядъ вопросовъ философскихъ, довольно не плотно завернутыхъ въ филологическое толкованіе греческихъ мифовъ. Ближайшая цѣль г. Воеводскаго—доказать, что доисторическіе греки, греки «героическаго періода», стояли на такой же приблизительно ступени развитія, на какой и нынѣ стоятъ нѣкоторые дикари, и что въ частности они были людоедами. Доказываетъ это авторъ анализомъ греческихъ мифовъ, при томъ предположеніи, что имъ должны были соответствовать извѣстныя бытовья явленія. Нашему брату профану это предположеніе съ перваго же взгляда можетъ представиться вполне законнымъ, но для ученыхъ филологовъ г. Воеводскій долженъ былъ написать цѣлое историко-философское изслѣдованіе, занимающее чуть не больше половины книги. Профаны не могутъ имѣть никакого особеннаго пристрастія къ доисторическимъ грекамъ. Они были воры, разбойники, грабители,

кровожадные звѣри, дѣтоубійцы, людоеды, доказываетъ г. Воеводскій. Ну—и пусть. Профанъ склоненъ преимущественно думать о томъ, какъ бы нынче-то было поменьше воровъ, грабителей и душегубовъ, какъ бы они-то, нынѣшніе, не ускользали отъ суда науки, а защищать греческихъ героевъ ему нечего. Другое дѣло—ученые филологи. Для нихъ древніе греки—излюбленный народъ, подчасъ болѣе близкій и дорогой, чѣмъ собственный. И не даромъ г. Воеводскій часто упоминаетъ въ своей диссертациі о томъ, что, «при нынѣшнемъ направленіи науки», многіе его выводы должны казаться черезъ - чуръ смѣлыми и просто дикими. Если позволительно будетъ профану смѣть свое сужденіе имѣть, то я скажу, что многіе доводы г. Воеводскаго, отнюдь не будучи дикими, весьма неубѣдительны. Такъ мнѣ представляется весьма слабо защищеннымъ одно изъ основныхъ положеній автора: «невозможно, чтобы божеству приписывались такія качества и поступки, которые считаются въ данное время непозволительными». Не менѣе слабо по моему мнѣнію объясненіе происхожденія людоедства. Въ самомъ дѣлѣ, перебравъ различныя мнѣнія объ этомъ предметѣ, авторъ ихъ всѣ отвергаетъ и затѣмъ развиваетъ свою собственную теорію, на основаніи которой онъ «считаетъ необходимымъ производить каннибализмъ отъ ѣденія дѣтей» (177). Вотъ по истинѣ удивительная теорія. Другіе выводы каннибализмъ изъ нужды и голода, изъ ненависти, изъ гнѣва, изъ особеннаго вкуса человѣческаго мяса и проч. Все это нашъ авторъ отвергаетъ и выводитъ каннибализмъ изъ «ѣденія дѣтей», т. е. изъ самого себя, ибо ѣденіе дѣтей есть ѣденіе людей, т. е. каннибализмъ.

Все это однако мелочи. Важенъ общій характеръ изслѣдованія г. Воеводскаго, характеръ, вполне соответствующій современному состоянію науки съ его сильными и слабыми сторонами. Авторъ говоритъ: «Прежній спиритуалистическій взглядъ на исторію человечества, какъ на непрерывное паденіе человѣка отъ полнаго его совершенства до окончательной порчи (теорія дегенераціи), почти вполне уступилъ мѣсто противоположному взгляду (теорія прогресса) или же, значительно видоизмѣнившись, слился съ нимъ

въ новѣйшемъ ученіи, въ такъ-называемой теоріи *развитія*. Эта послѣдняя теорія и въ кажущемся паденіи усматриваетъ не что иное, какъ только дальнѣйшіе фазисы развитія, ведущаго въ сущности постоянно къ высшему совершенству всего человѣчества». Упомянувъ въ нѣсколькихъ строкахъ о заслугахъ, оказанныхъ теоріей развитія въ другихъ наукахъ, авторъ заявляетъ, что онъ намѣренъ примѣнить ее къ исторіи нравственности. Онъ и примѣняетъ ее, доказывая, что тамъ, зади насъ, въ исторической дали, нѣтъ никакого совершенства, а есть разбой, развратъ, людоѣдство, не какъ факты только, но какъ нравственные принципы. При этомъ г. Воеводскій обнаруживаетъ такую эрудицію и такое умѣнье обращаться съ научнымъ матеріаломъ, что магистерскій дипломъ приобрѣтень имъ вполне по праву. Но я вспомнилъ, что мѣсяца за два за три передъ тѣмъ, въ той же залѣ петербургскаго университета и тѣмъ же историко-филологическимъ факультетомъ былъ увѣнчанъ званіемъ магистра г. Соловьевъ за диссертацию, въ которой доказывалось, что зади насъ, въ «религіяхъ древняго Востока», лежитъ совершенство, что, подвигаясь исторически впередъ, мысль человѣческая собственно говоря падала, что только Гартманъ нѣсколько поправилъ дѣло, а самъ г. Соловьевъ окончательно возстановилъ совершенство. Въ качествѣ профана я былъ очень смущенъ и даже совершенно не сбитъ съ толку единовременнымъ увѣнчаніемъ диссертаций гг. Соловьева и Воеводскаго. Такъ какъ верховный судъ науки одобрилъ и того, и другого, то одобрилъ обихъ и я, но не единовременно, потому что это для профана невозможно, а по очереди. Слушая г. Соловьева и глядя на его аскетическую, византійскую фигуру, поучающую толпу, я думалъ: да, совершенство—тамъ, въ томъ древнемъ, древнемъ мірѣ, изъ котораго вышелъ г. Соловьевъ. Слушая г. Воеводскаго и глядя, какъ онъ, современный благообразный европеецъ во фракѣ и въ бѣлыхъ перчаткахъ, изящно поигрывая *rince nez*, солидно доказывалъ, что древніе греки были людоѣды, я думалъ: ужь конечно совершенство не тамъ, не въ томъ мірѣ разбоя, разврата и крови; оно здѣсь, стоитъ на каедрѣ и поигрываетъ *rince nez*.

Объ г. Соловьевъ я ничего не говорю, потому что литература и безъ того слишкомъ много чести оказала этому ученому. Что же касается г. Воеводскаго, то къ сожалѣнію, его приложеніе теоріи развитія къ исторіи нравственности кажется мнѣ построеннымъ на пескѣ. Теорія развитія, какъ ее понимаетъ Воеводскій, въ примѣненіи къ исторіи нравственности, выдвигаетъ два положенія: 1) нѣтъ никакихъ неизблемыхъ, личныхъ нравственныхъ принциповъ: они измѣняются во времени и пространствѣ; нѣтъ такихъ поступковъ, которые бы были нравственны или безнравственны сами по себѣ: нравственное сегодня можетъ быть признано преступнымъ сто лѣтъ спустя и наоборотъ; 2) измѣненіе нравственныхъ принциповъ происходитъ не беспорядочно и не отъ лучшаго къ худшему (теорія дегенерации), а именно отъ худшаго къ лучшему: они совершенствуются. Оба эти положенія не мною навязаны теоріи развитія, а составляютъ неотъемлемую ея принадлежность, самую ея суть, и г. Воеводскій, какъ и всякій сторонникъ теоріи развитія, постоянно говоритъ о нихъ въ своей диссертации. Но вѣдь эти два положенія самымъ рѣзкимъ образомъ противорѣчатъ другъ другу. Г. Воеводскій часто предлагаетъ намъ отрѣшиться отъ теперешнихъ понятій о нравственности и признать, что напимѣръ людоедство, такъ отвратительное на нашъ взглядъ теперь, въ свое время могло быть и было не только безразличнымъ, а и нравственнымъ; что слѣдовательно оно не безнравственно по существу. Я тоже предлагаю г. Воеводскому отрѣшиться отъ теперешнихъ понятій о нравственности, о худшемъ и лучшемъ, и объяснить мнѣ, почему онъ считаетъ исчезновеніе людоедства переходомъ отъ худшаго къ лучшему? Мнѣ разумѣется никогда не придетъ въ голову скорбѣть объ томъ, что люди постепенно отвыкаютъ отъ людоедства. Но я бы желалъ знать, какія основанія имѣетъ г. Воеводскій считать это отвыканіе прогрессомъ? Я полагаю, что никакихъ научныхъ основаній онъ для этого не имѣетъ. Вѣрно по крайней мѣрѣ то, что ихъ нѣтъ въ его книгѣ, несмотря на всю ея ученность. Это—слабость не только г. Воеводскаго: это—слабость теоріи развитія вообще. Но въ

другихъ сферахъ познанія люди по крайней мѣрѣ ищутъ оправданія для своихъ мѣрокъ совершенства. Въ біологіи, въ палеонтологіи, въ психологіи говорятъ объ усложненіи организма, о его приспособленіи, какъ объ общихъ признакахъ развитія. Дарвинисты говорятъ наиримѣрь, что организмы совершенствуются въ исторіи жизни на землѣ, потому что все лучше приспособляется къ условіямъ существованія. Другіе говорятъ, что прогрессъ состоитъ въ усложненіи организаціи. Хотя и здѣсь ученые люди часто воплѣ произвольно намѣчаютъ пути и станціи развитія, но по крайней мѣрѣ они стараются положить предѣлъ такому произволу, стараются установить мотивы признанія однихъ явленій низшими, другихъ—высшими. Г. же Воеводскаго этотъ предметъ повидимому совсѣмъ не занимаетъ. Въ полномъ противорѣчій съ своимъ собственнымъ требованіемъ, чтобы читатели отрѣшились отъ теперешнихъ понятій о нравственности, онъ безмолвно признаетъ эти теперешнія понятія высшими. Это не простая придирка, потому что указанный недостатокъ имѣетъ существенное вліяніе на весь трудъ г. Воеводскаго. Я бы назвалъ его фанатикомъ современныхъ понятій о нравственности и современной цивилизаціи, еслибы онъ не былъ такъ холодно спокоенъ, такъ непоколебимо самодоволенъ, не въ буквальномъ смыслѣ, доволенъ не только самъ собой, но и «своимъ обѣдомъ и женой» и своей цивилизаціей.

Только въ одномъ мѣстѣ своей диссертациі г. Воеводскій довольно близко подошелъ къ тому, чего я отъ него требую. Но только подошелъ и затѣмъ отвернулся. «Уже въ самый ранній періодъ человѣческаго развитія, говоритъ онъ (стр. 14), должны были явиться взгляды на окружающую природу и на отношенія людей какъ къ этой природѣ, такъ и на отношенія ихъ другъ къ другу. Въ своемъ первоначальномъ видѣ взгляды эти не могутъ считаться ни моральными, ни религіозными ни научными, ни наконецъ тѣмъ, что мы считаемъ практическими взглядами, а напротивъ взгляды эти были самага неопредѣленнаго качества. Если же нужно не смотря на это, все-таки какъ нибудь назвать ихъ, то мы назовемъ ихъ *этическими* въ самомъ

обширномъ смыслѣ этого слова, неисключаящемъ и не сопоставляющемъ въ себѣ ни одного изъ только что указанныхъ нами элементовъ; не было понятія о томъ, что слѣдуетъ считать религіознымъ долгомъ и что грѣхомъ; не было также понятія о томъ что нравственно, что разумно, что полезно; было же какое-то очень неопредѣленное и смутное понятіе о томъ, что хорошо и что плохо». Въ примѣчаніи къ этому мѣсту г. Воеводскій приводитъ отвѣтъ одного бушмена на вопросъ о различіи добра и зла: «хорошо украсть чужую жену, но худо, если у меня самого украдутъ мою». Я ждалъ, что г. Воеводскій не только расскажетъ, какъ изъ этой первобытной неопредѣленности обособились наши опредѣленные нравственные, религіозныя, правовыя, утилитарныя понятія (это онъ отчасти дѣлаетъ), но прослѣдитъ какъ нибудь эту идею и въ области нравственности, назоветъ высшими нравственными понятіями, наиримѣръ болѣе опредѣленные (это я именно только къ примѣру говорю) и затѣмъ покажетъ, что теперешнія, понятія наиримѣръ о дѣтубійствѣ болѣе опредѣлены, чѣмъ первобытныя. Подобная работа была бы очень полезна въ теоретическомъ отношеніи, потому что тогда никто бы уже не смѣлъ уличать г. Воеводскаго въ противорѣчіи и въ произвольномъ признаніи теперешнихъ понятій высшими. Но не менѣе полезна она была бы и въ практическомъ отношеніи, потому что давала бы руководящую вить и для будущаго. Но ничего такого г. Воеводскій не далъ.

Это къ сожалѣнію лишаетъ меня возможности почерпнуть изъ труда г. Воеводскаго что нибудь для приложенія теоріи развитія къ женскому вопросу. Можно развѣ только сказать, что въ древности положеніе женщины было худо, что тогда женъ даже въ пищу употребляли, находя женское мясо наравнѣ съ дѣтскимъ особенно вкуснымъ, но что съ тѣхъ поръ все улучшается, «развивается». Это конечно очень утѣшительно, но вмѣстѣ съ тѣмъ очень скудно. Къ счастью свѣтъ не клиномъ сошелся на г. Воеводскомъ, и теорія развитія не имѣетъ однимъ исповѣдуется. Два русскихъ естествоиспытателя одновременно занялись непосредственнымъ ея приложеніемъ къ женскому вопросу. И хотя

они при этомъ пришли къ замѣчательно несходнымъ результатамъ, но по крайней мѣрѣ оба вложили болѣе или менѣе опредѣленный смыслъ въ понятія развитія и прогресса. Одинъ изъ этихъ ученыхъ есть г. Шкляревскій, кievскій профессоръ медицинской физики, сказавшій на прошлогоднемъ университетскомъ актѣ рѣчь «Объ отличительныхъ свойствахъ мужскаго и женскаго типовъ въ приложеніи къ вопросу о высшемъ образованіи женщинъ». У меня эта рѣчь находится въ видѣ отдѣльной брошюры. Другое произведеніе, на которое я хочу обратить вниманіе читателя, есть статья г. Мечникова: «Возрастъ вступленія въ бракъ («Вѣстникъ Европы» 1874, № 1).

Въ нашихъ безконечныхъ разговорахъ о женскомъ вопросѣ, о женскомъ трудѣ, о самостоятельности женщины г. Шкляревскій замѣтилъ недостатокъ твердо установленнаго принципа, на основаніи котораго можно бы было съ научною объективностію обсуждать вопросы о женскомъ трудѣ и женскомъ образованіи». Такой принципъ г. Шкляревскій рѣшился искать и нашелъ путемъ біологическаго изслѣдованія отношеній между мужскимъ и женскимъ элементами въ органической природѣ вообще. А затѣмъ, найдя на основаніи этого принципа общее рѣшеніе женскаго вопроса, онъ переходитъ къ частному вопросу: что должно сдѣлать государство уже теперь для удовлетворенія пробудившемуся стремленію женщинъ къ высшему образованію?

Пойдемте подъ руководствомъ г. Шкляревскаго въ глубь природы, читатель. Тамъ мы увидимъ вѣковѣчную смѣну жизни и смерти: организмы рождаются, живутъ и умираютъ. Смерть жатву жизни коситъ, но именно только коситъ, а не истребляетъ, потому что не всѣ индивидуумы умираютъ. Есть между ними такіе, которые въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ могутъ существовать и существуютъ неопредѣленно долго, вѣка, тысячелѣтія. Въ числѣ клѣточекъ этихъ почти безсмертныхъ индивидовъ есть одна, совмѣщающая въ себѣ всѣ особенности цѣлаго. На ней отражается вся исторія цѣлаго организма, всѣ вліянія на него и его предковъ внѣшнія событія и всѣ совершавшіеся въ немъ перевороты. Клѣточка эта содержитъ въ себѣ также всѣ входя-

щѣ въ составъ организма химическіе элементы и кромѣ того запасъ силы, достаточный для приведенія клѣтки въ самостоятельную дѣятельность. Наступаетъ минута, когда цѣлый организмъ распадается на двѣ части: одна изъ нихъ болѣе или мѣнѣе скоро подкашивается смертью, другая — наша клѣточка — начинаетъ быстро расти и развиваться по образу и подобию цѣлаго, отъ котораго отдѣлилась. Съ теченіемъ времени и она или, вѣрнѣе, разившійся изъ нея организмъ тоже умретъ, но опять-таки не весь, потому что и въ немъ есть такая же клѣточка, унаслѣдывающая особенности цѣлаго и способная къ самостоятельной жизни. Такимъ образомъ индивидъ умираетъ не весь, часть его остается жить въ видѣ втораго индивида, часть этого втораго въ видѣ третьаго и т. д. и т. д. Индивидъ образуетъ «генеалогическую цѣпь», по которой неопредѣленно долго жизнь переливается отъ одного поколѣнія къ другому. Но жизнь состоить въ превращеніи напряженной силы или потенциальной энергіи питательныхъ веществъ въ живую силу или актуальную энергію жизненныхъ процессовъ. Слѣдовательно по генеалогической цѣпи передается извѣстный запасъ напряженной силы, не растрачиваемый индивидами цѣпи на свои личныя цѣли. Поэтому г. Шьяревскій называетъ ихъ «потенциальными индивидами». Было время, когда вся органическая природа состояла исключительно изъ такихъ потенциальныхъ индивидовъ. И для поддержанія непрерывности органической жизни нѣтъ собственно и надобности въ иныхъ ея формахъ. Индивиды генеалогическихъ цѣпей могли бы даже прогрессировать, хотя и медленно: каждая развивающаяся клѣточка наслѣдуетъ всѣ наростанія измѣненій, какія жизнь производитъ въ предшествующихъ членахъ цѣпи и слѣдовательно здѣсь имѣется постоянный прогрессъ. Однако такой моногенетическій міръ представлялъ бы большія несовершенства. Случайная преждевременная смерть индивида обрывала бы существованіе всей цѣпи. Еслибы природа парализовала эту возможность утраты наслѣдія цѣлыхъ поколѣній такимъ образомъ, что не одна, а нѣсколько клѣточекъ индивида получили бы способность къ самостоятельной жизни, то и это представ-

ляло бы огромныя неудобства. «Размножаясь въ геометрической прогрессіи, виды представили бы въ очень короткое время громадное число почти тождественныхъ индивидуумовъ. Эти однородные индивидуумы имѣли бы конечно и одинаковыя потребности къ поддержанію и улучшенію своего существованія. При недостаткѣ въ окружающей средѣ средствъ къ ихъ удовлетворенію, который не замедлитъ обнаружиться при всякомъ чрезмѣрномъ размноженіи индивидуумовъ, непримиримая, истребительная война закипѣла бы между ними въ безконечно большихъ размѣрахъ, чѣмъ мы наблюдаемъ ее теперь, и въ силу ея весь прогрессъ органическаго міра направился бы главнымъ образомъ на улучшеніе органовъ и способностей къ уничтоженію себѣ подобныхъ. Такимъ образомъ моногенетическій міръ *исключительно женскихъ индивидуумовъ*, вопреки тому, что можно было бы подумать съ перваго взгляда, былъ бы міромъ вражды, насилія, борьбы за существованіе въ самой отвратительной ея формѣ, въ формѣ паррицидизма, т. е. истребленія своихъ ближайшихъ родственниковъ для спасенія собственной жизни» (9).

Я подчеркнулъ слова: *исключительно женскихъ индивидовъ* потому, что не успѣлъ еще сказать, что по мнѣнію г. Шкляревскаго потенциальные индивиды и женскіе — одно и тоже. Хотя моногенетическіе индивиды, собственно говоря, безполю, но на основаніи разныхъ соображеній, которыя я излагать не стану, г. Шкляревскій доказываетъ, что участіе мужскихъ недѣлимыхъ въ явленіяхъ воспроизведенія себѣ подобныхъ играетъ второстепенную роль. Завѣдомо женскіе индивиды производятъ иногда себѣ подобныхъ одни, безъ участія мужскаго элемента; индивиды мужскіе на это неспособны.

И такъ органическій міръ былъ нѣкогда исключительно моногенетическимъ и состоялъ изъ потенциальныхъ или женскихъ индивидовъ, связанныхъ въ генеалогическія цѣпи. Такіе индивиды существуютъ и нынѣ на низшихъ ступеняхъ жизни. Первымъ шагомъ, нарушившимъ это однообразіе, было появленіе гермафродитовъ, въ которыхъ мужской и женскій элементы обозначаются все яснѣе. «Такимъ образомъ на основаніи прин-

ципа раздѣленія труда совершается освобожденіе гермафродитовъ отъ соотвѣтственной половины генетической дѣятельности, а это открываетъ имъ возможность тѣмъ большаго совершенствованія относительно другихъ отиравленій». Наконецъ моногенезисъ смѣняется вполнѣ опредѣленнымъ амфигенезисомъ, т. е. рожденіемъ отъ двухъ родительскихъ организмовъ, женскаго и мужскаго. Мужской индивидъ совершенно подобенъ женскому, потенциальному, за исключеніемъ того, что онъ лишенъ способности производить генеалогическую цѣпь. *«Это были стьдovatельно какъ бы неудавиіяся или менше совершенная женскія недѣлимая»*. Мужскіе индивиды суть представители живой силы или актуальной энергій даннаго вида, почему г. Шкляревскій и называетъ ихъ индивидами актуальными. Несмотря на тождественность ихъ организаціи съ организаціей женскихъ индивидовъ, жизненный процессъ тѣхъ и другихъ существенно различенъ. Въ актуальныхъ, мужскихъ индивидахъ запасъ живой силы не дѣлится на двѣ части, онъ весь уходитъ на личныя цѣли индивида, а потому въ нихъ преобладаютъ формы живой силы и механической работы. Въ женскихъ индивидахъ напротивъ жизненный процессъ имѣетъ болѣе скрытную форму потенциальной энергій, потому что часть ихъ силы должна сохраняться въ видѣ запаса для будущихъ поколѣній.

Появленіе актуальныхъ индивидовъ и замѣна моногенезиса амфигенезисомъ имѣли чрезвычайно важныя послѣдствія и радикально измѣнили и формы, и характеръ органической жизни. Прежде всего устранилась опасность той кровавой борьбы, того паррицидизма, который, какъ мы видѣли, грозилъ моногенетическому міру. Принципомъ амфигенетическаго міра стала любовь. Она связала тѣснѣйшими узами индивиды актуальные и потенциальные. Вотъ какъ поэтически описываетъ г. Шкляревскій зарожденіе и развитіе этого чувства: *«Можно думать, что происхожденіе этого чувства чисто психическое. Одновременное глубокое сходство между потенциальными и актуальными индивидами въ основныхъ чертахъ организаціи и различіе въ характерѣ виѣшнихъ проявленій ея, играло вѣроятно при этомъ*

главную роль. Какъ изображеніе въ хрустальной глубинѣ воды, должно было притягивать къ себѣ это странное отраженіе въ другомъ собственнаго существа. Въ немъ чуялось что-то родственное и въ тоже время чужое, что-то непосредственно понятное и въ тоже время интригующее какою-то тайной. Любопытство должно было сильно возбуждаться этой загадкой; надъ ея разрѣшеніемъ должна была работать и фантазія, и внимательное, трезвое наблюденіе. Передать этому другому существу все что поражаетъ въ окружающемъ мірѣ или возникаетъ въ глубинѣ собственнаго сознанія, узнать отъ него его собственную повѣсть о томъ же, должно было доставлять совершенно особенное удовольствіе самымъ примитивнымъ существамъ, снабженнымъ самыми элементарными психическими силами» (40).

Планъ моихъ записокъ читателю извѣстенъ: я беру мнѣнія умныхъ или по крайней мѣрѣ ученыхъ людей, сопоставляю ихъ, сравниваю и лично на себя беру только подвести итогъ. Такъ и теперь я имѣю въ виду главнымъ образомъ свести на очную ставку мнѣнія гг. Шкляревскаго и Мечникова, прихвативъ по возможности и г. Воеводскаго. Но выписавъ краснорѣчивое изображеніе г. Шкляревскимъ любви, я не могу удержаться отъ одного бѣглаго замѣчанія. Не отрицая ни поэтичности этого изображенія, ни примѣчательности его въ устахъ медика и натуралиста, которыхъ такъ часто упрекаютъ въ матеріализмѣ, не трудно однако видѣть, что изображеніе это грѣшитъ натянутостью. «Фантазія» и способность къ «внимательному, трезвому наблюденію» далеко не «самыя элементарныя психическія силы». Указанные г. Шкляревскимъ чисто психическіе моменты любви безъ сомнѣнія имѣютъ мѣсто въ высшихъ существахъ, но ужъ конечно «примитивнымъ существамъ», даже не современникамъ появленія амфигенезиса, а и гораздо позднѣйшимъ, было не до нихъ. И вообще странно видѣть теорію любви, въ которой блещетъ своимъ отсутствіемъ ея физиологическая основа. Это было бы странно даже по отношенію къ человѣку, а тѣмъ паче по отношенію ко всему амфигенетическому міру. Это впрочемъ мимоходомъ. Перехожу къ дальнѣйшимъ выводамъ нашего автора.

Слѣдствіями укрѣпленія амфигенезиса были обогащеніе, разнообразіе и прочность органическаго міра. Теперь уже исчезла опасность, что со смертью одного индивида оборвется генеалогическая цѣпь и пропадетъ все, добытое трудомъ и жизнью безчисленныхъ поколѣній. Цѣпь, оканчивающаяся актуальнымъ индивидомъ, не исчезаетъ съ нимъ, она прививается къ какой-нибудь другой цѣпи и вливаетъ въ нее весь запасъ усовершенствованій, выработанныхъ рядомъ членовъ первой цѣпи. Отсюда эти усовершенствованія передаются третьей цѣпи и т. д. Въ-сто изолированныхъ, заменутыхъ генеалогическихъ цѣпей получается сложная генеалогическая сѣть, перекрещивающаяся въ безчисленныхъ комбинаціяхъ. Слѣдовательно и потенциальные, и актуальные индивиды имѣютъ свои опредѣленныя задачи. Роль первыхъ существенно консервативная, роль вторыхъ—реформирующая, обновляющая. И тѣ и другіе одинаково необходимы въ экономіи природы. Уничтожьте потенциальные, женскіе индивиды,—и жизнь прекратится, потому что актуальные индивиды сами по себѣ неспособны ее продолжать. Уничтожьте индивиды мужскіе, актуальные,—и жизнь вернется къ первобытной скудости исключительно моногенетическихъ формъ.

Таковъ принципъ, приложеніе котораго къ человѣческому роду должно наконецъ разрѣшить vexata questio — женскій вопросъ. Вы уже безъ сомнѣнія догадываетесь, читатель и читательница, каковъ будетъ дальнѣйшій ходъ аргументаціи г. Шкляревскаго. Особенно вы, читательница, потому что съ свойственною вамъ прощипательностью, о которой говоритъ и г. Шкляревскій, вы предчувствуете тотъ вихоръ любезностей, которыя повергнетъ къ вашимъ стопамъ этотъ ученый, любезностей, тѣмъ болѣе цѣнныхъ, что онѣ исходятъ отъ ученаго и покоятся на почвѣ науки. Любезностей дѣйствительно много. Прежде всего г. Шкляревскій возстаетъ противъ того довольно распространеннаго мнѣнія, что особенности женской организаціи составляютъ искусственный продуктъ ея особеннаго воспитанія и жизни *въ цѣломъ ряду поколѣній*. Онъ напоминаетъ, что женщина рождается не только отъ женщины, какъ и мужчина не только отъ мужчины, и что

поэтому унаследованные результаты воспитанія матери должны парализоваться въ дочери унаследованными результатами воспитанія отца. Можно бы было однако возразить, что тутъ дѣло не въ цѣломъ ряду поколѣній, а въ томъ, что каждая женщина, каковы бы ни были ея природныя, унаследованныя качества, ставится въ извѣстныя, особенныя условія воспитанія и жизни. Но г. Шеляревскій доказываетъ, что эти условія жизни и воспитанія отнюдь не испортили женщины, ибо она должна быть поставлена скорѣе выше, чѣмъ ниже мужчины. Говорятъ напри- мѣръ о физической слабости женщины, называютъ женскій полъ слабымъ. Это вовсе несправедливо. Согласно различію между актуальными и потенциальными индивидами, женщина слабѣе мужчины проявленіями живой силы, но сильнѣе его запасомъ напряженной силы. Такъ мышечная система и скелетъ у женщинъ слабѣе, чѣмъ у мужчинъ. Это понятно, потому что мышцы и скелетъ составляютъ главный аппаратъ, которымъ мы производимъ работу, т. е. переводимъ нашу потенциальную энергію въ актуальную, въ живую силу. Точно также у женщинъ слабѣе другая форма превращенія потенциальной энергіи въ живую силу: образованіе животной теплоты. У нихъ слабѣе дыхательный процессъ, вслѣдствіе чего медленнѣе метаморфозъ вообще. И это собственно говоря—не недостатки, потому что, несмотря на относительно малый размѣръ мышечно-костной машины у женщинъ, она работаетъ вполне исправно. Медленность же метаморфоза даже гарантируетъ женщинамъ нѣкоторыя преимущества передъ мужчинами. Благодаря ей, онѣ могутъ довольствоваться меньшимъ количествомъ пищи и меньшей пропорціей кислорода въ воздухѣ. Что же касается до запаса напряженныхъ, потенциальныхъ силъ, то онъ у женщинъ положительно больше. Замѣчено, что женщины чрезвычайно быстро поправляются послѣ трудныхъ болѣзней, гораздо быстрѣе, чѣмъ мужчины; равнымъ образомъ у нихъ быстрѣе заживаютъ раны. Это зависить отъ присутствія въ ихъ организмѣ большаго числа пластическихъ желѣзъ, которыя представляютъ запасы скопленія клѣточекъ, не имѣющихъ еще опредѣленнаго назначенія. Это, такъ ска-

зять—кладовья жизни. Изъ хранящихся въ нихъ неприспособившихся къ специальной дѣятельности клѣточекъ, смотря по надобностямъ организма, пополняется убыль клѣточекъ крови, мускуловъ, мозга и т. д. У женщинъ такихъ кладовыхъ больше, чѣмъ у мужчинъ. Обращаясь къ психической организаціи женщины, мы встрѣчаемся съ мнѣніемъ, что женщина въ этомъ отношеніи ниже мужчины, въ доказательство чего приводится тотъ фактъ, что ея мозгъ приблизительно на четверть фунта легче мозга мужчины. Подробнымъ расчетомъ, въ который введены, кромѣ вѣса мозга, вѣсъ всего тѣла и вѣсъ двигательной системы, г. Шкляревскій доказываетъ, что вѣсъ мозга женщины, не только относительно, а даже абсолютно больше вѣса мозга мужчины. «Этому результату, прибавляетъ авторъ, не слѣдуетъ конечно придавать больше значенія, чѣмъ онъ вѣроятно имѣетъ. Кромѣ массы, въ отправленіяхъ мозга несомнѣнно играетъ роль также большая или меньшая тонкость организаціи. *Но не милое интереса, что именно мужчина придется сослаться на гипотетическую тонкость организаціи для доказательства равноправности своего мозга съ женскимъ въ психическомъ отношеніи.* Больше осязательное преимущество массы обазывается при внимательномъ разсмотрѣніи на сторонѣ женщины». И это относится не только къ органу психической жизни, а и къ ней самой. Бокль называетъ умъ женщины по преимуществу дедуктивнымъ. Вундъ—преимущественно индуктивнымъ. Г. Шкляревскій не видитъ въ этомъ противрѣчія. Въ основѣ всѣхъ психо-физическихъ явленій лежитъ несознаваемое логическое умозаключеніе, исходный пунктъ котораго есть нѣчто конкретное и слѣдовательно мы можемъ назвать нашу психо-физическую дѣятельность индуктивнымъ мышленіемъ. Продукты этого мышленія, вмѣстѣ съ унаслѣдованными продуктами мышленія длиннаго ряда предковъ, составляютъ сферу «безсознательной психической жизни индивида». Область сознательной психической дѣятельности ничтожна въ сравненіи съ сферою дѣятельности безсознательной, но и въ той и другой царятъ одни и тѣ же логическіе законы. Поэтому дедуція можетъ быть названа безсознательной

индукціей: ея первая посылка есть въ сущности результатъ индуктивнаго умозаключенія, совершавшагося безсознательно, но по тѣмъ же логическимъ законамъ. Когда говорятъ о находчивыхъ ораторахъ, о вдохновенныхъ поэтахъ, о быстро ориентирующихся практическихъ людяхъ, о генияхъ и проч., то говорятъ о людяхъ, имѣющихъ въ своемъ распоряженіи богатый и подвижный матеріалъ въ безсознательной сферѣ души. «Представленія и идеи свободно и логически законно притекають къ ихъ сознанию изъ сферы безсознательнаго. Подобнымъ же свойствомъ отличается умственная дѣятельность женщины», прибавляетъ г. Шеляревскій. «Логическій процессъ ея отличается быстротою, потому что первая большая посылка его обыкновенно уже готова въ сферѣ безсознательнаго и тотчасъ представляется ея уму въ подходящемъ случаѣ». Затѣмъ слѣдуютъ нѣкоторыя разсужденія о сообразительности, остроуміи, находчивости, хитрости (не въ смыслѣ однако недостатка правдивости) женщинъ. Разсужденій этихъ я приводить не буду, потому что они и помимо г. Шеляревскаго много разъ высказывались, и еще потому, что они идутъ не «отъ науки», а отъ житейскаго наблюденія, болѣе или менѣе поверхностнаго. Научныхъ доказательствъ напримѣръ того, что обычный процессъ женской мысли подобенъ процессу мысли гениальнаго мужчины, г. Шеляревскій не представляетъ. Такъ или иначе, но и здѣсь женщина оказывается скорѣе выше, чѣмъ ниже мужчины. То же самое и въ нравственной области. «Съ понятіемъ нравственности мы соединяемъ нежеланіе руководиться въ своихъ дѣйствіяхъ исключительно личными цѣлями. Такое нежеланіе естественно должно въ большемъ размѣрѣ проявляться въ потенциальныхъ индивидуумахъ, личная жизнь которыхъ составляетъ только частицу заключенной въ нихъ видовой жизни... Интересы личной жизни, по самой сущности женской природы, отступаютъ у нея на гораздо болѣе отдаленный планъ, чѣмъ у живущаго актуальной жизнью индивидуума». Это положеніе опять подтверждается почерпнутыми изъ житейскаго наблюденія разсужденіями о самоотверженіи женщинъ, объ ихъ энергіи въ неудачахъ и т. д. Въ концѣ

концовъ: «женскій и мужской типъ человѣка отличаются другъ отъ друга существенными чертами. Это отличіе не составляетъ искусственный продуктъ случайныхъ условій, но коренится въ проходящей черезъ всю органическую природу разницѣ между потепціальными и актуальными представителями даннаго вида. Женщина по натурѣ своей первоначальнѣе, ближе къ основному типу человѣка, отъ котораго мужчина составляетъ нѣсколько одностороннее уклоненіе. Мы не должны поэтому удивляться, что почти всѣ важнѣйшія открытія и изобрѣтенія въ наукѣ, искусствѣ и жизни были сдѣланы мужчинами. Объясненія этого факта очевидно должно искать въ бѣльшей склонности къ спеціализму и односторонности мужскаго типа. Между мужчинами, говоритъ знаменитый фیزیологъ Бурдахъ, встрѣчается больше геніевъ, но за то и больше глупцовъ. Между женщинами напротивъ преобладаетъ приближеніе къ среднему типу... Женская натура цѣльнѣе, уравновѣшеннѣе и гармоничнѣе. Уклоненія въ ту или другую сторону встрѣчаютъ въ ней несравненно бѣльшее противодѣйствіе, чѣмъ въ мужчинѣ. Стыдливость женщины составляетъ какъ бы механическое послѣдствіе этихъ условій ея организаціи, равно какъ и ея инстинктивное чутье истины, добра и изящнаго. Вопреки распространенному теперь мнѣнію мы можемъ слѣдовательно утверждать, что *женственность* — не пустое слово; подъ этимъ именемъ скрывается значительная сумма совершенно конкретнаго содержанія».

Вотъ что говоритъ наука, читательницы. Оно лестно конечно, но не совѣмъ безопасно. По крайней мѣрѣ я на вашемъ мѣстѣ не особенно радовался бы этой массѣ любезностей. Дебаты о превосходствѣ мужчинъ или женщинъ, сравненія представителей обоихъ половъ въ физическомъ, умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ составляютъ довольно обыкновенное явленіе. Имъ занимались и занимаются люди очень различнаго роста. Занимался Прудонъ, который, какъ извѣстно, пришелъ къ заключеніямъ, для женщинъ очень нелестнымъ; занимается и какая-то героиня Островскаго, предлагающая «кавалеру» вести разговоръ о мужчинахъ и женщинахъ, съ тѣмъ чтобы каждый защищалъ «свое

званіе». На мѣстѣ женщинъ я бы остерегался защищать такимъ образомъ свое званіе, потому что боялся бы вопроса: если вы и теперь такъ хороши, то какого, съ позволенія сказать, рожна вамъ еще нужно? зачѣмъ требуете вы измѣненія тѣхъ условій жизни, которыя поставили васъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже выше мужчинъ и во всякомъ случаѣ не ниже? Этотъ ядовитый вопросъ скрывается въ восторженныхъ похвалахъ женскому званію, какъ иногда отвратительная жаба прячется въ цвѣтникѣ душистыхъ розъ и фіалокъ. Женщины многократно слышали такого рода воззванія: о, вы—вышія, почти неземныя созданія, вы—вѣнецъ творенія! Недаромъ капуста создана прежде козла, козелъ прежде Адама, а Адамъ прежде Евы. Это потому, что женщина выше мужчины, мужчина выше козла, а козелъ выше капусты. Вы, вѣнецъ творенія, не должны мараться объ дрязги жизни, вамъ должна быть предоставлена болѣе высокая дѣятельность! Васъ должна окружать не грязь земли, а лазурь небесъ, изумрудъ луговъ, алмазы звѣздъ... между прочимъ, пожалуйте въ кухню!... На мѣстѣ женщины я бы охотиѣе выслушалъ совсѣмъ другаго рода апострофы. Напримѣръ: о, тунеядцы, притупившіе въ себѣ силу мысли бездѣятельностью мозга и силу чувства замкнутостью въ кругѣ интересовъ, діаметръ котораго равенъ вершку! Жалкія созданія, не принимающія прямого участія въ крестномъ пути человѣчества и не понимающія, что значить терновый вѣнецъ! и т. п. Эта грубая ругань была бы несправедлива, но, читательницы, выслушавъ ее, вы могли бы сказать: такъ давайте же намъ удлиннить діаметръ круга нашихъ интересовъ! пустите насъ на крестный путь человѣчества! вотъ вамъ мой бальный вѣнокъ, давайте сюда терновый! я вамъ покажу, какъ его надо носить!... Дá, timeo Danaos et dona ferentes, думалъ бы я, слушая рѣчи, вытекающія изъ медоточивыхъ устъ г. Шеляревскаго. Нѣтъ ли жабы въ этомъ роскошномъ цвѣтникѣ? Не безъ того. Г. Шеляревскій отнюдь не стонщикъ предоставленія женщинамъ широкой общественной дѣятельности, онъ для этаго слишкомъ высоко пѣнитъ «женственность». Наиболѣе ушедшіе впередъ въ примѣненіи женскихъ

силъ къ общественной дѣятельности американскіе порядки онъ не одобряетъ, обращая вниманіе на оборотную сторону этихъ порядковъ, — на статистически дознанныя безплодіе американскихъ женщинъ и физическое вырожденіе коренныхъ американцевъ вообще. Вырожденіе это состоитъ главнымъ образомъ (и особенно у женщинъ) въ атрофіи желѣзистыхъ тканей, въ недостаткѣ тѣхъ кладовыхъ жизни, о которыхъ было говорено выше. Г. Шкляревскій естественно видитъ въ этомъ наказаніе, налагаемое природой за нарушеніе ея законовъ. Главною сферою дѣятельности женщины по мнѣнію г. Шкляревского всегда останется и должна оставаться семья. Однако должно ему отдать справедливость, онъ не говоритъ: пожалуйте въ кухню! Онъ вполне согласенъ, что есть незанятая женскія руки, которымъ должна быть найдена работа, и голодные женскіе желудки, которымъ должна быть пріискана пища. Именно эти соображенія и побудили его сказать свою рѣчь о женскомъ образованіи. Онъ требуетъ только, чтобы образованіе это находилось въ соотвѣтствіи съ тѣми особенностями потенціальныхъ индивидовъ, которыя мы, слѣдуя за нимъ, изложили выше. Вотъ его планъ.

- 1) Женщины должны получать въ особыхъ школахъ приготовительное образованіе, центромъ тяжести которыхъ должно быть изученіе отечественнаго языка; къ этому предмету должны при-мыкать: математика, исторія, «элементы естествовѣдѣнія», два иностранные языка (изъ нихъ одинъ—латинскій), одно тоническое и одно изобразительное искусство. Самъ собою разумѣется «религіозный христіанскій элементъ, такъ много говорящій душѣ женщины».
- 2) «Возможно полное гуманическое образованіе, состоящее изъ историческаго, литературнаго и эстетическаго элементовъ».
- 3) «Профессиональное образованіе, имѣющее главнымъ образомъ въ виду педагогическую дѣятельность женщины, и притомъ въ гораздо большемъ размѣрѣ, чѣмъ это было до сихъ поръ». Послѣднія два требованія достиглись бы учрежденіемъ во всѣхъ университетскихъ городахъ женскихъ педагогическихъ институтовъ съ двумя факультетами—историко-филологическимъ и физико-математическимъ. Что касается до предо-

ставленія женщинамъ медицинской профессіи, то къ этому вопросу г. Шкляревскій относится нѣсколько двусмысленно. Съ одной стороны онъ настаиваетъ 'отворяетъ двери медицинской профессіи передъ женщинами, требуетъ, чтобы на это дѣло не жалѣли никакихъ расходовъ, чтобы для женщинъ были учреждены стипендіи, чтобы имъ былъ открытъ доступъ ко всѣмъ ступенямъ медицинской профессіи, чтобы имъ были предоставлены всѣ связанныя съ ними оффиціальныя права. Но во-первыхъ все это отнесено имъ въ примѣчанія, въ текстѣ же рѣчи медицина не включена въ проектъ женскаго образованія, тамъ профессиональное образованіе ограничено педагогикой. Во-вторыхъ онъ распахиваетъ двери своей профессіи передъ женщинами не ради нихъ, а ради нуждъ государства, которымъ наличное количество медиковъ-мужчинъ не удовлетворяетъ. Онъ даетъ при этомъ понять, что собственно говоря медицина мало «гармонизируетъ съ особенностями женской натуры» (47) и что женщины «которыя могутъ съ честью проходить медицинскую карьеру во всякомъ случаѣ будутъ скорѣе исключенія, чѣмъ правила». Тоже относится и къ карьерѣ юридической (32). Онъ всетаки стоитъ на томъ, что нормальная сфера дѣятельности женщины есть семья; педагогическая профессія «цѣнится имъ преимущественно потому, что «она всего менѣе отрываетъ женщину отъ собственной семьи». Но для выполненія своего назначенія въ семьѣ женщина должна получать несравненно болѣе широкое образованіе, чѣмъ получаемое ею теперь. Какое именно—на это отвѣчаетъ его проектъ.

Ласковое теля двухъ матокъ сосеть, говорятъ пословица. Г. Шкляревскій есть ласковое теля. Это я заключаю и изъ нѣкоторыхъ побочныхъ орнаментовъ его рѣчи, объ которыхъ говорить не стану, и изъ ея сути. Въ самомъ дѣлѣ онъ роздалъ всѣмъ сестрамъ по серьгамъ! Его рѣчью могутъ остаться довольны и женщины, и мужчины, и реалисты, и идеалисты, и сторонники, и противники женскаго вопроса, и даже отчасти сторонники весьма различныхъ системъ образованія вообще. Въ подробностяхъ его изложенія читатель найдетъ весьма пскутное

лавированіе между многочисленными, лежавшими на его пути отмелями и подводными камнями. Несмотря на то, его проектъ женскаго образованія, равно какъ и сопровождающіе его комментаріи, кажется дѣйствительно заслуживаютъ вниманія, объ чемъ впрочемъ предоставляю судить другимъ. Я замѣчу только слѣдующее: ни самій проектъ, ни мотивированіе его не имѣютъ непосредственной связи съ трактатомъ о потенциальныхъ и актуальныхъ подвидкахъ. Да и вообще слѣдовъ спеціальности автора въ проектѣ нѣтъ, если не считать поэтическаго изложенія состоянія женскаго организма въ возрастѣ 13—16 лѣтъ, которое (состояніе) не позволяетъ давать женщинамъ ни полнаго классическаго образованія (т. е. съ двумя древними языками), ни основаннаго на математикѣ. Вѣрно ли не вѣрно это соображеніе, но ради него не стоило уходить въ сѣдую древность исключительно моногенетическаго міра. Однако разъ мы такъ побывали, резюмируемъ словами самого г. Шьялевскаго результаты нашего путешествія.

«Мы видѣли, что отличія между мужчиной и женщиной состоятъ не въ томъ, что у одного пола есть силы или способности совершенно неизвѣстныя другому, а только въ томъ, что присущее имъ обоему количеству силы распределено въ различныхъ полахъ неодинаково между различными отправлениями... Какъ отъ мужчинъ, такъ и отъ женщинъ приходится слышать убѣжденіе, что именно мужчина составляетъ высшій типъ. Но вы видѣли, что не только въ психическомъ, но и въ физическомъ отношеніи женщина имѣетъ нѣкоторыя несомнѣнныя преимущества передъ мужчиной, хотя съ другой стороны этотъ послѣдній тоже обладаетъ нѣкоторыми свойствами, въ которыхъ ему уступаетъ женщина. Какъ рѣшить, что выше: большая мышечная сила или большая пластическая сила организма, большая опредѣленность логическаго мышленія или большее богатство бессознательной сферы, сохраненіе ли общихъ видовыхъ признаковъ или постоянное внесеніе въ нихъ новыхъ комбинацій? Очевидно всѣ эти свойства равно важны, но такъ какъ онѣ на извѣстной высотѣ развитія до нѣкоторой степени исключаютъ другъ друга, то и оказалось невозможнымъ совмѣщеніе ихъ въ одномъ индивидуумѣ въ болѣе совершенныхъ видахъ. *Прогрессъ въ организмахъ совершается только вслѣдствіи дифференцированія формъ и раздѣленія труда.* Нѣтъ никакого сомнѣнія, что ни спеціально женскія, ни спеціально мужскія особенности не достигли бы даже отдаленно наблюдаемой теперь полноты развитія, еслибы культура ихъ не была предоставлена отдѣльнымъ индивидуумамъ.

Мечтать объ томъ, чтобы съ помощью воспитанія или общественнаго устройства можно было сдѣлать женщину подобную мужчинѣ, значить колоссально заблуждаться относительно размѣровъ нашихъ собственныхъ силъ и относительно нашей независимости отъ общихъ законовъ природы. *Мы безсильны произвести подобный регрессъ нашей природы, — и въ этомъ наше счастье.*

Аминь. Въ подчеркнутыхъ мною строкахъ заключается самая суть воззрѣній г. Шкляревскаго на теорію развитія, та самая суть, около которой ходилъ г. Воеводскій. Г. Воеводскій просто говоритъ: по теоріи развитія все бываетъ сначала дурно, а потомъ постепенно совершенствуется. Г. Шкляревскій дополняетъ это положеніе: все бываетъ сначала дурно, потому что бѣдно, однообразно, а потомъ постепенно совершенствуется потому что усложняется, дифференцируется. Конечно это условно, но по крайней мѣрѣ я понимаю человѣка, знаю въ чемъ именно по его мнѣнію состоитъ развитіе. Оно состоитъ въ полиморфизмѣ, въ многоформности. И на первый взглядъ можетъ показаться, что того же мнѣнія держится и г. Воеводскій. Одинъ ученый слѣдитъ, какъ изъ царства моногенезиса образовались, черезъ ступень гермафродитизма, царство амфигенезиса и какъ въ этомъ царствѣ мужской и женскій типы ко всеобщему благополучію расходились. Другой ученый слѣдитъ, какъ изъ первобытной бушменской формулы «хорошо украсть и дурно быть обокраденнымъ» образовались болѣе сложныя понятія о добрѣ и злѣ, какъ образовались понятія полезнаго, нравственнаго, религіознаго. Однако я не могу поручиться, что оба ученые понимаютъ теорію развитія одинаково. У г. Воеводскаго раздробленіе, дифференцированіе понятій о добрѣ и злѣ происходитъ внутри одной и той же личности. Тотъ же бушмень, который полагалъ, что хорошо украсть и дурно быть обокраденнымъ, съ теченіемъ времени, вмѣсто простой квалификаціи: хорошо, дурно, — получаетъ возможность болѣе тонкой, сложной, разносторонней оцѣнки. Въ психической жизни сосѣда этого бушмена этотъ же процессъ можетъ повториться до мельчайшихъ подробностей. Такъ что изъ теоріи развитія, какъ она чуть-чуть намѣчена г. Воеводскимъ, еще не слѣдуетъ, чтобы бушмень и бушменка, развиваясь, перестали походить другъ на

друга, какъ то требуется теоріей развитія г. Шкляревскаго. Къ сожалѣнію, благодаря самодовольству г. Воеводскаго, которое помѣшало ему представить хоть какія нибудь оправданія возрѣнію, что все совершенствуется, благодаря этому самодовольству, я лишенъ возможности повѣрить его взглядами взгляды кievскаго профессора. Я не могу даже приблизительно сказать, согласился бы онъ съ возрѣніями г. Шкляревскаго или нѣтъ, подтвердилъ бы или опровергъ своею историко-филологическою эрудиріей эрудирію биологическую. А это конечно очень жаль, потому что было бы въ высокой степени интересно свести на очную ставку двѣ звѣзды, равно блистающія на двухъ различныхъ небосклонахъ.

Не поможетъ ли намъ г. Мечниковъ? Онъ—естествоиспытатель по профессіи, но занять преимущественно антропологіей, наукой о человѣкѣ, той самой наукой, которая съ одной стороны примыкаетъ къ наукамъ физико-математическимъ и въ частности къ біологіи, а съ другой—къ наукамъ нравственно-политическимъ. Обратимся къ нему. У него мы встрѣтимъ еще болѣе прямое примѣненіе теоріи развитія къ занимающему насъ женскому вопросу.

Несмотря на популярность изложенія и очень небольшой размѣръ изслѣдованія г. Мечникова, я беру на себя смѣлость, хоть мнѣ это и не подобаешь, назвать его образцовымъ въ смыслѣ, такъ сказать, научнаго изящества: такъ логически оно построено и такъ всесторонне охватываетъ избранный предметъ. Прежде всего авторъ ставитъ общій и общепзвѣстный принципъ: «Если какой нибудь видъ или индивидуумъ животнаго дѣлаетъ шагъ впередъ противъ своихъ собратій, то отношенія возрастовъ у него мѣняются и тѣмъ самымъ являются причиной различныхъ, иногда довольно сложныхъ измѣненій». Если мы напримѣръ будемъ сравнивать такихъ близкихъ родственниковъ, какъ лягушка и тритонъ, изъ которыхъ первая занимаетъ въ зоологической системѣ нѣсколько высшее мѣсто, то увидимъ, что тритонъ всю жизнь сохраняетъ форму удлинненнаго, ящеровиднаго животнаго съ короткими ногами и длиннымъ хвостомъ; лягушка

же только нѣкоторое время имѣеть такую форму, а съ дальнѣйшимъ развитіемъ теряетъ признаки, сближающіе ее по внѣшности съ тритонъ. То есть взрослая лягушка меньше похожа на себя въ личиночномъ состояніи, чѣмъ тритонъ, который какъ бы соотвѣтствуетъ лягушкѣ въ ранней стадіи ея развитія; лягушка претерпѣваетъ болѣе глубокія измѣненія, чѣмъ ея низшій собратъ — тритонъ. Личинки гомара отлпчаются отъ взрослой формы раздвоенными ногами, приближаясь въ этомъ отношеніи къ нѣкоторымъ мелкимъ морскимъ ракамъ, которые такъ и называются раздвоенногими; у послѣднихъ этотъ признакъ остается на всю жизнь, тогда какъ у гомара онъ съ теченіемъ времени пропадаетъ и составляетъ признакъ только одной изъ ступеней развитія. Подобныхъ примѣровъ можно было бы привести множество. Обращаясь къ человѣческому роду, мы встрѣчаемъ многостороннее сходство между дѣтьми цивилизованныхъ людей и дикарями. Сходство это свидѣтельствуетъ, что и здѣсь нѣкоторые признаки, свойственные низшимъ расамъ вырожденія всей жизни, у высшихъ имѣютъ мѣсто только временно, въ раннія фазы развитія. Такъ лицо европейскаго ребенка, широкое, безъ переносья, съ широкимъ носомъ и толстыми губами, очень напоминаетъ лицо негра. Такъ вѣусы и понятія европейскихъ мальчишковъ напоминаютъ нравы и обычаи дикарей. Леббокъ собралъ много относящихся сюда фактовъ. Онъ же обратилъ вниманія на сходство многихъ языковъ первобытныхъ народовъ съ языкомъ нашихъ дѣтей, которыя такъ любятъ повторять слоги: папа, цыца, мама, вава, ляля, дядя, няня и т. п. Этого рода слова почти не встрѣчаются въ европейскихъ языкахъ, а въ языкахъ негритянскихъ народовъ, полинезійцевъ, австралійцевъ и проч. напротивъ очень распространены. Тэйлоръ приводитъ очень много данныхъ въ пользу того мнѣнія, что дѣтъ еія игры суть остатки обычаевъ, нѣкогда бывшихъ въ употребленіи у взрослыхъ и въ этомъ значеніи и до сихъ поръ сохранившихся у нѣкоторыхъ дикихъ народовъ. Значить, мы и здѣсь имѣемъ нѣкоторую аналогію съ приведенными примѣрами лягушки и тритона, гомара и раздвоенногихъ раковъ.

«Изъ всего сказаннаго неизбежно вытекаетъ тотъ простой выводъ, что между отдѣльными возрастaми дикаря существуетъ несравненно большее сходство, чѣмъ между возрастaми цивилизованнаго человѣка, подобно тому, какъ хвостатая личинка тритона гораздо больше похожа на взрослую форму, чѣмъ головастики на лягушку. Личинка тритона съ того момента, когда она потеряла жабры и приобрѣла четыре ноги, есть уже по всѣмъ признакамъ настоящей молодой тритонъ; соответствующая же стадія развитія лягушки будетъ еще головастикомъ, личинкой. Тоже самое—и у человѣка. На низшихъ ступеняхъ юноша становится взрослымъ, начиная съ того момента, когда у него появились физическіе признаки взрослого человѣка, когда онъ достаточно силенъ для того, чтобы собственными руками обезпечивать жизнь свою и своего семейства. На высшихъ же ступеняхъ развитіе продолжается несравненно дольше, такъ какъ цѣль, которой оно должно достигнуть, шире и глубже».

Установивъ такимъ образомъ принципъ, авторъ переходитъ къ его приложенію. Онъ беретъ для изслѣдованія возрастъ вступленія въ бракъ, какъ такой, относительно котораго имѣется всего болѣе точныхъ свѣдѣній. Это—возрастъ, рѣзко раздѣляющій жизнь человѣка на двѣ половинны, выражающійся важными измѣненіями организма, встрѣчаемый у дикарей разными торжествами, а у цивилизованныхъ людей заносимый кромѣ того въ разныя книги и подлежащій поэтому статистическимъ вычисленіямъ.

Не могу мимоходомъ не обратить вниманія читателя на эти побужденія ученаго человѣка. Возрастъ вступленія въ бракъ есть практически такой важный моментъ въ жизни человѣка, столько съ нимъ связывается свѣта и тѣни, надеждъ, разочарованій, вообще жизни, что нашъ братъ, профанъ, можетъ тоже надъ нимъ призадуматься. Но нашъ братъ призадумается надъ этимъ моментомъ ради него самаго, ради того бурнаго хлопанія жизни, которое овладѣваетъ въ этотъ моментъ человекомъ и играетъ имъ какъ расходящаяся волна щепкой. Ученый человѣкъ ничего этого во вниманіе не беретъ. Онъ изслѣду-

еть возрастъ вступленія въ бракъ единственно потому, что такое изслѣдованіе удобно, что для него имѣется достаточное количество статистическихъ и другихъ данныхъ. Этотъ характеръ научнаго безкорыстія г. Мечниковъ очень старается соблюсти. Онъ считаетъ необходимымъ предупредить читателя что всѣ его соображенія и сопоставленія направлены «для разрѣшенія теоретическихъ вопросовъ общей антропологіи»; что у него «нигдѣ ни прямымъ, ни косвеннымъ путемъ не высказываются и не затрогиваются практическія вопросы, какъ бы тѣсно они ни находились въ связи съ тѣмъ предметомъ, о которомъ идетъ рѣчь въ настоящей статьѣ». Признаюсь, подобные жесты и мины ученыхъ людей меня всегда очень огорчаютъ. Сами же они часто говорятъ о томъ, что люди практики не обладаютъ нужными для нихъ познаніями и сами же, чреватые знаніемъ, отворачиваются отъ практики. Съ другой стороны читатель слыхалъ конечно рѣчи практиковъ, дѣльцовъ: я, дескать, не касаюсь ни прямымъ, ни косвеннымъ образомъ науки, я имѣю въ виду чисто практическій вопросъ. Этакъ конечно наука и жизнь, теорія и практика, всегда будутъ глядѣть въ разныя стороны, и мы, профаны, всегда будемъ предоставлены сами себѣ.

Какъ бы то ни было, но, несмотря на жесты и мины г. Мечникова (другіе скажутъ можетъ быть: благодаря этимъ жестамъ и минамъ), изслѣдованія его пригодно и для насъ, простыхъ смертныхъ. Можетъ быть это уже отъ самого предмета зависть.

Г. Мечниковъ, приведя многочисленныя свидѣтельства путешественниковъ относительно дикихъ народовъ и нѣкоторыя статистическія данныя относительно народовъ европейскихъ, приходитъ къ такому заключенію: «Половая зрѣлость (pubertas), общая физическая зрѣлость (nubilitas) и брачная зрѣлость (возрастъ вступленія въ бракъ) составляютъ три важныхъ момента въ жизни человѣка, имѣющихъ одну и ту же цѣль: удовлетвореніе стремленій къ поддержанію вида (размноженіе). Въ однихъ случаяхъ (большинство первобытныхъ народовъ) эти три момента совпадаютъ или почти совпадаютъ другъ съ другомъ; въ дру-

гнхъ же случаяхъ они раздвигаются, между ними появляются промежутки, тѣмъ болѣе длинныя, чѣмъ дольше совершается развитіе, и потому наиболѣе ощутительныя у наиболѣе цивилизованныхъ народовъ. Эти промежутки, означающіе неравномѣрное и слѣдовательно неодновременное развитіе аппаратовъ, служащихъ для одной и той же цѣли, составляютъ доказательство существованія дисгармоніи въ развитіи человѣка». Намъ нѣтъ надобности перечислять здѣсь весь рядъ фактовъ, приведшихъ г. Мечникова къ такому рѣзкому, смѣлому и въ высшей степени важному заключенію. Я возьму у него только два-три фактическія указанія, собственно въ поясненіе мысли автора. У большинства дикихъ народовъ женщина, правильнѣе говоря, дѣвочка съ появленіемъ менструаціи объявляется уже невѣстою и весьма скоро становится матерью. Мальчики съ наступленіемъ половой зрѣлости также считаются женихами. Если это условіе и осложняется нѣкоторыми общественными требованіями, то крайне элементарными. Напримѣръ у нѣкоторыхъ жителей Африки для вступленія въ бракъ требуется быть собственникомъ нѣсколькихъ трубокъ, стула, сундука, выстроить избу и поймать плѣннаго. У атхинцевъ (жители сѣверныхъ Алеутскихъ острововъ) «вступать въ бракъ позволялось съ 10-лѣтняго возраста, какъ времени, въ которое мальчикъ могъ и долженъ былъ умѣть владѣть байдаркою и стрѣлами и слѣдовательно числиться въ числѣ промышленниковъ, а дѣвица—шить». У цивилизованныхъ народовъ, относительно которыхъ имѣются статистическія данныя, браки совершаются несравненно позже. И тутъ есть извѣстная градація. Напримѣръ браки до 20-лѣтняго возраста у калмыковъ составляютъ больше половины—53,63% всѣхъ браковъ, въ Россіи—47%, въ Сардиніи—15,74%, во Франціи—10,71%, въ Англіи—7,30%, въ Бельгіи—5,60%. Для насъ важны однако не эти числа, а отношенія между естественными, физиологическими и культурными условіями брачнаго возраста. Дикарь женится какъ только въ немъ вачинаеть говорить половой инстинктъ; онъ не встрѣчаетъ при этомъ никакихъ препятствій въ своей культурѣ. У европейскихъ народовъ такого совпаденія

условій естественныхъ и культурныхъ — нѣтъ. Напримѣръ статистика показываетъ, что у англичанокъ средній возрастъ вступленія въ бракъ равняется приблизительно 24 годамъ и $8\frac{1}{2}$ мѣсяцамъ; половая же зрѣлость у нихъ наступаетъ среднимъ числомъ въ $15\frac{1}{2}$ лѣтъ; значить, промежутокъ между этими двумя моментами, у народовъ нецивилизованныхъ вообще говоря несуществующій, у англичанокъ равняется 9 годамъ и $2\frac{1}{2}$ мѣсяцамъ. У французенокъ онъ еще больше—11 лѣтъ. Надо замѣтить, что у европейцевъ (относительно дикарей въ этомъ отношеніи вѣроятно нѣтъ никакихъ данныхъ) половая зрѣлость наступаетъ раньше общей зрѣлости организма; а именно, по мнѣнію специалистовъ, для европейскихъ дѣвушекъ общая зрѣлость наступаетъ въ 20 лѣтъ, такъ какъ только къ этому времени завершается ростъ тазовыхъ костей. Но если мы примемъ и этотъ возрастъ за такой, на который сама природа указываетъ, какъ на возрастъ вступленія въ бракъ, такъ и то увидимъ, что цивилизація какъ бы отодвигаетъ его на нѣсколько лѣтъ. Разница между возрастомъ общей физической зрѣлости и дѣйствительнымъ возрастомъ вступленія въ бракъ равняется среднимъ числомъ для англичанокъ 4,66 года, для французенокъ—5,32, для норвежекъ—6,98, для голландокъ—7,78, для бельгійекъ—8,19 года. Подобный же, хотя менѣе очевидный результатъ получается и для мужчинъ.

Таковы нѣкоторыя изъ данныхъ, побуждающихъ г. Мечникова сказать, что развитіе человѣка отнюдь не гармонично. Не столько человѣка вообще, сколько современнаго цивилизованнаго человѣка, потому что у первобытныхъ народовъ, у дикарей, моменты половой зрѣлости, общей физической зрѣлости и зрѣлости брачной совпадаютъ. Но вѣдь нѣкогда весь родъ человѣческій состоялъ изъ дикарей. Ужь на что кажется греки героическаго періода, а и тѣ были варвары и людоѣды. Слѣдовательно въ томъ пути, который человечество прошло до современнаго уровня цивилизаціи, въ томъ триумфальномъ шествіи развитія, которое дѣлаетъ столь самодовольнымъ г. Воеводскаго, не все пахнетъ розой, не все совершенствуется. Г. Мечниковъ не въ пер-

выи уже разъ обнаруживаетъ такое еретическое отношеніе къ теоріи развитія. Въ томъ же «Вѣстникѣ Европы» онъ напечаталъ въ 1871 году статью «Воспитаніе съ антропологической точки зрѣнія», съ которою между прочимъ нашимъ педагогамъ не мѣшало бы ознакомиться. Уже тамъ доказывалось, что въ развитіи отдѣльныхъ аппаратовъ человѣческой машины существуютъ несоразмѣрности, усиливающіяся вмѣстѣ съ поступательнымъ ходомъ цивилизаціи. Мы оставимъ однако эту статью совсѣмъ въ сторонѣ, потому что въ статьѣ «Возрастъ вступленія въ бракъ» имѣются всѣ нужныя для насъ данныя.

Иному можетъ показаться, что сообщенные г. Мечниковымъ факты и даже тотъ итогъ, который онъ имъ подводитъ, не представляютъ ничего особенно омрачающаго триумфальное шествіе человѣчества отъ дикости къ цивилизаціи. Культурныя условія вступленія въ бракъ не совпадаютъ съ физиологическими, аппараты, служащіе для одной и той же дѣли, развиваются неравномѣрно,—ну такъ что же? что тутъ прискорбнаго? Тому, кто задалъ бы себѣ этотъ вопросъ, я предложилъ бы подумать о положеніи человѣка, у котораго нѣтъ рта, но есть желудокъ, требующій нищи. Какія именно неудобства сопровождаютъ несоразмѣрность распредѣленія моментовъ половой дѣятельности мы сейчасъ увидимъ.

Такіе же результаты, какіе получились изъ сравненія возрастовъ вступленія въ бракъ первобытныхъ и цивилизованныхъ народовъ, получаются и при сравненіи высшихъ и низшихъ классовъ одного и того же народа. Достойны всякаго вниманія соображенія, побудившія г. Мечникова ввести это послѣднее сравненіе въ свое изслѣдованіе. «Въ статистикахъ говорится о Франціи, Англіи, и т. п., какъ о чемъ-то цѣльномъ и единомъ,—говоритъ онъ; между тѣмъ населеніе этихъ странъ состоитъ изъ многихъ группъ, стоящихъ на совершенно различной степени развитія». Въ частности по отношенію къ возрасту вступленія въ бракъ, разница между высшими и низшими классами европейскихъ странъ оказывается дѣйствительно очень значительною. Ориентируясь при помощи очень остроумныхъ приемовъ въ слож-

ныхъ, запутанныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ скудныхъ данныхъ, г Мечниковъ пришелъ къ заключенію, что англійскія высокопоставленныя лица, пэры, бароны и проч., женятся позже англійскихъ рабочихъ; нѣмецкія князья и графы позже нѣмецкихъ низшихъ классовъ; представители высшихъ русскихъ сословій позже русскихъ крестьянъ. Такимъ образомъ дѣйствительный возрастъ вступленія въ бракъ ниже у дикарей, чѣмъ у европейцевъ и ниже у низшихъ классовъ, чѣмъ у высшихъ, болѣе цивилизованныхъ, т. е. цивилизація отодвигаетъ возрастъ вступленія въ бракъ. То же подтверждается и нѣкоторыми, очень впрочемъ скудными историческими фактами. Но отодвигая возрастъ вступленія въ бракъ, цивилизація совсѣмъ не въ тактъ вліяетъ на возрасты половой зрѣлости и общей физической зрѣлости. Для нагляднаго изображенія отношеній этихъ трехъ моментовъ половой жизни г. Мечниковъ составилъ таблицу «дисгармоническихъ періодовъ». Такъ называетъ онъ во-первыхъ промежутокъ отъ наступленія половой до наступленія общей физической зрѣлости, и во-вторыхъ промежутокъ отъ наступленія общей физической зрѣлости до вступленія въ бракъ. Надо еще замѣтить, что параллельно съ запаздываніемъ возраста вступленія въ бракъ идетъ и сокращеніе самаго числа браковъ. У дикарей холостяковъ почти не бываетъ, у цивилизованныхъ же людей, и преимущественно въ высшихъ классахъ, браки заключаются все рѣже и рѣже. Конечно, составленная г. Мечниковымъ таблица дисгармоническихъ періодовъ имѣетъ значеніе только нагляднаго пособия и ничего еще не доказываетъ; не доказываетъ по крайней мѣрѣ вліянія цивилизаціи на удлиненіе дисгармоническихъ періодовъ. Иначе пришлось-бы помѣстить на вершинѣ цивилизаціи нѣмецкихъ *Durchlaucht*'овъ и *Erlaucht*'овъ, потому что они стоятъ послѣдними въ таблицѣ, т. е. у нихъ дисгармоническіе періоды наиболѣе продолжительны. Но это конечно зависитъ отъ малаго числа данныхъ, бывшихъ въ распоряженіи нашего автора. Во всякомъ случаѣ, соображая все вышесказанное, онъ считаетъ себя въ правѣ сказать: «Что во всемъ этомъ лежитъ завязка «ненормальная», это, я думаю, каждому бьдается въ глаза. Иначе какъ-же объяс-

нять тотъ фактъ, что физическое развитіе организма не идетъ въ рядъ съ развитіемъ культурнымъ, производя между обоими все увеличивающуюся пропасть, грозящую всему существованію человѣка?»

И такъ намъ грозитъ пропасть, насъ гонитъ въ нее цивилизація, одна изъ формъ развитія. Такъ охотятся африканскіе дикари; они загоняютъ дикихъ звѣрей въ узкое загороженное мѣсто, которое оканчивается у пропасти: туда, тѣсясь другъ къ другу, съ ревомъ ужаса и отчаянія валятся зебры, лани, буйволы, дикія козы и расшибаются объ края и дно пропасти, а дикарямъ остается только прикалывать добычу. Но въ чемъ же состоитъ грозящая намъ пропасть? каковы послѣдствія постоянного удлинненія дисгармоническихъ періодовъ? Г. Мечниковъ отвѣчаетъ: увеличеніе смертности, самоубійства, преступленія, душевныя болѣзни. Я не стану приводить доказательствъ г. Мечникова. Желаящій знать ихъ можетъ обратиться къ его статьѣ. Мнѣ важно представить читателю только итоги. Я ихъ представилъ. Но г. Мечниковъ дѣлаетъ еще къ нимъ маленькое, къ сожалѣнію слишкомъ маленькое дополненіе. Онъ намекаетъ именно на аналогію между жизнью народовъ и жизнью индивидовъ. Какъ послѣдніе, дескать, проживутъ проживутъ да и умираютъ, такъ должно быть и съ народами: «само развитіе составляетъ источникъ періодичности съ ея концомъ». Конецъ всего—дѣло страшное, когда онъ не конецъ униженію и страданію, а тутъ дѣло идетъ о концѣ нашей цивилизаціи, т. е. о концѣ всѣхъ благъ, которыя мы связываемъ съ понятіемъ о ней, о концѣ нашихъ гордости и самодовольства. Еслибы еще дѣло шло о концѣ отдѣльныхъ народовъ—такъ куда ни шло. Мы уже свыелись съ этой мыслью и даже не безъ страннаго удовольствія соображаемъ, что вотъ прекрасная машина греческой цивилизаціи перестала дѣйствовать, римляне ее разбирали и употребляли на топливо и подтопку для своей собственной печки. Много дровъ пожрала эта печка, и нѣсколько времени огонь горѣлъ ярко, а машина дѣйствовала сильно. Но, поглотивъ однажды слишкомъ большую порцію дровъ-варваровъ, печка развалилась и

машинна остановилась. Ее тоже разобрали и обломками ее стали топить печку европейской цивилизаціи. Картина прекраснѣйшая, почему она и называется прогрессомъ. Вотъ азійскіе народы—тѣ не подвержены прогрессу. Тѣ перегорать себѣ въ одиночку, и обломки ихъ машинъ бесполезно валяются въ степяхъ: тамъ «моить ихъ дождь, засыпаетъ ихъ пыль и вѣтеръ волнуется надъ ними ковыль»... Это такъ. Но теперь нѣтъ цивилизаціи вавилонской, персидской, индѣйской, римской, мексиканской, греческой. Есть только одна цивилизаціи европейская, которая не сегодня-завтра охватитъ всю землю, оставивъ отъ Бухары и Новой Зеландіи, отъ Японіи и Средней Африки одни обгорѣлыя головѣшки. И вотъ этой-то всепоглощающей и почти всепоглотившей цивилизаціи грозитъ конецъ. Но концу всегда предшествуетъ начало конца. Не наступило ли уже оно? Г. Всеволодскій надѣваетъ фракъ, бѣлыя перчатки и снисходительно отвѣчаетъ: помилуйте! все идетъ прекрасно, вы сравните только: тамъ варвары, людоѣды, а здѣсь я, профессоръ Дестунисъ, профессоръ Люгебиль и прочіе, изслѣдующіе «всѣхъ вещей дѣйства и причины»; какое же сравненіе! Г. Шкляревскій, съ своей стороны, поэтически излагаетъ смѣну моногенезиса амфигенезисомъ, какъ исходную точку того прекраснѣйшаго раздѣленія труда между мужчиной и женщиной, которое только въ Америкѣ нѣсколько подгажено, за что американцы и платятся атрофіей желѣзистыхъ тканей. Въ остальномъ все идетъ превосходно и — г. Шкляревскій цитируетъ *chorus mysticus* изъ которой части «Фауста»:

*Das Ewig Weibliche
Zieht uns hienan.*

Все идетъ прекрасно, а между тѣмъ, г. Менчникову совершенно «понятно, что въ жизни многихъ первобытныхъ народовъ можно нерѣдко замѣтить больше гармоніи и счастья, чѣмъ въ нашей,—обстоятельство, на которое указывали многіе писатели, по преимуществу Ж. Ж. Руссо. Раньше послѣдняго оно поразило Бюффона, выразившаго свою мысль очень изящно (слѣду-

еть цитата). Мы не станемъ здѣсь разбирать подробнѣ этотъ съ давнихъ поръ поставленный на обсужденіе вопросъ, по поводу котораго обѣими партіями было сдѣлано множество преувеличеній; но скажемъ только, что и до сихъ поръ между путешественниками нерѣдко встрѣчаются поклонники идеи Руссо и Бюффона. Наболѣе рѣзко въ этомъ смыслѣ высказывается Уоллесъ. Да и какъ быть въ этомъ дѣлѣ въ виду напримѣръ подобнаго рода заявленія? Во время пребыванія фрегата «Новары» на островѣ Каръ-Никобаръ, путешественники, распрашивая туземцевъ о ихъ бытѣ, между прочимъ коснулись вопроса о томъ, какого рода наказанія полагаются у нихъ за различныя преступленія. Туземецъ отвѣчалъ самымъ наивнымъ образомъ: «У насъ никакихъ преступленій не совершается; мы всѣ—народъ хорошій; у васъ же должно быть много злыхъ людей; иначе зачѣмъ бы у васъ было столько пушекъ и разнаго оружія».

Человѣкъ науки спрашиваетъ, какъ быть, т. е. какъ поступать въ виду подобнаго рода заявленій и фактовъ, которыхъ не мало. Станный вопросъ. Какъ быть? Ужь, конечно, не оставлять безъ разбора высочайшей важности вопросъ, «съ давнихъ поръ поставленный на обсужденіе» и все-таки ни малѣйше не обсужденный. Я прошу читателя отмѣтить въ своей памяти результаты, къ которымъ «теорія развитія» привела двухъ, равно компетентныхъ, хотя и въ различныхъ сферахъ науки работающихъ ученыхъ. По г. Воеводскому, и «въ кажущемся паденіи слѣдуетъ видѣть не что иное, какъ только дальнѣйшіе фазисы развитія, ведущаго въ сущности постоянно къ высшему совершенству всего человѣчества». По г. Мевъчикову, развитіе ведетъ ко множеству дисгармоническихъ явленій, изъ которыхъ г. Мечниковъ рассмотрѣлъ только касающіяся брачнаго возраста, но уже и онѣ ведутъ къ самоубійствамъ, преступленіямъ, душевнымъ болѣзнямъ и наконецъ къ смерти цивилизаціи. Это—разногласіе поразительно. Но сейчасъ мы увидимъ нѣчто, быть можетъ еще болѣе поразительное.

Все, что было говорено выше о брачномъ возрастѣ высшихъ и низшихъ классовъ европейскихъ народовъ, относится только

къ мужчинамъ. Для женщинъ получаютъ совѣмъ другія пропорціи. Такъ, средній возрастъ вступленія въ бракъ англійскихъ пэровъ и бароновъ на 3,69 года *выше* брачнаго возраста англчанъ вообще, т. е. англійскіе высокопоставленные мужчины женятся *позже* другихъ англчанъ. Англійскіе же пэрессы и баронессы выходятъ замужъ *раньше*, чѣмъ англчанки вообще, именно ихъ средній брачный возрастъ ниже общаго на 1,62 года. Подобные же результаты получаютъ при сравненіи брачнаго возраста нѣмецкихъ принцессъ съ брачнымъ возрастомъ нѣмокъ вообще. Обстоятельство это нисколько не удивляетъ г. Мечникова. Оно находится въ связи съ цѣлымъ рядомъ вполне извѣстныхъ и очень любопытныхъ фактовъ. Статистически доказано, что очень молодые мужчины (моложе 20 лѣтъ) женятся вообще на болѣе взрослыхъ женщинахъ. Затѣмъ въ брачныхъ парахъ 20—25 лѣтъ замѣчается наименьшая разница въ возрастѣ мужчинъ и женщинъ а начиная съ 25 лѣтъ, разница эта очень быстро растетъ, и именно такъ, что чѣмъ позже заключаются браки, тѣмъ болѣе возрастъ мужа превышаетъ возрастъ жены. Слѣдовательно въ тѣхъ культурныхъ группахъ, въ которыхъ мужчины женятся сравнительно поздно, женщины должны выходить сравнительно рано. И такъ культура, развитіе, отодвигая брачный возрастъ вообще, вмѣстѣ съ тѣмъ увеличиваютъ по отношенію къ этому возрасту контрастъ между мужчиной и женщиной. И этотъ фактъ составляетъ только частный случай болѣе общаго антропологическаго закона, по которому на высшихъ ступеняхъ цивилизаціи, различія между мужчиной и женщиной сильнѣе и многостороннѣе, чѣмъ на низшихъ. Возьмемъ ли мы физическія особенности обоихъ половъ, — мы придемъ подъ руководствомъ анатомовъ Гушке и Велькера къ заключенію, что «по мѣрѣ увеличенія совершенства расы, увеличивается и разница между полами по отношенію къ вмѣстимости черепной полости; особенно же сильно превосходитъ въ этомъ отношеніи европеецъ европейку сравнительно съ негромъ и негритянкой». Внешніе признаки, наиболѣе рѣзко отличающіе мужчину отъ женщины, усы и борода, наиболѣе развиты у самой совершенной

расы, кавказской, а негрптянскіе, монгольскія, американскіе, малайскіе народы въ этомъ отношеніи гораздо женоподобнѣе. Возьмемъ ли мы мелкія подробности одежды,—мы увидимъ, что серьги, браслеты, перья, яркія платья и т. п. у цивилизованныхъ народовъ носятъ только женщины, а у дикихъ и мужчины и женщины. Одна изъ отличительныхъ чертъ нервобытныхъ народовъ есть консерватизмъ, упорство въ сохраненіи разъ установившихся правилъ и обычаевъ. Этотъ консерватизмъ съ развитіемъ цивилизаціи слабѣетъ, но преимущественно въ мужской половинѣ человѣческаго рода. Такъ въ одной изъ самыхъ политически безпокойныхъ странъ, во Франціи, женщины вообще очень консервативны и въ частности отличаются клерикальностью, такъ сказать, до-вольтеровскимъ настроеніемъ. Словомъ женщина во всѣхъ отношеніяхъ болѣе или менѣе отстаетъ отъ мужчины и эта сравнительная отсталость увеличивается съ поступательнымъ ходомъ цивилизаціи. Это зависитъ отъ той особенной роли, которую женщина играетъ по отношенію къ размноженію. «Это послѣднее отиравленіе, требуя затраты большаго количества матеріи и дѣятельности, неизбѣжно задерживаетъ личное, индивидуальное развитіе женщины. Многими натуралистами вполне признанъ тотъ фактъ, что женщина представляется какъ бы соотвѣтствующею мужчиной въ юношескомъ возрастѣ, слѣдовательно задерживается, на извѣстной ступени развитія, подобно тому, какъ задерживается развитіе личинкоподобной самки многихъ насѣкомыхъ, самцы которыхъ являются въ видѣ гораздо болѣе развитыхъ существъ».

Вотъ и извольте рѣшать женскій вопросъ на основаніи спеціальныхъ изслѣдованій людей науки! Одинъ натуралистъ говоритъ, что мужчина есть «какъ бы неудавшееся или менѣе совершенное женское недѣлимое». Другой натуралистъ говоритъ, что женщина есть личинка человѣка. И оба придерживаются теоріи развитія! Чортъ возьми, не легко намъ профанамъ, жить на свѣтѣ! И рады бы мы были благоговѣнно внимать голосу науки и видѣть въ ней высшую инстанцію, куда слѣдуетъ обращаться за разрѣшеніемъ всѣхъ нашихъ сомнѣній, возникающихъ на коч-

коватою почвѣ практической жизни; рады бы мы были смотрѣть на нее, какъ на опытную и любящую мать, всегда готовую войти въ положеніе дѣтей. Но, по совѣсти говоря, развѣ это возможно? Я обѣщалъ читателю угостить его на славу роскошной умственной трапезой,—воззрѣніями трехъ русскихъ патентованныхъ ученыхъ. На дѣлѣ я подалъ читателю какой-то ученый кавардакъ, какую-то смѣсь противорѣчій и недомолвокъ. И ужь конечно не я виноватъ въ этомъ. Сопоставленіе изслѣдованій гг. Воеводскаго, Шкляревскаго и Мечникова мнѣ самому улыбалось, пока я его не сдѣлалъ, и разбило всѣ мои надежды, какъ только я ихъ поставилъ рядомъ. Мнѣ случалось слышать упреки, зачѣмъ, дескать, я нападаю на науку, какъ будто ужь кругомъ насъ нѣтъ ничего, болѣе достойнаго сѣтованій и обличеній. —Это недоразумѣніе, я полагаю. Многимъ бы я занялся и кромѣ науки, да руки коротки. По силѣ возможности впрочемъ я вытягиваю руки... Это развѣ. Что же касается науки, то не совсѣмъ почтительно мною представленны публикѣ гг. Евтушевскій, Миропольскій и прочіе наши извѣстные и извѣстнѣйшіе педагоги—не наука, а злѣйшая карикатура на науку. Гг. Воеводскій, Шкляревскій и Мечниковъ—несомнѣнная наука и не только потому, что они магистры и доктора—кто не видалъ увѣнчаннаго невѣжества?—а и потому, что они владѣютъ обширной эрудиціей и значительнымъ умнѣемъ обращатся съ фактами. Въ ихъ рукахъ большая сила, и силу эту я глубоко уважаю. Но кому много дано, съ того много и спросится. Именно мое уваженіе къ наукѣ побуждаетъ меня обращаться къ ней за разрѣшеніемъ томлящихъ меня, на ряду съ другими профанами, вопросовъ. И если у меня при этомъ срывается жесткое или насмѣшливое слово, то это— результаты обманутыхъ надеждъ. На г. Леонарда я только показалъ пальцемъ и отпустилъ его съ мпромъ, потому что... потому что онъ г. Леонардъ. Я не могу, правда, давать высокую цѣну многимъ изслѣдованіямъ, на которыя затрачено несомнѣнно много умственной силы, остроумія, учености, но изъ которыхъ я не могу сдѣлать никакого употребленія. Это можетъ быть очень жалкій взглядъ, но онъ такъ

естественъ для профана. *Savoir* я хочу только *pour prévoir*, а *prevoir* только *pour agir*. Однако я способенъ выслушать длиннѣйшій трактатъ о смѣнѣ моногенезиса амфигенезисомъ, о греческихъ мифахъ, о возрастѣ вступленія въ бракъ, если они хотя отчасти, хоть стороною какъ нибудь освѣтятъ мнѣ задачу жизни. Но этого-то и нѣтъ въ бѣльшей части ученыхъ трактатовъ.

Оставимъ въ сторонѣ противорѣчивыя заключенія, къ которымъ пришли г. Воеводскій и г. Мечниковъ, и г. Мечниковъ и г. Шкляревскій. Возьмемъ только г. Мечникова. Отмѣтивъ роль женщины въ размноженіи, какъ причину ея личинкоподобнаго состоянія, онъ продолжаетъ: «Никто конечно не выведетъ изъ моихъ словъ, чтобы я утверждалъ, будто женщина неспособна къ развитію и должна во всѣхъ случаяхъ и вѣчно оставаться на личинкоподобной стадіи развитія. Я утверждаю только, что прогрессивное развитіе женщины должно совершаться въ ущербъ ея способности размножаться, выкармливать и воспитывать дѣтей, совершенно подобно тому, какъ усиленная дѣятельность рабочихъ пчель, муравьевъ и термитовъ могла явиться не иначе, какъ вмѣстѣ съ появленіемъ бесплодія или же плодовитости въ экстремныхъ, исключительныхъ случаяхъ. Фактическое доказательство этого мнѣнія представляютъ Соединенные Штаты. Женщины-янки съ давнихъ поръ заботятся о собственномъ развитіи и сдѣлали въ этомъ отношеніи огромные успѣхи, но они совершились видимо на счетъ способности размноженія и семейной жизни. Такимъ образомъ всемъ извѣстно, до чего между американскими женщинами распространено вытравленіе плода и употребленіе другихъ средствъ къ уменьшенію плодовитости... Развитіе, съ помощью искусственныхъ мѣръ уменьшающее плодовитость, неизбежно ведетъ къ бѣльшему приравненію женщины мужчинамъ. Поэтому совершенно понятнo отвращеніе, питаемое развитыми женщинами къ тѣмъ особенностямъ женскаго костюма, которыя приближаютъ его къ одѣянію дикарей, а также и къ первобытной патриархальности и консерватизму».

Написалъ это ученый человекъ—и ему горя мало, а мнѣ онъ

ножь острый всадилъ. Въ приведенныхъ словахъ г. Мечникова, какъ и во многихъ другихъ его словахъ, явно подразумѣвается, что развитіе есть усовершенствованіе, улучшеніе. Поэтому-то онъ и торопится заявить, что не отказываетъ женщинѣ въ возможности развитія, т. е. въ лучшемъ будущемъ. Мнѣ непонятно только, зачѣмъ тутъ вытравливаніе плода и другія искусственныя преграды размноженію. Положимъ, что онѣ распространены въ Америкѣ, но это показываетъ только, что женщины-янки стоятъ не на самой высокой ступени развитія. Сколько мнѣ извѣстно, въ біологіи считается общепринятымъ, что развитіе само по себѣ, безъ всякихъ искусственныхъ подмогъ, задерживаетъ плодовитость. Но дѣло не въ этомъ, а въ томъ, что женщинѣ, не остающейся на личиноподобной ступени развитія, грозитъ, какъ показаль г. Мечниковъ, удлинненіе дисгармоническихъ періодовъ со всѣми его безобразными и печальными послѣдствіями. Извольте выбирать, читательницы. Я не знаю чего вамъ пожелать: того ли, чтобы вы вѣчно оставались личинкой (если правда, что вы—личинка), или чтобы на вашу долю выпали тѣ же бѣдствія, связанныя съ удлинненіемъ дисгармоническихъ періодовъ, которыя цивилизація обрушиваетъ на наши мужскія головы. Я не знаю чего вамъ пожелать, не только ради васъ, а и ради всего человѣчества. Скверно, что цѣлая половина человѣческаго рода находится въ личиночномъ состояніи: такъ ли бы шли дѣла въ нашей юдоли плача, еслибы эта половинна принимала участіе въ преемственной работѣ человѣчества. Но скверно будетъ и то, если женщины всѣмъ своимъ персоналомъ ускорять движеніе цивилизаціи къ той пронасти, которая, по словамъ г. Мечникова, грозитъ «всему существованію человѣка». Когда бьютъ и недовернувшася, и перевернувшася—выбирать трудно. Если же вы введете сюда еще выводы и заключенія гг. Воеводскаго и Шкляревскаго, то получится такой лабиринтъ, въ который и вступить страшно.

Такимъ образомъ мы видимъ рядъ спеціалистовъ по женскому вопросу, которые отрываютъ его отъ сопредѣльныхъ съ нимъ вопросовъ и даютъ ему непропорціональное освѣщеніе. Мы ви-

димъ Леонардовъ, которые разрѣбаютъ самые запутанные узлы мимоходомъ, entre la poire et le fromage, но совершенно по македонски. Мы видимъ наконецъ ученыхъ, которые самымъ рѣзкимъ образомъ противорѣчатъ другъ другу относительно самыхъ элементарныхъ началъ занимающаго насъ вопроса. Чтѣ же дѣлать намъ, профанамъ? Съ благодарностью взять у ученыхъ людей добытые ими голые факты, а выводы и заключенія сдѣлать самимъ. И пусть не говорятъ, что мы болѣе чѣмъ смѣлы. Наша смѣлость заранѣе оправдана тою беспомощностью, въ которую повергаютъ насъ люди науки.

XVII.

Прудонъ и Бѣлинскій *).

Читатель конечно не будетъ пораженъ сопоставленіемъ именъ. Прудона и Бѣлинскаго, потому что оно не ново. Прудонъ и Бѣлинскій—современники, имѣвшіе даже общихъ знакомыхъ и друзей. Естественное дѣло, что извѣстныя вѣянія времени, какъ напримѣръ нѣмецкая философія, нѣкоторые взгляды на задачи общественной жизни и т. п. живо затрогивали ихъ обоихъ. Въ этомъ имѣнно смыслѣ читателю и случалось встрѣчать сопоставленіе ихъ именъ. Я однако отнюдь не думаю проводить параллели между мнѣніями этихъ двухъ писателей, да изъ нижеслѣдующаго будетъ видно, что такіа параллели были бы по малой мѣрѣ безплодны, если не прямо невозможны. Другое дѣло—фигуры, личности Прудона и Бѣлинскаго. Они сами собой напрашиваются на сравненіе, тѣмъ болѣе, что недавно появились обширные матеріалы для характеристики того и другаго. Во Франціи въ нынѣшнемъ году началось четырнадцатое томное изданіе переписки Прудона (если не ошибаюсь, оно еще не дове-

*) 1875 Ноябрь.

дено до конца). Извлеченія изъ этого изданія до сихъ поръ тянутся въ «Вѣстникѣ Европы», въ статьѣ, озаглавленной: «Пьеръ-Жозефъ Прудонъ въ его письмахъ». Въ нынѣшнемъ же году окончился въ томъ же «Вѣстникѣ Европы» обширный «опытъ биографіи» Вѣлинскаго, составленный г. Пыпинымъ, главнымъ образомъ на основаніи переписки нашего знаменитаго критика. Читатели «Вѣстника Европы» неизбѣжно наталкивались на сравненіе. Натолкнулся и я и хочу подѣлиться съ другими своими впечатлѣніями.

Г. Д—евъ, авторъ статьи «Пьеръ-Жозефъ Прудонъ въ его письмахъ», очевидно—позитивистъ школы Конта и тщательно отыскиваетъ въ своемъ матеріалѣ черты, могущія служить подтвержденіемъ извѣстнаго Контова закона трехъ фазисовъ, въ силу котораго умственное развитіе человѣка, какъ и всего человѣчества, идетъ отъ теологіи черезъ метафизику къ положительной наукѣ. Многія изъ соображеній г. Д—ва очень остроумны и справедливы. Я думаю однако, что по отношенію къ Прудону эта смѣна трехъ фазисовъ во всякомъ случаѣ имѣетъ совершенно второстепенное и чисто внѣшнее значеніе. Что Прудонъ первоначально былъ занятъ теологіей, затѣмъ ринулся въ область метафизики, изъ которой, хотя и нивогда не выбился окончательно, но все таки отдалъ должное положительной наукѣ и ея орудіямъ, опыту и наблюденію—это вѣрно. Но не требуется глубокаго изученія переписки и сочиненій Прудона, чтобы видѣть, что это были ступени развитія не столько его самого, сколько, такъ сказать, оружія, которымъ онъ бился за свои завѣтныя идеи. Это кажется отчасти думаетъ и г. Д—евъ, но оставляетъ эту мысль безъ должнаго вниманія. А то бы ему пришлось, чего добраго, убѣдиться, что завѣтныя идеи Прудона даже и вовсе не укладываются въ формулу Конта. Какъ бы то ни было, но г. Д—евъ согласно своей задачѣ слѣдитъ преимущественно за процессомъ философскаго развитія Прудона и потому проходитъ мимо многоаго, очень характернаго для Прудона, какъ личности. Восполнить этотъ недостатокъ я могу только отчасти, потому что успѣлъ познакомиться только съ двумя

первыми томами французскаго изданія переписки Прудона. Кое въ чемъ намъ помогутъ впрочемъ его сочиненія.

Литературную свою дѣятельность Прудонъ началъ «Опытомъ всеобщей грамматики» (1837), сочиненіемъ слабымъ, дѣтскимъ, объ которомъ читающему люду только и извѣстно, что авторъ впоследствии отъ него отрекся. Совершенно незнакомый съ современными ему филологическими открытіями, даже не подозревая ихъ существованія, Прудонъ производилъ всѣ языки отъ священнаго... Видѣть въ «Опытѣ всеобщей грамматики» явленіе теологическаго фазиса развитія пожалуй можно; но вѣдь дѣло то тутъ просто въ томъ, что бѣдному наборщику попало въ руки нѣсколько книгъ извѣстнаго характера и содержанія. Если мы выкинемъ изъ счета подобныя случайности, то увидимъ, что Прудонъ явился въ литературѣ человѣкомъ вполне готовымъ, т. е. съ идеями, настолько ясными и установившимися, что въ дальнѣйшей дѣятельности онѣ подлежали только развитію, а не измѣненію. Въ прошеніи о стипендіи Сюара (внѣшнюю біографію Прудона я предполагаю читателю извѣстною), Прудонъ много говорилъ о своихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ. Но для біографа гораздо интереснѣе то обстоятельство, что секретарь безавсонской академіи, Переннь, потребовалъ измѣненія слѣдующихъ строкъ: «Рожденный и воспитанный среди рабочаго класса, принадлежа ему и нынѣ навсегда сердцемъ, разумомъ, привычками общностью интересовъ и желаній, я былъ бы вполне счастливъ, еслибы привлекъ ваше вниманіе къ этой части общества, которую такъ красить названіе «рабочей»; еслибы я оказался достойнымъ чести быть ея первымъ представителемъ передъ вами, еслибы я могъ отнынѣ работать безъ отдыха, въ философіи и наукѣ, со всею энергіею моея воли и всѣми силами моего разума для полнаго освобожденія своихъ братьевъ и товарищей». Рассказывая свои планы въ письмѣ къ Перенну, Прудонъ объявляетъ что онъ не намѣренъ изучать юриспруденцію: «Вся система нашихъ законовъ основана на принципахъ, въ которыхъ нѣтъ ничего философскаго и которые одинаково противны и закону природы, и закону откровенія. Таково по крайней мѣрѣ мое

миѣніе. Миѣ не трудно бы было подтвердить его многочисленными примѣрами. Условности, основанныя на побѣдѣ, рабствѣ, силѣ, привилегіи или варварствѣ—вотъ суть нашего права». Въ одномъ изъ самыхъ раннихъ писемъ (1838 г.), собранныхъ во французскомъ изданіи, Прудонъ называетъ уже себя «*égalitaire*», какъ называлъ себя всю жизнь. Получивъ Скюрову стипендію, онъ пишетъ одному другу: «Меня поздравляютъ съ прочностью положенія, съ возможностью сдѣлать карьеру, принять участіе въ погонѣ за мѣстамп и жалованьями, достигъ почета и блестящаго положенія, сравнятся и даже можетъ быть превзойти Жоффруа, Пулье и проч. Но никто не сказалъ миѣ: Прудонъ-ты долженъ прежде всего отдаться дѣлу бѣдныхъ, освобожденію слабыхъ, просвѣщенію народа; ты можетъ быть будешь предметомъ ужаса для богатыхъ и сильныхъ; тебя будутъ проклипать держащіе ключи науки и богатства: иди своей дорогой реформатора на встрѣчу преслѣдованіямъ, клеветѣ, горечи, самой смерти. Вѣрь своему назначенію и смѣло предпочти славное мученичество апостола радостямъ и золотыхъ цѣпямъ рабовъ. Тебя ли побѣдятъ лести и соблазны удовольствій и богатства? Ты ли, сынъ народа, отречешься отъ своей совѣсти и предашь свою вѣру? За тобой слѣдятъ глаза твоихъ братьевъ; они мучительно ждуть, придется ли имъ оплакивать паденіе и измѣну того, кто такъ клялся быть ихъ защитникомъ; отблагодарить тебя имъ нечѣмъ, кромѣ благословеній, которыя однако дороже золота. Страдай и умри, если нужно, но говори истину и стой за сироту». Еще дальше Прудонъ выразилъ съ меньшимъ пафосомъ, но съ тѣмъ болѣею силою нѣкоторыя воззрѣнія, которыми онъ также оставался вѣренъ всю жизнь: «Я держусь своихъ принциповъ; я ими никогда не пожертвую, что бы ни случилось; я доволенъ своимъ положеніемъ ремесленника. — Я откровенный и неизмѣнный республиканецъ по убѣжденію и чувству; но правда и то, что мой республиканизмъ не совсѣмъ тотъ, который значитъ у сеидовъ Робеспьера и поклонивковъ Марата; ихъ дѣла — самое сильное ихъ осужденіе». Такъ говорилъ Прудонъ еще до изданія «Опыта всеобщей грамматики». Особенно

характерна эта оговорка на счетъ якобинцевъ. Это—частность, но то-то и важно, что даже такая частность, какъ ненависть къ якобцамъ, уже смолоду отличала Прудона. Второе печатное сочиненіе Прудона было «О празднованіи воскресенья». Оно мало читается, хотя и вошло въ собраніе сочиненій Прудона. И дѣйствительно, оно само по себѣ не имѣетъ никакого значенія, но въ біографическомъ смыслѣ оно напротивъ очень важно. Можно пожалуй опять-таки говорить по поводу его о о теологическомъ фазисѣ развитія, потому что тутъ дѣло идетъ о моисеевомъ законѣ. Но дѣло въ томъ, что «Празднованіе воскресенья» представляетъ совсѣмъ не богословское толкованіе установленія суботняго дня и десяти заповѣдей. Это—комментаріи чисто прудоновскія, основанію которыхъ авторъ никогда не измѣнялъ. Заповѣдь «не укради», напримѣръ толкуется уже прямо въ смыслѣ извѣстныхъ мемуаровъ о собственности. Словомъ и установленіе суботняго дня, и весь законъ моисеевъ привлечены Прудономъ только въ качествѣ орудія. Слѣдующая тирада ясно покажетъ въ чемъ дѣло: «Что мы видимъ вокругъ насъ? Съ одной стороны—люди, недовольные и разочарованные среди роскоши, бѣдные даже со всѣми своими богатствами; съ другой — наемники, которымъ нищета запрещаетъ даже думать о своемъ разумѣ и о своей душѣ; они счастливы, когда находятъ работу въ воскресенье!.. И среди всего этого христіанство, указывая на законъ моисеевъ и безъ дальнѣйшихъ объясненій сохраняетъ празднованіе дня, который сдѣлалъ насъ всѣхъ равными и братьями. Не говоритъ ли оно тѣмъ самымъ: есть время для труда, есть время и для отдыха. Если одни изъ васъ не имѣютъ отдыха, такъ это потому, что у другихъ слишкомъ много досуга. Смертные ищите истину и справедливость; войдите въ себя, раскайтесь, обновитесь... Мы должны быть благодарны соборамъ, которые, не то что византійскіе аббаты восемнадцатаго вѣка, упорно стояли за празднованіе воскресенья. И дай Богъ, чтобы уваженіе къ этому дню было для насъ такъ же священно, какъ и для нашихъ отцовъ! Грызущее насъ зло чувствовалось бы сильнѣе, и лекарство было бы можетъ быть скорѣе найдено... Соб-

ственность еще не дѣлала мучениковъ, она—послѣдній изъ ложныхъ боговъ. Вопросъ о равенствѣ состояній былъ уже поднятъ, но въ видѣ безпринципной теоріи. Онъ долженъ быть вновь поднятъ во всей его глубинѣ. Проповѣдуемый во имя Бога и освященный голосомъ священника, онъ распространится, какъ молнія... Вотъ задача: *найти состояніе общественнаго равенства, которое не было бы ни коммунизмомъ, ни деспотизмомъ, ни раздробленіемъ, ни анархіей,—но свободю въ порядкѣ и независимостью въ единствѣ* (курсивъ подлинника). А за разрѣшеніемъ этого перваго пункта, остается другой: *найти лучший способъ перехода* (къ этому идеалу). Тутъ вся задача человѣчества». (Oeuvres, II, 150).

Кто знаетъ Прудона, тотъ знаетъ, что въ этихъ строкахъ заключенъ уже весь Прудонъ, какинъ его знаетъ читающій міръ. Для него нѣтъ ничего характернаго, какъ постановка извѣстнаго, крайняго идеала (выраженнаго часто очень «страшными словами»), и затѣмъ выработка переходныхъ ступеней. Къ этому мы еще вернемся, а теперь я обращаю вниманіе читателя главнымъ образомъ на то что по отношенію къ своимъ завѣтнымъ идеямъ Прудонъ явился въ литературу человѣкомъ совсѣмъ готовымъ въ томъ родѣ, какъ родилась Минерва изъ головы Юпитера. Онъ мѣнялъ только приемы доказательства, съ которыми обращался съ крайнею безцеремонностью. Приведу одинъ только примѣръ, какъ сказалъ бы г. Д—евъ, изъ метафизическаго фазиса его развитія. Извѣстно пристрастіе Прудона къ такъ-называемой антиноміи. На этой діалектической штуцѣ построена формальная сторона «Системы экономическихъ противорѣчій». Въ одинъ прекрасный день Прудонъ по чисто практическимъ соображеніямъ которыя не трудно бы было указать, рѣшаетъ измѣнить свой хваленый методъ. Онъ преспокойно пишетъ: «Я принялъ гегелевскую идею, что антиномія разрѣшается въ высшемъ принципѣ, въ синтезѣ, отличномъ отъ двухъ первыхъ—тезиса и антитезиса. Съ этой логической ошибкой я теперь разстался. *Антиномія не разрѣшается*, и въ этомъ состоитъ основная фальшь всей гегелевской философіи. Оба момента, входящіе въ антиномию

уровновѣшиваются или между собой, или съ другими антиномическими моментами. Уравновѣшеніе не есть синтезъ, какъ его разумѣлъ Гегель, а вслѣдъ за нимъ и я. Сдѣлавъ эту оговорку въ интересѣ чистой логики, я сохраняю однако все, сказанное въ «Системѣ экономическихъ противорѣчій». (De la justice, 3^{ét.}, 179). Въ другомъ мѣстѣ того же сочиненія онъ громитъ знаменитую «тріаду», какъ опасную глупость и пошлость. Доводы его при этомъ очень слабы; лучше сказать, ихъ нѣтъ совсѣмъ: онъ просто объявляетъ, что «орудіе логики» непремѣнно двухчленное (binaire), чему соответствуетъ и самая суть явленій природы. Очевидно, что «интересы чистой логики» особеннаго значенія для него не имѣютъ. Въ ту минуту онъ былъ занятъ практическою мыслью силотить буржуазію и рабочихъ въ одно цѣлое и направить эти соединенныя силы на общихъ враговъ, а сообразно этому «тріада» должна была сообразиться въ «діаду». Подобныхъ примѣровъ можно бы было привести не мало, а между тѣмъ есть основныя воззрѣнія Прудона, проходящія неизмѣнною красною нитью черезъ всѣ его письма и сочиненія, среди всевозможныхъ противорѣчій и удивительныхъ ампутаций, которымъ онъ подвергалъ и метафизику, и всѣ другія орудія своей борьбы.

Противорѣчій можно найти очень много и въ сочиненіяхъ, и въ письмахъ Прудона. Но это—или чисто логическіе и въ общей системѣ его воззрѣній всегда второстепенные промахи, или результаты минутныхъ вспышекъ иодъ наноромъ тревожной исторіи Франціи 30—50 годовъ, или наконецъ совершенно сознательное, хладнокровное пригибаніе разныхъ отвлеченныхъ формулъ къ извѣстнымъ практическимъ цѣлямъ. И за всѣмъ тѣмъ Прудонъ можетъ служить образцомъ непоколебимости убѣжденій, особенно поразительной для насъ, русскихъ. Я даже рѣшаюсь сказать, что нѣкоторые взгляды были ему прирождены. Въ теорію врожденныхъ идей, независимо отъ опыта, я не вѣрю, но думаю, что поскольку извѣстныя мысли и чувства оставляютъ по себѣ слѣды въ нервной организаціи человѣка, они могутъ передаваться по наслѣдству, а слѣдовательно человѣкъ можетъ

родиться съ совершенно опредѣленными задатками ихъ. Какъ бы то ни было, но основныя воззрѣнія Прудона, которыя только и стоятъ, говоря о немъ, имѣть въ виду, до такой степени неизмѣнны на всемъ пространствѣ отъ «Празднованія воскресенья» до любого изъ посмертныхъ сочиненій, что прикидывать сюда мѣрку трехъ фазисовъ Конта значить жертвовать сущю для формы. Контовъ законъ важенъ, какъ попытка привести различныя стороны жизни къ одному знаменателю мысли, и къ числу лучшихъ страницъ «Курса положительной философіи» отнесется напимѣрь анализъ связи между теологическимъ мышленіемъ и военнымъ бытомъ. Отголосокъ этой связи можетъ быть и существовать въ какихъ нибудь дѣтскихъ играхъ и забавахъ Прудона. Но съ того момента, какъ онъ принадлежитъ исторіи, онъ — Прудонъ и никогда ничѣмъ инымъ не былъ.

Съ непоколебимостью убѣжденій, каковы бы ни были самыя убѣжденія, симпатичныя намъ или нѣтъ, мы привыкли связывать представленіе о благородствѣ личности. Мы даже склонны мѣрять одно другимъ. Я не намѣренъ разрушить эту совершенно законную ассоціацію идей. Бываютъ однако случаи, когда непоколебимость убѣжденій не исключаетъ возможности нѣкоторыхъ изъясновъ въ личномъ характерѣ ихъ носителя. Я долженъ сказать, что Прудонъ представляетъ собою одно изъ такихъ на первый взглядъ парадоксальныхъ явленій. Уже то обстоятельство, что онъ при крайне невыгодныхъ условіяхъ такъ рано вполне сформировался, показываетъ, что непоколебимость далась ему безъ внутренней борьбы, далась даромъ, въ такомъ родѣ, какъ напимѣрь породистому охотничьему щенку даются даромъ, по наслѣдству, чутье и нѣкоторыя повадки, подлежащія только легкой дрессировкѣ. Ниже я попытаюсь дать хоть намекъ на качество и размѣръ полученнаго Прудономъ духовнаго наслѣдства. Но что оно было вообще большее—это очевидно. А если такъ, то непоколебимость является чѣмъ-то фатальнымъ, мало зависящимъ отъ свойствъ личности; лично не совсѣмъ хорошій человекъ можетъ быть такъ крѣпко скованъ своимъ духовнымъ наслѣдіемъ, что свергнуть съ себя его нго окажется для него

дѣломъ немислимымъ. Но недостатки его личнаго характера все-таки должны какъ нибудь прорваться, такъ сказать, въ щели основнаго строя его непоколебимыхъ убѣжденій. Къ сожалѣнію съ Прудономъ такъ и было. Возьмите напримѣръ хоть вышеупомянутое внезапное и собственно говоря не мотивированное превращеніе «тріады» въ «діаду», предпринятое для минутной практической цѣли. Въ качествѣ профана я вполне способенъ оцѣнить всю глубину изреченія св. Августина: *nulla est homini causa philosophandi, nisi ut beatus sit*. Философія должна служить цѣлямъ человѣка, иначе она не имѣетъ смысла. Но изъ этого не слѣдуетъ, что можно, сообразно практическимъ цѣлямъ, ломать истину, т. е. то, что мы признаемъ въ данную минуту истиной. Этого не могутъ понять только разные гг. Авербѣвы, Аксѣнки, Антроповы и прочія имена, начинающіяся на А, а, впрочемъ, и на нѣкоторыя другія буквы, какъ, напримѣръ, на С—Стебницкій. Они стоятъ за «чистое искусство», т. е. выгоняютъ изъ его области всякія симпатіи и антипатіи, а сами сознательно извращаютъ въ своихъ произведеніяхъ факты въ угоду... чортъ знаетъ чего. Конечно всѣ эти «тріады» и «діады» такъ отъ насъ далеки теперь, такъ мало намъ дороги, что подмѣна одной изъ нихъ другою нисколько не оскорбляетъ нашего нравственнаго чувства. Но это именно только потому, что намъ до нихъ дѣла нѣтъ, а во времена Прудона было иначе. Слѣдовательно добросовѣстнымъ его поведеніе на этомъ пунктѣ никакъ нельзя назвать. Однако настаивать на этомъ я не буду, потому что переписка Прудона открываетъ факты болѣе рѣзкіе и достойные вниманія.

Въ одномъ изъ писемъ 1850 г. встрѣчается слѣдующая фраза какъ справедливо замѣчаетъ г. Д—евъ, резюмирующая собою всю публицистическую политику Прудона: «Непоколебимость принциповъ, постоянныя сдѣлки (transaction) съ обстоятельствами и людьми». (Та же мысль выражена въ эпитафій къ «Теоріи налога»: *Des réformes toujours, des utopies—jamais*). Въ другомъ письмѣ того же года читаемъ: «Мой планъ былъ бы, еслибы я сдѣлался вашимъ сотрудникомъ—послѣ новаго подтвержденія и

защиты всѣхъ моихъ предъидущихъ заключеній, овладѣть общественнымъ мнѣніемъ посредствомъ новой грандіозной теоріи, которая бы предупредила и поглотила всѣ критики, *теорію прогресса въ себѣ*, т. е. вѣчнаго движенія революціонныхъ идей—словомъ философіи реформъ. Этимъ я спасъ бы все: абсолютизмъ принциповъ и медленность примѣненій. Тогда бы поняли, что, если истина есть то, что *есть*, она—еще болѣе то, что *дѣлается* (*dévient*); тогда бы журналъ, даже въ своихъ исключеніяхъ изъ общихъ правилъ, могъ быть оправданъ и защищенъ отъ всякихъ упрековъ. Тогда революціонная партія представляется разомъ непоколебимой въ своихъ принципахъ, практической и возможной». Эта идея не представляла собственно говоря новости въ Прудонѣ 1850 г.; она была ему всегда присуща, хотя и не въ видѣ ясно сознанои и точно формулированной теоріи. Мы видѣли, что уже въ «Празднованіи воскресенья» шла рѣчь объ идеаль общественнаго равенства и вмѣстѣ съ тѣмъ о подготовительныхъ къ нему ступеняхъ. И таковъ Прудонъ во всемъ. Напримѣръ его знаменитая «анархія», такъ многихъ пугавшая, не имѣетъ въ себѣ рѣшительно ничего разрушительнаго. Анархія Прудона есть отдаленный, крайній идеаль, нѣкоторымъ образомъ маякъ, освѣщающій путь. Въ одномъ письмѣ къ Даримону Прудонъ пишетъ: «Наша идея *анархii* пущена... Послѣ отрицанія государства мы должны дать почувствовать, что дѣло идетъ о довершеніи прогрессивнаго движенія, состоящаго въ упрощеніи *usque ad nihilum*, а не въ осуществленіи внезапной и прямой анархii». Таковъ же характеръ и другой знаменитой формулы: собственность есть кража. Отрицанія собственности въ принципѣ здѣсь нѣтъ и помину. Для этого Прудонъ былъ слишкомъ французскій крестьянинъ — это очень важно замѣтить — извѣстный своей безпредѣльной, почти идолопоклоннической привязанностью къ собственности. Прудонъ не только не отрицалъ собственности въ принципѣ, а напротивъ хотѣлъ ее, какъ онъ однажды выразился, *universaliser*, т. е. расширить ея сферу, дать ее тѣмъ, у кого ея нѣтъ. Конечно, ставя единственнымъ основаніемъ права собственности трудъ, онъ колебалъ основы современнаго

общества, въ которомъ собственность покоптыя на весьма различныхъ основаніяхъ. Но опять-таки никакого рѣзкаго переворота онъ не желалъ. Онъ писалъ одному пріятелю, требовавшему нѣкоторыхъ разъясненій: «Въ каждой реформѣ есть двѣ различныя вещи, которыя слишкомъ часто смѣшпваются: *переходное состояніе* и *совершенство* или *законность*. Первое — какъ разъ то единственное дѣло, которое *теперешнее* общество признано исполнить; но какъ же осуществимъ мы этотъ переходный процессъ? Ты найдешь отвѣтъ на этотъ вопросъ, сопоставляя нѣкоторыя мѣста моего втораго мемуара». Затѣмъ слѣдуютъ указанія на страницы звѣстнаго письма къ Бланки, гдѣ говорится о постепенномъ сокращеніи рентъ, арендъ и «нападеніи на собственность со стороны процента». Всѣ эти мѣры Прудонъ оставилъ внослѣдствіи болѣе или менѣе въ сторонѣ или измѣнилъ планъ ихъ введенія, но во всякомъ случаѣ и въ ту минуту, когда онъ писалъ свои мемуары о собственности, и тогда, когда онъ думалъ произвести всѣ нужныя и возможныя реформы двумя декретами—о ссудахъ и о налогѣ—и тогда, когда онъ, говоря о своемъ народномъ банкѣ, писалъ: «Я начинаю предпріятіе, которому не было и не будетъ равнаго; я хочу измѣнить основаніе общества, перемѣнить ось цивилизаціи, сдѣлать, чтобы міръ, вращавшійся до сихъ поръ, по волѣ Божіей, отъ запада къ востоку, сталъ двигаться отнынѣ, по волѣ человѣка, отъ востока къ западу» (Oeuvres, XVIII, 1)—и позже, и всегда, несмотря на всѣ страшныя слова, Прудонъ былъ противникомъ всякаго насильственнаго переворота и сторовникомъ постепеннаго «прогресса въ себѣ». Системы же, предлагавшія извѣстный, совершенный съ точки зрѣнія авторовъ порядокъ вещей, который вмѣстѣ съ тѣмъ могъ быть осуществленъ немедленно, Прудонъ съ обычною энергіей выраженія называлъ «проклятою ложью». Читатель найдетъ обильныя подтвержденія въ цитатахъ г. Д—ева и еще больше въ сочиненіяхъ Прудона. А намъ предстоитъ здѣсь разрѣшить другой вопросъ.

Легко сказать: непоколебимость принциповъ и постоянныя сдѣлки съ обстоятельствами и людьми! Но какъ привести эту

программу въ исполненіе? Какъ провести невредимо корабль принциповъ среди безчисленныхъ рифовъ и подводныхъ камней практической жизни, и въ особенности въ такой бурный историческій моментъ, въ какой довелось жить, мыслить и дѣйствовать Прудону? Не придется ли тутъ иногда, говоря прямо, лгать? Какъ понималъ это дѣло самъ Прудонъ—отчасти видно изъ письма его къ Марку Дюфресту (1850 г.) Говорю: отчасти, потому что г. Д—евъ къ сожалѣнію недостаточно воспользовался этимъ замѣчательнымъ письмомъ, хотя оно почему-то упоминается у него два раза («Вѣстникъ Европы», № 8, 564 и № 9, 123), такъ что трудно даже обозначить съ точностью время, когда оно написано. Дюфрессъ задалъ Прудону рядъ политическихъ и соціальныхъ вопросовъ, имѣя въ виду возможность изданія газеты. Прудонъ отвѣчалъ между прочимъ: «Всѣ эти вопросы въ чуждости прямо или косвенно сводятся къ слѣдующему: журналъ, о которомъ идетъ рѣчь, будетъ или нѣтъ слѣдовать политикѣ инсurreкціонной и въ какой мѣрѣ? Такъ какъ нѣтъ, да и не будетъ никогда предѣловъ для неудовольствій, какія можно поднимать противъ какого бы то ни было правительства, противъ законности его происхожденія и правоты его дѣйствій, такъ какъ слѣдовательно невозможно логически остановиться на пути возстанія, а предѣлъ является лишь тогда, когда возмущающійся органъ дѣлается обладателемъ власти—изъ этого слѣдуетъ, что вопросъ, поставленный вами, предполагаетъ мнѣніе, о нравственности котораго каждый можетъ судить по своему. Журналъ не перестанетъ подбивать къ возстанію до тѣхъ поръ, пока его сотрудники не будутъ министрами, а его глава—президентомъ республики. Съ этой точки зрѣнія я и стану формулировать мои отвѣты на каждое изъ вашихъ вопрошеній». Вотъ образцы этихъ отвѣтовъ. Католицизмъ долженъ быть по мнѣнію Прудона преслѣдуемъ «вплоть до уничтоженія, что однако не мѣшаетъ мнѣ подписывать на моемъ знамени: *терпимость*; это—конечно противорѣчіе». И тутъ же онъ прибавляетъ въ видѣ вопроса: «что вы отвѣтите, когда васъ попросятъ объяснить его, т. е. это противорѣчіе?» Онъ стоитъ въ

принципъ за избирательное начало въ примѣненіи ко всякой должности. Но на практикѣ общественное благо (*salut public*) потребуеть многочисленныхъ исключеній изъ этого принципа, и вотъ опять—новое противорѣчіе. И опять Прудонъ спрашиваетъ: «посмѣете ли вы объяснить его?» Точно тоже и въ вопросѣ самоуправленія. Прудонъ защищаетъ полную самостоятельность общины. «Таковъ для меня, говоритъ онъ настоящій принципъ, составляющій то, что довольно-таки глупо называли жирондизмомъ». Но государство часто должно быть поставлено выше коммуны для того, чтобы дѣйствовать на нее, какъ импульсъ, какъ руководящее и развивающее начало. Журналу съ абсолютными принципами опять придется противорѣчить себѣ, и его нападки на существующее правительство будутъ потому уже недобросовѣстны, что на мѣстѣ правительства онъ дѣйствовалъ бы точно также. Письмо оканчивается уже приведеннымъ мною выше намекомъ на теорію «прогресса въ себѣ».

Г. Д—еву очень нравится письмо къ Дюфрессу, какъ яркое выраженіе свойственной Прудону безпощадности и свободы критики и презрѣнія къ «условной демократической фразеологіи». Но г. Д—евъ и вообще не страдаетъ по отношенію къ своему герою тѣмъ, что ему въ этомъ героѣ такъ сильно и не совсѣмъ основательно нравится—безпристастіемъ. Онъ готовъ измолотить всѣхъ современниковъ Прудона (кромѣ Огюста Конта), чтобы сдѣлать изъ ихъ труповъ достойный пьедесталъ для знаменитаго социалиста. Я, грѣшный профанъ, прочиталъ письмо къ Дюфрессу съ крайне неприятнымъ чувствомъ, да и вообще переписка Прудона нѣсколько ослабила мое уваженіе къ нему, какъ личности. Въ письмѣ къ Дюфрессу презрѣніе къ условной демократической фразеологіи—последнее дѣло; лучше сказать, дѣло совсѣмъ не въ немъ. Безъ сомнѣнія письмо дышетъ замѣчательною смѣлостью и мысли, и личнаго характера. Такъ откровенно говорить можетъ только человѣкъ сильнаго ума и глубоко убѣжденный. Прудонъ здѣсь, выражаясь его собственными словами, называетъ кошку кошкой и недобросовѣстность недобросовѣстностью. Послѣдуемъ же его благому примѣру и скажемъ,

что самъ онъ былъ часто очень недобросовѣстенъ. Сама по себѣ теорія «прогресса въ себѣ» и очень разумна, и была во Франціи сороковыхъ годовъ вполне умѣстна. Ждать, что земной рай, нарисованный со всѣми мельчайшими подробностями, осуществится завтра, значитъ или имѣть очень скромныя, очень жалкія представленія о земномъ раѣ, или не имѣть самыхъ элементарныхъ понятій объ томъ, какъ идутъ дѣла на землѣ. На такое ожиданіе способны только увлеченіе, которое несетъ извиненіе въ самомъ себѣ, невѣжество или барство, желающее пожинать, не сѣя, и ѣсть рябчиковъ, не жара ихъ. Поэтому мысль о непоколебимости принциповъ при необходимости согласовать ихъ практическое приложеніе съ обстоятельствами времени и мѣста—глубоко вѣрна, хотя и представляетъ ту опасность, что за нее могутъ ухватиться негодяи и трусы. Но съ этимъ ужъ ничего не подѣлаешь. Самому же Прудону вовсе не предстояли тѣ ужасныя диллемы, которыя онъ съ такимъ задоромъ ставилъ передъ Дюфрессомъ. Разъ заявлена доктрина «прогресса въ себѣ», можетъ ли быть заподозрѣно въ недобросовѣстности такое напримѣръ разсужденіе: я требую полнѣйшей, безусловной терпимости, но, такъ католицизмъ есть первый и злѣйшій врагъ ея, то во имя терпимости я буду преслѣдовать его «вплоть до уничтоженія?» или: «я требую полной самостоятельности самыхъ мелкихъ общественныхъ единицъ, какова община, но такъ какъ при такихъ-то и такихъ-то условіяхъ самостоятельность общины можетъ быть поддержана только вмѣшательствомъ центральной, государственной власти, то я призываю эту власть?» Конечно могутъ представиться многочисленныя случаи, въ которыхъ согласованіе непоколебимаго принципа съ жизненною практикой будетъ очень трудно; возможны тутъ разныя ошибки въ расчетѣ, но объ недобросовѣстности не можетъ быть и рѣчи. Прудонъ это очень хорошо понималъ и потому-то и систематизировалъ рекомендуемый имъ образъ дѣйствія, сложилъ его элементы въ точно формулированную теорію. Но вотъ гдѣ его недобросовѣстность. Въ полемикѣ напримѣръ съ Луи Бланомъ онъ плохо различалъ принципы и его осуществленіе, дѣль и средства. Вмѣсто

того, чтобы держаться своего правила, называть кошку кошкой и стоять на томъ, что будь, дескать, я на вашемъ мѣстѣ члена временнаго правительства, я бы не національныя мастерскія заводилъ, а дѣлалъ бы то-то и то-то—вмѣсто этого онъ громилъ «гувернаментализмъ» Луи Блана и щеголялъ своей «анархией». Между тѣмъ онъ очень хорошо понималъ, что его анархія есть только маякъ, отдаленный возможный результатъ ряда дѣйствій, которыми онъ самъ готовъ былъ придать нѣкоторый «гувернаментальный» характеръ. Какъ видно изъ письма къ Дюфрессу, онъ имѣлъ въ мысляхъ возможность занять постъ президента республики и не отбрыкивался отъ этой возможности, а заносилъ ее въ счетъ своихъ соображеній. Въ этомъ нѣтъ ничего достойнаго порицанія. Занявъ постъ президента, онъ сталъ бы по собственному сознанію дѣйствовать тѣми же приемами и способами, какъ Луи Бланъ и всякое другое правительство, хотя и направлялъ бы ихъ иначе. И тутъ олять таки нѣтъ ничего худого или даже противорѣчащаго его идеѣ анархій. Но громить при этомъ то или другое правительство не за то, что оно плохо распоряжается, а за то, что оно вообще распоряжается—это конечно недобросовѣстно.

Достоинно вниманія, что анархиста Прудона постоянно тянуло къ правительству, какъ видно изъ множества мѣстъ его переписки. Такъ еще въ 1842 г. сообщая другу своему Бергману о задуманномъ имъ сочиненіи, онъ прибавляетъ: «ты быть можетъ не удивишься моему предсказанію, что черезъ два года я весь, со всѣмъ моимъ добромъ (avec armes et bagages) перейду къ правительству». По волѣ судьбы однако тотчасъ же вслѣдъ за этимъ письмомъ противъ него было возбуждено судебное преслѣдованіе за третій мемуаръ о собственности. Онъ былъ искренно пораженъ этою неожиданностью, но все таки послалъ министру Дюшателю свои сочиненія и объяснительную записку. Бергману онъ писалъ по этому поводу. «Надѣюсь, что министръ приметъ благосклонно мои идеи, тѣмъ болѣе, что я объясняю ему (ты это поймешь), какъ самыя радикальныя теоріи могутъ быть обращены въ пользу правительства. Въ самомъ дѣлѣ, если въ об-

ществѣ не должно происходить ни замѣщенія, ни перерыва, то каждая теорія должна доказать, что она необходимо вытекаетъ изъ существующей, о сохраненіи которой она слѣдовательно должна, обязана заботиться до тѣхъ поръ, пока не начнетъ дѣйствовать сама». Иногда впрочемъ на него нападаютъ и сомнѣнія такого рода: «Не смѣю еще надѣяться на то, что правительство пойметъ достоинство моихъ изслѣдованій». Но это рѣдко. Бѣльею частію Прудонъ надѣется и ждетъ: «Мнѣ удастся въ одно и тоже время быть самымъ крайнимъ реформаторомъ эпохи и пользоваться протекціей власти» (1842); «вопреки всеобщей ненависти у меня всегда есть какой нибудь министръ, который при случаѣ можетъ помочь мнѣ» (1848). Въ 1849 сидѣвъ въ тюрьмѣ, онъ пишетъ Гильому: «Я долженъ извѣстить васъ о большомъ дѣлѣ, затѣянномъ между С. Пелажи (тюрьма) и Елисейскимъ дворцомъ. Луи Бонапартъ долженъ, ни больше, ни меньше, какъ сдѣлаться компаньономъ «народнаго банка». Я доставлю публикаціи, статуты и т. д.; дѣло пойдетъ на разсмотрѣніе и быть можетъ правительство или президентъ, не знаю ужъ кто изъ нихъ, сдѣлаетъ для насъ то, что сдѣлано было для *cités ouvrières*: возьметъ на себя починъ акціонерной компаніи посредствомъ крупной подписки». Будучи переведенъ въ ерѣвность Дюленсъ, гдѣ были заключены Распайль, Альберъ, Барбесъ, Бланки и другіе, онъ пишетъ: «Право не знаю, почему я очутился со всѣми этими гражданами, которыхъ я необычайно уважаю... Я—новый человекъ, человекъ полемики, а не баррикады, человекъ, который могъ бы достигъ своей цѣли, обѣдая каждый день съ префектомъ полиціи». Событія 2 декабря и затѣмъ вторая имперія не только не ослабили этого оригинальнаго убѣжденія Прудона—дѣйствовать за одно съ правительствомъ—а даже поддали ему жару: «я рассчитываю черезъ два три мѣсяца водрузить не больше, ни меньше, какъ знамя соціальной республики. Случай представляется великолѣпный, успѣхъ почти вѣрный. Какъ только Бонапартъ сдѣлается императоромъ, я примусь разсуждать о совершившемся фактѣ (ни за ни *противъ*); я буду обсуждать миссію Бонапарта и раціонально

подталкивать его ко всѣмъ революціоннымъ предпріятіямъ, которыя въ данномъ случаѣ должны конечно усилить его популярность, но вмѣстѣ съ тѣмъ подвигать впередъ и демократію». Въ другомъ письмѣ читаемъ: «Расчитываю я выпустить въ теченіи іюня и іюля три изданія къ ряду, занять положеніе на совершенно новой почвѣ и заставить Елисейскій дворецъ посмотрѣть на союзъ съ республиканцами, какъ на вещь до такой степени желательную, логическую, настоятельно необходимую, что имъ останется только ожидать ее съ достоинствомъ... Слѣдуетъ искуснымъ маневромъ, высшими философскими соображеніями, поставить партію, находящуюся нынче въ изгнаніи, такъ высоко, не взирая на ея ошибки, чтобы всякая монархическая реставрація показалась чудовищной и чтобы правительство 2-го декабря, слѣдя логикѣ своего происхожденія, своего предназначенія, своего положенія, было въ постоянной необходимости искать соглашенія. Словомъ сказать: надо сдѣлать изъ революціи единственную программу, возможную для Луи Наполеона; надо, чтобы онъ устремился къ ней для своего счастья и спасенія; надо, широко растворить ему эту дверь будущности, популярности, безсмертія; надо закрыть ему всѣ другіе исходы, обрѣзать малѣйшую вѣтвь спасенія, отнять всякій предлогъ, лишить всякой надежды. Надо, говорю я, доказать ему, доказать всѣмъ интеллигенціямъ, что вѣдь революціи они пропали, и доказывая это, добиться того, чтобы оно такъ случилось».

Я нарочно привелъ образцы (ихъ много въ письмахъ Прудона) и совершенно искренней увѣренности, что его идеи станутъ руководить правительствомъ, и хитрыхъ макіавелическихъ комбинацій, задуманныхъ на погибель правительства. И тѣ и другіе проникнуты крайнимъ простодушіемъ, не лишеннымъ своеобразнаго комическаго элемента, особенно если вспомнить, что на дѣлѣ Прудонъ не только никогда ни такъ, ни иначе не проникалъ въ правительственныя сферы, но испыталъ всѣ удовольствія тюрьмы и изгнанія. Трудно даже понять, какъ могъ человѣкъ несомнѣнно сильнаго, огромнаго ума до такой степени плохо ориентироваться въ комбинаціяхъ практической жизни.

Но я не на эту сторону дѣла хочу обратить вниманіе читателя. Она свидѣтельствуесть только о наивности Прудона и его глубокой вѣрѣ въ свои идеи, вѣрѣ, не допускающей даже и тѣни сомнѣнія, что, какъ только извѣстныя «вышія философскія соображенія» будутъ предъявлены Дюшателю или Наполеону— такъ Наполеонъ и Дюшатель немедленно раскроютъ Прудону свои объятія. Это та самая вѣра, которая побуждала Прудона совершенно искренно писать одному другу: «моли Бога, чтобы я нашелъ издателя (для перваго мемуара о собственности) — въ этомъ можетъ быть спасеніе Франціи!». Если вы посмотрите на упованія Прудона съ этой точки зрѣнія, то ихъ комическій характеръ нѣсколько поблѣднѣесть, и вы припомните можетъ быть извѣстную поговорку, что между смѣшнымъ и великимъ всего одинъ шагъ разстоянія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ вы невольно поражаетесь тѣмъ обстоятельствомъ, что человѣкъ, не только въ первомъ же своемъ зрѣломъ произведеніи объявившій себя «анархистомъ», но всегда преслѣдовавшій въ другихъ попытки правительственной инициативы, самъ постоянно тяготѣлъ (хотя и платонически) къ правительству. Если мы даже выкинемъ изъ счета, ради его двусмысленности, планъ поджога подъ Наполеона III, то многія другія упованія Прудона ясно показываютъ, что онъ совершенно искренно и вполне честно рассчитывалъ дѣйствовать правительственными путями. Оно, какъ мы видѣли, и не противорѣчитъ его собственной доктринѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ вполне противорѣчили и этой доктринѣ, и элементарнымъ понятіямъ о нравственности его нападки на другихъ за то, чѣмъ онъ былъ такъ грѣшенъ самъ. И въ полемикѣ его, всегда страстной и часто очень искусной, это противорѣчіе выражалось многими некрасивыми чертами. Самая умѣренная характеристика его образа дѣйствій въ этомъ отношеніи можетъ быть выражена словомъ «плутоватость»—словомъ, которое онъ въ одномъ письмѣ самъ употребляетъ по отношенію къ себѣ. Но если «плутоватый» человѣкъ, сознавая свою плутоватость и сознательно пуская ее въ ходъ, примется лавировать по самымъ опаснымъ и бурнымъ пространствамъ грязнаго житейскаго моря, то стано-

вится «за человѣка страшно», за его нравственную чистоту, потому что замараться вѣдь такъ легко. И Прудонъ замарался. До сихъ поръ мы видѣли только наивность его платоническаго тяготѣнія къ правительственнымъ сферамъ и полиѣйшее безкорыстіе, потому что во всѣхъ своихъ замыслахъ войти въ правительство искреннимъ или коварнымъ другомъ онъ о себѣ не думалъ, ничего лично для себя не добивался. Но онъ все-таки стоялъ на слишкомъ скользкой почвѣ и поскользнулся, и не разъ. Къ сожалѣнію письма, относящіяся къ подобнымъ случаямъ, мнѣ въ оригиналѣ неизвѣстны, а г. Д—евъ скупъ на выдержки изъ нихъ, во первыхъ по характеру своей задачи, а вторыхъ, надо думать, потому, что щадить своего героя. Но тѣмъ большую силу получаютъ нѣкоторые отрицательныя или недобрительныя сужденія г. Д—ева. Въ 1850 г., сидя въ тюрьмѣ, Прудонъ продолжалъ руководить оттуда своей газеткой «Voix du Peuple». Правительство Луи Наполеона подозрѣвало его во всѣхъ рѣзкихъ статьяхъ и потому перевело его въ другую тюрьму и стѣснило его въ выходѣ и пріемѣ друзей. Тогда онъ написалъ префекту полиціи письмо, въ которомъ просилъ прежнихъ послабленій. Онъ напоминаетъ префекту, что его направленіе никогда не было разрушительнымъ, что на возмущеніе 13 іюня онъ не переставалъ смотрѣть, какъ на дѣло противозаконное, такъ какъ «право возстанія погашается учрежденіемъ всеобщей подачи голосовъ». Далѣе онъ указываетъ на свою постоянную примирительную роль, на неустанное желаніе согласить интересы классовъ, для чего собственно онъ и напечаталъ свои «Признанія революціонера», и наконецъ на свою безошадную критику всѣхъ социалистскихъ утопій, ссылаясь даже на толки, ходившіе на биржѣ что онъ, Прудонъ, содѣйствовалъ порядку и возстановленію нормальнаго хода дѣлъ (!) своими нападками на утопистовъ и либерализмомъ своихъ стремленій. «Это письмо, вынужденъ замѣтить г. Д—евъ: —вызвано конечно тяжелою дѣйствительностью; но Прудону все таки не слѣдовало писать его съ такими доводами». вмѣстѣ съ тѣмъ Прудонъ извѣщалъ префекта, что онъ отказывается отъ всякаго участія въ Voix du Peuple, а редакцію увѣщевалъ под-

держатъ его обращеніе къ префекту «умѣренностью и примирительнымъ духомъ». Изъ другого письма къ префекту видно, что первое подѣйствовало: Прудонъ «усердно благодарить» префекта, но проситъ перевести его въ старую тюрьму. Не приводя изъ этого письма ни одной подлинной строки, г. Д—евъ замѣчаетъ: «Письмо это, даже и на совершенно объективный взглядъ, не производитъ хорошаго впечатлѣнія, хотя вполне вѣрно, что такой человѣкъ, какъ Прудонъ, никогда не вдавался въ абсолютизмъ и нетерпимость (?). Но онъ ненавидѣлъ и презиралъ правительство президента, зналъ прекрасно, чего ждать отъ его клики, и находилъ возможнымъ очень мягко переписываться съ префектомъ полиціи». Есть и еще одно любопытное письмо 1850 г., изъ котораго г. Д—евъ не дѣлаетъ никакихъ выдержекъ, а только изображаетъ производимое этимъ письмомъ впечатлѣніе на читателя. Приведа изъ дружескаго письма Прудона рѣзко презрительное выраженіе о Наполеонѣ, г. Д—евъ продолжаетъ: «тѣмъ непріятнѣе наткнуться въ концѣ третьяго тома на письмо къ президенту республики отъ 28 ноября, съ просьбою объ облегченіи участи, хотя письмо это и было потомъ уничтожено, какъ слишкомъ личное, по замѣчанію самого автора, находящемуся вадъ текстомъ. Письмо это, названное «петиціей», было замѣнено ходатайствомъ объ общей амнистіи. Во всякомъ случаѣ врядъ ли слѣдовало Прудону обращаться къ человѣку, замышлявшему 2-е декабря, во имя солидарности, объединяющей ихъ, какъ враговъ старыхъ партій». Есть еще, тоже нехорошія, письма Прудона къ Рюп-Рюп, т. е. къ принцу Наполеону, писанныя уже послѣ 2 декабря. Собственноручное письмо такого ничтожества, какъ этотъ проходимецъ, даже не къ нему адресованное а только касающееся его, Прудонъ «сохраняетъ съ гордостью.» Онъ говоритъ о «славѣ имени» и «чести дома» Бонапарта.

Къ какимъ некрасивымъ результатамъ пришелъ Прудонъ, спускаясь съ высоты теоріи «прогресса въ себѣ» по наклонной плоскости своей «плутоватости». Что дѣло здѣсь не въ теоріи, а въ личности Прудона—это очевидно. Что поведеніе его далеко

отъ рыцарства, это опять такн—фактъ, на какомъ бы языкѣ вы его не рассказали, а не только на языкѣ «условной демократической фразеологии». Я не обвинительный актъ пишу противъ Прудона. Да и очень бы это жалкое дѣло было. Я просто ишу въ его перепискѣ его портрета и не могу не останавливаться преимущественно на такихъ чертахъ, которыя для меня новы, и, смѣю думать, не для одного меня, а для громаднаго большинства читающихъ и думающихъ русскихъ и европейцевъ, привыкшихъ связывать съ личностью Прудона представление о чемъ-то безусловно чистомъ, свободномъ отъ малѣйшаго пятна и упрека. Совсѣмъ не весело подбирать эти тусклыя черты, потому что, подбирая ихъ, приходится отрывать нѣчто отъ сердца. Это—не фраза. Со мной согласится всякій, когда нибудь увлекавшійся какимъ нибудь историческимъ или живымъ образомъ, именно образомъ, свѣтлою личностью, а не только ея идеями. Дѣло извѣстное, что и на солнцѣ есть пятна, но, какъ ни элементарна эта истина, какъ ни часто она подтверждается, а все-таки нелѣпая природа человѣка беретъ свое и не позволяетъ сказать безъ боли и печали: и ты Брутъ?! Я долженъ признаться, что личность Прудона стояла для меня скорѣе выше, чѣмъ ниже его идей. Сочиненія его поучительны въ совсѣмъ особенномъ смыслѣ. Если вычестъ у Прудона то, что въ немъ есть общаго съ другими социалистами, то сравнительно говоря у него мало чему можно научиться въ прямомъ смыслѣ слова, т. е. приобрести непосредственно отъ него. Но чтеніе его сочиненій дѣйствуетъ замѣчательно возбуждательнымъ образомъ, какъ ферментъ. Каждая его книга поднимаетъ въ читателѣ цѣлый рядъ вопросовъ, которые требуютъ отвѣтовъ, цѣлый рядъ мыслей, которыя вторгаются въ нашъ умственный запасъ, требуютъ себѣ въ немъ мѣста, раздвигаютъ и тормошатъ своихъ сосѣдей, требуютъ отъ васъ пересмотра, критики и самокритики. Сравните на примѣръ «Капиталъ» Маркса съ «Системой экономическихъ противорѣчій». У Маркса вы нѣчто узнали, да такъ узнали, какъ будто извѣстныя свѣдѣнія приколочены у васъ въ мозгу двухъ верхковыми гвоздями. Подъ этими страшными гвоздями ничто не поколеб-

летя, ничто не шелохнется. «Система экономических противорѣчій» напротивъ сравнительно опять-таки говоря даетъ вамъ мало положительнаго знанія, умственнаго успокоенія. Но она дорога именно тѣмъ состояніемъ умственнаго безпокойства, броженія, которое производитъ. Это объясняется обаяніемъ личности писателя, тѣмъ бурнымъ клокотаніемъ жизни, которымъ она полна и которое брызжетъ изъ каждой строки, то въ видѣ истинно громоноснаго гнѣва, то въ видѣ пламеннаго призыва къ чему-то, не всегда опредѣленному, но всегда высокому и свѣтлому, то въ видѣ почти безумной смѣлости отрицанія и критики. Въ разговорѣ съ однимъ французскимъ социалистомъ, меня поразила его фраза: nous sommes presque tous proudhonniers, мы почти всѣ—прудонисты. Когда я сталъ добиваться подробностей, то узналъ, что собесѣдникъ мой во первыхъ придаетъ крайне слабое значеніе идеѣ прудоновскаго банка, единственнаго практическаго, положительнаго результата дѣятельности Прудона; а во вторыхъ признаетъ завѣтную мысль Прудона о сочетаніи силъ буржуазіи и рабочаго класса—пережиткою, оставленною за флагомъ. Чтѣ же остается? Остается идея личности, одинаково не мпящаяся ни съ необузданностью мелкаго эгоизма, систематизированнаго въ ученіе экономистовъ, ни съ планами фаланстеріанцевъ, нкарійцевъ и т. п., замыкающими личность въ тѣсныя и фантастическія рамки. Съ этой точки зрѣнія значеніе Прудона для Франціи дѣйствительно громадно въ воспитательномъ смыслѣ. Но воспитаніе это производилось исключительно тѣми шпорами, которыя Прудонъ неустанно и безжалостно давалъ личности въ своихъ сочиненіяхъ, иначе сказать, собственною личностью Прудона. Та же мысль о связи личности Прудона съ его идеями о личности, очень хорошо (но теперь уже не совсѣмъ вѣрно) выражена въ брошюрѣ г. Жуковскаго «Прудонъ и Луи Бланъ» (1866 г.): «Онъ выдѣлялъ себя не во имя новой какой-либо партіи, новой коллективной силы единомышленниковъ, которой бы искалъ и на которую думалъ бы опираться. Нѣтъ, у него никогда не было ни школы, ни кружка, ни партіи, и онъ весьма далеко былъ отъ желанія ор-

ганизовать подобную партію... Весь протестъ его окружающему заключался въ его собственной личности; на однихъ своихъ плечахъ онъ хотѣлъ вынести всю войну, которую вызывалъ своимъ отрицаніемъ... Личность и прежде всего личность стояла для него на первомъ планѣ; въ этомъ началѣ личности видѣлъ онъ всю силу... Въ силу такого взгляда никто не былъ менѣе способенъ къ интригѣ, къ оправданію поступковъ благою цѣлью, къ половиннымъ сдѣлкамъ, уступкамъ и компромиссамъ; безуворизненность личной дѣятельности онъ ставилъ въ первый законъ политической и гражданской дѣятельности, самую личность, если хотите, ставилъ поэтому выше дѣла... Ту идеальную чистоту личности, которую идеалисты проповѣдывали только на словахъ, онъ хотѣлъ сдѣлать закономъ самаго дѣла.. Съ рѣдкой послѣдовательностью онъ хотѣлъ отстоять право и чистоту личности во всѣхъ сферахъ ея дѣятельности и во всѣхъ положеніяхъ. Вотъ почему онъ остался столь же бѣденъ деньгами, какъ темногіе друзья его и единомышленники. Въ этихъ сочувственныхъ словахъ выражено не личное мнѣніе г. Жуковского, а почти общее понятіе, къ которому склонялись и заклятые враги Прудона. И вдругъ—плутоватость! Сама по себѣ плутоватость—слишкомъ обычное и неважное явленіе, чтобы ею возмущаться. Но плутоватость въ Прудонѣ и плутоватость, доходящая до похвалы передъ Наполеономъ, что, дескать, на биржѣ толкуютъ что я способствовалъ восстановленію порядка и нормальнаго хода дѣлъ, т. е. подготовленію второй имперіи!.. Г. Д.—евъ неоднократно съ презрѣніемъ отзывался о моральной оцѣнкѣ фактовъ, доставленныхъ перепиской Прудона. Прежде всего говоритъ онъ—философія, исторія философскаго развитія. Полагаю, что Прудонъ первый не согласился бы встать на такую точку зрѣнія, да и г. Д.—евъ далеко не вполнѣ на ней удержался, что очень понятно. Конечно переписка Прудона служить хорошимъ подспорьемъ для изслѣдованія процесса его философскаго развитія, но можно собственно говоря обойтись довольно удобно и безъ нея. Возьмите сочиненіе Прудона, расположите ихъ въ хронологическомъ порядкѣ, изслѣдуйте и

освѣщайте процессъ развитія съ точки зрѣнія Кюнта или какой угодно другой. Дѣйствительно, для исторіи филозофскаго развитія Прудона переписка не даетъ ничего существенно новаго, ничего такого, чего нельзя бы было отыскать въ его сочиненіяхъ, но она незамѣнима для характеристики личности и представляетъ въ этомъ отношеніи дѣйствительно новыя и неожиданныя матеріалы. Всѣ были напимѣрь увѣрены, что Прудонъ не имѣлъ и не хотѣлъ имѣть партіи, на которую рассчитывалъ бы опереться. Оказывается, что это неправда. Партіи онъ дѣйствительно не имѣлъ: онъ имѣлъ только «кружокъ», очень небольшой, за который считалъ себя однако «нравственно отвѣтственнымъ», какъ онъ писалъ префекту полиціи. Но онъ *хотѣлъ* имѣть партію, какъ видно изъ многихъ его писемъ. Всѣ были увѣрены, что онъ мечталъ провести въ жизнь свои идеи единственно на своихъ собственныхъ плечахъ. Оказывается, что это неправда, потому что онъ рассчитывалъ и на плечи Дюшателя и разныхъ другихъ министровъ. Всѣ были наконецъ увѣрены, что «никто не былъ менѣе способенъ къ интригѣ, къ оправданію поступковъ благою цѣлью». И это правда, потому что въ перепискѣ встрѣчаются прямые совѣты вѣть съ волками по волчьи, а планъ подкюпа подъ Наполеона III свидѣтельствуетъ что интрига и оправданіе поступковъ благою цѣлью были Прудону не совсѣмъ чужды. Нпже я разскажу еще одинъ подходящий эпизодъ изъ его частной жизни.

Но каковы бы ни были пятна на солнцѣ, оно остается солнцемъ. Лично Прудонъ былъ человѣкъ плутоватый, это несомнѣнно, но самъ онъ сильно преувеличивалъ свою плутоватость и способность къ интригѣ. Въ сущности у него былъ только позывъ къ ней, а способности не было вовсе. Плутоватость его достигла предположенныхъ цѣлей только въ полемикѣ, въ которой онъ часто далеко не добросовѣстно, но по крайней мѣрѣ внѣшнимъ образомъ успѣшно вывертывался изъ затруднительныхъ положеній. На всѣхъ остальныхъ пунктахъ плутоватость привела къ нулю, если не къ отрицательной величинѣ. Факты говорятъ сами за себя: увѣреніе, что онъ можетъ дѣлать свое

дѣло, каждый день обѣдая съ префектомъ полиціи, написано въ тюрьмѣ; вслѣдъ за твердо выраженнымъ намѣреніемъ «перейти со всѣмъ багажемъ въ правительство», какъ мы видѣли, началось судебное преслѣдованіе Прудона, — это если хотите, черты высокаго комизма. Что же касается до облегченія тюремнаго режима, добытаго плутоватостью, то оно меньше, чѣмъ нуль, потому что облегченіе было ничтожно, а честное имя Прудона компрометировано. Коварные замыслы противъ правительства Наполеона III поражаютъ своею фантастичностью и черезъ два-три года послѣ ихъ изложенія Прудонъ чувствуетъ прихвостня императора, — принца Наполеона. Не меньше можетъ быть всякаго грѣшнаго потомка грѣшныхъ прародителей Адама и Евы, Прудонъ былъ не прочь и отъ власти и богатства, и отъ интриги и оправданія поступковъ благою цѣлью. Но какъ-то всегда такъ выходило, что либо замысль, несмотря на весь умъ Прудона, оказывался ребяческимъ, либо онъ самъ отказывался напимѣръ отъ денегъ, когда ихъ могъ получить совершенно безобиднымъ образомъ. Онъ хотѣлъ и не хотѣлъ. Благодаря бѣдности человѣческаго языка нельзя выразиться яснѣе, а между тѣмъ это противорѣчіе всѣмъ понятно, потому что оно довольно обыкновенно. Власти богатства Прудонъ, надо замѣтить, никогда не добивался, какъ своихъ личныхъ, своекорыстныхъ цѣлей, но все-таки думалъ о нихъ. Когда вслѣдствіи письма его къ Наполеону было снято запрещеніе съ его книги онъ былъ очень обрадованъ и писалъ одному другу, что собирается воевать съ клерикалами и консерваторами, надѣется съ разу заработать 30,000 франковъ своими изданіями и стать во главѣ настоящей революціонной партіи. Мысль заняться какимъ нибудь нелитературнымъ практическимъ доходнымъ предпріятіемъ очень часто занимала Прудона. Между прочимъ въ 1852 году онъ собирался пустить въ ходъ проектъ судоходства между Марселемъ и Рио-Жанейро. Сообщивъ это свѣдѣніе, г. Д — евъ замѣчаетъ: «Пикантно при этомъ то, что во ожиданіи соціальныхъ переворотовъ Прудонъ каждый разъ собирается дѣйствовать буржуазными средствами: ловкостью, секретомъ и т.

д.) Соотвѣтственныхъ фактовъ г. Д—евъ не приводитъ. Въ томъ же 1852 году Прудонъ писалъ: «Почему мнѣ не двадцать пять лѣтъ вмѣсто сорока четырехъ! Десяти лѣтъ довольно бы мнѣ было, чтобы составить состояніе, безъ котораго человѣкъ съ идеями всегда лишень солидности и кредита. Тогда мы могли бы попытать кое-что и вступить въ равныя сношенія съ властью имѣющими... Теперь же я все-таки презрѣнный псака, недостойный вниманія ни со стороны республканской буржуазіи, ни со стороны буржуазіи бонапартистской». Въ слѣдующемъ году онъ былъ сильно занятъ проектомъ желѣзной дороги изъ Везансона въ Мюльгаузенъ. Въ чемъ состояло его участіе въ этомъ дѣлѣ, изъ изложенія г. Д—ева не видно. Во всякомъ случаѣ «онъ мечталъ, еслибы предпріятіе это состоялось, получить отъ концессионера 500,000 франковъ на возобновленіе своего *народнаго банка*». Дѣло это однако лопнуло, потому что концессія была дана не патронамъ Прудона, а Перейрѣ. Такихъ неудачъ въ жизни Прудона было не мало и становится наконецъ интереснымъ, почему же замѣчательно умный, талантливый и извѣстный человѣкъ, желающій вдобавокъ добиться извѣстнаго матеріальнаго благосостоянія, не получаетъ его? Что Прудонъ никогда его не получилъ, это читатель конечно знаетъ. Всѣмъ извѣстно, что Прудонъ оставался всю жизнь бѣднякомъ, но до какой степени бѣднякомъ! Издавъ уже свои три мемуара о собственности и работая надъ *Création de l'ordre*, будучи уже слѣдовательно знаменитостью, сочиненія которой переводилось на иностранные языки, онъ писалъ матерн: «Отдайте зачинить мои старыя башмаки, которые вы должны были получить съ дилжансомъ изъ Пема». Гораздо позже онъ писалъ, что удовольствовался бы 4 или даже 3,000 франковъ въ годъ. «Писать, еще писать и всегда писать! вотъ моя бѣда: кто выведетъ меня изъ этого ада?»—восклицаетъ онъ въ 1852 г., измученный подобной работой. Можно подумать, что онъ былъ престо плохой дѣлецъ, такъ же дурно устанавливавшій въ практику свои промышленные проекты, какъ дурно ориентировался въ политической практикѣ, когда рассчитывалъ на примѣръ опереться на Дюшателя.

Оно по всей вѣроятности отчасти такъ и было. Но былъ въ его жизни по крайней мѣрѣ одинъ такой случай, когда онъ могъ съ разу получить порядочный кушъ, и очень любопытно видѣть, какъ онъ съ этимъ случаемъ распорядился. Когда дѣло безансонско-мюльгаузенской желѣзной дороги для него лопнуло, министръ финансовъ Манъ и выбранный концессионеръ Перейра нашли, что Прудону слѣдуетъ заплатить 40,000 фр. «отступного», какъ говорятъ г. Д.—евъ. Прудонъ отказался. «Я принялъ участіе въ хлопотахъ,—писалъ онъ по этому поводу—и съ цѣлью политической, и въ интересъ принципа. Принципъ этотъ: конкуренція, которую я желалъ возбудить между желѣзными путями, вѣтвью отъ Безансона до Мюльгаузена. Императоръ рѣшилъ иначе; мнѣ нечего брать вознагражденіе за принципъ. Деньги и идея—двѣ несоизмѣримыя величины». Сколько мнѣ извѣстно, Прудонъ видѣлъ тутъ какую-то борьбу между принципами сенъсимонистовъ, представителемъ которыхъ въ этомъ дѣлѣ считалъ Перейру, и своими. Изъ 40,000 фр. ему повидимому слѣдовала только извѣстная часть, которая для него все таки должна была составлять взрядную сумму. По крайней мѣрѣ онъ писалъ нѣсколько позже: «Въ первый разъ подвергся я денежному искушенію; долженъ однако прибавить что со мной поступили съ добрымъ намѣреніемъ и деликатностью».

Вотъ и разбирайте человѣческое сердце... Г. Д.—евъ говорить, что планы Прудона дѣйствовать хитростью, ловкостью, подвохами и подходами—«пикантны». Можетъ быть и пикантны, но я рѣшительно не понимаю, какъ можно просто вкушать и смаковать эту пикантность, не пытаясь дать ей объясненіе. Безъ такого объясненія вся переписка Прудона представляетъ только беспорядочную кучу писемъ, которая даже интереса большого не имѣетъ. Потому что, повторяю, исторія философскаго развитія Прудона можетъ быть выслѣжена и по его сочиненіямъ, а для познанія всякаго рода пикантностей достаточно голаго заявленія, что былъ, дескать, человѣкъ большого ума и высокой честности, но дѣлалъ глупости и гадости.

Г. Д.—евъ замѣчаетъ, что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ Пру-

донъ оставался до конца жизни французскимъ мужикомъ. Я думаю, что это основаніе всей личности Прудона и всѣхъ его сочиненій. По отзывамъ всѣхъ, имѣвшихъ случай узнать французскихъ крестьянъ, исторія сдѣлала ихъ людьми, что называется себѣ на умѣ, самостоятельными, упорными, упрямыми, трудолюбивыми, воздержными и бережливими до скупости, жесткими, эгоистами. Проникающее ихъ личное начало рѣзче всего выражается въ необыкновенной страсти къ собственности. Французскій крестьянинъ бьется какъ рыба объ ледъ, работаетъ какъ волъ, отказываетъ себѣ во всѣмъ, чтобы накопить деньжонокъ и округлить свой наслѣдственный участокъ земли, или же онъ съ этою цѣлью занимаетъ за страшные проценты. Сегодня онъ умеръ и сколоченный съ невѣроятными усліями клочокъ земли дробится поровну между его сыновьями, изъ которыхъ каждый начинаетъ дѣло округленія вновь, если только его не перетянутъ къ себѣ соблазны городской жизни. Въ семьѣ французскій крестьянинъ—деспотъ и смотритъ на жену свысока, какъ на существо несравненно низшее. Не только общественнаго хозяйства, хотя бы оно не выходило изъ предѣловъ семейнаго, но и общественной жизни онъ не знаетъ. Онъ поглощенъ своею личностью и только ближайшіе ея отпрыски, дѣти, ему близки. Мишле, такъ поэтически описавшій привязанность французскаго крестьянина къ «любовницѣ-землѣ», говоритъ: Чтобы обладать нѣсколькими футами виноградника, женщина отнимаетъ грудь у своего ребенка и даетъ ее чужому. «Ты будешь жить или умрешь, мой сынъ, говоритъ отецъ, но если ты будешь жить, у тебя будетъ земля». Но это жестко, это нечестиво, скажете вы. Подумайте прежде. «У тебя будетъ земля», это значитъ: «Ты не будешь наемникомъ, котораго сегодня берутъ, а завтра гонять, ты не будешь рабомъ изъ-за дневнаго пропитанія, ты будешь свободенъ». Свободенъ! Великое слово, содержащее въ себѣ все человѣческое достоинство». (Le peuple, 58). Но сыновья мужа, какъ уже сказано, нѣкогда не останутся вмѣстѣ, каждый изъ нихъ опять-таки замкнется въ свою личную жизнь, къ которой причастны только его дѣти. Что касается религиозныхъ

возрѣній то за вычетомъ нѣсколькихъ мѣстностей гдѣ французскій крестьянинъ суевѣренъ, какъ въ средніе вѣка, и почти идолопоклонникъ, онъ, вообще говоря—крайній скептикъ и человекъ равнодушный, индифферентный.

Представьте себѣ теперь, что изъ этой однородной массы выдѣлился человекъ громаднаго ума и пытливости—Прудонъ. Каковы бы ни были личныя особенности его ума и характера, но кровная связь съ милліонами людей, обладающихъ такою рѣзко опредѣленною фізіономіей, должна была наложить на него свою наслѣдственную печать. Самъ Прудонъ очень хорошо понималъ и очень высоко цѣнилъ эту кровную связь. Онъ съ гордостью говорилъ о своихъ четырнадцати предкахъ-мужикахъ и съ этой же точки зрѣнія написаны многія прекрасныя страницы въ книгѣ «De la justice»: воспоминанія о смерти отца, котораго онъ глубоко уважалъ, о томъ времени, когда самъ онъ былъ пастухомъ и т. п. Нѣкоторыя наслѣдственно мужицкія черты остались въ Прудонѣ до конца его дней въ совершенно непереверенномъ, неизмѣненномъ его личнымъ развитіемъ видѣ. Таковы его отношенія къ женщинамъ. Онѣ извѣстны. Переписка только подтверждаетъ, что и въ частной жизни онъ на этомъ пунктѣ былъ таковъ же, какъ и въ теоріи. Его отношенія къ женѣ были замѣчательно жестки. Описывая въ одномъ письмѣ ея опасную болѣзнь и ожидая ея смерти, онъ говоритъ только о непріятностяхъ положенія вдовца съ дѣтьми и о неизбѣжной вслѣдствіе этого неурядицѣ въ домашнихъ дѣлахъ. Очевидно, что его извѣстное положеніе, что «женщина—или хозяйка или куртизанка» не было для него фразой, а это—характерная крестьянская мысль. Но конечно далеко не всѣ типическія мужицкія черты могли сохраниться съ такою полною неприкосновенностью. Въ большей части случаевъ онѣ должны были, сохраняя свой коренной характеръ, подвергнуться извѣстной переработкѣ, хотя бы уже потому, что Прудону приходилось сталкиваться съ такими вещами, которыя въ крестьянскомъ быту не имѣютъ мѣста.

Напрямѣръ французскій мужикъ можетъ болѣе или менѣе хорошо, болѣе или менѣе дурно устроить свои практическія

дѣла, смотря по его ловкости, но онъ во всякомъ случаѣ прежде всего—практикъ п узкій практической утилитаристъ. Эта черта въ основаніи своемъ досталась по наслѣдству и Прудону, но, понятно, въ преобразованномъ, такъ сказать, расширенномъ видѣ. Она выразилась его ненавистью ко всякой спеціальности для спеціальности. Искусство для искусства онъ называлъ проституціей, философію для философіи — «торговлей абсолютомъ»: такому же рѣзкому осужденію подвергалась полтика и экономія, какъ самостоятельныя самодовлѣющія цѣли. Прудонъ не понималъ, какъ можно заниматься какою-нибудь спеціальностью для нея самой, а не для счастья человѣка или, какъ онъ говорилъ, для утвержденія справедливости. Въ книгѣ «De la justice» онъ сдѣлалъ даже намекъ на грандіозную теорію, въ силу которой справедливость должна была стать основаніемъ не только общественнаго устройства, а и всѣхъ міровыхъ процессовъ. Въ человѣческихъ же дѣлахъ онъ тѣмъ паче требовалъ служенія справедливости отъ всякой функціи, отъ всякой дѣятельности. Искусство, наука, философія, промышленный прогрессъ, политическія формы сами по себѣ для него ничего не значили. Это несомнѣнно та же практичность французскаго мужика, но поднятая на высшую ступень развитія. Прудонъ это очень хорошо понималъ. Въ одномъ своемъ сочиненіи онъ говоритъ напрямѣръ что «человѣку народа никогда бы не пришла въ голову такая нелѣпость какъ декартовское: «я мыслю, слѣдовательно существую». Онъ хочетъ сказать, что для человѣка народа есть гораздо болѣе убѣдительно доказательство существованія — трудъ, дѣятельность вообще, лишь частная, спеціальная, слѣдовательно подчиненная форма которой есть мышленіе. Другія общія идеи Прудона,—тѣ, которымъ онъ оставался вѣренъ всю жизнь, столь же удобно приводятся въ связь съ духовнымъ наслѣдствомъ ряда поколѣній французскихъ крестьянъ. На первомъ мѣстѣ здѣсь стоитъ идея личности. Грубый эгоизмъ французскаго мужика, просвѣтленный работой гениальнаго ума, преобразился въ начало личнаго достоинства и личной свободы. Наиболѣе трудно поддающійся объясненію съ этой точки зрѣнія

фактъ есть прудоновское отрицаніе собственности, на первый взгляд такъ рѣзко противорѣчащее основной складкѣ французскаго крестьянства. Но это только на первый взглядъ. Прежде всего замѣтимъ, что Прудонъ, совершенно въ духѣ своей родной среды, рѣшительно отрицалъ собственность общинную. Въ силу тѣхъ же причинъ, которыя мѣшаютъ въ этой средѣ даже двумъ братьямъ вести общее хозяйство, Прудонъ всѣми силами боролся съ коммунизмомъ. Свободу и равенство Прудонъ понималъ и цѣнилъ, но третій членъ извѣстнаго девиза революціи—братство—былъ для него тарабарская грамота. Что же касается до его отрицанія собственности вообще, то это не болѣе, какъ діалектическій фокусъ. При употребленіи «критическаго орудія антиномій», отрицаніе очень часто оказывается и должно оказываться утвержденіемъ. Во всякомъ случаѣ критика Прудона ни малѣйше не грозила собственности французскихъ крестьянъ—личной собственности, приобрѣтенной трудомъ и передаваемой по наслѣдству. Мало того, его критика вполне согласовалась съ этимъ порядкомъ вещей, систематизировала его, представляла лишь его расширеніе, развитіе и облагороженіе. Французскій крестьянинъ, грубый и узкій, надѣляетъ каждого своего сына собственностью. Это—именно взглядъ Прудона, съ тою разницею, что кругозоръ его былъ шире, обнималъ всѣхъ сыновей всѣхъ отцовъ, т. е. все человѣчество. Онъ хотѣлъ, какъ мы видѣли, universaliser собственность, а не выбросить ее за бортъ.

Если бы у меня было достаточно времени и мѣста, я могъ бы провести это объясненіе и дальше, даже до многихъ мелкихъ подробностей жизни и дѣятельности Прудона. Но сказаннаго для меня достаточно. Читатель, надѣюсь, убѣдился, что Прудонъ былъ потомокъ своихъ предковъ. Это опредѣленіе можетъ показаться смѣшнымъ или страннымъ, но оно вѣрно выражаетъ мысль. Мы сейчасъ увидимъ человѣка, который не былъ потомкомъ своихъ предковъ, у котораго предковъ, поэтому, какъ бы не было. Прудонъ былъ въ совсѣмъ иномъ положеніи. Онъ представлялъ собою звѣно прямой, однородной цѣпи, нѣкоторымъ образомъ сосудъ, въ который влились чистые, несмѣ-

шанные соки вѣковой исторіи. Отсюда его довѣріе къ будущему, не впадающее однако въ оптимизмъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ терпѣливое отношеніе къ этому будущему, не впадающее однако въ апатію и бездѣятельность. Отсюда такъ проникающая его всего идея «прогресса въ себѣ». Но что для насъ особенно важно, такъ это—вытекающая отсюда прочность основныхъ вѣрованій и убѣжденій. Какова бы ни была степень плутоватости Прудона (лично ли ему принадлежавшей или тоже полученной по наслѣдству), но она или шла на службу основнымъ вѣрованіямъ, или, если отклонялась отъ нихъ, играла роль неважную и второстепенную. За плечами его лежала слишкомъ характерная и непрерывная исторія, чтобы онъ могъ высвободиться изъ подъ ея ига. Это было впрочемъ «благое про», потому что не отягачало, а облегчало ему жизнь. Если уже у него въ молодости сложились всѣ его главнѣйшія убѣжденія, то тѣмъ самымъ было обойдено множество ошибокъ, внутреннихъ противорѣчій и мукъ. То, что въ массѣ французскихъ крестьянъ было инстинктомъ, въ личности Прудона выразилось сознаниемъ и системой. Сознаніе конечно должно было очищать, обтесывать грубость инстинктовъ, но все-таки имѣть въ нихъ свое основаніе. Вотъ почему Прудонъ оставался всегда вѣренъ и не могъ не оставаться вѣрнымъ идеямъ свободы, личной самостоятельности, труда и собственности. Вотъ почему онъ до такой степени глубоко вѣровалъ въ свои идеи, что полагалъ возможнымъ убѣдить любого министра «высшими философскими соображеніями». Въ сущности эти высшія соображенія были далеко не настолько убѣдительно и побѣдительно. Но самому Прудону они казались таковыми, потому что были результатомъ на его личной головной работы, а его плотью и кровью, унаслѣдованною отъ цѣлаго ряда предковъ, въ которыхъ тѣже идеи пребывали въ видѣ инстинктовъ и неясныхъ позывовъ. При такихъ условіяхъ личные недостатки были почти безсильны.

Я никакъ не думалъ такъ долго останавливаться на Прудонѣ, потому что, по правдѣ сказать, хотѣлъ только оттъннить имъ фигуру нашего Бѣлинскаго и затѣмъ сдѣлать нѣсколько общихъ

выводовъ. А отгнѣняютъ другъ друга эти фигуры замѣчательно, потому что при значительномъ сходствѣ по темпераменту, страстности, преданности идеѣ, логическому безстрашію, трудно найти двухъ людей, исторія внутренней жизни которыхъ была бы до такой степени различна. Это два антипода. Если въ Прудонѣ поражаетъ необычайная стойкость убѣжденій при нѣкоторой плутоватости характера, то въ Бѣлинскомъ наоборотъ поразительна рыцарски честная, святая натура рядомъ съ шатавіемъ и колебаніемъ принциповъ. Эта противоположность наводитъ русскаго человѣка на многія горькія, но и на многія утѣшительныя мысли.

Начать съ того, что вмѣсто однородной, непрерывной характерной цѣпи предковъ Прудона, мы встрѣчаемъ на порогѣ жизни Бѣлинскаго слѣдующую мѣшанину: прадѣдъ неизвѣстенъ; дѣдъ—сельскій священникъ; отецъ—военный лекарь, пользующійся репутаціей вольнодумца и безбожника; мать — мелкая дворянка, владѣющая семьей крѣпостныхъ людей и малограмотная; отецъ въ 1831 г. получаетъ чинъ коллежскаго ассесора, дающій дворянство, причемъ несмотря на все свое вольнодумство заболѣваетъ «тщеславіемъ дворянства», какъ пзвѣщаль Бѣлинскаго одинъ его родственникъ. Эта мѣшанина не представляетъ въ русской жизни ничего необыкновеннаго, исключительнаго. Весьма можетъ быть, что г. А, критикъ «Русскаго Вѣстника», крайне презрительно говорящій и о Бѣлинскомъ, и о его происхожденіи и обстановкѣ, самъ узрѣлъ свѣтъ при подобныхъ же условіяхъ. Это бываетъ. Но представьте себѣ, что изъ этой мѣшанины выдѣлился не г. А, а словѣкъ большого ума и пытливости и вдобавокъ съ страшнымъ, неподкупнымъ чувствомъ правды. Что будетъ? Отвѣтъ даетъ біографія Бѣлинскаго. Рассказывать ее я разумѣется не буду и остановлюсь только на нѣкоторыхъ ея пунктахъ.

Первымъ крупнымъ жизненнымъ шагомъ Бѣлинскаго была трагедія, которую онъ написалъ еще бывши студентомъ. Сюжетъ трагедіи былъ заимствованъ изъ крѣпостныхъ отношеній. Герой ея—незаконный сынъ помѣщика и его крѣпостной; трагедія из-

облуетъ убійствами и романтическими ужасами, но въ основаніи своемъ взята изъ дѣйствительной жизни. Г. Пыпинъ, ссылаясь на источники, говоритъ, что «именно впечатлѣнія этой жизни (помѣщичьяго произвола и крѣпостныхъ отношеній вообще), негодование къ этимъ возмутительнымъ явленіямъ, составлявшимъ «порядокъ вещей», именно и одушевляли его и дали содержаніе его трагедіи». Бѣлинскій возлагалъ большія надежды на свое произведеніе, и въ авторскомъ, и въ денежномъ смыслѣ. Онъ рассчитывалъ напечатать трагедію, поставить ее на сцену и такимъ образомъ «откупиться отъ казны», т. е. видѣти изъ казенно-коштныхъ студентовъ и жить на квартирѣ. Онъ потерпѣлъ полное фіаско. Товарищами трагедія одобрена не была, а цензурный комитетъ, состоявшій изъ профессоровъ университета, нашелъ ее «безнравственною, безчестящею университетъ». Эта исторія способствовала исключенію Бѣлинскаго изъ университета. Много онъ послѣ того бѣдствовалъ, но наконецъ друзья устроили его вотъ какимъ образомъ. Въ Москвѣ жилъ одинъ богатый баринъ, имѣвшій страсть писать и печататься и извѣстный тогда подъ именемъ Прутикова. Этому-то барину Лажечниковъ и рекомендовалъ Бѣлинскаго, въ качествѣ домашняго секретаря, обязанность котораго состояла въ «исправленіи грамматическихъ и другихъ погрѣшностей въ сочиненіяхъ его превосходительства». Дальнѣйшую исторію Лажечниковъ рассказываетъ такъ. «Вскорѣ Бѣлинскій водворенъ въ аристократическомъ домѣ, пользуется не только чистымъ, даже ароматическимъ, воздухомъ, имѣетъ прислугу, которая летаетъ по его мановенію, имѣетъ хороший столъ, отличныя вина, слушаетъ музыку разныхъ европейскихъ знаменитостей (одна дочь его прев—ва—музыкантша), располагаетъ огромной библіотекой, будто собственной, однимъ словомъ катается, какъ сыръ въ маслѣ. Но вскорѣ заходятъ тучи надъ этой блаженной жизнью. Оказывается, что за нее надо подчасъ жертвовать своими убѣжденіями, собственной рукой писать имъ приговоры, дѣйствовать противъ совѣсти. И вотъ въ одно прекрасное утро Бѣлинскій исчезаетъ изъ дома, начиненнаго всѣми житейскими благами, исчезаетъ съ своимъ добромъ, завязан-

нимъ въ носовой платокъ, и сокровищемъ, которое онъ носитъ въ груди своей. Его превосходительству оставлена записка съ извиненіемъ нижеподписавшагося покорнаго слуги, что онъ не сроденъ къ должности домашняго секретаря».

Я потому напомнилъ этотъ довольно извѣстный и самъ по себѣ неважный эпизодъ изъ жизни Бѣлинскаго, что въ жизни Прудона имѣется внѣшнимъ образомъ совершенно параллельный фактъ. Такъ что сравненіе очень удобно и напрашивается само собой. Въ началѣ 1841 г. Прудонъ тоже поступилъ домашнимъ секретаремъ къ одному важному барину, занимавшемуся сочиненіемъ по уголовному праву. Обязанность Прудона состояла приблизительно въ томъ же, что долженъ былъ дѣлать Бѣлинскій, но онъ посмотрѣлъ на свою роль совсѣмъ иначе. Онъ не только не сѣялъ подобно Бѣлинскому, а задумалъ цѣлый коварный планъ эксплуатаціи патрона въ видахъ своихъ излюбленныхъ идей. Мысль эта его очень занимала, какъ видно изъ нѣсколькихъ писемъ, вошедшихъ въ первый томъ переписки, въ которыхъ онъ очень пространно развиваетъ эту тему. Онъ смѣется надъ своимъ патрономъ и рассчитываетъ заставить его плясать по своей дудкѣ, подсунувъ ему, подъ видомъ его идей, свои собственныя. Онъ хочетъ, поддакивая патрону, его аристократическимъ тенденціямъ, направить все сочиненіе извѣстнымъ образомъ. И когда сочиненіе явится и заслужитъ многочисленныя похвалы,—въ этомъ Прудонъ вполне увѣренъ,—явится настоящій его авторъ, т. е. Прудонъ и предложитъ номинальному автору нѣкоторые логическіе, неизбежные выводы изъ него. Патронъ долженъ будетъ принять ихъ, не смотря на все свое къ нимъ отвращеніе, или же призвать себя одураченнымъ невѣждой. «Или онъ будетъ кричать: да здравствуетъ равенство! долой собственность! или я сдѣлаю изъ него осла... Надо обращаться съ людьми, какъ съ дѣтьми, золотить пилюли, надувать людей въ ихъ собственномъ интересѣ». «Я сдѣлаю скандалъ изъ этого сочиненія», пишетъ онъ въ другомъ письмѣ. Нисколько такого скандала Прудонъ не сдѣлалъ, и вообще весь этотъ коварный планъ далъ въ результатѣ такой же круглый нуль, какъ

и всё другіе макіавеллческіе замыслы Прудона. Но дѣло не въ этомъ, а въ личностяхъ Прудона и Бѣлинскаго, которыхъ эти дѣла исторіи домашняго секретарства такъ хорошо обрисовываютъ и оттѣняютъ. Ничего подобнаго прудоновскимъ подвохамъ и подходамъ Бѣлинскій никогда въ мысляхъ не имѣлъ и не могъ имѣть. Самая характеристическая его черта есть глубоко, до наивности и ребячества правдивое отношеніе къ людямъ, къ принципамъ, къ фактамъ. Онъ былъ, можно сказать, сама правда, облеченная въ жалкую, слабую плоть. Если мы переберемъ всѣхъ многочисленныхъ и часто взаимно исключаящихся боговъ, которымъ Бѣлинскій въ разное время страстно молился и приносилъ жертвы, — театръ, поэзія, Шиллеръ, Гегелевская «дѣйствительность», цивилизація, социальная идея, — то увидимъ, что во всемъ этомъ онъ искалъ только одного — правды и собственно говоря, ей одной молился. Какъ только замѣчалась въ томъ или другомъ временномъ богѣ какая-нибудь фальшь, Бѣлинскаго ужъ начинало коробить и щемить, а тамъ — глядишь — бумиръ летитъ отъ взмаха сильной руки бывшаго правовѣрнаго, и бывший правовѣрный топчетъ его съ неистовствомъ челоуѣка, обманутаго въ самыхъ лучшихъ своихъ вѣрованіяхъ и упованіяхъ. Изъ этого не слѣдуетъ однако, чтобы въ низвергнутомъ бумирѣ была подмѣчена дѣйствительная фальшь. Жажда правды была въ Бѣлинскомъ безъ преувеличенія ужасающая, она мучила и измучила его. Это свидѣлствуютъ всѣ его письма. Но потому — то онъ и мучился, что чутье правды не соотвѣтствовало жаждѣ. Какъ путникъ въ степи, метался онъ «духовной жаждою томимъ», мучимый собственнымъ горячимъ, иссушающимъ дыханіемъ. И вдругъ передъ нимъ оазисъ, зеленый, влажный, свѣжій... Увы! Это — только миражъ, ложь, фальшь, но Бѣлинскій часто убѣждался въ этомъ слишкомъ поздно, а затѣмъ слѣдовала новая ломка, новое горе, новое неистовство, тѣмъ болѣе сильное, чѣмъ заманчивѣе былъ предательскій миражъ. Была одна область, въ которой онъ былъ почти неогрѣшимъ, — область эстетическая. Г. Пыпинъ приводитъ очень любопытный рассказъ бывшаго учителя Бѣлинскаго, Попова, о томъ какъ они вмѣстѣ

съ будущимъ великимъ критикомъ, тогда еще студентомъ, читали «Ворпса Годунова» Пушкина. Особенно поразила Бѣлинскаго извѣстная сцена въ корчмѣ. «Прочитавъ разговоръ хозяйки корчмы съ собравшимися у нея бродягами, улыки противъ Григорія и бѣгство его черезъ окно, Бѣлинскій выронилъ книгу изъ рукъ, чуть не сломалъ стулъ, на которомъ сидѣлъ, и восторженно закричалъ: «Да это—живые; я видѣлъ, я вижу, какъ онъ бросился въ окно!» Эта способность цѣнить правду изображенія и восторгаться ею была въ Бѣлинскомъ развита совершенно необычайно. Проидеть много лѣтъ, смѣнится много критиковъ и даже критическихъ приемовъ, но нѣкоторые эстетическіе приговоры Бѣлинскаго останутся во всей силѣ. Но за то только въ этой области Бѣлинскій и находилъ для себя почти непрерывный рядъ слаженій. Какъ только эстетическое явленіе осложнялось философскими и нравственно-политическими началами, такъ чутье правды болѣе или менѣе измѣняло ему, между тѣмъ какъ жажда оставалась все та же, и это-то и дѣлало изъ него того великомученника правды, какимъ онъ выступаетъ въ своей перепискѣ. Постоянныя колебанія строя его мыслей особенно поразительны, если поставить ихъ рядомъ съ прочностью, непрерывностью чуть не отъ колыбели до могилы, устойчивостью убѣжденій Прудона.

Я отнюдь не хочу умалить значеніе Бѣлинскаго, да вѣдь я и не говорю ничего новаго. Всѣмъ извѣстно, всѣмъ признано, что Бѣлинскій былъ эстетическій критикъ огромной силы и что онъ не разъ перемѣнилъ свои взгляды вообще и взгляды на искусство въ частности. Но я хотѣлъ бы внушить читателю болѣе почтительное и кажется болѣе правильное отношеніе къ критику Бѣлинскаго. У насъ его нынче не читаютъ, теперешнее подростоеющее поколѣніе пожалуй что и вовсе его не знаетъ. И это на основаніи его репутаціи, вопли въпрочемъ вѣрной въ общемъ. Однако изъ этой вѣрности репутаціи слѣдуетъ не то, что Бѣлинскаго читать не нужно, а то, что его могутъ съ пользою читать только люди, умственно и нравственно оскрѣпшіе. Конечно у кого въ головѣ нѣтъ царя, того Бѣлинскій мо-

жетъ сбѣтъ своими противорѣчивыми сужденіями о явленіяхъ литературы и жизни. Но человѣкъ съ царемъ въ головѣ получить при чтеніи его сочиненій много наслажденій и много пользы. Судьба Бѣлинскаго очень печальна. Ругать его и до сихъ поръ ругаютъ, даже тѣми самыми кличками, которыми его надѣляли при жизни. Г. Погодинъ напримѣръ несмотря на свой почтенный возрастъ никакъ не можетъ забыть, что Бѣлинскій—«недоучившійся студентъ». Есть молодые щенки, которые тоже на эту тему распространяются. Есть правда у Бѣлинскаго почитатели, собственно почитатели его свѣтлаго имени, но многіе изъ нихъ готовы признать, что Бѣлинскій въ концѣ концовъ все таки—пройденная ступень, потому что—дескать—эстетическая критика отжила свое время. Оно такъ да не таеъ. Конечно многіе вопросы, занимавшіе Бѣлинскаго, для насъ не существуютъ. Мы напримѣръ ужъ не будемъ разсуждать о томъ, можетъ ли быть сатира причислена къ разряду художественныхъ произведеній. Но возьмите самый элементарный вопросъ эстетической критики: вѣрно ли изображено извѣстное лицо или положеніе въ данномъ литературномъ произведеніи? Главная, не преходящая сила Бѣлинскаго состояла въ умѣннн отвѣтить на этотъ вопросъ. А для этого требуется такое умѣнье ставить себя въ положеніе изображаемыхъ лицъ, такая глубокая способность сочувствія страдающей и наслаждающейся человѣческой личности, что не можетъ быть и сомнѣнія въ значеніи Бѣлинскаго даже до сего дня. Съ позволенія читателя я еще вернусь когда-нибудь къ этой любопытной темѣ, а теперь пойдемте дальше.

Мы видѣли, что трагедія Бѣлинскаго была юношескимъ протестомъ противъ крѣпостнаго права и другихъ порядковъ добраго стараго времени. Это не могло быть конечно одинокимъ явленіемъ, а Бѣлинскій носилъ въ кружкѣ Станкевича прозвище «неистоваго Виссаріона» не только за свои манеры, а и за свое душевное содержаніе. Онъ въ это время сильно увлекался Шиллеромъ и питалъ, какъ говорилъ потомъ самъ, «днкую вражду къ общественнымъ порядкамъ во имя абстрактнаго идеала общества». Долго ли, коротко ли продолжалось это настроеніе (у

г. Пыпина этотъ періодъ изложенъ очень неясно и сбивчиво), но Бѣлинскій наконецъ бросился въ другую крайность, — въ безусловное оправданіе всякой дѣйствительности въ качествѣ необходимо «разумной». Перемена эта совершилась подъ вліяніемъ нѣмецкой философіи, постепенно овладѣвавшей Бѣлинскимъ. До какой степени она имъ овладѣла въ указанномъ направленіи примыренія съ дѣйствительностью, видно уже изъ любопытнѣйшаго письма отъ 7 августа 1837 г. Письмо писано къ одному пріятелю изъ Пятигорска, гдѣ Бѣлинскій въ то время лечился.

«Богъ не есть ничто отдѣльное отъ міра, писалъ Бѣлинскій, но Богъ въ мірѣ, потому что онъ всездѣ. Да, его, — какъ говоритъ великій Іоаннъ, любимѣйшій ученикъ Христа, — его никто не видалъ; но онъ во всякомъ благородномъ порывѣ человѣка, во всякой свѣтлой его мысли во всякомъ святомъ движеніи его сердца... Ищи Бога не въ храмахъ, созданныхъ людьми, но ищи въ сердцѣ своемъ, ищи его въ любви своей. Утони, исчезни въ наукѣ и искусствѣ, возлюби науку и искусство, возлюби ихъ, какъ цѣль и потребность твоей жизни, а не какъ средство къ образованію и успѣхамъ въ свѣтѣ — и ты будешь блаженъ, а кто достигъ блаженства, тотъ носитъ въ себѣ Бога... Философія — вотъ что должно быть предметомъ твоей дѣятельности. Философія есть наука идеи чистой, отрѣшенной; исторія и естествознаніе суть науки идеи въ явленіи. Теперь спрашиваю тебя: что важнѣе — идея или явленіе, душа или тѣло?... Но тебѣ нельзя начать прямо съ философіи: тебѣ надо приготовиться къ ней путемъ искусства. Какъ къ душевному просвѣтленію черезъ причастіе христіанинъ говорится путемъ поста и покаянія, такъ искусствомъ ты долженъ очистить свою душу отъ праказы земной еуеты, холоднаго себллюбія, отъ обольщеній вѣшней жизни, и приготовить ее къ принятію чистой истины... Только въ философіи ты найдешь отвѣты на вопросы души твоей, только она дастъ миръ и гармонію душѣ твоей и подаритъ тебя такимъ счастьемъ, какого толпа и не подозрѣваетъ... Въ самомъ себѣ, въ сокровенномъ святилищѣ своего духа найдешь ты высшее счастье, и тогда твоя маленькая комнатка, твой убогій и тѣсный кабинетъ будетъ истиннымъ храмомъ счастья. Ты будешь свободенъ, потому что не будешь ничего просить у міра, и міръ оставитъ тебя въ покоѣ, видя, что ты у него ничего не просишь. Пуще всего оставь политику и бойся всякаго политическаго вліянія на свой образъ мыслей. Политика у насъ въ Россіи не имѣетъ смысла, и ею могутъ заниматься только пустыя головы. Люби добро и тогда ты будешь необходимо полезенъ своему отечеству, не думая и не стараясь быть ему полезнымъ. Еслибы каждый изъ индивидовъ, составляющихъ Россію, путемъ

любви дошелъ до совершенства, тогда Россія безъ всякой политики сдѣлалась бы счастливѣйшею страню въ мѣрѣ... Для Россіи назначена совсѣмъ другая судьба, нежели для Франціи, гдѣ политическое направленіе и наукъ, и искусства, и характера жителей имѣтъ свой смыслъ, сроку хорошую сторону... Если хочешь понять назначеніе Россіи, прочти исторію Петра Великаго,—она объяснитъ тебѣ все. Ни у какого народа не было такого государя. Всѣ великіе государи другихъ народовъ ниже Петра... Петръ есть ясное доказательство, что Россія не изъ себя разовьетъ свою гражданственность и свою свободу по получитъ то и другое отъ своихъ царей, такъ какъ уже много получила отъ нихъ того и другаго. Правда, мы еще не имѣемъ правъ, мы — еще рабы, если угодно, но это оттого, что мы еще должны быть рабами. Россія—еще дитя, для котораго нужна нянька, въ груди которой билось бы сердце, полное любви къ своему питомцу, а въ рукѣ которой была бы лоза-готовая наказывать за шалости... Дать Россіи въ теперешнемъ ея состояніи конституцію—значитъ погубить Россію. Въ понятіи нашего народа свобода есть *воля*, а воля — озорничество. Не въ парламентѣ пошесть бы освобожденный русскій народъ, а въ кабакѣ побѣжалъ бы пѣть вино, бить стекла, и вѣшать дворянъ, которые брѣютъ бороды и ходятъ въ скруткахъ. Свобода конституціонная есть свобода условная, а истинная, безусловная свобода настаётъ въ государствѣ съ успѣхами просвѣщенія, основаннаго на философіи умозрительной, а не эмпирической, на царствѣ чистаго разума, а не пошлаго здраваго смысла... Наше правительство не позволяетъ писать противъ крѣпостнаго права, а между тѣмъ исподволь освобождаетъ крестьянъ... Давно ли мы съ тобой живемъ на свѣтѣ, давно ли помнимъ себя, и уже посмотри, какъ перемѣнилось общественное мнѣніе: много ли теперь осталось тирановъ-помѣщиковъ, а которые и остались не презираютъ ли ихъ самые помѣщики? Видишь ли, что и въ Россіи все идетъ къ лучшему... Власть даетъ намъ полную свободу думать и мыслить, но ограничиваетъ свободу громко говорить и вмѣшиваться въ ея дѣла. Она пропускаетъ къ намъ изъ за границы такія книги которыя никакъ не позволятъ перевести и издать. И чтожь, все это хорошо и законно съ ея стороны, потому что то, что можешь знать ты, не долженъ знать мужикъ, потому что мысль, которая можетъ сдѣлать тебя лучше, погубила бы мужика, который естественно понялъ бы ее ложно. Правительство позволяетъ намъ выписывать изъ за границы все, что производитъ германская мыслительность, самая свободная, и не позволяетъ выписывать политическихъ книгъ, которыя послужили бы только ко вреду. кружа головы неосновательныхъ людей. Въ моихъ глазахъ эта мѣра превосходна и похвальна»...

Письмо оканчивается панегирикомъ нѣмцамъ и рѣзкимъ осужденіемъ французовъ. Такъ смирился человекъ, еще недавно на-

писавшій кровавую трагедію изъ крѣпостного быта и питавшій «дикую вражду къ общественнымъ порядкамъ во имя абстрактнаго идеала». Такъ смирился «невостовый Виссаріонъ». По поводу этого замѣчательнаго письма, г. А. «Русскаго Вѣстника» счелъ возможнымъ и умѣстнымъ предаться какимъ-то дряннымъ подмигиваніемъ. Трудно даже понять такое неуваженіе къ святынѣ, потому что приведенное письмо настоящая святыня, вполне очевидная даже для самаго грубаго глаза, если только онъ хоть разъ въ жизни напрягался, вглядываясь въ даль, чтобы найти тамъ правду. Если бы еще была возможность доказать, что Вѣлинскій прогнорѣчилъ себя изъ за какихъ нибудь стороннихъ побужденій, я бы понялъ усердіе критики «Русскаго Вѣстника». Но тормозить грязными руками трупъ великомученика являть, пристроивать свои личныя и, самое большее, катковскія дѣлишки къ тому обстоятельству, что Вѣлинскій въ неустанной погонѣ за правдой ошибался и мѣнялъ свой цвѣтъ, играть на этомъ обстоятельствѣ, какъ на фортепьяно,—какая гадость! И эти—не говорю фарисеи и книжники, потому что это для нихъ все-таки—не по шерсти клочка, она все таки подразумевается, если не умъ и знаніе, то хоть хитрость и эрудицію—эти пятиалтынные, эти гроши говорятъ объ уваженіи къ личности, къ исторіи, они стоятъ за какую-то «культуру» и негодуютъ на какую-то «тенденціозность»... Во всей перепискѣ Вѣлинскаго, собранной г. Пыпинымъ, нѣтъ ничего трогательнѣе этого письма. Нигдѣ не выразились такъ ясно его глубочайшая преданность и какое-то необыкновенное проникновеніе тѣмъ, что онъ въ данную минуту считалъ правдой. Я ужъ не говорю о содержаніи письма, посмотрите только на его выѣшность, на форму изложенія. Каждая строка здѣсь дорога, каждое сочетаніе и размѣщеніе словъ, какъ свидѣтельство изумительной правдивости Вѣлинскаго. Обыкновенно бурный, часто впадающій даже въ риторику слогъ не только его сочиненій, а и писемъ, дѣлается тутъ мягкимъ, ровнымъ, спокойнымъ. Иначе и не можетъ писать обладатель правды не воинствующей, а успокоительной, утѣшительной. Я увѣренъ, что и лицо Вѣлинскаго въ это время

преобразилось и что говорилъ онъ не «упорствуя, волнуясь и спѣша», а ровно, спокойно и нѣсколько торжественно, хотя конечно по страстности своей природы долго выдержать этого не могъ. Г. Пыпинъ обращаетъ вниманіе на то, что во время писанія этого письма личныя обстоятельства Бѣлинскаго были «ужасны», хуже чѣмъ когда нибудь. Это въ самомъ дѣлѣ очень характерный фактъ. Больной, нищій, въ завтрашнемъ днѣ неуверенный, Бѣлинскій съ невозмутимымъ спокойствіемъ объясняетъ, что все идетъ къ лучшему и что философія даетъ такое счастье, какого толпа и не подозреваетъ и какого высшая жизнь не можетъ ни дать, ни отнять. Со стороны смѣшно, если хотите дико, нелѣпо, фикція, пллюзія, обманъ, ложь, но очевидно, что самъ Бѣлинскій въ ту минуту дѣйствительно обладалъ такимъ счастьемъ, потому что глубоко вѣрилъ, что навѣянный на него философскій вздоръ есть правда. Придетъ время, и Бѣлинскій столь же искренно, столь же цѣльно и полно возстанетъ противъ этой «правды», но тогда она уже не будетъ въ его глазахъ правдой. До этого однако еще далеко. Вотъ еще нѣсколько отрывковъ изъ этой эпохи его развитія, которое шло въ тотъ же направленіи все crescendo.

Въ 1838 г. онъ писалъ: «Теперь, когда я нахожусь въ созерцаніи безконечнаго, теперь я глубоко понимаю, что всякій правъ и никто не виноватъ». «Такова моя натура: съ напряженіемъ, горестно и трудно принимаетъ мой духъ въ себя и любовь, и вражду, и знаніе, и всякую мысль, всякое чувство; но, принявъ, весь проникается ими до сокровенныхъ глубокихъ изгибовъ своихъ. Такъ въ горнилѣ моего духа выработалось самобытно значеніе великаго слова *дѣйствительность*». *Дѣйствительность*, твержу я, вставая и ложась спать». Въ 1839 г.: «Пріѣзжаю въ Москву съ Кавказа, пріѣзжаетъ М.—мы живемъ вмѣстѣ. Лѣтомъ просмотрѣлъ онъ философію религіи и права Гегеля. Новый міръ намъ открылся. Сила есть право и право есть сила:—нѣтъ, не могу описать тебѣ съ какимъ чувствомъ услышалъ я эти слова—это было освобожденіе. Я понялъ идею паденія царствъ, законность завоеваній, я понялъ, что нѣтъ ди-

кой матеріальной силы, нѣтъ владычества штыка и меча, нѣтъ произвола, нѣтъ случайности—и кончилась моя опека надъ родомъ человѣческимъ».

Шиллеръ въ это время предавался сильному поруганію, какъ «личный врагъ» (собственныя слова Бѣлинскаго) «за субъективно-нравственную точку зрѣнія, за странную идею долга, за абстрактный героизмъ, за прекраснодушную войну съ дѣйствительностью, за все за это, отчего я страдалъ во имя его». Задачей Бѣлинскаго становится уже отмѣченное въ письмѣ съ Кавказа самосовершенствованіе, «абсолютная» или «полная жизнь духа». За эту задачу онъ принимается съ своею обычною страстностью и правдивостью, безжалостно роется въ своей душѣ и бичуетъ себя за самолюбіе, тщеславіе, чувственность и проч. Дѣлаетъ онъ это до послѣдней степени просто, искренно, безъ всякой рисовки и передъ собой, и передъ друзьями. Онъ и тутъ—искренно вѣрующій жрецъ правды, проникнутый важностью своихъ священнодѣйствій и жертвоприношеній. Несмотря на шаткость почвы, на которой онъ стоялъ, вы не встрѣтите въ его самобичеваніяхъ ни униженія паче гордости, ни малѣйшаго кокетства. Находятся помощники въ этой работѣ (особенно Боткинъ); друзья помогаютъ другъ другу въ достиженіи «абсолютной жизни», несутъ одинъ другому всякую душевную мелочь требуютъ критики и даютъ ее.

Бѣлинскій первый замѣчаетъ всю ложь таинхъ «правдивыхъ» дружескихъ отношеній. Уже вскорѣ послѣ своего переѣзда въ Петербургъ онъ пишетъ: «Говорить о себѣ да о себѣ или все о моихъ да своихъ страданіяхъ, забывши, что и другой также думаетъ о тебѣ и также богатъ страданіями, — не хорошо и не умно». Но ему все еще жаль Москвы, друзей, кружка. Петербургъ ему очень не нравится, такъ какъ онъ не находитъ тутъ тѣхъ теплыхъ, участливыхъ и собственно говоря до назойливости откровенныхъ отношеній, какія оставилъ въ Москвѣ. Мало по малу личныя и кружковыя ноты уступаютъ мѣсто другимъ. Уже въ 1840 г. онъ пишетъ: «Въ Петербургѣ съ необитаемаго острова я очутился въ столицѣ, журналъ поставилъ

меня лицомъ къ лицу съ обществомъ,—и Богу извѣстно, какъ мвого перенесъ я! Для тебя еще не совсѣмъ понятна моя вражда къ *москводукшю*, но ты смотришь на одну сторону медали, а я вижу обѣ. Меня убило это зрѣлище общества, въ которомъ властвуютъ и играютъ роли подлецы и дюжинныя посредственности, а все даровитое и благородное лежитъ въ позорномъ бездѣйствіи на необитаемомъ островѣ... *Отчего же европеецъ въ страданіи бросается на общественную дѣятельность и находитъ въ ней выходъ изъ самаго страданія?*... Последняя фраза предвѣщаетъ уже разрывъ съ богомъ разумной дѣйствительности и примиренія, и въ самомъ дѣлѣ громъ очень скоро разражается. Въ томъ же 1840 г. Бѣлинскій писалъ: проклинаю мое стремленіе къ примиренію съ гнусною дѣйствительностію! Да здравствуетъ великій Шиллеръ, благородный адвокатъ челоуѣчества, яркая звѣзда спасеніе, эмансипаторъ общества отъ кровавыхъ предразсудковъ преданія! Да здравствуетъ разумъ, да скроется тьма!, какъ воссѣждаетъ великій Пушкинъ. Для меня теперь *человѣческая личность* выше исторіи, выше общества, выше челоуѣчества. Это—мысль и дума вѣка! Боже мой! страшно подумать! что со мной было—горячка или помѣшательство—я словно выздоравливающій». «Дѣйствительность—это палачъ». «Боже мой, сколько отвратительныхъ мерзостей сказалъ я печатно, со всею искренностью, со всѣмъ фанатизмомъ дикаго убѣжденія! Болѣе всего печалитъ меня теперь выходка противъ Мицкевича въ гадкой статьѣ о Менцелѣ. Какъ! отнимать у великаго поэта священное право оплакивать паденіе того, что дороже ему всего въ мірѣ и въ вѣчности,—его родины... И этого-то благороднаго и великаго поэта назвалъ я печатно крикуномъ, потому что рюмованныхъ памфлетовъ! Послѣ этого всего тяжелѣе мнѣ вспоминать о «Горѣ отъ ума», которое я осудилъ съ художественной точки зрѣнія, о которомъ говорилъ свысока и съ пренебреженіемъ, не догадываясь, что это—благороднѣйшее, гуманическое произведеніе, энергическій (и притомъ еще первый) протестъ противъ гнусной расейской дѣйствительности, противъ чиновниковъ, взяточниковъ, баръ-развратниковъ, противъ свѣтс-

заго общества, противъ невѣжества, добровольнаго холопства и *пр. и пр. и пр...* Чортъ знаетъ, какъ подумаешь какими зигзагами совершилось мое развитіе, цѣною какихъ ужасныхъ заблужденій купилъ я истину, и какую горькую истину,—что все на свѣтѣ гнусно, и особенно вокругъ насъ». «Признаться ли тебѣ въ грѣхѣ... о Шиллерѣ не могу и думать не задыхаясь, а къ Гете начинаю чувствовать родъ ненависти, и ей-Богу у меня рука не поднимается противъ Менцеля, хоть сей мужъ и по прежнему остается въ глазахъ моихъ идиотомъ. Боже мой,—какіе прыжки, какіе зигзаги въ развитіи! Страшно подумать».

Съ этого времени прыжки и зигзаги развитія, такъ мучившіе Бѣлинскаго, въ общемъ прекращаются. Онъ продолжаетъ еще приходитъ въ «*истинный*» восторгъ передъ вновь отрывающимися для него сторонами мысли и жизни, но эти новыя впечатлѣнія уже довольно ровно укладываются въ его установившееся міросозерцаніе. Такъ напримѣръ онъ пишетъ: «Я весь въ идеѣ гражданской доблести, весь въ паѳосѣ правды и чести, и мимо ихъ мало замѣчаю какое бы то ни было величіе. Теперь ты поймешь, почему Гимлеонъ, Гракхи и Катонъ Утическій... заслонили собою въ моихъ глазахъ и Цезаря, и Македонскаго. Во мнѣ развилась какая то... фанатическая любовь къ свободѣ и независимости человѣческой личности, которая возможна только при обществѣ, основанномъ на правдѣ и доблести». Или: «Я съ трудомъ и болью расстаюсь съ старою идеею, отрицаю ее до нельзя, и въ новую перехожу со всѣмъ фанатизмомъ прозелита. Я теперь въ новой крайности,—это идея социализма, которая стала для меня идеею идей.. альфою и омегою вѣры и знанія.. Она поглотила (для меня) и исторію, и религію, и философію, И потому ею я объясняю теперь жизнь мою, твою и всѣхъ, съ кѣмъ встрѣчался я на пути жизни». Жоржъ Зандъ, которую онъ прежде презиралъ, становится для него «вдохновенною пророцицей, энергическимъ адвокатомъ правъ женщинъ». И т. п. Эти новыя мысли конечно уже не враждебно привходили въ его психическое содержаніе, потому что то были только частности отрицанія «разумной дѣйствительности» и борьбы съ нею, кото-

рая наполнила Бѣлинскаго. Нѣкоторый миръ опять насталь въ его душѣ и онъ могъ по временамъ даже не съ ненавистью, а съ тонкимъ юморомъ смотрѣть на своихъ старыхъ, низверженныхъ боговъ. Очень характерно въ этомъ отношеніи длинное письмо къ Ботвину отъ 1-го марта 1841 г. «Я имѣю особенно важныя причины злиться на Г. (Гегеля), писалъ Бѣлинскій, ибо чувствую, что былъ вѣренъ ему (въ ощущеніи), мирился съ расейскою дѣйствительностью, хвалиа Загоскина и подобныя гнусности и ненавидя Шиллера. Въ отношеніи къ послѣднему я былъ еще послѣдовательнѣе самаго Г., хотя и глупѣе Менцеля... Ты—я знаю—будешь надо мной смѣяться... но смѣйся какъ хочешь, а я—свое: судьба, индивидуума, личности важнѣе судьбы всего государства, авіа витайскаго императора (то есть гегелевскія *Weltlichkeit*). Мнѣ говорятъ: развивай всѣ сокровища своего таланта для свободнаго самонаслажденія духомъ, плачь, дабы утѣшиться, скорби, дабы возрадоваться, стремись къ совершенству, лѣзь на верхнюю ступень лѣствицы развитія, а споткнешься—падай—чортъ съ тобой, таковскій и былъ. Благодарю покорно, Егоръ Федорычъ, (Гегель), кланяюсь вашему философскому колпаку; но со всѣмъ подобающимъ вашему философскому филистерству уваженіемъ честь имѣю донести вамъ, что еслибы мнѣ и удалось влѣзть на верхнюю ступень лѣствицы развитія,—я тамъ попросилъ бы васъ отдать мнѣ отчетъ во всѣхъ жертвахъ условій жизни и исторіи, во всѣхъ жертвахъ случайностей, суевѣрія, инквизиціи, Филиппа II, и пр., а пр.; иначе я съ верхней ступени бросаюсь внизъ головой. Я не хочу счастья и даромъ, если не буду спокоенъ насчетъ каждаго изъ моихъ братій по крови... Говорятъ, что дисгармонія есть условіе гармоніи; можетъ быть это очень выгодно и усладительно для меломановъ, но ужъ конечно не для тѣхъ, которымъ суждено выразить свою участію идею дисгармоніи».

Но если Бѣлинскій такимъ образомъ вступилъ наконецъ въ свою послѣднюю гавань, изъ которой вышелъ только въ могилу, то миръ въ его измученной душѣ водворился далеко не без-

условный. Во-первыхъ его мучили ошибки прошлаго. Положимъ, что самъ онъ установился окончательно. Но что написано перомъ, того не вырубишь топоромъ. Они были тутъ у всѣхъ на глазахъ, улики его прежнихъ «мерзостей». Не такой онъ былъ человекъ, чтобы не сознаваться въ своихъ ошибкахъ, прятать ихъ, но вѣдь годы ушли на эти ошибки, невозвратные годы которыхъ впереди Богъ еще вѣсть много ли будетъ. Да и наконецъ извѣстно, что ренегать, отступникъ, если онъ отступникъ искренній, отступившій правды ради, а не ради какихънибудь вѣсомыхъ или невѣсомыхъ земныхъ благъ, есть злѣйшій врагъ своей прежней вѣры, потому что ненависть къ извѣстному строю мыслей осложняется тутъ покаяніемъ, ненавистью къ себѣ, къ своему прошедшему. А ужъ если такое эгоистическое существо, какъ человекъ, доведено до ненависти къ себѣ, то тутъ не можеть быть и рѣчи о пощадахъ. Страшно дѣйствіе пушечныхъ выстрѣловъ, но оно еще страшнѣе, когда выстрѣлъ направляется на самую пушку, т. е. когда ее разрываетъ. Бѣлинскій совершалъ таинство покаянія съ такою же стремительностью, вѣрою и безопадностью, какъ и все, что онъ дѣлалъ. Воспоминаніе о «мерзостяхъ» отзывалось на немъ крайне болѣзненно. Мы уже видѣли это въ нѣкоторыхъ письмахъ. Но есть и свидѣтели очевидцы. Напримѣръ Панаевъ рассказываетъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ», что когда Бѣлинскій увидалъ у него однажды на столѣ книжку журнала, развернутую на одной его старой статьѣ изъ «мерзостей» (кажется это была «Бородинская годовщина»), онъ пришелъ въ крайнее раздраженіе, почти въ ярость. Онъ сталъ даже уличать Панаева, что тотъ ему нарочно подsunулъ эту статью. Это конечно противорѣчитъ тому смиренному типу покаянія, къ которому мы привыкли. Но сила покаянія, боль обращенія къ своему прошедшему этимъ, надѣюсь, не уменьшаются.

Но чаша жизненной горечи не исчерпывалась для Бѣлинскаго отравой воспоминаній. Будущее было отравлено не меньше, если не больше. Послѣдній результатъ, къ которому привело развитіе Бѣлинскаго, былъ: борьба съ дѣйствительностью. Борьба эта

была для него обязательна во первыхъ, какъ для человѣка, который отдавался всегда цѣликомъ, безъ остатка и не могъ не вести себя сообразно своимъ убѣжденіямъ; во вторыхъ, какъ для ренегата, который тѣмъ сильнѣе ненавидѣлъ «разумную дѣйствительность», чѣмъ жарче ей прежде молился. Борьба! борьба, когда «у сокола крылья связаны и пути ему всѣ заказаны!» Надо себѣ представить именно Бѣлинскаго въ этомъ положеніи, его, страстнаго, сильнаго, цѣльнаго, вѣрующаго и въ то же время такъ ничтожнаго передъ тогдашнею «разумною дѣйствительностью»... Письма его избилуютъ жалобами на цензуру и что особенно характерно, на «произвольность» ея. Онъ бы понималъ и оцѣнилъ серьезную строгость, хотя бы и ненавидѣлъ ее. Напримѣръ: «Мою статью страшно ошельмовали... то, что совершенно произвольно; выкинуто: о мурмо... ель мурмо... а мелкихъ фразъ, строкъ — бе...» Словъ этомъ я еще буду писать къ тебѣ, потому что это довело меня до отчаянія, и я выдержалъ нѣсколько тяжелыхъ дней». «Писать нечего и не о чемъ; со дня на день становится невозможнѣе и невозможнѣе. Объ искусствѣ ври что хочешь, а о дѣлѣ т. е. о правахъ и нравственности—хоть и не трать труда и времени». «Отъ помарокъ статья лишилась своей ровноты и внутренней діалектической полноты. Ну, да чертъ съ ней! Мнѣ объ этомъ и вспоминать—ножъ вострый». И пр., пр., пр. Бѣлинскій рассказываетъ еще одинъ любопытный фактъ, прикосновенный къ цензурнымъ дѣламъ. Фактъ этотъ впрочемъ случился не съ его статьей, Одинъ славянофилъ по знакомству видѣлъ у цензора статью, направленную противъ славянофильства, и «уговорилъ его кое-что смягчить». «Видите ли, сколько у насъ цензоровъ», прибавляетъ съ негодованіемъ Бѣлинскій...

Но и тутъ еще не конецъ мукамъ этого страдальца. Знаете ли вы, читатель, что значить «исписаться»? Это—почти тоже, что истечь кровью. Это, когда писатель отдалъ вамъ весь запасъ своихъ идей и не получилъ никакой сдачи въ видѣ новыхъ жизненныхъ фактовъ, дающихъ новое возбужденіе. Или когда онъ, усталый отъ бессонныхъ ночей и напряженной моз-

говой работы, чувствуетъ, что перо его перестаетъ быстро и свободно двигаться по бумагѣ, а мозгъ упорно отказывается фабриковать мысли и образы; искать же другого образа жизни и пропитанія онъ по обстоятельствамъ и привычкѣ не можетъ, и потому—какъ ни какъ—пишетъ. Вы говорите тогда: онъ исписался, пора ему на смѣну другого. И вы совершенно правы, но отъ этого не легче тому, который исписался, и онъ могъ бы пожалуй отъ васъ требовать нѣсколько бѣльшаго участія къ его судьбѣ; частица тѣхъ знаній, которыми вы теперь владѣете, тѣхъ можетъ быть очень высокихъ мыслей и чувствъ, которыя васъ волнуютъ или успокаиваютъ, принадлежить вѣдь и ему, который исписался. Онъ долго ли, коротко ли горѣлъ для васъ и если перегорѣлъ, такъ можетъ быть потому, что сильно горѣлъ. Никакой гений не застрахованъ отъ такого конца, потому что нѣтъ на свѣтѣ ничего неисчерпаемаго, кромѣ силы и матеріи, а формы ихъ, въ томъ числѣ и форма писателя, нарождаются и слѣдовательно изсякаютъ. Это я только къ слову, къ тому именно слову, что и Бѣлинскій позналъ ужасъ ожиданія конца. Онъ былъ слишкомъ богатая натура, чтобы рано изсякнуть, да и смерть не заставила себя ждать. Но ужасъ ожиданія онъ все-таки позналъ, потому что одно время ему язалось, что онъ исписался: «Взялся было за работу—не могу—лихорадочный жаръ, изнеможеніе. Какъ я испугался! Стало быть я не могу работать! Стало быть мнѣ надо искать мѣста въ больницѣ!» «Дѣло прошлое, а я и самъ ѣхалъ за границу съ тяжелымъ и грустнымъ убѣжденіемъ, что поприще мое кончилось, что я сдѣлалъ все, что дано было мнѣ сдѣлать, что я выписался и... сталъ похожъ на выжатый и вымоченный въ чаѣ лимонъ. Каково мнѣ было такъ думать, можете судить сами: тутъ дѣло шло не объ одномъ самолюбіи, но и о голодной смерти съ семействомъ»...

Надо однако, подвести итоги этой едва ли не самой безпорядочной главѣ безпорядочныхъ записокъ профана. Смѣю думать что несмотря на эту безпорядочность я предложилъ читателю вдуматься въ два ряда очень интересныхъ явленій. Съ одной

стороны читатель видит Прудона, человекъ по натурѣ своей плутоватаго, часто готоваго сфальшить,—и однако этотъ плутоватый человекъ отъ перваго публичнаго заявленія своихъ мыслей и чувствъ до самой могилы остается непоколебимо вѣренъ своимъ убѣжденіямъ. Съ другой—Бѣлинскій, весь притиснутый жаждою правды, органически неспособный поеривить душой,—и однако этотъ человекъ всю жизнь остается только великому-ченикомъ правды и мечется изъ стороны въ сторону, какъ какая нибудь щепка на волнахъ. Фактъ поразительный! Для Прудона программа жизни готова чуть не съ пеленокъ и готова до многихъ мелкихъ подробностей: цѣль,—«стоять за свроту», т. е. за обездоленный людъ; средства—вполнѣ опредѣленные: отдаленный идеаль. тоже вполнѣ опредѣленный: анархизмъ къ идеалу—рядъ переходныхъ состояній, изъ котораго выйдеть и опять-таки вполнѣ (для Прудона конечно) идеаль. Бѣлинскимъ напротивъ—мракъ, мракъ и мракъ, лишь до временамъ разсѣаемый молніей, и то для того, чтобы сказать человекъу: не туда! Неужели же мы, русскіе—до такой степени обойденная порода людей, что даже лучшіе между нами, чистѣйшіе, осуждены на рядъ ошибокъ! Почему тамъ, въ Европѣ правда (все равно какъ я, лишь бы человекъ признавалъ ее правдой) дается съ разу даже плутоватому человекъу, а у насъ не дается даже вполнѣ достойнымъ воспринять ее? По тому ли, по сему ли, но таковъ фактъ. Радоваться ему или печалиться? Если я ставлю этотъ вопросъ, значитъ имѣю резоны разрѣшить его въ радостномъ смыслѣ, потому что на первый взгядъ ничего кромѣ глубокой печали параллель Бѣлинскаго и Прудона возбудить въ русскомъ человекѣ не можетъ. Въ самомъ дѣлѣ, мы конечно можемъ съ гордостью показать Бѣлинскаго цѣлому міру, не скрывая ни одной изъ его святыхъ ранъ. Но раны остаются ранами, т. е. болью и безобразіемъ. Ужь лучше нѣкоторая плутоватость, особенно если она такъ мало въ концѣ-концовъ управляетъ человекъомъ, какъ это было съ Прудономъ, чѣмъ жажда правды, приводящая къ ряду не только личныхъ мученій, а и ошибокъ. Это—однѣй взгядъ, и я понимаю его и даже раздѣ-

ляю. Но долженъ откровенно сознаться, что меня при этомъ подкупаютъ нѣкоторыя идеи Прудона, да можетъ быть и не одного меня, а и читателя.—Прудонъ пользуется уваженіемъ самыхъ разнообразныхъ читателей, его съ почтеніемъ цитируютъ п г. Страховъ, и г. Градовскій, и многіе другіе степенные, солидные и ученые люди; такъ ужъ Прудонъ ухитрился. Но возьмите вмѣсто него какого нибудь другого непоколебимаго европейскаго человѣка, хоть Бисмарка, который у насъ такимъ всеобщимъ уваженіемъ не пользуется. Бисмаркъ тоже*пронесъ свою феодальную подкладку неприкосновенною отъ ранней молодости до сегодня, со включеніемъ момента культуръ-камифа. Ему тоже непрерывный рядъ предковъ съ рѣзко-опредѣленными нравственными фizioноміями оставилъ духовное наслѣдство, иго, которое онъ сброситъ только вмѣстѣ съ жизнью. Не знаю, какъ читатель, а я, если бы мнѣ предложили на выборъ судьбу Бисмарка или Бѣлинскаго, выбралъ бы Бѣлинскаго. И тутъ не будетъ никакого геройства съ моей стороны, потому что я просто не могу представить себя въ кожѣ Бисмарка; неопредѣленное исканіе правды мнѣ все-таки ближе, понятнѣе, дороже, чѣмъ *такая* опредѣленная правда, какъ правда Бисмарка. Она—просто неправда, и признать ее правдой я даже во снѣ не могу. Изъ этого слѣдуетъ, что непоколебимость убѣжденій доставляя несомнѣнно личное спокойствіе ихъ обладателю, для посторонняго наблюдателя еще не рѣшаетъ всего. Для этого посторонняго человѣка остается еще любопытный вопросъ: а каковы именно убѣжденія этого непоколебимаго человѣка? Если въ какомъ нибудь углу Европы исторія выработала непоколебимѣйшаго негодяя, то, какъ бы онъ ни былъ лично счастливъ, посторонній человѣкъ имѣетъ полное право подумать: да хоть бы ты разъ въ жизни поколебалъ свои убѣжденія и сдѣлалъ честное дѣло!

Дѣло въ томъ, что европейскій человѣкъ имѣетъ у себя за плечами болѣе или менѣе опредѣленную и непрерывную исторію. Это даетъ ему твердость поступи и подчасъ страшную силу. Но европейскую исторію мы уже исполнѣ знаемъ, и знаемъ, что

изъ десяти евронейцевъ девять направляютъ свою страшную силу убѣжденія не на защиту сиротъ, какъ направилъ Прудонъ, а на разныя другія и гораздо менѣе симпатичныя вещи. Въ нашемъ отечествѣ напротивъ твердой поступи нѣтъ ни у кого, да и откуда ей взяться? Происхожденіе напримѣръ большинства ищущій братіи приближительно такое же, какъ и Бѣлинскаго: немножко дворянства, немножко поповства, немножко вольнодумства, немножко холопства. Да тутъ и не въ одномъ происхожденіи дѣло. Только въ Россіи возможны такіе факты, какъ напримѣръ демократизмъ Рюриковича князя Васильчичева, радикализмъ графа Льва Толстого и аристократизмъ... аристократизмъ г. Авсѣнки или генерала Фадѣева, и я не знаю еще кого съ фамиліями, несомнѣнно почтенными, знано аристократическими. Перечисленіемъ подобныхъ живи бы было завять нѣсколько печатныхъ листовъ, е было нужно, еслибы и безъ того не было вполнѣ извѣстно, что мы—мѣшанина. Мѣшанина ведетъ прежде всего къ тому, что ни въ одной странѣ въ мірѣ нѣтъ такого количества арлекиновъ, какъ въ нашемъ отечествѣ. Арлекинъ, какъ извѣстно осиротѣлъ, какъ только родился, и былъ нищъ и нагъ. Надъ нимъ сжалились два пріятели, сыновья портныхъ, и привнесли одивъ—нѣсколько обрѣзковъ зеленой матеріи, а другой—красной. Любящая Коломбина прибавила еще немножко желтой матеріи. И съ тѣхъ поръ арлекинъ не снимаетъ своего трехцвѣтнаго платья не столько потому, что оно ему нравится, сколько изъ благодарности къ пріятелямъ и Коломбинѣ. И арлекинъ очень веселъ и ему все трынъ-трава. Большое количество этихъ веселыхъ пестрыхъ людей—очень неприятная вещь. Въ Европѣ большая часть ихъ непремѣнно была бы приурочена къ какому нибудь опредѣленному цвѣту. Но къ какому? Можетъ быть къ такому, что лучше бы имъ вѣки вѣчныя оставаться пестрыми, веселыми людьми. Но не все же у насъ арлекины, т. е. люди, заразъ облеченные и въ красный и въ желтый, и въ зеленый цвѣтъ. Какъ ни великъ Бѣлинскій, но онъ—не исключительная единица, а русскій типъ. Это долженъ признать всякій, имѣвшій возмож-

ность и конечно умѣнше наблюдать разныя отѣнки русскаго общества. Я думаю, что даже именно теперь, среди отвратительныхъ кувирканій изъ-за цѣлковаго и безобразнѣйшаго забвенія самыхъ элементарныхъ нравственныхъ правилъ,—мучается въ разныхъ углахъ Россіи много маленькихъ, невидныхъ, незамѣтныхъ Бѣлинскихъ, безъ его блестящаго таланта, безъ его другихъ умственныхъ качествъ, но не менѣе его жаждующихъ цѣльной правды и способныхъ ей отдаться. Литература этими людьми не занимается, отчасти по причинамъ отъ нея не зависящимъ, отчасти по привычкѣ сосредоточивать свое вниманіе на явленіяхъ, всплывающихъ на поверхность общественной жизни. Не беря въ виду утверждать существованіе такихъ людей фактами, но онѣ возможны и a priori. Ихъ должно создавать тоже самое отсутствіе исторіи, которое создаетъ и арлекиновъ. Исторія создаетъ твердость, опредѣленность, но во-первыхъ направляетъ силы весьма разнообразно, а слѣдовательно на чей бы ни было взглядъ далеко не всегда удачно, а во вторыхъ создаетъ также многоудовую тяжесть преданія, не дающую свободы критическому духу. Отсутствіе исторіи создаетъ дряблость, нравственную слякоть, но зато, если ужъ выдается въ средѣ, лишенной исторіи, личность, одаренная инстинктомъ правды, то она способна къ гораздо большей широтѣ и смѣлости, чѣмъ европейскій человѣкъ, именно потому, что надъ ней нѣтъ исторіи и мертвящаго давленія преданія. Европейскихъ людей поражаетъ смѣлость русскаго отрицанія. Оно для нихъ—дикость, варварство, и въ этомъ мнѣніи есть извѣстная доля правды. Русскому человѣку, благодаря отсутствію исторіи, нѣтъ причины дорожить даже таблицей умноженія, но нѣтъ также причины дорожить и на примѣръ общественными перегородками, которыхъ наша исторія никогда не водружала съ европейскою опредѣленностью и устойчивостью. Я не скрываю ни отъ себя ни отъ читателя двусмысленности моихъ положеній. Я очень хорошо понимаю, что нѣкоторыя колоссальныя воровства и грабежи возможны только въ Россіи, по отсутствію историческаго воспитанія личности. Но я прибавляю, что по той же причинѣ

русскій человѣкъ не способенъ дорожить многими условными нравственными понятіями, которымъ цѣна дѣйствительно—грошъ и за которыя однако европеецъ платитъ очень дорого. Вѣдлинскій очень хорошо понималъ эту обоюдоострую истину. Вотъ отрывки изъ двухъ его писемъ.

«Прочти пожалуйста повѣсть Дикенса *Битва жизни*; изъ нея ты ясно увидишь всю ограниченность, все узколюбіе этого дубоваго англичанина, когда онъ является не талантомъ, а просто человѣкомъ... Уважаю практическія натуры въ *hommes d'action*, но если вкушеніе сладости ихъ роли непременно должно быть основано на условіи безвыходной ограниченности, душевой узкости—слуга покорный, я лучше хочу быть созерцающею натурою, человѣкомъ просто, но лишь бы все чувствовать и понимать широко, привольно и глубоко. Я—натура русская (онъ прибавляетъ что и гордится этимъ)... Не хочу быть даже французомъ, хотя эту націю люблю и уважаю больше другихъ. Русская личность—пока эмбрионъ, но сколько широты и силы въ натурѣ этого эмбриона, какъ душа и страшна ей всякая ограниченность и узкость. Она боится ихъ, не терпитъ ихъ больше всего—и хорошо по моему мнѣнію дѣлаетъ, довольствуясь пока ничѣмъ, вмѣсто того, чтобы закабалиться въ какую нибудь дрянную односторонность... Русакъ пока еще дѣйствительно—ничего; но посмотри, какъ онъ требователенъ, не хочетъ того, не дивится этому, отрицаетъ все, а между тѣмъ чего-то хочетъ, къ чему-то стремится... Не думай, чтобы я въ этомъ вопросѣ былъ энтузіастомъ. Нѣтъ, я дошелъ до его рѣшенія (для себя) тяжкимъ путемъ сомнѣнія и отрицанія. Не думай чтобы я со всѣми говорилъ такъ: нѣтъ, въ глазахъ нашихъ квасныхъ патриотовъ, славянофиловъ... витязей прошедшаго и обожателей настоящаго, я всегда останусь тѣмъ, чѣмъ они меня до сихъ поръ считали».

«Многіе, не видя въ сочиненіяхъ Гоголя и натуральной шеклы такъ-называемыхъ «благородныхъ» лицъ, а все плутовъ или плутишекъ, приписываютъ это будто бы оскорбительному понятію о Россіи, что въ ней-де честныхъ, благородныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ умныхъ людей быть не можетъ. Это—обвиненіе нелѣпое. и его-то старался я и буду стараться устранить. Что хорошие люди есть вездѣ, объ этомъ и говорить нечего; что ихъ на Руск по сущности народа русскаго должно быть гораздо больше, нежели какъ думаютъ сами славянофилы (т. е. истинно хорошихъ людей, а не мелодраматическихъ героев), и что наконецъ Русь есть по преимуществу страна крайностей и чудныхъ, странныхъ и непонятныхъ исключеній—все это для меня аксіома, какъ дважды-два четыре. Но вотъ горе-то: литература все-таки не можетъ пользоваться этими хорошими людьми, не выдавая въ идеализацію въ риторику и въ мелодраму, т. е. не можетъ представлять ихъ художественно такими, какъ они есть на самомъ дѣлѣ, но той простой причинѣ, что ихъ

тогда не пропустить цензурная таможня. А почему? Потому именно, что въ нихъ человѣческое въ прямомъ противорѣчїи съ тою общественною средою, въ которой они живутъ. Мало того: хорошій человѣкъ на Руси можетъ иногда быть героемъ добра въ полномъ смыслѣ слова, но это не мѣшаетъ ему быть съ другихъ сторонъ гоголевскимъ лицомъ; честенъ и правдивъ, готовъ за правду на пытку, на колесо, но цѣвѣжда, колотить жену, варваръ съ дѣтьми и т. д. Это потому, что все хорошее въ немъ есть даръ природы есть чисто человѣческое, которымъ онъ нисколько не обязанъ ни воспитанію, ни преданію, словомъ средѣ, въ которой родился, живетъ и долженъ умереть; потому наконецъ что подъ нимъ нѣтъ теггайн, а какъ вы говорите справедливо, не плавучее море, а огромное стекло».

Присоединяя свой скромный голосъ къ голосу великаго критика, я по поводу послѣдней выписки изъ переписки Бѣлинскаго читателю еще одну разницу между нимъ и Прудинымъ, онъ хоть и посидѣлъ въ тюрьмѣ, но написалъ, написалъ и заставилъ читать Европу всѣ свои «страшныя слова», между которыми были дѣйствительно страшныя. Бѣлинскій же хотя въ тюрьмѣ и не сидѣлъ, но своихъ мнѣній о шапкѣ-мурмолѣ вънолиѣ обнародовать не могъ. Это различіе имѣетъ свои многочисленныя параллели въ европейской и русской жизни... Затѣмъ я вспоминаю чей-то гордый отвѣтъ на вопросъ о предкахъ. «Я—самъ предокъ», отвѣчалъ вопрошаемый. Не приняли ли намъ къ свѣдѣнію и руководству этотъ отвѣтъ? Какъ вы думаете, читатель? А какъ я объ этомъ думаю, расскажу какъ нибудь потомъ.

К О Н Е Ц Ъ Т Р Е Т Ъ Я Г О Т О М А .

INSTYTUT
BADAŃ LITERACYJNYCH PAN
BIBLIOTEKA
00-330 Warszawa, ul. Nowy Świat 72
Tel. 25-68-83

F

24.150/3